АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ПОЛЕССКИЙ ЭТНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СБОРНИК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

ПОЛЕССКИЙ ЭТНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СБОРНИК

МАТЕРИАЛЫ
И ИССЛЕДОВАНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
Москва 1983

В книге освещаются вопросы диалектного членения Полесья по данным языка и народной культуры, его ареальных связей с другими областями славянского мира, рассматриваются лексика и фразеология, связанные с традиционными обрядами и обычаями. Большинство статей основывается на новом полевом материале, собранном в разных районах белорусского и украинского Полесья экспедициями 1974–1981 гг.

П $\frac{4602000000-083}{042(02)-83}$ 83–83–I

Н.И. и С.М. Толстые

О ЗАДАЧАХ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПОЛЕСЬЯ

За двадцать лет, прошедших со времени первой полесской экспедиции, организованной Институтом славяноведения АН СССР летом 1962 г., изучение Полесья в языковом (диалектологическом), фольклорном, этнокультурном, историческом и археологическом отношении достигло определенных успехов. Изданные в конце 60-х и начале 70-х годов сборники "Полесье", "Лексика Полесья" и "Лексіка Палесся ў прасторы і часе"[1] подвели итоги полесских исследований до середины XX в. и ввели в научный оборот новые факты, полученные в результате работы полесских лингвистических экспедиций. За последнее десятилетие появились или подготовлены к печати словари, монографии, многочисленные статьи, специальные атласы, посвященные Полесью, принадлежащие не только участникам полесских экспедиций, но и другим авторам и научным коллективам.

В области лексики заслуживают внимания прежде всего многочисленные публикации новых словарных материалов, относящихся к различным зонам белорусского и украинского Полесья. Восточнополесская лексика Белоруссии публикуется в отдельных выпусках "Материалов для диалектного словаря Гомельщины"[2]. Лексика более южной, украинской зоны представлена в словарных коллекциях П.С. Лысенко[3]. Западнополесский лексический материал частично включен в многотомный Словарь белорусских говоров северо-западной Белоруссии и ее пограничья[4] (Дрогичинский, Пружанский, Каменецкий, Березовский, Пинский и Столинский р-ны). Полесская лексика почти всех районов Брестской и Гомельской областей БССР представлена в виде отдельных словариков общего или специально-терминологического профиля в минской серии сборников народной лексики[5]. Некоторое число интересных полесских слов содержится в диалектном словаре Л.Ф. Шаталовой[6].

Наиболее крупным достижением полесской лексикографии явилось создание пятитомного Туровского словаря, фиксирующего словарный состав (более 16 000) слов 34 сел в районе г. Турова, древнего племенного центра дреговичей[7]. Тщательность отбора и лексикографической обработки материала, богатство фольклорно-этнографических иллюстраций выгодно отличают Туровский словарь от других аналогичных трудов и позволяют в дальнейшем использовать его в качестве лексикографического эталона при составлении других полесских словарей и при взаимном сравнении лексики разных полесских зон.

Лингвогеографическим исследованием общеславянской значимости является завершенный к началу 80-годов Н.В. Никончуком Лексический атлас правобережного Полесья, содержащий 781 карту (из них 552 карты

атомарные – лексические и семантические, 39 карт семантических микрополей, 179 сводных и 11 исторических). За пределами атласа остался собранный автором материал для еще 840 карт. Сетка населенных пунктов, сгущенная на территории Житомирщины и несколько разреженная на окраинах и пограничье Правобережного Полесья, насчитывает 465 пунктов, обследованных самим автором (еще 135 пунктов обследованы по той же программе и под руководством автора с контрольной целью, но не представлены на картах). Общая территория, охваченная атласом, такова, что в меридиональном и параллельном направлении расстояние между крайними пунктами равно примерно 500 км. Богатый лексический материал дал возможность не только картографировать семантические поля (впервые в практике лингвистических атласов), но и выявить важнейшие фонетические, морфологические и словообразовательные изоглоссы, предложить и обосновать более точное членение правобережнополесских говоров на 18 групп, объединяющихся в несколько более крупных диалектных зон. Данные атласа позволили также наметить контуры древнейшего диалектного членения в связи с древнерусским племенным дроблением (древляне, дреговичи, поляне, дулебы-волыняне и др.), что еще раз продемонстрировало ценность параллельного лингвистическо-археологического исследования архаических славянских территорий с привлечением данных топонимики и письменной истории. Вышедшие в 1979 г. в Киеве "Материалы к лексическому атласу украинского языка (Правобережное Полесье)", излагающие лексику приблизительно одной третьей части атласа, так же как и серия статей Н.В. Никончука, написанных на основе атласа, дают частичное представление о его содержании и методике[8].

Еще в середине 60-х годов был создан другой полесский атлас – региональный атлас северо-восточного украинско-белорусского пограничья Т.В. Назаровой, подчиненный специальной задаче изучения путей, форм и результатов междиалектной интерференции[9]. Атлас охватывает 133 населенных пункта (66 на территории Украины и 67 на территории Белоруссии) Киевской, Житомирской, Черниговской и Гомельской областей. В атласе 107 карт, из коих 42 фонетико-фонологических, 39 морфологических, 16 лексических, 3 словообразовательных, 6 сводных и 1 вспомогательная. Этот во многих отношениях образцовый и новаторский труд является существенным дополнением к материалам национального атласа украинского языка, охватывающего и территорию полесских говоров[10]. Значительная часть полесской территории вошла в границы белорусского национального атласа[11]. Созданная на основе этого атласа монография о группировке говоров Белорусской ССР показала довольно четкие изоглоссы, отделяющие Полесье от остальной диалектной территории[12].

Обзор новых атласов, относящихся к Полесью, был бы не полон, если бы мы не упомянули "Атласа восточнославянских говоров Белосточчины"[13], южная часть территории которого примыкает к Брестскому Полесью или, точнее, непосредственно его продолжает. Судя по первому тому и опубликованному в нем вопроснику (1674 вопроса), атлас даст полное представление о белостоцком диалектном ландшафте, соотношении акающих и окающих говоров в северо-западной зоне восточно-западно-

славянского пограничья и о их связях с говорами основного белорусско-украинского массива.

В 70-е годы активизировалось монографическое изучение отдельных полесских диалектных зон. Фонетике брестско-пинских говоров с их своеобразным звуковым развитием посвящена книга Ф.Д. Климчука "Говоры Западного Полесья". Ему же принадлежит серия статей лингвистического, этнолингвистического и фольклорного содержания, посвященных этой зоне[14], и большой неопубликованный словарь села Симоновичи[15]. Вокализм брестских говоров описан также в специальной статье Т.В. Назаровой[16]. Фонетический строй группы надсновских говоров на северной Черниговщине подробно изучен А.С. Белой[17]. Эти говоры в прошлом привлекли внимание известной украинской исследовательницы О. Курило, посвятившей специальную работу говору с. Хоробичи[18]. Немало новых наблюдений над безударным вокализмом белорусско-украинского языкового пограничья и ряда полесских говоров на территории БССР содержится в монографии Н.Т. Войтович[19].

Специальных разысканий по морфологии, словообразованию и синтаксису полесских говоров не производилось, если не считать нескольких заметок, из которых наибольший интерес представляют наблюдения И.И. Ревзина над местоимением-артиклем в с. Олтуш Малоритского р-на Брестской обл.[20]. В вышедших в конце 70-х годов монографиях по украинскому и белорусскому диалектному словообразованию представлен и полесский материал[21].

В области лексики, помимо уже названных словарных публикаций, появились исследования отдельных тематических групп. Терминология народной одежды и обуви была изучена А.С. Соколовской[22] и Ф.И. Бабием[23], земледелия – Л.Т. Выгонной[24], народной кулинарии – Г.Ф. Вешторт[25], крестьянского жилища и хозяйственных построек – И.И. Лучицом-Федорцом[26], животноводства – В.В. Шуром[27] и В.М. Куриленко[28], географическая терминология – Е.А. Черепановой[29], терминология полесского свадебного обряда – П.Ф. Романюком[30].

Для названных работ характерно особое внимание к лингвистической географии и ареальной характеристике полесской лексики (многие из них снабжены картами и целыми атласами), а также структурно-семасиологическому аспекту лексикологии; в ряде из них лексические факты рассматриваются на широком этнокультурном фоне, в контексте народного быта, обычаев, обрядов, мифологии. Эти и другие исследования, основанные на полесском материале или привлекающие полесские факты наряду с фактами других славянских зон, публиковались, кроме упомянутых специальных сборников "Лексика Полесья", "Полесье" и "Лексіка Палесся ў прасторы і часе", в ленинградских изданиях, посвященных проблемам ареальных исследований и картографирования в языкознании и этнографии[31], в журнале "Беларуская лінгвістыка" и ряде других изданий[32].

Собственно этимологический анализ восточнополесской лексики в ее отношении к праславянскому фонду дает работа Р.М. Козловой, опубликованная, к сожалению, лишь частично[33]. Ряд полесских этимологий принадлежит Н.В. Никончуку[34], Р.В. Кравчуку[35] и др. Проблему интерференции полесских говоров с польскими многосторонне исследовал

В.Л. Веренич. Ему же принадлежат интересные наблюдения над этническим и языковым членением Полесья[36]. Древнейшая топонимия Украины (названия с суффиксом *-ичі*) в историко-географическом аспекте исследуется в ценной монографии О.А. Купчинского[37]. Изучению Полесья в этногенетическом аспекте посвящен ряд работ В.В. Мартынова[38].

После обобщающей статьи Ю.В. Кухаренко "Полесье и его место в процессе этногенеза славян" (сб. "Полесье", с. 18–46) специальных археологических исследований, посвященных Полесью, почти не было. Можно указать лишь монографию В.Ф. Исаенко о неолите Припятского Полесья, в которой уже для эпохи каменного века западное и восточное Полесье противопоставляются друг другу[39]. Однако полесские древности так или иначе фигурировали в работах, посвященных более крупным ареалам и различным культурам. Среди них наибольшее значение имеют трехтомная монография Л.Д. Поболя о славянских древностях Белоруссии[40], книга "Очерки по археологии Белоруссии" в двух томах под редакцией Г.В. Штыхова и Л.Д. Поболя[41], монографии Э.М. Загорульского о древней этнической истории Белоруссии[42], Е.В. Максимова о Среднем Поднепровье на рубеже нашей эры[43], В.Д. Барана о ранних славянах на территории между Днестром и Припятью[44], О.В. Сухобокова о славянах на Днепровском Левобережье[45], И.С. Винокура о культуре черняховских племен[46] и др. Из общеславянских работ в связи с Полесьем следует отметить монографию И.П. Русановой о славянских древностях VI–VII вв.[47] и особенно – обобщающий и синтезирующий труд В.В. Седова о происхождении и ранней истории славян[48], в которой по-новому ставится и разрешается ряд этногенетических проблем. Более частный и специальный характер носит книга Ю.В. Кухаренко, посвященная результатам раскопок одного могильника в современном Бресте[49], однако она проливает свет на связь вельбарской и черняховской культур и, следовательно, на роль готов в этнической истории Восточной Европы (и Полесья) во II – III столетии до н.э..

Большой интерес в связи с этногенетической проблематикой представляют новые результаты антропологического анализа полесского населения, проведенного группой авторов[50]. Антропологические признаки в их статистическом представлении по отдельным районам Полесья свидетельствуют о значительном сходстве полесского диалектного и антропологического членения. Так, гемогеография Полесья (различия по системам крови) показывает границу по Ясельде и Припяти (до начала нижнего течения), разделяя северную этнотерриториальную группу и южную, выделяя еще в центре в районе р. Цны автономный остров и два небольших ареала – в Брестском Побужье (по течению р. Правая Лесная и р. Рыты, включая зону нижней Лесной и нижнего Муховца) и на правобережье нижней Припяти (в зоне нижнего течения р. Славечны). Несколько иную картину, но опять-таки с разграничением северной и южной зон, дают вариации дерматологических признаков. Эти признаки, как и одонтологические, весьма определенно отделяют Полесье от остального белорусского более северного массива. Как известно, с антропологической точки зрения Полесье отграничивается на своих южных рубежах и от основного украинского массива. В.Д. Дяченко, отметив антропологическое сходство украинцев и белорусов полесских зон, выделяет два варианта

центрально-украинского типа – полесский и волынский[51]. Богатые краниологические коллекции восточнославянского средневековья (преимущественно XI – XIII вв.), впервые обобщенно исследованные Т.И. Алексеевой, позволили ей сделать выводы об антропологических особенностях отдельных древнерусских племен, в том числе древлян (мезокрания в сочетании с широким и высоким лицом) и волынян (долихокрания с менее высоким лицом), отличающихся в целом резко выраженными европеоидными чертами[52]. Важность сопоставления современных и исторических антропологических показателей для решения ряда проблем славянского этногенеза очевидна, так же как и значение подобных исследований для этноисторической и древней этнолингвистической характеристики Полесья.

Благодаря ряду фундаментальных работ, выполненных в последние годы, начиная с обобщающего труда Л.А. Молчановой о материальной культуре белорусов[53], этнографическая характеристика Полесья становится все более четкой и детализованной. Большую роль в определении северных полесских изопрагм, отмежевывающих Полесье от основной белорусской территории, сыграли минские коллективные монографии, посвященные белорусской народной архитектуре, сельскохозяйственной технике и одежде[54]. Ценным дополнением к монографии о народной архитектуре явилась книга Ю.А. Якимовича о деревянном строительстве Полесья в XVII–XIX вв.[55] Ареалогический подход позволил авторам этих исследований сделать ряд интересных наблюдений. Так, уже неоднократно упоминавшаяся граница по Ясельде, Припяти и Горыни выделяет так называемый западнополесский тип народного жилища, противопоставленный двум белорусским типам – среднебелорусскому и северо-восточнобелорусскому. Эта граница подтверждается и деталями планировки, разновидностями традиционной техники покрытия крыши соломой, конструкции и формы крыш. Только для Полесья было характерно применение ножной ступы, в то время как ручная ступа и ручные жернова характерны и для Полесья, и для всей белорусской территории. Что касается одежды, то по этому признаку Полесье четко не выделяется, а наоборот, обнаруживает множество параллелей с другими белорусскими и украинскими ареалами, причем полесский народный костюм неоднороден и различен по зонам.

В аналогичных украинских монографиях по жилищу, сельскохозяйственным орудиям и одежде[56] материал, к сожалению, не картографирован и потому его характеристика и сопоставление с белорусским материалом оказываются сильно затрудненными.

Для такой архаической в этнокультурном отношении области, как Полесье, помимо дальнейшего изучения основных форм материальной культуры (жилища, хозяйственных построек, одежды, утвари, пищи и т.д.) было бы важно описание малых архитектурных форм (типов колодцев, изгородей, старинных надгробий и т.д.), а также ритуальных и культовых предметов народного быта, таких, как, например, свадебные или купальские деревца, дожиночные бородки и букеты, рождественские соломенные украшения, пасхальные писанки и крашенки, обрядовые хлебы и печения и т.д.

Традиционная духовная культура Полесья остается все еще мало изу-

ченной. Из специальных исследований в этой области появилась лишь монография Г.Т. Пашковой об украинско-белорусских этнокультурных связях в Полесье, основывающаяся на материале полесского свадебного обряда[57]. Можно отметить некоторую активизацию собирательской работы и публикаций в области полесского фольклора. Начатое почти полвека тому назад З.В. Эвальд изучение полесского мелоса[58] было с успехом продолжено в наши дни З.Я. Можейко, которой принадлежит ценная монография о песенной культуре с. Тонеж (в 36 км от города Турова[59]). Под руководством В.А. Захаровой интенсивно собирался традиционный фольклор Брестской обл.[60]. Много старых и новых записей из Полесья публикуется в серии изданий "Беларуская народная творчасць" и "Українська народна творчість". Ценные новые записи фольклорных текстов из Полесья публикуются Ю.И. Смирновым и другими авторами в издании "Славянский и балканский фольклор"[61]. Из специальных работ по поэтике фольклора можно отметить исследование А.К. Малюка о стилистических функциях эмоциональной лексики в полесском фольклоре[62].

Как видно из этого краткого обзора, исследования, посвященные Полесью, будучи разнообразны по тематике и задачам, ограниченные отдельными полесскими регионами или рассматривающие Полесье как часть более крупных языковых, этнических, археологических и т.д. ареалов — белорусского и украинского, пока еще слабо соотнесены с общеславянской перспективой, с проблемой генетических, ареальных и типологических связей полесских данных с данными других славянских этнокультурных зон.

Между тем такие значимые в общеславянском плане исторические особенности Полесья, как его непосредственное соседство с областью славянской прародины или даже вхождение в эту область[63], устойчивость и автохтонность населения Полесья, его центральное положение на стыке трех восточнославянских этносов и на восточно-западнославянском пограничье, хорошая сохранность вплоть до настоящего времени традиционных форм и элементов народной культуры и языка, отмечаемая крупнейшими исследователями-славистами, дают основание считать Полесье одним из тех "узловых" славянских регионов, по отношению к которым в первую очередь следует ставить задачу комплексного изучения славянских древностей и взаимного согласования данных разных научных дисциплин, формирующих науку о славянском этногенезе и этнокультурной истории.

Одним из самых слабых звеньев в изучении Полесья оказывается область традиционной народной духовной культуры в ее наиболее архаических формах, восходящих к дохристианской эпохе. Наука о славянских языческих древностях, обогатившаяся в последние годы рядом фундаментальных трудов[64], значительно расширила возможности широкого сопоставительного изучения славянской культурной традиции в рамках индоевропейской мифологии и культуры благодаря новым, более совершенным методам внутренней и внешней реконструкции и интерпретации языковых, этнографических и фольклорных фактов, и существенно сместила акцент с письменных источников на свидетельства живых диалектов и народной культурной традиции. Именно в русле этого направления естественно созрела потребность нового синтеза лингвистического и эт-

нографического подхода, который стал обозначаться термином "этнолингвистика"[65]. К этому сближению обеих дисциплин привели внутренние линии развития, с одной стороны, науки о славянских древностях, опирающейся во многом на факты языка, с другой стороны – лингвистики (прежде всего этимологии, исторической лексикологии и семасиологии), пришедшей к необходимости привлечения широкого этнокультурного контекста для реконструкции исходных значений и путей эволюции древнейшего пласта "культурных" слов (имеются в виду, в частности, работы Э. Бенвениста, В. Пизани, Б. Мериджи, О.Н. Трубачева, В.Н. Топорова, В.В. Иванова и др.).

Между тем новые исследования продолжают базироваться преимущественно на старых этнографических и фольклорных источниках, на отдельных, часто фрагментарных описаниях и публикациях конца XIX – начала XX в. Если в области языкознания существует уже определенное (хотя все еще явно недостаточное) представление о диалектном славянском ландшафте благодаря достижениям диалектологии и лингвистической географии, то в области фольклора и традиционной духовной культуры славян исследователи лишены сколько-нибудь систематической базы и особенно – сведений об ареальной характеристике привлекаемых фактов. Имеющиеся славянские этнографические и этнолингвистические атласы[66] и ареальные исследования[67] пока еще лишь в малой степени ориентированы на материал духовной культуры. Очень мало специальных ареальных исследований в области славянского фольклора[68]. Отсутствие представлений о "мифологическом" ландшафте, о распространении и границах различных локальных черт древнейших славянских обрядов, обычаев и поверий создает серьезные препятствия не только для реконструкции их прасостояния и путей исторического развития, но и для включения мифологических фактов в систему научной аргументации при решении общих этногенетических вопросов славянской истории.

Одним из наиболее ценных источников пополнения фактической базы и создания систематического корпуса сведений о славянской духовной культуре в наше время может стать полевая собирательская работа, подчиненная определенной специально составленной программе и специальной методике. В условиях, когда практически еще невозможно осуществить такую планомерную и систематическую работу в масштабах всего славянства, большое значение и особую актуальность приобретает подробное этнолингвистическое изучение отдельных, наиболее архаических славянских зон, к которым безусловно принадлежит Полесье. Современное Полесье для лингвиста, фольклориста и этнографа является заповедником языковой и духовной культуры, сохранившим множество ценных фактов устной живой старины.

Полесско-инославянские соответствия могут служить исходной базой для классификации и интерпретации всего славянского материала, а лингво-фольклорно-этнографическая ситуация в Полесье может быть принята в качестве своего рода эталона при описании других славянских зон. К приводившимся ранее отдельным примерам таких соответствий как из области лексики, так и из области культурных явлений[69], можно добавить еще несколько иллюстраций.

Полес. *синий* в сочетании *си́не редно́* 'суровое полотно' (с. Мощенка,

Городнянск. р-н, Черниг. обл.) — серб.-хорв. *сић* 'желтоватый, пепельно-серый' (помимо значений 'синий' и 'черный').

Полес. *провалилось небо* о сильном дожде, ливне — серб.-хорв. *провала облака* то же.

Полес. *памятный* 'смышленый, сообразительный': Я тaка́ па́мятна, зна́ю ли́ес свой усю́ды, ску́от мало́е па́сла, усё усю́ды зна́ю (с. Мощенка, Городнянск. р-н, Черниг, обл.) — себр. *паметан* то же.

Полес. *схватить* 'понять, усвоить': Она́ оди́н раз раска́жэ — я ж не схвачу́ (с. Дубровица, Хойницк. р-н, Гомельск. обл.) — серб. *схватити* то же.

Полес. *неприлюдный* 'неприятный, невежливый, необщительный': нэпрылю́дна люды́на (с. Олтуш, Малоритск. р-н, Брестск. обл.) — серб. *неуљудан човек* то же.

Полес. *Не бэй жа́бу, бо ма́ти ўмрэ* (с. Речица, Ратновск. р-н, Волынск. обл.) — серб. *Ако убијеш жабу, умреће ти мајка.* В части полесских зон убийство жабы предвещало или вызывало дождь.

Полесская формула "На́ тебе́ крикли́во-плакси́во, а дай мне сонли́во-дремли́во" (с. Тхорин, Овручск. р-н, Житомирск. обл.) как способ избавления ребенка от "ночницы", т.е. бессонницы и крика — сербская формула "Пусти врбово, узми дреново!", с которой обращаются к новорожденному теленку или ягненку (букв.: оставь вербовое, возьми кизиловое, т.е. бери не в рост, а набирай силу).

Полесский обычай доения коровы через обручальное кольцо, когда у нее убывало молоко (с. Хоробичи, Городнянск. р-н, Черниг. обл.) — сербский обычай на Юрьев день доить овец через перстень (Алексинацкое Поморавье; в других зонах восточной Сербии — через венок, камень с дыркой, специальный хлеб с дыркой и т.п.).

Полесский старинный обычай на "щедруху", т.е. перед Новым годом, ловить воробьев, отраженный и в поговорке: "На шчодруху зловыв птуху, одрижымо носа, коб ны йила проса" (с. Симоновичи, Дрогичинск. р-н, Брестск. обл.) — сербский обычай на рождество ловить воробьев и ими разговляться (юго-восточная Сербия, Поморавье, северная Македония). Последнее отмечено Б. Стельмаховской также у кашубов.

Полесский обычай разрушать во время засухи печь, оставшуюся от снесенной хаты, для вызывания дождя (Днепровское, Черниг. р-н, Черниг. обл.) — болгарский обычай во время засухи разрушать печь, построенную до Юрьева дня, или бросать в воду кусок глины, отколупленный от печи (Бессарабия, переселенцы из Фракии).

Полесский обычай сохранять венок, который плела и носила девочка, класть его в воротах и перегонять через него корову, чтобы способствовать случке (с. Вышевичи, Радомышльск. р-н, Житом. обл.) — сербский обычай плести на Юрьев день венки для скота, совершаемый девушками (Вост. Сербия).

Полесский способ отбирания молока у чужой коровы и "передачи" его своей корове путем собирания утром до солнца в Юрьев день росы фартуком, полотенцем или платком на чужом поле и сцеживания ее на свою корову или в подойник (с. Стодоличи, Лельчицк. р-н, Гомельск. обл.) находит полную аналогию в сербских приемах "одузимања млека", также связанных с Юрьевым днем (Поморавье).

Полесские запреты, связанные с прядением, ткачеством, ткаческим

инвентарем и т.п., во многих случаях соблюдаются для того, чтобы волки не трогали скотину. Ср. болгарские "волчьи" праздники (с. 11 ноября ст. стиля – три, семь или десять дней), во время которых строго запрещается прясть, ткать, кроить, шить, чесать шерсть, вязать, чтобы "волки не могли разевать пасть".

Полесский широко распространенный способ угадывания пола будущего ребенка (или теленка, поросенка и т.д.) с помощью "прутка" (принадлежность для тканья) аналогичен болгарским гаданиям (болг. *пръчка* 'пруток' (Кюстендилская округа и др.). С этим прутком окончившая ткать женщина выбегает на улицу и дожидается первого встречного. Если это мужчина, то родится мальчик, если женщина – девочка.

Полесское поверье о том, что дурной глаз бывает у людей, которых в детстве дважды отлучали от груди (с. Стодоличи, Лельчицк. р-н, Гомельск. обл; с. Дубровица, Хойницк. р-н, Гомельск. обл. и др.), соответствует болгарским (*повторено дете*), сербским (*повратњак* – Шумадия и Вост. Сербия), словенским (Штирия) представлениям о людях с дурным глазом, причем во всех случаях специально подчеркивается опасность встречи с таким человеком на дороге, на улице и т.п. (полес. *недобры на переход,* болг. *лоша среща* и т.п.).

С широко распространенным сербским, болгарским и карпатским новогодним обрядом "полазник" могут быть сопоставлены различные для разных районов Полесья приметы, связанные с приходом в дом первого в новом году посетителя или с первым встреченным человеком – мужчиной или женщиной, причем мужчина предвещает благополучие, удачу, рождение мужского приплода у скота, а женщина – неблагополучие, рождение женского приплода, появления жаб в доме и т.п.

Полесский обычай, по которому в первый день рождества печь растапливал мужчина (с. Симоновичи, Дрогичинск. р-н, Брестск. обл.), находит параллель в южнославянских новогодних обрядах, связанных с бадняком, исполняемых только мужчинами.

К уже приводившимся и анализировавшимся южнославянско-полесским параллелям, касающимся "говяжей" символики грозовых и градовых туч (тучи – небесные стада, коровы, волы; дождь – молоко и т.д.) – см. "Славянский и балканский фольклор" (М., 1981, с. 44–120), – можно добавить еще один весьма показательный полесский текст, с которым обращалась хозяйка к корове, выгоняя ее первый раз на пастбище весной: "Дахаджу я да цябе, кароўка, из хлебам и паскай, а ты да мяне – из любисцею и ласкай. Ишло три хмарки па небу: адна хмарка дажжевая, а другая – снегавая, а трецяя – градавая. Як дожь, дай бог малачко, як снех – сметану, як град – сыр" (с. Жаховичи, Мозырск. р-н, Гомельск. обл., запись В. Георгиева и В. Супруна). Ср. сербский рождественский или юрьевский ритуальный диалог: "Как на дворе? – Облачно! (Большая туча). – На дворе облачно, пусть у меня будет каймак (сливки), как ковер (т.е. пусть в молоке будет больше сливок)" (Чачанский край, Лесковацкая Морава).

Отмеченные здесь полесско-южнославянские схождения в известной мере случайны и разнородны, каждое из них требует своего объяснения на базе более полного материала и с учетом общеславянского (или даже более крупного) масштаба – языкового, фольклорного, этнографического.

Здесь могут быть как исключительные локальные соответствия, так и явления с более широким ареалом, как генетически родственные факты, так и типологические подобия, сходные инновации и т.п. В данном случае они служат лишь для иллюстрации самой возможности многопланового сопоставления отдельных славянских этнокультурных традиций в их разных кодах и жанрах: на уровне лексики, специальной обрядовой терминологии, языковых клише, сакральных формул и целых текстов, обрядов, поверий и т.д., и необходимости систематических сравнительных исследований этнолингвистического характера.

С 1974 г. возобновились экспедиции в Полесье Института славяноведения и балканистики АН СССР совместно со студентами и аспирантами МГУ, в которых приняли также участие преподаватели и студенты Гомельского университета, Мозырского пединститута, Житомирского пединститута, Ленинградского и Томского университетов и других вузов и учреждений. Эти экспедиции ставили целью сбор и систематизацию полевых материалов этнолингвистического характера, т.е. диалектных, фольклорных, этнографических фактов, отражающих традиционную народную культуру Полесья во всех ее формах и проявлениях. Новые задачи заставили по-новому организовать и осмыслить работу. Были составлены специальные программы-вопросники по различным сторонам и фрагментам полесской культурной традиции, по отдельным темам семейной, календарной и окказиональной обрядности, по народному календарю и народным представлениям о природе и др., а именно (в скобках указаны фамилии составителей): 1. Свадебная обрядность и терминология (А.В. Гура), 2. Родины и крестины (Р.А. Агеева и С.М. Толстая), 3. Погребальный обряд и его терминология (О.А. Седакова), 4. Святки (Л.Н. Виноградова), 5. Весенняя обрядность (Н.И. и С.М. Толстые), 6. Купальская обрядность (С.М. Толстая), 7. Жатвенная обрядность (О.А. Терновская), 8. Животноводство (И.А. Хазанова), 9. Домашняя птица (Н.А. Волочаева), 10. Обряды, связанные с приплодом скота (А.Ф. Журавлев), 11. Обряды, связанные с падежом скота (А.Ф. Журавлев), 12. Поверия и обряды, связанные с насекомыми (О.А. Терновская), 13. Народные представления о растениях (Д.А. Бейлина), 14. Народная астрономия и метеорология (Э.Г. Азимов), 15. Вызывание дождя (Н.И. и С.М. Толстые), 16. Обряды и поверия, связанные с громом и градом (Н.И. и С.М. Толстые), 17. Обряды и поверия, связанные с ткачеством (Г.А. Трубицына, Н.Г. Владимирская), 18. Строительные обряды (Т.А. Тюрина), 19. Народное отношение к хлебу (А.Б. Страхов), 20. Утварь в обрядах и поверьях (А.Л. Топорков), 21. Народная демонология (А.Б. Страхов), 22. Народные толкования снов (А.В. Гура), 23. Эпические сюжеты в полесском фольклоре (Ю.И. Смирнов)[70].

При составлении программ были учтены имеющиеся опубликованные или хранящиеся в архивах вопросники, относящиеся к другим славянским регионам, а также специальные исследования и материалы. Однако по многим темам вопросники и систематические исследования отсутствовали, поэтому составители опирались прежде всего на полевой материал полесских экспедиций.

В течение 1974–1981 гг. было проведено более десяти летних и зимних экспедиций в Полесье[71], в которых был собран богатый фактический

материал, подтвердивший в полной мере чрезвычайную значимость полесских фактов в общеславянском масштабе, их хорошую сохранность не только на уровне отдельных явлений, но и зачастую на уровне целых фрагментов или систем и блоков традиционной народной культуры.

Опыт и результаты полевой работы в разных районах Полесья дают основание поставить задачу создания Полесского этнолингвистического атласа[72]. В 1980 г. на базе частных тематических программ была составлена сводная программа атласа, которая публикуется в настоящем сборнике. Она охватывает все основные тематические области частных программ, однако не представляет собой простой суммы этих частных программ. Различие между ними касается не только полноты разработки каждой темы, хотя, конечно, сводная программа не может сравниться с частными по степени детализации каждой темы. Главное отличие сводной программы в том, что в ней специально отобраны вопросы, имеющие значение для ареальной характеристики Полесья, т.е. вопросы, которые дают разные ответы на территории самого Полесья и обнаруживают, таким образом, членение полесской территории в этнолингвистическом отношении, либо вопросы, которые выявляют внешние ареальные связи Полесья с другими славянскими этноязыковыми зонами – параллели, соответствия или, наоборот, противопоставления. При этом основное внимание уделяется фактам, которые могут квалифицироваться как славянские "древности", а среди последних преимущество отдается тем, которые наименее изучены в общеславянском плане.

Публикуемая в сборнике программа была опробована в экспедиции 1980 г. в Черниговской обл. УССР и в экспедициях 1981 г. в Брестскую обл. БССР и Житомирскую обл. УССР и обнаружила достаточно высокую эффективность. Многие вопросы тем не менее остались за пределами программы и не будут отражены в атласе. Это неизбежно и предусмотрено самой ориентацией атласа на древнейший, архаический слой полесской культурной традиции. Однако не охваченными программой остались и некоторые важные для целей атласа темы, по которым составителям не удалось собрать необходимых сведений. Так, в программе нет разделов по таким древнейшим ремеслам, как гончарство, кузнечное дело, мельничное дело, слабо отражено пчеловодство и др. (имеются в виду связанные с этими ремеслами обряды, обычаи, поверия, легенды и т.п.).

Одним из принципов, которым руководствовались составители, было специальное внимание к терминологии, которая является частью плана выражения народной духовной культуры, а не просто фактом языка. Во многих случаях термин служит семантическим стержнем, организующим обрядовые и мифологические формы народной культуры. С другой стороны, "культурное" содержание и функции углубляют собственно языковую характеристику термина.

Будущий атлас должен, таким образом, носить этнолингвистический характер как по составу материала (значительную часть программы составляют лексические вопросы в их традиционной формулировке: что значит данное слово? как называется данный предмет или явление?), так и по особенности подхода к чисто этнографическому материалу сквозь призму языка, со специальным вниманием к устойчивым словесным формулам, разного рода клише, малым фольклорным жанрам – приговорам,

закличкам, заклинаниям, заговорам и т.д., сохраняющим древнейшие народные представления и одновременно являющимся образцами или фрагментами самых архаических из дошедших до нас текстов, с помощью которых может быть облегчена задача реконструкции праславянского текста.

Из всего многообразия собственно фольклорного материала в программу включены лишь избранные вопросы, связанные в первую очередь с обрядами, а также некоторые вопросы, представляющие интерес для сравнительных и этногенетических исследований, например, сюжет о муже-уже, известный не только в славянской, но и в балтийской традиции, песенный сюжет о невестке, превращенной в дерево, предание о костях великанов, некоторые легенды, загадки, считалки и т.д.

Дополнительно к программе атласа был составлен краткий вопросник из 65 вопросов, по которому предполагается провести анкетирование с контрольными целями на территории более широкой, чем территория атласа, а также в других славянских зонах.

Практика полевой работы в Полесье показала, что целесообразно пользоваться вопросниками трех типов одновременно: серией подробных, по возможности исчерпывающих тематических программ, позволяющих глубоко изучить структуру и семантику отдельных фрагментов обрядовой системы и мифологии; сводной программой для картографирования, подчиненной задаче внутренней и внешней ареальной характеристики полесских данных, и кратким вопросником-анкетой.

Определенное представление о характере программы и получаемых ответов дают публикуемые в сборнике материалы к полесскому этнолингвистическому атласу из разных районов Полесья. Цель этой публикации – во-первых, иллюстрация программы, уточнение смысла содержащихся в программе вопросов; во-вторых, введение в научный оборот обильного нового материала, имеющего одновременно и диалектологическую (ибо большинство текстов приводится по магнитофонным записям, хотя и в упрощенной сравнительно с принятой в диалектологии транскрипции), и этнографическую ценность; в-третьих, демонстрация возможностей полевого сбора материала в современных условиях с помощью специальных программ и степени сохранности традиционной культуры Полесья в различных ее подсистемах. Наконец, эта небольшая хрестоматия дает представление о разнообразных в жанровом, структурном и языковом отношении текстах и о том широком "контексте", в котором реально функционирует обрядовая и мифологическая терминология и фразеология. Благодаря такого рода публикациям аутентичных текстов в виде тематических подборок или хрестоматий не только существенно обогащается фактическая база этнолингвистики, но и сами эти тексты как бы приобретают статус "памятников" народной культуры (наряду с памятниками фольклора), которые можно толковать, комментировать, сопоставлять друг с другом и с другими источниками[73].

Ареальное изучение и картографирование элементов культуры на некоторой территории имеет двоякую направленность: оно, во-первых, устанавливает релевантные для данной территории этнокультурные границы и стремится их интерпретировать путем соотнесения с известными для той же зоны археологическими, историческими, языковыми и т.д.

границами, а во-вторых, оно направлено на сам объект сравнения, т.е. на изучаемый фрагмент или элемент культуры, и стремится определить его праформу и прояснить пути его эволюции.

Возможности и успех картографирования элементов традиционной культуры и фольклора зависят от того, как будет описан, препарирован (или даже реконструирован) сам объект сопоставления, какие именно элементы, фрагменты или структурные признаки его будут положены в основу ареального изучения. В принципе любой произвольно выбранный признак или элемент может дать определенное территориальное членение и обозначить какие-то границы, небезынтересные для ареальной характеристики той или иной этнодиалектной зоны. Однако, как показывает опыт ареальной диалектологии, наиболее значимыми в историческом и типологическом отношении оказываются не случайные, изолированные черты или элементы (напр., наличие или отсутствие определенной обрядовой реалии, определенного фольклорного текста или музыкальной формы), а более глубокие системные характеристики, отражающие функциональные связи между этими элементами (напр., порядок определенных действий в составе одного обряда или в календарном цикле, обрядовая функция определенных предметов или лиц, связь тех или иных текстов с обрядами или поверьями и т.п.). При этом для сопоставления фольклорных или обрядовых фактов на семантическом уровне жанровые границы не должны быть препятствием, а само закрепление тех или иных содержательных мотивов за определенными жанрами может служить одной из характеристик локальной этнокультурной традиции. Из имеющегося в нашем распоряжении полесского и славянского материала можно почерпнуть немало примеров различного жанрового воплощения одного и того же "мотива". Например, мифологическая связь между хтоническими животными и атмосферными явлениями может быть обнаружена как в поверии о том, что убитая лягушка предвещает дождь, или в запрете убивать лягушку ввиду опасности дождя, так и в специальных магических ритуалах убиения (иногда и погребения с оплакиванием) лягушки во время засухи ради вызывания дождя[74]. Мотив "жития и страданий культурных растений", известный в разных областях славянского мира, имеет разнообразные жанровые воплощения, начиная от загадок, сказочных сюжетов, магических обрядовых диалогов и кончая ритуальными танцами, способствующими плодородию возделываемых культур (мака, хлеба, винограда, перца и т.д.).

Проблеме ареального изучения традиционной культуры Полесья в связи с задачей создания этнолингвистического атласа Полесья посвящено большинство материалов и исследований настоящего сборника. Однако полевой лингвистический, фольклорный и этнографический материал, накопленный к настоящему времени, мог бы послужить базой для еще одного предприятия, а именно – словаря языковых и культурных древностей Полесья на фоне всего славянского материала[75]. Этнолингвистические словари, т.е. словари основных, ключевых для каждой национальной или локальной традиции понятий и терминов, разрабатываемых на широком этнокультурном фоне, с максимальным учетом места и функции каждого толкуемого элемента в целой системе – словари такого рода не являются совершенной новостью в славянской лексикографии. Традиция таких словарей

может быть возведена еще к опытам Вука Караджича. В наши дни образцом одного из видов этнолингвистического словаря может служить семитомный словарь кашубских говоров на базе народной культуры и словарь говоров Кочевья[76]. Чрезвычайно ценен в этом отношении опыт Люблинского коллектива, который работает над словарем языка польского фольклора с учетом этнолингвистического контекста каждого слова. Вышедший недавно пробный выпуск этого словаря, обрисовывающий контуры будущего фундаментального труда и излагающий основные принципы создания словаря языка фольклора, свидетельствует о формировании нового жанра синтетического этнолингвистическо-фольклорного (или этнокультурного) словаря в славянской лексикографии[77].

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Полесье (Лингвистика. Археология. Топонимика). Отв. ред. В.В. Мартынов, Н.И. Толстой. М., 1968; Лексика Полесья. Материалы для полесского диалектного словаря. Отв. ред. Н.И. Толстой. М., 1968; Лексіка Палесся ў прасторы і часе. Рэд. В.У. Мартынаў. Мінск, 1971. См. также рецензии на эти сборники: Советское славяноведение, 1969, № 6, с. 80–85; Вопросы языкознания, 1971, № 1, с. 111–118; Die Welt der Slaven. Wiesbaden, 1969, Jg. XIV, Heft 2, S. 222–225; Etnografia Polska, Wrocław, 1970, 1, s. 293–296; Slavia orientalis, Warszawa, 1970, 1, s. 102–106; Slavia, Praha, 1970, roč. XXXIX, seš. 3, s. 443–447.

2 Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны (Буквы А–Х). – В кн.: Беларуская мова і моваэнаўства, вып. 3, 4. Мінск, 1975, 1976; Беларуская мова, вып 5, 6, 7, [8], 9. Мінск, 1977, 1978, 1980, 1981.

3 *Лисенко П.С.* Словник поліських говорів. Київ, 1974; *Лысенко П.С.* Словарь диалектной лексики северной Житомирщины. – В кн.: Славянская лексикология и лексикография. М., 1966.

4 Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча, т. 1, 2. Мінск, 1979–1980.

5 З народнага слоўніка. Мінск, 1975; Народнае слова. Мінск, 1976; Народная лексіка. Мінск, 1977; Жывое слова. Мінск, 1978; Народная словатворчасць. Мінск, 1979.

6 *Шаталава Л.Ф.* Беларускае дыялектнае слова. Мінск, 1975.

7 Тураўскі слоўнік. т. 1 А–Г, т. 2. Д–К. Мінск, 1982.

8 *Никончук М.В.* Матеріали до лексичного атласу української мови (Правобережне Полісся). Київ, 1979 (см. об этой книге статью С.М. Толстой в кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 1982); *Он же.* Лексичний атлас правобережного Полісся. Завдання і метод. В кн.: XIV Республіканська діалектологічна нарада. Київ, 1977, с. 88–89; *Он же.* Правобережнополесские говоры в лингвогеографическом освещении. Автореф. докт. дис. Житомир, 1980.

9 *Назарова Т.В.* Лінгвістичний атлас нижньої Прип'яті. Рукопись; *Она же.* Украинские говоры нижней Припяти (Украинско-белорусские междиалектные контакты). Автореф. канд. дис. Киев, 1963. *Она же.* Украинско-белорусская языковая граница в районе нижней Припяти. – В кн.: Вопросы диалектологии восточнославянских языков. М., 1964, с. 124–140.

10 Атлас української мови. т. I. Полесье, Среднее Поднепровье и соседние земли. т. II. Западные области УССР. Рукопись.

11 Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. кн. 1 карты, кн. 2. Уступныя артыкулы. Даведачныя матэрыялы і каментарыі да карт. Мінск, 1963.

12 Лінгвістычная геаграфія і групоўка беларускіх гаворак, кн. 1–2 (карты). Мінск, 1968, 1969. См. также: *Груцо О.П.* Про лексичні особливості поліських говірок. (На матеріалах "Дыялекталагічнага атласа беларускай мовы"). – В кн.: Праці XII республіканської діалектологічної наради. Київ, с. 326–333.

13 Atlas gwar wschodniosłowiańskich Białostocczyzny. t. I. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk, 1980.

14 *Климчук Ф.Д.* Гаворкі Заходняга Палесся. Мінск. 1983; *Он же.* К лингвогеографии Западного Полесья (Фонетика четырех полесских говоров). Автореф. канд. дис. Минск, 1973; *Он же.* К соотношению диалектных, этнографических и археологических ареалов Брестско-Пинского Полесья. – В кн.: Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974, с. 160–166. См. указание на другие работы Ф.Д. Климчука в кн.: Беларускае мовазнаўства. Бібліяграфічны паказальнік (1966–1975). Мінск, 1980.

15 Фрагмент этого словаря см.: *Климчук Ф.Д.* Специфическая лексика Дрогичинского Полесья. – В кн.: Лексика Полесья, с. 20–78.

16 *Назарова Т.В.* З вокалізму Брестського ареалу. – В кн.: Праці XII Республіканської діалектологічної наради. Київ, 1971, с. 87–102.

17 *Белая А.С.* Надсновские говоры на Черниговщине (фонетика). Автореф. канд. дис.; *Она же.* К характеристике квантитативно-просодических различий в надсновских говорах на Черниговщине. – В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1971. М., 1974, с. 22–31.

18 *Курило О.* Фонетичні та деякі морфологічні особливості говірки села Хоробричів, давніше Городнянського повіту, теперь Сновської округи на Чернігівщині. Київ, 1924. Рец.: *Дурново Н.Н.* Працы Алёны Курылавай у галіне дыялекталогії і гісторыі беларускай і украінскай мовы. – В кн.: Запіскі аддзела гуманітарных навук Беларускай АН, кн. 9. Працы класа філалогії, т. 2. Менск, 1929, с. 317–320.

19 *Вайтовіч Н.Т.* Ненаціскны вакалізм народных гаворак Беларусі. Мінск, 1968. См. также: *Толстая С. М.* Про принципи організації ненаголошеного вокалізму в говорах з оканням. – В кн.: Праці XII республіканської діалектологічної наради. Київ, 1971, с. 103–107.

20 *Ревзін І.І.* Займенник-артикль у говірці села Олтуш Брестської області. – В кн.: Українська діалектна морфологія. Київ, 1969, с. 62–71.

21 *Закревська Я.В.* Нариси з діалектного словотвору в ареальному аспекті. Київ, 1976; *Сцяцко П.У.* Беларускае народнае словаўтварэнне. Афіксальныя назоўнікі. Мінск, 1977.

22 *Соколовская А.С.* Лексическая типология говоров Припятского Полесья. (На материале названий одежды и обуви). Автореф. канд. дис. Минск, 1967.

23 *Бабій Ф.Й.* Деякі назви одягу в говірках Горинського Полісся. – В кн.: Студії з мовознавства. Київ, 1975, с. 56–60. Ф.И. Бабий – автор неопубликованного атласа названий одежды Ровенского Полесья, содержащего около 120 карт.

24 *Выгонная Л.Т.* Полесская земледельческая лексика. Типология и ареальная дифференциация. Автореф. канд. дис. Минск, 1969.

25 *Вешторт Г.Ф.* Лингвогеографическая дифференциация Припятского Полесья (на материалах пищи). Автореф. канд. дис. Минск, 1969.

26 *Лучиц-Федорец И.И.* Лингвогеографическая характеристика и реконструкция одной группы лексики Полесья (Жилище и хозяйственные постройки). Автореф. канд. дис. Минск, 1973.

27 *Шур В.В.* Животноводческая лексика в говорах Мозырского Полесья. Автореф. канд. дис. Минск, 1974.

28 См. статью В.М. Куриленко в настоящем сборнике.

29 *Черепанова Е.А.* Географическая терминология Черниговско-Сумского Полесья. Автореф. канд. дис. Минск, 1973. См. также статью Е.А. Черепановой в настоящем сборнике.

30 См. статью П.Ф. Романюка в настоящем сборнике.

31 Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974; Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1977.

32 См. указатель "Беларускае мовазнаўства. Бібліяграфічны паказальнік".

33 *Козлова Р.М.* Белорусские регионализмы праславянского происхождения (на материале лексики Восточного Полесья). Автореф. канд. дис. Минск, 1977.

34 Большинство этимологических статей Н.В. Никончука опубликовано в журнале "Беларуская лінгвістыка". Библиографические данные см. в кн.: *Никончук Н.В.* Правобережнополесские говоры... или: *Он же.* Матеріали... .

35 *Краўчук Р.У.* Нататкі па палескай лексіцы. – В кн.: Беларускае і славянскае мовазнаўства. Мінск, 1972, с. 195–196.

36 *Веренич В.Л.* Об изменениях в лексике польских репатриантов из Полесья, про-

живающих в Нижней Силезии. – В кн.: Исследования по польскому языку. М., 1969, с. 254–295; *Он же.* К историко-социологической характеристике польских переселенческих говоров в Полесье. – В кн.: Польские говоры в СССР, ч. 2, Минск, 1973, с. 128–159 (другие работы того же авторы указаны на с. 156 данной книги); *Он же.* Об этническом и языковом членении Полесья. – В кн.: Этногенез белорусов. Минск, 1973, с. 159–165.

37 *Купчинський О.А.*Найдавніші слов'янські топоніми України як джерело історико-географічних досліджень. (Географічні назви на *-ичі*). Київ, 1981.

38 См., например: *Мартынов В.В.* Проблема славянского этногенеза и методы лингвогеографического изучения Припятского Полесья. – Советское славяноведение, 1965, № 4; *Он же.* Лингвогеография Припятского Полесья и этногенез славян. – В кн.: Древности Белоруссии. Минск, 1966, с. 131–141.

39 *Исаенко В.Ф.* Неолит Припятского Полесья. Минск, 1976.

40 *Поболь Л.Д.* Славянские древности Белоруссии. Минск, ч. I – 1971, ч. II – 1973, ч. III – 1974.

41 Очерки по археологии Белоруссии. Под ред. Г.В. Штыхова и Л.Д. Поболя. Минск, ч. I – 1970, ч. II – 1972.

42 *Загорульский Э.М.* Древняя история Белоруссии. Минск, 1977.

43 *Максимов Е.В.* Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. Киев, 1972.

44 *Баран В.Д.* Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю. Київ, 1972.

45 *Сухобоков О.В.* Славяне Днепровского Левобережья. Киев, 1975.

46 *Винокур І.С.* Історія та культура черняхівських племен. Київ, 1972.

47 *Русанова И.П.* Славянские древности VI–VII вв. Культура пражского типа. М., 1976.

48 *Седов В.В.* Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.

49 *Кухаренко Ю.В.* Могильник Брест-Тришин. М., 1980.

50 *Тегако Л.И., Микулич А.И., Саливон И.И.* Антропология Белорусского Полесья. Минск, 1978.

51 *Дяченко В.Д.* Антропологічний склад українського народу. Київ, 1965.

52 *Алексеева Т.И.* Этногенез восточных славян. М., 1973, с. 53–56.

53 *Молчанова Л.А.* Материальная культура белорусов. Минск, 1968. – Среди новых фактических данных, привлеченных в этой работе, значительное место занимают факты материальной культуры Полесья.

54 Беларускае народнае жыллё. Мінск, 1973; Народная сельскагаспадарчая тэхніка беларусаў. Мінск, 1974; Беларускае народнае адзенне. Мінск, 1975; см. также новые методические пособия по выявлению и собиранию предметов материальной культуры: Памятники народной архитектуры и быта Белорусии. Под ред. В.К. Бондарчика. Минск, 1979; Помнікі этнаграфіі. Пад рэд. В.К. Бандарчыка. Мінск, 1981. – В последнем чрезвычайно ценны географические пометы, указывающие зоны распространения основных типов предметов материальной культуры на территории Белоруссии.

55 *Якімовіч Ю.А.* Драўлянае дойлидства беларускага Палесся XVII–XX ст. ст. Мінск, 1978.

56 *Самойлович В.П.* Українське народне житло. Київ, 1972; *Он же.* Народное архитектурное творчество. Киев, 1977; *Горленко В.Ф., Бойко І.Д., Куницький О.С.* Народна землеробська техніка українців. Київ, 1971; *Матейко К.І.* Український народний одяг. Київ, 1977.

57 *Пашкова Г.Т.* Етнокультурні зв'язки українців та білорусів Полісся. Київ, 1978. Ценные сведения о полесском родинном обряде содержатся в книге: *Гаврилюк Н.К.* Картографирование явлений духовной культуры (по материалам родильной обрядности украинцев). Киев, 1981.

58 *Эвальд З.В.* Песни Белорусского Полесья. М., 1979.

59 *Можейко З.* Песенная культура белорусского Полесья. Село Тонеж. Минск, 1971.

60 См.: Беларускі фальклор у сучасных запісах. Брэсцкая вобласць. Мінск, 1973. – К сожалению, в этом издании тексты окающих говоров переведены на литературную акающую белорусскую орфографию. В них привнесено также отсутствующее в этих говорах цеканье и дзеканье и сделан ряд других редакционных поправок, что резко снижает научную ценность издания и выглядит по меньшей мере анахронизмом. Этой же устаревшей эдиционной техникой, напоминающей некоторые до-

научные издания прошлого века, пользуются и издатели в целом очень ценной и богатой материалом многотомной академической серии "Беларусская народная творчасць".

61 Славянский и балканский фольклор. Генезис. Традиции. Архаика. М., 1978; Славянский и балканский фольклор. Обряд. Текст. М., 1981.

62 *Малюк А.К.* Способы образования и стилистическое функционирование эмоциональной лексики полесского фольклора. Автореф. канд. дис. Минск, 1980.

63 См.: *Оссовский Л.* Западное Полесье – прародина славян. – Вопросы языкознания, 1971, № 1, с. 111–118; *Мартынов В.В.* Указ. статьи (см. сноску 38). Ср. также вывод, к которому приводит археологическое исследование неолитических памятников Полесья: "Сопоставление данных археологии, палеогеографии, лингвистики и антропологии позволяет констатировать отсутствие объективных причин, по которым нельзя было бы рассматривать Полесье как часть предполагаемой "прародины" предков славян и подчеркнуть значение местных этнических общностей неолитической эпохи как древнейших индоевропейцев в создании той основы, на которой позднее складывались балтийские и праславянские племена" (*Исаенко В.Ф.* Указ. соч., с. 127).

64 *Gasparini Evel.* Il matriarcato slavo. Antropologia culturale dei protoslavi. Sansoni. Firenze, 1973; *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М., 1974; *Łowmiański H.* Religia Słowian i jej upadek (w. VI–XII). Warszawa, PWN, 1979; *Kulišić Š.* Stara slovenska religia u svijetli novijih istraživanja posebno balkanoloških. Sarajevo, 1979; *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М., 1981; Мифы народов мира. Энциклопедия. М., т. I, 1980; т. II, 1982.

65 Недостаток этого термина в том, что он ассоциируется прежде всего с одним из направлений американской лингвистики и этнографии,связанным с именами Ф. Боаса, Э. Сепира, позднее Б. Уорфа. Вместе с тем он удачно передает идею синтеза языкознания и этнографии в изучении культуры. Подробнее об этой дисциплине см.: *Толстой Н.И.* О предмете этнолингвистики и ее роли в изучении языка и этноса. – В кн.: Ареальные исследования в этнографии. Язык и этнос. Л., 1983.

66 Библиографию по славянским этнографическим атласам см. в статье: *Stranská D.* Historicko-národopisny altas Československa. – Národopisný věstník československý, 1956, ročn. XXXIII, č. 3–4. В "Польском этнографическом атласе" тома VI–X посвящены календарным и семейным обрядам (т. VI – календарным обрядам, т. VII – погребальному обряду, т. VIII – родинному обряду и др., т. IX – свадебному обряду, т. X – календарным обрядам). См.: Polski atlas etnograficzny, t. I –V, Warszawa, 1964 и след. Единственным этнолингвистическим атласом, к тому же ориентированным преимущественно на материал народных верований и обрядов, до недавнего времени оставался атлас К. Мошинского: *Moszyński K.* Atlas kultury ludowej w Polsce. Kraków, zesz. I., 1934; zesz. II, 1935; zesz. III, 1936. Первый выпуск содержит 1 вспомогательную (сетка пунктов) и 7 основных карт: (2) Прибывание дня перед Новым годом (фразеология с названиями курицы, петуха, зайца, барана, козы, серны, воробья, волка, коня); (3), (4), (5). Названия созвездий Плеяды, Венеры, молодого месяца; (6) Верования о душе-птице; (7) Полудница и сходные существа; (8) Гадания о зимней погоде по свиной селезенке. Второй выпуск содержит 12 карт: (1) Названия убывающего месяца; (2) Двойственность представлений о барсуке, еже и кроте; (3) Причины детской болезни pleśniawki (soor); (4) Гадания по ложкам (о смерти, о замужестве); (5) Гадания на травах в Иванов день; (6) Русалка; (7) Домовик; (8), (9), (10) Растения, затыкаемые под крышу, в окна и т.д. в Иванов день; (11) Весенние обходы с птицей; (12) Обходы с деревцем или веткой. В третьем выпуске 10 карт: (1) Названия Ориона; (2) Названия Млечного пути; (3) Названия болезни pleśniawki (soor); (4) Белемнит (названия и объяснения); (5) Нечистая сила, которую бьет молния; (6) Человек, убитый молнией (счастливый, праведный, грешный); (7) Демоны, крадущие или заменяющие детей; (8) Приглашение на ужин в сочельник (мороза, ветра, солнца, зверей, волка, лисы; птицы, душ умерших и т.д.); (9), (10) Названия и формы музыкального инструмента в виде трубы. См. также начатое недавно новое издание: Atlas języka i kultury ludowej Wielkopolski, t. I, II. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk, 1978, 1979.

[67] Единственным и очень интересным опытом специального ареального исследования явлений духовной культуры является упомянутая выше книга Н.К. Гаврилюк о родинной обрядности украинцев (см. сноску 57). Особенно важно здесь отметить исследования, посвященные сопоставлению этнографических ареалов с языковыми: *Вакарелски Хр.* Няколко културни и езикови граници в България. – Изв. на Българско географско дружество, 1935, т. 2, с. 58–100; *Генчев Ст.* Към проучването на различията между обичаите при погребение от двете страни на ятова говорна граница в Северна България. – Изв. на Етнографския институт с музей при БАН, 1968, кн. 10, с. 169–200; *Костић Петар.* Разлике у новогодишњим обичајима у областима косовско–ресавског и млађег херцеговачког говора – Гласник етнографског музеја у Београду, 1963, књ. 26, с. 67–92.

[68] О важности и возможности географического изучения фольклора и картографирования фольклорных фактов писали еще в 20-х годах. См.: *Никифоров А.И.* К вопросу о картографировании сказки. – В кн.: Сказочная комиссия в 1926 г. Обзор работ. Л., 1927, с. 60–70; *Богатырев П.Г.* К вопросу об этнологической географии. – Slavia, roč. VII, Praha, 1928–1929, s. 600–611; *Гельгардт Р.Р.* К вопросу о картографировании фольклора: очерк первый. – Советское краеведение, 1935, № 1, с. 8–15. Большой интерес представляет ответ П.Г. Богатырева на вопрос № 36: "Что может дать картографирование фольклора славянских народов для вопроса о возникновении, истории и современном бытовании произведений народного творчества?". – В кн.: IV Международный съезд славистов. Сборник ответов на вопросы по литературоведению. М., 1958, с. 272–276, где речь идет, правда, только о картографировании распространения самих фольклорных текстов и не говорится о возможности картографирования отдельных сюжетных, жанровых, поэтических признаков этих текстов. Обстоятельный обзор работ в области этнографического и фольклорного картографирования можно найти в статье: *Чистов К.В.* Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974, с. 69–84 (там же библиография). Из работ последних лет следует назвать: *Дмитриева С.И.* Географическое распространение русских былин. По материалам XIX – начала XX в. М., 1975; *Бернштам Т.А., Лапин В.А.* Виноградье – песня и обряд. – В кн.: Русский Север. Проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981, с. 3–109; Slovenske ljudske pesmi. Prva knjiga. Pripovedne pesmi. Ljubljana, 1970. В области музыкального фольклора заслуживает внимания серия трудов И.И. Земцовского, обобщенных в его докторской диссертации; см.: Мелодика календарных песен. Автореф. докт. дис. Киев, 1980.

[69] См.: *Толстой Н.И.* Об изучении полесской лексики. – В кн.: Лексика Полесья, с. 12–18; *Он же.* Ответы на вопросы в кн.: Беларуска-ўкраінскія ізалексы. Мінск, 1971, с. 78–79; *Толстые Н.И.* и *С.М.* К вопросу о белорусско-(полесско-) болгарских этнолингвистических соответствиях. – Бюлетин за съпоставително изследване на българския език с други езици. София, 1976, № 5, с. 79–88.

[70] Некоторые из этих вопросников опубликованы. См.: Славянский и балканский фольклор. Генезис, Традиции. Архаика. М., 1978, с. 128–130; О проведении фольклорной практики на филологических факультетах педагогических институтов. Методические рекомендации. М., 1980, с. 49–67; Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982., с. 77–79.

[71] Хронику полесских экспедиций см. в настоящем сборнике.

[72] Аналогичная задача создания этнолингвистического атласа для другой "узловой" славянской зоны – зоны Карпат – была выдвинута более десяти лет тому назад И.А. Дзендзелевским. См.: *Dzendzelivskyj J.O.* Über das Problem des Linguistisch-ethnographischen Atlasses der Kultur des Karpatengebietes. Ethnologia Slavica, 1970, t. II, S. 247–257. См. также: *Дзендзелевский И.А.* К вопросу о "Лингвистическо-этнографическом атласе культуры Карпат (ЛЭАКК)". – В кн.: Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974, с. 107–111.

[73] Ср. очень ценную серию изданий Карельского филиала АН СССР, целиком построенных на диалектных текстах: Образцы карельской речи (тихвинский говор собственно карельского диалекта). Л., 1980 (диалектная хрестоматия, содержащая тематические подборки типа "Автобиографические повествования", "Детство. Игры, развлечения", "Крестьянский труд", "Пища, ее приготовление", "Народный календарь", "Сны, сновидения, видения", "Заговоры, поверья и знахарство", "Народная

медицина, ветеринария" и т.д.; Духовная культура сегозерских карел конца XIX начала XX в. Л., 1980; Материальная культура и декоративно-прикладное искусство сегозерских карел. Л., 1981.

74 См.: *Толстые Н.И.* и *С.М.* Заметки по славянскому язычеству, 2. Вызывание дождя в Полесье. – В кн.: Славянский и балканский фольклор. Генезис. Архаика. Традиции. М., 1978, с. 112.

75 В настоящее время в Институте славяноведения и балканистики АН СССР разрабатывается проспект словаря славянских народных древностей. Подробнее см.: *Толстые Н.И.* и *С.М.* Принципы, задачи и возможности составления этнолингвистического словаря славянских народных древностей. – В кн.: Славянское языкознание. Доклады советской делегации к IX Международному съезду славистов в Киеве. М., 1983.

76 Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej, t. 1–7. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk, 1967–1976; Słownictwo kociewskie na tle kultury ludowej, t. 1–2. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk, 1980.

77 Słownik ludowych stereotypów językowych. Zeszyt próbny. Wrocław, 1980.

ПРОГРАММА ПОЛЕССКОГО ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АТЛАСА

СЕМЕЙНАЯ ОБРЯДНОСТЬ

I. Свадьба

1. **Канун свадьбы.** а) Как называлась предбрачная церемония в доме невесты, т.е. один или несколько дней перед собственно свадьбой, накануне или незадолго до дня приезда жениха за невестой и окончательным переездом ее к жениху (*венки, девоцкие запоины, девич-вечер, коровай* и т.д.)? б) Какие обряды совершались в это время: печение коровая; изготовление или украшение свадебного деревца; плетение венков; расплетание косы невесты; прощание невесты с подругами, родными, домом, с девичеством в кругу подруг и т.д.?

2. **Коровай.** Как выглядел свадебный коровай? Зарисуйте его схематически сверху и сбоку и обозначьте стрелками каждую деталь. Укажите названия всех его деталей и украшений, а именно: подошвы; обода; фигурок из теста (птички, цветочки, шишки, завитушки, месяц, солнце, звезды и т.д.); узоров (крест, елочка, растительный орнамент, защипы на тесте и т.д.); предметов, которые запекаются в него (деньги, яйца и т.д.); кладутся сверху (венок, фигурки не из теста и т.д.); втыкаются в него (растительность, деревце, ветки, палки и т.д.).

3. Какой хлеб (хлебцы, булочки) пекли на свадьбе помимо коровая? Как он выглядел и как назывался (*короваец, шишка, месяц, верч, дремы* и т.д.)?

4. **Свадебное деревце.** а) Как называлось "свадебное деревце"? Что оно из себя представляло: деревце (какое?); ветка дерева (какого?); другая растительность (зелень барвинка, пучок калины, овса, один или несколько цветков и т.д.); искусственное деревце (из бумаги, проволоки и т.д.); ветка или палка, обвитая тестом; изделие из теста; узор на хлебе и т.д.? Зарисуйте его. Куда оно помещалось: втыкалось в свадебный хлеб (какой?), помещалось в сосуд (какой?), выступало независимо от хлеба

или сосуда? Чем было украшено "свадебное деревце"? б) Украшалась ли хата (чья – жениха или невесты?) цветами или ветками?

5. **Свадебное знамя.** а) Существовало ли и как выглядело "свадебное знамя": флаг, хоругвь, красный пояс на хате, кусок материи, пояс, рушник, простыня или рубашка – на шесте или палке, древке, ухвате, ветке, жезле действующего лица, дуге и т.д.? Как оно называлось? б) Что с ним делали: клали возле брачной постели, выставляли в знак невинности невесты, выставляли в знак удачного сватовства, выставляли в знак происходящей в доме свадьбы, носили в руке (кто из участников свадьбы?) и т.д.?

6. **Приданое.** а) Как называлось приданое невесты? б) Как называлась часть приданого, состоящая из одежды, белья, утвари и т.п.? в) Как называлась часть приданого, состоящая из скота и земельного надела?

7. **Чины.** Известны ли следующие свадебные чины (укажите отношение каждого из них к жениху или невесте: брат, дядя, друг жениха и т.д.): а) *дружкó, дрýжко, дружок, дружба* и т.д. Какое из перечисленных слов у вас употреблялось? Сколько участников свадьбы носило такое название? Что они делали на свадьбе? б) *дядя, дядько, дядё, дедё* и т.д. Какое слово у вас употреблялось? Сколько участников свадьбы носило такое название? в) *светилка, светильница* и т.д. Какое слово у вас употреблялось? Сколько участников свадьбы носило такое название? Что они делали на свадьбе? г) *косянка, закосянка, закосяне* и т.д. Какое слово у вас употреблялось? Сколько участников свадьбы носило такое название? Что они делали на свадьбе? д) *староста* и т.д. Сколько участников свадьбы носило такое название? Что они делали на свадьбе? е) *княжий, княжин, княжок, князёк, подкняжий, князь* и т.д. Какое слово у вас употреблялось? Сколько участников свадьбы носило такое название? ж) *хоронжий* и т.д. Сколько участников свадьбы носило такое название? з) *маршалок* и т.д. Сколько участников свадьбы носило такое название? и) В каком чине был крестный отец жениха на свадьбе и как назывался этот чин (*староста, старший сват, коренной сват, дружко* и т.д.)?

8. **"Честность" невесты.** а) Какие действия или предметы на свадьбе указывали на честность–нечестность невесты: выставляли флаг или ходили с флагом (каким?), невеста не садилась на дежу, обливали невесту водой, водили вокруг ступы, надевали хомут на невесту или на ее мать, показывали брачную сорочку и т.д.? Существовал ли обычай показывать брачную сорочку невесты? б) Запрещались ли половые сношения в первую брачную ночь (или дольше?) или, наоборот, считались обязательными? Не должна ли была прежде невеста проводить первую брачную ночь с дружком, старшим братом жениха и т.д.?

9. **Дождь во время свадьбы.** а) Что означало, если во время свадьбы шел дождь: молодые будут богаты, счастливы; невеста будет плакать в замужестве; молодые прежде соскребали пригары со сковороды или снимали пенки с молока и т.д.? б) Что говорили детям, которые соскребали пригары со сковороды, с каши или снимали пенки с молока?

10. **Свадебные песни.** а) Запишите песню (обычно она свадебная) о сеянии невестой: красы ("там Марусенька молоденькая красоньку рассевала", ⟨⟨сеяла красу свою, сеяла и говорила: "Як я у батюхна буду, то я тебя выполю"⟩⟩), воли ("сита-решота доставала, мамкину волю рассевала"), доли ("сеяла мати долю, стоячи над водою"), доли и руты ("сей,

невеста, долю по моему полю, сей, невеста, руту по моему грунту"), руты и мяты ("не копай садку, не сади руты, тебе у батьки не буты, не копай грядки, не сади мятки, тебе не буты у матки", "я по саду хожу, руту-мяту сажу"), руты ("по садочку хожу, яру руту сажу", "там Маруся межу копала, руту сеяла"), рожи ("там Маруся межу копала, рожу сеяла", "ходит Маруся по сеножатям, копает лозу, сажает рожу"), рассады ("ехала Марусенька до венца, сеяла рассадоньку с рукавца") и т.д. б) Известен ли был обычай "опевать коровай", т.е. петь хвалебную песню, в которой рассказывается, из чего он испечен (из семи криниц водица, от семи коров маслице, из семи ульев медочек и т.д.)? Запишите песню и ее рефрен ("ой рано, рано", "ой раю, раю" и т.д.). В каких еще песнях встречаются эти рефрены (напр., купальских, жнивных)?

II. Родины

1. Как называется женщина: а) беременная (*череватая, толстая, тяжелая* и т.д.); б) роженица (*породуха, породилья, положница* и т.д.); в) бесплодная (*бездетуха, яловка, курак, курья, галановая* и т.д.); г) многодетная (*королица, трусиха* и т.д.); д) родившая вне брака (*накрытка, покрытка, байстручница* и т.д.)?

2. **Месячные.** а) Как называются месячные периоды у женщин (*сорочка, рубашка, на рубашке, рубашечно* и т.д.)? б) Какие запреты соблюдали женщины в это время: нельзя было заниматься определенными видами хозяйственных работ (сеять и сажать, собирать плоды, поливать огород и т.д.), домашних работ (вязать, прясть, топить печь, печь хлеб, рубить капусту, брать воду из реки, колодца и т.д.), участвовать в обрядах (посещать роженицу, быть кумой на крестинах, быть дружкой невесты на свадьбе, участвовать в похоронах или присутствовать при укладывании покойника в гроб и т.д.), ходить в церковь, на кладбище, совершать другие действия (напр., переступать через живое существо, залезать на дерево, прикасаться к плодовому дереву)?

3. **Рождение детей.** а) Что делали для того, чтобы иметь детей: клали яйцо за пазуху на свадьбе; бросали в подол черепки от разбитого горшка на крестинах, ходили к дубу и просили; садились на лавку, где лежал хлеб; съедали зерна самосейной ржи и т.д.? б) Что делали, чтобы рождались мальчики (напр., сажали мальчика на колени невесте на свадьбе)? в) Что делали, чтобы какое-то время после свадьбы не рождались дети: на свадьбе садились на пальцы, бросали деньги на печь при уходе из родительского дома, в первую брачную ночь или несколько ночей воздерживались от полового сношения и т.д.?

4. **Запреты при беременности.** Что запрещали делать беременной женщине для того, чтобы роды не были трудными, чтобы не повредить ребенку или другому человеку: стоять на меже, перекрестке, пороге; переступать через веревку, оглобли, дерево; носить в фартуке хлеб, яйца, крупу, семена, плоды; смотреть на падаль, на гадюку, на покойника; отталкивать ногой скотину; отливать воду в колодец; просить взаймы; переходить дорогу и т.д.?

5. **Средства, облегчающие роды.** а) Что делали для облегчения родов: обводили вокруг стола, переводили через кросна, водили по "свинячьим

стёжкам"; давали в руки ухват; катали обруч; открывали замки, сундуки, печную заслонку, окна, двери, царские врата; расстегивали одежду, развязывали узлы, расплетали косы; давали лизать мак со стола и т.д.? б) Что делал муж для облегчения родов: поил жену водой изо рта через порог; стонал, изображая родовые муки и т.д.? в) Запишите заговор или другой текст, который читали при родах.

6. **Детское место.** Как называется детское место (*постеля, место* и т.д.)? Что с ним делали: закапывали куда-либо (под печь, под покуть, под порог, под плодовое дерево и т.д.; вместе с гребенкой, иголкой, гвоздем, тряпочкой, деньгами, хлебом и т.д.), сохраняли для чего-либо (для лечения, выведения родимых пятен и т.д.)?

7. **Пуповина.** Как (на чем?) отрезали пуповину и что с ней делали: прикладывали к топору, обуху, ножу, гребенке; закапывали (где?) вместе с "детским местом", сохраняли (для чего?), гадали и т.д.?

8. **"Сорочка".** Как называется "сорочка", в которой рождаются некоторые дети (*капшук, мешок, чепец, сорочка, рубашка, плева* и т.д.)? Что с ней делали: закапывали (где?) вместе с "детским местом", сохраняли, брали с собой в дорогу, на торг, на первый сев, на первую пахоту – для удачи и т.д.?

9. **Последний ребенок.** а) Как называется последний ребенок в семье (*мизинец, вышкребок, поскребач* и т.д.)? б) Участвовал ли он в каких-либо обрядовых или магических действиях: раскусывал градину, чтобы остановить град; грыз кому-либо больное место, чтобы оно не болело; мел хату в чистый четверг; участвовал в засевании и т.д.?

10. **Имена детей до крещения.** а) Какими именами называли детей, умерших до крещения (*Адам* и *Ева, Иван* и *Марья* и т.д.)? б) Называли ли эти имена при виде падающей звезды или когда слышали "плач русалок"? Когда еще?

11. Как объясняли детям, откуда берутся дети: нашли в кустах, в капусте, в бураках, в траве; Марья дала, бусько принес, цыгане потеряли; бог послал, бог скинул, бог с неба каменчика кинул; с неба упал и т.д.?

12. **Стрижка волос.** а) Когда впервые стригли волосы ребенку и как это отмечалось? Кто это делал: крестный отец, отец и т.д.? б) Что делали с отрезанными волосами: прятали в щель над дверью в хате, в хлеву; сжигали в печи; бросали в проточную воду и т.д.?

13. **Повитуха.** а) Как называется повивальная бабка (*баба, бабка, дитячья баба, пупная баба, пупиха, природуха, княгиня* и т.д.)? б) В какой день в году ее чествовали и как этот день называется (*бабин день, бабкины родины, бабины, полоскозуб* и т.д.)?

III. Похороны

1. Как говорят об умирающем человеке (*собирается до дому, в дорогу, замуж; землей пахнет* и т.д.)?

2. Как называется предсмертная агония (*конает, ангел с чертом спорят, брод* и т.д.)?

3. Какими способами облегчалась агония тяжело умирающего или колдуна: перекладывали умирающего на пол, убирали подушку, вбивали клинья в потолок, разбирали крышу и т.д.?

4. Как называется смертный исход (*сконал, душа вышла, пара вышла, пошел до дедов, гуляет с дедами* и т.д.)?

5. Как называется покойник (*мрец, мерцяк, покойник, небощик* и т.д.)?

6. Как называется а) гроб; б) кладбище?

7. **Надгробные колоды.** Клали ли на могилу дубовые колоды и когда? Зарисуйте или сфотографируйте их; укажите форму, размер, расположение. Как они называются (*колодка, приклад, прихором* и т.д.)?

8. **Снаряжение покойника.** а) Что подстилали в гроб: сено, травы, стружки, полотно, рушник, головной платок, одежду и т.д.? б) Чем набивали подушку: сеном, травами, стружками и т.д.? Как ее шили: слева направо, на живую нитку и т.д.? в) Чем накрывали покойника: покрывалом, скатертью и т.д.? г) Как одевали и обували покойника (покойницу)? д) Что клали в гроб женщине, мужчине, холостым, ребенку, старику, старухе? Что клали колдуну?

9. **Предметы, бывшие в соприкосновении с покойником.** а) Чем связывали ноги покойнику (напр., красной ниткой) и что с этим делали впоследствии (напр., выводили бородавки)? б) Что делали после выноса тела с лавкой, на которой лежал покойник: клали туда какие-либо предметы, посыпали житом, ложились, садились и т.д.?

10. **Поминальное блюдо.** Как называлось поминальное блюдо (*коливо, сыта, канун* и т.д.)? Что это: каша, хлеб, крошенный в сладкую воду, и т.д.?

11. Существовал ли обычай на другой день после похорон навещать покойника? Как это называлось (*будить, побужать покойника, носить снедать* и т.д.)? Как это делали?

12. **Сороковины.** а) Как назывались поминки 40-го дня или 6 недель (*сороковины, сорочины, заздоровно* и т.д.)? б) Что такое *снимать, вздымать воздух*? Когда и как это делалось (на 40-й день, через год и т.д.)?

13. **Годовые поминальные дни.** а) Как назывались общие для всех умерших поминальные дни (*деды, бабы, поминальницы* и т.д.)? б) Когда их справляли и как назывались каждые из этих ежегодных поминок в отдельности (*перште, другие, третьи деды; михайловские деды* и т.д.)? Какие из них главные? в) Какие еще праздники справляли "для мертвых" (навский великдень, пасха для мертвых, навская троица и т.д.)? Когда? г) Как называется радуница, т.е. вторник Фоминой недели (*радовница, дедовица, , гробки* и т.д.)? Что делали в этот день?

14. Как назывались все умершие родственники, предки (*деды, души, душки, родители, умершие, покойники* и т.д.)?

15. **Заложные покойники.** Где хоронили некрещеных детей, висельников, утопленников, самоубийц, опойц, колдунов: вне кладбища (на месте смерти, в поле, на горе, за рвом, на развилке или перекрестке дорог, на границах), на кладбище (о ограды, в углу – каком по сторонам света)?

16. Что делали, чтобы покойник "не ходил": обсыпали могилу, дом маком (запишите название: *мак-ведун, мак-ведук, глухой мак* и т.д.) или лущиком (семя самосейного льна), вбивали в могилу осиновый кол и т.д.?

17. Как представляли себе смерть? В каком виде она является умирающему: женщина в белом, черном, с косой, жаба и т.д.?

18. Считалось ли, что можно видеть душу умирающего, умершего или спящего человека и в каком образе: в виде воздуха, тени, дыма, пара, клубка, столба; в виде птицы, мыши, насекомого и т.д.? Запишите былички.

КАЛЕНДАРНАЯ ОБРЯДНОСТЬ

IV. Святки

1. Как называли период от рождества до крещения или от Нового года до крещения (*свечки, коляды, святые вечера* и т.д.)?

2. Как называли день накануне рождества (*коляда, щедруха* и т.д.)?

3. Был ли обычай обвязывать ножки стола веревкой, цепью, соломенным жгутом? Когда это делалось и для чего?

4. **Рождественская солома.** а) Что делали с соломой или сеном (чем именно?) на святки (когда именно?): стелили под скатерть, клали в покуть на лавку и т.д.? б) Как ее (его) использовали впоследствии: давали скоту, клали в гроб, в гнездо домашней птице, жгли, разбрасывали по полю и т.д.? в) Обвязывали ли деревья соломой? Запишите формулу и действия, которыми сопровождалось обвязывание дерева: замахивались топором, угрожали и т.д.

5. Выпекался ли специальный хлеб в это время (когда именно?)? Как он назывался (*палюхи, подпалки, колядники, перушки* и т.д.)? Какой он был формы? Что с ним делали: давали колядникам, давали скотине и т.д.?

6. Не приглашали ли к ужину мороз, дедов, волка или еще кого-нибудь? Когда? Запишите формулу приглашения.

7. Что предвещал первый человек, пришедший в дом на рождество или Новый год – мужчина, женщина, мальчик, девочка, еврей, цыган и т.д.?

8. Когда происходили девичьи гадания о замужестве и судьбе: на Андрея, под рождество, под Новый год, на крещение и т.д.?

9. Какие гадания происходили у колодца или были связаны с колодцем (запишите рассказ подробно): сеянье льна, конопли, мака; кричание в колодец; изготовление колодца из палочек и т.д.? Когда? Запишите приговоры, сопровождавшие гадания.

10. **Кутья.** а) Какие гадания совершались с кутьей и ложками и когда? б) Что еще делали с кутьей, с верхом кутьи, с остатками кутьи (напр., отдавали курам)?

11. Как назывался новогодний вечер (*щедруха, богатый вечер, куготы* и т.д.)?

12. Сколько раз и когда справляли кутью от рождества до крещения? Два или три раза? Как называлась каждая из них (*бедная, голодная, щедрая* и т.д.)?

13. **Колядование.** а) Когда ходили колядовать (щедровать): под рождество, под Новый год, в другое время (напр., на пасху)? б) Как называлось это действие и его участники?

14. Какие персонажи (маски) участвовали в колядовании: коза, медведь, конь и т.д.? Ходили ли со звездой? Запишите песню о козе типа "О-го-го коза ...".

15. Запишите формулы угрозы и благодарности колядников хозяевам.

16. **Святочные песни.** а) Исполняли ли колядники одну песню в доме или больше? Кому адресовались колядки и в каком порядке их исполняли: хозяину дома, хозяйке, парню, девушке, детям? б) Какие припевы имеют колядные песни: "святый вечер", "добрый вечер", "святой вечёр, свято рождество", "ой дай боже" и т.д.?

V. Весна

1. **Сретенье.** а) Как назывался праздник сретенья (*стриченье, громницы* и т.д.)? б) Как называлась сретенская свеча (напр., *громница*)? Что с ней делали?

2. **Неделя перед великим постом.** а) Как называлась неделя перед великим постом (напр., *маслęная*)? Что делали на этой неделе? б) Что такое колодка? Что такое *тягать колодку* (*водить колодку, колодий справлять* и т.д.)? Совершались ли какие-либо обрядовые действия с колодой дерева, бревном, поленом и т.п.?

3. **Крестопоклонная неделя.** Как называлась четвертая (крестопоклонная) неделя поста? Как назывались и как выглядели хлебцы, которые пеклись в это время? Сколько их пекли? Что с ними делали: съедали сами, брали при засеве, первой пахоте, зажине, первом выгоне скота и т.д.?

4. **День сорока мучеников.** Как назывался день сорока мучеников (напр., *сороки*)? Как назывались и как выглядели хлебцы, которые пеклись к этому дню? Что с ними делали?

5. **Благовещенье.** Как назывался праздник благовещенья? Как назывались и как выглядели хлебцы, которые пеклись к этому дню? Что с ними делали?

6. Был ли известен обычай ко дню благовещенья или другому дню (какому?) мести хату (чем?), двор, сжигать мусор, веники и т.д.? Для чего это делали: для отгона змей, нечистой силы и т.д.?

7. **Встреча весны.** а) Был ли известен обычай встречать весну? б) С прилетом каких птиц связывали ее начало: аиста, жаворонка и т.д.? в) Какими закличками встречали весну?

8. **Егорий (Юрий).** Как назывался день св. Георгия, т.е. 23 апреля ст. ст., или 6 мая н. ст. (*Юрий, Егорий*)? Что делали в этот день (к этому дню): ходили в жито, собирали росу, жгли костры, жарили яичницу, выгоняли скот и т.д.?

9. **Вербное воскресенье.** а) Как называлось последнее воскресенье поста, т.е. воскресенье на шестой неделе поста (напр., *вербница*)? Что делали с освященной вербой: били друг друга, хлестали скотину, затыкали ветви за образа, за дверь хлева и т.д.? б) Что приговаривали при битье вербой?

10. **Чистый четверг.** а) Как назывался четверг на страстной неделе? Что делали в этот день: купались, обливались водой, мели хату, двор, жгли костры, мыли дежу, становились на камень, совершали обход дома, чертили на домах кресты и т.д.? б) Освящали ли свечи и что с ними делали впоследствии?

11. **Пасха.** а) Как назывались пасхальные яйца? В какой день их красили? б) Что с ними делали: съедали, дарили кому-либо, отдавали нищим, носили на кладбище, брали в поле при засеве и т.д.? Что делали со скорлупой пасхальных яиц? в) Что делали с костями освященного пасхального поросенка: закапывали в поле (когда?), пускали на воду, подвешивали на чердаке и т.д.? г) Как использовали скатерть, на которой святили пасху: выносили из дому навстречу градовой туче, накрывали умирающего и т.д.? д) Почему нельзя было спать во время пасхальной всенощной (заутрени)? Что случится, если нарушить этот запрет: будешь спать весь год, русалки зашьют очи, поляжет лен или рожь, не найдешь

яиц диких уток, бог доли не даст и т.д.? Нарушение каких еще запретов может привести к таким последствиям?

12. **"Сухой" день. "Градовой" день.** а) Какой день (дни) назывался сухим: среда после пасхи, четверг после троицы и т.д.? Что делали в этот день (напр., пересушивали одежду)? Чего нельзя было делать в этот день (напр., работать в поле, на огороде)? Почему (напр., будет засуха)? В какие еще дни, праздники соблюдали эти запреты во избежание засухи? б) Какой день (дни) называли *градовым, градобойным* и т.д. (напр., через день после Миколы летнего)? Чего нельзя было делать в этот день (напр., работать в поле)? Почему (напр., чтобы не было града)? В какие еще дни, праздники соблюдали эти запреты во избежание града?

13. **Фомина неделя.** Как называлась неделя (воскресенье на этой неделе) после пасхи (*провидная, проводы* и т.д.)? Что делали в это время? Чего нельзя было делать в это время и почему?

VI. Купала

1. **Названия праздника.** а) Как назывался день Иоанна Крестителя, т.е. 24 июня ст. ст., или 7 июля н. ст. (*Иван, Иван ведьмарский, Иван Петровский, Иван Купала, Ян, святой Ян* и т.д.)? б) Как назывался канун этого праздника, т.е. 23 VI ст. ст., или 6 VII н. ст. (*Купала, Иван Купала* и т.д.)?

2. **Костры.** а) В какие дни в году жгли костры: на рождество, на пасху, благовещенье, Юрия, Купалу, Петра и т.д.? б) Как назывался купальский костер (*купала, огонь* и т.д.)? Как его устраивали? Где раскладывали костер: у воды, на открытом месте за селом, на возвышенности, вокруг растущего дерева (какого?)?

3. **Жердь посреди костра.** а) Ставили ли посередине костра жердь и как она называлась (*насьлица, острога* и т.д.)? б) Что на ней укрепляли: конский череп, колесо, ведерко от дегтя, старый кошель, старые лапти, пучок крапивы, солому и т.д.? Как называлось то, что укрепляли (напр., *ведьма*)? Сбивали ли это в огонь?

4. Что бросали в огонь, сжигали в огне: старую обувь (лапти), старые корзины, венки, цветы, чучело ведьмы, соломенную куклу, украшенное деревце, веники и т.д.?

5. **Купальское деревце.** а) Украшалось ли дерево накануне Ивана Купалы? Какое: растущее, срубленное (какой породы?), ветка и т.д.? Чем украшалось: цветами, бумажками, конфетами и т.д.? Как называлось такое дерево или ветка (*купала, купальница, вильце, гильце* и т.д.)? б) Что делали с этим деревом, деревцем, веткой: водили вокруг него хороводы, носили его по селу, носили вокруг костра, укрепляли на шесте, бросали в огонь, бросали в воду, снимали украшения, разрывали на части, разбирали по частям участники обряда и т.д.?

6. **Защита от ведьм.** Как в купальскую ночь защищались сами, защищали скот и посевы от ведьмы, нечистой силы: а) затыкали ветки деревьев (каких?), крапиву за окна, за двери дома, хлева; вешали их на рога, шею коровам и т.д.; б) оберегали молочную посуду (как?); в) караулили, выслеживали ведьму: у костра кипятили воду, цедилки, иголки и т.д.; г) протягивали нитку через дорогу, чтобы скотина перешла; посыпали

дорогу или выгон маком, семенем льна, стеблями конопли, измельченными листьями крапивы, чтобы скотина перешла; д) калечили животных: жабу, кошку, свинью и т.д.?

7. **Чучело ведьмы.** а) Делалось ли чучело ведьмы? Из чего: из соломы, палок, тряпья, крапивы и т.д.? Что с ним делали: одевали в женскую одежду, насаживали на шест, носили по селу, водили по селу, бросали в костер, бросали в воду, разрывали на части и т.д.? Как его называли? б) Выбирали ли ведьмой одну из участниц обряда?

8. Плели ли венки? Что с ними делали: бросали в воду, в костер, гадали о замужестве и судьбе и т.д.?

9. Купались ли в эту ночь или, наоборот, был запрет купаться?

10. **Бесчинства.** а) Когда молодежь творила бесчинства: на Купалу, рождество, Новый год, на свадьбе, когда еще? б) Что делали: таскали телеги, лодки, бочки; переворачивали их; забрасывали на крышу; снимали заборы; выводили скот из хлева и т.д.?

11. **Игра солнца.** Как называется игра солнца (*солнце играет, купается, красуется, меняется, прыгает, танцует, гуляет* и т.д.)? Когда это можно видеть: на Купалу, Петра, пасху, благовещенье, воздвиженье, рождество?

ОБРЯДЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ЦИКЛА

VII. Сев и жатва

1. **Пахота.** Что делали при запахивании, чтобы был хороший урожай, чтобы град не побил посевов: брали с собой яйцо, хлебец, громничную свечу, закапывали в борозду кости от пасхального мяса и т.д.?

2. **Сев.** а) Что делали при засевании, чтобы был хороший урожай, чтобы град не побил посевов: клали в семена яйцо, брали с собой хлебец, громничную свечу; поручали засевание человеку с большой бородой или мальчику, засевали босиком или в исподнем белье и т.д.? б) Каким зерном засевали: зерном из рождественского снопа; зерном, которое разбрасывали по хате на Новый год; зерном из дожиночного венка, снопа, букета; зерном из двухколосого стебля и т.д.?

3. Ходили ли весной в жито и когда: на Юрия, на Купалу и т.д.? Что там делали: обедали (что ели и пили?); "качались" (кто?); гадали об урожае, пряча в жито пирог или хлеб; втыкали прутики вербы и т.д.?

4. Что делали, чтобы при жатве не болели руки: обвязывали их обрывками тряпочки, которой были связаны ноги покойника; ниткой со свадебного коровая; ниткой, идущей назад, т.е. лишней в берде; красной шерстяной ниткой; колосьями, вырванными на том месте, где зажинали, и т.д.?

5. Что делали, чтобы во время жатвы не болела спина: "качались" или кувыркались по земле с приговором (каким?); опоясывались перевяслом (из колосьев, травы "спорыш" и т.д.); затыкали что-либо за пояс (колосья, корешки колосьев, заячью капусту, веточку дуба и т.д.); "топтали" спину, т.е. мяли ее один другому ногами под матицей и т.д.?

6. Что делали при работе в поле с остатками еды: высыпали или выливали на межу для птиц, мышей, муравьев (что при этом приговаривали?); приносили домой и отдавали детям, говоря, что это "от зайца";

отдавали скотине или курам; говорили, что надо доесть, иначе "куры сдохнут", и т.д.?

7. Что делали для того, чтобы мыши и птицы не ели хлеба: при свозке снопов сбрасывали с воза один сноп (что при этом приговаривали?); клали в углу сарая, где хранится зерно, особый хлебец; начинали складывать снопы в день, на который приходилось благовещенье; обходили поле с "колком", которым бьют свиней, со "свяченым" платком и т.д.?

8. **"Борода"**. а) Как назывались колосья, которые при окончании жатвы оставляли в поле (*коза, борода, перепелица, дожинки, квитка* и т.д.)? Сколько колосьев оставляли? Должны ли они были расти из одного зерна? б) Что делали, оставляя "бороду": связывали красной ниткой, надламывали, заплетали в косу, обкладывали горстями соломы или камнями; пропалывали, разрыхляли землю серпом; обливали водой; клали внутрь камень, хлеб, соль и т.д.?

9. **Кувырканье.** Кувыркались ли по полю при окончании жатвы? Как играли при окончании жатвы: таскали друг друга за ноги, "качались", стоя спиной друг к другу, и т.д.?

10. Как называли, дразнили жнеца, который жал хуже других, последним (*козел-борода, старый, на тебя коза мекает, вся старость падает* и т.д.)?

11. Обвязывали ли хозяина поля перевяслом? Обставляли ли его снопами? Опишите этот обряд.

12. **Освящение колосьев**. а) Когда освящали колосья: на спаса, на успение и т.д.? б) Какие именно: срезанные в начале жатвы, т.е. при зажине, или в конце жатвы, т.е. при дожине?

13. **Дожиночный "букет"**. а) Как назывались колосья, которые освящали (*борода, коза, хрестик, квитка, ветка, метелочка, дожинки* и т.д.)? Опишите, зарисуйте или сфотографируйте тот предмет, который из них делали: букет, сноп, крест, круглый венок, особое сооружение на трех ножках и т.д. Откуда брали колосья для такого букета, венка, креста и т.п.: отрезали от "бороды" или вытягивали из снопа? б) Что делали с освященными колосьями впоследствии: использовали при засеве (как именно?), отдавали скотине (когда?), отдавали курам, использовали для лечения людей и животных (как?)?

14. Как называли блюдо, которое готовили при зажине или на дожинках, – когда именно (*пряжмо, кутья* и т.д.)? Что это: мясное (петух, свинина, баранина и т.д.), яичница, жареные колосья, блины, пироги, хлебцы, каша (что с ней делали?)?

15. **"Залом"**. а) Как называлось спутанное, связанное, сломанное жито в поле, которое якобы причиняло вред хозяину поля (*залом, завивка, завязка, кукла, кубло* и т.д.)? Как выглядел "залом": скрученные, сломанные, связанные и т.д. колосья? Что там можно было найти: волосы, яйцо, убитую змею и т.д.? Какой вред это могло причинить хозяину? б) Как обезвредить "залом": выдернуть осиновым колом, рукой, измазанной в свином навозе; закрестить серпом и т.д.? Что говорили при этом?

16. **Спорынья**. Как называются черные зерна во ржи? (*воловье жито, волчье жито, бойсновое жито, рогаки, рожки, спор* и т.д.)? Чем объясняли их появление?

17. **Жатвенные песни**. Запишите песню о "бороде" типа "Ой, чья это борода черным шелком увита...".

VIII. Скот

1. **Обереги скота.** а) Был ли обычай вывешивать в хлеву, на дворе, на дверях дома (где именно?) убитую птицу: сороку, ворону, сову, летучую мышь и т.д.? Зачем это делали? б) Какие предметы помещали (клали, затыкали, подвешивали) в хлеву, в доме (где именно?): зеркало, камень, гвозди, крест из осиновых прутьев, серп, косу, крапиву, щепки от разбитого молнией дерева и т.д.? Для чего?

2. Что делали и в каких случаях (при отеле, на Юрия, на Купалу и т.д.) с коровой, чтобы уберечь ее от порчи: привязывали к рогам мужской пояс, хозяйкин платок, кусок материи, оторванный от подола ее рубахи; навешивали на рога решето, венок из купальских трав; вешали на шею ладанку; обсыпали освященным маком, кропили святой водой и т.д.?

3. Каким образом и когда ведьмы отнимали у коров молоко: высасывали, обернувшись жабой, ужом и т.д.; собирали росу с чужих полей (как именно?) и т.д.?

4. Что делали, если у коровы убывало молоко: доили через обручальное кольцо, процеживали молоко через "цедилку" с иголками, ставили подойник под звезды и месяц, клали в подойник черепаху; окуривали вымя, обмывали его проточной водой; кормили корову крошками из котомки нищего, поили водой, взятой из чужих колодцев, и т.д.?

5. Отчего корова начинает доиться кровью: оттого, что под брюхом ее пролетела ласточка, пробежала ласка; провели ножом по молоку или сметане и т.д.?

6. Как назывались специальные хлебцы, скармливаемые скотине? Как они выглядели? Когда они пеклись: на рождество, на сретенье, сорок мучеников, пасху, при первом выгоне скота и т.д.?

7. Какие предметы и для чего подкладывали под порог хлева при первом выгоне скота: замок, нож, косу, серп, нит и бердо, пояс, яйцо, хлеб (какой?) и т.д.?

8. Были ли особые праздники у пастухов и в какие дни: при первом выгоне скота, на Николу зимнего и т.д.? Какую еду готовили в этот день (напр., яичницу), в какие игры играли?

9. Что делали, чтобы корова (лошадь) "погуляла": кормили ее хлебом через изгородь, кормили из подола, кормили "поскребками" с хлебной лопаты, обтирали рубахой или штанами, гнали палкой, застрявшей в ветвях плодового дерева, и т.д.?

10. Какие действия совершались во время мора скота: обход села, опахивание села, тканье обыденного холста (рушника), перегон через проточную воду, огонь и т.д.?

11. **Опахивание.** Как совершался обряд опахивания и кто в нем участвовал: старухи и девушки, мужчины-близнецы и т.д.? Кого впрягали в соху: старух, девушек, волов-близнецов и т.д.?

12. **Обыденный холст.** Как назывался холст (рубашка), ткавшийся по случаю мора, падежа скота, засухи, войны и других бедствий (*обыденник, завеса, оброк* и т.д.)? Что делали с этим холстом: перегоняли скот (через него или под ним?), жертвовали в церковь, опоясывали церковь, закапывали в землю, вешали на придорожные кресты, развешивали по селу, сжигали и т.д.?

IX. Строительство

1. Как выбирали место для закладки дома: оставляли на этом месте хлеб на ночь и проверяли его сохранность, выходили на предполагаемое место босиком, спали на этом месте и гадали по сну и т.д.? На каком месте нельзя было строить дом и почему?

2. Считалось ли опасным подходить к заложенному дому? Кому это было опасно (напр., женщинам) и почему (напр., родятся близнецы)? Могли ли строители "заложить", навести порчу на человека и каким образом?

3. Как называлось празднество, посвященное закладке верхней балки (*квитка, елка* и т.д.)?

4. **Новоселье.** а) Как называется переезд в новый дом (*влазины, входины* и т.д.)? б) Какое животное впускали в дом, прежде чем в него войти: кота, петуха и т.д.? в) Какой предмет вносили в дом первым: икону, стол, дежу и т.д.? г) Какие предметы вносили для того, чтобы дом был благополучным: полное ведро, хомут и т.д.?

X. Ткачество

1. **Лен, конопля.** а) Что делали в день посева, чтобы был хороший урожай льна и конопли: ехали сеять дальней дорогой; сеятель одевался во все чистое; девушки распускали волосы; клали семена на спину лошади, несли их на плече; клали в семена яйца, сыр, воск; подбрасывали вверх яйца, мешок из-под семян; разбрасывали по полю скорлупу пасхальных яиц и т.д.? б) Что делали в течение года, чтобы лен (конопля) был "долгим", белым, чистым: прыгали, танцевали, качались на качелях, посыпали семенами льна высокую женщину, затыкали в стену иголку с длинной ниткой, купались, мыли руки в реке или озере, прыгали через костер, бросали в костер кудель, старались в праздники как можно раньше вымести печь и дом и т.д.? Когда это делали: на рождество, Купалу, троицу и т.д.?

2. **Календарные запреты.** В какие дни (дни недели, святки, "деды", другие праздники, фазы месяца и т.д.) нельзя было и почему: а) прясть лен и шерсть (явится богоматерь, Варвара, "пятница", "среда", "недельки", "полночь", "ночницы"; ослепнешь; на том свете будут колоть веретенами; овцы будут вертеться; молния спалит сено; будут рождаться уродливые дети, ягнята, поросята; хозяин отрубит руку при рубке дров и т.д.); б) мотать нитки (напр., *дедам дорогу замотаешь*); в) сновать (волки будут бродить – "сноваться", скотина и куры не будут приходить домой, умершие не придут на "деды", мошки будут "сноваться" и т.д.); г) навивать (в нитках будут сорочьи лапы, змеи наползут и т.д.); д) ткать (будет засуха, не выйдешь замуж и т.д.)?

3. **"Пятница"**. Кто, какое существо, дух, по рассказам стариков, мог приходить прясть или ткать ночью: "пятница", богоматерь, русалка, "полночь", домовик и т.д.? В каких случаях это происходило? Как он выглядел? Что делал (напр., гремел при работе)? Запишите былички.

4. **Основа.** Что и с какой целью делали с основой, сняв ее со стены: поднимали над головой, чтобы лен был высокий; ударяли о стену, лавку,

чтобы полотно было крепкое; садились на нее и болтали ногами, чтобы уток хорошо прибивался; протягивали между ног, топтали ногами, чтобы работа спорилась, и т.д.? Что при этом приговаривали?

5. **Тканье.** а) Что делала ткачиха при "затыкании" (начале тканья): поднимала челнок, перекидывала его под кроснами, крестила кросна и т.д.? Зачем она это делала и что при этом говорила (напр., "Зевайте, кросна, как мачеха зевает")? Что делали присутствующие (напр., садились, чтобы полотно хорошо садилось)? б) Что делали при "дотыкании" (окончании тканья): ставили дотыкальный пруток, чтобы рос высокий лен; гадали с ним; перекручивали воротило, чтобы рот был закрыт после смерти, и т.д.? Что делали присутствующие при дотыкании (напр., завязывали волосы)?

6. **Запреты, связанные с недоделанной работой и орудиями труда.** а) Почему нельзя было в определенные дни недели, праздники (когда именно?) оставлять на виду веретено и прялку: веретена ужами в лес уйдут, будешь видеть летом змей и т.д.? б) Как называется остаток кудели на прялке (*недопрядок, недокудилок, борода, колтун* и т.д.)? Как называется остаток "мычки" (волокна) на гребне (*колтун, клок* и т.д.)? в) Что будет, если оставить на прялке, гребне кудель или мычку: "у деда борода вырастет", "придет Филипп и насере", "ночь спрядет" и т.д.? Что будет, если оставить их на праздник (напр., рождество): лен не будет родиться, будут сорняки и т.д.? Был ли обычай специально оставлять на прялке, гребне немного волокна на какой-либо праздник или на лето? Когда и зачем это делали: на рождество – чтобы родился лен, на лето – чтобы "погуляла" корова, и т.д.? г) Почему нельзя оставлять на ночь основу в доме, на дворе, проходить под ней, переступать через нее: черти будут сновать и все перепутают; умрет тот, кто будет носить одежду из этого полотна; семья не будет спать, овцы будут голыми, новорожденный будет обвит пуповиной и т.д.? д) Можно ли оставлять на лето сплетенную или навитую на воротило основу? Если нет, то почему (напр., волки будут "сноваться")? Что делали, если приходилось ее оставлять (напр., замыкали замком)? е) Что будет, если оставить недотканные кросна на праздник – благовещенье, пасху и т.д. (напр., будут нападать волки)? Что делали, если приходилось их оставлять (напр., замыкали замком)?

7. **Обереги.** а) Как относились к приходу постороннего во время прядения, снования, навивания, тканья? Что делали, чтобы он не "испортил" работу (напр., показывали два кукиша через ниты)? Что должен был сказать пришедший работающим? Что ему отвечали? б) Как оберегались от сглаза, порчи при прядении и сновании (затыкали иголку, бросали уголек или "печинку", клали топор или молоток, посыпали основу пылью из-под порога, посыпали хату льном и т.д.), при навивании и тканье (брали соль, хлеб, нож, втыкали иголку и т.д.)? в) Что делали при тканье, если не шла работа: проводили штанами по кроснам, кропили кросна помоями с кочерги или с руки, чтобы снять "уроки", и т.д.?

8. **Передача инвентаря.** а) Можно ли было передавать, в частности после захода солнца, атрибуты прядения и тканья (основу, нит, берда, веретено, прялку, терницу и т.д.) в чужой дом, в чужое село, за реку? Если нельзя, то почему: волки набегут (будут "сноваться"), будет град, пожар, пчелы переведутся и т.д.? б) Какие предосторожности соблюдали при выносе

из дому и передаче в другой дом этих предметов: обвязывали их нитками, заворачивали, замыкали замком и т.д.? в) Каким образом и когда следовало возвращать взятые взаймы предметы: обернув волокном, пряжей, отрезанными концами основы и т.д.? Почему?

9. **Костра.** Что делали с кострой: высыпали в поле, на скотный двор, на дорогу, где ходят коровы, закапывали во дворе, сжигали и т.д.? Зачем это делали: чтобы был хороший урожай, чтобы распознать ведьму и т.д.? Куда нельзя было выбрасывать костру и почему?

10. **Первая пряжа.** Что делали с пряжей, впервые спряденной девочкой (напр., сжигали и давали ей съесть пепел)?

11. **Четверговая нить.** Прялась ли иногда особая нить? Когда: в чистый четверг до восхода солнца, в ночь на Ивана Купалу и т.д.? Как она называлась? Из чего ее пряли: из крапивы, из "пухлика" и т.д.? Где и как ее пряли: сидя на пороге, молча, крутя веретено в обратную сторону, левой рукой, без веретена и т.д.? Как она использовалась: для лечения ломоты, судорог, выведения бородавок, для гадания, наведения порчи и т.д.?

12. **Полотно, закрученное вихрем.** Что делали с полотном, закрученным вихрем: вешали на придорожные кресты, отдавали в церковь, закапывали, сжигали, продавали иноверцу и т.д.?

XI. Хлеб

1. **Повседневный хлеб.** а) Как назывался и как выглядел хлеб из ржаной муки, который пекли в будни для каждодневного употребления (*буханка, кулидка, паляница* и т.д.)? Какой он был формы? Зарисуйте схематически, укажите размеры. б) Как назывался хлеб из гречневой, ячменной и другой муки (*гречаник, малай, ячник* и т.д.)? Какой он был формы и когда его пекли? в) Как назывался хлеб из остатков теста в деже (напр., *поскребач*)? Что с ним делали? г) Как назывались двойные (слипшиеся) буханки (напр., *близнята*)? Что с ними делали: разламывали над головой ребенка, ломали и давали новобрачным на свадьбе и т.д.? д) Как назывался хлеб, забытый в печи (напр., *забутный хлеб*)? Что с ним делали: использовали для лечения, давали съесть, чтобы не бояться покойника, и т.д.?

2. Как называется маленькая булочка (*пампушка, пирожок, палюшка* и т.д.)? Какой формы бывали маленькие булочки и когда их пекли?

3. Как надо было делить хлеб – резать или ломать? В каких случаях хлеб можно было только ломать (напр., на поминках)?

4. Какие существовали гадания с хлебом и о чем (запишите рассказ полностью): пускали хлеб по воде, выставляли собаке на выбор, клали под подушку, клали в колосья в поле, оставляли на развилке дорог, на предполагаемом месте нового дома и т.д.?

5. Был ли обычай оставлять хлеб на перекрестках, в лесу, в поле, в овине, под печкой, бросать в воду – в реку или колодец? Зачем это делали: для гадания, избавления от болезни, для наведения порчи и т.д.?

6. Запишите легенду о том, что прежде колос начинался от самой земли. Какая роль в этой легенде отводится кошке, собаке и т.д.? Был ли обычай при выпечке первого хлеба из нового урожая кормить им кошку и собаку?

7. Известна ли быличка или загадка о "муках хлеба" (хлебу завидуют, что он в почете; хлеб отвечает, что прежде он претерпел много мук: его молотили, месили, на огне пекли и т.д.). Запишите их.

XII. Утварь и одежда

1. **Хлебная дежа.** а) Что делали с дежой, крышкой дежи на свадьбе: сажали на дежу невесту, заставляли невесту переступить через дежу, клали на крышку дежи коровай, чепец и т.д.? б) Что делали с дежой, крышкой дежи, чтобы остановить дождь: выносили на двор, забрасывали на крышу и т.д.? в) Что делали с дежой при зажине (напр., обвязывали перевяслом)? г) В какой день (к какому празднику) мыли дежу: на чистый четверг, благовещенье и т.д.? Что еще делали с ней в этот день: выносили на двор, ставили на покуть, обвязывали красным поясом и т.д.? Как это называлось (напр., *дежа говеет*)? д) Какие были известны поверья о деже: если заглянуть в дежу, не будешь бояться покойников; если мужчина заглянет в дежу, у него не будет расти борода, и т.д.? е) Что делали с дежой, если не удавался хлеб: окуривали, натирали луком, воском и т.д.?

2. **Горшок, кувшин.** а) Что делали с горшком, кувшином во время засухи: крали у соседей, вдовы, инородца, гончара; бросали в колодец и т.д.? Вешали ли целый или дырявый горшок на забор и для чего: от засухи, для оберега цыплят и т.д.? б) Когда били посуду (горшки): на свадьбе, на крестинах, на похоронах и т.д.? Для чего это делали? в) Что делали с черепками: бросали в подол женщине, на порог; клали молодым на голову; бросали в колодец; носили на огород и т.д.? Для чего? г) Что делали с горшком каши на свадьбе? д) Что делали с горшком каши на крестинах? е) Какие поверья связаны с горшечником (гончаром): если на святки проедет гончар, девушек не будут брать замуж; если украдешь горшок, на том свете встретишь горшечника, и т.д.?

3. **Ложки.** а) Какие обрядовые и магические действия и когда совершались с ложками: выкладывали на стол на "деды", гадали с ними на святки, носили в курятник, связывали на свадьбе и т.д.? б) Какие запреты связаны с ложками: нельзя было класть ложку выемкой кверху или книзу, нельзя было наливать в нее молоко, стучать ложкой по посуде с молоком, по столу и т.д.?

4. **Печь и печная утварь.** Какие обрядовые и магические действия и когда совершались с печной утварью (кочергой, ухватом, хлебной лопатой, печной заслонкой, помелом): выбрасывали на двор, чтобы остановить тучу, дождь, град; стучали ухватом в потолок на свадьбе, били хлебной лопатой на свадьбе; гадали о замужестве, становясь на заслонку; переворачивали ухваты при проводах в армию; сажали больных детей на хлебную лопату, на печную заслонку; скакали на кочерге вокруг дома и т.д.?

5. **Решето, сито.** Какие обрядовые и магические действия и когда совершались с решетом или ситом: лили воду через решето (для чего?), навешивали на рога корове, обходили отелившуюся корову с решетом, жгли старое решето и окуривали им больного и т.д.?

6. **Ступа и пест.** а) Какие обрядовые и магические действия совершались со ступой и пестом: обводили "нечестную" невесту вокруг ступы на свадьбе, заставляли толочь воду в ступе, клали пест ей в постель и т.д.?. Почему

нельзя оставлять пест в ступе на ночь (напр., дети будут косматые)? б) Известен ли шутливый свадебный приговор типа "Дарую ступу с толкачом..."? Известен ли рассказ о "свадьбе ступы с толкачом"? Запишите их. Известны ли рассказы о женитьбе других предметов: печки и "комина" (трубы), мешка и торбы и т.д.?

7. **Веник.** а) Как назывался старый, стертый веник (напр., *деркач*)? Что делали со старым веником – выбрасывали или сжигали? Чего нельзя было делать: выбрасывать на улицу, сжигать, бить им скотину, человека, переступать через него и т.д.? Почему? б) Какие обрядовые и магические действия совершали с веником? Был ли обычай рубить, сечь старый веник на пороге, колоде, в воротах? Как и когда это делали: на рождество, благовещенье, в чистый четверг и т.д.? Что при этом приговаривали? Что делали с разрубленным веником? Что еще делали с веником (старым веником): жгли на благовещенье, Купалу и т.д. (зачем?); вносили в новый дом при переезде; клали в гроб; били старым веником возле левой руки, если не сбивалось масло; били веником скотину в лечебных целях и т.д.? в) В какие дни, время суток было принято мести дом (напр., подметали в субботу вечером, чтобы огород не зарос травой)? С какими событиями или праздниками было связано обрядовое метение дома, двора: свадьба, похороны, благовещенье, чистый четверг, рождество и т.д.? Известен ли обычай обметать могилу? г) Когда нельзя было мести хату: когда в доме покойник, когда кто-либо из домашних в отъезде, на праздники и т.д.? Почему? д) Что делали с мусором? Куда и когда можно, куда и когда нельзя было выбрасывать его? Как и когда гадали с мусором?

8. **Борона.** Какие обрядовые и магические действия связаны с бороной: катали на бороне повитуху, тещу, молодых, невесту, свата; распознавали ведьму; гадали о замужестве; клали в гнездо аиста и т.д.?

9. **Обувь.** Как называются старые лапти – "постолы" (*остопки, выстопки, недотопки, выходки, выкидки, недодирки, кастопки* и т.д.)? Совершались ли какие-либо действия со старой обувью: сжигали ее в купальском костре, развешивали на купальском дереве, бросали на огороде, гадали с ней, выводили домашних насекомых и т.д.?

10. **Одежда.** Какие обрядовые и магические действия и когда совершались с предметами одежды: а) шапкой (клали яйца для наседки, надевали на невесту, клали в гроб, обтирались шапкой при болезни и т.д.); б) мужской или женской рубахой (заворачивали новорожденного, вешали в хлеву, протаскивали рубаху больного через прокоп в земле и т.д.); в) мужскими штанами (вешали в хлеву, сажали на них больного, пекли на свадьбе печение в виде штанов и т.д.); г) фартуком (вешали на могильные кресты, фартуком беременной женщины обтирали корову перед случкой и т.д.); д) поясом (гадали о замужестве, подкладывали под порог при первом выгоне скота и т.д.); е) кожухом (сажали на него молодых, клали новорожденного и т.д.)? ж) В каких случаях выворачивали одежду: на свадьбе, на крестинах, на святки, во время засухи, для предохранения от сглаза, порчи и т.д.? Существовал ли запрет выворачивать одежду (напр., одежду ребенка до года)?

11. **Нагота.** а) При каких обрядовых действиях считалось необходимым раздеваться полностью или частично: при засевании, обходе или опахивании села во время стихийных бедствий; метении, побелке хаты, выведении

насекомых, мышей и т.д.? Что именно снимали: юбку, платок, крест, пояс, штаны и т.д.? б) В каких случаях нужно было снимать обувь: когда ходили к деревьям на рождество, при выборе места для нового дома и т.д.?

12. **Предметы-обереги.** а) Какие предметы носила с собой в качестве оберега невеста, беременная женщина, женщина после родов, дети? б) Что клали в колыбель: нож, иголку, соль, уголек, "печинку", хлеб и т.д.? в) Что говорили тому, кто похвалил ребенка, чтобы избежать сглаза (напр., "Соль тебе в очи, горшок между щек")?

XIII. Демонология

1. **Русалка.** а) Кто мог стать русалкой: безгрешный человек; некрещеный ребенок; невеста, умершая до или во время свадьбы; знахарь, колдун; человек, умерший (родившийся) на русальной неделе и т.д.? б) Как выглядели русалки (волосы, одежда): как дети (девочки), девушки, железная баба, мужчины, полулюди-полуживотные (напр., коровы) и т.д.? в) Когда можно было увидеть русалок: на русальной неделе, в другое время (когда?)? г) Где можно было видеть русалок: в жите, на лугу, у воды, в лесу, на кладбище и т.д.? Куда они уходили после русальной недели: в могилу, на тот свет; в воду, в источники; в лес и т.д.? д) Что делали при встрече с русалками: крестили, давали имена (какие?), бросали одежду, платки и т.д.?

2. **Русальная неделя.** Как называется русальная неделя (*русальный тыждень, розыгры* и т.д.) и когда она бывает? Что делали на русальную неделю: вывешивали одежду, белье (кто это делал?); "провожали" русалок и т.д.? Опишите "проводы" русалок.

3. **Домовой.** а) Считалось ли, что в доме есть свой покровитель? Как он выглядел: змея, уж, кот, ласка, заяц, белка, воробей, человек и т.д.? Где он жил и что делал? б) Можно ли было убивать ужа, который живет в доме (где именно?)? Если нет, то почему? в) Запишите быличку об уже (люди перенесли яйца ужа, уж отравил людям питье, а когда обнаружил яйца на прежнем месте, опрокинул сосуд с отравой).

4. **Волк-оборотень.** а) Что такое *волколак* (*вовколака, вовкулак, вовкун* и т.д.)? Как происходило обращение человека в волка: путем втыкания ножа в пень, колоду; перепрыгивания через забор, колья; пролезания через дужку ведра, хомут; подкладывания под порог пояса ведьмы; накидывания волчьей шкуры; перекидывания гребня и т.д.? Как ему возвращали человеческий облик: втыкали нож в хлебное тесто, били вилами между глаз и т.д.? Когда происходило обращение в волка: на святки, Купалу, на новолуние, по ночам, днем и т.д.? в) Известны ли рассказы об обращении на свадьбу в животных: волков, собак, медведей и т.д.? Запишите эти рассказы.

5. **Черт.** В каком облике мог появиться черт: а) в виде ребенка, человека, солдата, охотника, музыканта, священника, инородца и т.д.; б) в виде человека без спины, со звериными копытами, хвостом, рогами, в "капелюше" и т.д. (укажите цвет одежды и форму "капелюша" и головы); в) в виде животного (свиньи, барана, теленка, зайца, собаки, утки и т.д.); г) в виде ветра, вихря, водоворота, огненного столба и других стихий; в виде колеса, клубка и т.д.?

6. **Леший, водяной и др.** Как называется, как выглядит и чем опасна нечистая сила: а) живущая в лесу (*лесун, лесовик* и т.д.); б) живущая в воде – реке, озере, болоте (напр., *водяник*); в) появляющаяся в поле, на меже (*полевик, межник* и т.д.); г) появляющаяся в полдень, в полночь (*полудник, полудница, полночь* и т.д.)?

7. Кем и как пугали детей (бабой, железной бабой, бабой Мезой, мужиком, дурным дедом, немкой, цыганом, водяным дедом, русалкой, волком, ужом, жабой и т.д.), чтобы они не ходили: а) в огород; б) к колодцу; в) к реке; г) в лес; д) в поле, в жито и т.д.?

8. Как говорили о порче (*сглазить, сурочить, накинуть, перевести, прироблять, вроблять; уроки, пристрек, примовка* и т.д.)? Как говорили о снятии порчи (напр., *отробить*)?

9. **Ведьма, колдун.** а) Как называются: колдун, знахарь (*ведьмарь, ведьмак, знахор, колдунник, шептун, чаровник, чернокнижник* и т.д.), ведьма, знахарка (*ведьма, ведьмарка, знахорка, шептунья, чаровница, волошебница* и т.д.)? Чем они отличались друг от друга? б) В каком облике могла появиться ведьма: в виде жабы, кота, собаки, свиньи, овцы, жука, колеса, клубка и т.д.)? в) В какие дни, праздники оберегались от ведьм: на Купалу, на святки, на пасху, в чистый четверг и т.д.? Что делали ведьмы в это время? г) Когда (напр., во время пасхальной всенощной) и каким способом можно было распознать ведьму: смотрели через зубья бороны, шли в церковь с кусочком сыра во рту, калечили животных и т.д.? д) С какими занятиями людей связывают способность к колдовству? Кому чаще всего ее приписывают: кузнецу, мельнику, пчеловоду, пастуху, строителю, музыканту и т.д.?

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРИРОДЕ

XIV. Астрономия. Метеорология. Время

1. Как называются Плеяды (*копы, бабки, курки, восожары* и т.д.)?

2. Как называется созвездие Орион (*косари, косы, чепиги* и т.д.)?

3. Как называется Млечный путь (*дорога, пташечья дорога, дорога святых, путь Мамая* и т.д.)? Как объясняют такие названия?

4. О чем гадали по звездному небу: о количестве овец, об урожае грибов, ягод и т.д.? Когда и как это делали?

5. Что означают пятна на полном месяце: Каин убил Авеля, брат брата заколол вилами, два брата с вилами, человек, работавший в праздник, человек на коне пашет волами, ангел, святой, медведь и т.д.?

6. Как называются фазы месяца: а) молодой месяц (*молодой, молодик, молодь* и т.д.); б) полнолуние (*полный, полня* и т.д.); в) на ущербе (*рушенье, гнилец* и т.д.); г) старый месяц (*старый, старик* и т.д.); д) безлунье (*на меже, перемена, чернец, ни того ни сего* и т.д.)?

7. **Время суток.** а) Как называется полночь (*глупица, глухая ночь* и т.д.)? б) Как называется темная ночь со вспышками молний без дождя? Что такое *рябиновая ночь, воробьиная ночь* и т.п.? в) Опасен ли полдень и чем? Опасно ли спать в полдень и почему? г) Чего нельзя было делать после захода солнца и почему: вывешивать пеленки, выносить мусор, начинать новую буханку хлеба, прясть, сновать, отдавать из дому берда, ниты и т.д.? Почему нельзя спать на заходе солнца?

8. **Благоприятные дни.** В какие дни (дни недели вообще и в зависимости от годовых праздников, от фазы месяца): а) начинали сажать овощи (капусту, огурцы, тыкву, картошку, лук и т.д.), деревья; сеять жито, лен, ячмень, овес и т.д.; б) складывали на зиму зерно, овощи; в) квасили капусту; г) резали свинью; д) подкладывали яйца под наседку; е) начинали сновать, ткать; мочили лен; ж) начинали строить дом и т.д.?

9. **Неблагоприятные дни.** Какие дни считались неблагоприятными для начала или исполнения этих работ: а) посадки овощей (капусты, огурцов, тыквы, картошки, лука и т.д.), деревьев; сеяния жита, льна, ячменя, овса и т.д.; б) укладки на зиму зерна, овощей; в) квашения капусты; г) закалывания свиньи; д) подкладывания яиц под наседку; е) снования, тканья; мочения льна; ж) закладки нового дома и т.д.?

10. Как называется "грибной" дождь (*свинячий дождь, зайцев дождь, черт жинку бьет* и т.д.)? Как объясняют такие названия?

11. **Белемнит ("чертов палец").** Как называются белемниты (*стрела, божий палец, гром, скала* и т.д.)? Как они появились?

12. Что означает слово *скала́*: молнию, гром, скалу, камень, капли жира на поверхности жидкости и т.д.?

13. **Омела** (вечнозеленый шаровидный куст, паразитирующий на дереве). Как называется омела (*черту венок, помело, вихрево гнездо* и т.д.)? Отчего она появляется?

14. **Вихрь.** Как говорили о вихре (*вихор, круча, крутень; крутит; чертово веселье, черт дочку замуж выдает, лихой крутит* и т.д.)? Что считалось причиной вихря: свадьба чертей, действия утопленников и висельников, смерть колдуна, погоня чертей за душами людей и т.д.?

XV. Дождь. Гром. Град

1. Какие действия совершались прежде во время засухи (или в другое время) с целью вызвать дождь или предупредить засуху: а) обход села, полей; б) тканье обыденного рушника; в) магия у колодца, реки, источника; г) поливание водой друг друга, беременной женщины, пастуха, попа и т.д., поливание полей, посевов, дерева, дороги, дома, могилы; д) разрушение муравейника; е) пахание высохшего русла реки, пахание дороги; ж) убиение ужа, лягушки, рака и т.д.; з) разрушение печи и т.д.?

2. Совершались ли во время засухи или в другое время (когда?) какие-либо действия у колодца: бросали в колодец мак, чеснок, хлеб и т.п., горшки, горшок с борщом, черепки, кирпичи; колотили воду палками; голосили по утопленнику и т.д.?

3. Известен ли был обычай во время засухи пахать (бороновать) высохшее русло реки, дорогу, рыть ямки на дороге; опахивать село?

4. Известно ли было во время засухи обращение к утопленникам (самоубийцам), голошение по утопленнику (запишите текст), поливание водой могилы утопленника, вырывание креста с могилы, разрушение могилы, бросание трупа в воду?

5. Известен ли был обычай во время засухи: а) разрушать муравейник (как это делали и что при этом говорили?); б) убивать ужа, жабу, рака, медведку и т.д., хоронить их и оплакивать (запишите подробности и тексты)?

6. Что запрещалось делать во избежание засухи: копать, рыть землю, ставить заборы, постройки до Благовещенья, Провод и т.д.; печь хлеб на Пасху, Благовещенье и т.д.; вывешивать белье на улицу до Благовещенья и т.д.?

7. Что делали, когда надвигалась или начиналась гроза, град, чтобы остановить, отогнать, отвернуть тучу, остановить дождь, град: выбрасывали на двор хлебную лопату, кочергу, хлебную дежу или другую утварь; бросали яйца; размахивали лопатой, палкой (какой?), скатертью и т.д.; зажигали свечи, вербу; крестили тучу, молились, произносили заклинания (какие? кто это делал?) и т.д.?

8. Известен ли был обычай во время засухи или в другое время (когда?) украшать девушку ветками, зеленью (какого дерева?), водить по селу, поливать водой? Как назывались обычай и девушка (напр., *куст*)? Зачем это делалось?

9. Какие песенки исполнялись детьми, чтобы а) вызвать дождь (напр., "Дождику, дождику, сварю тебе борщику..."), б) остановить дождь (напр., "Дождик, дождик, перестань...")? Запишите тексты полностью.

10. Что делали во время первого весеннего грома (заслышав первый весенний гром): а) терлись спиной о дуб, дубовый столб, о стену дома или сарая, о печку, о забор, обнимали дуб, грызли дубовое полено; б) били палкой по спине, хватались за спину; затыкали за спину (за пояс) веточки дуба, клена и т.д.; в) пролезали через дерево, корень дерева, через забор; г) падали на землю и катались по земле (траве, ржаному полю), пригибались к земле, терлись спиной о землю; д) втыкали в землю веточку осины, дуба, вербы и т.д.; е) перебрасывали через себя камень, били камнем по голове (себя, других) – что говорили при этом (напр., "Моя железная голова не боится грома")? ж) поднимали или двигали что-нибудь тяжелое: телегу, колеса, печь и т.д.; з) умывались водой (у реки, из колодца, дождевой) и утирались чем-нибудь красным, обливались водой, мочили волосы, набирали воду в хлебную дежу, кружку; и) жгли освященную вербу, ставили ее в передний угол хаты, ставили хлеб-соль; к) крестились или крестили тучу; л) произносили заклинания (какие?) и т.д.?

11. Что делали, чтобы не бояться грома (чтобы дети не боялись грома): подпаливали волосы на голове; рисовали крест дымом от свечи; грызли приставший к ножу хлеб, ели заплесневевший или изъеденный мышами хлеб, разламывали две спекшиеся буханки над головой ребенка, давали ему целовать хлебную лопату; ели цветки ржи, почки вербы, яйца и т.д.?

12. **Пожар.** а) Как тушили пожар, возникший от молнии: сывороткой, кислым молоком, молоком от черной коровы и т.д.? б) Как и чем прежде тушили пожар: обходили дом с иконой (какой?), читали молитву (какую?), бросали яйцо и т.д.?

13. **Дерево, пострадавшее от молнии, бури.** а) Как называли дерево, в которое ударила молния (*громовое, громное, громобойца, богобой, побитое дерево, забитое, уголь, лом* и т.д.)? Можно ли было брать его на дрова, на строительство? Если нет, то почему: дом сгорит от молнии, будут люди умирать, дом будет холодный, будут несчастья, ссоры, будет вредить нечистая сила и т.д.? б) Как называли дерево, поваленное бурей (*бурелом, выворот, бурованное дерево* и т.д.)? Можно ли было брать его на дрова, на строительство? Если нет, то почему?

14. Считался ли человек, убитый молнией, праведником или грешником?

15. Известен ли был обычай во время града раскусывать первые градины (сколько?) или проглатывать, бросать их через голову, бросать их в огонь, в печь? Кто это делал и зачем?

XVI. Растения

1. **Растения-обереги.** Какие растения употреблялись для защиты от недоброй (нечистой) силы: крапива, полынь, чеснок, тоя, рута, мак, конопля и т.д.? Как их применяли: прикрепляли в доме, хлеву, разбрасывали, вплетали в волосы и т.д.?

2. Какие растения и почему нельзя было вносить в дом: омелу, горицвет, лопух, трехлапку, дерезу и т.д.?

3. **Деревья возле жилья.** а) Какие деревья и растения нельзя было сажать около дома и почему? б) Какие особенно полезно считалось иметь близ жилья и почему?

4. **Троицкая зелень.** Ветками каких деревьев украшали хату на Троицу: березы, клена, липы, лепехи и т.д.? Как называлась троицкая зелень (напр., *май*)?

5. Как называются двойные плоды, т.е. двойные колосья, орехи, картофелины и т.п. (*двойники, двоянцы, близнята, спорыши* и т.д.)? Что с ними делали: давали съесть овцам, клали под подушку для гадания о женихе, запрещали есть женщинам и т.д.?

6. **Кочан.** а) Как называется кочан капусты (*голова, кочан, каливка* и т.д.)? б) Как называется незавившийся кочан капусты (напр., *шуляк*)?

7. **Огород.** а) Что носили "на капусту" или затыкали на капустной грядке: головешки от купальского костра, купальские венки, осиновый венок, части купальского деревца или чучела, обрядовую зелень, жердь с конским черепом и т.д.? Для чего это делали? б) Какие действия совершали при посадке капусты: ставили горшок; клали камень, полотно; садились на грядку голым задом; валили друг друга в борозду; кружились, держась руками за голову; втыкали крапиву и т.д.? Что при этом говорили? в) Что делали при посадке тыквы, огурцов, лука, свеклы и др. овощей: целовались через грядку, танцевали у грядки и т.д.? Что при этом говорили?

8. Что означает видеть во сне грибы (собирать грибы, найти гриб и т.д.)?

XVII. Звери

1. **Волк.** а) Что делали и говорили при встрече с волком, чтобы он не тронул: становились на колени, называли имена умерших родственников и т.д.? б) Есть ли у волков свой главный, предводитель? Как он назывался и как выглядел (напр., *белый волк*)?

2. **Змеи.** а) Когда змеи уходят на зиму и куда? Что они делают перед уходом: залезают на деревья (какие?), слушают колокольный звон, сплетаются в клубки и т.д.? б) Есть ли у змей свой главный, предводитель? Как он назывался и как выглядел: большой, с рожками, короной и т.д.? в) Известны ли рассказы о летающих змеях? Как они выглядят? К кому прилетают: к вдовам, колдунам и т.д.? Что они делают: приносят деньги, зерно, сообщают о кладах и т.д.?

3. **Жаба.** Что будет, если убьешь жабу: мать умрет, дождь пойдет и т.д.?

4. **Череп животного.** Известен ли был обычай выставлять, вешать, насаживать на кол и т.д. череп животного: лошади, волка и т.д.? В каких случаях это делалось: при устройстве купальского костра, на огороде, на пасеке и т.д.? Для чего?

5. **Смерть животных.** а) Как говорят о смерти скотины (*пасть, околеть, сдохнуть* и т.д.)? О каких животных как говорят (домашних, диких, птицах, рыбах, гадах, насекомых)? б) О каких животных, птицах, насекомых нельзя говорить, что они сдохли, околели и т.п., а говорят как о человеке – умерли: о пчеле, ласточке и т.д.?

6. Что означает видеть во сне: а) волка; б) ужа; в) рыбу (рыбу вообще; определенные виды рыб, напр., плотву, окуня, вьюна, щуку; ловить или поймать рыбу; есть рыбу); г) пчел (пчелу, укус пчелы, рой пчел, поймать рой, рой сядет на тебя, скидывается рой, рой перелетел из одного улья в другой и т.д.); д) корову, быка (белой, красной, черной масти); е) лошадь, коня (белой, красной, черной масти)?

XVIII. Птицы

1. Как называется стая: а) журавлей, журавлиный клин (*клюка, ключ, пояс, веревка* и т.д.); б) перелетных гусей (*ключ, пояс, дорога* и т.д.); в) аистов, собирающихся перед отлетом (*черень, табун, купа* и т.д.); г) волков (*толока, гурт, валка, течка* и т.д.)? д) Как сбивали с пути летящих журавлей, гусей, аистов (или одного аиста); криком заворачивали их (его) в круг (запишите закличку), считали их, завязывали узел на платке, поднимали сцепленные руки и т.д.? Как возвращали этих птиц на их прежний путь (запишите закличку)?

2. **Первая птица.** Что и с какой целью делали, увидев или услышав весной: а) первого аиста: садились на землю, кувыркались, умывались и т.д.; б) первую ласточку: умывались, бросали вслед камень и т.д.; в) первую кукушку: трясли деньгами, кидали монету; считали годы, оставшиеся до замужества или до смерти; после первого кукования начинали купаться, истреблять блох, клопов и т.д.?

3. **Кукушка.** а) Что означало услышать весной первую кукушку, первый гром, когда лес еще не оделся листвой (неурожай, голод, неудачу ворам и т.д.) и когда лес уже оделся листвой (урожай, удачу ворам и т.д.)? б) До какого времени, дня кукует кукушка: до Петрова дня, до Ивана Купалы, пока ячмень не начнет колоситься и т.д.? Что происходило с ней после этого: скрывалась от птиц, которые ее били; давилась зерном, сырником и т.д.; превращалась в хищную птицу (ястреба, коршуна, орла и т.д.) и т.д.? в) Известны ли поговорки о кукушке: "До Петра куе, по Петру куры бье", "Променял кукушку на ястреба", "Потеряла кукушка (или соловей) голос через ячный колос", "Гоняют, как кукушку по крапиве" и т.д.? г) Известна ли легенда об обращении в кукушку: жены, утратившей или погубившей мужа; невесты, проклятой родителями; девушки, вмешавшейся в спор святых (каких?) и Христа о краже коней; девушки или женщины, пугавшей из укрытия святых, Христа и т.д.?

4. **Аист.** а) Как называется аист (*бусел, черногуз, боцян, лелека* и т.д.)? Называли ли его именем собственным (*Иван, Василь, Федор* и т.д.)? б) Вы-

ходили ли весной (когда?) встречать первого аиста со специальным хлебом? Как выглядел этот хлеб и как он назывался (*галепа, бусловы лапы* и т.д.)? Что с ним делали: выходили навстречу аисту, подкидывали и т.д.? Какую закличку выкрикивали при виде аиста, при виде первого аиста? в) Запишите легенду о происхождении аиста из человека.

5. **Удод.** Как называют удода (*жидовская зозуля, московская зозуля* и т.д.)? Как объясняют такое название? Связана ли с названием удода, его криком или запахом какая-либо легенда, рассказ и т.п. (удод хвастался, что станет птичьим богом; свадьба удода и кукушки; удод обещал кукушке купить обувь; удод и кукушка перекрикиваются друг с другом о покупке и т.д.)? Запишите текст.

6. **Крики птиц.** Какие слова слышатся в крике птиц: а) ласточки ("Мужики в поле, бабы за яишню!", "Выгоняй волы!", "Умер-умер!", "Крути нити!" и т.д.); б) жаворонка ("Тиливоз, кидай сани, бери воз!", "Пора орать!", "Деду, ячмень и овес сей!", "Боже, ходи биться!", "Полечу бога кием (колом) бить!" и т.д.); в) перепелки ("Идите жать!", "Под сподом хлеб с медом!", "Подь полоть!", "Водички!" и т.д.); г) коростеля ("Драть-драть!", "Сечь, грабь!", "Под подом!" и т.д.); д) воробья ("Терпи-терпи!", "Жив-жив!" и т.д.); е) совы ("Сховай!", "Сповей!", "Подь!" и т.д.); ж) кукушки ("Купил!", "Купин!" и т.д.); з) вороны, ворона ("Украл!", "Калач!" и т.д.); и) соловья ("Цепом, цепом, по ногах, по ногах! Црр!" и т.д.) и т.д.? Что означают эти слова: призыв начинать хозяйственные работы (пахать, сеять, косить, жать и т.д.), разоблачение вора, рождение ребенка, смерть, дождь и т.д.? Запишите рассказы.

7. Каким птицам нельзя причинять вреда (убивать, скидывать гнездо, яйца или птенцов из гнезда): аисту, ласточке, голубю, жаворонку, соловью и т.д.? Что будет, если причинить им вред (укажите для каждой птицы в отдельности): грех, несчастье, пожар, удар молнии, дождь, град, смерть обидчику, хозяину дома, его детям, матери или отцу, лишение крова, ущерб скоту, хозяйству и т.д.?

8. **Зимовье птиц.** а) Куда улетают птицы на зиму? Что такое *ирей* (*вырей*)? б) Какие птицы зимуют под водой: ласточка, перепелка, кукушка и т.д.? Где (в реке, озере, колодце и т.д.) и как они там размещаются (напр., цепляются лапкой за лапку)? В каком виде они выходят из воды весной (напр., выходят лишь молодые ласточки, а старые превращаются в лягушек)? в) Совершают ли какие-либо птицы перелет на юг на теле другой птицы (напр., *плиски,* т.е. трясогузки, или ласточки летят под крылом или на спине у аистов, журавлей)?

9. **Куры.** а) Что делали, чтобы куры велись, хорошо неслись, держались двора: кормили их в обруче рождественской кутьей, обводили вокруг ножки стола, относили скорлупу на чердак и т.д.? б) Как подкладывали яйца под наседку: брали яйца из шапки, клали нечетное число яиц, подкладывали сено с рождественского стола, трясли девочку за чуб при подкладывании яиц и т.д.?

10. **Яйцо.** а) Как называется яйцо без желтка (*яловик, износок, выносок* и т.д.), с двумя желтками (*близнята, спорыши* и т.д.), без скорлупы (*выливок, чучерепок* и т.д.)? Что такое *петушиное яйцо?* Какие поверья с ними связаны? б) Какие обрядовые действия совершали с первым яйцом: брали его тряпочкой, рукавом, осыпали зерном, клали в пшено на дворе,

клали в решето и затем ставили его на голову ребенка, сохраняли до пасхи и т.д.? Что при этом говорили? в) Как наводили порчу с помощью яиц: закапывали в огороде, под порогом, клали в залом во ржи, кидали в печь и т.д.? г) Что означает видеть во сне яйцо, яйца?

XIX. Насекомые

1. Как называются насекомые одним словом (*куза, нетра, паута, нужа* и т.д.)?

2. Что делали для того, чтобы в доме не было тараканов, клопов, блох, мух: а) выносили насекомых из дому в лапте, в коробочке и т.п. на межу, на перекресток, на кладбище, к соседям (куда именно?). Что при этом приговаривали? б) выметали веником (каким?). Что делали с веником и сором? в) обходили, обегали дом на метле, на кочерге и т.д.; г) подкладывали священнику; д) говорили друг с другом через окно (что?); е) услышав крик птицы, говорили, что она зовет насекомых на свадьбу и т.д.?

3. **Муравейник.** Как называется муравейник? Как его использовали: приносили на место, предназначенное для постройки нового дома; приносили в хлев, в сад (когда это делали?); разрушали во время засухи; посыпали дорогу, дворы (когда?) муравьями и т.д.? Как использовали дерево, растущее в муравейнике (напр., при постройке хлева)?

4. Как называется толчея насекомых в воздухе (*комары ступки бьют, ступки грают, кутью толкут, мак толкут, просо толкут* и т.д.)? Что она предвещает – погоду или непогоду?

5. "**Паук**". Как называется соломенное рождественское украшение, которое подвешивается к потолку, к "балке", к иконам и т.д. (*паук, сито* и т.д.)? Как оно выглядело (зарисуйте или сфотографируйте его)? Как объясняли название и обычай (напр., говорили, что *паук свет сновал*)?

6. **Божья коровка.** Как называется божья коровка (*бедрик, сонечко, андрейка, ворожка* и т.д.)? Как и о чем гадали с помощью божьей коровки? С какими словами дети обращались к ней для того, чтобы она взлетела?

7. Как говорят о человеке со странностями (*у него мухи в голове, мураши в голове, бзыки в голове, мышь в голове* и т.д.)?

8. **Пчеловодство.** а) Какие ульи были у вас в старину? Как они выглядели? Из какого дерева они делались и где помещались (на дереве, на земле, при доме, за селом – в лесу)? Зарисуйте их или сфотографируйте. Как они назывались (*борть, бортняк, колода, колодезь, колодка, пень, вабник, лежак, стоян, дупло* и т.д.)? б) Что делали, чтобы пчелы велись, плодились, были здоровы: поливали водой из трех колодцев, обвязывали ниткой улей, закапывали на пасеке мертвых пчел, крали (что?) и т.д.? в) Сообщали ли пчелам о смерти их хозяина? Кто и как это делал и что при этом говорили? Считалось ли, что со смертью хозяина погибает и рой?

XX. Медицина

1. Что делали, чтобы избавиться от всякой болезни, "снять" недуг: мылись в чистый четверг до восхода солнца, выливали воду после мытья больного на перекрестке дорог, пролезали через дупло, забор, продевали рубаху больного через прокоп в земле и т.д.?

2. **Лихорадка.** Как называется лихорадка (*хинтя, шендя, тетка* и т.д.)? Запишите заговор от лихорадки.

3. **Падучая.** Как называется падучая болезнь (*чернота, черная болезнь, божья боль, божье лихо, своя болезнь, горе* и т.д.)? Как лечили падучую: накрывали больного черным платком, садились на лицо больного, окуривали перьями рябчика и т.д.?

4. **Колтун.** От чего, по народным поверьям, бывает колтун: птица возьмет на гнездо брошенные волосы, летучая мышь вцепится в волосы, ведьма сделает в жите "завязку" и т.д.? Как лечили колтун и что с ним делали? Считалось ли, что колтун помогает ведьме в колдовстве?

5. **Зубная боль.** Что делали, чтобы не болели зубы: терли их корой или щепкой разбитого молнией дерева, ели изъеденный мышами хлеб, выходили на новолуние и обращались к молодому месяцу и т.д.? Запишите заговор от зубной боли.

6. **Детский испуг, бессонница.** а) Как называется испуг: *жах* (*от жаху*), *ляк, переляк* (*от переляку, с переляку*), *пуд* и т.д.? б) Как называется детская бессонница? Что такое (кто такие) *криксы, крикухи, ночницы, ночные?* в) Как оберегали и лечили детей от испуга и ночного крика: клали в колыбель нож, иголку, гвоздик, гребень, солому из-под свиньи; окуривали ребенка шерстью испугавшего животного, остатками старого решета, перьями курицы, пойманной коршуном; подносили к окну, проносили под лавкой, передавали через угловое окно; носили ребенка ночью в курятник под насест; катали по телу ребенка яйцо; обмывали или поили особой водой и т.д.? Что при этом говорили?

7. Как сводили бородавки: мизинцем покойника; нитками, которыми связывали ноги покойнику; четверговой нитью; землей в новолуние и т.д.?

8. Как называются веснушки (*ластовинья, ряботинья, рудьки* и т.д.)? Отчего они появляются и как их сводили?

XXI. Фольклор

1. Запишите загадки с ответом: а) месяц (луна), звезды, небо; б) гром; в) день и ночь; г) корова; д) пчела (пчелы, улей); е) яйцо; ж) ласточка, птица; з) блоха, вошь; и) паук, паутина; к) язык, зубы, рот; л) муравей, муравейник; м) цеп, борона; н) жернова; о) ступа и пест; п) горшок; р) гриб; с) печь, огонь, дым; т) веник; у) кудель, пряжа; ф) костра; х) колодец.

2. **Приветствия.** а) Какими словами и действиями приветствовали человека, занятого каким-либо делом: замешиванием теста, тканьем, снованием, прядением, шитьем, едой, строительством, работой в поле или огороде, рубкой капусты и т.д.? б) В каких случаях нельзя было здороваться: при встрече с идущим на охоту, с участниками похорон, при входе в дом, где находится покойник и т.д.? в) В каких случаях нельзя было разговаривать: когда сажали тыкву, когда несли воду домой в чистый четверг, когда несли молоко, при гаданье и т.д.?

3. **Народный культ святых.** а) К каким святым обращались с просьбами о скотине, об урожае, при засухе, при пожаре, при болезнях людей, скота и кур, об удачной охоте, о домашней птице, о пчелах, о благополуч-

ном браке и т.д.? Кто из этих святых считался главным? Какому святому или празднику была посвящена церковь в селе? б) О чем просили богоматерь, св. Николая, Юрия, Илью, Параскеву Пятницу, 40 мучеников, Варвару, Петра и Павла, Андрея, Гурия, Онуфрия, Савву, Василия, Бориса и Глеба, Пантелеймона, Анастасию, Игната и т.д.?

4. Запишите тексты, которые произносили: а) перед сном, б) перед дальней дорогой, в) перед началом работ (пахотой, севом, жатвой, выгоном скота, печением хлеба, прядением, снованием, тканьем и т.д.)?

5. Запишите бранные формулы типа: а) *черт тебя возьми* (*горе, лихо, причина тебя возьми* и т.д.); б) *ну тебя, иди ты* (куда?) *к черту, к волку, в болото, на сухой лес, на росстани* и т.д.

6. Известно ли предание о находках костей великанов? Кто были эти великаны: шведы, татары и т.д.? Запишите текст.

7. Запишите легенду о муже-уже (вышедшая замуж за ужа женщина возвращается к родным, они губят ужа, женщина превращается в кукушку).

8. Запишите песню о том, как мать погубила невестку в отсутствие сына (невестка стала на поле тополем, былиной, калиной, березой, рябиной и т.д., сын по совету матери рубит дерево).

9. Запишите песню о том, как замужняя дочь птицей (кукушкой, галкой и т.д.) прилетает домой, а брат, не узнав, хочет ее убить.

10. Запишите песню (песни) о том, как брат женился на сестре: а) молодец покупает у шинкарки служанку, а она оказалась его сестрой (Карповна и Карпов сын); б) при дележе полона молодцу досталась девушка, которая оказалась его сестрой (возможное начало: "Пошли девки по барвинок..."); в) разбойник хотел взять в жены заблудившуюся в лесу девушку, а она оказалась его сестрой; г) молодец увез уснувшую у реки девушку, а она оказалась его сестрой; д) вопреки уговорам матери молодец уехал из дому и где-то у леса наехал на костер, у которого сидят разбойники и девушка, оплакивающая свою косу. е) Известно ли растение с названием *братки, братики, брат и сестра* и т.д.? Как объясняли это название (запишите текст рассказа)?

11. **Колыбельные.** Запишите колыбельную песню с упоминанием: а) кота; б) зайца.

12. **Потешки.** а) Запишите потешку типа "Ласочка, ласочка, где была? – У бога...". б) Запишите потешку типа "Сорока-ворона кашу варила...".

13. **Считалки.** Запишите считалку с набором непонятных слов (типа "Эне-бене...", "Цук-цум цумане...", "Ана, део, рика, бака..." и т.п.).

14. **Песенные циклы.** а) Как называются циклы или группы песен, исполняемых в разное время года или при различных работах (*колядки; щедровки; постовые, пост; великодные, рогулейки; весновые, весна; троица; купальные, купала; петровки; ягодные, ягодохи; полотья; толока; лето, жнива; осень* и т.д.)? Когда поют каждые из них? б) Какие из них поются на один голос? в) Какие песни поются на один голос со свадебными? г) Какие песни поются на один голос с похоронными плачами? д) Как называются песни балладного типа – см. вопросы 8–10 (*простые, уличные* и т.д.)?

15. Запишите старое название села. Как объясняют это название? Запишите предание о происхождении села.

А.В. Гура, О.А. Терновская, С.М. Толстая

НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА ПОЛЕСЬЯ

(анкета-вопросник для этнолингвистического атласа)

1. Как выглядел свадебный коровай? Перечислите все его детали и украшения, схематически зарисуйте.

2. Как называлось свадебное деревце (*елка, вельце, вильце* и т.д.)? Как оно выглядело и куда его вставляли во время свадьбы?

3. Что означало, если во время свадьбы шел дождь? Что говорили детям, соскребающим пригары (т.е. пригоревшее) со сковороды?

4. Как объясняли детям, откуда берутся дети?

5. Клали ли в старину на могилы деревянные колоды? Как они назывались и какую имели форму? Схематически зарисуйте, укажите размеры.

6. Что клали в гроб колдуну?

7. Где раньше хоронили некрещеных детей?

8. Что делали в старину, чтобы покойник "не ходил"?

9. Обвязывали ли деревья соломой на рождество (когда именно?)? Что при этом делали и говорили?

10. Приглашали ли на кутью (какую именно?) мороз, дедов, волка и т.д.? Запишите слова приглашения.

11. Как гадали с кутьей и ложками на рождество?

12. Ходили ли на рождество с козой, конем или медведем? Ходили ли со звездой? Запишите песню о козе типа "О-го-го коза...".

13. Какие припевы были у колядных песен ("святой вечер", "добрый вечер", "ой дай боже" и т.д.)?

14. Когда в старину делали (освящали) особую свечу – на сретенье или в чистый четверг? Как называлась эта свеча?

15. Известен ли обычай *водить колодку, тягать колодку?* Совершались ли какие-либо обрядовые действия с колодой дерева, бревном, поленом? Когда?

16. Что приговаривали при битье вербой в вербное воскресенье?

17. В какие дни года жгли костры: на рождество, на пасху, благовещенье, Юрия, Купалу, Петра и т.д.?

18. Считали ли, что на Ивана Купалу нужно купаться или, наоборот, нельзя было купаться?

19. Когда в старину молодежь творила бесчинства (таскали телеги, лодки, бочки; переворачивали их, забрасывали на крышу; снимали заборы, выводили скот из хлева и т.п.): на Ивана Купалу, рождество, Новый год, на свадьбе? Когда еще?

20. Как называется игра солнца (*солнце играет, купается, гуляет* и т.д.)? В какой день года это можно увидеть?

21. Был ли обычай кататься, кувыркаться по земле, по житу? Когда это делали и зачем?

22. Как назывались колосья, которые при окончании жатвы оставляли в поле (напр., *борода*)? Что с ними делали?

23. Как связывали, сплетали колосья, которые носили святить (напр., крестом, венком, букетом)? Как назывался такой венок, букет?

24. Как называлось спутанное, связанное, сломанное жито в поле, которое якобы причиняло вред?

25. Обвязывали ли хозяина поля во время жатвы перевяслом? Обставляли ли его снопами?

26. Как называли или дразнили жнеца, который жал хуже других, последним?

27. Какие предметы и для чего подкладывали под порог хлева при первом выгоне скота?

28. Какие предметы помещали в хлеву, чтобы уберечь скотину от всякого зла (вешали убитую птицу, втыкали косу, серп, крапиву и т.д.)?

29. Что делали "на долгий лен" – чтобы был хороший лен (скакали, подбрасывали что-либо, клали в семена яйцо и т.д.)?

30. Почему нельзя было прясть в пятницу?

31. Почему нельзя было оставлять основу на ночь (черти будут сновать, овцы будут голыми и т.д.)?

32. Как назывался хлеб из ржаной муки, который пекли в будни для каждодневного употребления (*буханка, кулидка, паляница* и т.д.)?

33. Запишите легенду о том, что прежде колос начинался от самой земли. Говорится ли в ней о кошачьем или собачьем хлебе, который едят люди?

34. В какой день (к какому празднику) мыли хлебную дежу? Что еще делали с дежой в этот день (напр., носили "говеть")?

35. Был ли обычай в один из праздников (когда именно?) сечь, рубить веник на пороге после метения хаты, двора? Зачем это делали? Что делали со старыми вениками?

36. Известен ли обычай катать на бороне (или в ночвах, в корыте, на тачке) тещу, невесту, молодых, свата, повитуху (кого именно?)? Когда это делали?

37. Где, по рассказам старых людей, можно было видеть русалок: в жите, у воды, в лесу и т.д.?

38. Как называлась русальная неделя (обычно неделя после троицы)? Что делали в это время (напр., вывешивали одежду)?

39. Как у вас говорили о порче: *сглазить, сурочить, накинуть, перевести, прибобить, вроблять; уроки, пристрек, примовка* и т.д.?

40. Как называется Млечный путь? Как объясняют это название?

41. Что оэначают пятна на полном месяце?

42. Как называется дождь, который идет, когда светит солнце? Как объясняют это название?

43. Как говорят о вихре (*чертово веселье, лихой крутит* и т.п.)? Что считали причиной вихря?

44. Что делали во время засухи, чтобы пошел дождь (совершали обход, ткали особый рушник (ночью или днем?), бросали в колодец мак, горшки, били воду, пахали русло реки, призывали утопленников, разрушали муравейник и т.д.)? Убивали ли во время засухи ужа, жабу, рака, медведку и т.п.?

45. Какие песенки пели дети, чтобы вызвать дождь или остановить его?

46. Что делали, услышав первый гром весной?

47. Ветками каких деревьев украшали хату на троицу? Как называлась такая зелень (напр., *май*)?

48. Что делали, когда сажали капусту (клали камень, садились на грядку, втыкали крапиву и т.д.)?

49. Что такое *волколак* или *волколака, вовкулак, вовкун, вовчар* и т.п.?

50. Что означало увидеть во сне рыбу? Черную, красную, белую корову? Черную, красную, белую лошадь?

51. Что делали и говорили при встрече с волком, чтобы он не тронул?

52. Что будет, если убить жабу (дождь пойдет, мать умрет и т.д.)?

53. До какого времени (дня) кукует кукушка и что с ней происходит после этого?

54. Что кричали дети при виде аиста, при виде первого аиста весной?

55. Что будет, если причинить вред аисту, ласточке?

56. Что делали, чтобы в доме не было тараканов, клопов, блох, мух (вывозили в лапте на перекресток, хоронили и т.д.)?

57. Как называется толчея насекомых в воздухе (напр., *комары мак толкут*)? Что она предвещает – погоду или непогоду?

58. Как называлось соломенное украшение, которое подвешивали на рождество к потолку (*паук, сито* и т.д.)? Как оно выглядело?

59. Как говорят о человеке со странностями (напр., *у него мухи в голове*)?

60. Как в старину сводили бородавки?

61. Запишите загадки о корове, о горшке.

62. Запишите считалку с набором непонятных слов (типа "Эне-бене...", "Ак-цук цумане . . .", "Ана,део,рика,бака ..." и т.п.).

63. Запишите песню о том, как мать погубила невестку в отсутствие сына (невестка стала в поле тополем, калиной, березой, рябиной и т.п.; сын по совету матери рубит дерево).

64. Что будет, если похоронить самоубийцу на кладбище: засуха или дождь?

65. В какой день, праздник (рождество, Новый год, начало поста, пасха) приход первого посетителя сулит благополучие (какое?)? Что означает (предвещает) приход мужчины (мальчика), а что – женщины (девочки)?

А.В. Гура, О.А. Терновская, С.М. Толстая

МАТЕРИАЛЫ К ПОЛЕССКОМУ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМУ АТЛАСУ

Приводимые ниже диалектные тексты записаны участниками полесских экспедиций в разных районах Полесья. Тексты отобраны из материалов полесского архива, хранящегося в Институте славяноведения и балканистики АН СССР, и упорядочены тематически согласно "Программе полесского этнолингвистического атласа". Рубрики соответствуют разделам программы, а цифры в круглых скобках – номерам вопросов. Отсутствие цифры означает, что текст относится к разделу в целом. Однако тексты освещают не все, а лишь избранные вопросы программы и не обязательно дают исчерпывающий ответ на поставленный в программе вопрос.

При отборе текстов составители руководствовались стремлением не только продемонстрировать полученные ответы, но и отразить по возможности локальные различия между разными полесскими зонами. Разумеется,

принимались во внимание и лингвистическое качество текстов и этнографическая ценность содержащихся в них сведений.

Большинство отобранных текстов было записано на магнитофон и затем расшифровано авторами записей. Тексты приводятся в упрощенной транскрипции. Особенности диалектного произношения передаются в них средствами русской орфографии с обозначением ударения. К буквам русского алфавита добавлены: буква ў для обозначения характерного для полесских говоров *у* неслогового или билабиального w, дуга над гласными для обозначения дифтонгов (напр., *лиес*), буква ґ для обозначения периферийного для полесской фонетики взрывного *г*, в то время как буква *г* везде передает соответствующий фрикативный звук. В отличие от русской орфографии, принятая транскрипция отражает актуальное для Полесья различие между аканьем и оканьем. Написания типа *поро́г* соответствуют только окающему произношению, а акающее произношение передается как *паро́г*.

Такая система транскрипции позволяет отразить основные фонетические черты полесских говоров. Она оказывается недостаточной лишь для передачи категории твердости–мягкости согласных (невозможность тройного противопоставления: твердости, мягкости и полумягкости) и соответственно соотношения гласных типа *і*, *и* и *ы*. Поэтому характерная для некоторых полесских говоров полумягкость согласных или произношение переднего *и* после твердых согласных передается в записях непоследовательно – с огрублением в сторону мягкости или твердости. То же касается закрытых гласных *ô* и *ê*, которые передаются соответственно либо как *о*, *е*, либо как *у*, *и*.

Поскольку вопросы программы предлагались информантам чаще всего по-русски, доля русизмов в публикуемых текстах несколько выше обычной.

В квадратных скобках даются пояснения или недостающие по смыслу слова, принадлежащие собирателям. После каждого текста в скобках указываются в сокращении область и район, полностью название села, где сделана запись, год записи текста и инициалы авторов записи. Список сокращений см. в конце книги.

I. СВАДЬБА

Коровай (2)

Накануне свадьбы, в 10 час. вечера в субботу, в доме невесты собираются *корова́йницы* – замужние женщины, в том числе и родственницы невесты. На столе лежит мука, а посреди комнаты на табуретке, покрытой фуфайкой, стоит таз с тестом. Раньше табуретку покрывали кожухом, вывернутым мехом наружу. Объясняют это по-разному: чтобы короваю тепло и мягко было стоять, чтобы "молоды́е тё́пло спа́ли", чтобы молодые были богатые. Под таз на фуфайку кладут медную монету, которую потом запекают в коровай. Крестную или тетку невесты собравшиеся отправляют сесть "на по́куть" (вообще это должен был сделать мужчина, но никого не могли разыскать). Одна из коровайниц кричит: "Хто на се́й ха́ци, оце́ц, ма́ци, благослови́це своему́ дзиця́ци корова́й меша́ци!" С покути трижды отвечают: "Бог благослови́ць!" Коровайница: "Дай бо́жэ, што мо́жэ!"

Женщина помоложе начинает замешивать каровай. Она проводит рукой крест на тесте. Коровайницы пьют вино, которое им наливает старик, и поют песни. При этом некоторые время от времени приплясывают.

Прышла́ к нам да охо́тночка,
Сем дён да робо́тночка,
Мы ж ее́ не прасе́ли,
Мы б са́ми замасе́ли.

Ивасиле́ва да жэна́ го́жа,
Зуба́ми дзежу́ гло́мжэ,
Но́жыком ошкрэ́бае,
Ру́чками огрэ́бае.

Пе́чка рого́чэ,
Корова́ю печ хо́чэ.
Припе́чок залята́ецца,
Корова́ю дожыда́ецца.
Дзе ж они́ да подзе́лися,
Шо на мэне́ спозни́лися.

У на́шэй корова́йночки
Вышыва́ны нарука́вночки,
Поглядзи́це, хло́пцы,
Вышыва́ной соро́чцы.

Корова́йночки пья́ны,
Усе́ це́сто покра́ли,
По кишэня́х да похова́ли.
А кишэ́ни порва́лиса,
Мы соро́му набра́лиса.

В саду́ голье́ виси́ць,
Сам бог корова́й меси́ць,
И мучы́цы подсыпа́е,
И водзи́цы подлива́е.

Ой, корова́йночки чо́хи,
Побсика́ли пончо́хи.
Трэ́ба пе́чку пали́ци
И пончо́шки сушы́ци.

Ту́ку-ту́ку коло дзе́жэчки
Росту́ць сырое́жэчки.
Ци сырое́жки брац,
Ци корова́й гиба́ць?
И сырое́жки бра́ли,
И корова́й гиба́ли.

Тру́йца по цэ́ркви ходзи́ла,
Спа́са за ру́чку водзи́ла.
Да ходзи́, Спа́се, з на́ми,
Дзе мы корова́й гиба́ли.

А мы лю́ди не туто́вскее,
А мы лю́ди не туто́вскее,
У нас о́чи не попо́вские,
А мы це́ста не кра́ли,
По кишэ́нях не хава́ли.

После этого поют несвадебную песню про цыганочку. В другой комнате ставят стол в покути и сажают там парня (обычно должен быть мужчина, например, крестный невесты). Одна из коровайниц кричит: "Хто на се́й ха́ци, оце́ц, ма́ци, благослови́це своему́ дзиця́ци корова́й саджа́ци!" Парень с покути трижды отвечает: "Бог благослови́ць!" Коровайница: "Дай бо́жэ, што мо́жэ!" Снова поют песню "Пе́чка ро́гочэ...". Коровайницы мочат руки в миске с водой. Три из них перекидывают друг другу из рук в руки тесто и мнут его все вместе. Кладут тесто в миску, смазывают его подсолнечным маслом, разлитым по столу, и лепят *корова́й*. Одна делает *крэ́сцик* из двух длинных полосок теста. По обоим краям по всей длине она делает ножом зазубрины елочкой. Две эти перекладины кладутся на каравай крест-накрест. Три другие коровайницы делают *коси́цу*, или *плецёнку:* раскатывают три жгута теста, сплетают их в виде девичьей косы и опоясывают ею коровай. Делают также *кве́точку* из теста в виде цветка с шестью лепестками (нечетное число нельзя) и сажают ее в центр коровая, на место пересечения перекладин креста. Делают четыре таких же *цьвето́чка* поменьше и сажают их по сторонам креста, посередине каждой из четырех его сторон. В сердцевину всех цветков кладут варенье. Между сторонами креста помещают четыре *шышэчки* из теста — две слепленные вместе продолговатые миндалевидные доли. Сверху каравай смазывают яйцом и запекают в него трех- или пятикопеечную монету. Все это время коровайницы поют:

"Хаджа́йка не з е́тое ха́ты да пошла́ до лопа́ты . . .". Затем:

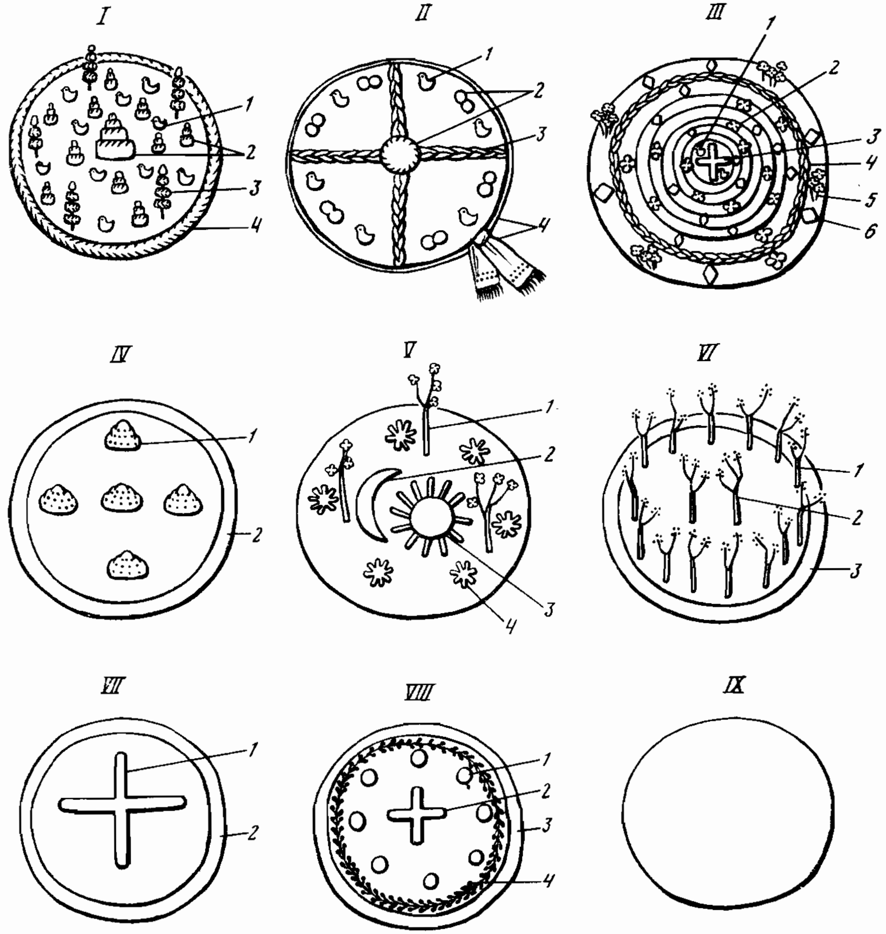


Рис. 1. Типы короваев

I. *1 – ву́тачки, ву́тки* (птички из теста) ; *2 – шы́шачки, шы́шки* из теста ("як и на е́ли шы́шачка"). Полоску теста, на которой по бокам нанесена ножом нарезка, сворачивают спиралью и выступающие края полоски разгибают в стороны. В центре *шы́шачка* побольше; *3 – ёлки, ёлачки* из теста. Полоску теста, на которой по бокам нанесена нарезка елочкой, накручивают на палочку и втыкают в коровай. Елочек 5 или 7; *4* – обод из полоски раскатанного теста, на котором ножом сделана нарезка елочкой. Вместо обода иногда опоясывают коровай красной лентой (Ч.Грд. Хоробичи, 1980 – А.Г.)

II. *1 – ву́тачка* (птичка из теста) ; *2 – шы́шачка* из теста. Маленькие в форме восьмерки, а в центре большая, на которой сделана нарезка ножом; *3 – плете́начка* (сплетенный в виде косы крест из теста) ; *4* – белый вышитый рушник, которым опоясан коровай (Ч. Рпк. Вербовка, 1980 – А.Г.).

III. Коровай состоит из нечетного числа (7, 9, 11) кружков теста, положенных друг на друга. Самый большой кружок внизу. *1 – горобэ́йкы* (птички из теста на верхнем кружке) ; *2 – шы́шэчка* из теста (по одной на каждом кружке) ; *3 – хрэ́стык; 4 – плете́нка* из теста в виде косы; *5 – букэ́тык* (*букэтыкы* находятся по краю коровая) ; *6 – балабу́шка* (Ж. Лгн. Летки, 1975 – Н.Мл., А.Б.).

Ой с собо́тоньки на неде́леньку [2 р.]
Ой собралосе вся Ната́шыно родзи́но,
Ой собралосе молоде́сенько родзи́но,
Ой да изнесли́ бо́чко муки́ да на корова́й. [2 р.]
Ой харо́ш будзе́, ой прыго́ж будзе́ наш корова́й. [2 р.]

Пшэни́чэнька дро́бна,
На усе́ она зго́дна:
Посе́е, то ку́рки грэбу́ць,
А с ко́лосу корова́й гибу́ць.

Из того же теста делают отдельно *шы́шки* – шарики для каждой из коровайниц ("ўсим баба́м"), их штук 19. Делают также *дре́мы* – девять маленьких шариков, которые на свадьбе, при отъезде к жениху, невеста будет разбрасывать по сторонам, "штоб дре́мы не было". Лепят из теста *ме́сяц* (в форме полумесяца) и *пиро́г* (небольшой продолговатый хлебец без начинки). Затем из того же теста делают фигурку какого-нибудь зверька. Одни хотели вылепить *за́йчыка,* другие *сьви́нку.* Пытались лепить зайчика, втыкали в тесто спички, но длинные уши никак не получались и в результате сделали свинку. На свадьбе мужчины со стороны невесты должны выносить эту фигурку к столу и говорить, что в лесу заяц (или свинка) худой, а домашний (испеченнный) – румяный и толстый. Коровайницы запели: "Ме́сяцу да перэкро́ю, сьвеци́ да надо мно́ю...". Затем зовут в хату парня (холостого или женатого) выметать золу из печи. Он гребет помелом три раза. Кого-то выгоняют из хаты стучать в дверь (ее изнутри запирают). В ответ на вопрос, зачем это делают, говорят, что это стучат дети и просят горилки. Стук продолжается, пока не посадят коровай в печь. В это время парень, который выгребал золу, захватывает коровай рушником и тянет его за концы рушника со стола на подставленную к столу хлебную лопату, которую держат за ручку три коровайницы. При этом коровай не поднимают, не придерживают и не трогают руками. Коровайницы поют:

При́пачок рого́че,
Корова́ю печ хо́чэ.
Дзе ж они́ да подзе́лися,
Што на мене́ споглядзе́лися.

IV. *1* – *шы́шки, шы́шачки* из теста, на которых сделаны зазубринки; *2* – обод из теста, опоясывающий коровай (Г.Ел. Кочище, 1975 – А.Г.).

V. *1* – *шы́шки* (три обернутые тестом и украшенные цветами веточки, воткнутые в коровай жениха: одна без отростков, другая с двумя, третья с тремя отростками); *2* – изображение месяца; *3* – изображение солнца; *4* – несколько звездочек (Б. Пн. Камень, 1976 – А.Г.).

VI. *1* – *ралова́та ши́шка,* "з двумя́ ра́лами" (*ши́шкы* – "лозовы кийи або из сли́ўки", окрученное тестом и украшенные "говсо́м, шовково́й траво́й и барви́нком"; к ним прикреплены "кви́ты з бума́ги"; таких шишек четное число); *2* – *тройча́ста ши́шка* (две таких же ветки, но с тремя отростками, украшены так же); *3* – круглый обруч "с при́сного ти́ста", опоясывающий коровай (Р. Дбр. Лесовое, 1978 – А.Г.).

VII. *1* – *кры́жык* из теста; *2* – *вэно́чок* (обод из теста). В последнее время в середину коровая иногда втыкают *кви́тку* (украшенную ветку), а по кругу помещают *шы́шэчки* из теста или еловые *шы́шкы*, обернутые в цветную бумагу (Б. Млр. Мокраны, 1977 – А.Г.).

VIII. *1* – *гу́сочкы* (четное число шариков из теста). Иногда на коровае делают птичек из теста (*ка́чки*); *2* – *кры́жык* из теста; *3* – *обру́чык* из теста; *4* – *вэно́к* из барвинка, который кладут на коровай (Б. Млр. Олтуш, 1977 – А.Г.).

IX. *Корова́й* – круглый, "гладкова́тый", без украшений. "Як па́ску пэклы́" (В. Ртн. Речица, 1979 – А.Г.).

После короввая уже руками ставят в печь месяц, пирог, шишки, дремы и свинку. В другой комнате крестный невесты и сосед сидят в покути за столом. На столе горилка, которую бабы перед этим принесли мужикам по их просьбе. Взявшись все вместе за хлебную лопату, коровайницы идут с ней на мужиков, бьют их лопатой по голове, мажут мукой, а те обороняются. По объяснению информантов это делают "за молодую". Мужиков как бы наказывают за безделье: бабы говорят мужикам, что они ничего не делали, мужики признаются, что виноваты. Затем коровайницы берут миску с водой, в которой они мыли руки после изготовления каравая, и идут в сад выливать эту воду на грушевое или другое плодовое дерево, чтобы дерево родило, а у молодых рождались дети. С ними выходят во двор, все остальные играют на гармошке, веселятся, танцуют и поют:

Жо́нки да ру́ки мы́ли,
В сад во́ду носи́ли
Да на ви́шэньку ли́ли,
Шоб ви́шни родзи́лиса
Да дзе́ци да люби́лиса.

Все возвращаются в хату. Женщины просят горилки у мужиков, сидящих на покути, и поют:

Да попа́лась я в де́ло,
Чело́ мое да запоте́ло,
Горе́лочки да захоте́ло,
Горе́лочки соло́денькой
Деле мане́ моло́денькой.

Затем поют:

Губа́тые да рыла́тые
На по́кути седя́ть,
А хоро́шые да у̌да́лые
Корова́й гибля́ть.

Лопата, которой коровайницы били мужчин, в это время стоит уже в покути, под иконами за занавеской. Тем временем накрывают на стол, и все гости садятся. Мужчины садятся вдоль стены справа от покути, а женщины слева и напротив. Начинается угощение с выпивкой. Каравай печется часа полтора-два и бывает готов уже поздно ночью. Вынимая его из печи, поют:

Ой, выбира́йце корова́й
С побале́ное пэ́чи,
Да выно́сьце корова́й
До ба́цьковой кле́ци,
Да де поста́вце корова́й
Да на ба́цьковым жы́ци.
Судзи бо́жэ да дзе́цям жы́ци.

(Б.Лнц. Велута, 1977 – А.Г.)

Свадебное деревце (4)

1. Перед тем как жених и бояре приезжают за невестой, девушки с невестой идут в лес, вырубают там *хво́йку* (елочку или сосенку), приносят ее домой, сажают в "гладышку" (кринку) с землей и украшают цветами и лентами. Украшенное деревце называется *ви́нцэ.* Девушки ставят его на стол перед невестой, которая сидит "на посаде", и поют:

Мы у̌зялы ви́нэчко на сэли́
Да поста́вылы ви́нэчко на столи́.
З яко́го дэ́рэва? З ялы́ны,
На́ший ди́вочци Галы́ни.
З яко́го дэ́рэва? З ялычу́,
На́шому хло́пчыку паны́чу́.

(Ж.Нрд. Давыдки, 1975 – Н.Мл., А.Б.)

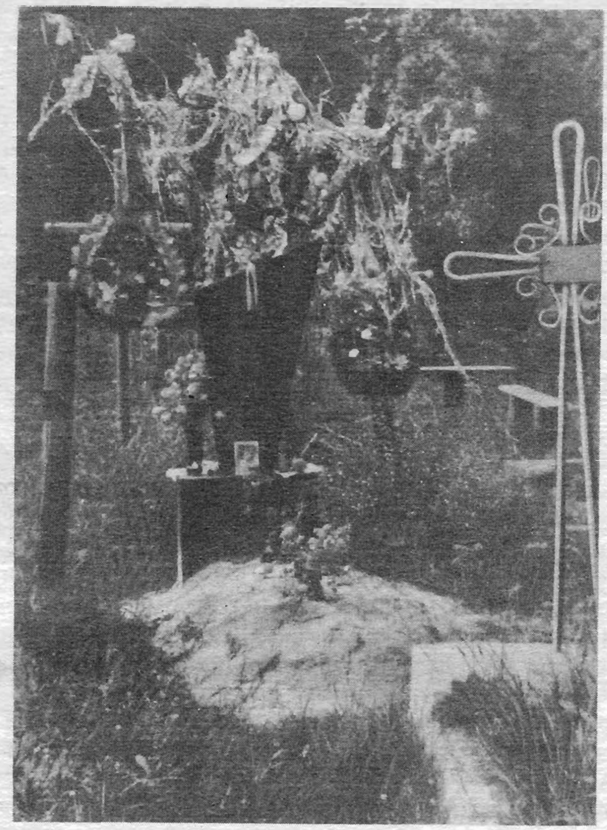


Рис. 2. Свадебное деревце на могиле неженатого парня (с. Вышевичи Радомышльского р-на Житомирской обл.). Фото И.Б. Успенского (1981)

2. [Свадебное деревце называется] *ве́лцэ* (или *вилцэ, ве́лца, ве́льца*). Ве́лца де́лають и в няве́сты и в жэниха́ ў субо́ту ў ве́чари. [Делают девушки,] то́льки ужэ́ вдава́ не бяро́цца. [Берут] шэсть па́лак – хать пя́ть, хать се́мь, хать де́вять голь, на́боле з ви́шни. Па́лки абкру́чывали бума́гай – купля́ли стру́жки кра́шаные. Тэ́е, шо у жэниха́, бо́лей бе́лай бума́ги (си́ня, бе́ла бума́га), а тэ́е, шо у няве́сты – бо́лей кра́снай. А в го́ру – цьвяты́ из бума́ги, ро́зачки намо́тували, ро́зачак штук три з бума́г. Ви́лцэ станави́ли в хляби́ну – [в особую] паляни́цу, [т.е. в круглый ржаной хлеб, который] с хо́рмачок пякли́. Ве́льца ў хляби́ну стырка́ють, и хляби́ну тую́ музыка́нту атдаю́ть. [Девушки] спява́ють, як ве́лцэ стрэка́ють:

Лятэ́ў гарлашта́н [испорч. "горностай"] чэраз са́д,
Пагуби́л пе́ръечка на вес са́д.
Збира́йте, де́вачки, пе́ръечка
Да сави́те Лю́бацы ве́лячка.
Ви́ли, ви́ли ве́лячка три даньцы́

Да и паста́вили на стальцэ́,
На стальцэ́, на перабира́най ска́терцы.
Я не хо́чу не вяно́чка, не арло́чка,
Палюби́ла да Ва́нечку сакало́чка.

Пе́рву галю́ку, [самую высокую, втыкали] пасярэди́не, [а остальные вокруг нее]. Хло́пец стрыкне́ пе́рву го́лечку, [а остальные – кто-нибудь другой]. Паста́вляють в хлеб, тады́ кра́снай ле́нтаю абъя́зывають. Пад ве́льцам буты́лка вады́ стай́ть (Ч.Рпк. Злеев, 1980 – А.Г.).

3. [Свадебное деревце называется] *вынкы́.* [Делают его в доме невесты. Когда жених и его родственники приедут к невесте,] им нысу́ть вынкы́ – ёлочку, [украшенную] вынка́мы, с плато́чком [наверху]. Вынкы́ [на елке] з бума́гы робы́лы. [Приехавшие не садятся за стол, пока не купят деревце] (В.Ртн. Речица, 1979 – А.Г.).

Свадебное знамя (5)

1. Па кура́х хо́дять, хто в сва́дьби. То называ́ецца "ку́ры де́лять" – ужэ́ и сва́дьбы кане́ц. Ку́ры [им] да́ють, и па селу́ ходять ис *хла́кам,* ис му́зыкаю. Наде́не на па́лку матэрыя́л кра́сный, кра́снае шо-нибу́дь: палатно́, хва́ртух ци плато́к. Мужчи́ны хлак наси́ли и с тае́ стараны́, и с тае́ стараны́: хто па кура́х хо́дить, то и но́сить. [С флагом ходят в любом случае, независимо от того, девственная невеста или нет. Кроме того, в конце свадьбы, когда ехали в гости к матери невесты, привязывали к дуге красный фартук.] Хва́ртух на дугу́ надяю́ть, кра́сный хва́ртух завъя́зывають и е́дуть па тёшчу. На дуге́ прывя́заны кра́сны *флаг* – хва́ртух яки́й. То, зна́чыть, малада́я харо́шая. [С красным фартуком ехали только в том случае, если невеста оказывалась невинной. Если же нет,] дак нема́ нечо́го (Ч.Рпк. Злеев, 1980 – А.Г.).

2. Утром после брачной ночи свахи выносят на улицу сорочку невесты. Если невеста была "честной", то берут красный платок, привязывают его к хоругви и ставят посреди двора (Ж.Лгн. Летки, 1975 – Н.Мл., А.Б.).

3. В свадебной процессии жениха *хоро́нжый* (один из главных чинов, например, младший брат жениха) держит в руке *хоро́нгу.* При дележе корован и одаривании молодых он стучит ею в "ушек" (планку над дверью), подзывая гостей к столу. *Хоро́нга* – палка с двумя или тремя "рожка́мы" ("ла́пкамы") наверху, между которыми укреплен "вэно́чок" или колокольчик; к рожкам привязан белый рушник, который хоронжему подарила невеста (Б.Млр. Олтуш, 1977 – А.Г.).

"Честность" невесты (8а)

1. Если молодая честная, то на шесте вывешивают красный флаг, а если нечестная – надевают на родственников молодой хомуты. Флаг потом снимали, родственники молодого ходили с ним по селу и пели:

Да не валя́лася под пло́том,
А носи́ла свою че́станьку под пло́том [так!].

Если невеста нечестная, пели:

Ой, бе́лая бере́за беля́вая,
На́ша молода́я дыря́вая.
(Ч.Чрн. Днепровское, 1980 – Е.З.)

2. Приехав к дому жениха, молодые сидят на подводе до тех пор, пока не вынесут *дзяжу́*. Невеста застилает ее рушником. После этого жених встает на дежу правой ногой, а невеста двумя ногами. Встают на дежу лишь в том случае, если и жених, и невеста честные. Если же нет, то соскакивают с подводы и обходят дежу стороной. Нечестной невесте нельзя вставать на дежу потому, что "семь лет не будет родить хлеб". Если все же она встанет, то в кашу, которую на следующий день несут невесте, сыплют мак и говорят: "Ка́ша с ма́кам, ведда́йци саба́кам". Честной невесте несут кашу с медом (Г.Ллч. Стодоличи, 1974 – П.Р.).

3. Чтобы показать, что невеста была честная, жених берет "пляшку, насыпа́я жы́та по́ўную и заўя́зуя кра́сным ба́нтам". Сват берет эту бутылку и везет показать родителям невесты. Потом это жито молодые сеют на своем огороде, "каб жы́тка до́брая була́". Если невеста нечестная, в бутылку наливают воды и тоже отвозят родителям невесты (Г.Хнц. Великий Бор, 1975 – Л.Т., А.А.).

4. Утром после брачной ночи свахи идут одевать молодицу и забирают в хату ее сорочку, чтобы узнать, честная была невеста или нет. Если честная, насыпают в бутылку жита, вставляют туда несколько пучков калины и перевязывают красной лентой. Потом эту бутылку ставят на стол перед молодыми и матерью невесты. Если же невеста нечестная, то в курицу, которую должна спечь мать жениха для матери невесты, кладут вареное яйцо и ставят эту курицу на стол перед матерью невесты (Ж.Овр. Желудевка, 1975 – Н.Мл., А.Б.).

5. Утром после брачной ночи свахи спрашивают молодого, честная ли была невеста. Если честная, свахи поют:

Я ж не валя́лась, не валя́лась под тынко́м.
А дэржа́ла свое́ дивува́ннячко под замко́м.

Потом берут хоругвь, привязывают к ней красные ленты и ставят на дворе у молодого. Если же невеста нечестная, то родственники жениха идут к родителям невесты, разваливают у них печь и мажут сажей всех родственников невесты. Молодой бьет молодую и даже имеет право оставить ее (Ж.Нрд. Давыдки, 1975 – Н.Мл., А.Б.).

Брачная ночь (8б)

1. [Когда закосяне со стороны невесты приезжают к жениху, они стучат в двери. Их не примут в дом и не усадят угощать, пока не покажут сорочку невесты. Если молодой] не суме́в, вона пла́че, дружка́ посыла́лы: "Иди́ ты зде́лай, а соро́чку отда́й" (Ч.Чрн. Днепровское, 1980 – Е.З.).

2. Пе́рвую ноч спаў дружко́ из неве́стаю. Кладу́ть дружка́ у камо́ре и шо́бы знаў, шо за малада́я – чэ́сна ци нечэ́сна. Дружко́ – а́бо зять, а́бо ба́тька хрэ́снаго сын, а́бо брат ста́ршый [жениха] (Ч.Грд. Хоробичи, 1980 – А.Г.).

3. Раньше невесте положено было проводить первую брачную ночь со старшим братом жениха (Б.Лнц. Велута, 1977 – А.Г.).

4. До двух недель жених с невестой спят вместе, но лишь "как брат с сестрой". Только после *уво́дын* (первого после свадьбы посещения церкви) они могут жить как муж с женой (Б.Млр. Мыслячи, 1977 – А.Г.).

"Хвост" (шуточная свадьба)

В конце свадьбы и у жениха и у невесты устраивается *хвост* – шуточная свадьба, воспроизводящая в пародийном виде основные моменты обряда. Вот как он происходил в с. Кочище 21 июля 1975 г. Вечером гости собираются в хате жениха "на хвост". Решают, кто будет изображать молодого и молодую. Это должны быть люди старшего возраста. Выбирают мужчину и женщину лет пятидесяти. С шумом и смехом повязывают "молодой" старый рушник вместо фаты, втыкают туда "веночек" (мятую бумагу), а на плечи накидывают одеяло. "Молодому" завязывают на голову старый грязный рушник в виде чалмы, дают ему воронку (для наливания жидкости в бутылку). "Молодой" берет ее в рот и делает вид, что курит. Под общий хохот ему рисуют усы сажей. Для роли свата и "падсва́та" выбирают двоих соседских парней и повязывают им рушники через плечо. В хату вносят "шу́ташную е́лку" – большую ветку черемухи. "Ёлку" украшают: повязывают на ней старые тряпки, прицепляют газетные бумажки. В покуть на лавку, где будут сидеть "молодые", кладут полушубок мехом вверх. Кричат: "Дру́жку дава́йце! Кажуха́ малады́м палажы́ць!" Сват провозглашает: "Благаслави́це, аце́ц, маци, малады́х за сто́л саджа́ци!" Им отвечают: "Бог благаслави́ць!" Так повторяют трижды. Кто-то кричит: "Княжы́е кто у на́с?" "Молодых" сажают за стол в покути. За ними несут и ставят на стол "ёлку". Общий шум и смех. Кто-то из присутствующих поет: "Мешо́к с то́рбаю жэни́лся..." (мешок – жених, а торба – невеста). Кричат "го́рка!" и "молодые" целуются. Когда "ёлка" на столе, поют: "Ох, ёлко, е́лко борова́я, ты у́ по́ли расла́, шуме́ла...". Пьют водку́ и кричат "го́рка!". Затем говорят: "Благаслави́це, аце́ц, ма́ци, малады́х завива́ци!" Отвечают: "Бог благаслави́ць!" – "Дру́гий раз!" – "Бог благаслави́ць!" – "Трэ́ций раз!" – "Бог благаслави́ць!" "Закося́нки" (одна крестная жениха или тетка, другая – близкая знакомая или соседка) встают на лавку по бокам "молодых" и трясут над их головами фартук. Кто-то говорит: "Це́тка го́лосом сце́рва". Потряхивая фартуком, "закосянки" припевают:

Мы ж цебе́, Га́нночко, завива́ем,
Шча́сьцем-до́лею надзеля́ем,
Ох, будзь бага́тая, як земля́,
Ой, будзь здаро́вая, як вада́,
Ой, будзь прыго́жа, як ро́жа.

"Закосянка", стоящая рядом с "женихом", берет со стола вилку и затыкает ее "жениху" в чалму на лбу. Затем они стукают "молодых" головами друг о друга. Кричат "го́рка!", и "молодые" встают и целуются. Присутствующие кричат: "А неха́й су́аты е́лку у́укупля́юць!" Все это время "молодой" изображает калеку и дурачка: держит левую руку так, как будто она сломана и на перевязи, говорит заикаясь, с глупым видом. Какая-то старуха подходит к столу и говорит ему, что раз он калека, то ему нельзя целоваться. Старуха дает "молодому" сигарету, которую он вставляет в воронку. "Закосянки" целуются над головами "молодых". "Молодые" делают себе на указательном пальце кольца из хлебного мякиша. "Молодой" с видом дурачка говорит, заикаясь: "Я-я чэлаве́к с-стуль, стуль [показывает большим пальцем то ли вверх, то ли за спину]. Я пры-пры-е́хау́ с Кау́ка́за". В это время вносят "карава́й", тоже не настоящий – черствую

покупную булочку. Впереди идет парень лет восемнадцати, а за ним женщина, которая держит "каравай" у него на голове, покрытой рушником. "Каравай" ставят на стол. Все говорят, что "каравай надо смочить". Сват провозглашает: "Разрэшы́це, аце́ц, ма́ци, карава́й края́ци!" В ответ говорят: "Бог благаслави́ць!" И так три раза. Теперь сваты начинают вызывать "на каравай". Первой зовут мать. "Иду́, мае́ дзе́тачки", – говорит она, подходя к столу. В руках у нее грязная перчатка и бутылка с мочой, горлышко бутылки прикрыто каким-то предметом в форме пряника или шляпки гриба. Мать произносит сначала какую-то "пры́казку", обращенную к "молодой". "Жениху", вручая бутылку, она говорит: "А маладо́му ка́пли. Неха́й ўу́пье, дак не да́ст маладо́й спако́ю". Потом она произносит еще две "прыказки": "Дару́ю клубо́к ва́лу, штоб дава́ла да атва́лу"; "Дару́е цели́чку, што бе́гае па-за лазо́ю и марга́е [...]". Мать берет с тарелки вино, выпивает, закусывает куском "каравая" и, отходя, говорит: "Я на э́тат год дарава́ла, штоб малада́я маладо́го пацалава́ла". "Молодые" целуются. Второй зовут крестную. Она подходит к столу с полиэтиленовым мешочком и вынимает оттуда старые, стоптанные тапки и туфли. Все при виде этого подарка хохочут, кто-то восклицает "[...] тваю маць!" Вручая подарок "молодым", крестная говорит: "Штоб ка́ждой ў дзень даўбе́, а ў ноч [...]" [Здесь шум и хохот.] Кусок "каравая" крестная берет не голой рукой, а через полиэтиленовый мешок. Следующим вызывается "casе́д Ми́ша с сває́ю жо́нкаю". Подходят двое мужчин, в руках у одного молоток, у другого крышка от кастрюли. Первый дарит "молодым" молоток: "Дару́ю, штоб ж... аб ж... не би́ли и штоб харашо́ ра́боту раби́ли". Второй дарит крышку: "Штоб даўба́ў, даўба́ў да до́брэ [...]". Затем зовут "дружко́ў" гомельских, т.е. друзей жениха. Подходит парень и дарит "молодым" веник: "Дару́е маладо́й пакрыва́ло, штоб до́брэ падкида́ло". Сваты просят, чтобы подошла "це́тка Га́нна руда́я". Она дарит старое полотенце и говорит: "Дару́е вам мъя́ло, штоб до́брэ стая́ло". Зовут гомельских друзей. Подходит парень и дарит соль со словами: "Маладо́му кусо́к со́ли, штоб до́брэ мусо́лиў". На это "молодой" замечает: "На со́ли сам папро́буй наму-со́ли". Кто-то кричит: "Е́лки ж не акупи́ли!" Другие кричат: "Ў спа́льню йих трэ́ба адвесьци́! А малады́х трэ́ба ў камо́ру!" "Молодой" на это возражает, что лучше уж пусть все туда идут, а он с "молодой" здесь останется. Все остаются на своих местах. Веселье утихает. Тогда хозяин дома, чтобы как-то приободрить присутствующих, кричит "го́рка!" и предлагает выпить: "Това́ришчи, вы́пъем, а пато́м па-во́лчъйи ўзво́ем!" На этом хвост и свадьба вообще заканчиваются. Гости в половине первого ночи начинают расходиться. Рассказывают, что раньше "молодых" сажали на ломаную телегу, возили по селу и потом сваливали в канаву (Г.Ел. Кочище, 1975 – А.Г.).

II. РОДИНЫ

"Рубашное" (2б)

Нельзя́ ў цэ́ркоў хади́ть, як руба́шные е. [Нельзя ни огурцов, ни капусты солить] – оно́ бу́дэ нехоро́шэе. Не склада́й я́блок, а то не бу́деш я́сти, повыкида́еш. Я́блок мочи́ть нельзя́. Кумо́й на крести́нах не мо́жно, дру́жкой на сва́дьбе нельзя́ быть. Капу́сту крешы́ть нельзя́, ха́ту бели́ть нельзя́ –

пауки́ ж бу́дуть, нечи́ста ха́та бу́де и жуки́ бу́дуть. Колы́сь гурки́ кла́ла [соседка] в мой по́греб, поста́вила моя́ кума́ гурко́ў де́жку, у нее́ по́греба не было. А у нее́ было руба́шнае. [Стали смотреть, открыли дежу] – упа́ло туда две ми́шы, попа́ли ж под кружо́к. Э́то ж не́чисть в де́жку попа́ла. "Мо́жэ, ты была́ нечи́ста?" Так и е. [И нельзя ходить на родины.] К рожэ́ницэ нельзя́ – ва́ўки бу́дуть, чи́рьи (Ч.Грд. Хоробичи, 1980 – Л.З.).

Рожде́ние детей (3)

От як меня́ забра́ли ужэ́ к му́жу весьци́ ве́чэрам, да́ли мне йицо́, за па́зуху. И ужэ́ му идо́м, вот уж му шли по́раўну з йим, и ужэ́ му идо́м, я несу́ ўжэ ико́ну на рука́х – без ико́ны ж не пу́йдзеш – и на паро́ги чэраз дзве́р дак я за по́яса сягну́ла на паро́ги, [яйцо] разби́ласа, я й пашла́. Дак е́та гавара́ць, што е́та бу́дзеш дзе́ци лехко́ раджа́ць. А като́рые не хаця́ць, дак идзе́ ўжэ, сабира́ецa к му́жу ўжэ ици́, як ей муж забира́е ўжэ, дак яна́ идзе́, на дзвера́х да за дзе́ньги да и ки́не о туды́ о, у той по́пел, о́ дзе от я́мка [на печи] – угребе́м о с пе́чы. Туда́ и ки́дае. То ка́жуць, не бу́дзе дзеце́й: пьяць капе́ек ки́не – хоч о пьяць гадо́ў, три капе́йки, дзви капе́йки, капе́йку ки́не ... А ци пра́ўда е́та ци не? Е́та я чу́ла (Г.Мзр. Жаховичи, 1975 – С.Т.).

Запреты при беременности (4)

Чэрава́та штоб па павaду́х не хадзи́ла, па варо́ўках, па тых агло́блях не хадзи́ла. Штоб ў хвaрту́х не бра́ла ни круп ния́ких, ни хле́ба, штоб с хвартуха́ не е́ла, бо, ка́жуць, дзиця́ бу́дзе у ка́ждаго праси́ць. Штоб све́чки не сука́ла из во́ску, бо як бу́дзеш сука́ць, дак у дзиця́ци бу́дзе з вуш цекци́. Як пу́йдзеш к сосе́щы, бере́бенна, пазыча́ць, дак не гавари́ "дай", а "пазы́ч", а то му́шы бу́дуць ўсё е́сьци, адзе́жу. [Если же беременная скажет "дай", нужно ей вслед бросить уголь.] И штоб идзе́ па́дло, дак штоб не плева́ла "тьфу" и не каза́ла, што "смердзи́ць", а "па́хне", а то наро́дзицца дзиця́, бу́дзе з ро́ту так недо́бре смердзи́ць. Як идзе́ бере́бенна у дзвера́х, штоб яна́ не заста́ивала, а то засто́й зро́бицца у варо́цях, як бу́дзе ро́дзицца. Не пало́жана пазира́ць, як кана́е, и як кладу́ць ў дамави́ну, то́жэ не пало́жэна, то́жэ тре́ба ухо́дзиць. Як пако́йник и як саро́чка ста́ла, дак на́да зали́за го́лым це́лам [т.е. приложить к голому телу что-нибудь железное], хоць гво́здзика, [а то] ка́жуць, кроў ля пако́йника замира́цимэ. Як бере́ с кало́дзезя во́ду, дак нельзя́ атлива́ць – дзиця́ци так сли́на бу́дзе ици́. Ў пра́зник ў лес, ка́жэ, не хадзи́ли, коб дзиця́ кале́каю не було́ (Г. Мзр. Жаховичи, 1975 – С.Т.).

"Молитвы" для облегчения родов (5в)

1. [Перед родами говорили:] Насвэ́нча ма́тунька травы́цэю шла, росы́цэю умыва́лася, ру́чэнькамы утыра́лася, до поро́ду поспэша́лася. Ца́рские двэ́ри отчыни́тэся, а ко́сты у Га́нны розыйды́тэся. Сьвяты́й раб бо́жый на сви́т появы́ся. [После родов говорили:] Вра́зынько, муй ба́тэнько, прошу́ тэбэ́ и молю́ тэбэ́, од ру́чок, од но́жок, од вся́кых жылочо́к. Даю́ тоби́ пы́ты, йи́сты, но́вое крысэ́лко, золоту́ю мы́сочку, цынко́вую ло́жэчку, дорогэ́е сни́даннычко. Напы́йся, найи́ся да й пыд пупко́м спа́ты поло-

жыся. Ляж пыд пупком, як пыд пэньком. Годы тоби билы косты ломаты, сыних жыл натягаты, в чэрвонзй крэви купатысь. Прошу, вразонька, на мистэчку статы. Коло прэстола ходжу, господа бога прошу. Настасина Ксэня враза на мисцэ становлю (Б.Брз. Спорово, 1974 – Р.А.).

2. Шла Ева цэраз морэ, залатыми ключами отмукала, две душэчки на этой свет ўзволяла. Кали девачка, дак чэшыся, грэбыся, на этый свет явися. А кали мальчик – сечыся, рубайся, на этый свет яуляйся (Г.Клн. Золотуха, 1975 – Р.А.).

Пуповина (7)

Баба одмеряе на три пальца з лишним пуповину тую кишэчку и завъяжэ ниточкою крепко и одрежэ. Як хлопец, так к обуху положыть, к секире, а як деўка, то к грэбенцы, штоб диўчына грэбенку брала да пряла, а хлопец штоб сек, штоб секиру браў да сек – хлопецкое, мужчынское дело, резать надо ножэм. Девочке надо отмерять большэ, штоб выход быў большэ, штобы роджала шырейшэ. Пуповину з месцэм одрежэш и закопваеш в землю. Обмиеш хорошо, обгорнеш шматничком беленьким и закопваеш где хочэш в хате – пудлоги не было, быў дол. Казали: если хлопца хочэш, закопай каля дверей, каля вушака, а дивчину – ўжэ где хочэш. Мусиш жэ закопать в хате, де оно родилось, бо не выкинеш жэ на улицу – там собаки выгребли да зъели. Такого закона не было, што ўродилось ў хате и выбросят. Жонка закопвала ў хате. Казали, если хто на чужыне да приехаў, кажуть, место тебя притягнуло на родину. Де ты родиўся, туда притягло место тебя, де оно закопвано (Б.Стл. Хоромск, 1976 – Р.А.).

Имена (10)

Як родзицца хлопчык, дак па бацьку па имю называе. Як ўжэ бацько там Никалай ци Ляксандзер ци як, який бацько ўжэ, як зовецца, так яго й называюць. А як родзицца дзевачка, дак па матке, як матка зовецца, дак ана [т.е. "природуха"] гаворыць так: ци Матруна ци як. Ну, родзицца, дак ана ўжэ його махае на руках, махае и гаворыць – як Вольга дзевачка, дак "Вольгачка, Вольгачка" ўжэ. Як дзеўка, дак маци гукаиць на имя, як хлопец – дак бацька.

Есьли пабачыш што паганае – лукавец ци скацина, ци свиння ци чалавекам скидаецца, дак так перекажы: "Вселяки ваздыханне хочэ божаго повелення", – дак ано абзавецца. Если мужчынским голасам, дак кажы "Адам", як жэнскэ – "Ева", и ничэго не бачыцьмеш (Г.Мзр. Жаховичи, 1975 – С.Т.).

"Родины" (крестины)

Ну, баба зварицъ кашу с пшана и придзе ўжз на радзины и принесе два пираги ўжз яна ў каробцы или там ў сумцы или ў чум. И седаюць за стол ўжэ и пьюць и ўсе и ужэ падаюць. Баба ужэ падасць, пародуха, боршч, и той ужэ боршч стануць есьци. Да куды есьци без пирага без бабинага! Давайце бабинага пирага, якога баба пирага спекла там – мо, з медам ци яна з макам, ци ш чым – будзем бачыць. Ўжз возьмуць таго пирага, не режуць нажэм, нада паламаць. Ци он харошы будзе, то нажэм – мо, яку

кирпичы́ну ба́ба падала́ нам да му бу́дом нажо́м ре́заць, на́да паламáць. Из э́тага пирагá ужэ разло́мець и с тым ужэ́ баршчо́м едзя́ць да ка: от ба́ба пиро́г харо́шы печэ́ – ой, му при́дом за э́тай ба́бай [т.е. мы позовем ее в бабы]. Ну, ўжэ паедзя́ць борщч, пададу́ць ту́ю ка́шу – ужэ́ на стале́. Ба́ба ужэ ўстае́, шчэ што ро́биць ба́ба – шчэ во́зьме да й цвето́ў у ту́ю ка́шу наўтыка́е, коб "э́та ка́ша заграни́чная и о́чэнь дарага́я", ўжэ смея́цца да ўдумля́юць. Э́та ж ку́па людзе́й. И ўжэ паста́виць туды́ ўжэ ба́ба на сту́л и во́зьме за ту́ю кашу чы́сту таре́лачку, ў э́ту таре́лачку ўкалу́пиць ту́ю зве́рху пига́рку, што засхне́ ўжэ на ка́шы. Пало́жыць и ўжэ кладзе́ гро́шы и ка́жэ: "Э́та ж ка́ша не прастá я да заграни́чная. Ву зна́еце, што ана́ о́чэнь дарага́я ка́ша. Из ме́дам ва́рена и ўсе", – у ю́й дакла́ды ра́зныи. Дак вот на́да и заплаци́ць, а тады́ и про́буваць е́сьци. Пало́жаць ўжэ гро́шы. Ўжэ да ту́ю таре́лку вакру́г, пашла́ тая таре́лка. Ўжэ падаю́ць па ўсюх стала́х, ўжэ кладу́чь гро́шы ў ту́ю таре́лку ўсе. И ўжэ о́т кладу́ць гро́шы, да хто из мужчы́н во́зьме да пало́жыць вушэй ку́ма. Ўжэ пало́жыць ба́ба, пато́м кум кладзе́, пато́м ўжэ й пашла́ та́я таре́лка па сталу́х. Пало́жаць ўжэ и ўжэ да ту́ю таре́лку падаю́ць паро́дуси, ана́ ўжэ гро́шы ты́е забира́е с таре́лки. Ўжэ беру́ць ты́е стака́ньчыкы, ча́рки, и ўжэ ста́не паро́духа ля стала́, дзержы́ць пада́рки и падае́ ўжэ ку́му пада́рак, ўжэ кум ча́рку дзержы́ць. Кум сам ву́пье и паро́духа ву́пье. Вот ён с кумо́ю пада́сьць ўжэ пада́рка то́о, ўжэ магары́ч запива́е, ты́е пада́рки, пье ўжэ с кумо́ю, а по́тым из ба́баю. Бо як и́дзеш, кум и кума́ иду́ць, дак сваи́ пада́рки несу́ць – на ребе́нка ж пало́жэно. А э́та ўжэ кума́ перавуша́е, им пада́рки зло́жаць. И ани́ ўжэ – бере́ кум ту́ю ка́шу, паднима́е, як ужэ перавў́шыць като́ры, ка, таму́ й биць ту́ю ка́шу. Дак ка́жуць: нет, на́да ку́му биць ка́шу. Дак кум во́зьме да шчэ рубля́ яко́га пало́жыць и ўжэ бье. Во́зьме от пирагá пало́жыць ба́бинао на ка́шу и плато́чкам о так о абве́рциць и паднима́е. Раз падни́ме, по́тум дру́гий и тре́ци раз як дасць аб сту́л, дак та́я ужэ́ ка́ша пасы́плецца, ты́е чэрапки́: да ў гаршка́х жэ ва́раць, чыгуна́ ж не разабье́ш, дак ў гаршку́ ва́раць ка́шу ту́ю. Чэ́рап як пасы́плецца, дак за тэ́е чэ́рапа – от я, от я таби́ на го́лаву, а ты мни на го́лаву, а то мужчы́не ки́нуць у пеле́н. От нека́я во́зьме на ста́раго и старо́му яко́му – шуця́, э́та ўжэ шу́цяць. И ўжэ о так о паго́сцяць, папью́ць, пьюць ўжэ и пою́ць, и усе́ (Г.Мзр. Жаховичи, 1975 – С.Т.).

III. ПОХОРОНЫ

О смерти

Умира́ла яе́ ма́тка як раз на Мико́лу. От. Ва́на прибе́гла ... А ў нас ишчэ́ мед буў. А на е́й быу́ тих [т.е. тиф], на ма́тцы. Я не хади́ла. Ну, дак де́ўки прибе́гли: "Хаде́ть, тётя, чаго́сь ма́тка ничо́га не про́буе, нишчо́". Дак я шчо ж ей? Хве́дар ка́жэ: "Дак ось ў блю́дечко ме́ду насы́п, так не бу́деш и да до́му блю́дечка забира́ть". Я набрала́ блю́дечка ме́ду. Прихо́джу. Кажу́: "Хве́кла! (яе́ Хве́нею зва́ли) Хве́кла, кажу́, ось я тебе́ ме́ду прине́сла. А шо́се ты наду́малась ужэ́ убира́ца ат на́с?" А вана́ ўжэ не гавари́ла. От. Ужэ́ слёзы ў ей пакати́лись. На бо́к го́лаву скриви́ла. И ня тве́тила и аднаго́ сло́ва. Ми ... ў ха́ти, а хазя́ин яе́ Па́вел той ужэ́ на дваре́ буў. А у йих ра́ньшэ, як была́ то вайна́, ишэ ци вана́ пабула́ ци перебула́, дак у йих стая́ли жыды́. Присла́ли, шоб – у йих дви ха́ты – дак шоб стая́ли. Ну, до́бре. А ён дро́ва

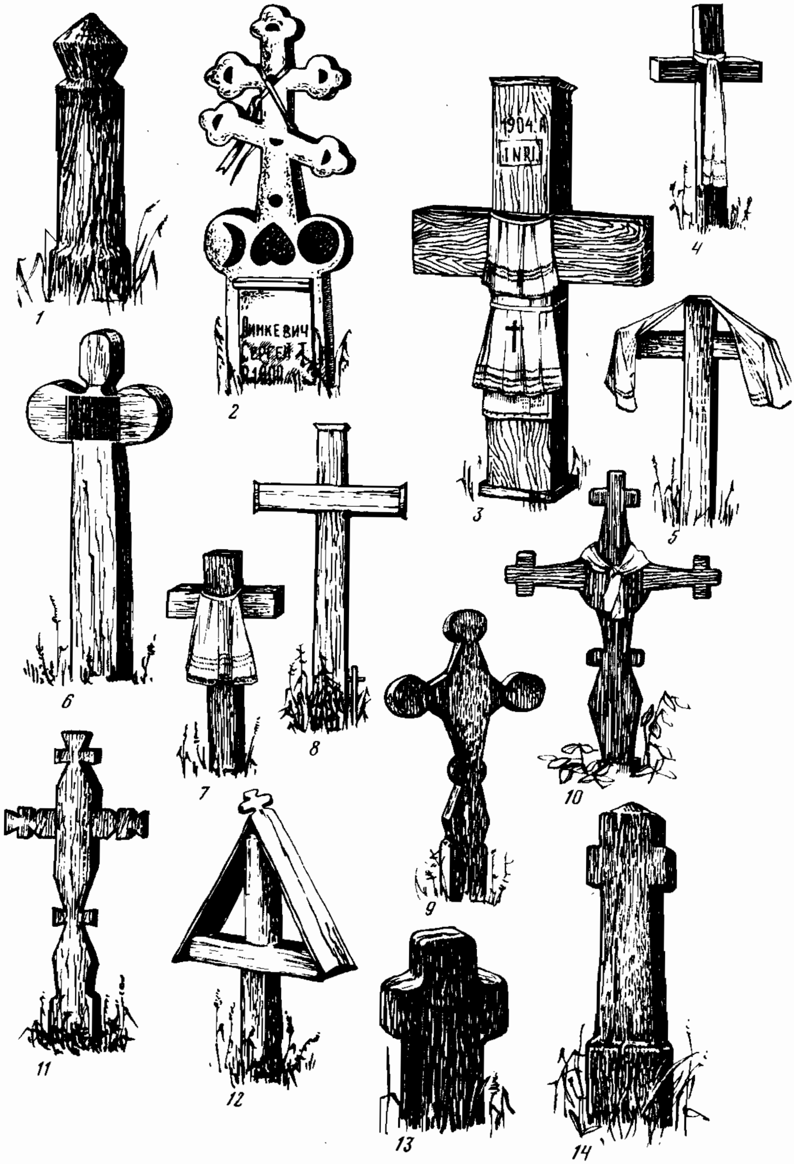


Рис. 3. Некоторые формы полесских надгробий

1, 6, 9, 10, 11, 13, 14 – разные формы надгробий кладбища с. Старые Яриловичи Репкинского р-на Черниговской обл.; *2* – перевязанный лентой крест с изображением месяца, солнца (?) и сердца (с. Синин Пинского р-на Брестской обл.); *3* – крест с фартуками из с. Синин Пинского р-на (ср. *7*); *4* – крест с рушником "на шее" распространен по всей территории Полесья; *5* – крест с рушником "на голове" и "плечах" характерен для восточного Полесья; *7* – кресты с фартуками встречаются на кладбищах центрального и западного Полесья. Иногда фартуки вешают женщинам, а рушники мужчинам; *8* – надгробие с двумя крестами. Маленький крест устанавливается в день погребения, большой – через год (с. Спорово Березовского р-на Брестской обл.); *12* – крытый крест из с. Хоробичи Городнянского р-на Черниговской обл.

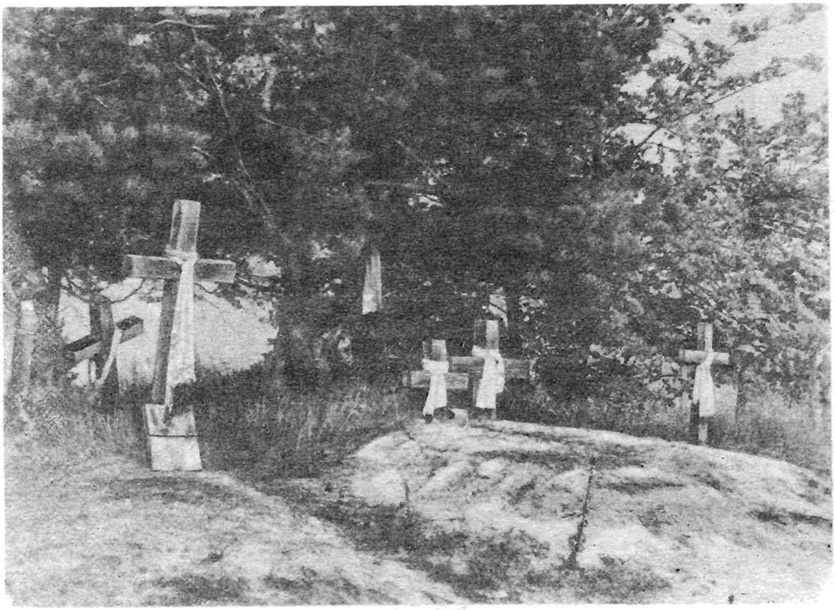


Рис. 4. Кладбище в с. Выступовичи Овручского р-на Житомирской обл. Фото А.Ф.Журавлева, О.А. Терновской (1981)

рубáл на дварé. Дак казáў: "Я диўлю́сь, аж пáшлá ў чóрным жыдóўка ў хáту. И к йим. Туды́ ж ужэ́, де Хвéкла та". И я ж у хáти. Дак я ж ни бáчыла никóго. А яму́ такеé ўдалóсь. Кали́ ён ўхóдить да кáжэ: "А хто тут у хáти буў?" – "Никóго не було". Хвéкла кóнчылася. Óт як. Бáчите шчо! Óт якеé привидéнне. Хазя́ину зроби́лосе и хазя́йка ўмéрла. Як раз на Микóлу. Агá, дак я тады́ ужэ́ ду́маю: дак ляжы́ть мертвéц на тум, на лáўцы, дак пайду́ я гарбузы́ пасажу́. Кáжуть, гарбузы́ бу́дуть вяли́кие, ужэ́ цэ ж сáдять ужэ́, як мертьвéц на лáўцы. Кали́ тады́, у той гуод якáсь су́ша былá, дак те гарбузы́ не тэ́е [т.е. не уродились]. А ванá невяли́чкао рóсту былá, тáя люди́на, за менé мéнча. Дак кáжуть: о, якáя самá малáя, таки́е гарбузы́ малы́е парасли́.

Мертвецá с хáты ви́несли, зáраз за пасьцéль. Винóсять и лáўку змивáють. И лю́ди ж на мóгилках пабу́дуть, дак ужэ́ тáк не садя́ца ку́шать, а трéба, шоб кóжэн чэлавéк памы́л ру́ки. Кóжэн шоб памы́л. Ось ми атнéсли Мáшу на мóгилки, ми вянки́ несли́ зáраз. Стаи́ть люди́на и загáдуе: ми́йте ру́ки. От ми пами́ли ру́ки, тады́ и ишли́ ку́шать ужэ́. Óт як. Це ўжэ таки́ закóн (Ч. Чрн. Плехов, 1980 – С.Т.).

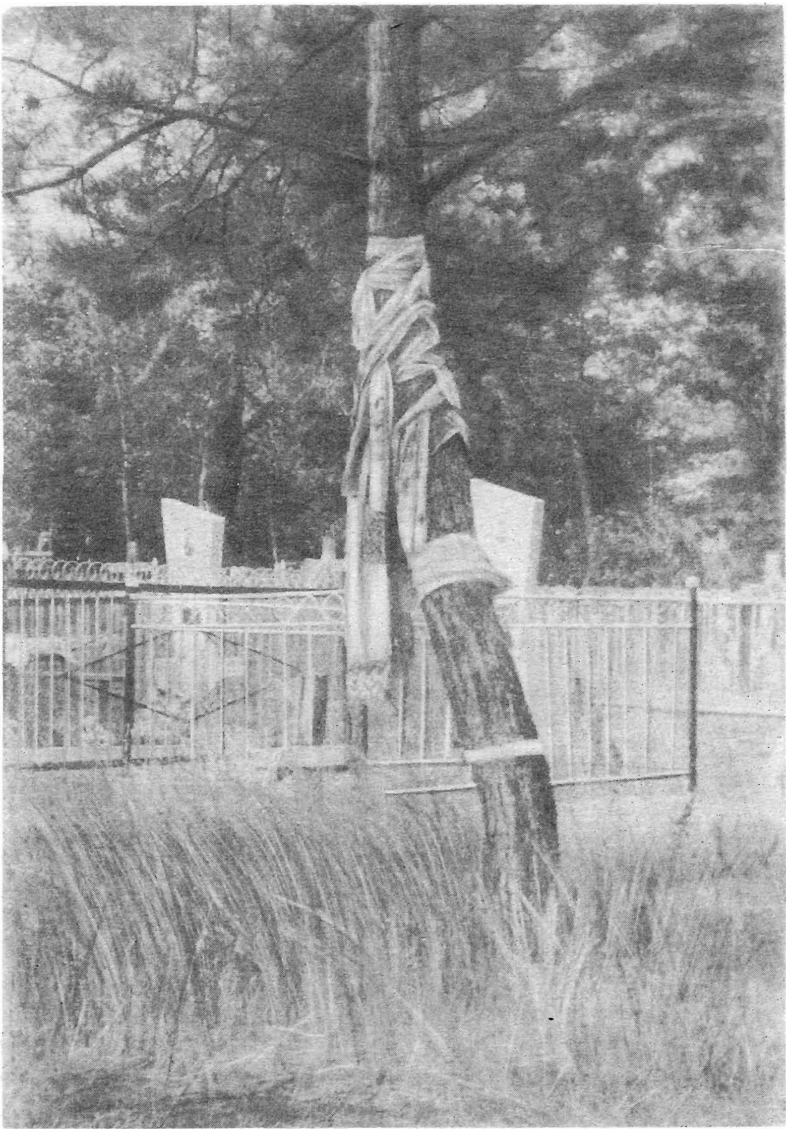


Рис. 5. Рушники на дереве (кладбище с. Выступовичи Овручского р-на Житомирской обл.). Фото А.Ф. Журавлева, О.А. Терновской (1981)

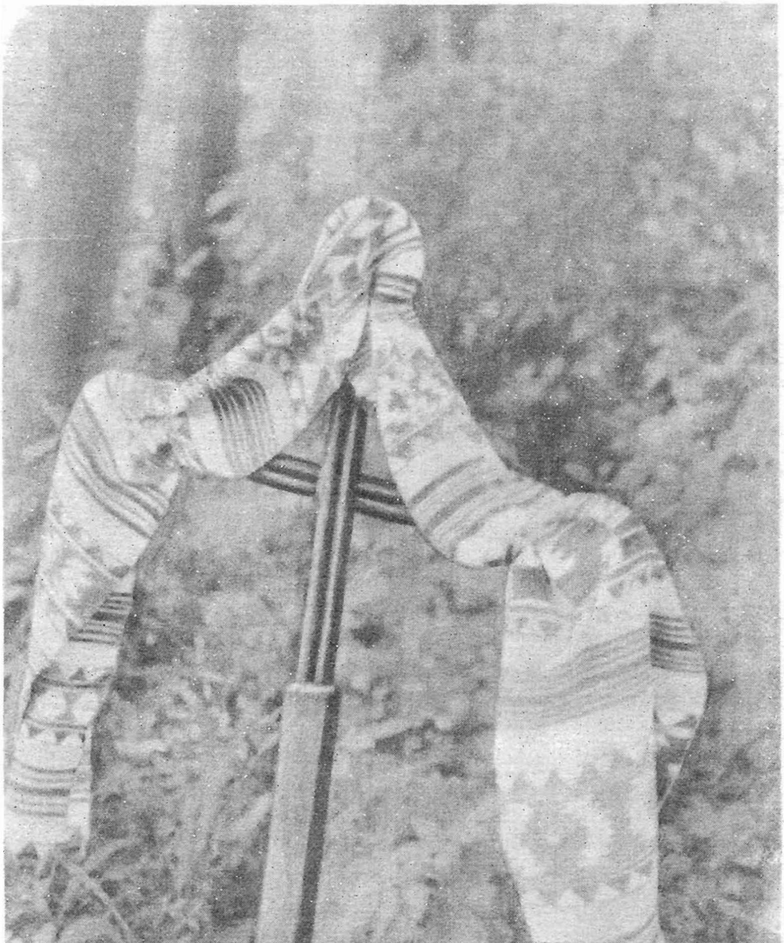


Рис. 6. Рушник на могильном кресте кладбища г. Словечно Овручского р-на Житомирской обл. Фото О. Мониной (1981)

Похоронные причитания

Причи́тують, як хто приду́мае. Мы адну́ хава́ли, дак дачка́ так жэ причи́тувала краси́во, ну так жэ краси́во, шо ка́жуть, де ана́ и бра́ла. Ко́жна ж дачка́ па сваю́й ма́тцы ж пла́чэ. Як хто приду́мае, так и пла́чэ.

Ой, сыно́чок,
А куды́ мы тебе́ выпраўля́ем,
Ци у салда́ты?
А ми ж ис салда́т би жда́ли,
А ми ж атсю́ль не дождо́мось,
Куды́ ми тябе́ сюди́ випраўля́ем.

Да так же причи́тує:

Ой, Ва́нечка, ой, сыно́чок,
Ой, шо ж юн наде́лал нам,
Да яку́ ж юн нам бе́дачку зде́лал,
Да ми ж яе́ не пережыво́м,
Да ми ж яе́ не пережду́о̄м.

И усё так и веде́ да так жэ, ну так жэ жа́лка, шо ну хто яо́ зна. На го́лас:

Ой, сыно́чок му́о̄й,
Куды́ ж ми тябе́ выпраўля́ем,
Да куды́ ж ми тябе́ атпраўля́[ем],
А ми ж не дажду́о̄мось,
Да ми ж не поба́чымось,
Да ми ж не погаво́рим тяпе́р с табо́ой.

И так жэ во́дить яна́ да жалче́нна так, ой, го́спади, я паслу́хала, дак и я пла́кала – чужы́ хло́пчык, и мене́ жа́лка (Ч.Грд. Мощенка, 1980 – С.Т.).

Как "душу водили"

Ви зна́ете, як ду́шу во́дять – о́н як. Ось як ужэ́ я за́мужэм была́, мая́ ма́тка десь там ужэ́ на том дваре́, да уме́рла. Дак я ужэ́ далжна́ за ўси́х ўперо́д – там пабе́дають, це ужэ́ як захава́юти, захава́ють на мо́гилках, на той двуо́р иду́ть абе́дають, де мяртве́ц. А тады́ ужэ́ – мая́ ма́тка ро́дная, дак я ужэ́ далжна́ пе́рва вести́ да сябе́ и угашча́ть тых люде́й. Хто нюс, от як, яки́е ро́дичи там ужэ́, хто сагла́сен ити́. А каму́ не́кали, дак тэ́е не иде́. Ну, и дру́гый двор. А тяпе́р ужэ́ савсе́м не так. Тяпе́раки о це ужэ́ бы мая́ ма́тка уме́рла, дак я б ужэ́, шчо у мяне́ б ни було́, дак нясу́ть у ту́ю ха́ту [где жил покойник], хто жэла́ющчы, шо трэ́ба перэво́дить, и та́макы ва́рать и то, дак тяпе́раки сталы́ як уста́вять, дак шчо твая́ душа́ жала́е. О це таке́е. А ужэ́ па ха́тах душы́ не во́дять. Це ж ужэ́ ось ис адне́и хаты да ў дру́гу – о́ це ж таке́е назва́ние: ду́шу вади́ть (Ч.Чрн. Плехов, 1980 – С.Т.).

Некрещеные дети (15)

Нехри́шчанэ дитя́ кали́сь не кла́ли на мо́гилках. Нехри́шчанэ дитя́ до́ма хава́ли. Де-не́будь у саду́ – ци пад я́бланькаю, ци ... Ось де де адни́х люде́й, дак мая́ падру́га каза́ла, шо чэлаве́к буў жэ на вайне́, чэлаве́к жыви, а ба́бы тае́й нема́. Дак було́ таке́е, шо вана без чэлаве́ка ад чужо́го, извиня́йте, привела́. Дак хло́пчык ўзяў да ўмер той. Дак воны́ десь там яки́е су́тачки до́ма, дак ана́ яо́ ў су́тачках [сутки – узкий проход между дворами] закапа́ла. Тяпе́р де́вачки ж ти́е, яе́ до́чэчки, параслі́ жэ, зна́ють, де вана́ яго́ закапа́ла. Дак причи́тують над ты́м дитя́м. А ваны́ ж чу́ють, як лю́ди гало́сять па мертвеця́х. Ужэ́ ж де́вачки цима́лые таки́е бы́ли. А то мы, ка́жэ, як гуля́нка яка́, дак гуля́ем и це, ка́жэ, идо́м туды́, де вани́ яго́ захава́ли, и гало́сим на йим. О́нде де яке́е. Десь там кала хлива́ яки́есь су́тачки бы́ли, дак вана́ яго́ захава́ла. О́т як. Дак дед той шчэ й тепе́р жэ жыве́. Ён буў на вайне́ и пришо́ў и жыве́, а ба́ба ўжэ уме́рла та́я (Ч.Чрн. Плехов, 1980 – С.Т.).

Оберег от ходячего покойника (16)

Умэ́р чоловик и ходы́в до дому. [Жена его взяла] бо́тню, дэ одэ́жа лежа́ла. Бо́тню поста́вила кай поро́га и одэ́жу чэрэз поро́г пэрэкладае в ночы́. Вун идэ́ и спра́шывае: "Шо ты ро́бйиш?" Вона́ ка́жэ: "Убра́не шука́ю". – "А на шчо тоби то убра́не?" Вона́ ка́жэ: "На вэси́лле пойду́". – "Куда́ жэ ты по́йдэш на вэси́лле?" – "Брат с сэстро́ю жэницца". Вун ка́жэ: "Нигдэ́ на свиты нэ ма́е, коб брат с сэстро́ю жэни́вся". Вона́ одка́зывае: "Нигдэ́ нэ можэ бу́ты, коб умэ́р да ходы́в". Вун дока́жэ: "Вот догада́лася". Ушо́в и бу́льш нэ прыходыв (Б.Пн. Лисятичи, 1981 – Е.З.).

Душа-птица (18)

Йи́хав оды́н чоловик доро́гою. Заняла́ его́ ныч у ли́сы. А от вин ду́мае, шо ма йты, до сэла́ йи́хаты, до сэла́ далэ́ко, поночу́ю тут. Взяв вин, накла́в огню́ там, ды́выця вин на той ого́нь. Вы́шэй, вы́шэй поднима́еця ого́нь из зымни́, поднима́еця, а то выла́зыть чоловик из того́ огню́ и гово́рыть: "Зляка́вся ты мынэ́?" А вын ка́жэ: "Зляка́вся". Бо ж то сырэ́д но́чы, то ж то ёму стра́шно було́. Ка́жэ: "Пошли́ зо мно́ю". – "А куда́ ж мы, ка́жэ, пы́дэм?" – "Пойшли́, – ка́жэ, – до днэ́и ха́ты пы́дэмо. Як вы́йдэмо ў ха́ту, ты стань у кутко́вы ў коцюба́х, дэ вы́лкы стоя́ть, и там стой. А я бу́ду сам робы́ты, шо зна́тымэ, от". И тогды́ воны́ войшлы́ до днэ́и ха́ты. Тая́ сымне́ спыть. И той вошо́в у куто́чок, став у куто́чку, стои́ть. А вин так зробы́в, шо его́ ныхто́ ны ба́чыв – ныха́й бы и ны спа́ла сымне́, то его́ ны ба́чылы б, того́ чоловика, бо той зробы́в так. А той був ви́шальнык, то вин, ка́уть, як зна́хур, злый. От и тогды́ вин стои́ть, а той пришо́в до дного́, ру́ку всады́л тако́ о гэть по са́мэ плычэ́ и ў го́рлы дава́й калата́ты, дава́й калата́ты, дава́й калата́ты – ду́шу добува́е. А то зна́хор був там оды́н – мо́жэ, ба́тько там тых сыны́в, бо й сыны́ такы́и вылы́кыи, здоро́выи ду́жэ булы́. И одному́, нэйста́ршому, ру́ку ўтасова́л тако́ во, в го́рло, калата́в-калата́в, калата́в-калата́в, вэ́йняв – ничо́ ны добу́в. Эх, ны добу́в нычо́го и ду́мае: "Ах, а як жэ ж ии́ добу́ты, ка́жэ, так крэ́пко сыды́ть, шо з е́и эробы́ты?" Всады́в дру́гы раз зно́вэйкы ру́ку. Дава́й знов калата́ты. Калата́в-калата́в, калата́в-калата́в и то́жэ нэ миг добу́ты. Вы́йняв ру́ку саму́ю – то́жэ ны миг добу́ты. А пото́м оддыхну́в, оддыхну́в тро́хы и знов утасова́в ру́ку тому́ са́мому. Всады́в ру́ку знов так са́мо. И калата́л-калата́л, калата́л-калата́л и вжэ й добува́е. А то добува́е таку́ю пти́чку, пта́шэчку таку́ю би́лыю, таку́ю блыску́чыю пта́шэчку. А то душа́ була́ его́. О, и взев таку́ю скры́нэчку, ше́ то на таба́к мужыкы́ но́сять, такэ́ нэвэлы́чка, и вложы́в ту́ю пти́чку у ту скры́нэчку, и пудыхо́дыть до его́. И толкону́в того́ чоловика, шо в коцюба́х стое́в, у вы́лках, и ка́жэ: "Пойшли́!" О, выхо́дять. Ну ўжэ тэй ўмэр. Ужэ́ вин ту́ю ду́шу добы́в, вжэ умэ́р.

О. Пошлы́ воны́ ў дру́гу ха́ту. Ка́жэ: "И в сю ха́ту як вы́йдэмо, то ты нычо́го ны дзыва́йся, ты́лько так са́мо стань, тыбэ́ ныхто́ ны ба́чытымэ, в коцюба́х. Бо ек одо́звэся, то, ка́жэ, нэдо́брэ бу́дэ. Тоби́ нэдо́брэ, пога́но бу́дэ. А ек стое́тымэш, вэ́конаеш – бу́дэ до́брэ, нычо́о тыби́ ны вста́нэця". О. От вин стойи́ть тай стойи́ть, стрымы́тыть, ужэ зогну́вса, вжэ ду́мае: и мэни́ так бу́дэ, и мэни́ так ру́ку втасу́е тай так калата́тымэ. О. Вуйшлы́ в ту́ю ха́ту, там то́жэ сымне́ вэлы́кая. И то́же дава́й калата́ты, то́жэ дава́й калата-

ты. Вжэ там и двом на́выть-ка. Два зна́хори було́. Ну, всады́в одному́. Калата́в-калата́в, калата́в-калата́в и того́. Добу́в, ка́жэ. Знов таку́ пташэчку. В ту скры́нэчку вложы́в. Ну, вложы́в он у ту́ скры́нэчку, табаке́рочку, шо табачо́к, и дэржы́ть. Ну, пото́м знов и дру́гому так са́мэ у тэй ха́ты. И дру́гому, о, всады́в ру́ку и то́жэ добува́е. И там добу́в. Вжэ йи тры. И то́жэ выйма́е таку́ пти́чку. И вжэ тры. Ишчэ до трэ́теи ха́ты пушлы́.

Ужэ́ там а́жни тром знов. Эге́, то́жэ ёму́ прыказа́в: "Гляды́ ж, тут ны говоры́ нычо́, ны дзыва́йся, бо бу́дэ ныдо́брэ". Ну, уйшо́в, а той зогну́вся тай стрымыты́ть и ду́мае: "А ек мынэ́ вы́йты жыво́му, ужэ́ ны вы́ду жывы́й. И мэни́ тое бу́дэ, шо йим". От и вин того́ ды́виця там, а той знов так, ка́жэ, всады́в одно́ и то́же калата́л-калата́л. Добу́в знов таку́ пти́чку з го́рла. То душа́ була́. Ну, добу́в вин. Тогды́ иду́ть. Подхо́дыть, товкону́в его́, ны гово́рыть слова́мы, ты́лько товкону́л (ужэ́ договоры́лыся, вин ужэ́ росказа́в впэро́д). Товкону́л и: "Пуйшлы́ да́лэй". Пуйшлы́ ужэ́ туда́ са́мо, о́, дэ вин був. От тогды́ прыхо́дять до того́ огню́. И ка́жэ: "А шо, зляка́вся ты мэнэ́?" – "Бода́й нэ, – ка́жэ. – Злякáвся, шэ й вэ́льмы злякáвся". – "Ны бы́йсь, – ка́жэ, – ны бы́йсь, я тэби́ нычо́о ны робы́тым и нэ прыбы́тым тэбэ́. Йидь, ка́жэ, пырыночу́й, ка́жэ, побу́дь ужэ́ до са́мого дне. Сыди́, ка́жэ, ночу́й. А́лэ я показа́в тэби́ знак, хоб ты знав, шо то ро́быця на сьви́ты".

Ну, ужэ́ вин вушо́в в ту са́му зэ́мню пуд тэй ого́нь, на тэй грани́цы. От, вуйшо́в, ужэ его́ й нэма́. А вин стрымыты́ть, дожыда́е, хоб хутэ́йко розвы́днулося, хоб дойи́хаты до сэла́. Ну, розвы́днулося. Приежджее в то сэло́, а там у трох хата́х пла́чуть, вычыта́ють, рэву́ть хто зна́е ек. В трох хата́х, ка́жэ, мэрци́, штэ́рэ мэрци́: в одны́й ха́ты два, а ў двох хата́х по дному́. А вин ка́жэ: "Я ба́чыв, чого́ воны́, ка́жэ, ста́лы, мэрце́мэ". И зачэв роска́зуваты, ек було́, тым лю́дям. "Шука́йтэ, – ка́жэ, – осо́вого колка́ дэ и забыва́йтэ ў ту... на тэ ми́сцэ, дэ вин, на ту грани́цу. Само́ туда́ в гру́ды, того́ бо́ка од головы́, ны од ниг, а од головы́". Вин ужэ ба́чыв, ек вин ўходы́в, дэ голова́ была́, дэ но́гы его́ булы́. От и ужэ туда колка́ осо́вого забы́в, и круго́м знов колка́мы позабыва́лы, о. Эй, вжэ нэ миг вы́лызты, а то го́лос чу́ють: "А, ка́жэ, дурны́й я, ка́жэ, я дура́к був, шо тому́ чолови́ковы прызна́вся, ка́жэ. Трэ́ба было ны прызнава́тыся ёму́, то бы я ци́лэ сэло́ вэ́быв бы, о́ дэ о́, и вси гэть бы поўмыра́лы. А насампо́сли трэ было́ и его́..." Той ви́шальнык так говоры́в в зымни́. Бо вжэ колка́мы забэты и ўжэ вин ны миг вы́лизты. Осо́вымы колка́мы забы́ты, от и так говоры́в. Вут якы́й он, ба́чытэ (В.Ртн. Пески, 1979 – С.Т., А.Г.).

Душа-муха (18)

Года два назад дядька с племянником ходил косить сено. В полдень дядька лег отдохнуть, а племянник на костре варил обед. И тут он увидел, как из открытого рта спящего дяди вылетела муха. Она подлетела к миске с водой и села на краешек. Тогда племянник поперек миски положил ложку. Муха по ней переползла на противоположную сторону миски. Племянник убрал ложку, и она долго ходила кругом по миске, а когда племянник опять положил ложку, она перешла по ней, подлетела к спящему и влетела ему в рот. Он сразу зашевелился. Племянник разбудил его и принялся расспрашивать, что ему снилось. Тот рассказал, что он гулял

в лесу и подошел к красивому озеру. Перешел через озеро по мосту (кладке), а обратно собрался идти – кладки нет. Долго он ходил вокруг озера и вдруг опять увидел кладку. Только перешел по ней – и проснулся. После этого племянник показал дядьке и его "озеро", и "кладку" (Р.Ркт. Глинное, 1978 – И.Мм.).

Обмирание

1. Пьять дэн лыжéла вонá нэ жывá, пьять дэн. То вдовы́ця. И пья́тэро дэтэ́й всталóся у йеи́. И вси малы́йи. И онá от обумэрлá. Ужэ́ ди́тэ плáчуть коля её и рыдáють, а тэ́е мáтэра нэмáе. Ныя́к. Привэзлэ́ бáтюшку хороны́ть йии́. И стáлы йии́ хороны́ть, а в йии́ стáло лицó минэ́тыся. Так, то почэрвуни́е, то зноў би́лое, то почэрвуни́е, то зноў би́лое. Бáтюшка говóрить: "Вэ, кáжэ, ужэ чэкáйтэ, нэ хорони́тэ гэ́и жи́нки, онá, кáжэ, хай до зáвтрея, онá шчэ мóжэ, кáжэ, живá." При́шоў той зáвтрей, привэлы́ ёгó зноў. Став вин отправлéты, с тэм кадэ́лом махáты, так як то от бáтюшка махáе, и зноў тэж сáмэ. Кáжэ: "Ны хороню́". Ну, лю́дэ ж сыдя́ть. То вжэ ж чоты́ри дни, пьять, сэдя́ть лю́дэ. Ну шо ж тут, кáжэ, робы́ть бу́дэмо? Давáйтэ, кáжэ, зноў, хай ужэ́, кáжэ, позáўтри. Вот вонá шóстого дня. И вышлы́ вси лю́дэ хороны́ть, привылы́ бáтюшку. И зноў так. Став вин кадэ́тэ, и стáлы отправлéты, онá зноў так. Вин кáжэ: нэ бу́ду! И зноў стаў прáвэты. Шчо однá рукá иссу́нулась. О! И вин кáжэ: "Нэ трóньтэ ейи́, хай онá, кáжэ, лэжéть до такóго и до такóго чáсу". От та жи́нка лыжéла. Вин пушóў ужэ́, а ты́и лю́дэ сэдя́ть. Онá рáзом – однá рукá упáла, дру́га, и подвóдыця. Лю́дэ стáли вжэ дэ хто тэкáты. Ну й кáжэ ж, вжэ си́ла и кáжэ: "Лю́дэ, нэ тэкáйтэ нихтó. Е вас никóго нэ зачэпáтым, е нэ помэ́ршая, е, кáжэ, булá на тым сви́тэ, то мэнé госпóдь обводы́в скризь. Шчо я дэ бáчыла. И вин мэни́ показував, за шчó грих. О! Вин кáжэ иду́, идэ́мо, вэдэ́, кáжэ, мэнé с сви́чэчкою и кáжэ: ой, чо, кáжэ, жи́нко? – А тáке, кáжэ, лю́дэ хóдять о такó всэ, кáжэ, рáком у́си. Хóдять и шось, кáжэ, рукáмы грэбу́ть. А шо ж то то, кáжэ, гóсподэ, рóблеть? А то, кáжэ, в ныди́лю я́годэ бэру́ть. Ну, дóбре. Идэ́мо, кáжэ, зноў. Идэ́мо зноў, а то, кáжэ, хóдять як головэшки́, лю́дэ чóрнэ як головэшки́. Кáжэ: гóсподэ! А шо ж тó о то рóбыця? Чогó ж то такé лю́дэ? А то, кáжэ, тó тэ́и лю́дэ, котóрыи пáлять. Чолови́ка от пришóў пудпалы́в. Дя́дько. От, то, кáжэ, тэ́и лю́дэ такéе. Оны́ зáвшэ о такéе осмáленэ. А потóм, кáжэ, идэ́мо зноў. А то хóдеть, кáжэ, таки́е я́кись, кáжэ, хто знáе, яки́ ты́е лю́дэ. Хтó ж то, ка, о, шó ж то о то такé? Кáжэ, идэ́ дыты́на и ды́выця на ейи́. Кáжэ: то ж твоя́ мáты! Кáжэ: нэ! То нэ мáты, то змэя́. А шчо ж то, ка, такóе? А то, ка, ты́е лю́дэ, котóрие ди́тэ трáтять. То ти́е жинкэ́. От так скризь за вся́чину онá питáла. А у ей булó тры чолови́ки. И питáеця. Кáжэ: чэ ты познáла своé чолови́ки? Ка, познáла! У́си трэ. А до йих нэ подхóдеть. Нэ мóжна, ка, тудá подхóдыты. И от так росказáв за вся́чину всé дэ есть, шчо за шчо, за яки́е грехи́. Всé росказáв и показáў. О! И ужэ́ отхóдыть. Кáжэ: ходэ́ сюдá и я тэбé вэ́вэду назáд. Бо тоби́ шчэ нельзя́ тут бу́ты. И вин мэнэ́, кáжэ, взев за ру́ку и вэдэ́ с сви́чкою и вэдэ́ и вэдэ́. И пришлэ́, кáжэ, таки́е там... стóлык стои́ть и свэчки́ горя́ть. Кáжэ, пришлэ́, там, кáжэ, госпóдь сэды́ть, кнэ́жку читáе. И зноў, кáжэ, бэру́ть, мэнэ́ зноў проводникэ́, вздýть от тудá. Завылы́ и вэ́вылы мэнé, кáжэ, с тóе норэ́, и я одрáзу у́стала. И встáла, то так вонá роскáзовала. Шчо кáжэ: нэ трáтьтэ дитэ́й, нэ пали́тэ

одэн одного, ны ўбывайтэ одэн одного. Бо, кажэ, смэртэльный грих. О! И теи, котории пчэльницэ, шо бэруть ужэ ис поля ўсэ, то зноў, кажэ, кругом геть ходыть вона, а кругом ейи гаде, ужи, кругом геть ходять ейи. Она, ка, в самому, в самому тому ходыть. Котории от бэруть, бачитэ, ис поля. Вот молоко, кажэ, молоко вжэ вона забирае. От о то оны. Пчэльницы. Пчолы, бачитэ, ек бэруть скризь мэд. Вот и вона так собирае. Из жета она собирае спир, из молока собирае – из всего геть. То она пчэльниця. О то, кажэ, то та пчэльница, шчо собирае спир из его и шчо молоко забырае чужэ. О то то. То, кажэ, ў самим гаде, ў самим тому ходыть" (В.Ртн. Щедрогор, 1979 – С.Т., Н.Т.).

2. Ну, я в пойизди, гот, йихала в тому пойизди и так та жинка росказывала. Кажэ, забралы на маневры хлопцив и попав, кажэ, туда той мужчина. Як попав вин, як пошов, погналы йих далэко и воны там манэрвы робылы чи як там. Ну, канешно, нагонылыся, набигалыся и уже так прыстав, шо ўжэ вин ны можэ. Якось вын там в курчах, ўси пойихалы, а вин устався. А вин як устався, его, в обшым, и ны пошчыталы, шо вин – ну, багато тых салдатув, и воны ны моглы це зробыты, добытыся, дэ вин и ше. А вин як лиг, так спав пъять дэнь. Спав, спав, скийко йиму влизло. И йиму всэ сныцця, шо дэ вин ны йдэ, всэ пышчера така. Туда заходыть – йиму ны моўжя [т.е. можно] пройты, туда идэ – ны моўжя, и всэ йиму пулотно на гочох, пулотно. А, каэ, пчола так бзыкае кругом, шо вот укусыть. И там глинэ – батько лыжыть, там – маты лыжыть, умэрлы, там – знов други лыжать. А повся кажэ идын: "Чого ты сюда попав? Шчэ тыби рано. Як тыбэ ця пчола ўкусыть, то ны вийдиш". И бзыкае, бзыкае. Я, кажэ, туда, сюда – нэ знаю, дэ выкрунытысь. Вин кажэ: выходыть якась жинка така, полотно тэ такэ, матэрыял таки ткрывае. "Иди, – кажэ, – вжэ звицы [т.е. иди отсюда], ужэ ты будэш ходыты и ты встаныся. Як ця пчола тыбэ ўкусыть, то ты встаныся". И вин став выходыты, эдын дядько каэ: "На вот, коржыка пойижь". И вин того йив коржыка, нияк ни миг зьисьты. Кусае – а, каэ, йисьты хочу, як нэ знаю, кажэ, зьив бэ всэйк[ого]. Йим, йим, а вин, кажэ, однакув, ныяк ны можу, кажэ, его пойисьты и зьисьты, шоб вин ны став. Каэ, йим – однакув. А посьля кажэ: учыныли мыни ворота: "Та йды звицы!" И я, кажэ, як кенувся, думаю: дэ ж то я лыжу – курчы, ныкого ныма, я сам ыдэн. Гьдэ шукаты, дэ часьть шукаты – и ни знаю, каэ, куда... [Пчела его вывела оттуда?] Да, пчола, пчола вывела. Дэ, кажэ, мини шукаты, куда мини иты? И я, кажэ, як став, прошнувся, а ўже надо мною минэ шукають, надо мною стоять. Ужэ хочуть йиго нили [?] укарать, посадыты, шо тэ так ниби пошчиталы дизиртиром – шо то пъять дэнь. Як, кажэ, я став русказуваты (вот той чоловик, шо як то мыни), я скийко спав. Ка: "Мы тэбэ пъять дэнь шукайим". Вин ы встав. И ему простылы, нычого нэ сказалы. От так я йихала и чула. Сыдю в вагоны, як... тый росказ той чую. Ты я жз и переня... [Вы не сказали, что ему там запретили рассказывать.] Ага, вот етае. Кажэ: "Всэ роскажу, а этого, шо пару слов е таких, я сказаты нэ скажу, бо я нэ буду жыты". Ну, йиму там сказалы, у пишчери в этый. Так росказав, ну хто ео – вин сам ны знае. И сказалы: "Всэ можыш казаты, ну этэе як скажыш, ты дэ йтымиш, там помрэш". И вин сказав: "Всэ вам росказав, а це ни". Ну што там такее... [Он был на том свете?] Ну, майбыв. Ну, пьять дэнь, подумайтэ, пьять дэнь. Это работав мозг. Ну, просто вин спав такем крэпким сном. А душа его работала. И йиму йисты. Вин йив,

йиив и ныя́к ны миг того́ ко́ржыка зьи́сьты. Як ўстав, то ёго́ нэ моглы́ накормы́ть, ка́жуть. Вот так мине́ роска́зувала, и я так... Йи́сьли вин там як прошну́вся, ну, ка́жэ, мине́ интире́сно: тако́го ко́ржыка йиив, таки́й, ка́жэ, хоро́шый, сма́шный. И я, ка́э, ёго́ нэ миг зьи́сьты. Кирпи́ч яки́сь глода́в, да. Вот ў сни всэ поба́чыш. Ну, й всё. [Рассказ этот информантка слышала от женщины "с Гуцульщины", т.е., по-видимому, из Львовской области. В понятие "Гуцульщины" включается Львовская область и, далее, Закарпатье.] (В.Квл. Уховецк, 1979 – А.Г.).

IV. СВЯТКИ

Обвязывание дерева соломой (4в)

1. Пид Но́вий рик столэ́ и сту́льцы, скамэ́йи обвэ́зують соло́мой, и гру́шы и я́блони, ви́шни – нэт, ти́лько гру́шы и я́блони. Дивчо́нкам интере́сно: я піду́ обвяжу́, я піду́ обвяжу́. Хло́пчик быжы́ть бо́сэ, пото́м на пэ́чькэ но́ги гри́йи, замэ́рзли – такэ́ зима́. [Обвязывая дерево "пэрвясло́м", говорили:] дай бо́жы, шоб роды́ло (В.Квл. Поворск, 1979 – А.Т.).

2. На ко́ляду и тыпэ́рь обвя́зують. Хазяи́н обвэ́зуе соло́мой ро́дну пу́шчу. Са́ми хазяи́и обве́зують. Бэжы́ть бо́сы, хай які́й моро́з, и обвя́зуе. То, ка́жуть, родэ́ты бу́дэ ско́ро я́блони тай гру́шы (В.Ртн. Речица, 1979 – А.Т.).

3. На гало́нну куттю́ [т.е. накануне крещения] иде́ хазя́ин ў сад ис сакы́раю, дык хазя́йка за йи́м сало́му нясе́. Хазя́ин гавары́ть: "Павиру́бую". А хазя́йка ка́жэ: "Вона́ на ли́то ўро́дыть" –да й объя́жэ сало́май ка́жне дэ́рэво (Ч.Грд. Макишин, 1980 – Л.В.).

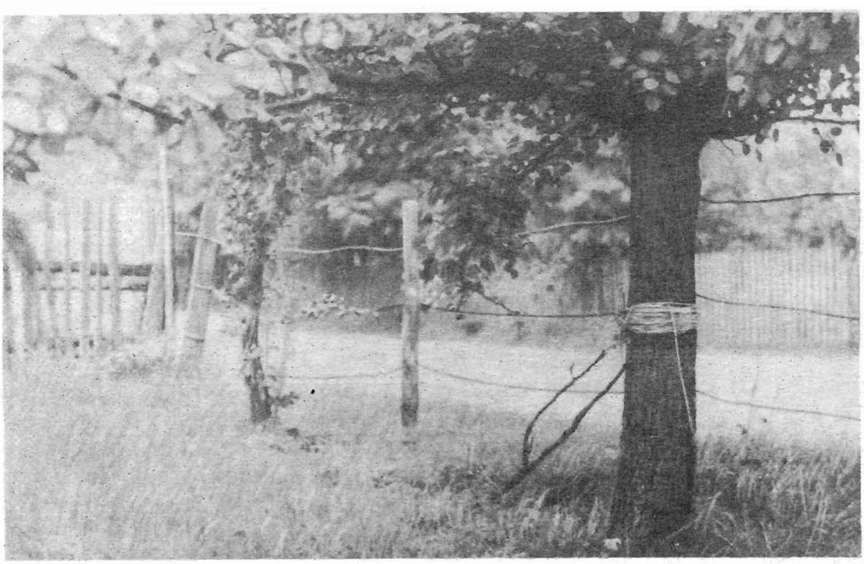


Рис. 7. Рождественская солома на деревьях сохраняется круглый год (с. Осовая Малоритского р-на Брестской обл.). Фото А.Ф. Журавлева, О.А. Терновской (1977)

Игра с хлебом на Андрея (5)

[На Андрея] – до ко́лед бу́дэ нэди́ль дви – пэчу́ть *калыту́*: ти́сто, як на хли́б, ко́ржык такы́й, [сверху] сы́плють ма́ком. [Калиту подвешивают на шнуре к потолку на уровне рта. Хлопчик садится верхом на кочергу и говорит:]

Иду́, иду́ калыты́ куса́ты,
Бу́дуть мэнэ́ по зуба́х крэса́ты.
Як нэ засмию́ся,
То пожывлю́ся.

[Хлопец должен откусить кусок от калиты, держа руки за спиной. Девушка спрашивает его:] "Куда́ идэ́ш?" – "Калитэ́ куса́ты". – "Як бу́дэш смэя́тыся, бу́ду по зуба́х крыса́ты". [Если хлопец засмеется, девушка мажет его сажей с кочерги] (В.Квл. Подрожье, 1979 – Л.М.).

Закликание мороза (6)

1. [В канун крещения и Нового года приглашали мороз:] "Моро́з, моро́з иди́ куттю́ есты. А нэ бу́дэш итты́, бу́дэм тэбэ́ желе́зными пу́гами быть. А вы, ку́рицы, сакаче́ть да тры копы́ ик па́сте еец изнэсэ́ть". Верх кутти́ знима́ють и кладу́ть на окно́: "Моро́з, моро́з, иди́ кутю́ е́сты, а ў Петро́ўку нэ бува́й, на́ши пашни́ кожуха́ми нэ укрыва́й" ([или:] "па́шню нэ тырья́й", "гре́чку нэ побыва́й"). [Или:] "Во́ўку, во́ўку, иди́ кутью́ есть" (Ч.Чрн. Днепровское, 1980 – Е.З.).

2. На гало́нну куттю́ [т.е. накануне крещения], як нэсу́ть куттю́, дык хазя́ин ка́жэ [в сторону окна]: "Маро́з, маро́з, идзи́ кутти́ йи́сьци. А як нэ йдэ́ш, на ли́то бу́дем пу́гами бить". [Или:] ста́ршый ў сямьи́ запраша́ў: "Маро́з, маро́з, иди́ кутти́ е́сьти. А ле́том ня бува́й, на́шых пашэнек не пабива́й". [С улицы в шутку могли ответить:] "Спаси́ба, еў да на кабы́лу сеў. А ты иди́ лашака́ зажэни́". [Был случай, что звали мороз на кутью, а в это время воры уводили коня и ответили с улицы:] "Спаси́ба, йиу́ и на кабы́лу сиў. Вы́ди варата́ зачыни́, дык лаша́дка остане́ццә." [Хозяин вышел, а коня нет.] (Ч.Грд. Макишин, 1980 – Л.В.).

3. На гало́дну куттю́ хто ста́ршый – чи ба́бка, чи ма́тка – [кликали моро́з] ади́н, кали́ два, и пъять раз за ве́чер: "Маро́з, маро́з, иди́ куттю́ е́сти. А ў Петро́ўку не хади́ и сваи́ де́ти не вади́. Ня маро́зь ни кийко́ў, ни гурко́ў, ни ара́тараў стары́х, ни паго́ничев малы́х" (Ч.Грд. Хоробичи, 1980 – О.Б.).

4. [В канун Нового года перед ужином, перед тем как есть кутью, хозяин открывает окно, ставит горшок с кутьей на подоконник и, держа в руках] пу́гу [т.е. палку], кли́кае моро́за: "Моро́з, моро́з, идзи́ куццю́ е́сьци. А ў Петро́ўку не идзи́, бо пу́гою лытки пообжа́рую". [Или:] "Моро́з, моро́з, идзи́ куццю́ е́сьци. А ў Петро́ўку не бува́й, бо бу́дземо пу́гою се́кци". [Бывает, что с улицы под окном караулит какой-нибудь шутник, хватает горшок с кутьей и относит к себе. Такого шутника не преследуют и не разыскивают. Говорят, смеясь:] сморо́зили куццю́. [Горшок из-под кутьи, как правило, находят у своего порога на следующее утро] (Г.Ел. Кочище, 1975 – Л.В.).

5. [Вечером накануне крещения приглашают мороз на ячменную кашу с постным маслом, приготавливаемую к этому дню:] "Маро́з, маро́з, хадзи́ ийшчу е́сьци. Зимо́й бува́й, а ле́там ни бува́й, ячме́нь ни зьяда́й, а то прыўя́жам к игру́шы й пабрыва́ям ву́шы" (Г.Клн. Новинки, 1975 – А.А., Л.Т.).

6. [Мертвых звали:] "Де́душка, ба́бушка, приглаша́ем вас на гу́шчу!" (Г.Хнц. Великий Бор, 1975 – Ю.С.).

7. На пэ́сану коляду́ [18 января] пэрэд у́жыном хозя́ин идэ́ у комо́рэ и в клу́нэ хрэ́стик напи́шэ, шо вжэ расписа́лася на цэ́лый рик, и вжэ сида́е вэчэ́раты, та́кэ посту́кае ў сти́нку и клы́чэ: "Моро́зе, про́симо вэчэ́раты". [Или приглашали] на руздво́: "Моро́з, моро́з, ходы́ до нас вэчэ́рати". Каза́ла на́ша ма́ты: колысь-то таки́й дя́дька клы́каў вэчэ́раты: "Эй, – ка́жэ, – ходы́-но, хозя́ин, вэчэ́раты до нас, на руздво́". [Так это домового звали? Не мороза?] Не. Домово́го, шо на гори́ (В.Квл. Поворск, 1980 – А.Т.).

Первый посетитель (7)

1. Кали́сь жэ хазя́йства бага́та держа́ли. О́т ужэ́ ягня́тки ро́дяца – як хло́пчык або́ мужчы́на во́йде пе́рвый у ха́ту, дак тады́ ужэ́ бу́дуть ради́ца бара́ньчыки. А як жэ́нского по́лу – ягни́чки (Ч.Чрн. Плехов, 1980 – С.Т.).

2. Як у каро́ви телёнка нет, то як при́де хло́пчык – о, бычо́к бу́де, а як де́ўка – те́лочка. [Также примечали] для жэ́ншчын – [родится мальчик или девочка] (Ч.Рпк. Старые Яриловичи, 1980 – С.Т.).

3. Як жэ́ншчына при́йдэ на па́ску пэ́рва, так тели́чка бу́дэ, а як мужчы́на – бичо́к. [На рождество и Новый год такой приметы не было] (Ч.Рпк. Злеев, 1980 – О.Т.).

4. Цыга́н и еврэ́й як пе́рвый гость на Но́вый год при́быў, шчита́еца, ў хозя́йствэ хорошо́ бу́дет заўсегда́. Е́сли коро́ва те́льна, [смотрят], хто пе́рвый гость при́де ў ха́ту: як мужчи́на – бычка́ принесе́т, а жэ́ншина – так тели́чку (Г.Мзр. Жаховичи, 1977 – Г.Т.).

5. На пэ́ршый дэнь поста́ обиза́тильно коб, хо́чыцця, коб прышо́в хло́пэць ў ха́ту. Всигда́ пыст жывэ́ в поныды́лок. В поныды́лок шоб пришо́в хло́пэць, коб ны ди́вчына, бо е́сли ди́вчына, то бу́дуть сы́ры коло́тысь. Коб ны коло́лысь сы́ры, это всего́ лиш (Б.Дрг. Симоновичи, 1974 – С.Т.).

6. На пэ́ршы дэнь па́скы, на благови́шчэнне то то вжэ коб мужчы́на прыхо́дыв ў ха́ту пе́рвый, а коб жэ́ншчына – не, бо то вжэ вре́дно в ха́ты бу́дэ. Як пе́рва ди́вчына, гово́рать, то вжэ ля́гушкы бу́дуть ў ха́ты, жабы́ ка́жуть по-на́шому, жабы́, А з жабэ́й э́то, ну, като́ры, ка́жуть, ви́дьмы бу́дуть, ви́дьмы бу́дуть ходы́ты (Б.Брз. Спорово, 1974 – С.Т.).

7. Ек прэ́дэ на Но́вый рок жэ́ншчына до ха́ты, як на роздво́ при́дэ, то в ха́ты ци́лый год бу́дуть жа́бы. То вжэ я кли́чу хло́пцуў: хло́пцы, ходи́тэ до мэнэ́. А то жэ́ншчына при́дэ – бу́дуть жа́бы. Ужэ́ хло́пцы при́дуть да ишо́ й потанцую́ть. И пра́ўда было: пришла́ жэ́ншчына с ребёнком и была́ жа́ба больша́я и ма́ленькая. Так на крыжову́ю доро́гу выбра́сывають (В.Ртн. Пески, 1979 – С.Т.).

Святочные гадания (8)

1. Про́ти крешчэ́ня по́сна кутя́. От тады́ то́жэ варо́жать. Замыка́ють уво́ду у̌ вядре́. Замкне́ замко́м, ключ забере́ и ка́жэ: "Суждяны́, раждяны́, хто сей замо́к адамкне́, той мой бу́де". Масто́к мо́стять над пе́лькаю. То́жэ: "Сужде́ны,ражде́ны, кто мене́ перевяде́, то й мой бу́де". От, руба́ють пе́льку у̌ реке́. Кладу́ть дру́ки харо́шыи и тады́ мо́стять мо́стик таки́, з дру́ччеу̌ тых. И ста́не, ана́ ж ужэ́ перехо́дить три ра́зы и гаво́рить: "Суждяны́-раждяны́, хто мене́ переведе́, той и мой бу́де". Кида́ли и чо́боты. И мы кида́ли. Я праве́рила, шо се всё брехня́. Кида́е через варо́ты, шыба́е из двара́, куды́ но́сам – туды́ за́муж пу́йдеш. А ён во́зьме да ве́рнеца да й наза́д да по́ галави. Пато́м ко́лля шчыта́ють. И о́т я ко́лля праве́рила, шо е́та брехня́. Зна́чыть так. Пачына́еца: маладе́ц, удаве́ц. Като́ры ужэ́ пападе́ца. Из яко́о пачына́еть, а дру́ги... Ну, де́вьять девято́у̌ на́да ко́лля атшчыта́ть. Аж де́вьять девято́у̌. О. Це девяно́ста адин калок. Так? Ну, и зна́чыть, у папа́ у̌ нас буу̌ загаро́жаны, здаро́вэ о так круго́м ко́лле бага́та, гу́ста и пло́там загаро́жанэ. Хвата́ло на де́вять девято́у̌. Як шчыта́ли. Ис удау̌ца́ шчыта́еш – маладе́ц пападе́ца, а с маладца́ – у̌даве́ц. Зна́чыть, брехня́ е́та всё. То варо́жым ля крини́цы. Ну, во́чи заплю́шчыть да хто ца́пне, заплю́шчыу̌шы во́чы, за крини́цу за ву́гал, то у̌жэ тэи мясае́д за́муж пу́йде. Дро́ва шчыта́ли, ци да па́ры. Па падо́канню хади́ли слу́хать, шо у ха́ти. От падо́йдеш, там хазя́ин с хазя́йкаю ска́жэ: "Иди́!" – зна́чыть, ужэ́ пу́йдеш сей мясае́д за́муж. О. А як ла́юца, то у̌жэ у̌тяка́е – таки́ чалаве́к лайли́вы бу́де. О. Пала́ли й паясы́, и насавики́. Ну, ко́жда свой приме́тить насави́к и пала́е: чий ви́летить папе́ред, тэй за́муж папе́ред пу́йде. Пятуха́ зачыня́ли. Но я не зачыня́ла, а чу́ла, шо де́у̌ки зачыня́ли. И зна́чыть, рису́ють кружки́ ко́жда сабе́ падпи́сують и туды́ кутю́, кра́дуть и ты́е у̌жэ у̌ кружо́чки у̌ сване́ кладу́ть. Тады́ стано́вять све́чку и пуска́ють пятуха́ у̌ круг. И пяту́х тэй хо́дить и чию́ кутю́ папе́ред доу̌бане́, та за́муж по́йде. О. И рассказу́вала адна́. Хади́у̌, хади́у̌, ка́жэ, хади́у̌, хади́у̌ и пришо́у̌ да дне́и и нага́диу̌ у яе́ кружо́к, у тэй, шо ана́ абчарти́ла, у̌зяу̌ и нага́диу̌. И яна́ радила́ дитя́ у̌ ди́у̌ках.

Пали́ли бре́хни. Ну, у̌жэ у̌се дурни́цы ты́е адыйшли́. Кали́сь при мне все каза́ли: бре́хни па́лять, бре́хни па́лять. Ну, наберу́ть десь у као́ куля́ яки́е лежа́ть, дак набяру́ть, мо, поу̌во́за у хазя́ина заберу́ть да спа́лять де́ти. Хло́пцы, де́у̌ки по́йдуть набяру́ть да на пасто́у̌ник натега́ють, шоб жэ сця́ла, шоб... и бре́хни па́лять. Ну, называ́ли бре́хни па́лять, а шо ено́ у̌жэ... Хто за гуо́д набреха́у̌ чаго́, дак ужэ́ пали́ли. Ну, и пры́гали и шо хо́чэш там было́. И пирья́ли адно́ дру́гога, шо папа́ла де́лали. И не атвеча́ли ж за тэ, шо, приме́рно, у хазя́ина забра́ли кулли́ ты́е да напали́ли, ничэо́ ж за тэ не було́. Бре́хни пали́ли. Да́жэ и я уча́ствувала у̌ тум. И хади́ла па кулли́. Все ж, да днэ́и ду́шы. Де хто собрали́ся ж ужэ́ абяза́тельна. На по́сну куть́ю, проти крешче́ня (Ч.Грд. Мощенка, 1980 – С.Т.).

2. Пырыд Но́вым го́дом в нас була́ шчодру́ха. Э́то на шчодру́ху обиза́тильно ходы́лы шво́рабы ловь́ылы, ну, воробьи́, вот. Ну й то́жэ колядныќы ходы́лы в не́которых места́х. Пры́казка: на шчодру́ху, ка́жэ, зловы́в птуху, одри́жымо но́са, коб ны йи́ла про́са. Осо́бынно пылну́ють, коб звары́ты свыння́чого хвоста́. И зва́лы, это шчыта́йицця шчодру́ха, шчо́дрый дэнь, шоб шчо́дрый бу́в. На гэ́той вэ́чор прыготовля́ють шо ты́лько ма́ють: прося-

ную кашу вареть, кыдають кольцо. А то шэ обизатильно умывалысь, особынно дывкы, миднымы грошыма умывалысь, коб чырвона була. Ну, мусыть мидного пьятака соби вкынуты ў воду и з этым умывайиця табы мылом. На пэршый дэнь коляд, ну, проти пэршого дня, прыносять первым долгом сина, ну, крышку [т.е. немножко] сина, ростылають на стыл. Это с поводу того, шо Исус Хрыстос лыжяв у яслях в синовы. И тры дни тое сино збырають и выносять. И бабы вжэ вытягають сино, ну, высунэ с-пуд настыльныка: довга попала – шчясьце, вылыкый лён зародыть. А вжэ посля, то вжэ его первым долгом нысуть так, як ужэ святое сино, коривцы оддають. А шэ я помытаю, такой був обычай – зэрнята збыралы. Як вжэ збыруть сино, то глядеть шэ зэрня, коб з его впало, коб повидаты, шо липш зародыть. Шо найбыльш на столи зэрнят, тое найлипш зародыть. Свянчона вода була, сино святыты. Прыбырае тоды на столи, посвятыть и нысэ тоды в хлив, оддае коровы, сьвянчонэ оддае. Кылько скотыны е – то тому крышку, тому крышку [т.е. каждому понемножку] (Б.Дрг. Симоновичи, 1974 – С.Т., Ф.К.).

Кутья и ложки (10а)

1. Во время ужина который назывался *коляда*, должны были присутствовать все члены семьи. Известен обычай за ужином *гоняты воробухы*: все закрывали глаза, а кто-нибудь стукал деревянной ложкой по лбу одного из сидящих (обычно детей). Тот старался угадать, кто его ударил. Это делалось" "абы ячмэня ў лити воробухы нэ объйицалы (Б.Млр. Орехово, 1977 – Л.В.).

2. Девушки пытались незаметно от матери взять после ужина щепотку кутьи и положить себе под подушку, и уже до сна нельзя было разговаривать. Перед сном надо тихонько сказать:

Кущя мая куцицька,
Ронна сестрицька,
Раскажы ўсю праўду,
Як буду жаницця.

И в эту ночь должен присниться жених (Г.Мзр. Жаховичи, 1975 – Л.В.).

3. На голодную кутью, накануне Крещения, ели постное и нетымые ложки складывали в коробочку. Коробочку брал последний ребенок в семье и шел с матерью в курятник. Входя в курятник, мать говорила: "Добры вечар, курачки!" И сама отвечала: "Здароў". Затем говорила от себя: "Сакачет, сакачет и каждая па этай каробачке яэчэк нанесет". [Три раза плюнет перед собой, и идут домой] (Ч.Грд. Хоробичи, 1980 – О.Т.).

4. Деўки крали ложычку кути, трошки, клали пад падушку, шоб присниўся жыних. [Перед сном приговаривали:]

Лажусь я спать на новам мести,
Приснись жыних ниве́сти.
Не снися ни гара, ни далина –
Приснися верна дружына.
Ти жыта жать, ти лен брать,
Дай мне, господи, таво павидать,
С кем век дажывать.

(Ч.Грд. Мощенка, 1980 – Н.Ф.)

5. Гадали кались. Цэ на галодну кутю. Дядна мяне казала так: перву ложку, шоб узяла ў рот кутю из ложки, а тады из рота да ў жменю и так

жменею за пазуху, покуль ужэ..., а шоб нихто начэ не заметил из батька, и матка – шоб нихто не заметил. А тады шобы не гаварила ни с ким – иди кутю на призбе закапай, о там, де баги, от як, на дваре. Хоть и снег, дак туды загреби. И тады ужэ и маўчы. И лажысь спать. Ни с ким не гавари. И тады присница, кто за табою приде. От як (Ч.Чрн. Плехов, 1980 – С.Т.).

6. Вершок с кутти сабрать, а назаўтра куркам несеш – шоб неслися. Як куттю переносиш с печи на кут, то приказываеш: ко-ко-ко, кудахдах! Кох-кох-кох приквохтывали, шоб куры квахтали (Ч.Рпк. Злеев, 1980 – О.Б.).

7. [На первый день рождества корку с кутьи дают курам.] Кладуць кружок [т.е. обруч с бочки], на яе ложаць скарынку з гушчы и адаюць курам:

Каб куры вялися
И ў двары нясли́ся.

(Г.Клн. Новинки, 1975 – Л.Т., А.А.)

Колядование (13)

1. На богатую кутью, во второй половине дня перед Новым годом, до сумерек по дворам ходили дети: "Добрый вечар! Пазвольте песню спеть". – "Пажалста", – отвечали хозяева. Дети ходили только к родственникам и пели под окнами *шчедроўки*. Отдельно от детей с теми же песнями ходили девушки группами по 5–6 человек. В группу могли входить девушки и не по возрасту: например, одна старшая, а остальные маленькие. Девушки ходили до богатой кутьи. Отдельной артелью человек в 10–15 ходили *калядники*. Они посещали дворы только после ужина (богатой кутьи) и до 12 часов ночи. Артель колядников была профессионализированной, одной на три села: в Великом Бору они ходили под Новый год, на утро отправлялись в Дубровицу, на крещение посещали Избынь. Путешествовали с подводой, добытое добро делили или пропивали. В артели преобладали неженатые хлопцы. Каждый из них имел свою роль. Женатым мог быть гармонист, обязательно женатым был цыган. Предводителем у колядников был *багатырь*, т.е. богач, он изображал доктора. "Коня" и "козу" водили разные артели. Группы мужчин, которые ходили с "конем" или с "козой", могли побывать в одной хате, но не одновременно – они старались друг с другом не сталкиваться. У колядников были люди, которые предварительно узнавали, куда можно зайти. Туда, где уже побывали колядники с "конем" или с "козой", девушки не ходят и не поют своих песен. Старики, бабы, старые девы и вдовы сидели в этот вечер дома и ждали, когда их придут поздравить. Девушки пели щедровки отдельно хозяину, неженатому парню, девушке. После девушек-подростков, даже после богатой кутьи, ходили невесты, т.е. девушки на выданье. Предварительно они просили у священника разрешения ходить по хатам и петь коляду хозяину каждого дома. Священник давал разрешение. Невесты пели только одну песню, которая по мелодии и припеву отличалась от других коляд: "А у нашага пана двор агароджэн" (Г.Хнц. Великий Бор, 1975 – Ю.С.).

2. Сабяру́ца ша́йкаю. От таки́е малади́цы. И во́дять па ха́тах казу́. Ви́вэрнуть кажу́х, рукава́ о так о. Тады́ ужэ́, як каза́ ў ха́ту во́йде, ужэ́ ця́я ўжэ... На дваре́ дак иду́ть ужэ́ так, як сл͡иед, а як ужэ́ ў ха́ту приглаша́е ж хазя́ин, дак вона́ ўжэ каза́ о так иде́ [показывает, что коза идет на четвереньках. Козо́й наряжается] малади́ца яка́я-не́будь. Хо́дять из е́ю бага́та хто – штук пьять, мо и бо́ле шчэ. И де́ўки, й малади́цы, хто хо́чэ. И мужчы́ны хо́дять. А тады́ ўжэ люди́на ужэ во́зьме да пригло́сить ужэ́ за ст͡уол. Дак ужэ́ ж за стал͡уом и папью́ть, и пагуля́ють ци, и о це пе́сню ужэ́ цю паспева́ють. Ну, тады́ ўжэ шо, тады́ ка́жуть: "До́бры ве́чэр!" Ты́е ўжэ ка́жуть: "Ис святы́м ве́чэрам вас" – што ў ха́ти, хазя́ева. Ну, и тады́ ўжэ ишчэ́ ади́н б͡иегае да питае́: "Казу́ приве́сти?" Дак хто жэла́е, а хто й не жэла́е, бо дава́ли ж ужэ́ пла́ту кали́сь. Дак ужэ́ дава́ли там м͡иерку ци жы́та, ци шо. А те ўжэ пасле́дняе дак ужэ́ дава́ли гро́шы. А тады́ яки́-не́будь ужэ́ там хло́пец во́йде: "Приве́сти вам казу́ ў ха́ту?" Ну, ўжэ разреша́ють: приво́дьте. Ну́, ўхо́дять ўс͡ие и гари́лку ж пьють и все чы́ста, шо там. Дак о це такее́. Каза́ по́зна хо́дить. А де́тки хо́дять из ве́чэра. Ани́ хо́дять из рукава́ми, им гасьци́нцы дава́ли. И дава́ли гро́шы (Ч.Чрн. Плехов, 1980 – С.Т.).

Ряженые (14)

14-го си́чня – ста́рый Но́вый рик, 13-го – шядрэ́ц. В э́тот ве́чэр мо́гут и про́сто ходи́ть щедрова́ть (спива́ты хозя́ям пе́сни), а мо́гут хо́дить с козо́й. Э́то ци́лы концэ́рт, прэдставле́ние. Як собирэ́цца компа́ния, так и иду́ть. Пид ве́чэр собира́ющца, як со́нцэ захо́дыть, як стимне́е. Между собо́ю распрэделя́ють, кто дид, кто ба́ба, по спосо́бностям. Ко́мики такие ста́влють, шоб посмия́лись, шоб до́вго запо́мнили. Перодева́ющца там, ба́бу наража́ють – трэ́ба, шоб хло́пэц быў, я́кось смишне́йшы. Ба́бску оде́жу ста́рую одева́ють, нагру́дник, спидны́цу, [вместо груди] шо-ныбу́дь тря́пки заткну́ть (яка́я у хло́пца грудына?], гу́бы и шчо́ки размалю́ють. Шчо́ки шоб кра́сные булы́, як я́блочки. Плато́к по-старо́винному завъя́зують. Быва́ють, шо одному́ платку́ так повъя́жуть [т.е. под подбородок], а дру́гый так [т.е. назад]. Два ко́нчыка [наверху] завъя́жуть, як два рожка́ торча́ть. Дид [наряжается так:] вывэрта́ють кожу́ха, бо́роду на ни́тку прицэ́пливають и у́сы з льна. Цы́ган рэмне́м затя́нецца, [наденет] куфа́йку, ва́тные бру́ки, чо́боты вэлы́кого ро́змеру. Шоб тэмни́шэ мо́рда була́, сажэ́й выма́зують. Як кузне́ц шоб быў. Трэ́ба, шоб цыган быў шу́стрый. Проша́к – тот, шо пэ́ршый захо́дыть до ха́ты и гово́рыть. [Один человек изображает козу. Согнувшись, он держит в руках палку с головой козы.] Голова́, дэржа́к, а тут прибива́ють про́волоку, или вобшэ́ з лозы́ мо́жно вы́гнуты. [Человек] загина́ецца так, дэ́ржыть в тако́й по́зе. [Сверху его] одея́лом накрыва́ють. Одея́ло си́ро бэру́ть, под цвет козы́. Так чэрво́но нэ возьмэ́ш и́ли си́не, а так, шоб сирова́то. Так пэрзбиру́ть, шо сосе́д нэ ўзна́е тэбе́. [Говорят] таки́ми голоса́ми ра́зными, ра́зными, шоб воны́ нэ взна́лы. Собра́лись и гово́рять, допу́стим: "Идём в цэ́ю ха́ту!". Проша́к захо́дыть до ха́ты и гово́рыть хозя́ям: "Позво́льтэ на́шэй козы́цэ погуля́ты!" Ну, разрэша́е. Проша́к выхо́дыть с ха́ты и гово́рыть: "Идэ́, коза́!" Разуми́е, шо вси лю́ды [могут заходить в хату]. Захо́дыть коза́, поклоны́лася и ста́ла так. Начына́ють спива́ты пи́сню пе́вчые:

На гори воўчок
З воўчэнятами,
В долынэ коза
С козынятами.
Як прибиг воўчок,
За козу чавчок,
А воўчынята
За козынята.
Нашая коза
Испугалася,
В нызки ноженьки
Захавалася.
У нашым сильцэ
Два славных стрильцэ,
Хотилы козу ўбэтэ,
Шкуру злопэтэ,
Шубу пошытэ.
Нашая коза,
Як лягла спаты,
Ны могла встаты.
Прошэ ш отдаты
Ци колбасицу,
Ци поляницу,
Ци кусок сала,
Хоб коза встала.

(А вона лыжэть.)

О вставай коза,
Господарь идэ,
Колбасу нысэ,
Шэ й колбасицу,
Шэ й поляницу,
Шэ й кусок сала,
Шоб коза встала.
Ўставай, коза,
И росходыся,
И розвэсэлыся
По вьсому дому
Пань господарю.
Приступы блызэнько,
Скланыся нызэнько
Як господарю,
Так господынэ,
Так усэм диткам,
Так маленэчкам.
Чэсьть на славу вам, господарю!

Як спивають, коза чуе, подходыть до хозяина, хозяйки, кланяецца дитём, хозяйцэ – всим, корочэ. И она тэ робыть, шо до козы касаецца ў писни. Колы цэрэмония кончаецца, вжэ хозяин шось дае. Сало, колбасу, хлеб, водку дають шяс, шо-нибудь. Тоди начынае играть на гармошцы. Дид з бабой танцюе, спивають "набожные" [т.е. непристойные] писни, частушкы. Ўсе пляшуть, ўсе вэсэляцца тай спивають, шо на голову прийде. Гармонист играе, баба з дидом поють – дид, или баба, или двох разом. Певчые притупують, под музыку, под гармошку.

Баба рада, баба рада,
Шо дид утопыўся.
Наварыла вареникоў,
А дид нахопыўся.
Баба ложку шукае,
Дид вареники хопае [или: хватае].
Баба ложку знайшла –
Вжэ вареникуў ныма.

Танцёвала баба з дидом,
Тай згубыла торбу с хлибом.
[Дид:] – А то тоби танцёваня,
Шчо й згубыла харчованя.

Коза загнулася сэбе, головою крутыть, малых лякае, до малых рогы наставляе. Кто постаршэ – смиецца, а младшэ – то крычать, тикають. Хозяин с хозяйкой задывляцца на танцы – пока спивають, танцують, цыган шось вкраде [например, носовой платок] - Вынесе с хаты, а после, на другий день, отдадуть – то шоб посмияцца. Хозяи тогда не ругаюцца, ничого, знають, шо принесеть на другой день. Посмивалы, поблагодарили, спасибо казалы: "Спасибо за тэ, шо позволылы нашэй козыцэ погуляты". А хозяин или хозяйка говорыть: "Суди божы на той рик дождаты". Вышли с хаты, пошли до другой хаты, зноў начынаецца. Так цилый вечэр ходють. Тем, кто не позволить козачке погулять без причыны, от дома отходять, то шось зроблють [т.е. сделают какую-нибудь гадость] (В.Ртн. Речица, 1979 – А.Т.).

2. Одна партия колядников ходила с "козой", другая с "конем". Маску

козы делали из бумаги и привязывали к груди и животу полотенцем. Коза становилась у припечка и "ротом ляп-ляп-ляп". Коза ложилась под припечком и притворялась мертвой, а сопровождающие, танцуя, пели: "Ого-го-го коза́, ого-го-го сера́" и просили: "Хозяинка, дай казе́ аўса́!" Им давали пирогов, сала. По окончании песни коза оживала.

Другая группа мужчин ходила по дворам с "конем". Каждый из них имел свою роль, и они разыгрывали по крайней мере фрагмент из драмы "Царь Максимилиан". Предводителем был *багаты́рь*, т.е. богач. Он(?) водил "коня". Шут Максим носил маску коня: "чалаве́к кане́м адзева́ўся". Некоторые одевались под казаков: в коротких пиджаках с погонами из бумаги, в высоких красных шапках с пестрыми лентами. В руках у них были шашки, которыми они махали и сшибались друг с другом. Трое или четверо *цыга́н* просили подаяние. Один из хлопцев при входе в хату ложился на лавку, притворялся больным и делал вид, что умирает. Его лечил *до́хтур*, носивший бутылку с водой:

Я лячу́, праўлю, на́ наги ста́ўлю!
Ка мне прихо́дзяць на нага́х –
Я атпраўля́ю на касталя́х,
Ка мне приво́дзяць жыву́х –
Я атпраўля́ю ме́ртвых.

И еще: "Спи́ця, Адо́лька, тро́е су́так...". Потом ударят "Барыню" на гармошке, и все скачут (пляшут). Танцуя в хате, колядники пели:

Му к царю́ иде́м, иде́м,
Злат вено́к несо́м, несо́м,
Злат-каро́ну надзева́ли...

Наплясавшись, выходили из хаты. Тут в действие вступал *цыга́н*, он просился у хозяев ночевать. Его пускали. Все возвращались в хату и снова плясали (Г.Хнц. Великий Бор, 1975 – Ю.С.).

Формулы угрозы и благодарности (15)

1. Колядники требовали у хозяев вознаграждения:

Да́йтэ колбасу́,
Бо ха́ту разнэсу́.
Да́йтэ нам шпы́рку,
Бо прокру́тымо в стыны́ ды́рку.

Когда хозяин заплатит за колядование, его благодарят: "Судэ́ў бог дужда́ты, судэ́ бо́жы проводэ́тэ, мы́ром-поко́ем, шшя́сьтем-здоро́вьем на той рик дужда́ты". Хозяева отвечают: "Спаси́бо вам" (В.Квл. Поворск, 1979 – А.Т.).

2. Угроза:

В гэ́туй ха́ты
Нэма́ шчо да́ты:
Жа́бы сма́жуть
И куттю ма́жуть.

Благодарность:

А за гэ́той пирожэ́чок
Зароды́ бо́жэ жы́та стожэ́чок.
А за гэ́ту накладо́чку
Зароды́ (или: году́й) бо́жэ сы́на й до́чку.
А за гэ́ты гро́шы
Шчоб были́ ва́шы ўну́ки харо́шы.

(Б.Пн. Ковнятин, 1981 – А.Г., Г.К.)

3. Когда́ не даю́т [хозяева угощения, колядники] пою́т. Пога́нили его [т.е. хозяина] и убега́ем, штоб не наби́ў:

Дя́дько злоде́й,
Сьяты вечор!
Ўсех кур покра́ў,
Сьяты вечор!
Под печ похова́ў.
Сьяты вечор!
Ку́ры заката́ли
Сьяты вечор!
Дя́дька спужа́ли.
Сьяты вечор!
Дя́дька спужа́ўся,
Сьяты вечор!
Учку́р [т.е. пояс на штанах] порва́ўся.
Сьяты вечор!

(Г.Мзр. Жаховичи, 1977 – Г.Т.)

4. Угрозы в щедровках:

Шчедру́ю, шчедру́ю,
Каўбасу́ чу́ю,
А не дасте́,
То заначу́ю.

Или:

Няси́, ба́ба, каўбасу́,
Бо ўсю ха́ту растрясу́!

(Ч.Рпк. Злеев, 1980 – О.Б., А.Г.)

5. Угроза:

Не дасте́ пирага́ –
Во́зьмем вала́ за рага́,
Паведо́м на муро́г,
Ви́крутим пра́ви рог.
У рог бу́дем труби́ть,
Вало́м ди́ла раби́ть.

~~Благодарность: "Неха́й табе́, дя́дечка, бог памага́е"~~ (Ч.Грд. Мощенка, 1980 – С.Т.).

V. ВЕСНА

Громничная свеча (1б)

1. Як ха́ту ста́влеють, на ба́льковы выри́зають хрыста́ и на грумны́ци бэру́ть сьвячо́ную сьви́чку и напэрэ́кpост по́лють (смо́лють) сьви́чкою того́ хрыста́ на ба́льковы, ко́жны рок опа́люють. Як спына́ болы́ть, то ляга́ють пэрэд тым хрысто́м и то́пчуть [ногами топчут спину], як спына́ болы́ть. Як голова́ болы́ть, пычэ́ в голови́, то у нас ка́жэ ро́жа, то быру́ть ту сьви́чку сьвичо́ну, лён сьвичо́ны (на спо́са лён сьве́тять); дэ́въять клочки́в насмы́чуть, ны больш ны мэнч, бэру́ть полотэ́нцэ, сьви́чку запа́люе и па́лиш. И литы́ть, литы́ть той ого́нь, пэрэхрэ́сьтять, прыйма́ють полотэ́нцэ. Сида́е люды́на, яка́ опа́люе, и нагото́вить лён и дэ́въять три́сочок. За́ра бэрэ́ при́моўкы: "Ны я прыступа́ю, сам бог прыступа́е. Го́ды круты́ты, го́ды мота́ты [2 раза]. От чырво́ныи крыви́, от би́лыи кости́ [2 раза]". Кладэ́тэ то на одного́ пру́тыка, так каза́ты. И на дру́гого и на ко́жнаго пру́тыка так говоры́ты – дэ́въять роз. Ти пру́тыкы шоб ны валя́лыся по двори́, трэ́ба спали́ты, кида́ты у пич. [Заговаривать] трэ́ба с хли́бом, хлиб бра́ты. Поло́жыш тому́, шо одгово́руе, замо́таеш. Лу́чшэ як замо́таеш (В.Ртн. Речица, 1979 – С.Т.).

2. Сьве́чки ве́льми сьве́цяць на стре́чэнне. Э́то са́мо цэ́нные сьве́чки –

стрэ́чэнне. Шэ я й цепе́р посыла́ла да ў Мо́зыры то́жэ посьвеци́ла – хай бу́дзе. Сьве́чка э́то хорошо́ для ўсего́. От, наприме́р, не то́льки э́то там што, мо, дле знаху́рства ци дле чого́. От, наприме́р, ци не спиш ци што, то мо́жна й пуд го́лову положы́ць. Зна́еце – ўся́кие ж обу́чайи е, чоловек то не здолее. От, не спиць ўно́чи, то покла́ў. Или як коро́ўку вуганя́еш пе́рвуй дзень, то́жэ мо́жна е́ю обуйци́. Да́жэ шчэ пологае́ца, коб три ра́зы посвеци́ў ее́, вот э́туй раз, а пото́м на дру́ги год и пото́м на тре́ци, е́ту са́му. Та обхо́дзяць коро́ву. [От грома эту свечу не применяют?] Од гро́му – не. Од гро́му от беру́ць сьвечу, як чолове́к умера́е да дзержы́ць ў руке́. О то од гро́му дзержа́ць ў ха́ци. От, кото́рый умрэ́ ўжэ чолове́к и ему́ па́ляць сьвечу́, даю́ць же ў ру́ку, як кана́е, и гори́ць, як лежы́ць ў ха́ци. То ту́ю сьве́чку од гро́му, а е́ту – не, е́та не поло́жэна (Г.Лпч. Стодоличи, 1974 – С.Т.).

"Колодка" (2б)

1. На ма́слену *тяга́ють кало́дки.* Ну, ўжэ ж не глядя́ть непреме́нно с сваго́ до́му. Где-нябу́дь укра́дуть и тя́гнуть ужэ́. А тады́ гари́лку пьють ужэ́ ж за ту́ю кало́дку. О́т як. Вяро́ўкаю заце́пять и тягнуть, пра́ма ў ха́ту тя́гнуть. Па ву́лицы и ў ха́ту. Мыжчы́ны таки́е, каза́ў той, пажылые, всяк дак. Я о це ж жыла́ ў того́, у Михаля́, дак шо, ў нас калодку ўкра́ли. Мы же не ду́мали, шо цэ вано́ бу́де. От за варо́тьми да лежа́ть на́шые дро́ва, бо яму́ дро́ва дава́ли, он раби́л на скла́де, дак на ву́гальнам на том, дак там им дро́ва дава́ли и ву́галь дава́ли. Ну, дак паўстава́ли, дак ён и ка́жэ: "Га́ля, ўжэ кало́дки ў нас аднае́ нема́. Шэсьть лежы́ть, а се́мае нема́, тае́ шо зверху". Бо цэ ж ма́слена. "Так ось я пайду́ паба́чу, куды́ яе́ пате́гли". Аж да тако́е пате́гли, шо хазя́ина нема́. Дак там гари́лки папапи́ли десь, мо, ну́ўчь. А кало́дка така́я – двохметро́вая кало́дка. От як бы́ло. Дак цэ на ма́слену. Ве́черы ўсе святы́е на ма́слену. Ўвесь ты́ждень. По́куль и пост наста́не. [Колодка остается той хозяйке, к которой ее приволокут.] Ужэ́ ж не по́йдеш забира́ть. О цэ ж як зако́нна. Хоть ты и гле́дишь, шо твая́, да ўжэ ж забира́ть не бу́деш. [Хозяйка выставляет за колодку горилку.] Хазя́йка ж та́я, шо притя́гнуть. Ну, там и гуля́ють. И той хазя́йцы й кало́дка. Бо ани́ ж юй прите́гли. Не зна́ю, шо ани́ ўжэ ка́жуть, того́ не зна́ю. Не прихо́дилось. Бо нам не притяга́ли, дак я не зна́ю. А кало́дки тяга́ють. Дак це на ма́сленуй (Ч.Чрн. Плехов, 1980 – С.Т.).

2. *Кало́дку во́дят* на ма́сленицу. Каго́ сва́тали, а ана́ не пышла́ за́муж, гавари́ли: "Мы тебе кало́дку привя́жем". Ани́ аткупа́лись, палли́тра ста́вили: "На́до ужэ жэни́цца". И парня́м привя́зывали, кто ешчэ́ не жени́лся. [Другие рассказывают иначе:] на масляной, у канца́ мясое́да, чи де́вушки чи жы́нки малады́м хло́пцам к назе́ привя́зывали пале́но: "Дава́йте привя́жэм кало́дку, неха́й атку́пица". Вин до́лжэн набра́ть магары́ч. [Девушкам колодки не привязывали, только парням неженатым:] всё мужыки́ винава́ты, шо не сва́таюца. Гуля́е з де́ўкой и не жэ́ница, таму́ кало́дку привя́зывае, и ён до́лжэн аткупи́ца. Хто сва́таў, не вы́сватаў – кало́дку привя́зывають на каляду́ ма́слену. Сту́пу за но́гу, во́жжы прывя́зывають до наги́ и тре́бують магары́ч. Ничто́ тут не се́рдица (Ч.Грд. Хоробичи, 1980 – О.Б., О.А., Л.З.).

3. На заговины по хатах вечэряли, хадили снедали ўси. [Это называлось] *патягать калодку.* Як назавтра заговыны — заговляють на масляныцю — сват до свата ходыть, то ўсловно так кажуть: калоду тягать. То старши заговляли: сын жанатый, дачка замужня з радыною сваею. Зайдуть ў хату: "Цэ, — кажуть, — притегли калоду", ничого такого не насили (Ч.Грд. Макишин, 1980 — И.М.).

4. Як молодый идэ до деўкы да ужэ запываe собе, то ужэ кажуть: "О, ужэ прытяг колодку собе". Запыв — да ужэ кажуть: *колодку прытяг* [т.е. говорят так, когда невеста уже обручена, но еще не обвенчана] (Б.Пн. Логишин, 1981 — А.Г.).

Крестопоклонная неделя (3)

1. [Четвертая неделя великого поста называется] *крестопоклона, Влассэ.* Ходють паклоны бить, треба адбить паклоны 12 раз. [Среда на этой неделе называется] *хресцы.* Тады кожнаму пекли у сямье, на кожную душу пече хрест из хлеба [т.е. из ржаной муки]. Папякуца и кушаем. Приказуе, шоб весь изъел, у памыйницу шоб не кидали; зразу не зъеш — палож на стол. Матка божа спаси, шоб ни кату ни кинул, шоб ни крошка ни пропала — шоб искушать. Виганяеш скот, карову у первый раз с хресчикам. [При севе его] кладуть в землю, шоб бог памиловал, шоб урожай бул харош (Ч.Чрн. Плехов, 1980 — С.Т., Н.Ф.).

2. Весной *хрэсна нидиля.* Пекуть пиражки и вкладають тры капейки. Каму дастанеца пиражок з грошыма, лён сеять таму человеку. Хоть дитина малая, а должна горсточку на поле кинуть. [Другие] пякуть хрэсты — карове дають да и сами едять. В сэрэду хрэст пекуть, каждому по крэсту надо зъийисть. [Говорят, что пекут один большой крест и несколько маленьких. Маленькие съедают, а большой выносят при первом выгоне скота. Некоторые оставляют один крест до засева и, когда выходят засевать в первый раз, кладут его в коробку с семенами] (Ч.Грд. Хоробичи, 1980 — О.Б., О.А.).

3. Ну, от серэд посту ето посерэдзини *хрэсты* празьник. Ну, на этые хрэсты рошчыняюць цесто у дзежу й пекуць хрэсцы три. Ужэ як товар ўуганяе первуй дзень, еты ужэ хрэшчыка берэ у торбу. Сам зьесь и худобине дась. Другого берэ, як засевае, у поле едзе сеяць. Сеяли багато палеў дзержали. А трэцёго, як идзе пчолы гледзець, то дзёржыць. Три хрэшчыки. От такэ було обучаи (Г.Ллч. Стодоличи, 1974 — С.Т.).

"Сороки" (4)

Сороки — сарока принесе сорак палак на кубло. Делають сорак пиражкоў — с макам, чи с фасолею, чи с яблоками, у каго шо е. Зготовять и пакушають. Сорак пиражкоў — каждаму [т.е. каждому мученику] па аднаму. Сами кушали и скатине давали — хатели, шоб скатина вялась. [Другие говорят] *сораки.* На той день... Мы ўсегда кросна ткали. "Заўтра сораки, идеть сягоння у церкву, будем гаветь". Пиражки лепили. Сорак пиражкоў. Хлеб пекли, учыняли. Натаўком пшана, туды семья, кашу, маку натаўком. Раззяўки — тые пиражки. "Ох, я напекла раззявак". Ис того теста, шо хлеб пекли (Ч.Рпк. Старые Яриловичи, 1980 — О.Т., С.Т.).

Благовещенье (5)

1. Трэ́ба було́, шо-ныбу́дь загора́ты до благови́шчыння, карто́пли вы́браты с скопци́в то́жэ обиза́тельно до благови́шчыння. А шэ на благови́шчыння пыклы́ гале́пы и бо́роны. Хрысьци́ – это в нас булы́ воны́ ны в чысли́, а сыры́д по́сту. То вжэ там хрэ́шчыкы пыклы́. Ну, зами́сыть дэ ба́ба кры́шку вжэ тако́, хрэ́шчыка спычэ́. Ну, то ж сьвяты́лы хрэ́шчыка. [На благовещенье] – блави́сночка вылыко́нна, гале́па зва́лы. В нас найби́льш гале́пу й бо́рону и сырпа́ робы́лы. Гале́па, борона́ и сэрп. А на гале́пы но́гу бусьќову рысова́лы, выда́влювалы. И вжэ э́то осо́бынно малы́м ди́тюм. Бо то обы́чно буськы́ прыли́тають пуд благови́шчыне, и вжэ на благови́шчыння до́лжэн си́сты на гныздо́, и вжэ йи́х клы́чуть: "Бусьќо, бусьќо, на́ тоби́ гале́пу, а мыни́ дай жы́та ко́пу, на́ тоби́ бо́рону, а ты мыни́ дай жы́та сто́рону". Сторона́ – э́то вжэ в нас зва́лась в клу́ни одна́ сторона́. А шэ ж ня́кось до сырпа́: "Бусьќо, бусьќо, на тоби́ сырпа́, дай мыни́ жы́та снопа́". Гале́па – ну, бу́лочка така́ кру́глынька, малэ́нька, быз ны́чого. На гале́пы була́ вы́давляна, нарысо́вана бусьќова нога́. Рысова́лы шэ на ны спэ́чануй гале́пы. Борона́ – то вжэ то́жэ бу́лочка, оно́ вжэ тут кое-якы́йи зубци́ вжэ повыда́влюють. Ну, сэрп пыклы́, табы́ сэрп. С ти́ста вы́лыпыть, якэ́йи фо́рмы – яка́я вжэ ба́ба змо́жэ, так и вы́лыпыть (Б.Дрг. Симоновичи, 1974 – С.Т., Ф.К.).

2. Гавари́ли, шо нельзя́ ара́ть да благове́шчэня, ку́тать, калка́ забива́ть. Ужэ́ як хазя́йства у ко́го, то як плете́ш и кало́к забива́ть – дак забье́ш на тот свет. [Это вредит хозяйству, т.е. скотине, и беременным женщинам] – як жэ́ншчынаваги́тна хо́дить и як хазя́йства: сви́нни, авечки́, каро́вы. Нельзя́ пе́кти – расу́ запека́еш. Цэ на благове́шчэне (Ч.Рпк. Старые Яриловичи, 1980 – С.Т.).

Встреча весны (7)

1. У Про́воды [т.е. первый понедельник после пасхи, был обы́чай] *зыму́ку прогоня́ты.* Па́ску провожа́лы и зы́му провожа́лы. На Про́воды яйцэ́ [крашеное] пэрэкы́дали чэрэз клу́ню, шоб скорэ́е на вэсну́ пошло́, да ками́ньем кы́дают – зи́му прогоня́ют. [Мальчики] ка́мэни броса́ют на по́ўноц. Зы́му го́ним:

Пошла́ зыма́ до Кы́ева,
А нам ли́то покы́нула.

(Б.Пн. Ковнятин, 1981 – Г.К., Н.М., Г.Т., А.Г.)

2. На Про́воды [был обычай] *гони́ть зы́му.* [Ходят за село и поют:]

Провэды́ зы́му до бо́ру,
Сама́ вэрну́ся до до́му.

[Или:]

Иды́, зыма́, до Ку́чэва,
Бо ты нам надоку́чыла.

[Кричат, шумят.] Кида́ем ками́ннем, дэ попа́ло ў забо́р. Пуд ли́сом костры́ па́лять: насмы́чуть мно́го-мно́го го́лля – купа́йло такы́й высо́кый. Бо́мбы кыда́ли туды́, коб она́ затыкла, зыма́ (Б.Пн. Лисятичи, Синин, 1981 – М.П., Г.К.).

3. [Когда станет прибывать вода и на деревьях набухнут почки,] повиходим малые, па снегу босые бегаем, па праталках. Диуки пасабираюцца и кричать:

Вясна, вясна,
Ты к нам пришла,
Ты нам принясла –
Дивачкам росту,
А хлопцам каросту.

Пеем весну:

Весняначка-пеняначка,
Де ти зимавала?
Ў садочку на пенечку
Вишэнки шчипала... [дальше не помнят.]

Всякие песни пели да абгукивались. Так гукалися, шо па ваде пил ишла: "Гууу!" (Ч.Рпк. Старые Яриловичи, 1980 – О.Т.).

4. *Весну гукали* и танки вадили, и так ужэ пританцовывали и спевали:

А на гаре мак,
А в далине мак.
Белые маи маковачки,
Залатые галовачки,
Станьте вы так,
Як сей мак.

То было на Благовешченье, весну гукали (Ч.Грд. Хоробичи, 1980 – О.А.).

Юрий (8)

1. На Григория ў поле выходили и батюшка правил. Бабы ў саду сабирались и спявали:

Да не стой, Юръю, над вадою
Да й не траси, Юръю, барадою.
Да й умер Юрэй у сераду,
А Юръиха папераду.
Эй, рана, рана мае, папераду.
Абсадыли Юръю гваздикамы,
А Юръиху василькамы.
Эй, рана, рана мае, василькамы.

Ну, от и спявали. Ў саду гуляли, гарилку пьють и спавають о цю песню. Адны жэншчыны, мужыкоў не примали. Я ж вам кажу, шо шо зрабили. Ну, дак а мужчына зайшоў, дак шчо. Ўзяли яму штаны разадрали, а ў белых тольки стаяў. А тые саўсим разадрали. И всё. И так пришоў да дому. Жынка попалаяла: "Шо ты не у сваё дила пашоў, шо ты – чарки захатиў дак пашоў, дак вот и палучиў сваё". Вот як (Ч.Чрн. Плехов, 1980 – С.Т.).

2. Перед Юрьем идуць дзевачки шчадруюць. ([Девочки, которые с хлопцами не гуляют, не знают ничего этого;] як е на рубасцы, дак ўжэ не пойдзе). Дзень да Юрья. И пеюць бажэсьцьвеные песьни. И хлопцы ўжэ туды не падойдуць. [Щедрующим дают кто лен] – кужэль жмени дзве-три, кто воску. [Из льна ткут обыденное полотенце, а воск несут в церковь на свечки.] Женшчыны, у каторых на рубасцы нема, напрадуць и вуткуць рушника за дзень. На Юрья идуць на каплицу и несуць иконы. Расцилаюць рушник миз йикон, и кажна гониць сваих кароў. А катора жэншчына малако атнимае, дак ўжэ не пагониць. И му ўжэ приглецаемся. Мурашок єних, кастрицы наберем, возьмом и пойдом их двор перасыпаць. Ани ўжэ назаўтра клянуць нас – йой ўжэ чэрви у малаке (Г.Хнц. Дубровица, 1975 – С.Т.).

3. На этого празника – Юрей – збираюць ўсё по дворам да ў кучу да й паляць. Накладуць добру кучу, кладуць лом. [И хлопцы, большие, через огонь прыгают.] Огнеў три, чотыри. Купайло – у вечори пэрэд Юрьем. Я шчэ носил голле на тое купайло. Юрьевое купайло (Г.Ел. Кочище, 1975 – С.Т.).

Обычай ходить в жито на Юрия (8)

1. На Юрья за сялом выган. Павыганяют – се скот, се свинне, се авечки. Бяруть харогви, и батюшка и пьевша тады идуть на выган. Батюшка папирскае святой вадой и тады вжэ идуть па полю – чэрез жыта, чэрез авес, чэрез гарох, шо де запахана. Виносят жа хлеб и соль, на выгане паставлять на стале. Ў вэчэр бабья саберэцца и мужчыны. Выходять на вулицу, раскладывають кастры – па нескальку двароў: тут кастры, там кастры. Жарят яэшню. Жарят на вулицэ яэшню, вэчэраюць. "Юрья, – кажуть, – давайте сабярем яэшню" (Ч.Рпк. Злеев, 1980 – О.Т.).

2. На Ягория ходят ў жыта *юрицца*. Беруть выпиўку, раскладають агонь ў жыте, яэшню жарать, гуляють ў жыте. На Ягория должно жыта такое быть, шоб захавалась варона. Якесь Юрай, примечали: "Давайте пакачаемось". Ля жыта пакачаемся да ў жыта пакотимось (Ч.Рпк. Старые Яриловичи, 1980 – О.Т.).

3. На Юрья пэчуть пироги з петлевой [т.е. белой] муки с пшэном, с картошкой. Идуть на жыто, посядають, расстэлють билую скатерку. Хозяин встанэ, ў руке пирог здаровый, и прыказуе: "Шоб даў бог такий колосок, як цей пирожок!" Посэдять, поедять, писни спивають. [Другие рассказывают иначе:] на Юрья бэруть обид, бэруть горилку, а як нэма горилки, так хоть воду, бо выпить трэба. Бэруть паску, яичко. Хозяин и хозяйка сядуть, поядять и качаюцца ў жыте. Хозяин покотить яичко по жыту: "Вот будэ хороший врожай". Тады диты качаюцца по жыту – шоб жыто нэ лягало. [Бывает, что "качается" только молодежь.] Дивчата бэруть хлопци, бэруть еду и идуть ў жыто – поедять и качаюцца по двое. [Иногда в жито ходят только женщины.] На Юрье у нас сама жынка [т.е. хозяйка] с подружками пойдэ ў жыто, покачалася тай всэ. [Другие лишь катают яйца:] на Юрья собралось нас килько жынок, яэчка зварылы, покотымо яэчко – як воно сховаецца [во ржи], так будэ врожай (В.Квл. Уховецк, 1979 – О.Т.).

Юрьевская роса (8)

Росу – это на Юрия. Трэба до сонца зарано вуйти. Брать свичону трапку – вот, например, як светят на паску, несут ў цэркоў, то яку-нибудь там скатерку или там який рушник, и ужэ ето бережат. Вот я хочу у етой суседки штоб молоко отобрать. Вот я ужэ иду на ее межу проти ее хаты и на ее жыто. Ужэ ж на весни земля гола, на Юрья. Ужэ этой трапкой потягну два разы. Ужэ она мокра. Прийду ужэ вукручу роса на тую корову – ужэ у мене богато [молока], а у ней мало. От этым занималися (Г.Длч. Стодоличи, 1975 – Н.Т.).

Вербное воскресенье (9)

Вэрбу ў цэркви святили. Кались у каждого вэрба була. Кароў тэей вэрбой выганяють:

А-джэ-джэ, – кажуть, –
Вэрба бье.
Не я бью,
Вэрба бье.
– Якая?
– Святая.
Не бойся никога:
Ни людей лихих,
Ни звяроў лютых.
Чиста будь, як сталь,
Крепка, як железа.

Вэрбу ж ту на полку паставлять – ат гразы. И ў пастройку ўтыкають, у хлиў. Еи ўжэ крошать и дають скатине – каровам, авечкам. [Некоторые сажали святую вербу возле своих домов.] Цэ ж святая вэрба расте на вуглу (Ч.Грд. Хоробичи, 1980 – О.Т.).

Чистый четверг (10)

1. Ужэ хата у нас пабелена да четверга. Панедельник начинаеш, шоб да четверга было ўсё чиста. *Белая неделя, Белый тыждень* – хаты белять, белье залим. У чистый четвер нас мать усих мие да сонца у ночвах и ставит на камень кола хаты, шоб були крепкие. И сами ж ани моюца, и атец и мать. Умиваюца до сонца, виливают воду через дарогу, штобы не балеть цэлый год. Знаем, шо нада ў пьятницу паски пекти, шоб дежа била чистая. Мать ей вимие харашо, накрие крышкаю, кладе акраюшку хлеба и соли драбок [на хлеб], накрие скатеркаю, падпаяшэ набожничкам и виносит яе на двор – и ана там гавее. На страсть хадили у цэркавь. Агонь нясуть ў фанарах из цэркви, а тады ужэ падкурують ў хате хрэсты на брусу, на ушняку, над акном – спасение ат грому. [Другие утверждают, что] хрест падпалювали и чатыре точки. [В воскресенье эти точки соединяли так, что получался второй крест. В чистый четверг кресты делались именно на брусу, в отличие от крещения, когда их рисовали мелом с наружной стороны на "лутках" окон и дверей.] На галодну куттю ждеш, пака вады принесеш напица, и тады приходиш да дому, береш глину [т.е. мел] и на ўсих лутках пишэш хресты. В чистый четвер *дежа гавее.* Дежу мили у чисты чэтьвер да сонца на дваре, скатеркаю застелють, красным поясам – акрайка з воўны насили старые люди, жэншчыны – абвяжуть, акрайчык хлеба сверху и паставить на кут, шоб дежа атгавела. Прибере, и на куте ана гавее. Кажуть, гаветь пашла дежка. Да вечера стаить дежа у куте. У вечери паску учыняють (Ч.Рпк. Старые Яриловичи, 1980 – О.Т., С.Т.).

2. У чистый чэцьвер обучайи було багато: на камени скакали, штоб ноги не болели. От поloжыць каменя и от пудскочиць три раза. Ето у чистый чэцьвер до сонца. У хаци. У чистый чэцьвер обходзяць хату напроци сонца, штоб погань не поузла к хаци. Если буў дзёгоць, то дзёгоця возьме, квача и обойдзе три разы. Тольки до сонца заране. И не будзе никакой погани. [Дегтем] мажэ сцену, трэцёго венка квачэм три разы обойдзе. Ето у чистый чэцьвер. Ужэ дзежу мыли цеплой водою. Заспелюць скацерку и положаць булку хлеба, и поясом объяжуць и постаўляць на дворе, до сонца, штоб трошки вона постояла. А тоды

Рис. 8. Чистый четверг в с. Тхорин Овручского р-на Житомирской обл. Дым от костра должен идти на дежу, рядом с которой ставят крышку дежи, хлебную лопату и гребень с куделью. Фото М.Н. Толстой (1981)

уно́шваюць. Обу́чая багато було́ ко́лишнего. [Дежу обвязывали поясом] кра́сным яки́м-не́будь. И обму́юць е́ту дзежу́ у но́чвах це́плой водо́ю. Зара́ней, до сьве́та ўста́не, до со́нца. И тоды́ ужэ́ поло́жыць бу́лку, засце́ле ска́церку бе́лу, объя́жэ и поло́жыць бу́лку цэ́лу хле́ба й поста́виць вусо́ко на чом на дворы́, штоб вона́ постоя́ла. Таки́ обу́чай буў колись у чи́стый чэцьве́р (Г.Лпч. Стодоличи, 1974 – С.Т.).

3. У чы́стый чэтвэ́р купа́лись, умыва́лись, шоб буть увэ́сь год чы́стым. Все́ чы́стьлы, шо́б було́ чы́стэ. У чы́стый чэтвэ́рг на стра́сти двана́дцять раз звани́ли у звóныку, го́ловы мы́ли, вста́вали ра́нцэм, шоб ишшэ́ со́нцэ ня взайшло́, да схо́д со́нца, и умыва́лися, го́лову мы́ли а́бо купа́лися, шоб увэ́сь год чы́стому быть. Усе́ раби́ли, и ди́жку да со́нца вы́мие, шоб па́ску пикты́, и сама́ вы́миецца, шоб год чы́стой хади́ть. Умы́юся, ка́жэ, шоб галава́ чы́ста була́, або расчэ́шэцца. Хто и до ри́чкы по́йдэ, но́гы помы́е, шоб не бали́ли. Та у нас адна́ пашла́, памы́ла да й зле́гла. На стра́сти, у чэтьвэ́р пэ́ред па́скою, ка́ждый иде́ с све́чкою из во́ску у цэ́ркву и, кали́ ис сим вогне́м ухо́дить у ха́ту, на зго́ловни [верхняя часть станины двери] зро́бить хрест, патуо̆м на траму́ [т.е. балке перед кутом], патуо̆м у хляви́ на зго́ловни, лу́чшэ там, дэ куо̆нь, шоб, ка́жэ, куо̆нь був хоро́шый. На тра́ми хрэст зроби́в – шоб гром нэ вда́рыв. То страсна́ сви́чка, йийи́ хава́ли, шоб чи хто бали́е, чи хто умрэ́, то сви́тять ту сви́чку. Запа́лять и на во́ду ка́пье – от ля́ку, кали хто заболи́е, пока́зуе, хто злякаў. [Другие не делали сразу крестов.] Сви́чки не́сли да до́му и на трэма́х раби́ли зу́рочки [т.е. четыре точки], а ў няде́лю свичка́мы хрэст малю́ют сам па сябе́ [т.е. отдель-

но от зурочки. Или говорят, что,] як данесе́ш све́чку да до́му, на́вхрэст ку́пачками закапати́ш на сто́ли про́ти ико́н, [а после всенощной] зро́биш хрэст из тых ку́пачок, навхрэ́ст хрэст зро́биш (Ч.Грд. Макишин, 1980 – И.М.).

Четверговая свеча (10б)

[В каждом доме в старину была свеча, с которой ходили в церковь в великие праздники. Ее брали с собой в церковь, когда шли на "стра́сть". Это обычная самодельная свеча толщиной в палец и длиной сантиметров 40. Она сохраняется, пока вся не истратится.] Из страсте́й прыно́сять сви́ечку, шоб гаре́ла по даро́ге дамо́й, и сви́ечку ту́ю хава́ють. Недога́рок цэ́лый год ляжы́т. Гром ха́ту не запа́лит, е́сли недога́рок у ха́те. Све́чку до до́му несе́, у ха́те на тра́ме све́чичкой наче́ртит хрэст. А вот жа забале́е хто, ка́пають воск, и ви́пье ка́пачку ту́ю. Признава́ли еи пале́знаю. Як жы́та се́ить, хрэст [хлебец] бра́ли и акра́ец чэтвэрго́ви [скорее все же пасхальный, от "пасо́чки"] бра́ли и сви́ечку страсну́ бра́ли. Як хто утапи́уся, ту́ю сви́ечку на тари́елачку – и пу́стять, [ищут утопленника. Некоторые говорят, что ее зажигали во время грозы] (Ч.Грд. Хоробичи, 1980 – О.Т., О.Б., А.О.).

Пасха ("свячёное") (11)

1. Абде́лае парася́тачка на па́ску. Хрено́к у зу́бки устрикне́. И наси́ли свети́ть. И едя́ть. Три дни свето́го едя́ть. Ко́сти – хоть на во́ду пуска́ли, а то у тря́пачку заве́ртять и яи́чки лу́пять, то шку́рачку и святы́е ко́стачки и падве́сять на гари́шче. Ци, ка́жэ, шоб ве́тер не валя́л ха́ты, ци гром шоб не бил. Ма́тка: "Це́е не викида́й свято́е – хоть на во́ду неси́ пусти́, хоть на гари́шче падве́сь. И хай виси́ть". [Другие] святы́е ко́стачки зака́пують у зе́млю. На гаро́де, где зе́млю паха́ють, там и зака́пують. То́жэ зака́пують у зе́млю шкарлу́пки с яйца́. [Иногда] ко́стачки у пе́чку, пали́ли, шоб не валя́лись. И́ли на ре́чку, на во́ду. А так не браса́ли. Све́чанае шоб пад нага́ми не валя́лась. Кра́сят яэ́чки, а пато́м на пе́рвый день па́ски сабира́юца мужчи́ны, па́рни и гра́ют у́ битки́: ади́н де́ржыт, друго́й бьёт. Хто чьё разби́у, яго́ забира́е. Ви́йдеш на у́лицу – де́тям дае́м. Ани́ ж интересу́юца: ба́ба дала́ яйцо́ кра́шэная. [Два яйца давали батюшке.] Шкарлу́пки са свято́га яйца́ нельзя́ браса́ть – или спали́ть у пе́чку, или зака́пать у зе́млю. Э́та свято́е шчита́еца. [Некоторые давали скорлупу курам:] ку́рачкам дай свято́е. Ме́ртвих вели́кдень – чэтвэ́р после па́схи: кача́ем яэ́чки святы́е и кладо́м на хрэсты́. Пакача́ем па сваи́х ради́телях, а пато́м разла́муем тае́ яэ́чко и покладе́м на хрэ́ст [каждому по кусочку – по два], ка́жэм: "Няха́й паку́шае". Вераби́ яго́ паядя́ть. Па́ску украша́ли: ву́тачки пе́кли, шы́шэчки сажа́ли, плетёначки плели́. Из муки́ всё де́лали. Умата́еш у ска́терку ци у плато́чок, у палате́нцэ харо́шэнькае и у кашо́лачку. И несли́. Свячёная ска́терка – беряжо́ш на пра́зник, на стол застила́ть. Як каро́ву пе́рвый раз выганя́ем, кла́ли на даро́гу перед каро́ваю ска́терку, шо па́ску све́тять, замо́к и ниты́ (Ч.Рпк. Старые Яриловичи, 1980 – С.Т., О.Т.).

2. Ко́сты збыра́ють, свянчо́ны ко́сты – э́то од па́скы. Нысу́ть святы́ты порося́, тое́-друго́е, мня́са кусо́к, и ты́е ко́сточкы – вжэ йих збыра́ють, так, як ужэ́ святы́йи. И вжэ в то́рбу накладэ́ стары́й, кусо́чок хли́ба в

торбочку и вжэ йдэ по полю, йдэ вжэ на свый загынчык, вжэ кысточку вткнэ тую и далэй. И так, покы всэ обыйдэ. Такыйи обычайи булы. Кысточку тую, котора вжэ вона освяшчоная в цэрквы (Б.Дрг. Симоновичи, 1974 – Ф.К.).

КУПАЛА

Иван весновой

1. Два Ивана, два: адзин веснавуй, не дахадзя троицы, други – петрўўчаный. Кладуць купайло. От сягоння шчэ дзень прасты, а заўтра ужэ Иван. Ужэ в вечэри идуць и кладуць купайла на берази и паюць ля таго, ля вады. Салому беруць и палюць. Наберуць салому да кажна кине жменю. И тая салома гарыць. И стаяць бабу от кругом и паюць. От запалюць жменю салому, возьме жменю салому у тум купайлу запалиць и уўбредзе ў воду: "вот такей мой лён парос, вот цятаки мой лён парос". Тры разы скажуць "цятаки мой лён парос" да и кине на воду тую салому. Ана и паплыла, гариць, пака не патухне. Ета так, шчоб лён ужэ велики вырос, коб лён высоки. И ета салома ужэ гарыць и возьме да й патухне ужэ на вадзе.

Салому такей наберум да кладум тэе купайло да ужэ палим да: "велики лён, е, таки лён, ўе таки лён, сини, валакнисты, етаки лён расци". Шэ й приказваим, бабу: "Сини, валакнисты лён расци..." Да каам да пеум да "Зелёно балото, зелёно, чего так рано и палегло..." Стаим ля агня и пеюм. А далей кажум: "На паповой грушы..." – то ужэ хлопцуў ганим. "На паповуй грушы, на паповуй грушы чорт хлопцуў душыць. На паповуй лазьни, на паповуй лазьни чорт хлопцуў дражниць..." Стаяли и ўсе пели, пака тое купайло. И салому падкладуем, и ано гариць таке, як цихо над вадою, агни, агни. Адзин гурт пае, други пае, трэци.

На етаго Ивана ведзьмы... Можэ, як ана знае што да ведае, дак пабежыць па жыту голая, як маць нарадзила, тая ведзьма. Да збирае спор, калосья зрывае на чужух паласах саби. Я то не видзела яго, али я чула, расказвали, каторые даже видзели голых тых ведзьмуў. От на цетаго Ивана, ноччу.

От, ка, нема у маей каровы малака от Ивана да й усе (Г.Мзр. Жаховичи, 1975 – С.Т.).

2. Ны на однэ божэствэнно сьвато ў нас костриў нэ палылы. Купайло мы справлялы тожэ бэз вогню. Збыралысь мы молоди вси у кутка ужэ ў вэчэри, алэ колы шэ ны зоўсим тэмно, дэсь на выгони. Хлопци заранни вжэ готовылы вылычэзну гилляку, яку бралы ў лиси або видломувалы з якогось дыкого дэрэва. Нам жэ трэба було йийи убраты. З собою мы прыносылы шо хто миг: и яблука, и грушкы, и вышни, и слыўкы, и пранискы, и цукеркы, – одным словом, шо хто миг. Цим ўсим мы ту гилляку ўбиралы и называли йийи купайло. Писля мы почынали сьпиваты и танцюваты кругом купайла:

Ой, на Ивана, на Купайла
Там купалася ластивонька,
А з бырэжэчку сушылася,

А диўка молода зажурылася.
Нэхай журыця, нэхай знае,
Нэхай хлопчыны нэ прыймае.

Ой, мэтяный садочок, мэтяный,
Зэлэною рутою плэтяный.
А хто в тому садочку проходыть?
Молодэнькый хлопчына проходжаў,
За собою дивчыну проводжаў.
Ой, за мною, дивчыно, за мною,
Будыш мыни вирною жоною,
Будыш мойий матиньци годыты,
Буду тэбэ в чэрэвычках водыты.

О так сьпиваемо соби, танцюемо, гармония грае, а тоди далеко вжэ за нич, колы й зиркы почынають гаснуты, розломуемо цэ купайло на малэньки гиллячкы, шоб кожному по трошку досталось, и розходымость по домах. Вдома цю гиллячку кожный нэсэ на свойи градкы, шоб русалка нэ вплуталась в йих та нэ вытолочыла гэть и шоб гарни гиркы родылы. Цэ так було на нашому кутку. А от на садибах трохы начэ було. Воны биля воды жывуть, то воны пускалы на воду купайло з свичкамы. Диўчата шэ й винкы на воду пускалы, шо плэлы з полевых квиток. От, в яку сторону винок поплывэ, туды й дивчына замуж пидэ. О цэ так було колысь в нас. Зараз бали якись справляють, а нам и так було добрэ (Ж.Анд. Степок, 1975 – Н.С.).

3. У вечери це ўжэ справляемо [т.е. петровского Ивана]. Награбом такую кучку пяску а крапиву ўстыркнем. Ну, и тады ўжэ перескакуем через крапиву. От як. Ну, и крапива ж высока. Дак кали жэ шо – девачки ж без штаноў. Хлопцы – дак тые добре стрекають, а диуки – дак катора жэ нарочне брик нагою сюды, дак крапива и павалилась, и мы ўжэ адна за аднаею пабегли, павыскакивали. А не знаю ужэ, шчо ужэ было за тэе, шо ужэ крапиву павалять, дак о цего ужэ не дакажу. И загадки жэ рвали. Загадки рвали и ставили на вокна. Загадки во такие во на величину растуть и на ём там па девять, па пять, там скольки е балабушэчек. Ну, а катора шчэ й на стебле атцветеца. Но рвали такую, шо нигде ишчэ не цвила. И становеть о це кожна на свою душу. О це б я сабе, матка мая сабе. Ужэ знаем, де чия загадка стаить. Ну, добре. Инча расцветеца, а инша вушы павешае и адна балабушэчка не расцветеца. Ну. и кажэ: ну, о, я буду жыть, а ты от и ўмреш. Мы ж малые. И дражнимос. От як. Аж ми и до сих пор жывом. Онде шчо было такее (Ч.Чрн. Плехов, 1980 – С.Т.).

Изгнание ведьмы (7)

На Ивана ведьму несуть з сэла. Зроблять такую з латок – сорочкэ, хусткэ, лихэу, як чучело зроблять, на тэчку наткнуть, нэсуть у канаву, кэнуть ў воду. Тэчкэ побэруть и бьють ее. Розобьють на шматкэ шэ й спэвають:

Иваново сонейко ой ходыло, ходыло,
Ой, ранайко зэйшло, наоколо обэйшло
На Ивана.
Литала видьмэшчо з Кэева до Кэева
На Ивана, на Ивана.

(Б.Млр. Олтуш, 1977 – С.Т.)

Бесчинства (10)

1. То на шшядрэц свиткують. Шкоду роблють. Вулыкы [т.е. ульи] пэрэкинуть да й пойшлы. С козою ходють, с музыкою. Як позволиш шшедровать, оны нэ роблють шкоды, пошлы до другие хаты. [А если не позволишь,] воны нашкодють: штахэты поломлють, чи жэрды, чи шо, комэны

чимсь таким накрыють, шоб дым ў хату шоў. Шчо хочь чудаковалы: и сани подсунуть под хату, болвана таких мужыка зроблють [из снега], сани возьмуть, або воза, або калитку, двэри подопруть (В.Ртн. Пески, 1979 – А.Т.).

2. На шчэдрэць подушкы крадуть. [Если девушка украдет подушку и ляжет на ней спать, ей приснится жених, а если хлопец – то невеста.] Чэрэвэки крадуть, подушкы крадуть. Хто шо побачить, то и крадэ. Сани на дэрэву повэсють. Оны направду нэ вкрадуть, а только то так, на шутку. У дом так шмыргануть, шо нихто нэ побачыть. На другый дэнь приносять подушку, кохту, платя. То хлопцы крадуть, тилько ў дивчит. И дивчята ў хлопцыў, и хлопэц ў дивчины. То молодеж тилько, стары – то нэ жартують с молодыми дывчитками. Сани завезуть, кому там далэко от дома. Туалеты пэрэкидають. У кого двэри здоймуть, занэсуть дэсь ў пасадку, на гору. Кусок стекла возьмуть, на комын положать, шоб дым виртаўся до хаты. Врэд роблють: можно, говорять, робыты, як вроде бы прошчаецца (В.Ртн. Речица, 1979 – А.Т.).

Игра солнца (11)

1. На уздзюжэнне [т.е. на воздвиженье] от раненько, як сонцэ ўзыходзиць, як сонцэ от стане ўзыходзиць, дак от и паглядае уў акошко. Ну, и ано будзе *ваздвигацца*: от так будзе мигаць, от так, незаметным образом, а будзе мигаць. Ўаздвижэцца, е та так на уздвижэнне. То и старые людзи кажуць, што от ўглядайцеса, то от гаворацъ, хто бачыць, а хто и не пабачыць [т.е. не каждый может увидеть] (Г.Мзр. Жаховичи, 1975 – С.Т.).

2. А сонцэ, я ж кажу, на зьдзьвижэнне дак от раненька, кароў падоиш, от паўходзяць женшчыны, мужчыны: "Глядзице, бабу, як *сонцэ дзьвигаецца*". Ўсякими цветами скидаеца и вот: синее, далей краснае, зелёнае. И падвижэцца трохи и тады ўсё (Г.Хнц. Дубровица, 1975 – С.Т.).

VII. СЕВ И ЖАТВА

Легенда о серпе

Колись ня було сярпоў, дык ирвали жыта. Чалавек кажа: "Паеду прывьязу сярпу". Ўёз цераз мост. Адзин серп упаў зубами ўверх у ваду. Чалавек берегам ишоў, спужаўся: "Людзи добрыя, идзиця ратаваць сяло, чаръяк [за червяка принял торчащий из воды серп] зьесьць!" Прыбегли, цоп палкаю! Серп и скочыў аднаму на шыю, парэзаў карак. "Ой, у Якима кроў цячэ, давайця утопим чаръяка!" Заехали лодкаю на сярэдзину, камянь прыязали ды уперад камяня кинули. А серп цёгся ды зачапиу за лодку. Яны пападали да патапилися, а на берази стаяць да хрысьцяцца: "Госпадухна божухна, добра, што прапала восим, да не ўсе сяло" (Г.Хнц. Великий Бор, 1975 – Т.С.).

Приговоры при зажине

Прыдзя жаць, парахрысьцицца и кажа так:

Госпадзи божа, памажы
Да й спор пакажы!
Штоб мала жжала,
А багата коп наклала!
Хто уперад зажаў,
Кеб ззаду тырчаў!

Рис. 9. Запрет класть серп на землю (с. Осовая Малоритского р-на Брестской обл.). Фото А.Ф. Журавлева, О.А. Терновской (1977)

Или:

Го́спадзи бо́жа, памажы́
Ды спо́р пакажы́!
А хто папе́рад пачына́ў,
Штоб изза́ду тырча́ў
Ды ў мяне хле́б пазыча́й!
А хто́ на мяне́ варагу́е,
Няха́й яго по́ле аблагу́е [т.е. опустеет],
А се́лишча запусту́е,
Аси́нничкам, бярэ́зничкам,
Зяле́няньким чмурэ́зьничкам!
Штоб яго́ скасе́ли дзьве́ры
И ру́хнуў забо́р,
Штоб заро́с траво́ю
Ўвесь шыро́ки двор!

(Г.Хнц. Великий Бор, 1975 – Т.С.).

Первый сноп

Ужына́я пе́рву по́жаньку – як сярпо́м узя́ць – нясе́ да до́му пе́рву жме́ньку и ня ска́жа "прыне́сла снапо́к", а ска́жа "прыне́сла кули́дку и пиражо́к!" До́ма схава́юць. Ак аце́лицца каро́ўка, тады́ на́да працадзи́ць мало́дзива цераз э́стую сало́мку. А тады́ ту́ю сало́мку бярэ, па́рыц даё́нку [т.е. подойник] э́тай сало́мкай, кида́я цагли́нку [т.е. кирпич] туды́, штоб малако́ чы́стая було́, штоб сыр мо́цны буў! Тады́ нясе́ ту́ю ўоду, сало́мку и цагли́нку, вулива́е, дзе каро́ва ляжы́ць. [Корни же от этих первых колосьев жнея] затыка́я за по́яс, штоб сьпина́ и галава́ ни бале́ла, як жне́ш (Г.Хнц. Великий Бор, 1975 – Т.С.).

Чтобы не болели поясница и руки (4, 5)

1. Як идё́м ко́лись жы́то зажына́ть, то рво́м е́тот спорня́к [траву] и обвъя́зываем серп коло ру́чки и на ру́чки тро́хи, коб спу́рно бы́ло жать. И за по́яс затыка́ем, штоб не так поясни́ца боле́ла. Голи́нку з ду́ба выломи́мо, затыкнё́м за по́яс, штоб спина́ не боле́ла, штоб была́ спина́, як дуб,

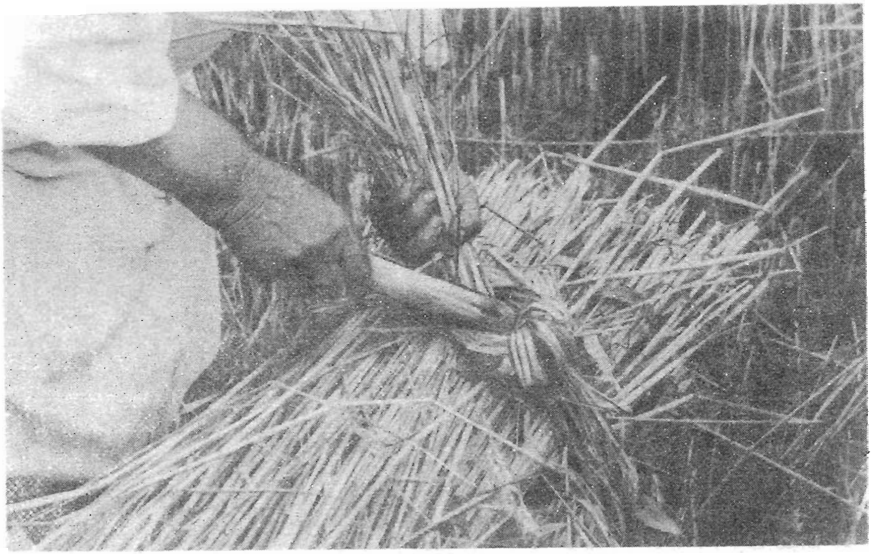


Рис. 10. "Юрко" – палочка для связывания снопов (с. Осовая Малоритского р-на Брестской обл.). Фото А.Ф. Журавлева, О.А. Терновской (1977)

мочна. Як зажнем, треба ми заметить, где я зажала, это место. И як руку зажмениш и пуйдеш туда, да этою вырвеш пужнею, замотаеш руку на ноч, да то треба переночевать да откинуть потом – да оттухне рука. [Если серпом в землю вобьешь, спина болит.] Як дожали всё, кажэмо: "Беги, мой серпик, чэрез спинку да на другую нивку". Да сама ужэ бокум покотишся по пужни (Г.Лпч. Стодоличи, 1974 – Д.Б.).

2. Як зажынае, зрижэ шпуреш [траву], обвяжэцца и зажынае жыто, бэрэ сэрп у леву руку и тры раза зажнэ. Тыйи жмэньки кладэ накрэст, хрэстом положыть. Прыходыть до дому, шпуреш знимае и обьязуе дижку, у которой хлиб пэчэть. Як пэршый хлиб мэсыты, шпуреш знимаецца – прамо у печку, шоб ни валявся нигдэ. Можэ, худоби давали зьисты – нэ помню (В.Квл. Уховецк, 1979 – О.Т.).

3. Як первый раз гром загремыть, то нада к печки спинкаю притуливацца, [чтобы спина не болела]. Кажуть, жэ на ту лауку [на которой лежал покойник] трэба легти, шоб быстрей забуть, шоб спина не балела. [Руки же] мертваю нитачкаю зъязывали. Ноги [мертвецу] зъязывали краснай запалачью. Як мертвеца выносят, разъязуют и нитку забярают тую. У каго шо балит, перевъязуют тэй ниткай (Ч.Рпк. Злеев, 1980 – О.Т.).

4. У чистый чэтвэр прядуть назад нитку да сонца и тэй ниткай руки пэрэвъязують (Ч.Грд. Хоробичи, 1980 – О.Т.).

5. Як первый раз пробуеш весной агурец, ягаду, шчавель, кажэм: "Нова навина, заечья бяга, медвежая сила, штоб ни балела спина" (Ч.Рпк. Старые Яриловичи, 1980 – О.Т.).

Средства от мышей и птиц (7)

1. [Чтобы зерна не трогали ни птицы, ни мыши,] складаюць снапы на сторану у клуни ци гумне у этый дзень, што Благавешчання (от эты год у панядзелак), и сыплюць у бочки у эты самы дзень. Тады ужэ, кажуць, ничога не чапае. [Чтобы не садились воробьи на снопы или на несжатые хлеба, надо выйти в поле и сказать:] "З естага бокуежця и з естага, а на мае пасьляпница глядзачы! Хрыстос васкрэсе, бог чэмяру нясе. Нима у вас, чэмяр, розуму, дык я свой дам!" И махнуць сьвечанай хусткай, ци з галавы можна – яны ў той бок и паляцяць. Дзяды [т.е. чучела] становили ад верабьёў (Г.Хнц. Великий Бор, 1975 – Т.С.).

2. Чтобы птицы не клевали хлеб в поле, надо взять "калочэк, якым свыню бьюць". Сняв с себя рубашку, обойти три раза с этим колочком свою полосу, а потом сказать один раз: "Станавлюся на рагу, загаварываю варабью, губу, й зубу, й вуста его. Леци ты на зеленые луга, там цябэ дажыдаюць, там цябэ утапчаюць, там пий и йиж – а . маго нэ чапай!" И воткнуть кол, где это сказал (Г.Мзр. Жаховичи, 1975 – В.С.).

3. Май, [т.е. троицкую зелень, кладут] ў тую кучу, когда засыпають зэрно на зыму – мышы нэ грызуть. [При первом весеннем громе] бэрут камэня, камэнь об камэнь стукають и кладуть ў сарай, гдэ складалы снопы жыта – коб мышы нэ йилы. Як картошку захоўвають в ярусы, кидають в ту яму железо: "Кушайтэ, мышы, железо, а картошку нэ трогайтэ" (Б.Пн. Лисятичи, 1981 – Е.В., Е.З.).

4. Брать перву копу ржы, выежджаеш на поле со снопами, и первый камэнь, который ў колесо стукнэ, взять его и прывэзти в клуню, ў сторону, куда класть рож. [Тогда мыши не поедят зерна. Другой способ. Покойника несли на кладбище на носилках] – на двох дручках. Тэ носилы оставляють на гробу [т.е. могиле]. Надо пойти на кладбишчэ в двэнаццать часоў, взять тэ носилы с этой свежой могилы и пойти [положить их] в клуню на дно, на шчо кладуцця снопы, ув сторону, куда класть рож – коб мышы нэ ели (Б.Пн. Ковнятин, 1981 – А.Г.).

"Борода" (8)

1. Ну, *бораду* так рабили. Вибирали хоть пьять, хоть сем шибанак, жытин, от. А тады кидали. Тые забирали, а кидали адну и тут адну и везали ниткаю. А каласки тут ужэ заберуть, а шыбинки ўнагнуть, шоб ужэ, начыть, барада висела. И приказують. Кладуть хлеб, соль и вадицу ллют. И приказують: "О це ж тебе, барада, хлеб, соль и вада'. О, и усе. А ў каго балять руки, хоть иде и падарожны чэлавек, от як, дак тульки шоб нихто начэ не бачыў. Ужэ ани баяца, як хазяин на цём, ишчэ на палянцы не ўбраўсь, дак не чэпають це. А тады ўжэ забере, тую нитку разяжэ, не перерезае жэ, там жэ вузлами завязують, развязуе тые вузлы и завязуе, як нага балить, на ногу, як рука – на руку. [Это была] красна нитка. Ну, от из запалати. Ви знаете, кались шо вишивали, о, дак то жэ чорна запалать и красна. Дак чорная – не, а красну чэпляли. Красна нитка. А *венок* знаете яки? Венок ужэ святили, дак венок он яки: нажнуть сноп и тады уберуть де лоўкие каласки, вытягивають и сюды ўжэ ў жменю, жменю. И тут ужэ о так як ухапляе, як

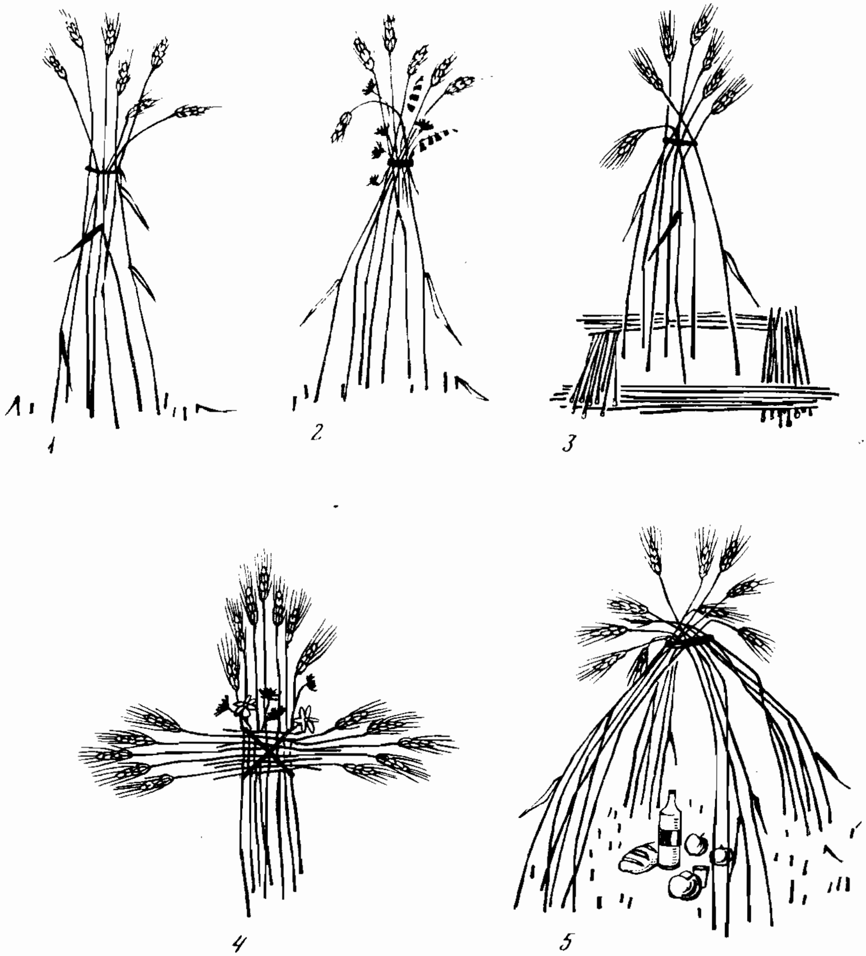


Рис. 11. "Дожинки"

1 – "борода" в виде пучка связанных колосьев. Встречается повсюду; *2* – "борода" с привязанным к верхушке букетом цветов (с. Осовая Малоритского р-на Брестской обл.); *3* – "борода", огороженная четырьмя горстями резаной соломы (с. Радеж Малоритского р-на Брестской обл.); *4* – дожиночный крест (*кржык, виночек*) из с. Мокраны Малоритского р-на Брестской обл.; *5* – "борода" из четырех горстей колосьев, между которыми ставятся водка и еда (с. Хоробичи Городнянского р-на Черниговской обл.); *6* – дожиночный букет, имеющий широкое распространение. В с. Радеж Малорнтского р-иа Брестской обл. он называется "метелочкой"

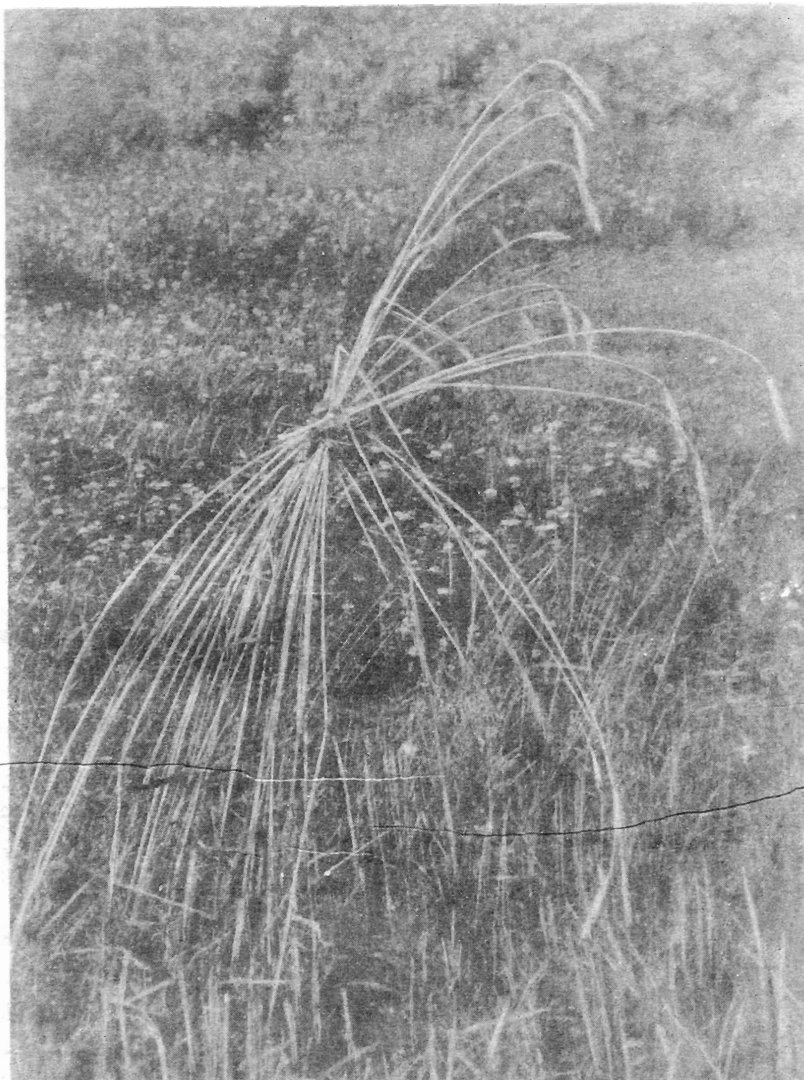


Рис. 12. "Борода" по дороге из Овруча в Житомир. Фото А.Ф. Журавлева, О.А. Терновской (1981)

хто хо́чэ — кто то́ньчэ, кто таўсте́ньшэньки вяно́чэк. И тады́ ўжэ́ зья́зують яо́ ўнизу́ и ўгаре́ и адреза́ють сярпо́м ужэ́ ту́ю ли́шнюю сало́му. И тады́ жэ круго́м барады́ и сте́лють, так абсте́лють тае́ю сало́маю, шо адре́жуть ат вянка́. И цэ ўжэ барада́ тая́ и действуе так. О. [Венок] хазя́йка де́лае тае́ паля́нки. О́т як. У на́с бораду́ де́лають и це ж и вено́к тады́ де́лають, як ко́нчать ужэ́ жы́та. Як ко́нчать жы́та. Ужэ́ яны́ пасле́дняю паля́ну убера́ють и о це такее́ о́ — бо́раду и вено́к. Тады́, як

Рис. 13. "Дожинки" (с. Осовая Малоритского р-на Брестской обл.). Фото Н.Г.Владимирской, О.А.Терновской (1977)

идуть святить [венок] да цэркви, тады цвяты устрекають у вянок. Жыта у спасауку светять. Завеца спасаука. Да дому приносят. Ось на куте, завеца у нас лауки, раньчэй жэ лауки были, от як, дак тамаки паставять и яблак тых тады светять на тым. Венок стаить да тых пор, покуль ужэ стануть жыта сеять. От. Пачынають ужэ осеню, пачынають жыта сеять и вянок той измалотять, от як – чи памнуть, ци праникам измалотять у трапку от тэ. И тады тэе жытечка у мяшок ис тым, шо сеять. И сеють. От як (Ч.Чрн. Плехов, 1980 – С.Т.).

2. [Дожиная жито], нада зьязаць бараду. [Идя на этот раз в поле, жнея] бярэ хлеб, соль, ваду, красную нитачку суконную, белую латачку [т.е. тряпочку], уубирае пьяць каласкоу на аднум каливи, пераузяе нитачкай краснай тры разы, а тады пахрысьциища и скажа: "Дай божа на лета жаць!" Кладзе на латачку ля тых каласкоу хлеб, соль, вадой палива и кажа: "Плачу табе, зямелька, за ураджай!" Потым баба дажне, становиць снапки, уубирая, дзе большаньки колас, и ууцягуе жменьку каласкоу. Пераузяе у двох месцах краснай ниткай барoдку и адразае сярпом роуняенька. Саломку, што атрезали, кладуць бу клеткай кругом тых каласкоу и латачки, а бораду нясуць у хату, кладуць за икону ци на стол на куце. Стайиць барада да Спаса, а на Спаса рвуць краски, якия цвитуць, прыбираюць тую бародку и нясуць у цэркву разам з яблаками. Сьвецяць, прыносяць из цэрквы, кладуць на стол и

кажуць: "Будам разгоуляцца!" И ядуць яблыки. А краски паложаць, раскидаюць и кажуць: "Нада памуць заўтра дзяцей, штоб були здаробвянькия, гладкия!" [И моют, добавляя в воду настой или отвар из этих цветов.] А бародку кладуць у той вузлик, дзе сьвяцили. Яна висиць, пакуль жыта сеять. Тады абабьюць бародку у каробку, усыплюць шчэ боляй жыта и сеяць идуць (Г.Хнц. Великий Бор, 1975 – Т.С.).

"Качание" по житу (9)

1. Бораду людям астаўляли, шоб хто украў. Ў бораду хлеб клали, гурки, вишэнки, сало, хто шо мае: стакан мэду, горилку, хто шо мае. На бараде сядим, ядим – хтось идэ. "Тетко, – кажуть, – иди бораду збери!" чи "Укради!" [Закусив и выпив, *качались па бараде,* т.е. перекатывались через нее с боку на бок, захватив в руки соломы и приговаривая:] "Пакачуся-павалюся па бараде! Расти барада, растите вусы! Пакачуся, павалюся, Иванькинага мясца паевшы". [Показывавшие обряд женщины вспомнили при этом сказку типа "Аленушка" с баранчиком вместо козленка и "Терешечку". На вопрос, почему они "качаются" с такими словами, говорили, что "так ведьма качается"] (Ч.Грд. Хоробичи, 1980 – О.Т.).

2. Кались жнеш – сягодни ужэ дажынать, кушчык кинеш. Трэба кушчык кинуть – се адно:. кушчык, барада – шоб харошый сноп нажать. Аполеш, вибираецца адна из бистрэйшых, качаеца. "А я пакачуся-павалюся, – кажэ, – шоб на тэй год большэй урадила". А на яе вады абливають. Ланкова паабливае яе вадой, пашутят. Хлиеба цыэла ж буханачка, не кусок, туда кладуть, паллитра туда ставять, кусок сала. Пакачаеца и жать. Прибирают цэе ў кашолачку, укругах барады качаюца, як канчают, и курдыкаюца на тэй баради, *у пэрэвэрты грают*: курдыкаюца адна чэрэз другу. А тады ужэ сажнуть тэй сноп и несут с песнями да хазяйки. Паздравляем хазяина и хазяйку, а хазяин нас паздравит с уборкаю (Ч.Рпк. Боханы, 1980 – О.Т.).

3. *У перэверты грали*: ци деўку, ци бабу, ци старушку – та за руки, та за ноги та калышым. Рашшугаем, рашшугаем за руки, за ноги. Та рагоче. Па земле качались: тую туды катнуть, тую туды катнуть. Як малэнькая баба, так яе ў мяшок стыркнут и качають и выпустять. Рагочут да й всё. [Так играли и тогда, когда пололи лен, морковь и свеклу] (Ч.Рпк. Злеев, 1980 – О.Т.).

Каша при начале жатвы (14)

Як идём жыто зажынать, наварым жыта в малом горшчыку и спорняком [трава] обвяжом его и бером с собою его на жниво. Нажнём, сноп не вяжэм, седаем ету кашу йисты з жыта. Ету кашу возьмем по три раза в рот, а востальную з горшыка возьмем, вукидаём в сноп, и етот спорняк з горшыка снимаем да ў снуп кладём, да звязываем, да скажым: "А теперь дай нам божэ эту ниву даганить да на будушчий год на этом месте доброго стога постановить большого, и жыто штоб було ядренее, а нам штоб буг даў, штоб нам хлиба свого хватало от нового до нового" (Г.Ллч. Стодоличи, 1974 – Д.Б.).

"Завитка" в жите (15)

1. *За́виўка* – гэ́то приворо́га: коб коро́ва чы кунь умэ́р. [Колосья] можу́ть зробы́ты на крэ́ст, можу́ть закруты́ты да вузла́ завъяза́ты, можу́ть и ў ўся́кы сто́роны залама́ты. Ў за́виўку яи́чки зака́пывають окрашэные. Ве́дьмы роздева́лыся догола́ и шли завыва́ты, нахо́дылы, коб нэ було па́ры быў куст. Робы́лы тэ́е, коб ў хозя́йстве нэ вэло́сь. Боя́цца [з вивку] зачэпы́ты – обожну́ть, покы́нуть, а тогди́ ужэ́ а́льбо вы́рвуть, а́льбо на ме́сти там запа́люють. Вы́рвы да спалы́, а то, ка́жуть, на крыжо́ву доро́гу трэ́ба вы́нэсты да то́жо спали́ты чы закопа́ты. Зна́хор па́лить [ее] но́ччу, у двена́дццать часо́ў но́чы. [Или:] вы́рви и пови́сь ў трубе́, коб вы́сохло – и он вы́сохнэ, хто тэ́е наробы́ў (Б.Пн. Ковнятин, 1981 – А.Г., Н.М.).

2. Дзе́вяць каласу́ў паста́виць ужэ тако́ о. Стая́ць каласы́, а чаты́ри ра́зы жме́нёю так во́зьме круго́м таго́ кало́сся раз жме́ню перало́миць, и у дру́ги, и у тре́ци, и у чацьве́рты. И чаты́ре *зало́му*. А дзе́вяць каласо́ў стаи́ць и та *за́витка*. Дак я жну жы́та да паба́чу, як ана́ дзе е, дак я абажну́ да и [оставляю нетронутой эту завитку] (Г.Мзр. Жаховичи, 1975 – С.Т.).

3. *За́витки ўюць* у хле́би – и ба́бы и мужчы́ны ўмэ́ли раби́ць. Йим пячэ́, знахаро́м, по́дласьць людзя́м зраби́ць. Нарабля́я чалаве́ку знаха́рка: ўўдахня ўся худо́ба ци ўся семъя́ да аднаго́ чалаве́ка, ба́би адно́й галаву́ зьвярну́ла на паты́лицу – жы́та каласко́ў дзе́сяць паскру́циць, пазала́муя на ўсход ци на захо́д, кра́сную гары́ну, а не сураўу́ю ни́тку наўя́зуя. Гары́на – ни́тки кра́сныя и чо́рныя, ко́лись ўушыва́ли палаце́нцы. [Завиток боялись, но все же] зна́хор мог и атраби́ць. [Рассказывают, как это делается:] вазьму́ сьвино́га лагва́ [то, на чем лежат свиньи в хлеву] и пага́ными рука́ми рву [завитку] наўотли́ў – напра́ва ци нале́ва, то́льки не ўверх. Прыно́сим да до́му и ля кало́дзязю па́лим, а по́тым ка́жуць: "Штоб ўу [т.е. вы] жа́ли – не ляжа́ли, штоб ўу е́ли – не хварэ́ли! Не лажы́сь, ко́лас, на зэ́млю, не бу́дзь, бале́зь, на се́мъю! Устава́й, каласи́на, не прападзи́, скаци́на! Го́спадзи, спусци́ свое́ ру́ки и вазьми́ ад е́тага чалаве́ка нэпадо́бнасць, като́рая да́дзяна до́ўгими рука́ми, бу́йстрыми ача́ми, агня́ным языко́м! Лячу́ эту за́витку на ве́ки вико́м! А е́таму, хто рабиу́, паста́нуць но́ги кавяня́ми [т.е. кочергами], а ру́ки грабля́ми, а во́чы кала́ми, а сэ́рца ка́мяням! И гэ́тым славо́м ами́нь". Ак гэ́та зро́биш – пры́дзя той, хто зави́тку зрабиу́. Раз, як браце́ник мой гэ́та зраби́ў, каршу́к [т.е. коршун] прыляце́ў и упа́ў на то́я жы́та! Брат сказа́ў: "Гэ́та не за́витка, гэ́та верабе́й яки́сь зраби́у" (Г.Хнц. Великий Бор, 1975 – Т.С.).

Былички о "завитках" (15)

1. Ба́тько прышо́ў ыс по́ля и говоры́ть: "Ў нас ў жы́ты зало́ма, якы́й зна́хорь *заломы́ў зало́му*. Ўжэ нам шось бу́дэ пога́но". От та зало́ма була́ и була́ ци́ла ли́то. Мы жы́то жа́лы и ту зало́му обжа́лы, покы́нулы йийи́ и боя́лыся зачыпы́ты, хоб дэ шо нэ пошко́дыло. А пото́м ўжэ о́сэнью трэ́ба ж по́ла зыра́ты, стэ́рэнь зыра́ты. Ут ба́тько говоры́ть: "Ты зрыва́й ту зало́му ли́выю руко́ю, а я бу́ду палэ́ты, и занэсэ́ мыни́ ў сосны́ну, и ты втыка́й, хоб на тыбя́ дым ны пошо́ў, а я бу́ду палэ́ты. То як на мынэ́ и пи́йдэ дым, то я ўжэ старэ́й, ныха́й я вжэ умру́. Ужэ́ мыни́ сво́ей жы́зни не жа́лко, бо я вжэ прожы́ў ки́лько лит, а ты шэ молода́, то ты шэ

пожывы́". Ут ба́тькови пошко́дыло от тэ́йи *завьязкы.* По́сле того́ ў нас коровэ́... Пойи́хаў ба́тько корова́м волоче́ты ў по́лэ. От тым корова́м шось зробы́лося: з бороно́ю як пошлы́ ты́йи коровэ́, то чють и нэ подушы́лыся. То од быка́ зоно́за вы́сунулася, ермо́, и злыты́ло з быка́, а на коро́ву завы́сло, и чють коро́ва нэ задушы́лася. Ўжэ пи́на йшла с тыйи́ коро́вы, шчо чуть и нэ пропа́ла. А́лы яко́сь шо ба́тько йих успоко́йиў, тых коровы́ў – повыпрягаў, ишо́ осталы́ся жывэ́йи тэ́и коровы́. Ну ўсе равно́ ж оно́ пошко́дыло: пото́м бык у нас от тэ́йи са́мыйи зало́мы, бык заболи́ў – здуўся, як гора́. И дохторы́ лэчы́лы. Прыежжа́лы з Рэ́чыцы дохторы́ личы́лы того́ быка́, и йиму́ ны помо́гло нычо́го. Пошо́ў ба́тько у Дывы́н, на Бэлору́сию, до яко́сь ди́да. Той дид стаў говорэ́ты и говоры́ть на батька́: "До́брэ, – ка́жэ, – де́душка, шо ты прышо́ў до мынэ́, то шо оста́ныцца бык жывэ́й. А як бы ты до мынэ́ нэ прышо́ў, ўжэ б ты йиго́ закопа́ў бы". Вот вын поговоры́ў тому́ быко́вы, пото́м быко́вы ста́ло лэ́хшэ, полы́хшало йиму́. Ўжэ струх то буў зду́ты, як гора́, а то ўжэ струх ўжэ стаў так, ек нэ мо́жэ бу́ты. И ўжэ пома́лыйку стаў йи́сты, но вын все́ ж такы до́брого здоро́въя йшо нэ ма́ў и нэ ми́г того́ ли́та попра́вытыся. И ўсэ в холодо́к ци́ло ли́то втыка́ў. Вот, абы́ дэ гольшы́нка або сосны́нка – и ўжэ вын утыка́я, а йи́сты ма́ло йиў (В.Ртн. Пески, 1979 – А.Т.).

2. Вот вона́ [тетка] пошла́ *завива́ть за́виўку,* наты́кала коло́чкоў и ўста́ла кача́цца по тых коло́чках, и вы́качаласа – оста́ўса у ей хвост большо́й таки́й, бы як... и пошла́ вона́ завива́ть за́виўку. А чолове́к пилнова́ў ее́ и одного́ коло́чка вы́йняў. Як вы́йняў того́ коло́чка, понима́еш, так вон оста́ўса, вона́ вы́качалас наза́д – остала́са жэ́ншыной, а хвос оста́ўса. Дак она́ ёго́ ста́ла звать: "Ходи́ сюды́! Шо ты схо́чэш, тэ тобе́ бу́де". Вот вона́ як пидозва́ла ёго́, вон оддаў того́ коло́чка, вона́ вы́качаласа – зде́ласа жэ́ншыной, так, як и була́. И тогда́ вона́ ему плати́ла – ну, не зна́ю чым, коне́шно: ци деньга́ми, ци зо́лотом, ци це́лом, – то я не зна́ю ўжэ. [Она голая это делала?] Го́ла де́лала, поскида́ла одёжу, чы́ста го́ла жэ́ншына. [Кто она была?] Моя́ цётка, ну! Не схо́чу таи́цца, моя́ цётка, ро́дна цётка моя́. [А хвост какой был – как у кошки?] Не, до́ўгий, так, як ... до́ўжэ́е, как у соба́ки, як у ... фсе одно́ як э́то, ка́гуть, у, у на́ўпы [т.е. обезьяны] – ци як, холе́ра зна́э. Каза́ў, до́ўгий хвос буў. Вот мне Близьнюк Кася́н роска́зываў гэ́то. [А как она качалась на колочках?] Ну, я не зна́ю. Вона́ наты́кала по-в зе́млю и по ты́х коло́чках... [В ряд или кругом?] Ну, угэ́ не зна́ю гэ́то, не ве́даю е́того, як ўжэ вона́ наты́кала – ци вона́ круго́м наты́кала, ци вона́ вдоўт наты́кала да лягла́ да ста́ла кача́цца по ты́х коло́чках. Ну, вона́, ви́димо, уж вона́ йих по-в зе́млю повтыка́ла глубо́ко, потому шо е́жэли ми́лко, то б она́ ж не ляжа́ла, а воны́ вжэ бы в земле́ и так... Ну, и вона́ и качала́са по ты́х коло́чках, и вы́качаласа и зьде́лаласа зьмэё́й – на́лпою тако́ю, понима́эш, и пошла́ завива́ть за́виўку, а оде́жа лежа́ла. Дак вон прышо́ў, понима́еш, да коло́чка одного́ вы́йняў, дак раз оста́ўса хвост. Дак як оста́ўса хвост, так вона́ поба́чыла, шо нехто, зна́чыцца, поба́чыла – нема́ одного́ коло́чка. Она́ ста́ла гука́ць: "Прыди́ сюда́, шо ты схоч, тоэ́ тобе́ бу́де". Во. [Она кем стала?] Ну, роса́лкою зьде́лаласа. Да вот вона́ тогды́, як она зьде́лаласа гэ́так, то вона́ ёо́ подозва́ла и сказа́ла: "Чо ты хош, то тэ тоби́ й бу́де". То она́ ему́ плаци́ла – ци деньга́ми никола́еўськими, ци вона́ зо́лотом плаци́-

ла, ци гона́ це́лом плаци́ла, ну, я ж не зна́ю. А вона́ ему́ заплаци́ла за тэ́е, во. [А мужика того как звали?] Ну, я угэ́ не созна́юся, я э́то угэ́ не ве́даю, як воны́. Мне росказа́ў вон, а хто буў там, то я не ве́даю (Б.Лнц. Велута, 1976 – А.Г.).

VIII. СКОТ

О домашней скотине

У дваре́ тре́ба ўжэ, шчо́бы масть була́. Дак ка́жуть: "А ты, Пара́ска, да таго́ дя́дька у Ру́дку пайди́, дак ён табе́ раска́жэ, шо чаго́ у тебе́ скот прапада́е". Пашла́ ма́тка. Аж ён и ка́жэ: "Як би ме́сяц ни мину́ў, я б тебе́ сказа́ў на имья́, кто ты́е плетёнки пазаплита́ў". О́т як. А ано́ про́ста, о́т як у де́ўки ко́сы заплита́лисе. Касо́й. Дак вани́ ду́мали, шо де́ти. Ў траве́, трава́ така́я, асака́ така́я расла́. Зна́чыть, плетёнки ци́е ён ужэ́ не назва́л як. А то́льки и ка́жэ: "А ў ва́шум дваре́ тре́ба держа́ть каро́ву хоть си́ву, хоть чорнара́бу, а каби́лу тре́ба ча́лаю, ага́, ча́лаю на́да каби́лу держа́ть, дак бу́дуть и лаша́дки. А то́ ты де́ржыш то бе́лу, то чо́рну, ну дак и лаша́дки нема́е". И пра́ўда, не вади́ли лаша́т, ка́жэ, о, ты́е каби́лы. А ўжэ купи́л юн ча́лу, дак така́я была́ бедо́ва, шо мы были́ малы́е, дак як лаша́ у дваре́, малэ́е, дак ана́ нас не пуска́е, все адганя́е. О́н шо было́. Дак ба́чите – зна́чыть, чэлаве́к знал. А плятёнки ты́е – люди́на рассе́рдилася на ма́тку и пазаплета́ла о це ся́я ятро́ўка. О́т як ма́тчына, па-сасе́цки жыла́. И шо юй тре́ба, шо вана́ ма́тцы таку́ю шко́ду раби́ла. Дак о то два дни ўмира́ла. О́нде де яка́я ба́ба была́. И каро́ву прихо́дила да́ить. Хтось до́ить каро́ву! Як купи́ли ани́ чорнара́бу каро́ву, и си́ва тели́чка была́. Дак кали́ ж за паўсо́тню, да це ж вяли́кие гро́шы. А ваны́ не пагляде́ли да купи́ли. О́т як. Ну, дак вана́ ўжэ ж каро́ва така́я дабря́ча. Дак. Собрала́ся, ко́сы, ка́жэ, распусти́ла да й пришла́ да́ить. О це ж ця́я ба́ба. А ба́тька на ви́шки забра́ўся. Ма́тка по́йде ў ра́ни – каро́ва падо́ена. Ну хто? Ну шчо? Дак ба́тька ка́жэ: "Дак пагу́ляй, я присачу́. Паба́чым, хто". Кали́ аж вана́, ка́жэ, ко́сы распусти́ла и прихо́дить серед но́чи. Ба́тька ж ужэ́ не спа́л и на ви́шках. Дак юн тады́ на яе́: "Да це шчо ро́бица!?" Да пайма́л да ка́жэ: "Дак я тебе́ привьяжу́ да люде́й бу́ду звать". Дак папапраси́лася: "Не кажы́, Харито́н Ермала́евич, нико́му, не кажы́! Я ўжэ больш не пайду́!" О́т як. О. У чужы́ хлев и пришла́ ж да́ить. Няха́й ты яка́я ж не ро́дичка, дак чо ты. Ты б пришла́ да папраси́ла. А не так, шо пришла́ маю́ каро́ву да́ить. Да пусти́ла во́ласы, ка, расплётеные таки́е, чэ́пка на ёй ничо́а, а так. От и ве́дьма вам. И ў бе́лай саро́цы. Не ду́майте, шо спадни́цу адева́ла. Без спадни́цы. О це́е было́. Дак праси́ла ж ужэ́ ба́тька, шоб нико́му не каза́ў. И не прихо́дила бо́лей. Бо́лей не прихо́дила. О́н шо (Ч.Чрн. Плехов, 1980 – С.Т.).

Обереги скота (1, 2)

1. При строительстве хлева под порог клали конские путы (Ч.Грд. Макишин, 1980 – С.Ш.).

2. [При переселении скота в новое жилище в хлеве вешают телячью шкуру и углы посыпают солью.] Штоб вяли́сь каро́вы, трэ́ба ад бяро́зы, пуд яко́й е мураве́йник, ло́мяць галины и затыка́юць у хлеў, штоб вяли́сь аве́чки ад раби́ны (Г.Хнц. Великий Бор, 1975 – А.А., Л.Т.).

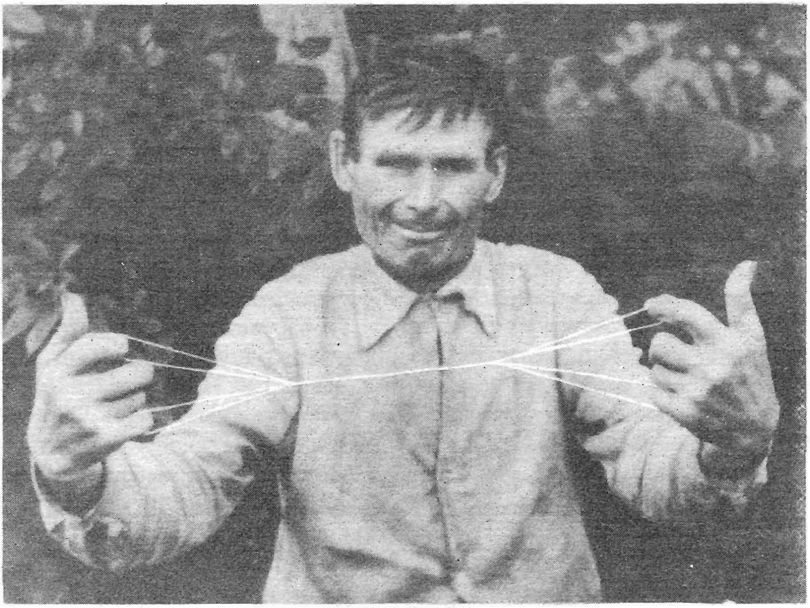


Рис. 14. Сделанные из нитки "сорочьи лапки" – один из оберегов коровы (с. Осовая Малоритского р-на Брестской обл.). Фото А.Ф. Журавлева, О.А. Терновской (1977)

3. Худо́бу ў хлеву́ дзе́ржым. Дзверь ста́вляць на па́ўни со́нца. Свечо́ны дубе́ц пад стре́ху ў хлюў ваткни́. Стре́чэнну све́чку затыка́ем перед двери́ма, гдзе каро́ва хо́дзиць. Волошэ́бница мо́жэ спо́рциць каро́ву, а ў ее́ каро́ўки малако́ прибу́дзе. Ста́ўляць напро́ци дзвере́й бара́ну́, штоб ёна́ не праλе́зла ў хлюў (Г.Мзр. Жаховичи, 1975 – В.С., В.Г.).

4. Све́тять ве́рбу у це́ркви, дак тым ду́бчыкам вигане́еш скати́ну. Да принесу́ть у хлев и ўсти́ркнеш пад паплo´т, пад стреху́, шоб каро́ўка да до́му хади́ла. На Ива́на ве́шають на хлев крапи́ўку, шобы калду́нные не хади́ли. Над кля́мкаю, атчина́ють, у хле́ве паве́сим и неха́й виси́ть. Право́дять Ива́на, тады́ хава́ем крапи́ву у хлеве́ (Ч.Рпк. Старые Яриловичи, 1980 – С.Т., А.К.).

5. Соро́ку забью́ть и ве́шають посире́дь хле́ва, ю́стро [т.е. зеркало] над дверя́ми, як худо́ба иде́ть. Серпа́ ве́шають, ко́су кла́дуть [на пороге]. Мужчы́нские брю́ки раздира́ють и ве́шають над дверя́ми. Кота́ забью́ть, закопа́ють, где худо́ба стои́ть. Це́лую соро́ку за но́ги ў коню́шнях ве́шають. [Отрезают от гривы волоски и на них привязывают сороку.] Ка́жуть, чо́рты хо́дять, е́сли ў коня́ плетёца гри́ва. [В хлеву для коров тоже вешают сороку, но на простой нитке или веревке. Еще вешают в хлеву] переви́йник – на о́чи худо́быни, [т.е. прясло, перевитое березой]. Як переви́йника нэма́, то ю́стро ве́шають, куды́ мо́рдою стои́ть, шчоб она́ [т.е. корова] ба́чыла. [Можно] ножа́ затыка́ти ў поро́зи, шчоб коро́ва пэрэхо́дила. [Чтобы *сотана́* не трогал скотины, нужно] ўста́ти до усхо́да со́нца, разде́ца, под ли́ву ру́ку ножа́ чы косу́, оби́гти круго́м хли́ва три ра́за и ў сте́нку ножа́ заткну́ти (Р.Дбр. Сварицевичи, 1978 – А.П.).

6. Мак у мене́ е. А́бо видуну́ посвешчу́ – вот у мене́ бага́то ў агаро́дзе таго́ видуну́. Е́та, ка́уть, коб *не́ки* не приха́джывал, ка, лука́вый ци што. Дак я пасвечу́ ле паро́га и так вот у хлеви́ па кутку́ и сьве́чку стре́чану паве́шу на хлеви́. Дак яна́ ужэ́, ка, не по́йдзе. То так ка́жуть лю́дзи стары́е. Молоко́ зьеда́юць си́льно и́ншьи таки́и. Мак абсе́ю бо су́лью посьвешчо́наю – му сьве́цим су́льку. Е́та на Купа́йлу у ве́чур напро́ци Ива́на, на ту́ю ночь. Дак я сьве́чку паве́шу над дзве́рима, дак ана́ не по́йдзе – ана́ ж баи́цца (Г.Мзр. Жаховичи, 1975 – С.Т.).

7. Як на па́шу выганя́ють, [то] як большо́й хвост [у коня или коровы], подри́жуть ёго́ и за стоўб ў хлеву́ заткну́ть, коб [скотина] захо́дыла ў хлев, коб не плу́талас до други́х двора́х (Б.Пн. Ковнятин, 1981 – А.Г.).

8. Ис па́ски окра́йчыка скра́юють, о! То бэру́ть скра́юють ис того́ хле́ба окра́йчыка, шо па́ски сва́тють. И, ка́жэ, тогда́ воны́ бэру́ть того́ окра́йчыка и привья́зують до риг коро́ви. И вона́ ужэ́ на па́шу випуска́йить йии́. У́жэ, ка́жэ, нихто́ йии́ нэ повро́чыть. Она́ вжэ бу́дэ нычо́го нэ боя́тысь с тэм хли́бом (В.Ртн. Щедрогор, 1979 – С.Т., Н.Т.).

Заговоры против порчи коровы и молока (2, 4)

1. На ведро́ кла́ли цэди́лку, на ее́ серпа́ ўверх зуба́ми и каза́ли: "Коб так ве́дьме в оча́х ре́зало, як серп молоко́ ре́же". Змо́ють водо́й ведро́-с-под молока́ и э́ту во́ду в убо́рную льюць и ка́жуць: "Неха́й ве́дьма есць не молоко́, а кал" (Г.Ел. Кочище, 1975 – В.С.).

2. Абсы́паць свечо́ным ма́кам каро́ўку и круго́м нее́ и сказа́ць: "Нихто́ э́тага ма́ку не подбере́, нихто́ ат мене́ спо́ру не адбере́. Састанаўля́ў гаспо́дь ме́сяц и зарю́, састанаўля́ў гаспо́дь спур не чужы́, а то́льки свуй. Чужо́го спо́ру не забиру́, а свуй заста́ўляю – з бо́гам и бо́жэй мали́твай" (Г.Мэр. Жаховичи, 1975 – В.С., В.Г.).

3. [Чтобы улучшить качество и увеличить количество молока, хозяйка приговаривает:] "Го́спаду бо́гу памалю́сь, святы́м бо́жым прыпадо́бникам пакланю́сь. У чы́стам по́ли стаи́ць дуб, а пад ду́бам стая́ла чо́рна каро́ва, а к той каро́ви чо́рная цяля́ прыбяга́ла, ну каро́ву ни̑е усыса́ла. [Имя хозяина] – над яго́ хлямо́м чо́рная змяя́ лята́ла. Праро́к Илля́ и спо́рныя Ива́ны бе́лыми каня́ми яго́ двор ара́ли-паха́ли и гаро́хам засява́ли, штоб нихто́ ни̑е прайшо́ў ни̑е праеха́ў: ни геняра́лы, ни папы́, ни папо́вы до́чки. Вяли́кия удо́и йих вада́ жырла́ми, мае́ каро́ўки малако́ жыра́ми, густа́я смята́на и жо́ўтая ма́сла, штоб ишла́ каро́ўка усяда́ с по́ля спа́сна. Ишла́ бо́жа ма́цяр, хазя́йка сказа́ла: Хрысто́с васкрэ́с! Ма́цяр бо́жа сказа́ла: тваёй каро́ўцы бог спор прынёс. Бяры́ ты соль с пяча́ли, штоб к тваёй каро́ўцы ни̑е падхо́дзиў з до́ўгими рука́ми, з бы́стрыми вача́ми, агняны́м языко́м. Паста́нуць но́ги кавяня́ми, а ру́ки грабля́ми, а се́рца ка́мяням. И е́тым славо́м вяли́ки ами́нь" (Г.Хн. Великий Бор, 1975 – А.А., Л.Т.).

4. "Бо́жа ма́ци па расе́ хо́дзила. Росу́ сабира́е – е́тай каро́ўцы спо́ры надзяля́е. Дай ёй спо́ры ў кру́глые ро́ги йи на капы́та, йи ў но́ги, йи давядзи́, го́спадзи, да яе́ четыро́х цы́цак, йи да [имя хозяйки] е́виныйх пьецёх па́льцаў". [Говорить под коровой. Прочитав, три раза перекреститься, подуть, плюнуть через левое плечо] (Г.Хнц. Великий Бор, 1975 – Н.Д.).

5. "Го́сподy бо́гу помолю́ся, го́спода бо́га попрошу́. Иду́ я к свое́й коро́ўцы [кличка коровы], загоро́джваю ее́ жэле́зным ты́ном. Пока́ ведзьма́р

з ве́дзьмою здзеру́ўща, дэк оны́ оборву́ўща. Соро́ки-воро́ки, возьми́це прыстрэ́к й уро́ки да неси́це мое́й коро́ўцы с ўсих сторо́н моло́ки. А ты, коро́ўка-пчо́лка, як пчо́лы но́сяць своему́ хазя́йину мед, так ты, каро́ўка, прыноси́ла б молоко́. Прыбува́й, молоко́, с по́ўного ме́сяца, з я́сное зары́, золото́е горы́. Па́ска сьвята́я, у цебе́ ры́за золота́я, покрыва́й зе́млю траво́ю, росо́ю, а мора́, рэ́ки – водо́ю, а ры́бу луско́ю, а коро́ўку молоко́м от це́лу до це́лу. Дзень до́бры, коло́дзезь Макси́м, а ты земля́ Таццяна, шоб у коро́ўки прыбува́ло молоко́, буў сыр, сьмета́на. У коло́дзези вода́ жэрла́ми, а шоб у коро́ўки було́ молоко́ жыра́ми. Ами́нь". [Говорить под коровой, можно на хлеб, воду, соль. Прочитав, три раза "поху́кать", плюнуть через левое плечо, перекреститься] (Г.Хнц. Великий Бор, 1975 – Н.Д.).

6. "Я к тебе́, коро́ўка, с па́скаю, а ты ка мне с ла́скаю. Абсы́плю я тебе́, каро́ўка, ма́кам, штоб вста́ла ве́дьма ра́кам. Як ве́дьме не встава́ть, так ат мае́й каро́ўки малака́ не трыма́ть. На бе́лым мо́ри, на бе́лым прасто́ри бо́жа ма́ти шые-ушывае́, маю каро́ўку к малаку́ прызываé. Мая́ каро́ўка, приступи́сь и малака́ напи́йся. Маю́ каро́ўку бо́жа ма́ти в по́ли пасла, штоб ни было́ си́ра и ма́сла" (Г.Мзр. Жаховичи, 1977 – Э.А.).

7. "Го́спаду бо́гу памалю́ся, го́спада бо́га папрашу́. Свята́я неде́лька, святы́й Юрэй, святы́й Ягорай, святы́й Мико́ла, уго́днички бо́жыя, ста́ньце ў по́мач [имя] каро́ўки, як сваи́ми слава́ми, свайи́м ду́хам. Ма́цер бо́жыя над ца́рскими варата́ми стая́ла, у чы́стам по́ле каро́ўку выпуска́ла. [Имя] каро́ўка, ни бо́йсе ничо́г. Во́чками разгля́двай, ву́шками раслу́хувай, ро́жками разма́хувай. Ни бо́ссе ничо́г – ни зве́ра бегу́чага, ни пта́шки лету́чай. Хто цябе́ ўстрэ́чэ, той языко́м подхво́сцицу перавалача́, хто цябе́ спаку́сиць, не́бо и зе́млю пeратру́сиць" (Г.Кл͡н. Новинки, 1975 – автор записи неизвестен).

8. "Ой, кня́зю, кня́зю, ты быў на том све́ти, пыта́уся миртвеца́, шо мае́й каро́вцы ста́ло. – Я и́ду, я и зна́ю, што твае́й каро́вцы ста́ло. Пад зелёным ду́бом сиде́ла ба́ба и урачы́ла тваи́х каро́ўц. Иди́те уро́ки хлапо́чие пад кве́тку, дево́чие пад вено́к, а жэно́чие пад чапе́ц, а мужчи́нские пад ша́пку, а цыга́нские, евре́йские под шала́ш" (Г.Мзр. Жаховичи, 1977 – Э.А.).

Отбирание молока (3)

1. [Ведьма] магла и жа́баю, яна́ и вужо́м мо́жэ, ўся́ким, ўся́кими спасаба́ми. Дак е́та малако́ цягла́. Дак мая́ сестра́ дваю́ранна, дак яна́ дагада́ласа да ўзяла́ за ви́лки да и праткну́ла но́гу. Кали́ кульга́е жэ́нщчына. И ка́жуць: "Вала́ука, Вала́ука хо́дзиць да кульга́е". И не ду́майце – пака́ялась и каза́ла: "Больш я цябе́ не тро́ну, вот вам". Да́жэ бы́ли таки́е, што ў по́ли ба́чыли – го́лые бе́гали. Е́та ж яна́ бе́гае не на дабро́. А цяпе́р не слы́шно. Цяпе́р не слы́шно е́таго. Шчэ й цепе́р други́е пла́чуць: от, каро́ву ... малако́ зье́дзена. Ки́даюць у кало́дзезь хлеб. Для чаго́ ж ана́ ки́дае? Кто панима́е, кто хо́чэ, дак во́зьме и ки́не ў кало́дзезь хлеб. Да пла́вае той хлеб. То уж глядзи́ – то та́я пла́чэ – у мае́й каро́вы нема́ молока́, то та́я. Мене́ вот адна́ да́йжэ ўчы́ла: "Абсы́плю я сваю́ каро́ўку ма́ком, коб ста́ла ве́дзьма ра́ком. Як ве́дзьми не ужыва́ць, так ат мае́й каро́ўки малака́ не атрыма́ць. На бе́лум мо́рю, на бе́лум прасто́рю Бо́жа ма́ци шые-ўшыва́е и к сабе́ каро́ўку маю́ призыва́е. И вуганя́е на бо́жу ро́су, на сия́нску го́ру. На сия́нскай гари́

лежы́ць ка́мень яло́вуй. Хто маю́ каро́ўку ўракне́, хай уў той ка́мень ўгрызне́". Я зна́ла бага́та е́тых мали́туў (Г.Мзр. Жаховичи, 1975 – С.Т.).

2. [Выдаивать корову могут ведьмы и колдуньи.] Кали́ иду́ць каро́вы, яна́ во́зьмя каро́вячага сле́ду и ка́жа: "Дава́йця, чужы́я каро́ўки бро́ўки, маё́й каро́ўцы малака́ па бака́". И высыпа́я е́ты след [т.е. песок] у хле́ў (Г.Хнц. Великий Бор, 1975 – А.А., Л.Т.).

3. Зна́хорка почы́нить трапка́ч (втира́льник) своє́й рабо́ты, с того́ полотна́ кута́сы выся́ть [т.е. бахрома], повы́сить кой ко́мина – и с того́ рушника́ течэ́ молоко́. [Рассказывали, как один человек] взяў полоте́нцэ, в во́ду намочы́ў и як на ко́л зачэпи́ў и ёго́ кру́тыть, то полотэ́нцэ, а с полоте́нца молоко́ тэчэ́. А другы́й взяў колка́ да ёго́ по спинэ́. Да ка́жэ: "Ужэ́ ты нэ бу́дэш молока́ лю́цкого пи́ты" (Б.Пн. Лисятичи, 1981 – Е.З., А.Г.).

4. На Я́на, пока́ со́нцэ нэ схо́дыть, ви́дьма хо́дыть по роси́ да мы́е цыды́лки росо́ю, и ў во́ди под ду́бом поло́шчэ да на ду́би су́шыть. Э́то од людэ́й молоко́ тя́гнуть соби́ (Б.Пн. Ковнятин, 1981 – А.Г.).

5. Ве́дьма цеди́лку водо́й помы́е и той водо́й доро́гу перелива́е, где тава́р хо́дить, молоко́ притя́гуе. Трэ́ба просяну́ю крупу́ посы́пать, так у ее́ ў малаки́, сы́ру, ма́сли чэ́рви появля́юцца. Ко́лись е́де кум, а кума́ цеди́лкой збира́е ро́су ў доё́нку. Кум вузде́чкой ўда́риў по жы́ту и ка́жэ: "Што куме́, то й мне". До до́му прие́хаў, пове́сиў вузде́чку. Жо́нка вы́шла, а з вузде́чки молоко́ течэ́. Набра́ли ў глады́шки, а ёно́ ўсё течэ́. Побежа́ў до кумы́: "Поможы́, бо зали́ло". А ёна́ ка́жэ: "Больш так, кум, не раби́". Переста́ло молоко́ з вузде́чки текти́ (Г.Ел. Кочище, 1975 – В.С.).

6. На́шы лю́дэ ночэва́лы в Пови́ты, от и одна́ люды́на говоры́ла: "Чи вы зна́ете таку́ю-таку́ю люды́ну?" А оны́ сказа́лы: "Зна́емо, ого́". Ну, и та ба́ба ка́жэ: "Мы ис тэ́ю люды́ною знако́мы, у вас на Хвийках мы бэсэ́дуемо зро́ду на Петри́вского Ива́на". А ты́е их пыта́ють лю́дэ: "Чэго́ ж вы то бэсэ́дуетэ на Пэтри́вского Ива́на?" А она́ ка́жэ: "Мы бэсэ́дуемо и забира́емо молоко́ у людэ́й". Призна́лася, шо она ви́дьма и забира́йить молоко́ у людэ́й. От и кажэ́: "Мы годного́ ра́зу вы́радылы одну́ю по молоко́, а хазя́йин пильнова́ў тогдэ́ во хлэви́. Она́ пэрэмины́лася жуко́м и пришла́, зачала́ бзыча́ты там ў хлэви́. А хазя́йин взеў ви́лкы и ки́нуў на ейи́ и пробы́ў ей но́гу – ла́пу тому́ жу́ковы пробы́ў. Вот на други́й дэнь ужэ́ та́я, кото́рую выраджэ́лы, ўжэ кульга́е на но́гу. И ста́ла нога́ в ейи́ гны́ты, и ўжэ гны́ла до са́мой сме́рти та нога́ (В.Ртн. Пески, 1979 – А.Т.).

Ужи, отбирающие молоко (3)

О таке́е я чу́ла. Ба́ба ўме́рла, ма́тка йих ра́нчэй ўме́рла. Ну, астали́сь ўнучки, аж три де́вачки. Ну, дак и жы́ли ж ужэ́ ис тае́ю ба́баю, из ма́тчынаю ма́ткаю. А ана́ то́жэ шыпту́ха была́. Каза́ли, у яе́ каро́ва была́, дак у по́греби кушыно́ў! Дак и су́мна. Дак, ка́жуть, вужы́ юй малако́ но́сять. Бу́дта чужы́х каро́ў вужы́ [доят]. То ж е таки́е сме́лые лю́ди. "Хве́си вужы́ малако́ но́сять". Бо хиба́ каро́ва па сто́льки бу́де дава́ть? Це ўжэ кали́ яна́ уме́рла, дак та́к ужэ́ лю́ди по́ралися, дак таке́е каза́ли. О. Ну, дак ужэ́ захава́ли ту́ю ба́бу. Аста́лися ўну́чки. Шось таке́е и бу́хае и бу́хае. Як нуо́ч, так шось и бу́хае. Ка́жуть, дак це вана́ хо́дить. На ха́ти бу́хае, па ха́ти, о це так на сто́ли. И так бува́е де у кутка́х то́жэ ў пасто́ли. Ну, дак я не зна́ю ўжэ, шчо тым де́вачкам насаве́тували. Пашли́, ка́жэ, на мо́гилки ўжэ, туды́,

да яе́. Аж такие печеры у тее, пуд магилу туды. Чого ўжэ тые печеры? Дак кажуть, дак то ўжэ тые вужы, шо малако насили, це ўжэ так бабы [говорили], тые вужы да яе поўзали, шо малако насили юй. Дак онде де яке страховишчэ. Бувае. Не дай бог. Деўки тые ўжэ ж парасходились замуж. Адна у Пархоўцы, а друга – ў горад пашла, а матка йихняя ўмерла (Ч.Чрн. Плехов, 1980 – С.Т.).

Мальчик на службе у ведьмы (3)

Служыв мальчык у ведьмы. Ну, и вона его взяла носыты такый эбан. Чэпыла и взяла. Носыть той хлопчык, а она сама ходыть. Зайдэ до хлыва, тэлушкы попробуе молока трошкы и нэсэ тому слуги ў эбанок. А вин всё носыть того збанка. Носыв, носыв той хлопчык збанка дай й зашлы до его батька. Ему стало обидно. Вин думае: шо ж то такое! Ну, вин будто бы спотknувся и взеў вылиў тое молоко. И той его батька то вин нэ мав дэ молока дэваты. Як стало ў их мныго молока, а ведьма то чуть з ума нэ зыйшла. [Это было] пэрэд Иваном, [когда ведьма ходит по хлевам и собирает молоко]. Она мныго нэ дойть, тольки, кажэ, спир забэрэ. [После Иванова дня у коров меньше становилось молока, и люди говорили, что это ведьма "спир забрала"] (Б.Млр. Олтуш, 1977 – С.Т.).

Первый выгон скота (7)

1. Яго выганяли вярбой, [которую освящали в вербное воскресенье. В этот день в воротах клали яйца,] ниты, каб цялята завьязувались, кидали сакеру и казали: "Хоць мне хто хацеў зрабиць – я яму перасакерыла". [Выгоняя скотину, хозяйка говорила:] "Будзь, кароўка, спасна, штоб я дайла малако и била масла. Прыбувай, малако, як вада ў калодзези. Прыбувай, малако, з поўнага месяца, з яснай зары, з залатой гары. Паска святая, у цябе рыза залатая. Пакрывай землю травою, расою, напаўняй мара, рэки вадою, а маю кароўку малаком – ат цёлу да цёлу". Зьнимаю з галавы хустку, праганяю ёй и кажу: "Идзи, кароўка, у стаду, як госьци за стол". Ци махаю хусткай и гавару: "Як у цябе няма, кароўка, розуму, дак я таби дам свой". [Если корова] ние йдзе з лесу и начуя, то бяру хлеб, выхожу на парог и заву: "Идзи, кароўка, да дому, як свадзьба за хлебам штоб табе ние пилося ние еласся – да дому хацелася" (Г.Хнц. Великий Бор, 1975 – А.А., Л.Т.).

2. Вуганяюць тавар, як кали вуйдзе. В апрели начинаюць пасци. Утром ўганяюць. Кажуць: на *юреву росу*. На вербну недзелю у цэркоў идзем, вербу свецим. Этай вербой кароў первы раз паганяем. С хлебам кароў вуганяюць. Кажу: "Не будзь урочна, а будзь малочна". [Другие говорят иначе:] "Госпаду богу памолимся, святой мацери пречыстай паклонимся. Кароўка, идзи ў чыстае поле на зелёну травушку, на шолкову муравушку. У чыстам поле стаиць дуб зелёны, пад тым дубам сидзиць баба-ведзьма. Тэтую бабу нагами стапчы, рагами скали, хвастом замеци, а мне ат божых славоў малачка принеси". Ничога нельзя даваць никому, бо я сённи кароўку вугнала. Не буду никому ничога даваць, бо сёння Юрий (Г.Мзр. Жаховичи, 1975 – В.С., В.Г.).

3. Як на Юрия на першу пашу худобу вуганяли, ранёнько до сонца ключ

на порóг хлéва полóжуць, коб худóбина переступила. От оводóў, от комарéй это помагáе. На пéрву пáшу гóнять – ножá ў порóг застрыкáють, коб вéдьмам язы́ки рéзаў, и яйцó кладýть, коб крýглая булá карóўка (Г.Ел. Кочище, 1975 – В.С., В.Г.).

4. Утром в канун выгона скота хозяин зажигает свечку, вся семья молится. Потом выгоняют скот. При выгоне коров хозяин с яйцом в руке несколько раз обходил корову, "каб малакá булá пóўна рáжка". Для этого события специально пекли хлеб, в который клали зерна ржи, пшеницы, ячменя, овса, проса. Хозяин клал его в сумку. Там же лежала свеча и икона. С такой сумкой каждый хозяин три раза обходил стадо, "каб карóвы ат стáда ни адбúлись". Корову со двора гонят свяченой вербой. После возвращения с поля хлеб размачивают в воде и отдают коровам. Когда выгоняли овец, под ворота клали ниты, "каб вóўцы дварá ни минáли". Коровам под ворота клали замок и косу (Г.Клн. Новинки, 1975 – А.А., Л.Т.).

5. Ниты́ замукáли на вараця́х – э́та ад звéра. Зверóў и гадоýé пазамукáли. И пáру яéчэк палóжаць цэленьки, штоб карóўка пагуля́ла. [Говорят:] "Уганя́ю скацúнку на Юрея на бóжаю расúнку, идú, идú, мая пáхмачка, ў чы́стая пóля, принесú мне малачкá с касцéй, с машчэ́й, с печэнéй. Вóчками аглянúсе, хвóсцикам атмахнúся, сваему́ врагу́ у малацэ́ не напусцúся. Ля бóжао мóра бóжа мáци сидзéла, кнúжку читáла, карóўку пáсла. Эй, карóўка, аглянúся да ў мóру малачкá набярúся" (Г.Хнц. Дубровица, 1975 – С.Т.).

Праздник пастухов (8)

На Мыкóлу гэ́то вжэ обы́чай такы́й, шо вжэ пастухы́ йиéчню пычýть. Ну, хоч смúшно, áлэ я роскажý сё ромнó. На Мыкóлу погнáлы два стары́йи коровы́ пáсты. Набрáлы йиéць йиéчню пычы́. Тыпэ́р шо воны́ стáлы говоры́ты, як же стары́йи. "Давáй мы, – кáжэ, – бýдэм по-дытя́чому говоры́ты". Ну, всё, вжэ говóрать по-дытя́чому. Ну, пычýть, пычýть йиéчню вжэ, готóва, йиéчня готóва вжэ. А по óчырыди запыня́ють коровы́. Кáжэ вжэ оды́н на одногó: "Тобú вжэ трэ́ба бы́цю запыня́ты". Бы́ця – то вжэ это по-дытя́чому, гэ́то корóва, малы́йи кáжуть: бы́ця, бы́цю запыны́ты. Той пошóв, а той взяв йиéчню тýю ззив. Той пошов запыня́ты, а той йиéчню ззив. Той прышóв: "Дэ, – кáжэ, йиéцинька?" – по-дытя́чому говóрыть. Кáжэ: "В дусúццы, в дýшыццы". Ну, вжэ óчырэдь другóго запыня́ты. "Вжэ ты йды бы́цю запыня́ты". Той пошóв бы́цю запыня́ты, а покы́нув своѓо кожýха. А той взяв кожýха в огóнь, в огóнь ёмý. Той прышóв: "Дэ мый, – кáжэ, – козю́сёк" – "У зúзи", – кáжэ. Ну, на огóнь гэ́то жы́жа. Шо ты од дытэ́й возьмэ́ш?! (Б.Дрг. Симоновичи, 1974 – С.Т., Ф.К.).

IX. СТРОИТЕЛЬСТВО

Строительная порча (2)

1. Ну, одэ́н, знáчыть, буў у нас мáльчык такы́й. А ў них булы́ майстры́ робы́лы хáту. А одэ́н взеў, кы́нуў топóр, сокы́ру по-нáшому кáжуть, сокы́ру кы́нуў и говóрыть на тогó мáльчыка: "Подáй мни тýю сокúру". Той подáў сокúру. Вин нэ дóвго дýмаючы йи взеў, и вы́неў з шáпкы

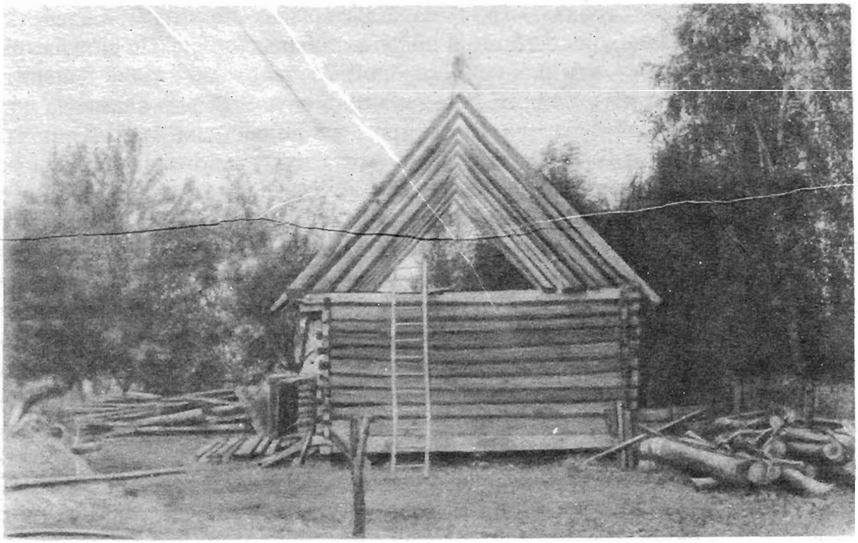


Рис. 15. Новый дом с веточкой-”квиткой” (с. Щедрогор Ратновского р-на Волынской обл.). Фото М.Н. Толстой (1979)

сэ́ру кусо́чок, и ка́жэ: ”На́ тоби́ гостьы́нця”. Той хло́пчык и зъйиў той сыр. А ёму́ бы́ло лит дэ́сять, мо́жэ – двэна́ццать, во так, каля́ тако́го. И вин як зъйиў той сыр, ёму́ шо ра́зу то жыво́т ростэ́, й ростэ́, й ростэ́. И такы́й ... шо то ёму́ всё пло́хо, нэдо́брэ. Тогды́ иду́ть такы́и лю́дэ, шо купля́лы колы́сь быкы́, два чолови́кы, они́ про́сяца на́ ноч. И гово́рать мижы собо́ю. Одна́ ка́жэ: ”О, то ха́та хоро́шая”. А дру́гый ка́жэ: ”У туй ха́ты нэхорошэ́, там нышча́сьцэ е вели́кое”. А суси́дка почу́ла, яко́е нешча́сьцэ, а вси ўжэ ста́лы зна́ты, шо такы́й хло́пчык, ростэ́ у ёго́ шось там у жывоти́. Она́ поби́гла сказа́ла тому́ сосе́довы, и вин йих попросы́в. Они́ ночова́лы у ёго́, и оны́ ёму́ гово́рать, шо зна́чыть, ”ва́шому хло́пчыковы нэдо́брэ. Дава́йтэ иди́тэ копа́йтэ е́мку”. Вы́копалы оны́ я́мочку. – ”Клади́тэ кла́дочку”. Кла́дочку положы́лы и положы́ў того́ хло́пчыка. И от оны́ ты́е шось поговоры́лы. Ты́е ужы́ ста́ли иты́ за́дним хо́дом. И як воны́ вы́йшли, тогды́ вин ка́жэ: ”Прыма́йтэ хло́пчыка”. Они́ прынелы́, и ён усну́ў. Принэлы́ того́ хло́пчыка и взеў вин чымсь посы́пав на ты́е ужы́, воны́ повытега́лыся, и говоры́ть ... господаре́м: ”Зако́пувай йих. Ужэ́ всё, – ка́жэ, – хло́пчык бу́дэ жывы́й”. А вин [сыр] був напы́таный ужо́м, ужо́вым я́дом. А воны́ [строители], як ро́блять, ужы́ бэру́ть. Гово́рать так, шо бьють и убыва́ють их и на су́к ви́шають, и со́нцэ ёго́ припэка́е, и вин стэка́е. Вот як натэчэ́, кладу́ть ко́рку хли́ба, а́льбо сы́ру, а́льбо што и, як вин истэчэ́, оны́ ёго́ бэру́ть и загово́рують, вот, як даю́ть – и от того́ зарожда́юца ужы́. Майстры́ вобшчэ́, гово́рать от, тэпэ́р нэ гово́рать, шо, зна́чыть шо-нэбу́дь, а ра́ньшэ ... то *заклада́ють* шо-нэбу́дь, о. Як бэрэ́мэнна, жэ́ншчына забэ́рэмение и идэ́, то о́т они́ ужэ́, ка́жэ, зало́жать, шо шось-нэбу́дь, шо уро́дыть чудо́выско. То ра́ньшэ бы́ло вэ́льми их мны́го (Б.Млр. Олтуш, 1977 – С.Т.).

2. Ба́бам, як дом стро́ять, ка́жуть нэ ходы́ты ми́мо. Вот ты мо́я нэви́стка, я тоби́ кажу́: "Нэ выхо́дь сего́дня з до́му или сыды́ ў по́ле. По тим двора́м нэ ла́зь: там нынче ха́ту заклада́ють, шоб нэ заложы́лы тоби́ близня́т". А ма́йстэр той, шо ха́ту ро́блить, пока́ нэ поба́чыть ба́бы, нэ заклада́е дом. А колы́ поба́чыть, обухо́м или то сэки́рою по подва́лкам [т.е. бревнам в основании] два ра́за бье. И нихто́ нэ зна́е, на кого́ заложы́в, но ба́бы ўси бо́яцця (Б.Млр. Орехово, 1977 – М.Шт.).

3. Як зробы́лы подва́лкы, майстра́ заклада́ють дом на близня́т. Ждуть, яка́ ба́ба про́йдэ, на ту и заклада́ють. Сэки́рою по подва́лкам два ра́за руба́ють. Колы́ подва́лкы заклада́ють, то ба́бы пильну́ющца ходы́ты по тим двора́м. Бува́е так, шо пло́тник нэ поба́чить той ба́бы, а вин об ей поду́мае. Ту ба́бу ма́йно [т.е. можно] нэ ба́читы: майстра́ мо́гут ти́лько згада́ты про ту ба́бу, шоб у ей близня́та булы́. А як стари́шча яка́ про́йде, то вин [плотник] мо́жэ зду́мати, ски́лько ей жы́зни чи колы́ вона́ умрэ́ (Б.Млр. Луково, 1977 – М.Шт., В.Н.).

4. От як роби́ли ха́ту, пошчепи́ли подру́бы и што-то там наколдова́ли, так у том до́ме де́ти умира́ли и жы́зьня була́ плоха́я. От як зроби́ли ха́ту да за столо́м сиде́ли [плотники и хозяева], оди́н [из плотников] но́ги закрути́ў, а други́й ему́ ка́жэ: "Нельзя́ так де́лати, бо се́и ха́ты черья́к бу́де есь". И то́чно так и було́ (Б.Лнц. Бостынь, 1976 – Т.Т.).

X. ТКАЧЕСТВО

"Чтоб лен родил" (1б)

У нас на Петра́ колы́ханки на веро́ўки завя́звали и дзе́ци колыха́лись, шчоб лён вели́ки рос и коно́пли, шчоб мо́жно было́ сплесци́ вели́ки веро́ўки. Веро́ўка та у две сталки́, да поло́жаць коры́то и дзе́ци садзя́цца у коры́то колыха́цца, шчоб было́ с чого́ пирога́ пекци́. Да оны́ ж ешчэ́ спева́ли таку́ю пе́сенку:

Гу́ та та́, гу́ та та́,
Кры́шка хле́ба на Петра́.
– А йдзе́ та́я кры́шка?
– Побе́гла на ви́шки.
– А йдзе́ та́я ви́шка?
– Цацочка́ми заросла́.
– А йдзе́ ты́е цацо́чки?
– Дзе́вочки порва́ли.
– А йдзе́ ты́е дзевочки́?
– Паны́чы побра́ли.

Ви́шки – то у нас ў сара́е потоло́к и туды́ склада́ли жы́то, цацочки́ – цвето́чки. И на лён и на урожа́й жы́та: веро́ўка, шчоб лён родзи́ў, а коры́то – шчоб жы́то (Б.Стл. Хоромск, 1976 – Н.Вл.).

Календарные запреты (2а, 6)

1. У пя́тницу не пра́ли, у недзе́лю. У пя́тничку я пра́ла малада́я, ду́маю, [это] стары́м не мо́жна, ма́ма не пра́ла. Прыхо́дзиць жэ́ншчына, адзе́та ў чо́рном, нападо́бие бо́жа ма́цер. Дак я пыта́юса: "Чаго́ Вы хо́чэце? Чего́ Вы пришли́?" Я разо́ў тры сказа́ла. Ана́ ничо́га не атве́цила и заверну́лась и пашла́. Стра́шна мне ста́ла. Так мне ста́ла стра́шна – и не ста́ла пра́сци, вуноси́ла кудзе́лю с ха́ты, штоб ана́ не была́ ў ха́ци, не меша́ла. Не ста́ла пра́сьць (Г.Хнц. Дубровица, 1975 – Н.Вл.).

2. У пья́тницу пря́ли, а то́льки ат куде́ли, як ложы́ца спать, адрыва́ли

ни́тку, шоб Пья́тница не пря́ла. Зна́ю, шо пря́ла у нас Пья́тница, сама́ ли́чна чу́ла, шо пря́ла, пря́дка гуде́. Шоб [т.е. вот если б] падышла́ и за ни́тку падержа́ла за ту, шо пря́лась, дак спу́ор бы вяли́ки у рабо́ти буў. "Ма́ма, а Вы спа́ли, а хтось прял". — "А, — ка́жэ, — забы́ла и ки́нула ни́тку" (Ч.Грд. Мощенка, 1980 — С.Т.).

3. Вали́ли [т.е. пряли толстую пряжу без веретена] и мужыки́ и ба́бы зимо́ю, бильш мужыки́. Така́ була́ крутэ́лька, крутэ́лэчка на чоты́ри ружкэ́ такэ́. То у нас оди́н чолови́к буў старэ́й-старэ́й. И вин узяў на ту Варва́ру — вин ужэ́ нэ памята́ў, то ужэ́ я́сно — и ци́лы дэнь вали́ў. И пришо́ў зять и каза́ў: "Нишчо́ тоби́, ди́ду, вали́ти: то то ж тапэ́райки, ка́жэ, Варва́ра, то нэ годи́цца". И от вин дед ка́жэ: "И ты таки́ са́мы, ка́жэ, дурны́й, як Варва́ра". И лягли́ спа́ти, загаси́ли ого́нь. И така́я крути́лька и дава́й тарахтити. И диви́тиса: то нэ ска́зки, ти́лько то и́стинна пра́ўда. Як дасть па́льцэм, то так и лопоти́ть на ўсю ха́ту, и так крути́лька одни́м чи́ном тарахти́ть, кру́тицца и кру́тицца, бульботи́ть и бульботи́ть. Встаў зять, вы́кинуў, а пото́м узя́ли её вы́кинули, и она́ тарахтэ́ла на двори́, до́ки пи́вэнь заспива́ў. И почти́ так лопоти́ла, як почэ́ли пи́вни спива́ть. То таки́, шчита́йтэ, мо́жэ и Варва́ра, свята́я Варва́ра показа́ла, шчо нэ ру́штэ. Я так ду́маю (В.Ртн. Щедрогор, 1979 — Н.Вл.).

4. У сва́то и вэрэтэна́ да́жэ у ха́ти штоб нэ было и да́жэ нэ диви́тиса, ни пра́жы. Сэ гэ́ть вы́бросимо с ха́ты. Ка́жуть, ски́лька бу́дэ вэрэто́н у ха́ты, сти́лька, як ли́сом идэ́ш, бу́дэш сустрэча́тиса з ужа́ми (В.Ртн. Щедрогор, 1979 — Н.Вл.).

5. У мэнэ́ ба́бушка была́, то каза́ла, шчо пэрэд па́скою обяза́тэльно у сэ́рэду штоб бы́ли кро́сна дотка́нэ. Ба́ло, ба́бушка, ба́ткова ма́ти, роска́зывала тоды́. А було́ так то коли́сь тка́ли фартухи́, кра́сные з болхвы́ рукавы́, фартушки́. Их тка́ты до́вго, и моя́ ба́бушка тка́ла рукавы́. Як нэ вы́ткала, то прихо́дять и выно́сюють [у того] хто нэ дотка́ў кро́сэн, посэро́д сэла́ и россо́вывають. Прихо́дять, забира́ють: иду́ть до ха́ты и бэру́ть ты́е кро́сна, и россу́нуть по сэли́, и порву́ть гэть. Позмота́ють и порву́ть. То коли́сь моя́ ба́бушка тка́ла ты́е рукавы́, то заби́ли у бо́чку, засы́пали жы́том. Як хто придэ́ [с целью забрать и разорвать], то с соки́рой. Ужэ́ як чу́ють, дэ у кого́ е кро́сна. То пра́ўда. Як бу́дуть вэликоднёва́ти [останутся невытканными на великдень, т.е. пасху] кро́сна, то бу́дуть воўки́ йи́сти скоты́ну, бу́дуть напада́ти воўки́ (В.Ртн. Забродье, 1979 — Н.Вл.).

Обереги (7)

Тка́ла я ты́е бараба́ны [т.е. рукава для женской сорочки], и пришла́ одна́ жи́нка. И нача́ли рва́тиса ни́тки, што нэ мо́нна бы́ло ния́к тка́ты. И пла́кала я и ужэ́ пишла́ по дру́гу жи́нку, што ужэ́ скида́е. Зговори́ла она́. Пришла́ одна́ жи́нка, ски́нула уро́ки, пэрэступи́ла три ра́за чэрэз кро́сна — и пото́м ста́ла я тка́ты.

У нас то́жэ бэру́ть нагави́цы [нестираные штаны или подол нестираной рубахи], пэрэно́сять чэрэз кро́сна три раза́ и посу́нуть по кро́снах три раза́ и усё, и за гру́бу заки́нуть и усё (В.Ртн. Щедрогор, 1979 — Н.Вл.).

Гадания и лечение (4)

1. Вот моя́ ма́чэха роска́зывала: ее́ брат да хоте́ў ди́вчыну брать, а воны́ не дава́ли, шоб не бра́ў ее́. Так ўзяла́. Его́ ма́ти спекла́ таки́е две бу́лочки, это на Но́вый год, на шчедрэ́ц. А вона́ ты́е бу́лочки да на во́ду и пусти́ла. Як вода́ иде́, в кото́ру сто́рону бегы́ть, вот шоб ты́е бу́лочки шли па́ра ра́зом. А як бу́лочка не пы́йде, да пид бэ́рег ста́не, да перевэ́рнеца, не шчита́й, шо бу́де жыть – помре́. Вот ты́е бу́лочки спекла́ и пусти́ла водо́ю. Плывли тро́хи, а ба́рышни бу́лочка к бэ́регу да ста́ла и перевэрну́лася. Так воны́ на его, на сы́на, ў крик: "Не бэри́ ее́, она́ недолгове́чна, серед жы́зни оста́нешся вдовцэ́м". Вин не пове́риў, ўзяў ее́. Пожы́ў тро́хи – пра́ўда, померла́ (Б.Лну. Бостынь, 1976 – О.Щ.).

2. У 12 часо́в но́чи (глуха́я ночь) ви́ти с хле́бам и с со́лю за две́ры [и сказать]: "Як живи́, дак живи́ абзави́сь, а як ме́ртви, дак ме́ртви абзави́сь". Як живе́ – ци каро́ва, ци пяту́х заспива́е. [А если тот, о ком гадают, не жив, то услышишь какой-нибудь "мертвый" звук: стук, лязг и т.п.] Як хлеб пеку́ть, то як скулду́ [т.е. нарост из теста] ви́пре у куто́к [т.е. внутрь печи], то у ха́ту при́быль; як на двор – умре́ хтось. С хле́ба искатáе ша́рики, и де́уки, як гада́ють, назад себе́ ки́дають. Где папа́ла, так ка́жэ, [с какой стороны жених будет] (Ч.Грд. Мощенка, 1980 – С.Т., О.З.).

3. На богатую кутью, в канун Нового года, хозяйка выпекает специальный пирожок, в котором делает сверху ямочки и насыпает в каждую разного рода зерен. После выпечки смотрят, какие зерна остались на месте, а какие высыпались. По этому признаку судят об урожае этих культур в новом году (Г.Ел. Кочище, 1975 – Л.В.).

4. Со́рак балабу́шэк накача́ють [из хлеба] и выкида́ють на расста́ньки. И хто перо́йде, на таго нападе́. [Выбрасывали], шоб саба́ки хвата́ли (Ч.Рпк. Злеев, 1980 – О.Б.).

5. Як бе́шэна соба́ка вку́сыть, вун ис хли́ба такы́и галушычкы́ робы́в, с хли́ба пэчо́ного и дава́в йи́сты – чы соба́ку, як покуса́е э́та бе́шэна соба́ка, чы чолови́ка, як покуса́е, чы коро́ву, чы шчо. То вун тих галушычо́к то́жэ и то́же нишчо́ говоры́в, оно́ ны зна́ю шчо (Б.Брз. Спорово, 1974 – С.Т., Ф.К.).

6. Больна́я дэты́нка. И трэ́ба на сэрэдохрэ́сну доро́гу вы́нэсты хлиб и взя́ты в руба́жэчку тэй дэты́ни и вы́нэсты. То як пэрэ́йдэ нич, як ничо́ нэ тро́нэ того́ хли́ба и тэй руба́жэчки, то дэты́на бу́дэ жыва́. А як забэрэ́, то дэты́на [умрет]. Идэ́ш туда́ кла́сты – ны огля́дуэся, идэ́ш упэро́д, ныкуда́ голово́ю. И наза́д ны огля́дуэся (В.Ртн. Щедрогор, 1979 – С.Т., Н.Т.).

Легенда о хлебном колосе (6)

1. Кали́сь жэ бог хади́ў па зямле́, зайшо́ў к адно́й жэ́ньшчини, а ў ей са́ма дитя́ ў по́лки – апра́вилась. И ана́ рассерди́лась на ста́рцоў. И ана́ зра́зам млине́ц спе́кла и ста́рцу дала́, шо дитя́ апра́вилась [т.е. дала ему блин, которым подтерла ребенка]. Дак, а то буў бог. Дак ён ка́жэ: "Да тепе́р хле́ба ў вас бо́льшэ не бу́де". Да ён все чы́ста каласки́ абарва́ў – их,

мо, было па двацщать на жыти, як сустаучыкаў на сьтяблé. А каты и сабаки начали и мяўкать, и крычать, и прасить бога, дак ён па адном наверх нацапиў каласочку. И теперь люди живут на катовай и сабачай доли и не абижають катоў и сабак, есьти дають. Мы ж их хлеб ядим (Ч.Рпк. Злеев, 1980 – А.Г.).

2. Колас буў ат самого низу и да верху. Ну, и так у народе гаварылась: прагнявили бога и, значыть, бог изнял колас, абшморгувал ад долу и сюды, тёг рукою сашморгувать колас, и думал ўсе сасмаргнуть, аставить людей на голад. Дак каты закаўкали, сабаки загаўкали. И на йих долю аставил о се маленьки колас. И кадата, як ишчэ мала я була, дак нажнуть жыта первого, звалось первожоннэ, намолотять и намелють и дають котику – паперод сами не пробують, а котику и сабаки, шо ми на йих доли жывом. И мать гаварила и старые кались такие ўжэ старые, шо им тады гадоў на восемсят было. Дак от такé гаварили. Дяк у нас тут жыл, да маёй мамки гулять ўсе хадил, дак той раскáзувал такé. А я ж не знаю, праўда яно или непраўда, хто зна (Ч.Грд. Мощенка, 1980 – С.Т.).

3. Цэ раскáзують вжэ уси, шо ж у ных жэ дажылысь да того, шо була галадовка и вжэ люды хадылы нэ жывые нэ мертвые, скугыталы вжэ й сабакы, й каты, и всэ. Ну, й бог змылувавсь,а вон вжэ ж хатив прыкрыть цэе всэ, шоб звьёвся свет. От, люды вжэ пошлы, нэ почалы вжэ чтыть бога, дак взяў вон и пркрыв цэе всэ и аткрыў галадоўку. Ну, а калы вжэ ж началы сабакы й каты скугытать, дак бог ужэ взяў, сыпнув жыта и сказаў. Батько буў такый старый. Нэнавыдылы вжэ батькоў, звозылы: прымерно, за сэлом там десь яр, звозылы туды батькоў. От дажывэ да саракы год, и вжэ ты стаў павнацэнный мужчина, дак извозылы батькоў туды в яр, матак старых – в обшчем, нэ хатилы старых даглэдать и звозылы туда. А адын сын узяў прыхаваў батька ж свого. Ну, и тут же бог там кынуў жэ ж трохы з нэба жыта да пасиев. А то вжэ ж батько кажэ: "Ты знаеш шо, сын мой, бэры да здырай з хлэва солому, да ары, да клады в борозну – дак, мо, вродыть якый-нэбудь хлиб". От. Ну, и вжэ ж взяў сын палажыв у борозну салому ту, шо задраў ис хлэва. Пазыходыло жыто и нарасло жыта стольки от, шо ужэ його нигдэ й девать, того жыта. Ну, нэвистка взяла й прагаварылась, шо цэ мы б сами нэ дадумалысь, а цэ буў в нас батько и насавитував нам, шоб, значить (ёму чи прыснылось, чи шо в сни), шобы спасты, значить, катов и сабак и тэбэ, сын, дак я таби пасавитую – спасыбо, значить, шо ты мэнэ не вкынув, нэ адвиз у яр – так я таби пасавитую, шоб ты такэе зробыв. Ну, калы вжэ ж вана вжэ выйшла на вульщу да расказала, а кума куми, и пашла. Ну, дак ваны тади ат тых пор о цэ ж давай ужэ старых тих, ужэ дажывають ваны да сваго дня. Хто калы вмрэ, тади й хавають (Ч.Чрн. Алексеевка, 1980 – И.М.).

4. Когда-то давным давно колос был до самой земли и его не жали, а рвали. И есьть такая легенда то ли сказка, то ли быль. И вот как я слыхала, так вам напишу. Был такой человек. Он ходил по свету. Ему была охота все видеть и знать, научить. Идет он и видит – люди рвут жыто, колос до самой земли. И когда они ушли на обед, то он пошол и нажал один сноп, завязал и воткнул в него серп, а сам сел за кустами и сидит. Приходят люди и давай чудить. Появился червяк и много погрыз жыта. Пошли взяли веревку и давай его потянем в реку и уто-

пим. Зацепили, тянут и бют. И наделали много крику. Тогда он пришел к ним и говорит: не нада рвать, а нада жать. И вот как стали жать, то колос остался только на верхушках. Вот такая легенда, так говорили люди (Б.Млр. Олтуш, 1981, из письма О.Д. Авдиюк).

5. [Когда сеют, говорят:] "Зароды́ бо́жэ на вся́кого до́лю: и на кото́вую и на соба́чую, и на ста́рцову и на цыга́ньскую, и на слепы́х и на кривы́х!" Нэльзя́ кота́ ки́нуты: из льняно́и ону́чкы трэ́ба обвэрну́ть ёго́ и закопа́ть, бо он вы́просиў у бо́га хле́ба. [А собаку?] Соба́ку ужэ́ нэ так спомина́ють, бо́лее кота́ (Б.Пн. Ковнятин, 1981 – А.Г.).

XII. УТВАРЬ И ОДЕЖДА

Дежа ведьмы (1)

Ве́дьма в купа́льскую ночь выко́чуе ди́жду на розхо́дные доро́ги и, шось гово́рачи, вид нами́ченой коро́ви отнима́ет молоко́. В купа́льскую ночь ве́дьмы отправля́юца за сове́тами до ста́ршого на висо́кую го́ру. Оди́н чолови́к пушо́ў в лес в ночь на Ива́на Купа́йла. До́ўго-до́ўго там ходы́ў и поба́чыў ў вилы́кий гушча́выни мале́ньку хаты́пу. Вун зляка́ўся сы́льно и перепу́дыўся, бо шэ нэ разу нэ бачы́ў цый ха́ты ў лесу́. Вун подыйшо́ў до ха́ты и загляну́ў ў окно́. В ха́ты на осло́ни стоя́ла ди́жда, а в углу́ було́ мно́го ми́тэл. Чолови́к стоя́ў и дывы́ўся у окно́. Коли́ поба́чыў – як одкры́лыся двэ́ри и у ха́тку войшла́ ёго́ суси́дка. Вона́ ўмочы́ла ру́ки в ди́жду, обкропи́ла це́ю водо́й сэбэ́, ўзяла́ митлу́ в углу́ ха́ты, вы́йшла на двур, си́ла на метлу́ и полэти́ла. Чолови́к постоя́в шчэ тро́хи ко́ло окна́ и зно́ву поба́чиў, як прыйшла́ шчэ одна́ жи́нка, зроби́ла цэ, шчо й пе́рва, и улэти́ла то́жэ. Тоди́ чолови́к зайшо́ў сам у ха́ту, взяў ди́жду з то́ю водо́ю, поста́вив пид ко́мином и сам сиў звэ́рху. Вун нэ зогляди́ўся, як ёго́ шось подхвати́ло и ви́нэсло чэрэз ко́мин на двор. Вун лэти́ў, до́ўго лэти́ў на цэ́и ди́жде и прылэти́ў на высо́кую го́ру, дэ вун встрэ́тиў ста́ршого над ве́дьмами. Той спроси́ў ёго́: "Ты до ко́го – до коро́ў, до людэ́й, до врожа́ю?" Той чолови́к сказа́ў, шчо нэ до чо́го. То той ста́ршый ёму́ зроби́ў так, шчо вун два го́да йшоў до до́му (Ж.Нрд. Давыдки, 1975 – М.Б.).

Предание о свадьбе с "толкачом" (6)

Я просто записал одну легенду историческую. Между прочим – это не легенда, а горькая правда. "У нас був пан – звалы його Макмыскул. Він сам по-нації був румын. Жінка його сама була француженка. Дуже була вредня барыня. Барын полюбив сильську дівчыну. А тод був такый закон, покы барын з тею дівченою ны переспыть, вона замуж ны піде. Та дівчына була дуже зграбна, трудолюбыва. И барын став з ею жыты, як з жинкою. Прыїхала Барыня и стала його сварыты. Барыну ничого ны прышлось зробыты, як ту дівчину одаты замуж. Вона од пана родыла 4 хлопці. Був в селі хлопець – наймит панув. Дуже тоже хлопець був працьовытый. Часто угожгав панові. От і пан рышыв отдаты цю дівчыну за цього хлопця". Эта свадьба состоялась в нашей местной церкви. "Барыня дуже хотила, щоб Барын е закатував. У її дуже було мныго найманцюв и дуже було мныго грошы. И цього Гната наймнці Барыні закатувалы. А сама

Барыня сказала, щоб ту дівчыну ожынылы з товкачом з ступы. И ту дівчыну вінчалы в церкві з товкачом. Ще Барыня прыбігла в церкву, на й оборвала Чепець і заставыла, щоб ій оділы вынок із кропывы. – Але Барын на всё не зміг дывытысь сказав попові (священнік), щоб прекратіл эту глупость. Ну як що весселя началось – то його треба и кончыты. Піп ны міг нарушыты тогдішній закон. И так цю дівчыну ожаныла з "товкачом". Алэ выдно Барын еї дуже любыв. Він Барыню отослав знов во Францію, а цю дівчыну взяв собі за покоївку (домработні [ц] ю). – После цього вона от пана родыла ще 4 хлопці! Пан, як прыїхала француженка, зо злості взяв ружье і її застрілыв, а з тею сыротою став жыты". "Со слов Д.И. Пищик" (Б.Млр. Олтуш, 1977 – запись местного жителя Пищика).

Веник (7)

1. Я и сама́ на по́сну кутю́ в ве́чэри падмета́ю ха́ту, сяку́ на паро́зе *деркáч* изме́тены. Каза́ть так: "Шо вили́ – неха́й развива́еца, шо пря́ли – неха́й распреда́еца, шо забива́ли – неха́й разбива́еца, шо пиля́ли – неха́й распи́люеца". Сече́ш и гамани́ш. Шоб разде́лывалась, шоб не атража́лась на том, шо наро́дица – ни парася́, ни теля́. На за́сланку [т.е. печную заслонку] убира́еш ёго́ и несе́ш на ро́станки. И принесе́ш и ста́неш на деркáч нага́ми и слу́хаеш – шо де пачу́еш. Як де́ука – то де саба́ки зага́укають, то стуль сваты́ приду́ть. А як десь ў до́ски ля́пне, асо́бено на мо́гилках – умре́ хто. Даска́ аб даску́ стук три раза́. Шоб не атража́лась на худо́бе: шоб жо́па не зашы́та, шоб во́чи не зашы́ты. На паро́зе деркáч пересече́ш и на деркаче́ все астае́щца, што ты де́лал [т.е. те твои действия, которые могли бы повредить приплоду скота] (Ч.Грд. Мощенка, 1980 – С.Т.).

2. [Все святки метут хату одним новым веником, но мусор не выбрасывают.] На гало́дну куттю́ [в канун крещения] ужэ́ мэту́ть ха́ту, нэсу́ть сми́ття на двуо́р, дык на сме́тник не зано́сять, а па сне́гу кы́дають да разья́зують ви́нык и тыи пруткы́ постыркáють у сниг да кáжуть: "Мэла́ ве́ныком дви нэди́ли, шчоб развыва́вся сад на два го́ды" [т.е. чтобы фрукты родились] (Ч.Грд. Макишин, 1980 – Л.В.).

3. Колись по селах були млини, які мололи од вітру, то були женщини, що кидали віники (деркачі) в піч, коли топилось в печі, и казали: "О там у нас деркач, то дайте вкину в піч, щоб вітер був. А то немае вітру, то і млини не мелються" (Ч.Клк. Смолянка, 1979 – Д.М., зап. на укр. яз.)

4. [Веник, которым подметают хату после выноса покойника, прячут. Им] худо́бу побье́ш, шоб домови́к не гоня́л. Вун, ка́жэ, худо́бину злю́бить, так она́ як ле́сница, а як не злю́бить, то заганя́е. [Хозяйка] подо́иць коро́ву, поста́виць молоко́, [придет – все перевернуто, разлито:] домови́к не злюби́ў. Коб э́то того́ ве́ника коб ты доста́ла, занесла́, ки́нула того́ ве́ника – и не ста́ло бы гладышок воро́чать (Г.Лпч. Стодоличи, 1975 – С.Т.).

5. Як до цэ́ркви вызёш [ребенка], о́зьмут з ве́ныка тры ро́зочкы и на крыжовы́х доро́гах йих кы́дають, на ка́жну доро́гу. Гэ́то то́лько впыро́д сыбе́, як идэ́ш хрысты́ты (Б.Брз. Спорово, 1974 – С.Т.).

6. Як пе́рвый гром загрэмы́ть, ве́ники пуд спи́ну кладу́ть и на зэ́млю па́дають. Чэрэз той ве́ник три ра́зы пэрэкида́юцца, коб спина не боле́ла (Б.Пн. Лисятичи, 1981 – Е.З.).

Борона (8)

1. На бонару сажають да и тягнуть тешчу, шоб шутак болей было. Баярыны из маладого руки. Борану тую подвязуть да ее хаты, ужэ ж да тешчынае. Це ужэ переначуют и дак такее ужэ и шутять. Ана ужэ ж нагатовить гарилки, це ж ана там тады йих угашчае. И дарогаю. Вязуть, вязуть, пастануть о так, не вязуть. Кажуть: "Излазь!" А вана ж ужэ не злазить, бо нельзя ж, треба ж сядеть. Ну, налле ужэ йим патрошку, ваны ужэ и зноў павезли, на баране. Тую борану зачэпять ось де де валокаю, вожкамы такимы, шоб ужэ не парвалоса, и вязуть. От як. Сами ташчуть, баярыны. Ось де де адин рукою и другий рукою – тые лузаны й каня патягнуть, не тульки бабу. И ташчать на той двор, де маладая ужэ тая жыве. От як. Шчытаеца у нас – се тешча еде да зятя. И тады привозять яе, ўносять у хату. Пешки не йде, а уносять ў хату, сажають на лаўку. И вана зараз садица туды за стуол на кут и тады ужэ гукае ва-первых зараз свайих тых – дочку и зятя, наливае йим па чарцы тае гарилки, а тады яго батька, яго матку, а тады ужэ, казаў той, хто въюз, дак и тым, и всих родичаў – покуль гарилки хватить. О це так угашчэнне такее. Дак тешчу у нас о це так возять. Хоть тачку, хоть борану – якая де мода. Ня возам, возам – не. У чужэе ужэ сяло, дак ужэ там привязуть возам, а тады ужэ и пудгатовять борану, а усё равно да хаты вязуть таке. У двор вабшчэ, у двор да самае хаты. Ось у нас, из нашао сяла да ў горади жыли, дак, вы знаете, аддавали дачку, дак тачкаю тешчу везли чэрэз увесь горад, там ужэ на якой ваны вулицы жыли. Дак так, кажэ, удиўлялися, станавилися да дивилися, да дарогу давали, дарма шо й машыны. Ваны, кажэ, праваю стараною сваею, машыны абминаюти и воць, кажэ, едуть, едуть и вупиваюць, и чао ани не робять. Тольки праваю старaной. Аттуль должэн ехать праваю стараной. А ужэ ж назад, дак тожэ, це ж правая рука, дак праваю стараною тольки. Онде де як. Це вам такая тешча (Ч.Чрн. Плехов, 1980 – С.Т.).

2. Треба ж [ведьме] малако – дак ана зделаеца да чужых кароў здоить. Жалуется баба: Не дае и не дае малака. Видаена. Ночю [дед] сеў. А куды захаваца у хлеве, шоб яна не бачила? Борану ви знаете? Пад борану да и сеў. Аж ана и иде. Дир-дир да аберучки [т.е. обеими руками доит корову]. Ен вилазить с-пад бараны. Сакиру ўзяў да ахнуў. Хатиў голаву атсекть. Дак шо ж, не пабачу, кто то е. Да ўзяў да юй руку атсек. Дак не рука была, а лапа катиная. Пашли, узнали узнали – аж кума. Юн жэ пашоў да кумы, а яна без руки. Дак ось твая де рука. И дал лапу катинаю (Ч.Рпк. Старые Яриловичи, 1980 – С.Т.).

XIII. ДЕМОНОЛОГИЯ

О русалках (1)

1. В нас старый людэ роскозували про русалкы так: которы дэ умырають дывкамы, старишы там, молодшы – альбы тылько дивчына, и йих одивають так, як одивають молодухы: кладуть вынкы, платте такое и всэ-всэ такое, одивають, як молодуху. Ну, и йих ужэ шчытають русалкамы. В той дэнь русальный, это ночью вжэ выходеть воны вроди вжэ навэрх, выхо-

деть воны из зымли, показующця такымы, як булы дывкамы. Ну, и так идуть воны вроди по жыты, по коноплях ходеть. И так всэ говорылы, шо так вжэ воны – знае, шо лякають – кое-кого зловьеть, то кыцикають. Но гэтого ж точно ныхто ны видав, алэ ж говорылы старыйи гэтак. Ну, й той ввэсь тыждэнь зовэщца вжэ русальный, од ныдили до ныдили. А пэршого дня – вжэ зовэщця *русалка* той дэнь, то вывышяють ужэ бабы пуд хатыю на насыльщю сорочку, андарак, хвартух и намытку. Это до сходу сонця. И висыть цилый дэнь до вэчера этз всэ. Шчытають, шо вжэ воны, ну, кажна вжэ дочка до свэйи матыра прыдэ и вона вжэ возьмэ там, як вона там ны вбрана, шо вона возьмэ вжэ гэтэ й вбэрэщця. Вжэ вона соби свободно ходыть цилый тыждэнь гуляе, бо маты йийи повишала пут хатыю тое, шо юй трэба. А которая вжэ маты ны повисыть, то тая русалка вжэ ходыть ныдовольна й плаче (Б. Дрг. Симоновичи, 1974 – С.Т., Ф.К.).

2. Бабы говорать, от лякалы: ны йды в жыто, ны йды ў жыто, бо як воно красуе, як краса это называеца, то то по-нашому красуе, от ны йды ў жыто, потому шчо русалкы ходять. И пуймэ русалка и в ступу, кажэ, тэбэ. То мы боялысь иты в жыто. И говорать – ў ступу вона тэбэ всадыть и товкачэм, то цыщка, это значыть, этою цыщкою тэбэ затовчэ там у той ступы, говорылы (Б. Брз. Спорово, 1974 – С.Т.).

3. Мни не попадало бачыты, я ни могу казаты, але Маня, Гумынова казала, бачыла, Манюха казала. Я ны видила, але я слышала од ейи. От вуна пошла в траву на *Намську труйцу* гэто. Вона була пошла за Бабоньку, в жыто, пошла в жыто травы нажаты, а после, кажэ, я бачу, думаю, ше нихто жнэ. Пудыходжу я туды, а там дивчата и хлопцы гуляють. Гуляють – тая в голубом платте, у костюмы, тая у розовому. Но то вона ходыла, ходыла од пэрэляку, бо вжэ она злякалась, она опомнилась, шо то тэпэрь той *росальный тыждэнь* и тэпэрь росалкы, той дэнь гэто воны не розыграх тых. И вжэ вона утикала, то она мни сама в Галены нашой роскazвала и клялась. Кажэ: "Тюточка, бачыла, коб я и ны виду, як шо бачыла". Вот тройца жывэ празьнык. Жывэ . . . жывых на тры дня, а посли от у чэтвэр ужэ по тройцы, ну, у нас называють намська труйца. Гэто ўмэрлых. И у гэтых ўмэрлых вжэ тыйи дивчата идуть, девкы, которы поумиралы, дивкы вжэ идуть гуляты воны по жытовы. А потом ужэ идуть воны на кладбишча и с сэбэ одэжу пэрэтрушвають, о (Б.Брз.Спорово, 1974 – С.Т.).

4. У меня была дянна – дядина жэна, я жэ была небольшая, годоў двенащать. Дянна попросила: "Идем, – кажэ, – побачым жыта". Зобрались и вышли у неделю. Пришли до свого загона, между жэрдочками перелезли и межэю скрозь так ишли. На половине прошли и давай мы это жыто колосочки глядеть, чи спелое. Коло межы был згорочек, там жыто спелейшэ було, и из другого загона на нашу межу вышла девочка такая красивая. Платейко так беленько, длинное, ног не видать, косы русые, мо, нижэ колен, рукава длинные, руки видно было. И так она проти нас стойить. Мы на ее смотрим, она на нас. Дянна кажэ: "Ой, што это?" А я кажу:"Не бойтесь, можэ, она заблудила. Позовём её к себе." И я гукаю: "Девочка, ходи до нас!" А девочка волосами закрыла лицо, очы не видно было, и повернулась к нам плечима. Тоды ужэ эта дянна девка крестищца. И больш мы её не збачыли, так як не было. Это было ф Хоромске (Б.Стл.Хоромск, 1976 – Р.А.).

5. Полю я лён, на полю. Ашч, кажэ, сыджю полю, полю . . . А знаетэ, колы оно бывайить – на русальны тыждэнь як то после трийцы, знаитэ? Аж,

ка́жэ, ба́чу: ой такы́е, ка́жэ, радо́к идэ́ дывча́ток. Иду́ть – так би́льша и так мэ́ньшэ, и зноў мэ́ньшэ, и мэ́ньшэ, и мэ́ньшэ, и таки́е малэ́нькие. Иду́ть и спива́ють. А я ка́жу: "Вы ба́чылы йих?" – "Ба́чила, ба́чила, то, ка́жуть, шчасли́вый чолови́к, шо зоба́чыит, ба́чыла". – "Ну, як же ж оны́ спива́лы?" То она́ нэ ти́лько мни роска́зывала, а роска́зывала богатём тако́. И, ка́жэ, иду́ть и спива́ють:

Ни мэ́й ни́жка ў ни́жку,
Ни си́й мукэ́ на ди́жку,
Бо вылы́кый грих бу́дэ,
Бо вылы́кый грих бу́дэ!

И, ка́жэ, иду́ть о ты́е руса́лке и так спива́ють. И ўже она́ мни ка́же, ця́я старя жи́нка: "Вы, ка́жэ, зна́е што – а колы́сь-то ти́лько пэкли́ хлиб, то за́ра купля́емо – и, ка́жэ, ны мо́жно си́яты муке́ – ну, така́ ди́жка е – на ди́жку нэ мо́жна. А вот но́ги мыешь ў та́зыковэ и – ну, ча́сами бэрэ́ш но́ги мыеш: ой, дыты́на, нэ мэй нога́ ў но́гу, бо то грих, нэ мо́жно так мы́ты но́ги, бо, ка́жэ, я чю́ла, шо руса́лке так спива́лы". Я нэ ба́чила, то я, зна́етэ, ны скажу́, а шо вона́ каза́ла, то я вам пэрэскажу́ (В.Квл.Поворск, 1979 – А.Т.).

Русальная неделя (2)

1. На руса́льну недзе́лю кали́сь *вадзи́ли руса́лку.* И сьпева́юць:

Проведу́, проведу́ руса́лочку до бо́ру,
Штоб руса́лочка не хадзи́ла,
На́шэо жы́щечка не ламі́ла,
Жы́щечка гусьщенька,
Под каласо́чкам тоўсьце́нька.

И тады́ венки́ е́тые скида́юць з гало́ў. А дзе руса́лка йшла, з беро́зы вено́к чэпля́юць уваро́та [кладбища]. Аччыня́юца ж на кла́дбишчы, дак чэпля́юць. Ну, и веси́ць, пака́ ужэ́ ву́сахне. [Русалку одевали] у бе́лае адзеные и зелёный вено́к да ро́завуй. А дзе́вушки други́е у вся́куму ра́знум. А венки́ сабе́ ко́жна саўе́ из цвето́ў, па ле́су нало́мець. Ани́ ужэ́ по гаро́ньчыках е цяпе́рака, дак нало́мець. Так уже́ ж русалка прайшла́. [Когда с кладбища идут], ну, тады́ хпо́пцы малады́е сабира́юца туды́. У нас о́т кла́дбишча, дак кана́ва та́мака, ля кла́дбишча ля са́маа. Венки́ е́тые пашшыба́юць ужэ́, ў го́ру падкида́юць. А е́тый вено́к, што руса́лка була́, дак паве́шаюць [на ворота кладбища]. Ну, тады́ сабира́юца дзе́ўки, спива́юць пе́сни таки́е ужэ́ да иду́ць да до́му. Да хло́пцы их – панамо́чваюць ро́зки, нало́мяць да хо́чуць пабры́скаць дзе́вак. Ну, е́та ж хло́пцы и дзе́ўки. Ани́ ж падзева́ные чы́ста. Хо́чуць пабры́скаць их. Дак хто куды́ попа́ла уцека́е. А ужэ́ кавале́р сваей ба́рышни – не баи́цца – то́льки тронь. Като́ры ужэ́ ве́ника намо́чыць – то́льки тронь, дак атпару́ па по́яса. Дак ужэ́ идзе́ сме́ла. И агни́ пали́ли. Бяро́сту здзере́ з беро́зы, берэсци́нку, да наки́не, да запа́лиць. Про́буе и агнём подпали́ць дзе́вак. Ганя́еца за дзиўками хло́пцы, як иду́ць ужэ́ ат кла́дбишча. А като́ры ве́ника намо́чыць з беро́зы, да у гразь, да хо́чэ брыскану́ць. Дак кавале́р у като́рай е, дак праведзе́, дак та́я не баи́цца. А като́ры дак бая́цца, уцека́юць.

[Русалкой выбирали] кого́ попа́ла, хто согласи́цца: я́, чы ву́, чы ани́, хто согласи́цца. О́т я́ бу́ду руса́лка. [У русалки венок] з беро́зы, здаро́вуй, аж ця́гнецца па земли́ (Г. Хнц.Дубровица, 1975 – С.Т.).

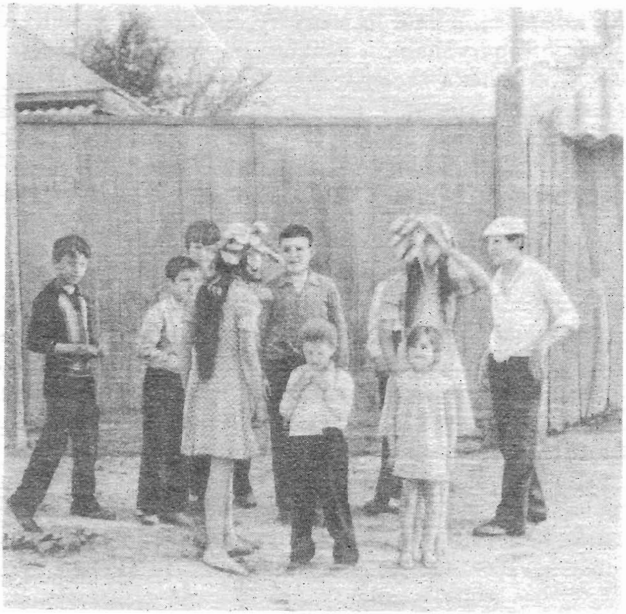


Рис. 16. Проводы русалки в с. Хоробичи Городнянского р-на Черниговской обл. Фото О.А. Терновской (1980)

2. У пе́рвы паняде́лак пятро́ўки. Канча́еца мясае́д, тэй, шо пасля́ па́ски, и у пе́рвы паняде́лак пятро́ўки *руса́лка,* вади́ли руса́лку. Де́лали вянки́, вядо́м у жы́та, пе́юм пе́сни гряны́е, вся́кие. Пляли́ венки́ и шли пе́ли даро́гаю:

Павяду́ я руса́лачку
Ад бо́ру да да бо́ру,
Ой, ки́ну ж я руса́лачку
Да й пайду́ да до́му.
Паве́силась руса́лачка
На бе́лай бере́зи.

А паваді́ўшы руса́лку, тады́ нясо́м венки́ на капу́сту, шоб росла́ харо́ша капу́ста. [Венки плели] из па́перети, о то рве́цца такая зеле́ная па́переть. Ве́ники с крапи́вы, як иду́ть хло́пцы, дак па нага́х жа́рили, шоб не падходи́ли. Адну́ убира́ють руса́лкаю, вяно́к на ей де́лають[тоже"из паперети"], и с крапи́вы хву́ост. Руса́лка, настая́шча руса́лка. В сяреди́ну ей стано́веть, а са́ми па бака́х у два ряды́ ци у три – ско́льки збере́ца диўча́т, и вяду́ть, и спива́ють. [Венок у русалки] до́ўги таки́ – ана́ жэ дли́нная па́переть. И так наприя́зуюуть и виси́ть. А тады́ ис крапи́вы хву́ост зде́лають изза́ди. А э́то ужэ́ ж руса́лку пад ру́чки вяду́ть, ана́ не ба́чыть ничо́га, б ў яе́ дли́нны вяно́к. И яе́ пад ру́чки вядо́м и пе́сни пее́м. И ана́ пое́т, и руса́лка. [Русалка может быть] люба́ дивчи́на, но на́йболе выбира́ли ту, шо пло́хо пе́е або зо́всим не пе́е. А ты́е, шо лу́чшэ пе́ють, дак ты́е стано́вяца поплёч, шоб ити́ и спева́ть хорошэ́. Ў жы́та вяду́ть. Про́ста даро́гаю так про́йдуть. Ну, зва́ли ж Чэрты́, бли́зка от, приме́рно о́н мо́гилки, а там позасева́но, дак ў жы́та абяза́тельна правядо́м, а тады́ ве́рнемось. Пало́сы зва́лись, о се во тут, шо пазасева́на. А та-

ды́ ужэ́ вянки́ ко́жда свой нясе́ на капу́сту, шоб расла́ харо́шэ. О. А крапива – шоб хло́пцаў жа́рить, шоб не падхо́дили. Дак ве́ник де́лали таки́, надева́ли на шост, шоб дале́ка даставать, шоб не падхо́дили. И твари́ли то, и крик там, и визг, и шо хо́чэш. А ве́ники браса́ли то́жэ там, ля капу́сты все, прила́ддя те все ки́дали там, ля капу́сты. Усё те брасали и шли ужэ́ да до́му спать. Часу́ ў час, ў двена́щцать, ў пол пе́рваго. Ў ве́чэри, ў но́чи, те́мна. Со́нце за́йде, те́мна вади́ли руса́лку. Не ў день, а ў ве́чэри (Ч.Грд.Мощенка, 1980 – С.Т.).

Домовой (3)

1. Ну, вот домови́к, ка́жуть, як излю́бить ци коня́, ци коро́ву, ци целя́ там, так ун так та худо́бина и ли́жэцца, и ўгла́жываецца, и, як не так харо́шая, попраўля́ецца. А кото́рую не злю́бить, си́льно ганя́е по хлеву́. И так ганя́е! От у мое́й до́чки целя́ було́. И мо́крэ и так, за́йдуть, што ка́жуть: пове́сьте зе́ркало, тре́ба пове́сить зе́ркало там ў хлеве́, де тэ́е целя́. От цепе́ра, от цепе́ра [это было]. Ўзяла́ да пове́сила, аль оно́ так гони́ло, што лете́ло, дак и тэ́е зе́ркало ски́нуло и поби́ло. От гони́ло! И таке́ хо́тке ву́крут, што ка́жуть: мо, нея́ка у тебе́ поганю́ка, ка, ву́кидай гной. Мо, там не́ка поганю́ка да го́нить ео́ – ну, мо, ци вуж, ци гадю́ка, ци што. И она́ и ву́кидала э́тый гной. Все раўно́ нима́ ра́ды, и пока́ не пришла́ жэ́нщчына не пошэпта́ла. Это буў са́мый домови́к. Пришла́, пошэпта́ла и што рука́ми зняла́. Нима́ ниякой поганю́ки, нима́ ужэ́ ничо́, й не го́нить ничо́. Ужэ худо́бина гла́дкая, харо́шая. Е́ лю́ди, што уме́ють шэпта́ть яо́, э́того домовика́. Як яо́ шэ́пчуть, то бог зна. А шэ́пчуть.

И ў хлеви́, и у ха́ти е домови́к. От прики́неца – иде́ чэлове́к яки́, а ун жэ не чэлове́к, а бо яо́ зна што таке́е. Он и соба́кой мо ски́нуца ци кото́м. Я ж вам роска́зувала, як у мене́ було́. Я була́ бере́менна вот э́туй до́чкой Мару́сей, ву ж ба́чили, ну о́. Ужэ́ мене́ тре́ба було́ роди́ть. Ну, на́ тэби́ – яо́ [мужа] суди́ли. Пошли́ да подговори́ли да пошли́ се́но красть. Пошли́ до колхо́зного се́на попа́ли. Да их ста́ли суди́ть. Ну, засуди́ли. А я, ужэ́ мене́ тре́ба було́ роди́ть. То яо́ засуди́ли, а я тогды́ й рожа́ла. Ну, на тэ́би, попопла́кала ве́льми, попопла́кала. То я тогды́ й рожа́ла. Вот и чу́ю, вот жэ ж вот и прихо́дить Эўхи́м [сын]. На пе́чи ле́гла да так ле́гла ни́цма. Ну, а по́тым ужэ́ чу́тно – оччыня́юца воро́та, иде́, иде́ чэлове́к и ўсе и пошо́ў у хлев, а он [сын] ка: "Ма́мо, а што э́то по двору́ хо́дить?" Я кажу́: "А я зна́ю?!" – "Я бою́са". А я ужэ́ и сама́ бою́са да кажу́: "То хойте на печ". Да ўсе на печ позбира́лиса да й седимо́. Наза́ўтрэ й ўста́ли, то ужэ́ ж я – як бу яки́ чэлове́к, коло хлева́ грязь жэ ж е, бо кто ж ходи́ў, бу́де след знать. Коло воро́т то́жэ ж, як оччыня́ло, так след. Нима́ ниде́ ничо́о. Пошла́ привела́ там стару́ю ба́бу и старо́го деда, а ниде́ ничо́о нима́. Ну. "Это, ка, – табе так здае́ца". Ну, што ж ты бу́деш говори́ть. Як таби́ го́ре, то людя́м жэ смех. Ну до́бре. От ужэ́ я ма́тер свою́ зыска́ла, она́ жыла́ там у сестры́ у Гриша́х, коло Заси́нцоў. И я написа́ла письмо́, штоб приежжа́ла ма́ти – нема́ спа́су, ужэ́ мне умира́ть тре́ба. И э́та ма́ти прихо́дить: "Ну, што табе́, на што ты жури́сса?" От, пове́сили колы́ску над пе́ччу, штоб тепло́ було́, она́ легла́ так на при́печку, то жэ при́печок жз буў, а я ле́гла о так ни́цма. Коли́ от иде́! Иде́, оччыня́е две́ри, а они́ ж замы́каные, и от иде́, иде́, да про́сто да так на мене́! На мене́, а я так у-у-ух! и схвати́лась. А коли́ ун ўпада́е с плэчэ́й рабы́й соба́ка. От як сего́нни

зна́ю. Рабы́й соба́ка. Я э́того соба́ку о так ну́сцэм, ну́сцэм, а ун пишчы́ть. Э то мать схопи́ласа да, мои де́тки дороги́е, да мене́ христи́ть, да мене́ . . . Я кажу́: "Он, соба́ку бей!" А она́ ка́жэ: "Де́ той соба́ка, да перехристи́са. Нима́ ниякóго соба́ки!" А я кажу́: "Он пи́шчыть той соба́ка". А она́ ничó не ба́чыть. Э́то самóй мне ли́чно було́. От э́то той домови́к. От, э́та ж ма́ти як побе́гла туды́ да принéсла мне свéчаного видуну́ и свéчаного усёго́, усёго́ свéчаного принесла́: свéчаной воды́ й свéчаных э́тых лушпа́ёк, от што як свéтять па́ску. Принесла́ э́то все де́ло, накури́ли мене́ и ка́жэ – той чэловéк, што дава́л э́то, ка́жэ, што хай она́ серед нóчи не иде́, а хай, як чу́тно, штоб я гóла, як мать народи́ла мене́, штоб той мак вот так от обсы́пала, три ра́зы обышла́ свое́ сели́шчэ. И так зроби́ла – де онó все и де́лось! Дак от я и кажу́, што пла́кать не тре́ба. Я от пополла́кала ве́льми да от э́тый домови́к и заигра́л коло мене́. Дак дóтыль бы ходи́л, дóтыль ходи́л, пока́ мене́ задушы́л. Вот и домови́к. Вот ли́чно мне самóй таке́ булó (Г.Ллч.Стодоличи, 1974 – С.Т.).

2. В нас говóрать, шчо есьць домову́й в кóжнуй ха́ты. Вун, гэ́той ву́жык, вужы́шка в кóжнуй ха́ты. То не́которы й ба́чать. Я одногó гóда тóжэ ба́чыла у́ сэбэ́ у́ ха́ты, ага́. И вун схава́еца ни́дэ, вун ри́дко колы́ ёгó поба́чыш, онó ди́ты . . . Ив нас говóрать: такы́и домовы́и, йих па́рочка за́вшэ жывэ́. В нас говóрать: е́сьли ёгó забье́ш у́ дому́, то вжэ тоби́ бу́дэ плóхо, плóхо в дому́ бу́дэ. И вжэ ёгó хто й поба́чыть, то в нас ёгó хто зна́е, шо то такы́й, то вжэ ёгó ны бье, не. Вун сам сэби́ ни́дэ пу́йдэ й схава́еца. А раз мы в Марковы́чах бра́лы я́годы, то пра́мо пры́дз ля в ха́ту, налле́ хазя́йка та́я кы́слого молока́ в мы́сочку и йих штук з два-тры пры́дз йи́сты. То мы раз пры́ходымо з тэ́ю хазя́йкою з я́гуд, з ли́су – аж лэжы́ть дви шту́ки закы́нутых в мы́ски. Ну, лэжы́ть дви шту́ки скручóных такы́х вужи́. Вона́ йих взяла́ вы́кынула да й воны́ нэ чэпы́лы. Налыла́ молока́ йим, это ква́шоного, воны́ пойи́лы й пошлы́ (Б.Брз.Спорово, 1974 – С.Т., Ф.К.).

3. Начава́ли на гунне́ у застарóнку на сие́не. Успали́сь. Анó прихóдить. Валаха́тэ, шэрсть на юм. И кóсы дóлгие, и шэрсь дóлга. И дава́й таптáть йих. Чэлаве́к не чэлаве́к, бо зна шо, хто зна, шо таке́. Ну, и ани́ у́жэ с тагó се́на павырыва́лись кой-я́к, папа́дали пре́ма, дóбра, шо салóма там ляжа́ла, а то б паубива́лися аб ток. И ужэ бóле не начава́ли. О таке́ було́. И у́жэ каза́ли, шо дамави́к. То на ягó ме́сте, де ён там жыу́, спау́, нельзя́ бы́ла лажы́ца там. У застарóнку то ме́ста бы́ло. Як би у дру́ге [место] десь лягли́, дак ничóа б ни було́, а то шо у застарóнку – и́за тагó. На яó ме́сте. На том ме́сте, де юн аддыха́л. А то [было] на балу́оте. Па́сли ску́от. И зна́чыть, ску́от палю́ог. И ми, зна́чыть, тóже жэ палягли́. Янó падхóдить и мене́ дубцóм: убира́йсь! Я у́стала – нема́ нигде́ ничóга. Зноу́ лягла́. Перехристи́лась, лягла́. А янó зноу́ дубцóм – у́бира́йсь! И няма́ ничóго нигде́. У́ста́ла – нема́ нигде́ ничóга. Зноу́ у тре́тя – як лыгне́ дубцóм: у́бира́йсь! Я у́жэ у́ста́ла, перехристи́лась, адышла́. И нима́ нигде́ ж никóга, ничóга, так. Тьма така́, те́мно, зна́чыть, так. У́ день да на́вись така́, погóда тьмя́на така́. Я узяла́ у дру́гэ ме́ста лягла́ да – бóжэ сахрани́ – у́жэ нишó не чапа́ло нишó. Дак тóжэ, каза́ли, шо то, зна́чыть, на домавикóво ме́ста лягла́. Дак праганя́у́. Да. (Ч.Грд.Мощенка, 1980 – С.Т.).

4. Мóжна у́ хлеву́ паба́чыть ла́сачку. Если не злю́бит лóшадь и карóвы, заласкóчет. Е́сли лóшадя лю́бит, дак кóсы заплята́е ему́ у́ гри́ву. [Говоря́т:] дамави́к заплята́е кóсы каню́. Дамави́к и ла́сачка – то адина́каво.

Ёсли дамави́к ло́шад лю́бит, дак у него [т.е. коня] гри́ва вся заплётяная каса́ми. [А почему иногда не любит?] Масьть, мо, не па двару́: ла́сичка е́сли чо́рна, чо́рнага каня́ палю́бит, е́сли бе́лая, то бе́лый конь па двару́. Хазя́ин дамавика́ кали́ ба́чит, ён жэ зна́е, яка́я у него́ масьть па двару́ вяде́цца, та ко́го и каня́ купля́е. [Помню, отец мой говорил матери:] "Пае́дем, ку́пим каня́ гнедо́го, у нас ла́сичка така́я и така́я, така́я у нас масьть вяде́цца" (Ч.Рпк.Старые Яриловичи, 1980 – А.Г.).

5. Замова ад дамавика: Цар дваравы! Царица дваранница! Твае дзетки паранятки! Дарую я вас и хлебам и солю милуйце и вы маих жыватоу, кармице их ярай пшаной, а паице их мядовай сытой, пакрыйце вы их шаўковай пеляной, блюдзице их ад чужога дваравога, ад чужога палявога, ад памежника, ад качарэжника, ад кустоўника, ад грабоўника (Г.Хнц.Дубровица, 1975 – Н.Т., переписано из тетради).

Волк-оборотень (4)

1. Пое́хаў чолове́к на по́ле ора́ть да хоте́ў се́яти жы́то себе́, а воўк пришо́ў, понима́эш, и хо́чэт отогна́ть жэрэбёнка ёго́. Так он дое́хаў до во́за да вэя́ў соке́рочку за по́яс. А воўк хо́чэ, понима́эш, отогна́ть да прибли́жыўся к ему́. А он ки́нуў соке́рку на тоо́ во́ўка, а воўк ў зу́бы ўзяў да й пошо́ў, понёс. Ту соке́ру. А вон [человек] пошо́ў у Лу́нинц ў во́лос, да была́ замыкана во́лось – а шшы [было] ра́но. Да зайшо́ў к сусе́ду, а вона́ соке́ра у его́ за ла́вою, соке́рка его́, позна́ў. За ла́вою – вот ту́то ўот та́ко жэ ла́ва к сьтене́ – за ла́вою ёго́ соке́ра: позна́ў топори́шче и соке́рочка ёго́. Вон стаў пыта́цца ёго́ сыно́ў: "Хло́пцы, – ка́э, – я вас попыта́ю: де то вы э́ту соке́ру мою́ взя́ли?" А воны́ ка́гуть: "Пыта́йтес на́шого ба́цька, я мы не зна́ем, е́то наш ба́цька". Вон пошо́ў туды́ пыд по́вець (вон [батька] там пыд по́вецю што-то роби́ў – ци бо́чки, ци там яку́ посу́дину роби́ў, не зна́ю), стаў вон, понима́еш, пыта́цца ёго́. Вон [батька] ка́гэ: "На́шо ты наки́даў на мэне́ ту соке́ру?" Воть як он вон ки́нуў на ёго́, сказа́ў ему́ э́так, а вон ка́гэ: "То я ж ки́даў на во́ўка. А як оно́ получы́лосо?" Но, а вон ка́э: "Ты ж ки́даў на мэне́, а не на во́ўка". Но, а вон жэ во́ўком буў. Вот э́то быва́е, я вам скагу́, быва́е е́ таки́е лю́ди, шо зро́блять, шоб вон на не́сколько год пошо́ў во́ўком – на се́м год, ци на пьять год, ци на . . . ци на ско́льки – такь и ски́нецца вон во́ўком да похо́дить. То ўот роска́зывали шо як ежэ́ли от бо́га дас воўк, то тэ сма́тнэе, шо вызнача́е во́ўку е́сьти. А кото́ро воны́ зада́влять са́ми – тэ несма́тнэе: и несолёнэе, и несма́тнэе. [А на свадьбе могут в волков обратить?] Могу́ть. И на сва́дьбе мо́гуть изьде́лати е́тэ, шо по́йдеш во́ўком. [Чтобы снять чары, нужно человека, обращенного в волка,] бить, пока́ ко́жа зле́зе – тогда́ сно́ва бу́де чолове́ком. Коло́м бьють. [Расколдованный человек может теперь навсегда обратить в волка колдуна, который его заколдовал:] кто тебе́ зьде́лал, да чэрэс его́ го́лову кинь э́ту рошшо́ску, [которой] рошшэса́ў волоса́, – он наўсягда́ бу́де во́ўком (Б.Лнц.Велута, 1976 – А.Г.).

2. Раска́зували: десь у лие́се буў пень таки́. По́йде перекули́ца и ста́не во́ўкам, а наза́д перекули́ца – изно́ў хло́пцам. Ис адни́м пашли́ ис тава́ришшем у лие́с па грибы́. Ну, и не нарва́ли грибо́ў. И тэй дава́й ўжэ куля́цца на пень на тэ́й. Перекули́ўсь и стаў во́ўкам. И пале́з у роў. А тэй ужэ паба́чыў,

де он перекули́ўсь, и то́жэ перекули́ўсь и во́ўками стаў. Дак тэй, шо уперо́д перекуля́ўсь, дак тэй ўжэ шось знаў и зноў хло́пцам стаў. А тэй, зна́чыць, аста́ўся во́ўкам, хади́ў ля сяла́ и так и уме́р во́ўкам (Ч.Грд.Мощенка, 1980 – С.Т.).

3. То було́ в старыну́, ста́рое, ста́рое врэ́мне. Ста́рое врэ́мне було́. И було́ . . . такый укла́д, шо, от, одэ́н дружко́ був на вси́ да́жэ сэ́ла: нэ однэ́ сэло́, то́лькы мны́го ёго́ просы́лы. И ужэ як вин нэ пи́дэ, то сва́дьбы нэма́. А е́сьли пу́йдэ сва́дьба бэз ёго́ винчэ́тыся, то вин прэвраты́ть сва́дьбу всю – вовка́мы пи́йдэ. От прыхо́дыть одэ́н и гово́рыть: "Дава́йтэ, я бу́ду у вас дружко́м". Бо вин пудобэшча́в одны́м и нэ пушо́в, а сам пошо́в до другы́х. Ты́е оби́дэлыся, пла́чуть. Прыхо́дыть до йих другы́й, мужчы́на такы́й, и гово́рыть, шо "Дава́йтэ, я вам бу́ду за дружка́". – "Ой, дэ́ там! Нэ, нэ пи́дэмо, бо мы боемо́ся". Ну, тут ба́чать, ка́жэ, ужэ́ идэ́ сва́дьба. Пушла́ та сва́дьба, той пэ́ршый дружко́; повинчэ́лыся, прыхо́деть и госьце́ть. А та́я сва́дьба, друга́я, шо тэн прышо́в мужчы́на, то вин пошо́в по́сьле винчэ́тыся. Вот воны́ повинчэ́лыся, иду́ть воны́ з цэ́рквы, а той дружко́ пэ́ршый, той са́мый зна́хур, вы́лиз ў окно́ до полові́ны и крычы́ть: "Но!" Шчо́бы поби́гла та сва́дьба вовка́мы. А той дружко́ другы́й, вин знаў чы́шчэ за ёго́ да ка́жэ: "Тпр-р!" Як вин каза́ў тпру, дак той в окни́ и сыды́ть. Пошлы́ та́я сва́дьба повинча́лыся, прышлы́ наза́д, и си́лы и госьце́ть, а той дружко́ всё в окни́ сыды́ть. Тут бэда́! Сва́дьбы ужэ́ нэма́ – дружко́ в окни́ сыды́ть! Пошлы́ оны́ ёго́ просы́ты, шоб вин прышо́в да ёму́ шось зробы́в, шобы ёму́ вы́лызты. Ну, той прышо́ў, дру́гий дружко́, и гово́рыть: "Ну, выла́зь, хва́тыть тэбэ́ сыди́ты тут". Вы́лыз той и дава́й госты́ты. Прыхо́деть воны́ ра́зом, си́лы за сты́л и дава́й воны́ госты́ты. Той дружко́, шо сыди́ў в окни́, и ка́жэ: "На, од мэнэ́ вы́пэй". Той вы́пыў, дру́гый дружко́, а вин взеў ёму́ так зробы́ў, шо ёму́ повыла́зылы вси зу́бы. Той жмэ́ню взеў зуби́ў, потре́с, потре́с, усы́паў в рот – и зу́бы ста́лы на ми́сцэ. А той гово́рыть до того́, шо зу́бы вста́выв: "Дава́й, ты ж вы́пэй допи́р од мэ́нэ. Я од тэбэ́ вы́пыў, ты од мэ́нэ вы́пэй". Як вин вы́пыв од е́го, то тэ́му вы́лэзлы о́чы. Як вы́лэзлы о́чы, то вин тогди́ ка́жэ: "Ну, лю́дэ, тэпэ́р роби́тэ сва́дьбу хто колы́ хо́чэ и бэри́те дружка́ хто яко́го хо́чэ. Вин ужэ́ би́льшэ дружко́м нэ будэ́, бо вин слэпы́й". Е́то ста́рый . . . шо на́шы де́ды так роска́зувалы. Е́то шэ, мо́жэ, мий пра́дед, мий дед говоры́л, шо ёго́ дид так говоры́ў. О, е́то далэ́кая исто́рия. [Где это происходило?] Я ны зна́ю, дэ було́, э́то . . . то́чно ж я нэ зна́ю, я нэ допыта́лаcа, а шо там . . . Як я шэ була́ мала́я, то я ту́ю исто́рыю чу́ла, а за́ра то гово́рать, так погово́рують е́и, да гово́рать, шо то пра́вда була́. Да колы́сь вэ́льми мны́го знахори́в было. Ныхто́ нычо́го нэ зро́быть бэз зна́хора; ве́дьмуў, знахори́ў.

[В волков обращали только на свадьбе?] Ты́лько на сва́дьбу, ка́жуть, а в друго́е врэ́мне нэ. Мо́жэ, и моглы́ в друго́е врэ́мне, мо́жэ, дэ таки́е и булы́, хто их зна́е, а́лэ во врэ́мне сва́дьбы е́сьли той дружко́, о, ўжэ ёго́ хто нэ во́зьмэ, то вин обьяза́тельно прэвраты́ть у во́вка. Вся сва́дьба пи́йдэ вовка́мы. [А потом он их назад обращает?] А пото́м наза́д: похо́деть . . . вин йим заклада́е, на ски́лько врэ́мне – на два́ го́да, на го́д, на ски́лько на ми́сяциў. Вот воны́ и хо́дють . . . Зало́жыть, на ски́лько врэ́мне шоб воны́ ходы́лы. Бува́лы таки́е, о, роска́зувалы ста́рые лю́ды, шо бы́валы таки́е, шо коли́на ў йих таки́е потри́сканыи булы́, стра́шныи, пооблу́плююца, шо то хо́дють и на коли́нах и уся́к ты́е вовкы́. О. А йи́сты, роска́зувалы, ты́е, шо булы́ лю́дэ

вовкáмы, то роскáзують, шо йисты хоть, кáжэ як мнéса прынэсэ́ш, дэ-нэбу́дь прынэсу́ть, то хоть по попэловы потегáй, дэ огóнь горы́ть, о, то там посóвають, посóвають тóе мнéсо и йидéть и ужэ́, кáжуть, смачни́йшэ. Ну, они́ ж лю́дэ. Ну, а вин их пэрэвэрну́ў вовкáмы, они́ хóдять. [А как он их в людей обращал?] Ну, нэ знáю, такы́й заговóр. Тóлькы словáмы, заговóр. [Только в волков обращали или еще в кого-нибудь?] Не, не, в вовкóв, ты́лько в вóвков, говóрать. Я так чу́ла – ты́лько в вовкóв (Б.Млр.Олтуш, 1977 – А.Г., С.Т.).

Черт (5)

1. Ну, гавари́ли, шо хади́ў [черт] да тагó, да тагó хади́ў. Були́ ж таки́е при́знаки, шо. Выглядáў мужчы́наю таки́м, як салдáт. Ис пéраду салдáт у ку́зиках, а ззаду ки́шки вися́ть. Ўсе тэ трéбухи вися́ть. А с пéрэду таки́ герóй сяди́ть, а зáдам павéрнеца – всé гóла. Нóги е да таки́е, прóста, знáчыть, карóвячые да нóги ж. На галавé примéрна так: и кóсы é и, шо хóчэш мóже удáца, é у ёгó. И рóги ж е, бувáе з ўся́к, шо з рагáми, бувáе, шо и без рýог. Мо и ў шáпке кали́, у картузу́ (Ч.Грд.Мощенка, 1980 – С.Т.).

2. От як то колы́сь, бáчытэ, справля́лы Андрэ́я. И дивчáта всё знóсять, и тэ звáреть, и тэ звáреть, липлять пэрушки́ – Андрэ́я справля́ты. Ну, шшось самá ди́вчина. Иднá хитра ка: "Давáйтэ пи́йдэмо у двох, хлóпциў покли́чэм". А там блэ́зко нэ було́ хлóпциў. Тэ й пошли́, тэй вы́шли на у́лицу. Так до хáти надыйшли́ та й гукáють: "Хлóпци, хлóпци! Ходи́тэ до нас Андрэ́я справля́ты!" Однá кáжэ: "А ны кричи́. Бо, мóжэ, шо лыхé прикли́чиш". Онá ка: "Агá! Тэпэ́р жэ по двори́ хóдять хлóпци, то почу́ють. Те ж знáють, шо мы Андрэ́я справля́ем". А яки́сь подхóдить: "А шо вы, дивчáта, хóчете?" – "Та мы, – кáжэ, – Андрэ́я справля́емо". Хлóпиц, настоя́щий, оди́тый таки́й, прóсто у чóрному, краси́вый пáрень. – "Так скийко вас, дивчáта?" – "А нас, – кáжэ, – дэ́сыть ди́вчын!" –"Ну, то, – кáжэ, – я привэду́ хлóпциў". И пошóў. А ужé двенáцать часóў нóчи. – "То йди́тэ, готóвтэсь, стáвляйтэ пу-на столи́, бо мы поприхóдим". А иду́ть – прóсто ка, як иду́ть, то гэть эн аж зимня́ трысэ́ццяю. Шшось такэ́ иду́ть. Ужé ж вóны не наэвáли хлóпциў – ужэ́ ж воны́ чóртуў назвáли. То прихóдить и выдэ́ вин тих дэ́сить хлóпциў. Як раз по пáри всим. Нимá ли́шнии ни ди́вчини, ни хлóпця. А йиднá такá хэ́тра на столи́: "Ой, шшо ж?" Тáя замéтила, шо то ужэ ны хлóпци, глéнула: ужэ́ нэ такá вóбув, як у хлóпциў. Прóсто нэ чэрэви́ки, а прóсто так то во таки́ во, як то у тогó мэдвидя́ нóги. Онá обмылá хáту, глéнула, а оны́ вси во так поховáлы [ноги]. Онá кáжэ на одну́ ди́вчыну: "Ты знáеш шо, то, – кáже, – ны хлóпцы". Так ны́шэчком шэ́пчэ: "Ой, то шóсь лыхé". А она: "Гей ты, дóля! Тикáймо! Утикáймо!" Винóсим сми́тя. А вэ́чурам кóлысь сми́тя нэ мóжно бы́ло выкидáты на у́льцю. А ужé час нóчы. Ужé всэ на столи́, и ужé кóжэн сиби́ бирэ́ ди́вчыну. И пришлá вонá, ногóю товконýла шэ иднý, кивнýла, вы́шла, ка: "Утикáймо!" А тáя ка: "Трáба всим утикáты. Шо ж мы утичэ́м, а тых шо? То ни хлóпци, то яки́сь звери́, поприклыкывалы. То давáй мы утрóх утичэ́м". Оны́ як побíглы, утиклы́, а ты́и остáлысь. На дру́ги дэнь прыхóдять – нымá ны днэ́й ди́вчины. Там головá удризана, там рукá дóрвана [т.е. оторвана], тут убъйи́дено всэ, повыéдювано, порвáно всэ, а на столи́ як стоя́ло э́то всэ и всэ стои́ть нытрóнутэ, нычóго ны йи́лы. И так воны́ попырэлéкувалыся, то й тыпэ́р говóрать: ах, Андрэ́я бу-

дэм справляты, прыде той Андрэй! А ну его, кажэ, шэ, можэ, яки чэрты попрыходять, так як и росказують стары люди, шо як було. То кажэ, мы будэмо так робиты. Ужэ тыпэр этой Андрэй ныколы ны выповняють, ны справляють, шоб то его справлялы. Боýця, шоб хлопциў. А як справляють, то самы дивчата, ужэ ны гукають тых хлопциў. Вот и всэ (В.Квл.Поворск, 1979 – Ю.С., Н.Т.).

3. Вот я, кажэ, йиду лодкою, дывлюсь, кажэ, – кай вэсла йдэ дитятко такэе маленькэ, голенькэ. Я, кажэ, пхнусь и воно йдэ, я пхнусь у води и воно йдэ, тэе дитятко. Так, казал, можэ, два километры воно йшло за йим. Гэто вун въйихав в лис каналом. И подъйихав – таки корч, казаў. В Роздёрах гэто. В Роздёры въйихаў вун и ужэ, кажэ, пуд той корч як увлизло тэе дитятко, у той корч да пошло выхром, да пошло шумлячы. Нэма ужэ того дитята. Загынуло. Алэ выхор такый с того дитята, с тэи воды! Вода в гору изнялась да у той корч. И пошло шумлячы, лисом, и вжэ бульш вун ныщ ны бачив. Ну, гэтэ говорать, гэтэ вжэ чорт. Вун тыбе шутыть. Йихав, йихав, посли ужэ забравсь да й полэтив (Б.Брз.Спорово, 1974 – С.Т., Н.Т.).

4. Мене дажэ самой було. Рабила у школи. Вот здесь биля клуба школа была. Папоў дом на школу буў. Памила, замкнулась. Нихто ня влезе. Лягла. Шибачка была вот такая о, кватирка, дети вибили. Ставнями я закрыла и закрутила так. Лягла. Чую – иде. Ис цвинтара иде, ля цэркви цвинтар. Иде. Дашоў сюды да акна. Тут стаўну скрып. И я чую. И упала та, шо я залажувала картонкай. Сюды ветрам таким шухнула. Я лежу. Иде. Аччыняе дьверы. А я на стале спала. Ў класе. Кажух падаслала и спала. Заходить. "А-а-а! Ты сьпиш?! Я дохтор, -- каже. – Ты бальна. Я дохтар". И як у мене у кохте тэй быў викат таки. И рука валахате така притулилась, валахата рука. Ис шэрстю. Я не бачыла морды. Бо темно, ня светилось. Ис шэрстю рука во так як притулилась. Я – о-ой, госпади! Перехресцилась и у други клас и пабегла. И школу кинула нязамкнуту. Кинула и рабить. От, ей богу, истина праўда. А шо янэ таке, бо зна (Ч.Грд.Мощенка, 1980 – С.Т.).

5. Иду я раз в вэчыри до дому. Выйшов я на Муховэць. Аж до мынэ пуд ногы котык всэ котыця. Шо гэто, думаю. А вын всё пуд ногы, а вын всё пуд ногы. Ну, я й догадався, шо вжэ гэто . . . Був у мынэ кый. Взяв его в ливу руку и от сыбэ як тяў его. Як зашумыть, як закрычыть, як полытило в сторону. "Ой, забыв, ой, забыв, ой, забыв! – крычыть. – Ой, забыв!" Я зайшов до дому, шэ вывьёв жынку, шэ й тоды все крычяло и далеко: "Ой, забыв, ой, забыв, ой, забыв!" От. (Б.Дрг.Симоновичи, 1974 – С.Т.).

6. Ехала я з лесу. Бацько мене вупарвиў да дому. А патом музика заиграла. Я думаю – ета и на самум дзеле музика. Так заиграла, як бы палкавая. Дак я без унимания, шэ як бу веселей мни стала. А патом бацько дагнаў и незабаўна ўубегла ета козка – беленька. Помню, як севоння. Вубегла ета козка, и ужэ – му тут самейкам на хутари жыли – и приехали да дому, и бацько ужэ мацеры начаў расказваць, што ета пужало. То я ужэ – а то ж я не вельми и разбираласа – ужэ худко я смеканула, што ета нехарошае дзела. От яна стане, наперод нас забежыць да и ружки паставиць да и пазирае. Дак бацько валами абъедзе ее. Дак праедом трохы, зноў забегае наперод и пачши да хутара да нашаго так рабила, ей бо. А я тагды . . . Вот цепер дак я малитву знаю: "Да васкресне бог". Есьли пужае, никада поўз не идзи, а идзи середзинай, кудою лошадзь ходзиць [т.е. по колее], и кажы: "Кажнаго дыханя

хочэ божаго павелення". Никагда не бачицьмеш ничога (Г. Мзр.Жаховичи, 1975 – С.Т.).

7. Ета мой бацько пакойник расказвав. Хадзиў ахотник у лесе. Ну, найшла хмара и стала гремець. А пад тым пад вуваратнем такее незвесна што. Вуйдзе и не можна признаць, што таке. Ён стаиць, ахотник, далеко и не видно яго. Вуйдзе и – з извиненем – паказвае ж . . . пад гром, як гром гремиць. Каму ж ён паказвае – богу паказвае. Ну, дак ён пабачыў, паглядзеў да зарадзиў винтоўку да стрелиў да й убиў яго. Убиў яго да ўжэ пашоў да пабачыў. Дак не то целя, не то сабака, не то хто е ведае, не можна ничэго признаць што такее. А ета говораць, што ета ўжэ буў лукавуй. Во так гавораць. Ну, ён приходзиць да дому и лёг спаць. Лёг спаць, заснуў. А яму сьницца: приходзиць дзедок да й кажэ, на имя яго назваў. "Вот ты знаш што, сматри штоб ты двэнаццать ночэй и двэнаццаць дней не йшоў никуды у лес, никуды у лес коб не шоў. И вуйдзи так от, як от стане цемнець, штоб ты никуда не йшоў, як стане ужэ ноч находзиць. И вуйдзи так от, як шчэ добрэ не сцемнее, зайдзе сонцэ, не сцемнее, и ты вуйдзи и будзеш слушаць, што в лесе рабицимэца". Ну, ён так и зрабиў. Вуйдзе ужэ вечэром и слухае. Дак у лесе и ломицца, и трашчыць, и пишчыць, и бог ведае як ета ўжэ шум вельми велики. Ета ўжэ яго шукають. А ето самый то йих старшой буў, а ён яго убиў. Яму ж так, наверно, ужэ бог так даў, штоб ён яго убиў. Ну, и ён так и зрабиў. Двэнаццаць дней и двэнаццаць ночэй никуда не йшоў ўжэ, не хадзиў, бо "будуць яго шукаць, а цебе убьюць". . . А ето хто сказаў. А ето не дзядок, да бог. Бог, спасицель сам (Г.Мзр.Жаховичи, 1975 – С.Т.).

8. Шли з гульни, ми ўтраём, деўки. Шли, и лятела такая, як гарохава капица ангяне. И тут от, эта за Марусею тепер дом, ўжэ там избушка старая, старые бабы жыли. И лятела, и ў дваре ў комин так и павилось. Яна ж то, видно, зналася з йим, дак ён да еи лятал. Лятела с пастоника так, як капица така большая, чао наложана, агняна, такие клаки агня. Из агня с таго зложана такэ агнянэ. И лятело, лятело, и ў дваре искры, и ў комин таким каромыслам туды шухнуло. И мы вернулись, и ў людей начавали, и да дому ня пашли, палякались. Нячысцик – шо ж боле то лятело. Не було ж ни галавы у юм, ничога. Ну, таке ж агнянэ, дак боле жэ шо (Ч.Грд.Мощенко, 1980 – С.Т.).

Лесовик (6а)

1. [Когда ребенок (мальчик) плакал по ночам, говорили:] "Госпаду богу памалюся, госпада бога папрашу. Святой, причыстый, ўуйду я за варота, крыкну лисавому дзеду: лисавой дзед, лисавая баба Марыня, твая маладзёнка не переспалася, не перепужалася, не перегулялася, а мой маладзён [имя ребенка] перепужаўся, переспаўся. Святой Маисей, буў ты пад зимелью, хадзиў ты у паднибесью, бачыў ты сон спасны-ясный рабу божаму Сашку на спання, на гуляння, на лёхка прыяцця ўздыханне, каб ён пиў, и еў, и спаў, и целу прыбуваў." [Если плакала девочка:] "Твой маладзён не переспаўся, не перепужаўся, не перегуляўся, а мая маладзёнка перепужалася, переспалася [и т.д. Читать три раза на воде, которую затем дают ребенку].

[О лесовом деде и лесовой бабе рассказывают:] ў лесе е дзед такий, у него баба Марына. Хадзяин леса – буйный, губы великие, нос великий,

сам агро́мный. Барада́ па по́яс, барада́ и ўусы́. [Люди поехали в лес, сели у костра. Дед вышел к ним, а люди стали в него кидать головнями.] Губа́ми здоро́выми как ду́не – галавни́ разлете́лись. Адзе́жа або́рвана, в ве́чэри у него́ адзе́жа бле́шчець. Ба́ба, как ба́бы по-ста́раму адзеюца: андара́к [т.е. юбка] кра́снай, хва́ртук, капта́н – жыле́тка така́я, чо́рные и кра́сные быва́ла шы́ли. Ху́стку но́сит пад бо́раду. Скот не чапа́юць и людзе́й. Не чапа́й йих – и яны́ не чапа́юць (Г.Хнц.Золотуха, 1975 – Е.С.).

2. Пошла́ по я́годы жэ́ншчына, и вона́ одышла́ от корзи́нки. Круну́ласа сюды́ – нема́е. Ходи́ла, ходи́ла вона́. От, здае́цца, от я здесь станови́ла ту корзи́нку. И соба́ка була́ з е́ю – и соба́ки нет и корзи́нки нет. А вона́ гово́рить: "Лиснэ́й хозя́ину, покажы́ ми, де моя́ корзи́нка". Так вона́ сказа́ла. Сюды́-туды́ она́ круну́ласа, ба́чыть – аж корзи́нка ей стои́ть и соба́ка лежы́ть (Р.Дбр.Сварицевичи, 1978 – Е.Д.).

3. Идэ́ чолови́к, заблуды́ў. Чу́е – гука́ють его́ по ли́су. Ба́чыт: сиди́т на дэ́рэве, постола́ плетэ́, ў капэлю́шыке. Подывиу́ся: "Я до тэбэ́ нэ шо́ў, шо ты мэнэ́ кли́каў". Пля́хнуў рука́ми – бу́ра схопи́лася и всё скры́лось (Б.Пн. Лисятичи, 1981 – Л.У.).

4. Замова ад лясуна: Хаджу па лясах, па кустах па имхах па лыкадзёрах, па глиницах, па чарницах, па малинах, – куды ни хаджу, николи не блужду; сонца па сонцу месяц па месяцу; пры чыстых зорках, пры вячэрних зорках, хаджу не блуджу, а табе, лясны хадзяин пакорнасць, аддала; ад мяне, раба атшатнися у бярозу абярнися (Г.Хнц.Дубровица, 1975 – Н.Т., переписано из тетради).

Межник (6в)

Ў по́ли няльзя́ спать но́ччу и кла́сти на мяжы́, бо но́ччу е́зьдить мяжни́к. Када́сь на́ша ба́ба Ду́ня [в поле копала с отцом и матерью картошку. Отец с матерью погрузили мешки с картошкой и поехали отвозить. Мать сказала Дуне:] "Сяди́ ж, жди́, [мы скоро приедем". Они уехали и забыли приехать назад.] И Ду́ня там и застала́ся. Астала́ся, заначава́ла и лягля́ на межу́ у двана́ццать но́чы. И вот засия́ло перед е́й сия́ние, и ана́ прахапи́лася и дыви́цца: стаи́ть конь и дя́дька на кане́. Сиди́ть блишчы́ть, як чалаве́к на кане́, и яе́ як патя́не пу́гаю – и неть ничаго́. Ён пу́гаю тра́снуў. И на́ша Ду́ня так пэрэляка́лася, шо шэпта́ли. Нельзя́ спать на мяжэ́, бо мяжни́к е́зьдить ў двана́ццать часо́ў. По́сли двана́ццати няма́ ужэ ничо́га, як у двана́ццать пяту́х заспява́ў. Мяжни́к – э́та про́ста ад го́спада бо́га по́сланае. Праве́ршчык таки́й, правяра́е межы́, паля́ (Ч.Грд.Хоробичи, 1980 – А.Г.).

О ведьмах (9)

1. Як де́ўка ўро́дыть де́ўку, а воны́ тыж де́ўкою ўро́дыть де́ўку, так тре́тья бу́дэ вэ́дьмоў (Б.Лнц.Велута, 1976 – Н.М.).

2. За нэчы́сту сы́лу нэ зна́ю. В нас обшэ́ про нэ́йи нико́лы й чу́тки нэ було́, а от нашчо́т виде́м, то в любы́й дэнь мо́на поба́чыты. Найби́льш воны́ ў но́чи промышля́ють. Ви́дьма мо́жэ появы́тысь в любо́му вы́ди, ти́лькы нэ в выгляди люды́ны. Вона́ мо́жэ бу́ты жа́бою, соба́кою, короле́м, коня́кою. Ви́дьму обшэ́ мало хто ба́чыть, бо вона́ ду́жэ поворотка́, и колы́ шось зами́тьш в одно́му бо́ци и бу́дыш там шука́ты ви́дьму, то там йийи́ вжэ нэма́. Ви́дьму

трэ́ба вэнава́ты по ти́ни и по ти́ни бы́ты. От, колы́ кы́ныш чымсь на нэ́йи го́стрым и шось видруба́йиш, то на другы́й дэнь мо́на иты́ до тэ́йи люды́ны, яку́ пидозрива́йиш, и поба́чыш, шо в нэ́йи або шось видру́банэ, або синя́к в тому ми́сьци, куды́ ўци́лыш. Так и ўзна́йиш, шо це ви́дьма.

У нас нэ чу́ты, шоб у купа́льску нич ви́дьма шось робы́ла. Ви́дьма опа́сна для скоти́ны тым, шо мо́жэ наклы́кать яку́сь боле́зь на нэ́йи, шо и на ногы́ нэ ста́нэ. А то шось як зро́быть, шо до обисьця́ коро́ва нэ хо́чэ иты́, забыра́е молоко́ у коро́вы. На́вить мо́жэ зробы́ты, шо коро́ва почнэ́ кроўлэ́ю дойи́тысь, а тоди́ й зо́ўсим вы́мне засо́хнэ. Би́льшись ви́дьма, пэрэтворы́ўшись в жа́бу чы соба́ку, ссэ молоко́ з вы́мэни. Бува́е и такэ́, шо ра́но, ко́лы шэ ху́добу в по́лэ нэ выго́нять, ви́дьма бэрэ́ ви́шкы и идэ́ у по́лэ, дэ коровы́ бу́дуть пасты́сь, и на ци ви́шки збира́е ро́су, а прыхо́дыть до дому́ – пови́сить йих на кило́чку и з них молоко́ ка́пае (Ж.Анд.Степок, 1975 – Н.С.).

3. Я раз иду́-иду́ и дывлю́сь око́ла. А як раз жа́ли ярову́ю, и ба́чу жэ́ншчину, яка́я забира́ла матки́. Я хоти́ла пидойти́ до ейи́, но шчо-то злякáлась, стра́шно зробы́лось. А з то́йи жэ́ншчины зробы́лась коро́ва. Я утика́ла, и вона́ биго́м-биго́м поби́гла. Я за огра́ду пэрэли́зла, а вона́ ста́ла и одозва́лася го́лосом жэ́нским: "Твое́ шчя́сте – мое́ нышчя́сте" (Б.Брз. Спорово, 1974 – Н.В.).

4. Кали́сь жа лю́ди де́лались и пятуха́ми. Кали́сь жа я ишла́ с Ули́таю, Ули́та и ка́жэ: "Ти, – ка́жэ, – не бу́деш ба́ящца, як я ста́ну пятухо́м?" – "Не", – кажу́. Гля́нула – вана́ ста́ить пятухо́м, крила́ми треп-треп и пее́: "Ку-каре-ку́!" Я як ша́хнула, не агляда́ючись (Ч.Рпк.Старые Яриловичи, 1980 – О.Т.).

5. Коли в купальську ніч відьма перетворюється в жабу і йде доіти корову, потрібно її переламати ногу, тоді на другий день можна дізнатись, хто відьма. Або взяти попелу з вогнища (купайла) і пересипати ним дорогу, то корова відьми буде ревти і не зможе переступити попіл. Або коли в купальску ніч сісти на порозі і при світлі місяця лівою рукою вимикати три нитки і перетягнути через дорогу, корова відьми теж не піде. Коли в купальську ніч взяти найпершу достиглу маківку і ходити з нею по вулиці, то після півночі обов'язково зустрінешся з відьмою (Э.Овр.Людвиновка, 1975 – М.Тм., запи́сь на укр. языке).

6. Мне поко́йник дед так раска́звав, шо в Коко́рыщы был такы́й видьма́рь, и тэ́е сэло́ называ́лось Гэро́ды, тэ сэло́ Гэро́ды назва́лось, дэ вун бу́в, о. И вун помне́р, той видьма́р, так дава́й ходы́ты з могы́лы до жу́нки свэ́йи, о, и здива́вся во́зле свое́й жэны́. От зали́зэ на чэрда́к, на ха́ту, поскыда́е всё с ха́ты, о, а по́сле знов пу́йдэ в хлив, скоты́ну всю вы́жэнэ с хлива́ – одны́м сло́вом, здива́вся. А по́тум вжэ вун и ходы́в так до ейи́. А по́сли вона́ поло́ла лён, и вун вжэ як прышо́в до ейи́, да вжэ в лён ны пошо́в, да ка́жэ: "Вы́йдзы з э́того льну." – "А чо́го?" – вона́ пыта́е. – "Бо мни, – ка́жэ, – ны мо́жна в гэ́той лён иты́. Это, – ка́жэ, – лён такы́й называ́ица лу́шчык – дру́го наси́нне, лу́шчык лён". Ага́, так вона́ ж догада́лась: ага́, тоби́ ны мо́жна, так пожды́. А в ейи́ було́ гэтэ си́мне, и вона́ обсы́пала вси хоро́мы свойи́ в кругову́ю, но и ка́жэ он: "Шча́сте твое́, а мое́ нышча́сте, вжэ ты бо́льше бы на сви́ты ны була́ б – тэбэ́ б уныстóжыв бы". И вона́ пошла́ до Бэзди́жа, в дру́гу дерэ́вню, ба́тюшка був, и гэтэ ба́тюсци росказа́ла. А ба́тюшка сказа́в так, шо "Я прыйи́ду, и мы роскопа́ем ёго́. Я с такэ́й кни́жкою сватэ́й, сваты́м писа́ннем прыду́ и бу́ду закля́тие ёму́ робы́ты, як роскопа́ем ёго́. И трэ-

ба тако́го кола́ загостры́ты осо́вого и ёго́ пэрэкы́нуты до горы́, и ёму́, зна́-чыть, вбы́ты в ро́т кола́ до зэмни́, з могы́лы вы́кынуты ёго́, з гэ́того то́ есть, ис тру́ны, з гро́ба, и ёму́ вбы́ты кола́". И́ так зде́лали: вбы́лы кола́, и закля́тие такэ́е зробы́в, и вжэ бульш ны пошо́в. От э́той муй поко́йный де́душка роска́зывав, шо то то́чно пра́вда була́.

Тогда́, как булы́ курны́ ха́ты, ны такы́йи дома́ бы́ли – ку́рны, о. И́ там, дэ пич, там такэ́е за́ткало було́, кэб дым выхо́дыв. За́ткало, ды́рка была́ навы́лёт, о. И вон ту́ю ды́рку возмэ́ да пробье́ той видьма́р, пробье́, вы́кынэ ла́тку ту́ю, тра́пку, и дра́жныцца проз тую ды́рку з дитьмы́. Гэ́то то було́, то вон роска́звав, в Спо́рув прыхо́дыв. А старыкы́ ба́чылы знов, як вун чэрэз о́зэро идэ́. Вода́, а вун в таку́ю колю́биль сады́цца, и як идэ́, то но вода́ в го́ру стовпо́м лэты́ть и в Спо́ров а́льбо с Спо́рова туды́ в Коко́рьщу. А вжэ як э́тэ закля́тие зробы́в ёму́ ба́тюшка, и вжэ всё прэкраты́лось э́тэ де́ло. То то поко́йник муй де́душка роска́звав э́то де́ло и говоры́в, шо то и́стинна пра́вда (Б.Брз.Спорово, 1974 – С.Т.).

XIV. АСТРОНОМИЯ. МЕТЕОРОЛОГИЯ. ВРЕМЯ

Лунные пятна (5)

У Яда́ма и Е́вы было́ два сы́ны. Оды́н зва́вся Ка́выль, а дру́гый Авэ́ль, о. И Ка́вэль Авэ́ля нызнавы́дыв. И Авэ́ль займа́всь . . . управле́в по́ла, на по́лэ хозяёва́в. А Ка́выль був охо́тником, и Ка́выль нызнавы́дыв того́ и ду́мае: "Ха́-но, мы пи́дымо на полёва́не и забъю́ я тыбэ́". От, и вин ёго́ взев – сам быв охо́тником, а его́ бу́льбы-то за гончака́ взев. Ка́жэ: "Пойдём, ка́жэ, брат, дэ шо заполю́ймо в корчи́". От, воны́ пушлэ́. Эй, той заси́в за корчэ́м и той ка́жэ: "Ты будь гунчако́м, гоны́ яко́го зьвэ́ра, а я бу́ду стрэле́ты". Ты́лько той одыйшо́в, а той иза ко́рчыка и ба́хнув ёго, забы́в его́. Ут. Ма́ты дожыда́ла-дожыда́ла, ци́лый дэнь жда́ла – его́ и ны дожда́лася. Допе́ро в ночы́, всырэ́дь ночы́ та й пошла́ сама́я шука́ты, о. Та йшла вона́ поля́мы, лиса́мы, вут, его́ найшла́, но́гы свойи́ гэть пори́зала по ками́ньях, бо зэмне́ ками́нная была́. Пори́зала гэть но́гы. От, вона́ ёго́ найшла́, взяла́ на пла́тье, понэсла́, до шатра́ – бо колы́сь у ша́трах жы́лэ лю́дэ. Ну, от, и госпо́дь дав так, шо на ми́сяцовы знак, шо то воны́ оды́н друго́го забы́в. Вын из ружа́ быв, а то лю́дэ гово́рять, шо заколо́в, шо на ми́сяцовы отого́ знак, о. Заколо́в штэко́м цы чим, а то чыта́иця, вут, шё забы́в (В. Ртн. Пески, 1979 – А.Г.).

О том, как опасно работать в праздники (9)

1. Свя́тки, от ражэстве́ньские, дак тре́ба гляде́ть йих, бо атража́еца [на] навараждённао: и́ли теля́, и́ли дитя́ ў као́. И́ли переся́. Мо́жэ без ж . . . ради́ца, мо́жэ там галава́ як на́бок, мо́жэ шо хо́чэш изде́лаца. Як шо де́лае, а на тэ́ атража́еца. Таки́е светки́, шо берегли́сь. Дро́ва руба́ть нельзя́. Малати́ть там, шо таке́, гно́ю викида́ть нельзя́. Ну, о́т таки́е рабо́ты – прясть, ткать нельзя́, вить ничо́о нельзя́, о. И на тро́ицу, и на па́ску светки́. Бог лю́бить тро́ицу. Три дни ничо́га не да́лають, ничо́га. От у нас адна́ хади́ла бере́менна и тро́ицэю ўзяла́, пякли́ хлеб, и насе́кла заки́нуть дру͡бў. И ради́ўсь хлопэц. И губа́ пересе́чана, абыкнаве́нна. И тепе́р жэ ён жыве́. Ла́дили, ла́дили и аста́ўсь так (Ч.Грд.Мощенка, 1980 – С.Т.).

2. Дед быў плóтничыл, дак тóжэ рубáў прáзникам. Не кóжэн жэ день гуля́ли. От як, хоть и празник. Дак не кожэн день гуля́ли, а раби́ли. Дак, казáў, закру́чую, кáжэ, тые рóзги да ў гру́бу пхáю. Да цэ и гари́ть ужэ́ жэ́ ў гру́би. Кали́ – навелá свиня́ парася́т, аж нóги, кáжэ, о так позакру́чуванэ у парася́так. Ня ў ўсих, були́ и спрáвныя, були́ и таки́е, шо нóги позакру́чувалы. Дак ён тады́ и кáжэ: "Я, – кáжэ, – й поду́мал – надáрам шоб ничóга не раби́л, дак óсь де де крути́л тые крутяни́, дак парася́там нóжки позакру́чувало". От як. А шчэ булó аднó. Це ужэ́ при мене́. И ру́бáе ж ён, рубáе. Авéчки у хлеве́. Ўжэ, то ж ўжэ берóм у хáту, як марóз вели́кий, ягня́тка, а то ўжэ ж не брáли. А чогó се так наш барáнчик ви́рас ўжэ – пéред высачéнный, а зад – тэ́е, немá. А тóльки ни́зенький. Я палéзла у хли́еў, улави́ла тэ́е ягня́, аж, ви знáете, зáдние нóжки па калéна кóстак немá. А тóльки капшуки́. Дак ён кáжэ: "Дак о це я зноў такóй шкóды зраби́ў. Не гляджу́, ду́маю, шо се я лю́дям раблю́". Бо он жэ лю́дям крóсна ўжэ на нарáды раби́ў, дак шчэ дая́рки раби́л. "Це, – кáжэ, – маи́ шту́ки". От як. [Работал на праздник.] Янó не савсéм шоб вяли́ки прáзник, а бувáе ж так, шо и не трéба, а ён клю́кае. От як. А ў вяли́кие празни́ки ён не раби́л. Не раби́л. Дак ци́ело ли́етечка барáнчика тагó дóма держáли с чадáм. И ви́рас абикнавéнный, тóльки шо кóстак немá. Пацáпали – капшучки́ о таки́е и ён на тых капшучкáх хóдить. А стёгна ж ўжэ é. О. (Ч.Чрн.Плехов, 1980 – С.Т.).

XV. ДОЖДЬ. ГРОМ. ГРАД

Вызывание дождя (1)

1. Вот як немá даждю́, дак идóм па сялу́. Сабирáимса ўдóву [т.е. вдовы], дéвяць ўдоў сабирáимся и цéту пéсьню паём: "Дзéва Мари́я да й парадзи́ла бóжаго сына . . .". Идóм па сялу́ и паём éту пéсьню. Дзéвяць баб саберéцца таки́х. Адзеёмса чы́сто и идóм. Тóльки идóм нóччю, в дзень не иду́м. Тóльки нóччю иду́м. Ну от начынáим у вéчэрэ, там у часóў у вóсим и́ли у дзéвяць часóў. Иду́м и ноч хóдзим ужэ́. И му хóдзим . . . коб нам нихтó не мешáў, нихтó ужэ́ не хадзи́ў, не мешáў. И му абóйдум вакру́г, тры рáзы селó абóйдум от так за сóнцум, за сóнцум иду́м и тры рáзы абóйдум. И вот ужэ́ абóйдом сялó, идóм ужэ́ селóм, паём. Ужэ́ бáбу чу́юць нас, шо му иду́м, ужэ знáюць. Нóсяць грóшы нам, нóсяць éтые канапли́, прáдзьво éтэ во. Му берóм и саберáимса в адну́ хáту ужэ́. Ужэ́ на дру́ги дзень сабирáимса и ўсé садзи́мса праду́м. Дзéвяць éтых баб, скóлька у нас и е, ўсé прадóм. Му прадóм, падаём от верацéна тые, ру́чайки таки́е, и ани́ ужэ́ снуюць на сьцéну, ужэ́ сную́ць, а му праду́м. Аснуюць, навьём на нарáд, ужэ́ на перамéну – то тáя, то тáя. Шэ й до вéчэра ву́тком. И ужэ́ вéчэром навáрим вечэ́ри, падгатóвим ужэ́ што там, што у катóрыи е, принесé и вазьмóм у магази́не, вазьмóм и падгатóвим и ужэ́ ся́дом. Пастáном, памóлимса бóгу и пася́дом, памóлимса бóгу, павечэ́раем, разóйдомса и той ужэ́ рушни́к, таки́ от як с аднагó куткá и от да éтаго куткá, таки́ во то рушни́к на ўсю хáту, аснуём на калóчки и ужэ́ сни́мом ягó и накру́цим на таку́ю наву́йку. И ужэ́ ся́дум, ужэ́ то тáя, то тáя – то и за дзень и ву́тком. Ужэ́ коб за дзень зраби́ць, пакá сóнцэ не зáйдзе. Ужэ́ му и ву́тком, ужэ́ бо му старáемса, ву́тком. И ужз му павечэ́раем, пагаду́ем и берóм, ужэ́ катóрая берé с сабóй éта, пóйдзе ужэ́ на рéчку. И éтаго рушникá му ешчэ́ затыкáем, затыкáем на краю́х таки́м крáсным и чóрным утыкáем,

канцы́ пазатыка́ём, и на ре́чку. Уже́ яго́ ву́пером, ву́качаём харашэ́нько и ужэ́ като́рая идзе́ у цэрко́ў и у цэ́ркви над ца́рскими врата́ми паве́сим яго́, то ужэ́ абрака́емса . . . Та́к от хадзи́ли да пе́ли да се́ли ве́чар вечэ́рать, а хма́рка ни ссюль ни стуль найшла́ и до́жджик прайшо́ў. То не бы́ло дажджя́ да все карто́шки ў́се папа́дали. Е́та дау́но́ ужэ́ бы́ло. Адзе́немса чы́сто и идо́м, чы́сто адзе́тые, у ху́стачках все иду́ць. Хадзи́ли и пе́ли. Скрузь як хази́ли, так и пе́ли е́ту пе́сьню, канча́ли и начына́ли, канча́ли и начына́ли.

Як нема́ даждю́, дак украдо́м гдзе у еўре́юў – кали́сь то бы́ло дау́но́ еўре́и тут жэ жы́ли у нас, а цяпе́р жэ нема́е, то кали́сь, шэ як я малада́я была́ – дак украдо́м глады́шку да у кало́дзезь бух у жыду́ўску ки́ном. И то́жэ ка́жуць, што возьме да дож пу́йдзе.

Як даждю́ нема́ до́ўго, дак у тры кало́дзези мак сы́плюць, дак ужэ́ дождж пу́йдзе. И е́сьли вот пага́нэ што, то́жэ абсыпа́юць видуно́м, като́ры сам насее́ца, не абу́яки мак (Г.Мзр.Жаховичи, 1975 – С.Т.).

2. Чэсная удава павинна исьци на поле, дзе пасецца скот, раздзецца. Яна бере ваду з сабой и на тым поле яна павинна памыцца. Гэта вызывала дождж. Яшчэ удава сыпиць у тры калоццы максамасейку, свецяць и сыпяць у калодзец воду пасвяцонную. Крадуць набожник у суседзей, памочуць у ваду и назад павесяць, тольки каб хазяйка не ведала (Гом. обл., село и автор неизвестны).

Обход села во время засухи (1а)

Ек ны було́ дошчу́, то ходэ́лэ с процэ́сыйию, и я ходэ́ла. Цэ́рква вжэ була́ закрэ́та, вжэ склад, зирно́ лыже́ло в цэ́рквы. И нас зобра́лося дэ́килька баб. С цэ́рквы ико́ну нея́к було́ взе́тэ, бо цэ́рква була́ закрэ́та. Из цэ́рквы ико́ну ны бра́лэ. Алэ́ мы з ико́ныю йшлэ. Ни́котора ба́ба взяла́ ико́ну, Ма́тер бо́жа була́, ручныко́м тако́ звэ́рху, той ручнэ́к так от ек у мына́ он дэ ви́сыть. Зобра́лыся, пошлэ́ до цэ́ркви с тэ́ю ико́ныю, пуд двэ́ры. Пуд цэ́рквыю помолы́лыся, ты́йи моли́твы, шо за́вшэ, и попросэ́лэ бо́га дошчу́ – суш выли́ка була́. Пуд двырэ́ма, напро́ть двырэ́й, шоб цэ́рква откры́та, то й зайшлы́ б у цэ́ркву. Мо́глыщ ны обхо́дылэ, а пушлэ́ на сыло́. По́сля обыйшлы́ всё сыло́ вкругову́ю, по-за хата́мэ, оно́ тых хат, шо хутыри́ пуд Высхо́дамы, то ны зайнялы́. Од цэ́рквы йшлэ на зы́ход [т.е. на восток]. Поплава́мэ йшлэ, пуд Сэ́моновськэ, пуд Былэ́нськэ. А йшлэ, то спыва́лэ, все врэ́мне спыва́лэ, ты́йи писни́, шо в цэ́рквы спыва́ють. "О́тчэ наш" спыва́лэ, "Го́споди поми́луй", ну, й такы́йи пысни́. Була стара́нька така́я, то всю по́ру спыва́ла. Зра́зу нас було́ баб с пъеть, пото́м с сим, а пото́м, мо́жэ, й з дэ́сыть назбыра́лось. Обыйшлэ́ мы око́ло сыла́, знов до цэ́ркви, ко́ло двырэ́й помолэ́лысь, попросэ́лэ бо́га дошчу́ и розыйшлэ́сь. И ны зна́ю, чы на дру́гы, чы на трэ́тий дэнь до́шчык пушо́в. Ны зна́ю, чы от того́ воно́ чы од друго́го, алэ́ пушо́в.

Шэ я помыта́ю от шчо́. Оно́ ны зна́ю, чы гэ́то од дошчу́, чы од боле́зни якэ́йи. Я роспыта́ю одну́ старэ́ньку ба́бу, то я вам ни́колы роскажу́. Тка́лы кро́сна. За ныч вы́ткалы гыбу́ на ручныкы́. Зы ныч усе́: и спре́лэ, й основа́лэ, й вэ́ткалэ, й на ручныкэ́ пори́залэ. Стое́в крыж, на той крыж ви́шалэ (Б.Дрг.Лосинцы, 1978 – Ф.К.).

Утопленник как причина засухи (2)

Ба́ло, як ныма́ до́вго дошчу́, то ска́жуть, шо потопэ́лныка закопа́лы ны лыбо́ко, то й ныма́ дошчу́. Ныц ны робы́лы, з могы́лы ёго́ ныхто́ ны выко́пував – дэ ж гэ́то, коб з могы́лы выко́пуваты. Алэ́ потопэ́лныка трэ́ба зако́пуваты лы́бэй [т.е. глубже]. Трэ́ба, коб до ёго́ вода́ пудхо́дыла, трэ́ба, коб вын у води́ був. Раз вын хоти́в воды́, то трэ́ба, коб був у води́, трэ́ба ёго́ лыбэ́й. Як су́ша, то ска́жуть: а, гэ́то ми́лко закопа́лы потопэ́лныка. Ёго́ на молыцях хава́лы и кры́жа ста́вылы. Ба́тюшка ко́лысь ны хоти́в иты́ потопэ́лныка хава́ты. А як прыхо́дыв, то, му́сыть, ны спыва́в "Со святы́мы упоко́й", алэ́ я гэ́того ны зна́ю, в батюшо́к свойи́ зако́ны.

Ба́ло, як су́ша, то ка́жнэ просы́ло бо́га: "Дай бо́жэ дошч", "коб госпо́дь до́шчык посла́в, бо всэ повысыха́ло". Ба́ло, стары́йи ска́жуть: "Вси проси́тэ бо́га, вси: и вытэ́, стары́йи, проси́тэ, и вытэ́, молоды́йи, и вытэ́, диткы́, шоб дав быг до́шчык". Помыта́ю, як була́ су́ша, як ны було́ воды́ корова́м пы́ты, то копа́лы ямы́ в стру́зы. Стру́га й так ны́зька, то коб було́ лы́бэй, то в стру́зы копа́лы. Шэ була́ до́шка поло́жана на я́мы, то по до́сцы ходы́лы чэ́рпаты во́ду. В одну́й я́мы, то був втопы́вся хло́пэць, така́я була́ лыбо́ка я́ма. Тых ямэ́й ны засыпа́лы, воны́ са́мы постипе́нно заплыва́лы.

О, в Лосы́нцях, то шэ ныда́вно, як ны було́ дошчу́, то бабы́ с процэ́сыйию ходы́лы, дэсь в 1959–1960 ро́ках. Да походы́лы ты́йи бабы́ с процэ́сыйию, да й пошо́в дошч. Да ста́лы лю́дэ говоры́ты: "Чому́ ты́йи лосы́нськи бабы́ рани́й с процэ́сыйию ны пошлы́, мо́жэ, впыри́дж дошч пошо́в бы". О, трэ́ба Саве́ты роспыта́ты вона́, му́сыть, ходы́ла (Б.Дрг.Симоновичи, 1978 – Ф.К.).

Обращение к покойникам во время засухи (4)

Иду́ць челове́ки в по́ле к раўчака́м и гука́юць Ива́на, Петра́ – уто́пленникаў – и про́сяць: "Да́йце нам дашча́". Кали́ умира́е пако́йник, ему завья́зываюць че́люсць ма́рлей. Её храня́т. Несу́ць её в по́ле, там па́ляць и про́сяць: "Нам, гаспо́дь, пашли́ до́ждик" (Ч.Грд.Хоробичи, 1980 – А.К.).

"Куст" (8)

На тро́ицу *куста́ воды́ли.* Гэ́то называ́ють ку́ста. Ходы́ты – э́тот обы́чай называ́ецца *ку́ста, ў ку́сту ходы́лы.* Наража́ють де́вочку: ле́нты, цвэты́, вэнки́ з бэро́зовых ли́стев, [березовые ветки] – и хо́дять и пою́ть. Наража́ють любу́ю, кото́ра согласы́цца. Дивча́та хо́дят по двора́м, по дэре́вни иду́ть, тро́ицу пою́т. Разрэшэ́ння хозя́ина про́сят. Поздравля́ют хазя́ина и хазя́йку с пра́зником. Пою́т ўме́сте одну́ пе́сню. Пе́сень мно́го тро́ицы есьть. [Наряду с собственно кустовыми песнями поют и веснянку:]

Вэсна́ красна́,
Шчо нам ви́нэсла [вар.: "прынэсла́"]?
Ма́льчыкам по кый́чку,
А дэ́вочкам по вэно́чку.

И насобыра́ють всёго́, хто што даст: хто де́ньги, хто са́ла, хто яи́чка, хто хлеб, – и вэ́чором погуля́ють, вэ́чор де́лають. [Или:] На тро́ицу пойдэ́м ўсе ў куста́. Одэ́нут де́вушку молоду́, як молоду́ю, [и парня, как молодого]. Цвэтки́ в грудь шпиля́ют. В вэлюне́ хо́дять. [Если фаты нет, то из] цвэто́в

во́нчики [делают и кладут молодой на голову:] с чэрёмухи, сиро́ни ве́тку нарво́м, вэнки́ плэто́м. Кустовы́е [толпой ходят по деревне и поют под окнами:]

Повэдо́м-ко куста́,
Гдэ сочи́вочка густа́,
А коло пэ́нька
Да нэма́ ничого́нька.
Вы́йды, вы́йды, на́ша па́ни, из поко́я
Да́ вынэ́си, вынэ́си три ру́бли с собо́ю.

Гро́шы собира́ют и пра́зник здэ́лают, гуля́нку (Б.Пн.Ковнятин, 1981 – А.Г., А.Ст.).

Тушение пожара (12)

1. Як з гро́му ха́та згоры́ть, бэру́ть ска́тэрку, шо мы сва́тымо па́ску, то мы трыма́емо тры ро́кы. То вдовы́ця бырэ́ ту ска́тэрку и розбира́еца гэть, да́жэ и ху́стку скида́е, и круго́м бэжы́ть тры ра́зы и ска́тэркою маха́е. От ха́ты маха́е, на сто́рону. Ого́нь одра́зу ў го́ру подо́ймыця и ўжэ ны́гдэ нэ по́йдэ (В.Ртн.Щедрогор, 1979 – С.Т.).

2. Мяшо́к, абы то́й, шоб у нём мука́ була́, ви́сипана мука́, на ру́ку паве́сиў да бяри́ чалави́ка пад па́хам [т.е. под руку] и гавари́: "Аго́нь, хвали́ ён, я тябе́ упраша́ю, я тябе́ и умаля́ю, у чи́стае по́ле ссыла́ю – на пачуле́ння, к бра́ту на паведе́ння. Святы́ Спас, пами́луй нас". [А потом:] "На си́нём мо́ри залаты́м ко́рчикам во́ду бра́ла, о́гнику палива́ла. О́те табе́, во́гнику,

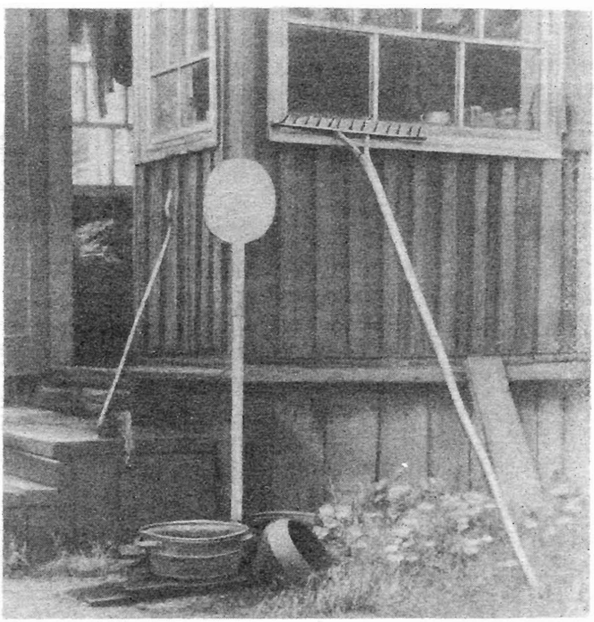


Рис. 17. Отгон градовой тучи с помощью хлебной лопаты и грабель (с. Тхорин Овручского р-на Житомирской обл.). Фото М.Н. Толстой (1981)

па зямле́ не растила́цца, па кры́шы не валива́цца и сто́лпам у го́ру падыма́цца" (Ч.Рпк.Воробьев, 1980 – О.Т.).

3. [Обходили хату с иконой Неопалимой Купины и говорили:] "Гость наш неожы́даный, гость наш неспади́ваный, не разлива́йсь, вада́, не развива́йсь, дым. Иди́, дым, у го́ру к ми́ластиваму бо́гу. Го́спади пами́луй". Разо́ў три сказа́ть (Ч.Рпк.Злеев. 1980 – А.Г.).

4. [На Бориса и Глеба, чтобы уберечься от пожара, говорили:] "Бо́жэ сахрани́, свято́й Михаи́л, взайди́ на Сия́нскую го́ру, и вазьми́ о́гненный мечь, и угаси́ аго́нь, и атдели́ во́ду ат земли́, и аде́нь во́ду ло́ем [т.е. жиром], ры́бу лу́скаю, а люде́й аде́ждаю" (Ч.Грд.Хоробичи, 1980 – О.А.).

XVI. РАСТЕНИЯ

Троицкая зелень (4)

За́ўтра тро́ица, у субо́ту ми́ем, прибира́ем у хата́х, я́русу нарву́м, пакида́ем. *Ма́ю* зеле́наго, ну, дубцо́ў яки́х налама́ем, ў ха́ту стано́вим [по углам]. О цэ ж я́рус пораскида́ли и дажыда́ем до Тро́ицы. И три дни ужэ́ не чэпа́ем, три дни не чэпа́ем сёго́ я́русу – ляжы́ць на масту́. О. И ха́ты не мято́м три дни, о, а тады́ ужэ́ сабире́мо. От я ужэ́ во, собрала́, звяза́ла, а умру́, дак у гроб покладу́ть. А май поприбира́ем тады́ да . . . А ў мене́ он ешчо́ и тяпе́р у вуглу́ стаи́ть. ["Май" делают из разных деревьев.] То и бере́зы кали́сь станави́ли, у дваре́ паста́влеють бере́зы, таки́е красиве́нькие виру́бують и стано́вять у дваре́ – май. И ў дваре́ май стано́вять и ў ха́ти стано́вять май. А ў ха́ти ўсю́ди, где хто хо́ча – па угла́х, ўсю́ди. Я от настрека́ю, мае́ прие́дуть и ка́жуть: о, ба́ба шчэ ма́ю не поприбира́ла. [Во дворе ставили] штук пьять ци шэсть, а двуо̑р здаро́ви, дак так у рядо́к, у рядо́к

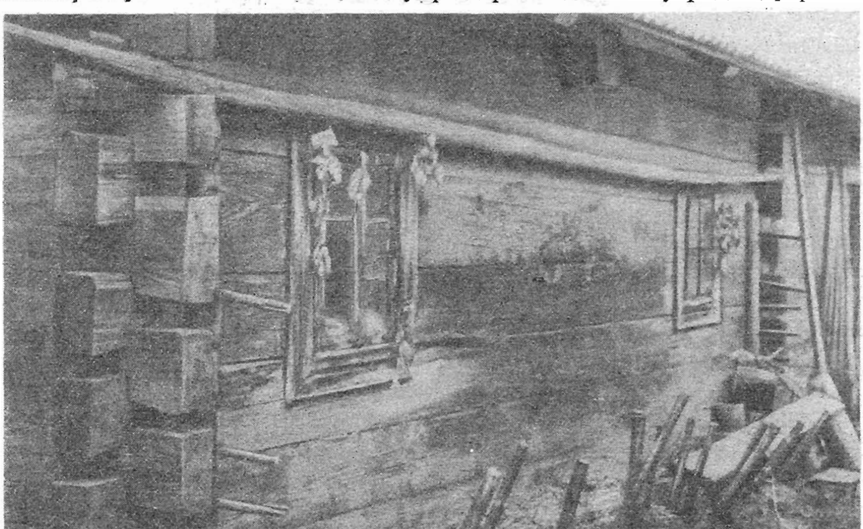


Рис. 18. Стена дома в с. Осовая Малоритского р-на Брестской обл. Видны колки для снования, нарисованные мелом крещенские кресты и сохранившаяся с начала лета троицкая зелень. Фото А.Ф. Журавлева, О.А. Терновской (1977)

поўко́пывають кали́сь бере́зки. Поста́влеють так рядко́м и па-ўз се́нцы, тяпе́р сяне́ц няма́, кали́сь жэ се́нцы . . . , дак па-ўз се́нцах та́кочки поста́влеють. И ў це́ркви ста́влеють, о те ж, як тро́ица ж, дак и в це́ркви бере́зки стано́веть рядко́м. Три дни гуля́ем тро́ицы, а на чыцьве́рты ужэ́ беро́мось за рабо́ту (Ч.Грд.Мощенка, 1980 – С.Т.).

Огород (7)

1. Гавари́ли, як раса́ду несе́ш, [в корзинку] ка́мень палажы́ и на гря́дку ка́мень. Панесла́ капу́сту [т.е. рассаду], плато́чкам накри́ла, шоб бе́лая була́, шоб качаны́ були́ бальшы́е и бе́лые, чи́стеньки, беле́нечки. Плато́чак харо́шы, празнико́ви. Зверну́ла яго́, тады́ гавара́ть: ”Расти́, капу́стачка, бальша́я, харо́шая”. Е таки́е, шо гаваря́ть, шо и пасиде́ть на́да. Гавари́ла адна́ жэ́ншчина: ”Як саджу́, гаво́рю: расти́, капу́ста, харо́шая, така́я, як я!” Руса́лки право́дили, ве́черам де́лаем венки́ з бяро́зы и качанки́ венка́ми абкла́дуем. [Припеваем], як то: ”Ива́на Купа́ла, шоб капу́ста не прапа́ла, а харо́шая расла́”. Де́ўки ко́сы паплю́ту́ть из травы́, як руса́лки во́дять. А тады́ касу́ ту́ю хто на капу́сту кладе́, хто дамо́й нясе́. Ви́сохне, тады́ у хлеў атнесу́ть, где каро́ва стаи́ть. Ана́ там прито́пчыца, у наво́з пападе́ (Ч.Рпк. Скиток, 1980 – О.Т.).

2. У нас когда садят капусту, то приносят ведро воды и поставят на грядку и положат камень. Вода – чтобы была всегда влага, а камень, чтобы твердая капуста. И берут две рассадины и делают крестом на голове, чтобы была большая, как голова. Вот так у нас садят капусту. Кончат, то воткнуть осиновую палку, чтобы не зурочыть (Б.Млр.Олтуш, 1981, из письма О.Д. Авдиюк).

3. Як лук са́дять, дак у нас адна́ и дру́га [соседки] у ра́зных ко́ньцах стано́вяцца, та́ко уткну́ть ру́ки ў бо́ки и пля́шуть од кра́ю [грядки] до кра́ю. А пато́м адна́ и дру́га чэрез гря́дку цалу́юцца, штоб лук сла́дки быў (Ч.Грд. Мощенка, 1980 – Е.Мр.).

4. Як гарбузы́ [т.е. тыквы] са́дят, на́да маўча́ть. Як паса́дят, трэ́ба пакача́цца, шоб стели́лись, шоб уража́й быў до́бры. [При этом раскинут руки,] шоб ру́чки [т.е. ботва] прастира́лись (Ч.Рпк.Злеев, 1980 – О.Т.).

XVII. ЗВЕРИ

Встреча с волком (1а)

1. Я́к вавчы́ца ска́жэ, так и е. [Один человек] вази́ў пасажы́р [вид экипажа]. Е́хаў па даро́ге [и видит: на дороге волки,] двана́ццать штук. Ён пады́шо́ў перад валка́ми, стаў на кале́ни: ”Здра́ствуйте, бра́ццы, прапусти́ть, пажа́луста, мяне́ даро́гу!” Вавчы́ца адна́ паперэ́д[вышла] и павяла́ всех из даро́ги. Кагда́ те́чку во́дить, ужэ́ яна́ и́ми кама́ндуе. [Говорят также, что,] як стрэча́ецца воўк на пути́, дак е сло́ва: назави́тя сваи́х ради́теляў мяртвы́х тры чалаве́ки – и не вазьмёт (Ч.Грд.Хоробичи, 1980 – А.Г.).

2. [При встрече с волком, чтобы он не тронул,] скажы́ ваўку́ таму́: ”Дамаво́й хазя́ин, старани́ даро́гу” (Ч.Рпк.Старые Яриловичи, 1980 – А.Г.).

3. Як зоба́чыш одного́ во́ўка, то кажы́: ”Воўк, воўк, гдэ ты бу́ў, як Су́са Хрыста́ роспына́лы [вар.: ”на роспя́тые бра́лы”]? И як два во́ўкы, то ска-

жы́ так: "Воўкы-воўкы, дэ вы были́ тогди́, як Су́са Хрыста́ на роспя́тые бра́лы [вар.: "роспына́лы"]? И воўк не ўку́сыть, у ёго́ зу́бы замыка́юцца (Б.Пн Лисятичи, 1981 – А.Г.).

Зимовье змей (2)

1. Гово́рать, шо колы́сь оды́н хло́пыць пошо́в на Ива́на Покры́вного по грыбы́, а то сьве́то воно́, рокове́ сьве́то, и нэ годы́цця, гово́рать, иты́. Ну, от вин пошо́в и попа́в в ту духо́выну, дэ вужи́ зла́зяцця, и став вужэ́м. Став вин вужэ́м и ко́шыка як поста́выв ко́ля тэ́йи норы́ и сам полі́з туда́. От, ёго́ поста́вылы – вын такы́й вэлы́кый, то́встый став – и ёго́ поста́вылы нача́льником, царо́м над ты́ми всы́ми ужи́мы, яки́ там былы́, в тый духо́выны. От, и быв ци́лый рик до того́ са́мого дне, в якы́й дэнь вла́зыв, до Ива́на Покры́вного. А вжэ вдо́ма по яму́ жу́рацця, шо вжэ вын пропа́вшый, – ну, це́лый год нэма́, то жэ ж ка́ждый ска́жэ, шо вжэ пропа́в. Ну, эгэ́, год вы́йшэл, той са́мый дэнь прышо́л – Ива́н Покро́вный, а то вжэ . . . а ты́йи, як ты́йко пэрэзымова́лы, полі́злы, а вин шэ . . . полі́злы, порозла́зылыся, повыла́зылы и пошлы́, от, всю́дэ, дэ хто хоти́в. А вын вжэ му́сыв бу́ты, бо ж вун нача́льник, управле́вся йи́ми, му́сыв бу́ты, пилнова́ты того́ всэго́, шо там е. Ох, колы́-но то све́то прышло́, Ива́н Покры́вный, одбы́лось, о, вжэ сказа́лы: "Выхо́дьте, ка́жэ, вжэ иды́ты, куда́ до́ты буў". Вин ужэ́ выла́зыть с тэ́йи норы́, так са́мо вужэ́м вылазыть шэ – а так бы ны вы́лыэ, як бы лю́ды́ною быв. Оо, ды́выцця: стойи́ть ёго́ ко́шык коля норы́, ныхто́ ны взев того́ ко́шыка, и грыбкы́ там, в тым ко́шыку, у. Ну, прыхо́дыть до до́ма. Тут ужэ́ зра́довалыся, шё вын прышо́в: "Ой, а дэ ты быв, а дэ ты быв, ци́лый год мы тыбэ́ дожыда́лы. Ох, мы ду́малы пропа́шчэй, а ты шэ жывэ́й. А дэ ты быв?" А вын заче́л роска́зываты, шо, ка́жэ, попа́л до тэ́йи духо́выны, дэ вужы́ зло́зылыся, и сам став вужэ́м, замэны́вся вужэ́м. Вот, ка́жэ, и заста́вылы минэ́ лі́зты туда́ с собо́ю ужи́ и поста́вылы мынэ́ там нача́льником, о, и ка́жэ, там стыл стойи́ть, ла́мпа горы́ть, ну, ка́жэ, и ко́мната така́я, така́ ко́мната – та, ийк, ийк у дому́, ў людэй. Ну. (В.Ртн.Пески, 1979 – А.Г.).

2. Зме́и у вы́рай, ка́жуть, палзу́ть. У и́х есть я́ма бальшу́шшая в лесу́, и яны́ спалза́юцца все туда́. А цэ на здви́жэнне. На здви́жэнне пашли́ па грибы́, да яны́ паўзли́ са́ма. Шуме́ў лес стра́шна. На здви́жэнне, бо́жэ барани́, нихто́ в лес не хо́дить: зме́и здвига́юцца на зимо́ўлю. Паўзли́ адзи́н чэраз аднаго́ и кувырка́лись. На здви́жэнне ужэ́ ста́рые лю́ди борщ бэз грибо́ў вари́ли, штоб савсе́м по́сный, [потому что] здви́жэнне – пра́зьник га́доў. Ис са́лом не вари́ли [борщ], а то́льки по́сным ма́слам зажа́ривали (Ч.Грд.Хоробичи, 1980 – А.Г.).

Царь-уж (2б)

1. На зьдви́жэнне [змеи] спо́ўзуюцца в адну́ я́мку па-пад дуб. [Один человек на воздвиженье видел там множество змей.] Дуб вы́валила с ко́рнем. Ему́, мо, сто лет бы́ла тагды́. Ад даро́ги далёка тэй дуб. [Среди змей выделялся] вуж бальшо́й, дли́нный, з блышча́шчэю галаво́ю, из у́сами – дли́нные во́ласы [т.е. усы] у его́, таки́, як у ры́бы. Ви́дна, шо ён ста́ршый. Галава́ большая, зьязда́ на галаве́. Пало́сы па ём такие блышча́шчые: галубы́е, як

со́нца – нельзя́ дыви́цца на и́х. Он ста́рай тако́й, шо его́ заме́тна (Ч.Рпк.Вербовка, 1980 – А.Г., О.Б.).

2. Царь вуж на́да ўси́ми вужа́ми, бальшы́, бальшы́ си́ву вуж и ро́ги залатые, сви́шчэ на по́лю. Я сама́ яо́ ба́чыла як раз на па́ску. Па́сьцила я каро́ў, агню́ разлажы́ли. Пайду́ я вады́ напью́сь [думаю] – лежы́ць э́ты вуж з рага́ми, жо́ўценьки. Расказа́ла сваи́м. "Эх ты, дзе́ўка глу́пая. На́да бы́ла плато́к сняць и разасла́ць и кусо́к па́ски палажы́ць". [Тогда уж скинул бы рожки. Они приносят счастье, их берут с собой в дорогу] (Г.Хнц.Дубровица, 1975 – С.Т.).

Летающие змеи (2в)

Колись давно на Купалу прилітали дванадцятиголові змії і їли людей. Тоді бог узяв і накинув на них важкі панцири, з-під яких видно лише одна голова, і вони не можуть швидко рухатись. Це черепахи (Ж.Овр.Людвиновка, 1975 – М.Тм., запись на укр. языке).

Толкование снов о животных (6)

1. Воўк як ува сне – то, ка́жуть, к сме́рти. Воўк – то во́раг ваш. Уж – э́та друг; як жэ́ншчыне прысни́цца – дак э́та муж, уж. [Снилось, что] ры́ба в ха́ти пла́вала. Я ей в ру́ки, а вона́ з руки́ вы́коўзнулась. Як з руки́ вы́коўзне ры́ба – к сме́рти. Як пайма́еш – при́буль: мо́жэ и сэмья́ прыба́вицца; мо́жэ, де́ти на отшы́бе, дак прые́дзе. Ры́ба – к при́були; ди́вки як сни́цца, шо ры́бину ло́вить, – дите́нак бу́де. Ри́ба – э́та ўсе разгаво́ры ўся́кие: и харо́шые, и пага́ные, сматра́ яка́я ры́ба. Як пчо́лы ва сьне сня́цца – се к со́ру, со́рыцца бу́деш из ки́м-та, из кимсь дра́цца бу́дэш. Каро́ва – к каро́гви (к пако́йнику) (Ч.Грд.Хоробичи, 1980 – А.Г.).

2. Сни́цца: пришли́ валки́, их не ади́н, а два – ка́жуть: а, сваты́ прыйду́ть! Ры́ба як жыва́я – при́буль, а як мэ́ртва – уби́так. Пчо́лы – пажа́р, кали́сь так каза́ли. Пчо́лы – к смэ́рти, хто́-то умрэ́, як влетя́ть ешчэ́ ув ха́ту. Пчо́лы – се не плахэ́е: мо, при́быль яка́я. [Увидишь] каня́ку, да шчэ си́ву ци ры́жу – бале́зьть. А як бе́ла каня́ка – то ужэ́ бу́де весе́льшэ (Ч.Рпк.Злеев, 1980 – А.Г.).

3. Воўк – як бу́дта бы жэни́х. Лови́ть ры́бу – то де́тки бу́дуть: як ле́шчыка чи кара́сика ло́виш – то хло́пчык на́йдецца, а як шчу́ка, пло́тва – дак до ди́вочка. [Приснился сон:] летя́ть пчо́лы атту́ль, де вана́ [невестка] жыла́, дак я й кричу́: "Люди, спаса́йте!" – бо чарго́ю ужэ́ летя́ть, дак я горшч зямли́ прихапи́ла да ў той рой. Дак ста́ли цветы́ [т.е. пчелы превратились в цветы]. К нам у дво́р летя́ть. Мой сын стал лови́ть так, у белле́, без ша́пки, бо́сы. И адну́ ку́чечку ухапи́ў. А две ку́чачки – дак две де́вачки, вну́чки у мене́. [И невестка, жена сына, вскоре умерла.] Коро́ва – то хворо́ба, осо́бенно е́сли ки́даецца до те́бе (Ч.Чрн.Плехов, 1980 – С.Т., Е.Мр.).

4. Як вовк ди́вцы сны́ця и возьмэ́ ди́вку за ру́ку и поведэ́, и ди́вка пи́дэ нэ бо́йця – то ху́дко за́муж пи́дэ. Як ди́вка бье́цця з во́вком – хло́пэць при́дэ пога́ный, пога́но бу́дэ гово́рыть до ди́вкы, одбыва́тымэця ди́вка од ёго́. Як хло́пцю вовчы́ця сны́ця: вин йдэ з вовчы́цэю, та вовчы́ця йты́мэ споко́йно – о то де́вушка бу́дэ, де́вушку за́муж возьмэ́. Як шчу́ку зловлять – то то́жэ молодэ́ць, мо́жэ де́вушку зловы́ть и провэдэ́, завыдэ́ до до́мы. Ры́бка большынство́ на ныго́ду сны́ця: як сны́цця, шо ры́бу шчэ

ло́выш – дошч бу́дэ. Пчо́лы – нужда́. Як чэрво́ное пасэ́ш, скоты́на чэрво́ная бу́дэ – то то́ на пого́ду, а зымо́ю на моро́з. Як сы́вым конэ́м йи́дэш – до́брэ, як би́лым – смэрть. Чо́рный кынь – хворо́ба, чырво́ный – пожа́р. Ко́ны чэрво́ны – на пого́ду и на моро́з зымо́ю, а як чо́рныйи ко́ны – то на боле́зь (В.Ртн.Пески, 1979 – А.Г.).

XVIII. ПТИЦЫ

Сбивание с пути летящих птиц (1д)

Як кру́жацца журау́ли́, хтось, ви́дна, пэрэвяза́у́ даро́гу, шо нэ лятя́ть да кру́тяцца. Гавара́ть, шо када́ пашчыта́еш их, ани́ сабью́цца з даро́ги, кру́жацца.

Де́ти, як поба́чать бу́сла, [кричат:]

Бу́сел, бу́сел, закружы́ся калясо́м,
Тваи́ де́ти за лясо́м,
Палави́на у́ жы́ти,
Тре́ба бу́сла у́би́ти.

Кру́жыцца-кру́жыцца, а тады́ палятиіть, куды́ напра́вицца (Ч.Рпк.Старые Яриловичи, 1980 – А.Г.).

Конец кукования кукушки (3б)

1. До Пытра́ куе́ зозу́ля:

До Пытра́ зозулэ́йцы кова́ты,
А по́сли Пытра́ дитэ́йкы годова́ты.
Забра́ла ди́ты соловэ́йкова ма́ты,
Вона́ каза́ла: "Бу́ду йи годова́ты".

По́сли Пытра́ ужэ́ ее́ пты́ци го́нять, бъють, бо вона́ яйи́чка нэ нэсэ́ть, пудкида́е. [Говорят также, что] зозу́ля по́сли Питра́ пэрэтворя́йиццдя в я́стриба, ек е́стробом пэрэкыда́еця: "до Пэтра́ куе́, а по Пэтру́ ку́ры бъе" (В.Ртн.Речица, 1979 – А.Г.).

2. Куку́ля куе́, пока́ ячме́нь вы́сыплет ко́лас. Ко́лас той ужэ́ заткне́ [ей] рот. [Есть выражение:] патера́ла куку́ля го́лас чэрэз я́чный ко́лас. [Шутят:] "Патяра́ла ди́вка дивава́нне, а куку́ля чэраз начава́ння". [Говорят также, что] куку́лька пачына́е ат пе́рваго дня Воскресе́ння и да Петра́ куе́, а ужэ́ по́сле Петра́ не пачу́еш. То́льки куе́ть ана́ да Пятра́. А салаве́й пяе́ть то́льки да ячменя́, як вы́кине ко́лас. Куку́ля до Пэтра́ куе́, а як по́сле Пэтра́, то пага́на де́ла. По́сли Пятра́ ее́ бъють пти́цы, за то шо ана́ папараскида́ла я́йца. Тада́ ана́ па-пад ни́зам ляти́ть, хава́ецца куку́ля па крапи́ве. Ужэ́ и пти́цы ана́ баи́цца, ат пти́чки утяка́е. Ужэ́ ей вэрабъи́й ганя́ють, шчэка́ють яе́ (Ч.Рпк. Злеев, 1980 – А.Г.).

Легенда о кукушке (3г)

1. Ну, колись таке́ бы́ло у́ наро́ди, шо старыки́ роска́звають. Хто его́ зна́е, пра́вда чы нэ пра́вда, а́ле ж раз стари́йшы роска́звають, то мы слу́хаем. Ко́лись Пэтро́ вкрав у Су́са Хрыста́ коня́. Ну, прышо́у́ Пэтро́-и-Па́вло до дя́дька и ка́жэ, шо ты у́крав коня́. А вин ка́жэ, шо я у́купы́в. А во́рон ли́тае

над ха́тою и всё ка́жэ: ”Вкрав!” Ну, и ты́йи вжэ сказа́ли, шо бу́дэш ты всёй вик кра́каты, нэ бу́дэш лэтэ́ти в вы́рэй и за́вшэ бу́дэш кра́каты. А ди́вка по-за ко́мином выгляда́е и до Пэтра́ ка́же, шо ”купы́в!” Ну, и воны́ сказа́ли, шо бу́дэш ты . . . то́лько до Пэтра́ твый го́лос бу́дэ, ку́каты, и бу́дэш ты всёй вик ди́вкою, одно́ю. За́вшэ бу́дэш жы́ты в одыно́чэстве. Ну, и чэрэз тэ́е ка́жуть, шо вона́ нэ высэ́джывае сама́ свойи́х дитэ́й, а пудкида́е в другэ́е гнездо́, и высэ́джывають ейи́ . . . яйцэ́ в други́х [кублах] . Ну, и ка́жуть, шо е́сли по́сли Пэтра́ чу́ты го́лос зовзу́ли, то бу́дэ врожа́йный год [информантка перепутала: должно быть ”нэврожайный”] – там, ўрожа́й на по́ли бу́дэ, в ли́сы. От такэ́ ў нас ка́жуть (Р.Дбр.Лесовое, 1978 – А.Г.).

2. Буў брат с сэстро́ю. Брат би́дный, а сэстра́ вэ́льми бога́та. И он пошо́ў до еи́, шоб дала́ шо-ныбу́дь. Вона́ дала́, мо́жэ, раз ёму́, мо́жэ, два. А пото́м опя́ть. А вона́ ўжэ ка́жэ: ”У мэнэ́ нэма́ чого́ да́ты, я ключы́ загубы́ла”. А вун ужэ́ зача́ў ее́ клясти́: ”Коб ты сиби́ ми́ста нэ нашла́, коб ты приту́лку нэ ма́ла да ста́ла зозу́лэю”. А пото́м вун сиў на тому́ дво́ру да й помэ́р. А вона́ поба́чыла, шо брат лэжы́ть, да мэ́ртвый, да ка́жэ: ”Максы́мко, прочны́ся, ключы́ нашлы́ся!” И вона́ ўжэ лэ́тает да ку́кает: ”Ку́пым, ку́пым!” (Б.Пн.Синин, 1981 – Е.В.).

3. Пэрэд пото́пом жыў кук-пти́ца больша́я и нычого́ нэ боя́вса. И нэ пошо́ў он ў коўчэ́г к Но́ю. Когда́ пото́п прошо́ў, рэшы́лы вы́пустыты пэ́рвую пта́шку, шоб узна́ты, чы жыв он чы нэт. Ўсэ боя́лысь ку́ка, а ёна́ зогласы́лась, зозу́ля. Подлэти́ла к гнэзду́ и крычы́ть, зва́ты ста́ла: ”Кук-кук, кук-кук!” А он помэ́р. И ста́ла она́ ку́каты (Б.Пн.Синин, 1981 – Е.В.).

4. Куку́шка, шо куе́, была́ де́вушкай. Дак купа́лася де́вушка и купа́лася ў мо́ри. Прылятэ́ў змей и хате́л забра́ть ее́ бу́дта бы за жэну́, и ана́ не пашла́: ”Я за тебе́ не пайду́!” И юн сказа́ў ей так: ”Ну, е́сли ты за мене́ не пайдёш, то кава́ть таби́ век”. И зрабиу́ яе́ на зязю́лю. И яна́ лятае и куе́, бу́дта бы так. Де куку́шка куе́, да и гавара́ть: о тя́я куку́шка была́ де́вушкай. [Кто такой змей?] Мужы́к таки́й быў. Наве́рна калду́н таки́й быў (Ч.Рпк.Старые Яриловичи, 1980 – А.Г.).

Встреча аиста (4б)

До Благови́шчэня прылита́ють бу́сни. Вин, бу́сынь, му́сыть йица́ зныcты́ до Благови́шчэня. Панпушкы́ пыку́ть. Пэчэ́м, як ужэ́ бу́сня ло́па [т.е. лапа]. Поло́жать на лопа́ты и ужэ́ но́жыком ло́пки пори́жуть, по́зюры ёго́ ро́блять. Ди́ты пэрэд бу́снём похитру́ють:

– Бу́сныку, бу́сныку,
Дэ твое́ ло́пка?
– У реци́, у сытныци́,
У чырво́нум кытлыци́.
– Бу́сныку, бу́сныку,
Дай мэни́ ло́пку.
Ты дай мэни́ свою́,
А я тоби́ свою́ дом.

Паляни́чку [кладут на руку, протягивают аисту и поют:]

Бу́сныку, бу́сныку,
Дэ́ твоя́ ла́пка?
Прылиты́, ухопы́
И наза́д полыты́.

Колы пэршы бусэнь прылэтыть, пэчуть таки паляничкы по одной, по двэ. Бэруть паляничку, с палянички вырывають чи вырезвають тую лапку и пидкидають бусням або на кубло кладуть и кличуть лэлэку:

– Бусныку, бусныку, дэ твоя лапка?
Бусныку, бусныку, дэ твоя лапка?
– У бабы в рэшыти чи в кошылци.

А всэ с тэи паляничкы [т.е. все остальное] дають дитям (В.Ртн.Речица, 1979 – С.Т.).

Закликание аиста (4б)

1. [Дети] буська дразнят, як побачать:

Бусько клёко,
Выбиў баби око,
Волочив, волочив,
Покуль борщчь намочив.
А з борщчя та в кашу,
Полюбив Наташу.

(Р.Дбр.Лесовое, 1978 – Т.П., А.Г.)

2. Як лятить [аист, кричат:]

– Бусел, бусел,
Галава балить.
Где тваии дети?
– Седять на павети.
– Шо ваны роблять?
– Пясочок ядять.

(Ч.Грд.Макишин, 1980 – И.М.)

Легенда об аисте (4в)

То кажуть, як то Хрыстос ходыв по сьвиты – вытэ чыталы старый закон? О, в Библеи воно чытаеццяя. Не, наверно, сёго ны чытаецця. Не, не, ны чытаецця то. То людэ так говорать, о. Шо колысь Хрыстос як то ходыл, шо вот, ну и, и вын позбырав всё гэть, все зимныйи плазы: гадя, вужы, жабы, чэрвы разныйи, – всё такэ во нэпотрибное. Ну, от, в мышок изобрав и завъязав, и кажэ на одного чоловика, Васыльём звався. Кажэ: "Васылю, на сёго мышка, занысы в морэ и ны загледай в той мышок, гледы. Кынь его в морэ и ны загледай, ны дывыся, шо там е". Ну, взев чоловик, на плэчах лэг, понис. Нис-нис, нис-нис – ёму заинтерэсовалося и подывытыся, шо там такое. Ну, шо ж там такое, шо в морэ кыдаты, цилый мышок, и такое важкое? Ну, нысэ. Вжэ пуд самым морэм розьязав мышка, давай дывытыся, шо там е. Эх, колы-но вын став дывытыся, а там вужы, гадя, жабы – всэ гэть такое во, о, нэпотрибное. Гэть всэ, оно ж в морэ нэ полизло, батчэ-ну, воно знае, шо ж то в морэ втопыцця – вода, вода, втопыцця в води. Оно полизло всюдэ, всюдэ по зэмни порозлазылося, о. Ну, тогды Хрыстос сказав: "Колы ж ты ны послухав мынэ, загленув в той мышок, и воно всэ порозлазылося, ны вкынуў ты в морэ. Тэпэр е [т.е. я] замэнею тыбэ буснэм, и будыш ты век-выком збыраты, покы сэй свит будэ". Вот, и вын тыпэр, бачтэно, изберае ўсэ: жабы, ужы, гадя, о (В.Ртн.Пески 1979 – А.Г.).

Удод (5)

1. Удо́д жэ быў цар птиц. За арла́ быў ста́ршый. Тады́ ён захатеў бо́гам быть. А бог сказа́ў: «Будь ты смэрдю́чым удо́дам и ляти́ и крычы́: "Ху́да тут!"» И яму́ и прызвишчэ такэ́е да́ли: смэрдю́чый удо́д (Ч.Грд.Хоробичи, 1980 – А.Г.).

2. [Мать детям] ка́жэ: "Пряди́тэ, пряди́тэ, деткы́, кудзэлькы́, бо як прылеты́ть уду́д, да вси ва́шы кудэльки́ под люд [т.е. под лёд]". Бо як пры́дэ вэсна́, роспливэ́цца вода́ – ўжэ ди́ты кудэле́й нэ хо́чуть пра́сты. Прылэты́ть уду́д и крычы́т: "Дава́й, дава́й кудэльки́ под люд!" Бо вон пэ́ршый з лю́ду пое́. Ўжэ стано́выцца вэсо́ло и хо́чэцца на двур. Жыдо́ўська зоўзу́ля [т.е. удод] пэ́рва закуе́, а на́шая [т.е. кукушка] ўтора́я. А лу́ччэй услы́шать свою́, як жыдо́ўськую (Б.Пн.Ковнятин, 1981 – А.Г.).

Наказание за вред птице (7)

У на́с жоравли́в йих звуть, ты́е ле́бэди, а по лю́дях, по чужы́х сто́ронах, то ле́бэдями звуть. А у нас журавли́. А йих нэ мо́жна й бы́ты тых лебэди́в, жыравли́в. У нас оды́н участко́вый быв; нэ вэ́льми да́вно, у то рык, ў про́шлого ро́ку умэ́р. Забы́в ла́бэдя одного́. Ну, й вин забы́в того́ лэ́бэдя, а то пома́лэйку, пома́лэйку ёму ста́ла нога́ боли́ты, а пото́м ўсэ в сэрэ́дыны. Э, вжэ вин ток вэ́льмы заслаби́в, шо вжэ ны зду́жав й по сьви́ты ходы́ты. А шчэ участко́вым ро́быть, шчэ ны кы́дае, о. Э, жы́нка пошла́ тут дэсь дылэ́ко, там пуд Брэ́сьцем одна́ людына така́я, шо уга́дое, зна́е вона́, о, от чого́ хто заболи́я. От, вона́, ёго́ жы́нка, пошла́ до тэ́йи ба́бы. От, та ба́ба [жена участкового] сказа́ла, ка́жэ: "Ду́мала: дэ хто зробы́в ёму́", йии́ чоловико́вы. А та ба́ба [знахарка] ка́жэ: "Нэ бийсь, ёму́ ныхто́ нэ зробы́в, ка́жэ, ёго́ бог наказа́в". – "А чого́, за шо?" – "За то, шо вын лэ́бэдя забы́в". – "А яко́го, ба́бко, лэ́бэдя?" – ка́жэ. – "У вас звуть жыравлём, а в нас лэ́быдь, – ка́жэ. – От, то вин забы́в лэ́бидя, ка́жэ, и ёго́ ди́ты, ка́жэ, ста́лыся си́ротамы. От, и вин, ка́жэ, покы́на свойи́х дитэ́й си́ротамы. Вин умрэ́, ка́жэ, ёго́ ли́чта нэ ли́чта – ёму́ и дохторы́ ны помо́жуть, ёму́ й ныхто́ ны помо́жэ, вин умрэ́". О, и пра́вда вмэр. Повызлы́ до бо́льницы, вот, ли́чылы, стара́лыся дохторы́ – бо ж участко́вый быв, то ж воны́ стара́ющя, до́брэ ле́чать (В.Ртн.Пески, 1979 – А.Г.).

Зимовье птиц (8)

1. Она́ [перепелка] ны йдэ́ в чужы́ну, вона́ з на́мы встае́ця. Пэрэпыли́цы на са́мом дни в рецы́ жыву́ть, на са́мом дни лыже́ть у калы́шчы, а на высни́ выхо́дыть и ужэ́ хфа́тькае на боло́ти (В.Ртн. Щедрогор, 1979 – С.Т.).

2. Ла́стовкы в го́эзри хова́ющча, в во́ду хова́юцца на зы́му. За чэро́т [т.е. камыш] чэпля́ющча в го́эзри, в тому́ чэро́ты хава́юцца. На ка́жду чэро́тынку чэпля́ющча и воны́ там пэрэзыму́ють под ле́дом (Р.Дбр.Озерск, 1979 – А.Г.).

3. Шчуро́к – вун як ла́стоўка. Ма́тка каза́ла, шо адна́ жэ́ншчина ей каза́ла, шо рыба́лки [т.е. рыбаки] рыба́лили зимо́ю, так ка́жуть, шо вытя́гли ключ гих шчуркоў. Вони́, ка́жэ, попле́тенэ ла́пками одно́ за одно́, цэпля́юца ла́пка за ла́пку (Ч.Чрн.Днепровское, 1980 – М.Ш.).

4. Птиіцы улятаюоть на теплыи страны – у вирай, гаварать. Им по небу ў вечари дарожки беленьки, беленьки сьтежачки такие, штук три-две. Па тых дарожках аны ў вечари лятять – жураўли, ластачки, гуси, синицы. Деркач [т.е. коростель] пешки ходить. Деркач идеть ў Крым пешки, ў теплую старану. Ужэ грэчка затьвила, дак деркач штаны падкасаў и пашоў – то такая приказка. Бусел улетае и ластачки пад крылами улятають. Ластачки пад крылами, як буслы ўлятають, так пад крылами, кажуть. Из буслами ўлятають (Ч.Рпк.Старые Яриловичи – А.Г.).

XIX. НАСЕКОМЫЕ

Изведение насекомых (2)

1. Кагда жуки [т.е. тараканы] завядуцца, на крайних днях, на схаду [т.е. когда месяца не видно] паймайте таракана и нясите за три мэжы: адин дом, другий дом, третий дом, а за третим домам киньте яго. [Другие люди,] як тараканы були, так ў пастале вязли чэрез парог: чэрез адин, чэрез другэй, и выкинуть, и валяецца. Тольки пастол, якэй истерся, [в новых не возят. Иногда женщина таракана] ў каробачку ў спишашну пакладе, атнесе ў хату и кине. Клапоў так носять и тараканы, тыи жуки чорные пад печчу, кали яны прыйдуть. [Клопов также] ўвэртять ў бумажэчку и к саседям атнясуть. [Тараканов в тряпке выносят на перекрестную дорогу, а одна женщина рассказала, что для того, чтобы избавиться от жуков-прусаков, нужно положить мертвого таракана-прусака в спичечный коробок, прицепить к нему нитку и на нитке "стягнуть" на кладбище, там закопать и поставить крестик. Кроме того, "деркачи", т.е. старые веники, нельзя жечь в печи – жуки заведутся. Когда "рубашное", хату белить нельзя] – пауки ж будуть, ничиста хата будет и жуки будуть. Шоб тараканаў не було, ў Гомли кажуть, нада хату мясти ат парога кругом [т.е. начиная от порога и кончая порогом. Весной ждут крика удода.] Ён на весне кричить, вудод. Як тараканы завядуцца, раскязвають [т.е. говорят:] "Праси, вудод, на сем год сабе на вабед жукоў, клапоў, сараканожэк и ўсякаю насякомую гадасть". [И тараканы исчезают] (Ч. Грд. Хоробичи, 1980 – О.Т., Л.З.).

2. Хочэш с хаты тараканы [вывести], завъяжы ныточкою за ногу и через дорогу тягай и вэсилля спевай:

Вэзу батэньку богатую,
Жэнэмо кони вороныйи,
Вэдэмо волы половыйи,
Вэзэмо скрыни малёванныйи.

Вороныйи кони на стаеньку,
Половыйи волы до обборы,
А скрыни малёваны до коморы,
А молодую дивчыну до свитёлкы.

(Б.Млр. Олтуш, 1977 – А.Г.)

3. Ну, так расказували. Жуков зводять. Канчаеца старик, само ўжэ на ўсходни дни. Ну, й расказували, шо то заводяца жукы такие чорные здаровие. Не знаю, ци они кусаюца, ци не кусаюца. Ну, и йих ўжэ ловять. Паймать жука на сходних днях, када канчаеца ўжэ старик и ўжэ буде скора наставать маладик. И от садять або ў тапку, або пасталы кались ў старэ времне были. Так за валоку за ту, шо засилена за постуол, и тягнуть яго с хаты на двуор

и причи́тус: ой, ой, ой, ой — па жуку́. И ви́везі его́ ўжэ туди́ на падуо́л куды́, ну, на ву́лицу, и жуки́, ка́жуть, изво́дять. И о́н ўжэ за собо́ю ўсих забере́. От э́та де́лали. Як жуки́, дак мо́жна извести́ о так жуко́ў (Ч. Грд. Мощенка. 1980 – С.Т.).

Божья коровка (6)

1. [Божья коровка называется] *каро́ўка, каро́вачка, каро́ўка-маро́ўка, со́нэчко*. На ладо́ни де́ржыш и ка́жэш:

Каро́ўка, каро́ўка,
Де твая́ дамо́ўка?
Ци ўтам?
Ци ўтам?
Ци ўтам?
Ци ўтам?
Ци у бо́га
Ци на земли́?

(Ч.Рпк. Злеев, 1980 – О.Т.)

2. Посадив божью коровку на ладонь, приговаривают:

Бобр, бобр, де ты быў?
За рэ́чкою во́дку пыў.
Чы пэнь чы коло́да,
Чы за́втра пого́да?
Як пого́да, то лэты́,
Як дошч, то сыды́.

(Б.Пн. Лисятичи, 1981 – Е.В.)

3. [Чтобы божья коровка взлетела с ладони, приговаривают:]

Коро́ўка, коро́ўка,
Дай мэни́ ма́сла,
Я тобэ́ па́сла,
В хлиў загоня́ла,
Йи́сты дава́ла.

И вона́ ужэ́ полэти́ть (Р. Дбр. Лесовое, 1978 – Т.П.).

4. Божья коровка называется *су́нечко, пэ́трык*. Посадив ее на ладонь, говорят:

Пэ́трык, пэ́нь чы коло́да,
Чы бу́дэ вза́втра пого́да?
Як нэ бу́дэ пого́ды,
Так задушу́,
А як бу́дэ пого́да,
Так пушчу́.

(В.Ртн. Речица, 1979 – О.Т.)

О пчелах (8б)

1. Варо́ваные пчо́лы вади́цца бу́дуть. Шоб пчо́лы вади́лись, у каго́ там дагаво́ряцца ро́я ўзять. Прино́сять йих да до́му, три ра́за круго́м ха́ты абайду́ть, а пато́м са́дять ў ву́ллик, шоб ту́така вели́ся и не улета́ли. Есть таки́е забабо́ны, шоб ро́я дать [при продаже], а саўсе́м пчо́лы ни адда́ть. Гавари́ли так: "Э́та тебе́, а э́та мене́" — часть жа пчол тебе́, а часть мене́. От, па́сичник до́лжэн быть нескупо́й, у таго́ бу́дуть пчо́лы вести́сь. На Спа́са мед выка́чували, святи́ли, [и пасечник угощал всех медом]. "Сего́дни Спас, — ка́жуть, — пайде́м ў го́сти". Хто прийде́, таго́ и угашча́ють. "Сего́дня Спас, — ка́жуть, — дава́й ме́ду паку́шаем". Гавари́ли, уме́р па́сичник — уме́рли и пчо́лы. [Кроме того,] у нас гавара́ть так: е́сли умрёт ў селе хто́-то и прихо́дять купи́ть во́ску, то яму́ ни прадаю́ть. Ра́ньша на́да бы́ла запаса́ть, шоб пчо́лы не умэ́рли. На по́хараны не дава́ли мэд. [Череп вешали на пасеке:] тако́е було́, шо иде́ш па-взь па́сики, а на па́сике виси́ть ку́онски чэ́рэп – ат уро́каў. Святи́ли во́ду на Крэшчэ́ння ў кало́дцах, и бра́ли ту́ю воду их трёх кало́дцаў,

Рис. 19. Ульи-колоды на деревьях (с. Выступовичи Овручского р-на Житомирской обл.). Фото А.Ф. Журавлева, О.А. Терновской (1981)

и пи́рскали пчо́лы, шоб вели́сь, э́таю вадо́ю. Иде́ дед, бере́ пучо́к кало́сьеў – из жы́та, як у папа́ – и пи́рскае. [Весной,] кагда́ пчо́лы выстаўля́ють – у нас выстаўля́ють, приме́рна, на Благове́шчэння, 25 ма́рта,– абья́зували ву́лики сыравы́ми ни́тками, шоб ани́ ни бая́лись уро́каў (Ч. Рпк. Злеев, 1980 – О.Т.).

2. [Способ навести порчу на того, кто уничтожает пчел.] Есть кало́дка, панима́йите, атре́заны и зде́ланы ву́лей. Дак э́того давжа́ на́да взять, в час но́чи, пайти́, где крыж, выня́ть крыжа́ и туды́ пусти́ть э́того давжа́ и гавари́ть [текст переписан из тетради]: "Как ты совав етие пчолы чтоб иты загинув из белаго свету так как етие пчолы апухли и падушилися так чтоб и тебе апушив пчолиный яд и пропав ты як пракляты гад. Як етого довжа не встовлятьмуть увулей так тебе и вставать и дольше пчол недрать вечна табе память. Аминь". Крыж ужэ́ на ме́сто не ста́не, патаму́ што там доўж. И ужэ́ его́ са́ми пчо́лы знайду́ть, пакуса́ють – не ты́е, бо ты́е уничто́жэны, а други́е, райи́. Бог ве́дають, атку́ль иду́ть – мож, з Бесара́бии, мож, з Румы́нии, нима́ ве́сти, атку́ль ани́ иду́ть, райи́ э́тые. Пакуса́ють, и ниякáя медицы́на яго́ ни вы́лечит, и он пагиба́ет (Г. Мзр. Жаховичи, 1977 – Э.А.).

XX. МЕДИЦИНА

Избавление от любого недуга (1)

1. Рэбъёначка дак надбо́ле у ме́жу. Падка́пываюць да тры ра́зы прыйма́юць да й руба́шэчку ки́дають [т.е. рубашечку, снятую с больного ребенка, закапывают в землю]. Е́та на ста́рай межы́. На ста́рай межы́. Е́та ўжэ пра́вильна да пра́вильна. Вот падкапа́юць ме́жу, дак яна́ виси́ць, я́мка. Мне само́й даво́дзилас (Г.Мзр. Жаховичи, 1975 – С.Т.).

2. [Если болеет ребенок, срезали прут однолетней вербы высотой с ребенка и клали в гроб покойнику, чтобы покойник забрал с собой болезнь:] адналетку из вярбы дубец изрезать, изравнають из йим у рост, як раз шоб из йим ровна, и кладуть у дамавину. И вот мертвы забирае ту хваробу, шоб мертвы забраў хваробу (Ч.Грд. Мощенка, 1980 – С.Т.).

3. Як болие взьми, возьмы волос з больного, с потылыцы, да несы ў дванаццать часоў на крыжову дорогу да закопай ў зэмлю и кажы: "Кладу косы в сырую, холодную, нимую, глухую зэмлю, коб вун одубеў, онэмеў, охолоў" (Б. Пн. Лисятичи, 1981 – А.Г.).

4. [От боли говорят:] "Колька укалиш – я тебе укалю раз, ты мене два – я тебе два, ты мене три – я тебе три, ты мене четыри – я тебе четыри, ты мене пьять – я тебе пьять, ты мене шэсть – я тебе шэсть, ты мене сем – я тебе сем, ты мене восем – я тебе восем, ты мене девять". Усё (Г. Мзр. Жаховичи, 1977 – Э.А.).

Лихорадка (2)

От лихорадки говорят: «Ишоў святый Аўрамэ и сын яго Исачэ и стрели Йдалавых [вар.: "змеиных"] дочак семьдесят чатыри. – Куды вы идете, Йдалавы дочэ? – Идом у свет людэй нурыть, кров сушыть, тела вьялить. Святый Аўраме и кажэ: "Сыну Исачэ, беры меч, сьнимай Йдалавым дочкам голавы с плеч". – Сьятый Аўраме, пусьти нас на белый свет, а хто сее буде знать, всегда будам его минать» (Ч.Грд. Хоробичи, 1980 – А.Г., О.Т.).

Падучая (3)

1. Есьли у чалавека чорна балезь бувае, дак над йим нову гладышку бъюць и чорным накрываюць. Другому минецца, а другому не, не кажнаму. Ву знаеце што, я слыхала – у ўаднаего хлопца було бесканечно трасло. А ему с пуда случылос. Дак пашли к гадалцы. Дак насаветавала: раскапай мерцьвеца, тольки штоб сваго радзицеля, не чужого, и вазьми кустку и падкури. И плот дзе с плотом притыкаецца, так три разы перапрыгни, и прайдзёт всё (Г.Мзр. Жаховичи, 1975 – С.Т.).

2. Ну, бувае чорная балезь. И гаворать, шо праходить так. Ўзять накрыть, як не бачыў николи шчэ, шоб брало каго горе таке, ўзять накрыть яо платком чорным и сести, на бального сести [голым задом] на голаву и сказать: "Зеленое да рутачка жолтеньки цвет, было горачка, а сечас нет". Три разы сказать. И гаворать, шо кидае. Жыта жали, и адну жэншчыну ўзяло. И значыть, тые жэншчыны, шо жали, разыйшлись, паўтякали, баяца. А мне-та гаварили, шо о так можна зделать: накрыть платком и сести. И я накрыла платком, чорным платком, и села на яе. И так сказала. И кинуло (Ч.Грд. Мощенка, 1980 – С.Т.).

3. [Сесть на лицо больному голым задом и сказать три раза:] "Экая тобэ жызь – такая тобэ чисть, откуль тобэ родили, шоб тым тобэ отходили". Лучшэ ни от дохтура, ни от лекарства нема (Б.Лнц. Бостынь, 1976 – А.Кф.).

4. Лек от падучее болезни. Ишов сам Господ с переходны покалиновых мостах залезними товкачами попирався назелезных товкачах залезныя круки на залезных круках саломяныя кошали у соломяных кошалях чорная

вода а что тай воде рабить переводи лечить где его уливать где ветер невее где солнце негрее, где люди неходять там его уливать токаму то здоровя наделять. Пересказать 3 разы (Г.Мзр. Жаховичи, 1977 – Э.А., переписано из тетради).

Колтун (4)

1. [Считают, что колтун бывает у тех, кто "знает", у "ведюг". Говорили:] "Он у тае́ каўтун е – наве́рна, шось уме́е". Можэ, он ей помага́ет, дак зре́зать нельзя́. Ко́ўтун ў галаве́ – ну ж, валаса́ злепи́лися ў ку́чку на галаве́. [Говорят:] "Он у той змей коўту́н ў галаве́. Валаса́ злепи́лися ў ку́чку на галаве́. Ведю́га, шэпту́ха бальша́я. Шось уме́е ана́ гавари́ть". [Рассказывают также, что] бы́ли таки́е знахаре́: иде́ да све́та па по́лю и завья́зуе за́вязь вузло́м, и эа яго́ нельга́ цапа́цца, бо и ў галаве́ бу́де вузёл – каўту́н, скашлычаный во́лас, каўтун назива́еца. Каўту́н той не вы́ведеш из галавы́. [Иногда] у дете́й таки́е кавтуны́ расли́. Его́ вы́стрыч нельзя́, дак рэбе́нак памрёт (Ч.Рпк. Старые Яриловичи, 1980 – С.Т., А.Г., О.Т.).

2. 3. пэрэпу́гу во́лосы звива́юцца ў коўту́н, ў ку́чу, як ша́пка. У Чы́стый чэтвэр мэ́юцца до схо́ду со́нца, коўту́нчыкы одбыва́ють камэ́ньем, ў но́вый плато́к звя́зывають и на бэгу́чую во́ду, дэ вода́ бэжы́ть, у пуска́ють ты́е коўтуны́ (Б.Пн. Лисятичи, 1981 – А.Г., Н.А.).

3. [Болят глаза, и после этого на голове образуется] коўту́н. Е́сли зрежэш, то, мо́жэ, глаза́ осле́пнуть. Оте́ц взяў кова́дло, под коўту́н подложыў и молотко́м поодбыва́ў. А зре́зать нэльзя́. [Потом] за две́ри заби́ть [т.е. за верхний плинтус над дверью]. И́ли на во́ду пуска́ють: вэзу́ть на рэ́чку и броса́ють с ле́вой руки́. [Настаивали также на водке] коўту́н [т.е. омелу]. Када́ одрастэ́ и бу́дэш пи́ты, мо́жно одрэ́заты, а так нэльзя́ (Б.Пн. Ковнятин, 1981 – А.Г., Н.М.).

Зубная боль (5)

1. Зу́бы до ми́сяца гово́рать, до молодычка́: "Молоды́к, молоды́к, чы нэ боля́т зу́бы у молодо́го? – Нэ боля́ть и не шчымля́ть. Да нэха́й ка́мэнэм лежа́ть". Тры ра́зы сказа́ть бэз одды́ху. Зэмли́ взя́ты из-под ли́вои пя́ты – вро́ди, чэрэз сэбэ́ пэрэкида́ють тры ра́зы (Б.Пн. Ковнятин, 1981 – А.Г.).

2. От бо́ли ў зуба́х [надо обойти вокруг рябины три раза, поцеловать ее в веточку или в "стано́к" (ствол) и сказать:] "Раби́на, раби́на, шоб зуб пэрэста́ў, я бы тебе́ не ре́заў, не лома́ў и други́м не позваля́ў". Да й пока́ жыве́ш, э́то пра́вила соблюда́ть (Б.Лнц. Велута, 1976 – Н.М.).

3. "Го́спаду бо́гу памалю́ся, го́спада бо́га папрашу́. Зо́рки-зарани́чки, ско́рае памачни́чки, приступи́це и памажы́це [имя] хрэшчо́наму свешчо́наму [имя]. Маладзи́к малады́й, ў цибе́ рог залаты́й, на мо́ры купа́ўся, ўсем пан паказа́ўся. Цябе́, маладзичо́к, прыбыва́ць, няха́й ў [имя] зу́бки не баля́ць. Замука́ю ў зу́бках бо́ли дзевяци́ замка́ми, дзевяци́ ключа́ми. Шо́лкавай ни́ткай бу́ду бо́ли пришыва́ць, стальны́ми малатка́ми прибива́ць. Да маёга ве́ку няха́й зу́бки не баля́ць. А пчо́лки высо́ка ляця́ць, их трудне́нько взяць. Няха́й мае́ да ве́ку зу́бки не баля́ць". Тры раза́ ду́нуть и тры раза́ чэ́раз ле́вае плячо́ сплю́нуць (Г.Клн. Новинки, 1975 – автор записи неизвестен).

Бессонница (6)

1. Як ночныци, то трэба до сходу сонця подывытыся в колодяз на свою тинь, побачыть свою тинь в води (В. Ртн. Речица, 1980 – А.Г.).

2. [От детского ночного крика *варили криксы*:] беруть воду, греють, летнюй роблять, беруть у ночву эту воду проти кутнего окна и проти печы, и кладуть туды грэбъенку, и кладуть рэбенка. А однэ стоить на дворе пуд окном и путаеца ужэ круз окно эта гукать: "Што ву робите?" Кажэ: "Варим криксы". То: "Вариця горш, штоб не варили больш". От так три раз скажэ и помагае (Г.Ллч. Стодоличи, 1974 – С.Т.).

3. Если ребенок кричит, то зовут баб, которые "глядять ребенка, шэпчуть", Если он плачен много, то значит *ночныцы ходють.* Тогда нужно взять гребень и, взяв ребенка на правую руку, сесть на пороге. На "гребенчик" льют кипяток. Другая женцина стоит во дворе, за порогом, она подходит и спрашивает: "Шчо вы робытэ?" Ей отвечают та, что льет воду": "Ночныцы парим". Та говорит: "Парь, парь да очи запарь" (Б.Пн. Камень, 1976–Т.П.).

4. [От ночниц говорят:] "Ночныцы, полуночныцы шлы калыновым мостом, судошають сонцавидочку. – Куды идэш, сонцавидочко? – До Настасиной Ксэни ночныцу одбираты. – Идитэ, берытэ, коб ны було ныколы. Ночныцам, полуночныцам калячая грушка под бук, а Настасиной Ксэне пуховая подушка под бук". [Прим.: "сонцавидочку", "сонцавидочко" – членение на слова неясно] (Б.Брз. Спорово, 1974 – Р.А.).

5. Когда ребенок кричит ночью, говорят: "Ясный месяц па небу хадиў, ясно сонейко прасило. Сонейко па небу хадило, дитятко за ручку вадило – темными лесами, шырими берегами, крутыми горами. Ў темным леси пташки, шыракалапые, шыракадзюбые, шыраканосые. Лапами разгребуть, крылями разметуть, зубами расклюють – плаксы, крыксы, жаноцый сон (на имя якому дитяти)" (Г.Мзр. Жаховичи, 1977 – Э.А.).

Испуг (6)

1. Испуг лечат, говоря: "Ў чыстом поли стайиць груша трасуча, ий калюча, йи цвитуча. Пад таею грушаю сядзиць дзеўка, сама не харахавита, да не умее ни прасьци, ни ткаци, тольки испуг ўгаварацi. Гаварай, гаварай, болю сунимай, гарачку асушай. Калючыя, балючыя, тут не хадзице, касци не ламице, крыви не палице, жоўтай касьци, краснай крави, чорнага [цвет волос заговариваемого] воласа, румьянага цела. Гидзице на сине мора. Там табе вупиваци, гуляци йи добрай раскошы маци, евинай [имя] касци не ламаци". Три раза плюнуть через левое плечо, дунуть, перекреститься (Г.Хнц. Великий Бор, 1975 – Н.Д.).

2. Испуг заговаривают словами: "Ў чистом поли, на синим мори стаяў дуб. На том дубе пташка без глаз, без крыль, без вочей, без всяких речей. Як с великого дуба пташци не злететь, свешеному, крешеному [имя] детинцу не знать. Детинец, ляг, не чиняйся – с-пад бела касти, с-пад жоўтых мосткоў, с-пад синих жыл, с-пад краснай крыви, с-пад буйнай галавы, с-пад русых валасоў, с-пад румяного лица. На кастях не хадить, кастей не ламать, с-пад серца не падливать, наверх не ўкидать. Детинец, ляг, не чиняйся – ни с маладиком, ни с всходами, ни рушэньем, ни поўным месяцэм, ни ўсякой парой" (Г.Мзр. Жаховичи, 1977 – Э.А.)

3. Повторить 9 раз: "Пудзице – перепалащыце, черетовы стан, канапляные ноги, льяна барада, иды ат Марыли ў ян-гарада. Там жэ тэбе стацца, там жэ тэбе шчезнуць. Канапляные ноги паламалися, черетовы стан стрўшчиўся, льяна барада згарела" (Г.Мзр. Жаховичи, 1975 – В.С., В.Г.).

Бородавки (7)

1. Ў чыстый чэтвер пряли да сходу сонця нитку – такэй клубочок или на катўшэчку, и то е на лякарство. Ў чыстый чэтвэр трэба яе прясци да сонця да сядзець на парози. Як рука разбалиwча, чэтвэрговай ниткай трэба пэрэвьязувать. Бародаўки – да каждай бародавочки трэба притўливать и вўзлики вязать. Скольки бародавок, стольки вўзликоў. А тады ужэ нести трэба ў гнуй закопувать и приказувать: "Шоб сеи вўзлики пагнили, а шоб сеи бародаўки сэшли". Три раза пэрэказують. Заварачуешся, идеш ат вўзликаў и не аглядайсь. [Другие клали нитку] ў пятник ў хлеву, ў сенях. Як сатреца, так и бародаўки сайдут (Ч.Грд. Хоробичи, 1980 – О.Т., О.Б.).

2. Бородавки заговаривают: "Господу богу помолюся, господа бога попрошу. Бородаўки, вам тут не место, вам тут цесно. Сыходзице, бородаўки, на паноў, на жыдоў, на тых, што ў подушках лежаць. От этого [назвать день] до того штоб место чысто було. Як рот чысты йи слюна чыста, штоб от бородавок рука была чыста. Аминь." Прочитать трижды, "похукать", плюнуть через левое плечо, перекреститься. Читая, одной рукой держать руку больного, а другой водить по его руке. Прочитав, взять из-под левой ноги песку и потереть бородавки, а потом бросить его в сторону (Г.Хнц. Великий Бор, 1975 – Н.Д.).

3. Помилом [печным] змитали: по руки звозыш – бородивки пропали. [Или:] той пэсок трэба потэрты, дэ кура купаеццца (Б.Пн. Лисятичи, 1981 – Г.К.).

4. Borodavky [сводили] końskǫ ślinǫ. Jak już koń napije se i śline puścy da pomyć rence ślinǫ końskǫ [Потом бородавки] pšyvǫzyvali nitkǫ (byle jakǫ) [или] włosem końskim (Б.Пн. Логишин, 1981 – А.Г., записано от местного польского населения).

XXI. ФОЛЬКЛОР

О шведах (6)

Тут у нас называють одных швэдамы, одну сэмню. А по якуй причыны называють швэдамы – это, значыть, було так. Як у лисы булы, так розведку пускалы, дэ швэды, шо вони роблят. Люды ходылы в розведку, а швэд туды ны муг зайты, бо болото такэ, ныпрыступнэ место. То ни було ни хлиба, ни солы, алэ прожылы люды за рыбамы. Рыб много було. Рыб этых ловылы да сушылы да товклы та на зыму запасвалы, запасы робылы. Так и прожылы, алэ тоды мало було людэй ў сэли. Это мни дед росказвав, шо ему баба росказвала, шо пустылы розведку, бой ишов. Это тут с сэла нашого, то Бабынка зовэцця за сэлом. А там, на тум боци озыра швэд був, як отступав. Там полянка, называйця Писочнэ, и артилерыя руска была туда у швэда. А швэд стуль у наших быв, а потум ны було ўжэ, тишына стала. Як ста-

ла тишына́, так оды́н ужэ́ ныжэна́тый кавале́р пойи́хав в розве́дку. Пошо́в в розве́дку и вун на ту́ю Ба́бынку зайшо́в, дэ то стрэля́лы. Зайшо́в, а там лис був. Тэпэр то вжэ ныма́ ли́су, а то лис був тогда́ в тое врэ́мне. И ба́чыт вун: йидэ швэд. Як йидэ швэд, так вун скорэ́й на хвойи́ну и у голле́ и прита́ивсь. Прита́ивсь и, зна́чыть, шо получа́еца. Этой швэд раздива́ецця. А там коло́дяз був во́зле вы́копалы, ны здэ́ланый, але́ вы́копаный так про́сто, луг такы́й був и коло́дяз. Он раздева́ецца и, зна́чыть, мы́е оде́жу в том коло́ццы. И ви́дит вун, шо ны мужчы́на, алэ́ жэ́ншчына, ба́ба. Так вун ужэ́ опэ́вныс, ду́мае: а...а... А ору́жые пови́сила на тум, на суку́, на ту́ю хвойну, дэ вун сэды́ть. Вун ду́мае: стой! Я тэпэ́р жэ э тэбэ́ ны бу́ду боя́тысь. То ж ба́ба! Вун, зна́чыть, зла́зит и за то́е ору́жые ўжэ: "ру́ки вверх!" на йийи́. Шо ж, вжэ ў ей ору́жыя ныма́. А вона́ на лошади була́. Верхо́м на ло́шади була́. И она́ по-ру́ски е̌му́ заговори́ла. Гово́рить: "Слу́шай, не убива́й меня́. Е́сли, – гово́рить, – не жэна́т, то бу́ду вэ́рна жэна́, а е́сли жэна́т, бу́ду слуга́, но нэ убива́й". И вун э́того коня́ забра́в и ейи́ пови́в туды́ в свуй ла́герь. О! Гэ́ти лю́ды: "Так на шо ты того́ швэ́да привъйи́в? Его́ забы́ть, того́ швэ́да". А вун йийи́ вужэ́ полюбы́в. Вона́ краси́ва була́. "Не, – ка́жэ, – я ее́ за жу́нку сэби́ взяв и всё". И от я пыта́в ди́да, чому́ йих, гэ́ту сэмню́, называ́ють швэ́дами, то от вун росказа́в. Отту́да пошло́.

Здоро́вэ пле́мя йих, от и сича́с здоровэ. А знов ту мни роска́звав чолови́к оды́н, знов из Мы́тричы, тут сэло́ було́ такэ́ нэвэлы́кэ – сим-ву́сим хат – Дмы́трычы. И вун роска́звав, шо там кла́дбишча як зробы́лы, то вы́копают сто́лько зэмли́ и там вода́, и у во́ду кладу́ть э́того гро́ба, прытыка́ють его́, шоб ны сплёв [т.е. чтобы не всплыл]. Так зака́пвають. Дви смэ́рти: ўмрэ и уто́плять. О! Ну, и там був такы́й стари́к ўжэ. И въя́зы ро́слы́ такы́йи то́встыйи, большы́йи на тых кла́дбишчах. И всё так, шо, зна́чыть, копа́ють я́му и выкида́ють ко́сти. Ми́сца ныма́е. А той чолови́к ду́мае так: "Ну, – гово́рить, – як я умру́, так я э́того въя́за, дам гро́шэй и во́дки и шчоб э́того въя́за зри́залы й вы́копалы – тут ны бу́дэ костэ́й". Бо дрэ́вний въяз. Ну, и ка́жэ гэ́то – той чолови́к, ўжэ вун помне́р. Ну, й вы́копалы гэ́того въя́за, зри́залы, вы́копалы, пэнька́ э́того вы́кынулы, и ста́лы копа́ты, и нашлы́ там скиле́та тако́го, шо, зна́чыть, гэ́так ко́сть гэ́та, поти́ль була́ [показывает, что кость величиной с человека]. Эта ци́вка, гэта о, бэрцо́ва кость. О! И там, зна́чыть, чолови́к лэжа́в. Вэлика́н зако́паный (Б.Брз. Спорово, 1974 – С.Т., Н.Т.).

О турках

Ну, э́то же шоў ту́рок. Да убива́ў люде́й. Мо́цно. Ну, у нас три семьи́ остало́ся да ву́ховалиса. Да бач, ка́жэ, прие́хала, ка, э́та жу́нка. Пришо́ў челове́к у свою́ ха́ту да запали́ў печ. Коли́ аж е́де на коне́. Е́де на коне́, так он схова́ўса, ду́маў, што э́то мужчы́на. Он жэ не знал. Да захова́ўса. Она́ прихо́дить ў ха́ту, а свое́ э́то ору́жые все поки́нула ко́ло коня́. И от ста́ла греть набыть, цы́цки у ей, мо, дитя́ бы́ло ци што, што груди ста́ла греть, и расхри́стала да гру́ди гре́е. Дак ён як поба́чыў, што э́то жу́нка, да ву́скочыў да за се́да: "Я тебя́, – ка, – убью́". А он ужэ ба́чыть, што у ей нема́ ничо́. Дак вона́ то́жэ спужа́лас да ка́жэ: "Зна́еш што, дава́й будем жыть с тобо́й. А коня́ во́зьмем знимe̋м – а он буў золоты́ми пудко́вами пудко́ваный – э́тые пудко́вы знимe̋мо и коня́ э́того пусти́мо, и не бу́дуть мене́ шука́ть, зна́ть-

муть, што я убитая. А так будуть шукать". Так они так и зробили, и она осталася жыть из йим. Не то што, но праўда стала жыть за йим. От такее. Да такее от росказвають навек, навек. Як ужэ ходиў этый немец, да кажуть: о, то турок другий. Это жэ колись, это даўно. Ў Стодоличах это було (Г. Лпч. Стодоличи, 1974 -- С.Т.).

Легенда о муже-уже (7)

1. Хай вам будэ эта казочка. Была у бабы внучка. И вот усэ бабы вона просыла тай просыла: "Бабушка, пийду я до речки купатыся". Вона кажэ: "Вой, нэ йды, дочэнька, ны трэба тыби, там страшно". А вона каэ: "Не, бабушка, я прийду". Вот вона... ой, дивчата идуть, вот вона зобралася и пошла. Як вона пушла, пушлы, покупалысь, годэжу... А дивчетийко – багацько, шо ны зглянуты: и там купаюцця, и там, купками всэ купаюцця. Ну, вот и вона сэбе кумпанию нашла и вона купайицця. Купайицця, купайицця – колы вылазыть, ужэ вси вдиваюцця, а вона гола, вылазыть. "Ой, шо ж то, шо ж то, дивчата? Ой, дывытэсь, но, шо ж то лыжыть!" А воно, там крычать: "А вузьмы палку, убый". А вона кажэ: "Ой, як жэ быты?" А вина [т.е. одна]: "Просы йиго [ужа]!" А вона: "Ступысь! Ступысь! Иды в воду!" А вин кажэ: "Не. Я ны ступлюсь. Як будыш мэю жыною, то я ступлюсь". А там крыкнулы дивчата: «Ой, скажы, а шо ж то – то ж вуж! А шо ж то таке. Скажы "буду".» Вот вона сказала: "Я буду твэю жыной". И вин полиз ў воду. Полиз, кажэ: "Стыйко за стыйко дэнь я прыйду з боярами". Вот нэдилю, дважды так было, тыпло, сонце, вона сыдыть ў гокне, дывицця: тылько вужив лизэ, шо страшно зглянуты! И малы, и вэлыки навэрх, а вин, самый вэрхный, ўпопэрид лизэ. А вона дывицця, кажэ: "Ой, бабо, дывитэсь-ну, от твуй вуж, шо, я вам росказувала, лыжав на мойий годэжы. Дывитэсь-ну, вин же лизэ, казав. Ой, то, майбыты, нэ вуж". А вона кажэ: "Не, то майбыты, – кажэ, – цар на тым сьвити. Ой, ховаймося на пичку!" (така пич) – полизлы на пич. И воны поховалыся там. Поховалыся, а он эак ў клубок скрутыўся, идны двэры выважыв, други двэры выважыв и ў хату и на пич, и ейи забралы. Тут брали ейи – бола дивчина. Тыйко до рички доходить – и ужэ й вона вуж. И пошла ў воду. Ну, зробыв, просто так ейи зробыв уже вужом, так як, як сам вин. Вин на цим сьвиты – вужи воны, а там в йих – такеэ госодарство, такее хорошэе, в води. И вот, воны як прывэзлы ейи, ейи там убралы, нарадылы. Нэма рык, нэма другий, проходить ужэ то врэмне, всэ проходыть, а вона ў води. Вона на его каэ: "Ты знаиш шё, пирывызи минэ, хай минэ бабушка побачыть". А вжэ ў ейи мальчик есьць. Каэ: "Пырывызи минэ, хай бабушка, она думае, шо я пропала. Пырывызи минэ, я вэрнуся". А вин сказав: "Як ты вэрнисся, то я пэрывизу, а як ты нэ вэрнисся, я тэбя нэ пэрывизу". Вот вын пырывиз ейи, и вин йийи кажэ, и зробыв знов ее такэю, и ужэ мальчик кэля ейи. Идэ. Бабушка дывицця, та бабушка ў хаты: идэ ж, ўнучка идэ. Зрадила так: "Ой, бабо, ны журыцця, мэни там добрэ. Там мэнэ слуги и прыслуги, там мэни шо хочь е. Ой, я рада..." Ой, дэ там, ой. Вона кажэ: "Як жэ ты его вызывайиш так?" – та бабушка. А вона кажэ: «Я вын... сказала я йиму: "Хведя, выхади, Хведя, выхади!" – и той Хведя выйдэ». Та баба бэрэ сокеру, она положыла спаты ейи, а сама до тэйи рыки бэжыть, дэ вона купаласа, и вона крычыть: "Хведя, выхади, Хведя, выхади!" И вот

вона́, як вин вы́лыз, а вона́ як сэкну́ла и ёго́ пэрэве... – така́-а рыка́ ста́ла кра́сна, кров полыла́сь, и пошо́в вын. Вужэ́ вона́ збира́йицця йи́хаты. "Ой, нэ йидь, гну́чко, нэ трэ́ба йи́хаты тэби́, хай... иный́ трэ́ба. Ужэ́ там нэ бу́дэ ниче́го". Вона́ прыхо́дыть – ри́чка кра́сна-кра́сна. Она́ выклыка́е – ёго́ ныма́, вона́ выклыка́е – ёго́ нэма́. Выхо́дыть дру́гый, ка́жэ: "Твоя́ ба́ба прышла́, заруба́ла, соки́рою одруба́ла го́лову твэ́му чолови́ковы". И бы-жи́ть ба́ба туда́, шёб у́на ны втопы́лася: "Вин нэ вы́йдэ, мы ёго́ ... уже́ вин ны вы́йдэ, ты устае́сся с цим хло́пчиком и назви́ ёго́ Хфе́деію".И вот вона ду́мала, шо та ба́ба уста́нэщця, до ейи́ пи́дэ. Уна́ сказа́ла: "Ты будь, сыно́чьку, солувэ́йиком, а я бу́ду зузу́ля. Бу́ду кова́ты, всем людям жа́лю задава́ты, а ты, сыно́к, у садо́чку буиш шчебета́ты, у́сим жа́лю задава́ты, шо нэма́ на́шого ба́тька" (В.Квл. Уховецк, 1979 – А.Г.).

2. Моя́ мать каза́ла. От пошли́ де́у́ки на мо́рэ. Розде́лыся купа́тыся. Як воны́ поодэва́лыся, у одноє́й вуж лежы́ть на одэ́жы. А ты́е поу́тэка́лы. И вун дава́й з ей говоры́ть по-чолове́чъйи: "Ты нэ бу́йса мэнэ́, ходы́ зо мно́ю у́ мо́рэ. Я бу́ду дэтюко́м". Бо вун якы́й-то закля́тый буу́. И вона́ зь зим у́ во́ду у́ мо́рэ пошла́, и вон стау́ дэтюко́м. И у́ йих ста́ли де́ты. Дак вона́ схотэ́ла до ма́тэри: "Пойду́ я до ма́тэри у го́сты". И вона́ пошла́. А мать ка́жэ: "Ой, мо́жэ, у́ тэбэ́ во́шы напа́лы у́ го́лову ис ску́кы. Дава́й я по-шука́ю". Вона́ се́ла и засну́ла. А вон лежы́ть на бе́рэгу скру́тяный – вон сказау́: "Я тэбэ́ бу́ду жда́ты". Вона́ [мать] за соке́ру, соке́рою его́ посикла и у́ мо́рэ у́кинула. Вона́, дочка́, пошла́ до ёго́ и поба́чыла, шо вон посэ́чаный, у́ мо́рэ кроу́, и каза́ла, шчо

Сыны́ мойи́, лэти́тэ соловъя́мы,
А дочки́ – ластоу́ка́мы,
А я молода́ молоды́ца
Полэтю́ зовзули́ца

(Б.Пн. Ковнятин, 1981 – А.Г.).

3. Як була́ у ба́тьки дачка́. Пасе́ли ани́ на па́сху разговля́цца, ди́вяцца: варо́та ачиня́юцца, паны́ таки́е приежжа́ют сва́тать дачку́ и гаваря́т: "То́лько сеча́с мы дачку́ заберэ́м". Радители сагласи́лися, но пыта́ют, где ее́ шука́ть. А ани́ ка́жуть: "Бу́дэтэ шука́ть – есть таки́ Ниц-го́рад". Три го́да прашло́, ма́тка и ка́жэ ба́тькови: "Пади́ пашука́й, где мая́ дачка́". Хади́у́ он, хади́у́ и пыта́у, ци е где таки́ го́рад. Засну́у́ он я́к-то срэди́ чи́стаго по́ля, и рэ́чка недале́ко. И сни́цца ему́ – ка́жэ хто́-то: "Шука́еш ты год, друго́й, а ты у зя́тя на паро́зе. Иди́ да папа́, папраси́ у́ его́ свято́й вады́ и хрэст вазьми́ у́ ба́тюшки". Ба́тюшка ему́ у́се да́у, он вади́цю пасвяти́у́. Ста́ли схо́дцы. Там таки́ за́мок. До́чка аж а́хнула, а ён ка́жэ: "Гаспо́дь приве́у́ да те́бе. Пайде́м, до́нечка, ма́тка тебя́ заждала́ся." А она́ ка́жэ: "На́до мне дажда́цца сваго́ ку́пина. Он у́ужо́м зди́лау́ся, ника́к не дажду́ся его́". Ён пришо́у́ абыкнаве́нным челаве́кам да до́му и каза́у́ ей: "Хо́чеш, дак иди́. Три дене́чка ты пабу́дь до́ма, а пато́м при́деш да вады́ и кри́кнеш: "Ку́пин, ку́пин, вы́ди сюды́!" Ана́ пришла́, ма́тцы у́се расказа́ла, як там, хло́пец и ди́вочка у ее́. Прышла́ ей пара́ йти. А ма́тка ей ка́жэ: "До́нечка, як так? Пэрэначу́й". А сама́ пашла́, взяла́ тапо́р, ана́ взяла́ его́ галаву́ атсе́кла. Дочь ее́ пришла́, уви́дела кров, запла́кала и кажэ́ ма́тцы: "Скачи́ ж ты у́ мо́ре жа́баю, а ты, до́нечка, бу́деш ла́стачкай, шоб пэрэд гразо́ю лета́ла над вадо́ю и сваго́ ба́тька шука́ла". А сыно́чку ка́жэ: "Будь ты салаве́йкаю. Як вы́пустить ячме́нь ко́лас, тады́ ты зменя́й го́лас. А я бу́ду лета́ти, бу́ду кукава́ти и сваго́ ку́пина гука́ти" (Ч.Грд. Хоробичи, 1980 – Л.Гр.).

4. Жыла́ ба́бушка и ку́рка. Ку́рка була́ на лугу́, там – уж, той [уж] гово́рить: "Иди́ ка мне жыть, у мене́ тя́пло́". Ана́ и пашла́. Ба́бушка сама́ таскава́ла. Як к ней ку́рка у́ го́сти прийде́, ана́ ей и пшана́ до́брага насыплеть, и вади́чки чи́стай, а ку́рка все до вужа́ иде́. И звала́ ана́ ёго́: "Уж-каптýр, вылазь аттýль". Так ба́бушка то ба́чила, взяла́ сакеру, каза́ла: "Уж-каптýр, выла́зь аттýль". Вуж вы́лез – ана́ и рассе́кла ёго́. Ну, ку́рка пагаря́ва́ла-пагарява́ла, да и вярну́лась да бабу́шки (Ч.Чрн. Плехов, 1980 – Е.М.).

Считалки (13)

1. Э́ники бе́ники
Ели варе́ники.
Э́ники бе́ники клёц
Вы́шел пуза́тый матро́с.
(Ч.Грд. Хоробичи, 1980 –О.Б.)

2. Э́нэ бэ́нэ ри́ки па́ки
Тюль буль-бу́ль ка лы́ки сма́ки
Эус бе́ус киш маде́ус
Бац.
(Ч.Чрн. Плехов, 1980 – С.Т.)

3. Э́ни бе́ны ри́ки фа́ки
Ту́рда ю́рда сы́нты бра́ки
Да́о да́о киш мада́о
Бац.
(Ч.Чрн. Плехов, 1980 – С.Т.)

4. Э́не бе́не ри́ки та́ки
Сю́рба ю́рба сентебря́ки
Де́у де́у касмаде́у
Бац.
(Ч.Рпк. Злеев, 1980 – О.Б.)

5. Э́нэ бэ́нэ ри́ки фа́ки
Ту́рби ю́рби сентября́ки
Дэ́ва дэ́ва а́спа дэ́ва
Бац.
(Ч.Рпк. Злеев, 1980 – О.Т.)

6. А́на де́о ри́ка ба́ка
Шу́рба у́рба я́ка шма́ка
Де́ус де́ус кампаде́ус
Бац.
(Ч.Грд. Хоробичи, 1980 – О.Б.)

7. Ene due like fake
Torba burba usme smake
Eus deus kosmateus
Baks.
(Польша, Белостоцкое воеводство,
с. Клюково колонии,
в 10 км от Высокого Мазовецкого, 1981)

Дети приговаривают, когда хлопают друг друга по ладоням:

8. Соп соп са́йда бра́йда
Ри́та у́ма ла́йда бра́йда
Ри́та у́ма чи́ки бри́ки
Ри́та у́ма ла́йда.
Э́ни бе́ни ри́ки фа́ки
То́рба о́рба си́нти бра́кэ
Дэ́о дэ́о ко́смо дэ́о
Бац.
(Р.Дбр. Лесовое, 1978 – Т.П.)

9. Одно двено трино чичи пачи
Хипти вихти ново башци джен.
(С.Ахт. Ясеневое, 1981 – Н.Мр.)

10. Один тригодин
Транцан порицан
П'яда лада
Сукма дукла
Дев'ять дала дукла.
(С. Ахт. Ясеневое, 1981 – Н.Мр.)

11. Одно попено
Двекеке ремено
Дайнам гайнам
Сокори докори
Дрібчик клюк.
(С.Рмн. Басовка, 1981 – Н.Л.)

Играющие выставляют кулаки. Тот, кто считает, бьет кулаком и приговаривают:

12. Ак цук цумане́
А́баль фа́баль тумане́
Ри́ки ти́ки драмати́ки
Ин фин, прячь оди́н.
(Б.Млр. Мокраны, 1977 – Т.П.)

13. Ахла дахла чара чама
Хэнцэн мэнцэн тундер пиш
Ахлактэо корц.
(В.Квл. Поворск. 1979 – О.Б.)

Ка́жды, хто гуля́е, ста́вить па два па́льцы. И той, хто шчыта́е, тож ставить два па́льцы и шчыта́е:

14. Чики́лики мики́лнки
Лете́ли горобы́лики.

Чи́киль ми́киль
Па́льчик вы́кинь.

[На кого попадает последнее слово, тот убирает палец. Чей палец остается последним, тот водит]. (Ч.Чрн. Плехов, 1980 – С.Т.).

15. А́нтик ба́нтик,
Но́вый га́нтик,
Жесть кресть,
Яблочко и грушка
И печеная мушка.
(Ч.Грд. Хоробичи, 1980 – Л.З.)

16. Во́лка тарво́лка
Тэн ксёндз комбина́тор
По́ляк! [вар.: "Руский!", "Немец!"]
(Б.Пн. Синин, 1981 – Е.В.)

Н.В. Никончук

ПРАВОБЕРЕЖНОПОЛЕССКИЕ ГОВОРЫ С ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКОЙ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ

С 1970 по 1977 г. автором этих строк велась работа над региональным "Лексическим атласом правобережного Полесья" (ЛАПП). Атлас создан на основе полумиллионной картотеки. Обследованы говоры 600 населенных пунктов, из них 465, которые нанесены на карту, изучались автором лично. Эти 465 говоров и составили сетку ЛАПП. В картотеке ЛАПП хранятся материалы для 2000 карт. Треть из них уже оформлена в виде атласа, справочный аппарат части его карт вышел в свет в виде отдельной публикации[1]. На основе подготовленной части атласа написана докторская диссертация[2]. В данной статье предлагается ареалогическая и диахроническая интерпретация выявленных материалами атласа границ, отделяющих правобережнополесские говоры от соседних украинских и белорусских диалектных массивов и членящих правобережнополесские говоры изнутри.

До сих пор внимание диалектологов привлекали лишь некоторые изоглоссы полесских говоров. Украинско-белорусская языковая граница была обстоятельно изучена Т.В. Назаровой, объяснившей происхождение многих фонетических и грамматических изоглосс. Словообразовательные и лексико-семантические явления при этом почти не учитывались. Исключение составляет только украинско-белорусская граница по Ясельде–Припяти–Горыни, которая усилиями Ю. Тарнацкого была начертана, исходя из лексического материала. При этом оказалось, что конфигурация данной границы совпала с той разделительной линией, которую установил Е.Ф. Карский на базе данных украинской и белорусской фонетики и грам-

матики[3]. Что же касается внутреннего членения и группировки полесских говоров, то эта проблема в диалектологии до сих пор не только не решалась, но и не ставилась. Реально она могла быть решена только после возможно более полной фиксации и картографирования лексики полесских говоров.

Правобережнополесский диалект[4] украинского языка выделяется в диалектном континууме Полесья сложными комплексами латеральных изоглосс, в которых, как правило, одночленным противопоставлениям на фонетическом или морфологическом уровнях соответствуют многочленные оппозиции лексического и семантического ярусов. Так, одночленному фонетическому ареалу полесских монофтонгов *о, е* на месте древнерусских *о̂, е̂* в новозакрытых слогах, а также монофтонга *е̂* на месте ѣ соответствует ареал многочленного коррелята *бу́хта, бу́хто, о́тмут, о́дмут, о́дм'іт, о́дм'іт', о́тм'ік, в'і́рей, каза́н(о́к), котлова́н, ка́довб, кадо́вб'іна,, кайдо́вб'іна, кадо́вбн'а, ковто́банка, калдо́бан, крут'о̂лка, ка́верт, йами́на, йа́мч'іна, зато̂н, струйа́, прагно́йіна, кот'о́л, обр'ів, воро́нка,* а волынский ареал, который входит в территорию распространения икавизма, соотносится с многочленным лексическим корреспондентом *за́кисок, коловоро́т, ба́н'а, пай, зава́л, то́пл'аник, вт'а́жина, ви́р'ій, ко́вбн'а, ковдо́банка, закру́ча, крут'і́н', за́крутен', каве́рт', безо́дн'а, крини́ц'а, карйе́р, бака́й* – для значения 'омут'.

Одночленные лексические и семантические противопоставления, выступающие в комплексе разделительных изоглосс вместе с одночленными фонетическими и морфологическими оппозициями одного плана, являются менее распространенными.

Граница между волынскими и правобережнополесскими говорами проходит по линии на север от Ровно – на север от Новограда-Волынского (между селами Курчица и Вербовка)–верховье Уборти–верховье Ужи–правый берег Ирши – на север от Киева (между селами Лютеж и Сухолучье)–бассейн Остра на Черниговщине. Данная граница точнее отражает ареалы южноволынского и правобережнополесского диалектов, чем та разделительная линия, которая раньше проводилась по направлению Ровно–Новоград-Волынский–Житомир–Фастов–Переяслав-Хмельницкий. Передвижение междиалектной границы на север отражает влияние южноукраинских и сокращение ареала северных говоров украинского языка.

Самыми выразительными коррелятами северных и южных говоров, образующими разделительную линию между волынским и правобережнополесским диалектами, являются рефлексы древнерусских *о* и *е* в новозакрытых слогах, а также рефлексы ѣ. Традиционно к числу таких корреспондентов в первую очередь относились правобережнополесские дифтонги *у͡о, і͡е,* которые противопоставляются в этой позиции южным монофтонгам *і*, $и^{і}$, $і^{и}$, *и*. В отличие от установившегося в литературе мнения, на основании двадцатилетнего опыта полевой работы в Полесье, мы пришли к убеждению, что на севере Киевщины и Житомирщины, так же как и на правобережье Припяти, уже нет дифтонгов как особых фонем, которые бы противопоставлялись фонемам *о* и *е* бикомпонентностью произношения. На правобережном Полесье почти повсеместно уже завершился процесс монофтонгизации дифтонгов, вследствие которого возникли закрытые фонемы *о̂* и *е̂* верхне-среднего подъема. Наиболее широкое распространение, охватившее

почти всю правобережнополесскую диалектную область, получила семичленная симметрическая система вокализма:

i *у*
ê *ô*
е *о*
а

Примеры: *бôг, пôл, вôл, мôст, т'ôтка, шчôтка, жôнка, шôстка, кôн'; б(й)êлі, п(й)êрйе, в(й)êра, м(й)êрка, д'êд, т'êсто, з'êл'йе, с'êтка; п(й)êч, ос(')êн'н'і.*

Правобережнополесская фонологическая система вокализма моделируется также с учетом гласной *і*, объединившей древнерусские фонемы *и, ы*, вследствие чего из системы исключена фонема *и*, а из отношений устранены все оппозиции, связанные с различением фонем *і, и* – диспалатализация согласных перед *і* сделала такое противопоставление избыточным: *ті* из *ты, ході́ті* из *ходити.*

Бикомпонентностью артикуляции гласных правобережному Полесью противопоставляются левобережнополесские говоры, где нами отмечены фонемы *i͡e* и *у͡о*. Но и на правобережном Полесье встречаются островные ареалы, на которых монофтонгизация дифтонгов еще не завершилась, – это среднеслучские и сарненские говоры.

Большую роль в синхронии и диахронии полесского вокализма играют позиционные ограничения. Среди регулярных позиционных ограничений самыми релевантными являются те, которые связаны с ударением. Полностью зависит от ударения рефлексация *ę* почти на всем севере Украины и в переходных украинско-белорусских говорах. Безударная позиция в северных говорах является позицией неразличения, где противопоставление рефлексов *ę:е* исчезает, нейтрализуясь в пользу *е: св'áто:светíлка*, а в южных говорах оппозиция *ę:е* различается современными рефлексами независимо от ударения: *пйатú – пéч'і:печáми.* Аналогичным образом изменяется на севере в зависимости от ударения гласный *а* после *й: йáловка:йеловчýк.*

Дифференцирующая роль ударения находит также выражение в консервации старых различений *ѣ:е.* В северной части украинского языка структурное различение ударных и безударных слогов определяется оппозицией рефлексов *ѣ:е,* свойственных только ударным позициям: *пêна: пéч'і.* В южных говорах этого различения нет – здесь независимо от ударения рефлексом *ѣ* выступает *і(д'ід:д'ідóк),* в то время как на севере под ударением *ê(i͡e),* в безударной позиции – *(')е, и (д'êд:д(')едóк, дидóк).* На фоне расширения этимологической основы *е* и прироста ее дистрибуций в безударной позиции, соотношения *á:а* (после твердых согласных), *ý:у, ó:о* сохранили древнейшее состояние. В этом смысле провобережное Полесье существенно отличается от Волыни с ее уканьем *(пулутнó)* и Белоруссии с украинскополесским левобережьем, где развилось аканье.

Существенно отличаются говоры правобережного Полесья от южных фонетической реализацией согласных. В позиции перед *і* – заменителем древнерусских фонем *и, ы* – губные согласные, *р*, шипящие, заднеязычные и глотковый *г* всегда мягки: *м'íло* из *мыло, м'íлî* из *мúлый, р'íба,*

р'іска, ж'іто, г'іб(й)ет('), к'ідат('). Данную закономерность, в отличие от установившегося мнения о гиперическом происхождении некоторых позиций, в частности о происхождении мягкости лабиальных, мы склонны объяснять фонетически – качеством звука *і*, который образовался вследствие полесской тенденции к генерализации *і* в объединительном процессе *ы, и → і*.

В зависимости от фонетического процесса отвердения зубных перед *і* из *и* оформились инфинитивы на *-т* *(роб'іт)*, личные формы глагола с диспалатализованным *-т* в окончаниях *(вôн л'уб'іт, воні л'убет, воні пр'ібежат)*, форма 2 л. мн.ч. повелительного наклонения *(ід'ет, пиет)* и формы числительных на *-т (девет, двацет)*[5].

В качестве диалектных разграничителей выступают также факты разноместного ударения в местоимениях (волынск. *за його, за н'ого* – полесск. *за його*), в инфинитивах с закрытой односложной основой (волынск. *нести* – полесск. *нест́і*), в форме 1 л. наст.вр. некоторых глаголов (волынск. *ход'у* – полесск. *ход'у*) и др.

Морфологические противопоставления правобережного Полесья и Волыни обусловлены в подавляющем большинстве причинами просодического характера. Так, в род.п. ед.ч., в им.п. мн.ч. существительных I склонения мягкой и смешанной групп окончания четко регламентируются ударением: в ударной позиции употребляется *-ê* (рефлекс *-ѣ*), например: *н'емайе гул'н'ê, поломал'іса тройн'ê*, а в безударной *-і*, например: *нема бодн'і, стойат бодн'і*[6]. Ту же закономерность влияния ударения на распределение окончаний мы наблюдаем в им.п. мн.ч. существительных муж.р. II склонения мягкой и смешанной групп: ударные окончания рефлексируют древнерусское окончание *-ѣ (крайê, мачê)*, а неударные поддались воздействию твердой основы *(кон'і)*. В отличие от южных говоров в полесских неударные окончания дат. и предл.п. ед.ч. существительных I склонения и предл.п. ед.ч. существительных II склонения тоже другие, чем ударные: в безударной позиции выступает *-і* *(хат'і, на хат'і, на дуб'і, на пол'і)*, а под ударением употребляется *-ê (іе): вод'ê, у вод'ê, на стол'ê, на окн'ê*.

Соотношение ударных и безударных окончаний осталось и в формах им.-вин.п. дв.ч. существительных жен. и ср.р. I и II склонений: *д'вê ноз'ê, тр'і ведрê*, но *д'вê хаті, тр'і слов'і*.

В качестве разграничителей волынских и полесских говоров, связанных с рефлексацией *ѣ* выступают также противопоставления *ус'і:ус'ê, йіиі: йейê, мойі:мойê, мен'і: м'ін'ê, тоб'і:тоб(й)ê, соб'і:соб(й)ê* и др.

К другим разделительным изоморфам относятся окончания прилагательных муж.р. в им.п. ед.ч. (северная форма *добр'і, с'ін'і*, южная *добрий, син'ій)*; окончания прилагательных в им.п. мн.ч. *(молодійе, с'ін'ійе:молод'і, син'і)*; формы прилагательных жен.р. в род.п. (полесск. *пр'іч'іннойе д'êвк'і*: волынск.*гарнойі д'івчини)*; формы сравнительной степени (полесск. *с'іл'н'êйш'і*: волынск. *сил'н'іший)*; формы глаголов повелительного наклонения 2 лица ед.ч. (полесск. *б'і*: волынск. *бий)*; противопоставление императивных окончаний волынск. *-імо(-ім), -іте (-іт')*: полесск. *-êм, -êт(')*; противопоставление волынских форм дат.п. ед.ч. *дубов'і, на дубов'і, конев'і, на конев'і* полесским *дубу, на дуб'і, кон'у, на кон'ê*; отсутствие на правобережном Полесье приставного *н-* в формах предметно-личного местоимения *+онъ* и др.

Кроме того, ареальное противопоставление правобережнополесских и южноволынских говоров на уровне фонетики и грамматики дополняется оппозицией на уровне лексики и семантики (326 карт), словообразования (14 карт) и на уровне семантических микрополей (21 карта). В подавляющем большинстве эти противопоставления многочленны, но все-таки выделяется определенное количество карт, которые демонстрируют на фоне островного распространения отдельных коррелятов конфронтацию широких ареалов с одной и другой стороны "барьерной" линии. Так, с полесской стороны выступают лексемы *какалу́ша* 'черемуха', *дров'і́ца, дров'і́чка, дро̂вка, йадро̂вка, двор'і́ца, дрогв'і́ца* 'первотелка', *кні́га* (и варианты) 'чибис', *⁺моро́гъ* 'спорыш', *⁺(г)ро̂йло, ⁺(г)райло́* 'большое, толстое, жирное животное', *вол'ова́ха* (и варианты) 'цапля серая', 'цапля рыжая', *в'і́л'ч'ік* (и варианты) 'гребень крыши', *л'е̂тос'* 'в прошлом году', *дойо́нка* 'подойник' и др. С волынской стороны распространены такие лексико-семантические явления, как *(в)йуро́к, (в)йурко́* 'заостренный колышек для вязания снопов', *лича́к* 'лапоть', дериваты, образованные суффиксом *-ис(ь)ко,* и др.

"Барьерной" границы между северными и южными говорами украинского языка не существует. Она проводится на карте условно по вершине амплитуды переходной волны, которая начинается и кончается в диалектных ядрах конфронтирующих ареалогических подразделений. Переходная волна отражает на синтетической карте широкую полосу переходных и смешанных говоров, вершина ее амплитуды образуется густым пучком разделительных изоглосс, а по краям пучок ослабевает. Так, например, на севере начало полесско-волынской переходной волны находится там, где кончается белорусско-украинская переходная волна. Волнообразное размещение на карте разделительных изоглосс выражает континуумный характер диалектного ландшафта.

На всех уровнях языка переходность проявляется в форме диалектной синонимии или постепенного затухания (проникновения) конфронтирующих элементов. Эту форму переходности вернее будет назвать смешением говоров. Например, синонимия южного *ополо́нка* и северного *пе́л'ка* 'прорубь', *топори́с'ко* и *топор'і́шче,* *пу́пйанок* и *пу́па(е)шка* 'почка'. На уровне семантических микрополей сводные карты отражают смешанный характер говоров как наложение друг на друга ареалов дистрибуций (конфигураций).

Но самым выразительным признаком переходности является оформление третьей системы, отличной от конфронтирующих систем. Особенно ярко это проявляется в фонетике. Так, на гребне южноволынско-полесской переходной волны находится ареал самого характерного переходного рефлекса этимологического *о* в новозакрытых слогах – рефлекса *е̂*: *посте̂л* 'лапоть', *ре̂дни* 'родной', *ре̂г* 'рог', *(г-, в-)е̂всиⁱшче* 'поле, на котором рос овес' а также рефлекса этимологического *е* в сочетании *⁺СеСъ* (*С* – всякий согласный): *шче̂тка, т'е̂тка.* Возникновение *е̂* в сочетаниях *⁺СоСъ(ь)* и *⁺СеСъ* получило в литературе свое истолкование как возможное следствие фонетического развития дифтонга *у͡е*[7]. Но в таком объяснении неясны причины возникновения гетерогенности самого дифтонга *у͡е.* Тот примечательный факт, что в переходных говорах произошла замена ряда гласного (*⁺конь → → ке̂н'*), привел нас к убеждению, что данный переходный феномен развился не фонетическим, а экстернолингвистическим, контактным, путем. В ре-

зультате взаимодействия северных говоров, где различается ряд гласных в новозакрытых слогах *(пôп, пêч)*, и южных, предпереходных, в которых данное различение нейтрализовалось *(пип, п'ч, пич)*, южная тенденция неразличения реализовалась полесским средством – гласным переднего ряда *ê*, т.е. налицо суперкорректная субституция, аналогичная той, которая возникла в ареале белорусско-украинского гиперического оканья (типа *кóзи –козá : кáже – козáт')*.

Граница между правобережнополесским и волынско-полесским диалектами проходит в основном по Горыни: на средней Горыни несколько севернее Ровно она имеет дисперсный характер и проходит по левобережью; в районе Сарн она переходит на правый берег реки и небольшим изгибом приобщает к ареалу волынско-полесских говоров тутовичский говор, потом снова возвращается на левобережье и по левому берегу Горыни поднимается по направлению к междуречью Ясельды и Цны.

По основным чертам ударного вокализма волынско-полесские говоры противостоят как ареалогический антипод северноукраинскому наречию вместе с южными говорами украинского языка (рефлексация в сочетаниях *⁺Cѣ, ⁺CоCъ (ѣ), ⁺CеCъ (ъ))*.

В свою очередь волынско-полесский диалект противопоставляется правобережному Полесью чертами, распространенными только в его ареале[8]. Фонетические и грамматические локализмы волынского Полесья поддерживаются значительным числом лексических, семантических и словообразовательных регионализмов, которые выступают в качестве территориальных коррелятов правобережнополесским фактам на соответствующих уровнях: *п'ідмолóди* 'старший друг жениха на свадьбе'; *квашел'íна* 'студень'; *гúбка* 'лыко, свернутое в кольцо'; *кал'íт'* 'покрывать глиной; белить'; *шчéл'ад'* 'челюсть'; *л'óстк'і* 'иголки хвойных деревьев'; *осýга* 'легкий пушистый снег, который оседает на деревьях при тихой погоде'; *чáква* 'топь, трясина'; *стýбла* то же; *бал'авýха* 'непроточный рукав реки'; *кош'íл'* 'вид свадебного покрывала'; *пл'áзни* 'пологий, покатый'; *л'áстка* 'боковая щека трепалки'; *кýбло* 'часть поверхности водоема, свободная от водорослей'; *хмел'íнá* 'листья и стебли огурцов'; *швóраб* 'воробей' и мн. др.

Точно так же выделяются левобережнополесские говоры как ареалогический оппозит правобережнополесскому диалекту. На фоне важнейшей левобережнополесской фонетической черты – недиссимилятивного аканья – выделяются лексические, семантические и словообразовательные особенности полесского левобережья: *кард'ýчка* 'загнутая палка, на которую опираются при ходьбе'; *лýбка* 'долбленая деревянная посудина цилиндрической формы'; *рагáтки* 'подкладка для перетягивания плуга'; *жвор, жарвáк, гурвáк,* 'ботало', *вовк* 'два дерева, которые вырастают из общего корня'; *какар'ака* то же и мн. др.

Широкий ареал занимает белорусско-украинская языковая граница. Она образуется изоглоссами таких явлений, как недиссимилятивное аканье, яканье, лабиализация *е* в позиции после исконно мягкого согласного *(вс'т'óбка)*, суффикс *-ва- (одвêдват')*, мягкость зубных перед *е, і*, смягчение некоторых корневых дентальных в сочетании с губным *в* перед *е, і*, а также *о* из *е (д'вéр'і, бот'в'íн'н'е, с'вêт, чет'вóртî)*, мягкость губных перед *е (в'éл'м'і)*, отсутствие ассимиляции сонанта *й* переднеязычными в формах типа *лôз'йе, грýд'йе*, "протетический" *й* в формах местоимений *йôн, йа-*

на́, йеани̑́, перенесенный из форм косвенных падежей указательного местоимения *и,* архаические формы дат. и предл.п. мн.ч. существительных II склонения: *воло̂м, на воло̂х,* нестяженные формы им.п. ед.ч. прилагательных ср. и жен.р.: *до́бройе, до́брайа* и др. Параллельно с этим украинско-белорусские противопоставления свидетельствуют 162 лексические и семантические карты, 14 словообразовательных карт и 10 карт семантических микрополей.

Здесь проходят такие белорусские изолексы, как *ж'івйо́ла* 'скот', *навал'н'і́ца* 'гроза', *гук* 'стрелка лука', +*(в)одьри́на* и *гумно́* 'хлев', *шчан'* 'кадь, в которой хранится зерно', 'деревянная посудина, в которой солится капуста, огурцы, помидоры', *варовн'і́ца* то же, *ла́па, ла́п'ік, лапе̂ка, зала́па* 'заплата', *пру́га* 'ременный пояс' и др.

Украинско-белорусская диалектная граница представляет собой тип переходных говоров, которые и в ареалогическом, и в структурном отношении могут быть приравнены к самостоятельному диалекту. Южный край переходного ареала проходит по линии южнее Чернигова–север Чернобыльского и Полесского р-нов на Киевщине–север Овручского и Олевского р-нов на Житомирщине–север Рокитновского и Дубровицкого р-нов на Ровенщине–левобережье нижней Горыни–р. Ясельда. Северная кромка переходной украинско-белорусской полосы пролегает на северной Черниговщине по Репкинскому р-ну, на правобережье Днепра по нижней Припяти несколько севернее республиканской границы–Ельский р-н–Лельчицкий р-н – Туровщина–бассейн р. Цны на левобережье Припяти.

На фонетическом уровне можно отметить, что в переходных говорах сосуществуют стадиальные формы, показывающие эволюцию переходного явления. Например, на Туровщине варианты *выУн'ес'т'і, быУстр'і* являются промежуточной стадией к современной форме *ву́н'ес'т'і, бу́стр'і.* Постоянным признаком переходных говоров является параллельное употребление фонетических вариантов в одной и той же системе. В качестве фонетических вариантов выступают на Мозырщине *цеп'і́лно* и *цап'і́лно* 'рукоять цепа', *чер'е̂н* и *чар'е̂н, шер'е̂н* и *шар'е̂н* 'наст'. Но самым выразительным признаком переходности остается белорусско-украинская фонетическая гиперизация: гиперическое оканье как результат реализации белорусского принципа неразличения *а* и *о* в неударной позиции украинскими средствами (*па́л'та – пол'то́, бат'ко – бот'к'і́,* мат'і – мот'ерк'і́)[9]; гиперическое аканье, развившееся вследствие воздействия фонологического принципа аканья на гиперическое оканье *(гоалава́)*[10]; гиперическое еканье, которое развилось в акающих говорах, где неразличение гласных неверхнего подъема распространилось и на позицию неударного *е,* осуществив передвижение *е* в *еа*, что после шипящих и *р* способствовало переходу этимологического безударного *а* в *е* или *еа* *(грен'і́ца, шега́т')* и даже с лабиализацией гиперического *е (родно́, жора́, треова́)*[11]; гиперкоррекция слова *хл'е̂в: хло̂в* (под влиянием форм типа *кл'о̂н);* гиперкоррекция мягкости *л (стол'і́* 'столы', *вол'і́* 'волы', *мал'і́йе* 'малые' (говоры Сарненского и Рокитновского р-нов на Ровенщине) и другие фонетические явления. Аналогичный процесс субституции, хотя и в меньшей мере, имеет место и в морфологии: *д'ве̂ руке̂* на нижней Припяти по отношению к украинскому ареалу *д'ве̂ руце̂* и белорусскому *д'в'е̂ рук'і́*[12]; *йо̂н ходз'іц'і, йеани́ про́с'ац'і, йени́ хо́дети,* развившиеся по аналогии структурной связи

в ареале столкновения говоров, в которых инфинитивный суффикс и флексия 3 л. выражены омонимично *(йôн хóдз'іц' – бýдз'е хадз'íц'),* и говоров, в которых данные форманты различаются *(йôн хóдз'іц – бýдз'е хадз'íц'і)*[13]. Доминирующим в структурной аналогии оказался принцип грамматической омонимии, что и обусловило развитие интерферентного синкретизма *йôн хóдз'іц'і – йôн бýдз'е хадз'íц'і.*

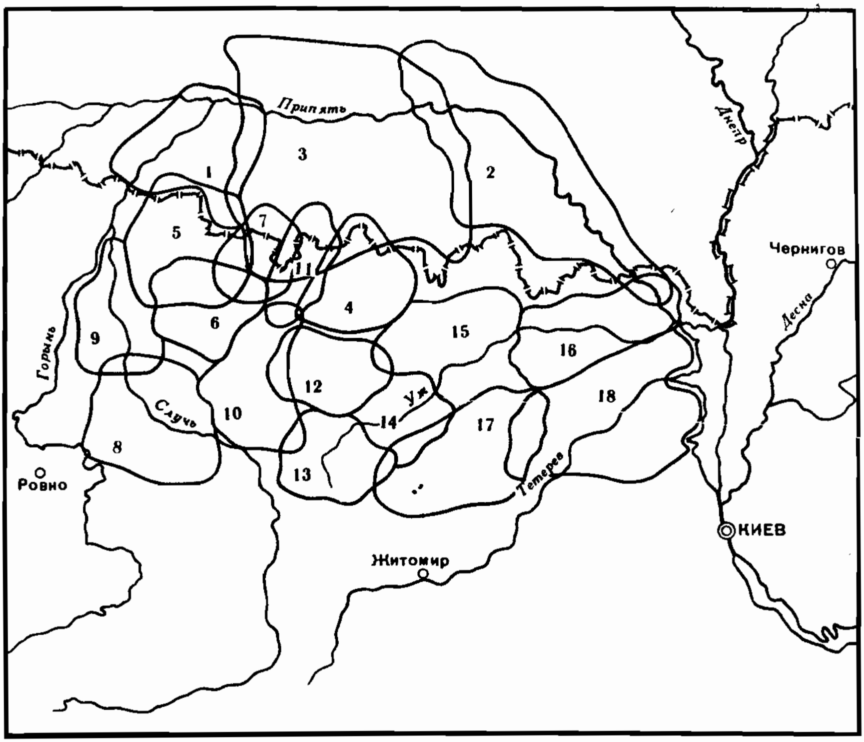
На лексико-семантическом уровне переходность проявляется в форме междиалектной синонимии: укр. *тýча* и блр. *навал'н'íца* 'гроза', укр. *луна́* и блр. *рéхо* 'эхо', укр. *полóва* и блр. *мйак'íна* 'мякина', укр. *кочергá* и блр. *ко(а)вен'á* и т.д.

О постепенности перехода одного говора к другому говорит лексическая и синтаксическая контаминация. Взаимодействие оппозиционных лексических единиц, соприкасающихся в синтагматическом ряду, приводит к образованию третьих языковых единиц – лексем и синтагм, которые функционируют в парадигме промежуточной диалектной системы. В лексике этот процесс можно проследить в структуре простой лексемы *сáпан'іца,* которая образовалась из морфем слов *сáпа* и *капан'íца* 'мотыга', и сложной лексемы *качáлка рубчáста,* возникшей на стыке укр. *рýбел', рубéл'* и блр. *качáлка* 'валек для катания белья'.

Переходные моменты наблюдаются и в семантике. Карта № 356 ЛАПП показывает, что *мйак'íна* 'мякина всех злаков' распространена на белорусском ареале, а *полóва* в том же значении – на украинском. В переходных говорах проводится семантическая дифференциация: *полóва* – 'пшеничная, ржаная и ячменная мякина', а *мйак'íна* – 'льняная, просяная мякина'.

Граница между переходными украинско-белорусскими говорами и юго-западным диалектом белорусского языка показывает южный край белорусских явлений: диссимилятивного аканья и яканья *(пагóда, з'авз'ýл'а, б'адá)*, цеканья-дзеканья *(ц'íха, дз'íк'і)*, форм настоящего времени глагола типа *іл'йóц'* нестяженного окончания прилагательных ср.р. в им.п. ед.ч. *(грибóвайе мêста)* и др. Ареалу белорусских фонетических и морфологических явлений соответствуют ареалы явлений на лексико-семантическом уровне (41 карта), на уровне словообразования (25 карт) и на уровне семантических микрополей. Даже предварительный список лексико-семантических и словообразовательных изоглосс, тяготеющих к границе аканья или замыкающихся в его ареале, сигнализирует о территориальной взаимосвязи специфических явлений, развившихся на различных уровнях и оформивших сообща данную границу.

На лексическом уровне: *двайн'áк, двайн'íк* 'два дерева, которые вырастают из общего корня'; *мож'ев'éл'н'ік* 'растение азалия понтийская'; *атвáл* 'широкая часть плуга, которая отваливает пласт земли'; *с'в'áлце, с'йáсло* 'кольцо лыка'; *палáтк'і* 'чердак в сарае'; *(а)дувáнч'ик* 'одуванчик'; *кукýшка, кукýла* 'кукушка', и др. На словообразовательном уровне: *ýтва, (в)ýтка* 'утка', *запатúлак* 'клинышек, при помощи которого коса соединяется с косовищем'; *мáтка* 'мать' и др. Эти изоглоссы, которые соответствуют изофоне аканья, дополняются изоглоссами, очерчивающими в юго-западном белорусском массиве отдельные ареалы ограниченного распространения. В частности, целый комплекс изоглосс вычленяет в междуречье Днепра и Припяти ареал брагинских говоров *(клóчча* 'легкий пушистый снег, который садится на деревья при тихой погоде'; *аткý-*



Карта 1. Группировка правобережнополесских говоров

1 – нижнегорынские говоры; *2* – мозырские говоры; *3* – туровские говоры; *4* – верхнеславечанские говоры; *5* – львиские говоры; *6* – верхнествижские говоры; *7* – среднествижские говоры; *8* – среднеслучские говоры; *9* – нижнеслучские говоры; *10* – верхнеубортские говоры; *11* – среднеубортские говоры; *12* – жеревские говоры; *13* – верхнеужские говоры; *14* – среднеужские говоры; *15* – говоры возле слияния рек Ужи, Норинии и Жерева; *16* – нижнеужские говоры; *17* – иршанские говоры; *18* – нижнететеревские говоры.

тац' 'отучить детеныша домашнего животного от матери'; *на́врина* 'бревно, которое лежит на сохах и служит в овине основой гребня крыши'; *чо̂пл'ік* 'большое деревянное ведро для вытаскивания воды из колодца коромыслом (журавлем)'; *ко̂стачка* 'палочка для регулирования вертикального положения нита и бердовой рамы с бердом'; *каше́л'* 'липовый лапоть'; *ши́шки* 'замерзшие комья грязи" и мн. др.)

На основе сравнения со всеми правобережнополесскими говорами ядерных лексических, семантических и словообразовательных ареалов внутри правобережнополесского континуума, оформившихся перекрещением изоглосс каждого уровня отдельно и всех ярусов вместе, идущих с перифе́рии данного ареала (микроареала), в системе правобережнополесского диалекта и в переходных украинско-белорусских говорах выделяются 18 групп говоров (см. карту 1).

Объем данной статьи не позволяет рассмотреть эндемические факты каждой группы, поэтому мы ограничимся тем, что отметим эндемизмы туровской группы говоров, а из всех остальных групп приведем по одно-

му примеру соответственно лексического, словообразовательного и семантического эндемизма (явления, которое в других зонах литературой пока не отмечено).

Регионализмы туровских говоров.

На лексико-семантическом уровне: *мо́лока* 'топь, трясина'; *кл'ешча́, кл'е̂шча, кл'е̂шч'іна, кл'е̂шчов'і́на* 'одно из двух (или большего количества) деревьев, которые вырастают из общего корня'; *бук* 'трубчатый цветочный стебель лука'; *кл'ешч'і́на* 'растение лещина обыкновенная'; *ч'і́пец* 'растение ситник'; *о́бл'ед'ен'* 'гололед'; *згуг* 'эхо'; *глуш'і́ца* 'ботало'; *ковпа́к* 'рыболовная ловушка в виде длинной рукоятки и двух накрест соединенных палок с прикрепленной к ним сеткой, намет, паук'; *по́врей* 'теплые края, куда птицы улетают на зиму'; *с'ін'і́цка с'е̂ра* 'птица трясогузка белая'; *трасогу́бка* то же; *городо́к* 'птица жаворонок хохлатый'; *з'ем-л'а́нка* то же; *бук п'е́рвойе па́ш'і* 'годовалый бычок'; *карма́* 'тупой конец яйца'; *ко́м'ін* 'фабричный прибор для подкуривания пчел'; *брус* 'поперечная балка, на которой крепится потолок'; *харо́ма* 'навес для сена в виде подвижной крыши на четырех столбах'; *піа́ли* 'бердовая рама, набилки'; *кол'е̂нце* 'цевковидная чурочка для регулирования вертикального положения нита и бердовой рамы с бердом'; *кас'н'і́к* 'лента для пеленания ребенка'; *ком л'ону* 'льняной обручик, на который замужние женщины закручивали волосы'; *кал'і́тка* 'лыко, свернутое в виде восьмерки'; *ре̂занк'і* 'очищенная от кожуры картошка, которая при варении солится'; *кн'аж, кн'аз'о́к* 'старший друг жениха на свадьбе'; *черн'а́к* 'кровавый след от удара кнутом или другим тонким предметом'; *павро́з* то же; *п'е́рга, перга́* 'перхоть'; *ла́стове́чѐ работ'е̂н'н'е* 'веснушки'; *рога́л'* 'сорванец'; *пу́тра* 'потертая солома'; *ку́б'ел* 'деревянная клепочная посудина для меда', *гре̂бка* 'весло без поперечной ручки'; *га(о)лу́за* 'палка, очищенная от веток', 'нарост на дереве', 'пьяница, бесхозяйственный человек' и др.

На словообразовательном уровне: *закавто́бйе, закавто́б, закалто́бина* 'колдобина'; *коз'і́л'н'ік* 'растение ситник'; *кожа́рн'ік* то же; *шупо́ло́н'ік* 'головастик'; *ро̂г, рога́к, рога́ч* 'грибковый паразит на колосках в виде черного рожка ржи, спорынья'; *с'евшчи́к* и *с'е̂вшчик* 'сеятель'; *калату́шка* 'деревянный колокольчик, который цепляется скоту на шею'; *шчел'еп'і́на* 'челюсть', *ковб* 'свиной желудок'; *стре̂п* 'бревно, которое лежит на сохах и служит в овине основой гребня крыши'; *оче̂л'йе* 'вход в печь вместе с дугоарочным перекрытием над ним, чело, челесник'; *збо́йіч* 'деревянное или металлическое лопатоподобное приспособление для набивания обручей'; *чепл'е̂йн'ік* 'сковородник'; *поло́с'іна* 'полоса дубовой заболони, которая используется для плетения лаптей'; *од'а́га* 'одежда'; *зала́па* 'заплата'; *сту́пец, сту́печ* 'стоптанный лапоть', *раск'е́па* 'воловье дышло'; *тро^айн'і́ца* 'деревянная развилка в задке телеги'; *про́ворина, провори́на* 'жердь, которая соединяет передок и задок телеги'; *довбл'о̂нка* 'челн — выдолбленное из цельного ствола дерева небольшое суденышко'; *за́т'і̂цен'* 'колышек, которым соединяется ярмо с дышлом'; *оратá́р* 'пахарь'; *захоло̂д* 'студень' и др.

Регионализмы других говоров:

нижнегорынские (давид-городокские) говоры — *го́рин'ка* 'часть водоема, которая врезается в сушу', *опуха́* 'тупой конец яйца', *ку́дра* 'мокрый луг, место на лугу, где собирается вода и где много грязи';

среднеприпятские (мозырские) говоры – *стóцтва* 'комплект становых ткаческих принадлежностей без стоек', *с'т'êл'* 'нижняя доска в кузове повозки', *лашчúнка* 'проталина';

верхнеславечанские (верхненоринские) говоры – *нáмозкол'* 'слой древесины, который растет между сердцевиной и корой, заболонь', *шчабл'ôнка* 'поперечная перекладина в повозной грядке', *пухá* 'заболонь', 'гнилая древесина', 'слабый, болезненный человек', 'плохая, некачественная работа', 'чепуха';

львинские говоры – *вôтр'іна, вýтрав'іна* 'решетчатая грядка тележного ящика', *крумáк* 'ворон', *порос'л'á* 'возвышенное сухое место на болоте';

верхнествижские говоры – *стýга* 'топь, трясина', *роскêп'ік* 'деревянная развилка в задке телеги', *плат* 'торбочка со скошенной нижней частью для выжимания творога';

среднествижские говоры – *кал'ейíна* 'ил', *д'агó* 'полоса из заболони дубка, которая употребляется на плетение лаптей', *робота* 'пчелиная перга';

среднеслучские говоры – *шкваровáта хвойíна* 'смолистая сосна', *пáпорошка* 'первый снег', *ж'івотóк* 'мягкий кончик пальца';

нижнеслучские (сарненские) говоры – *л'áска* 'ботало', *перх* 'перга', *чолó* 'вышитая передняя часть головного убора женщин';

верхнеубортские говоры – *нúжн'е болóн'н'е* 'пологий берег, пологая гора', *в'íскарака* 'одно из двух (или большего количества) деревьев, которые вырастают из общего корня', *плéсо* 'широкая проталина';

среднеубортские (олевские) – говоры – *брикýн* 'головастик', *кр'ін'íчоват'і на* 'родник', *стрôй* 'комплект становых ткаческих принадлежностей без стоек';

жеревские говоры – *ш'íл'ага* 'вербовый лапоть', *вузêрйе* 'нижняя часть снопа', *бáбка* 'растение ситник';

верхнеужские говоры – *клеп'íшче* 'выстроганная или набитая глиной площадка, на которой молотят зерновые', *багн'ýк* 'свиной желудок', *плáхта* 'крепкое полотно, в котором прессуется маслобойная масса';

среднеужские (коростенские) говоры – *óбмолод'* 'заболонь', *вôйна* 'воловье дышло', *перó* 'плужный нож';

говоры возле слияния рек Ужи, Норини и Жерева – *пасог* 'сосулька', *осмáл* 'смолистая сосна', *кул'бáка* 'нарост на дереве';

нижнеужские говоры – *глéво* 'трясина, топь', *плáста* 'крепкое полотно, в котором прессуется маслобойная масса', *скв'íра* 'непогода: ветер, снег и дождь одновременно';

иршанские говоры – *лутúц'а* 'смолистая сосна', *лежайóк* 'досточка-сиденье в бортническом лазиве', *стодóл'а* 'колодец';

нижнететеревские говоры – *пáтош* 'все съедобные грибы, кроме гриба белого Boletus edulis', *рáкл'а, рáгла* 'одно из двух (или большего количества) деревьев, которые вырастают из общего корня', *гайтúна* 'сосновая колодка, из которой дерется дранка на коробки'.

Обращает на себя внимание тот факт, что в границах правобережнополесского диалекта практически отсутствуют диалектные зоны. Это значит, что он формировался на основе диалекта одного этноса – племенного союза, подразделявшегося на племена и роды.

Важно также отметить, что на правобережнополесском массиве нет диалектных явлений, изоглоссы которых очерчивали бы все границы правобе-

режнополесского диалекта по периметру одновременно. Это означает, что нет общеправобережнополесских инноваций, как и нет общеславянских архаизмов, отсутствующих в диалекте.

Современная южная граница правобережнополесского диалекта, разделяющая его с южноволынскими говорами, уже не совпадает с границей археологических культур. Рубежи между черняховской и позднезарубинецкой культурами проходили по линии Ровно–Житомир[14], а современная диалектная граница проходит севернее на расстоянии примерно в 40–50 км, что отражает воздействие южных говоров и литературного языка на северноукраинские говоры. Но ее территориальное приближение к тому пограничью, которое разделяло ареалы черняховской археологической культуры с юга и припятского варианта позднезарубинецкой культуры первой половины I тыс. н.э. и памятников типа Корчак и Лука Райковецкая VI–IX вв., ретроспективно говорит о том, что данная диалектная граница возникла в результате ареального противопоставления древлянского племенного диалекта оформившегося в области припятского варианта позднезарубинецкой культуры, и диалекта волынских племен, которые обитали в границах волынского варианта черняховской археологической культуры.

О том, что современная южноволынско-полесская диалектная граница определялась не феодальными рубежами, а границами археологических культур, соответствующих этнодиалектному разделению, ретроспективно говорят три признака:

а) современная диалектная граница не совпадает на исторической карте ни с феодальными, ни с другими политико-административными границами; внутри правобережнополесского диалекта отсутствуют какие-либо диалектные зоны, границы которых совпадали бы с границами разделявших его Владимиро-Волынской земли (княжества), Киевского княжества и Турово-Пинской земли XI–XIV вв.[15];

б) территориальное приближение диалектной границы к разделительной полосе между волынской зоной черняховской культуры и припятским вариантом позднезарубинецкой культуры первой половины I тыс. н.э. и памятников типа Корчак и Лука Райковецкая VI–IX вв.;

в) наконец, хронологический признак – изоглоссы южноволынско-полесского диалектного пограничья одновременно и древнее, и моложе феодальных границ: судя по большим ареалам распространения в славянских языках, к праславянскому периоду можно отнести такие изоглоссы, как *⁺черенъ(ь)*, *⁺серенъ(ь)*, *⁺шеренъ(ь)* 'наст', *стругв'іні, стружи́на, стругл'і́на, струго́вина* 'ежевика нессейская', образования от корня *гайт-* 'полоса древесного ствола'; к древнему периоду относится зарождение и формирование тех изоглосс, которые приобщают к славянским ареалам балтийские: *⁺ла́пити* 'нашивать заплату', *д'аг, д'ага, д'а́жка, д'аго́* 'полоса лыка, дубовой заболони, из которой выплетали лапти, кошели, корзины, ткали решета и т.п.'

Те явления, которые хронологически согласуются с периодом древнерусского языка, не согласуются с феодальными границами территориально. Они занимают различные восточнославянские зоны и на современной диалектной карте представляют собой трансформированное отражение древнерусских диалектных зон, связанных с участием в их формировании племенных диалектов. Не позже древнерусского периода образовались та-

кие полесские изоглоссы: рефлексация общеславянского *ę→е (пйатка – пета́)*[16]; сужение *'ä→е* после согласного *й* в неударной позиции[17]; и, судя по распространению в нескольких диалектах, слова *какалу́ша, коколу́ша, калакалу́ша, gанgалу́жа* 'черемуха'; *дров'і́ца, дров'і́чка, дрôвка, йадрôвка, двор'і́ца, дрогв'і́ца* 'первотелка', *кн'і́га, кн'і́гавка* 'чибис', *+морогъ* 'спорыш', *+(г)ро́йло, +(г)райло́* 'большое, толстое, жирное животное', *вол'ова́ха* 'цапля серая', 'цапля рыжая', *в'і́л'ч'ік* 'гребень крыши', *л'е̂тос'* 'в прошлом году', *дойо́нка* 'подойник', распространенные в полесских говорах, и волынские явления *(в)йуро́к, (в)йурко́* 'заостренный колышек для вязания снопов', *лича́к* 'лапоть', дериваты, образованные суффиксом *-ис(ь)ко*, и многие другие изоглоссы.

Племенную, а не феодально-административную зависимость современных границ превобережнополесского диалекта демонстрирует факт общности изоглосс древлянско-дреговичской зоны, территориально перекрывающий границы Турово-Пинской земли, Владимиро-Волынской земли и Киевского княжества XI–XIV вв. Общими древлянско-дреговичскими чертами являются слова *+козьлякы́* 'все съедобные грибы, кроме гриба белого', *мач* 'навозные вилы', а раньше – 'деревянное приспособление для навоза', *паме̂г* 'облако', 'туча', *коро́ва зве́ргла* 'выкинула мертвый плод', *пйа́тро* с гидрологическими значениями 'нависший лед', 'место, где растаял лед и где можно провалиться' и др. Сам факт общности древлянских и дреговичских ареалов, которые формировались до миграции древлян через Припять (VIII–X вв.)[18], говорит о том, что границы этих ареалов древнее феодальных границ.

В оформлении пучка изоглосс, разделяющего Волынь и правобережное Полесье, принимают также участие изоглоссы, возникшие в национальный период: это изофоны дифтонгов и монофтонгов, которые развились на месте *о* и *е* этимологических в новозакрытых слогах после падения редуцированных *ъ* и *ь*; ареал конвергенции *ы, и→і*; изофона смягчения согласных (кроме зубных) перед *і* из *ы, и*; изоморфы инфинитивов на *-т* и личных форм глаголов с твердым *-т* в окончаниях *(ро́б'іт, ро́бйат, робийе̂т)*, стяженных форм прилагательных муж.р. в им.п. ед.ч. *(до́бр'і)*; волынские ареалы окончаний *-ов'і, -ев'і*, форм прилагательных жен.р. в род.п. ед.ч. *(до́бройі)*, местоименных форм *мен'і́, тоб'і́, йійі́, у н'о́го, до не́йі* и некоторых лексем.

Факт наличия изоглосс национального периода по-своему вступает в противоречие с предположением о факторе феодальных рубежей при формировании диалектных границ в правобережном Полесье, поскольку они моложе феодальных рубежей.

И наконец, то обстоятельство, что заимствования из балтийских, западнославянских и восточнороманских языков нигде не принимали участие в образовании внешних границ правобережнополесского диалекта, свидетельствует о том, что они формировались значительно раньше тех времен, когда этот диалект стал воспринимать заимствования из других языков.

Сложную стратиграфию имеет горынский пучок изоглосс. Среди волынско-полесских диалектных ареалов выделяются ареалы доволынского периода (по VIII в., когда волыняне колонизировали западное Полесье)[19] – это слова широкого славянского распространения: *сту́бла* 'топь, трясина'[20], *вузди́р* 'комель дерева'[21], *нати́на* 'листья и стебли огурцов'[22],

тро́нок 'рукоять (вил, лопаты)', ср. блр. литер. *тро́нак* то же[23] и др. Это ареалы волынского периода до падения редуцированных (рефлексы *ъ* в ударной позиции). Это также ареалы волынского периода после падения редуцированных (рефлексация этимологических *о, е* в новозакрытых слогах, кардинальные явления волынско-полесской системы неударного вокализма[24], при которых южная модель реализуется в рамках полесской просодической системы, заимствования и, возможно, лексемы, имеющие волынско-полесскую приуроченность: *⁺но(а)си́лька* 'жердь, на которую вешают одежду в доме'.

Новизну волынско-полесских фонетических ареалов подтверждает также факт отсутствия полосы переходных говоров между волынско-полесским и правобережнополесским диалектами.

Образование современной границы по Горыни не зависело от феодальных рубежей, потому что по Горыни не проходили ни феодальные, ни другие политико-административные границы. На современной диалектологической карте Полесья нет ни одной изоглоссы, которая отражала бы соответствие диалектной границы феодальным рубежам между Владимиро-Галицким и Киевским княжествами XI–XIV вв., проходившим по Случи. Наоборот, левобережье и правобережье Случи представляют собой диалектное единство. В то же время диалектологическая карта отражает совпадение лингвистической и этнографической границ по Горыни, что ретроспективно приводит к предположению о их взаимосвязи. Вместе с тем отсутствие общеполесских инноваций и наличие отдельных зон соответствий западнополесских и центрально-восточнополесских архаизмов может быть объяснено длительным разграничением Полесья на западное и восточное, в основе которого было этническое разграничение по Горыни между дулебами (волынянами) и древлянами начиная с VIII в.[25]

Правобережнополесско-левобережнополесская диалектная граница проходит по Днепру. На протяжении длительного времени Днепр являлся административной границей между Черниговским и Киевским княжествами, затем между Северским княжеством и Киевским воеводством, а позже, до конца XVIII в., по реке проходила государственная граница между Россией и Польшей. После присоединения Правобережья к России здесь проходила административная граница между Киевской, Минской и Черниговской губерниями. Естественно предположить, что эти обстоятельства в какой-то степени влияли на оформление "барьерной" диалектной границы по Днепру. Но хронологический анализ разделительных изоглосс говорит о том, что в основе возникновения и дальнейшего оформления правобережнополесско-левобережнополесского диалектного пограничья лежат не феодальные кордоны, не позднейшие политико-административные границы, а то обстоятельство, что Днепр являлся естественным рубежом между этническими группами восточного славянства.

Подавляющее большинство этих изоглосс отличается глубокой древностью (изофона аканья, изофона препалатального *л'*, изолексы тех слов, которые имеют широкое распространение: *⁺с(ц)о̂пу́х(а)* 'вход в печь вместе с дугоарочным перекрытием над ним', *петні́к* 'столб с суком, на котором держатся и поворачиваются ворота', *в'иклада́т'* 'кастрировать', *каз'а́вка* 'божья коровка', *то́пкайе бало́та* 'топь, трясина', *каше̂л'* 'выплетенный из прутьев короб на воз и сани', *абл'іва́ха* 'гололедица' и др. В ар-

сенале правобережнополесско-левобережнополесских разграничительных средств почти отсутствуют инновации и заимствования, поэтому надо полагать, что диалектные изоглоссы, проходящие по Днепру и вдоль реки по правому и левому берегам и ограничивающие левобережнополесские ареалы, определились как юго-западный отрезок, очевидно, северского диалекта и как "барьерная" граница между реликтами не феодальных, а более древних времен — левобережнополесским и правобережнополесским диалектами украинского языка.

Украинско-белорусская языковая граница отличается самой большой ареалогической сложностью. В районе нижней Припяти проходят три пучка изоглосс. Непосредственное участие в образовании украинско-белорусского языкового пограничья принимают только два южных пучка, а самый северный пучок очерчивает ареалы внутрибелорусских противопоставлений. Он начинается в междуречье Припяти и Днепра севернее Лоева, поднимается в северо-западном направлении, указывая на северный край белорусского юго-западного диалекта, отделяя его от говоров, переходных к белорусскому северо-восточному диалекту.

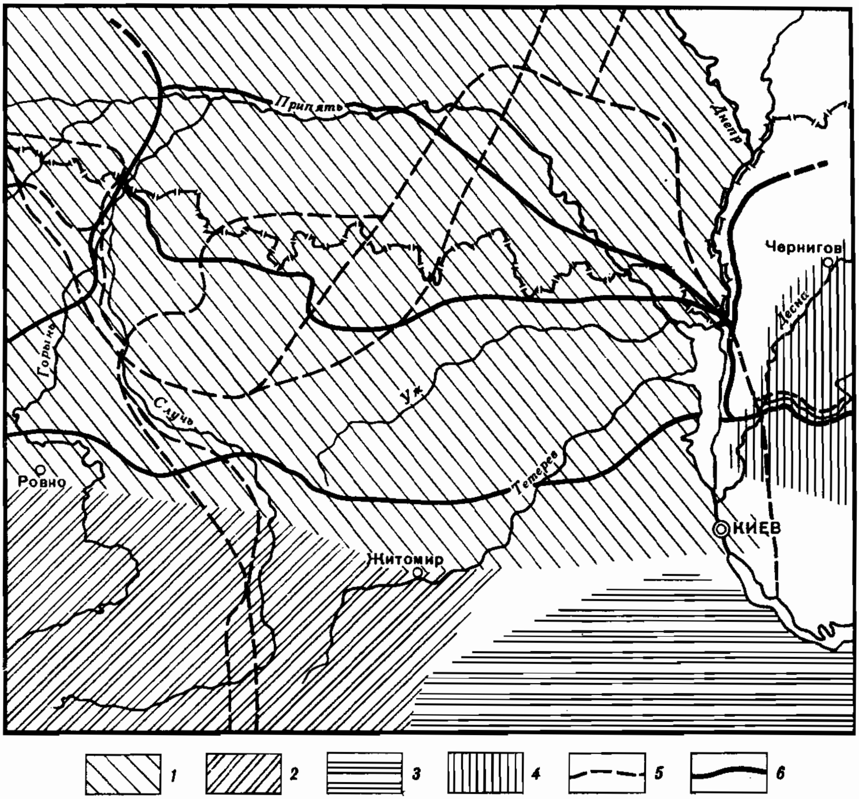
Вместе с тем этот пучок объединяет юго-западные белорусские и североукраинские говоры (или шире — южные в дополнение к северным) на основе консервативных черт и тех инноваций, которые развились на древлянско-дреговичской территории. К общим архаическим чертам относятся формы *с'éно, пóл'е* без фонетического изменения окончания, формы *с'óла, óкна* (в противоположность северо-восточным *с'óлы, вóкны*), форма род.п. ед.ч. прилагательных жен.р. *дóбройе* (в отличие от северо-восточной *дóбрай*), консервативная форма типа *парас'á, йагн'á*, слова *сашн'íк, лáта* 'заплата, *пóкуц', пакýц', пакýц'ц'е* 'красный угол', *б'íч* 'било цепа' и др.[26].

Древлянско-дреговичские инновации — это общие фонемы *ô(уô), ê(іе)*, система ударного вокализма. Характерно, что на этом массиве отсутствуют инновации только общедревлянского или только общедреговичского распространения. Как правило, такие инновации являются общедревлянскодреговическими, т.е. они или развились в древлянский период до перехода древлян через Припять, или оформились после разделения древлян и дреговичей в силу идентичности тенденций развития обоих диалектов. Это система ударного вокализма, слова *пáпл'іска, вол'овáха, в'íл'ч'ік, коз'л'ак'í, мач, памêг* и др.

Знаменательно также, что отсутствуют диалектные зоны — объединение нескольких групп говоров, — которые замыкались бы внутри только древлянской или только дреговичской территорий. Так, зона лексемы *памêг* охватывает западные говоры одновременно и древлянского, и дреговичского массивов, что по-своему подчеркивает факт древлянско-дреговичского единства в прошлом.

Этот диалектный массив, надо полагать, происходит от единого в прошлом древлянско-дреговичского диалекта, который до VIII в. локализовался на правобережье Припяти. Древляне и дреговичи представляли этноязыковое единство, а затем, начиная с XIII в., очевидно, только северная группа племен выделилась из древлянского союза и перешла на левобережье Припяти, где обитало балтоязычное население. Как свидетельствует археологическая литература, граница по Припяти до VIII в. разделяла славян и балтов[27].

Значит, первый, самый северный, изоглоссный пучок сложился в фео-



Карта 2. Историческая карта правобережного Полесья. Культурные типы второй половины I тыс. н.э. (по М.Ю. Брайчевскому).

1 – корчацкая культура; *2* – черняховская культура (волынский вариант); *3* – черняховская культура (среднеднепровский вариант); *4* – ромеиская культура; *5* – примерные границы древнерусских земель и княжеств; *6* – направления изоглоссных пучков.

дальный и более поздний периоды как отражение противопоставления древлянско-дреговичской и кривичско-радимичской диалектных зон с сопряженными ареалами соседних говоров[28] (см. карту 2).

Второй, средний, пучок изоглосс идет вдоль нижней Припяти, пересекая реку с севера на юг южнее Наровли, при слиянии ее с Убортью возвращается на припятское левобережье и дальше устремляется на запад к Пружанам. На востоке он опускается по Днепру до устья Остра. Этот изоглоссный пучок отделяет переходные украинско-белорусские говоры от собственно белорусских. Он образуется конфронтацией ареалов оканья – недиссимилятивного аканья, южной границей ареала цеканья-дзеканья и другими явлениями. На лексико-семантическом и словообразовательном уровнях имеет место большая группа изоглосс, которые тяготеют к ареалу аканья или островами распространены в его пределах.

Второй пучок изоглосс, как и первый, не совпадает с феодальными и другими административными границами: по течению Припяти такие гра-

ницы не проходили. Значит, размещение второго изоглоссного пучка зависело от каких-то других обстоятельств. Стратиграфия современных изоглосс по Припяти и их широкая география показывают, что самые главные из них возникли и оформились в древний период, но не как отражение языковых черт отдельных племенных союзов или диалектно-этнографических групп, а как интерплеменные изоглоссы, свидетельствующие о совместных языковых переживаниях на территориях большого масштаба. Убедительным доказательством такого вывода служит широкий ареал аканья, охвативший в своем распространении несколько восточнославянских этнодиалектных территорий.

Лингвистическая граница по Припяти имеет достаточно надежную хронологическую привязку. Как считают некоторые археологи и лингвисты (В.В. Седов, Г.А Хабургаев и др), аканье–яканье оформилось на территории раннедревнерусской ассимиляции балтов в конце I – начале II тысячелетия н.э.[29] Хронологизация данной диалектной границы, демонстрирующей конфронтацию "древлянского" и "дреговичского" диалектов, увязывается со временем перехода древлян через Припять и с последующей ассимиляцией балтоязычного субстрата.

Третий, южный, пучок изоглосс, который проходит несколько южнее украинско-белорусской республиканской границы, – это лингвистическая граница между собственно правобережнополесскими и переходными украинско-белорусскими говорами. Эта граница разделяет правобережнополесский массив примерно на две равные части: южную, или украинскополесское правобережье, и северную, или белорусскополесское правобережье, что не может быть случайным. Дихотомическое членение диалектного континуума приводит к предположению, что древляне уже в глубокой древности разделялись на две этноязыковые группы – южную и северную. Об этом говорит этнографическая и лингвистическая общность 'северно-древлянского' (белорусскополесской, северной группы) и дреговичского населения. На лингвистическом уровне общими являются мягкость зубных перед *е, і*, мягкость зубных *д, т, з, с* перед *-в'е-*, *-во-* (из *-ве-*), *-в'і-*, формы дат.п. мн.ч. существительных муж.р. типа *волôм* и предл.п. типа *на волôх*, которые остались на своем ареале в качестве архаизмов, В лексике общими являются слова *ж'івйóла, навал'н'íца, гук* 'стрелка лука',[+] *(в)одьрúна, гумнó* в значении 'хлев', *шчан', варовн'íца, лáпа, лáп'ік, лапêка, залáпа, прýга* и др.

Об этом также говорит и сложная хронологическая природа третьего изоглоссного пучка, который является одновременно и самым молодым, и самым древним из всех пучков, образующих украинско-белорусское языковое пограничье. Как южный край переходной зоны, он очерчивает самые молодые ареалы – ареалы гиперических явлений. Как межа этноязыковой дифференциации древлян (а факт этноязыкового членения древлянской территории подтверждает открытая О.А. Купчинским топонимическая граница XV в., которая совпадает с конфигурацией и местом третьего пучка изоглосс; ясно, что эта граница начала формироваться значительно раньше и отражает она более раннюю этническую дифференциацию[30]), он более архаичен, чем внутрибелорусская граница между юго-западным и северо-восточным диалектами или граница по Припяти, поскольку третий пучок начал оформляться еще до перехода древлян через Припять, а второй

и первый возникли как результат контактов славянской и балтийской этнодиалектных групп.

Тот факт, что южноукраинская диспалатализация согласных остановилась именно там, где проходит третий пучок изоглосс, является убедительным доказательством того, что данная лингвистическая граница сложилась еще до начала диспалатализации согласных.

Третий изоглоссный пучок не совпадает ни с феодальными, ни с какими-либо другими политико-административными границами и, следовательно, отражает древнее энтическое членение, которое, как можно предполагать, и было разделением древлянского населения на две этнодиалектные группы – северную (правобережноприпятскую) и южную (собственно правобережнополесскую, или украинскополесскую). Говоры северного правобережноприпятского, массива, отличавшиеся от южнодревлянских именно теми чертами, которые роднили их с дреговичскими говорами, стали благодатной средой для усвоения белорусских влияний позднейшего периода, вследствие чего на правобережье Припяти возникли переходные украинско-белорусские говоры.

Изучение картины интерферентности показывает, что переходные говоры возникли только между южноукраинскими и северноукраинскими говорами, а также между украинским и белорусским языками. Между правобережнополесскими и левобережнополесскими на востоке и между правобережнополесскими и волынско-полесскими на западе полосы переходных говоров практически отсутствуют. В историческом смысле переходность говоров отражает смешение в контактной зоне различных в этноязыковом отношении групп населения. Так, полосе говоров, переходных от полесских к юго-западным говорам украинского языка, на археологической карте соответствует зона относительных совмещений, в границах которой выступают и памятники, отражающие черняховскую традицию, и материалы типа Корчак и Лука Райковецкая[31].

Об интенсивности этнических контактов на правобережье средней Припяти и в междуречье Припяти и Днепра говорит широкий ареал переходных украинско-белорусских говоров.

Обращает на себя внимание отсутствие полосы переходных говоров между правобережнополесским и волынско-полесским диалектами. Это объясняется тем, что волынско-полесский массив сам по существу есть ареал переходных говоров, типологически сходный с ареалами переходных говоров, которые широкой полосой обрамляют северно-украинское наречие.

На правом берегу Днепра, в районе стыка диалектных систем полесского левобережья и собственно правобережнополесского диалекта, образовалась зона смешанных говоров с односторонним левобережнополесским влиянием, Полоса переходных говоров, третья система, которая бы свидетельствовала о такой же силе сопротивления правобережнополесской системы, с какой на нее влияют левобережнополесские говоры, почти отсутствует. Небольшой ареал гиперического явления возле устья Припяти и нижнего Тетерева типа *рйад, на горйí* – сравнительно позднего происхождения. Акающая левобережнополесская система, если бы она активно контактировала с правобережнополесским фонологическим принципом оканья, развила бы на правобережье Днепра гиперическое оканье. Но этого не слу-

чилось, и это симптоматично, потому что совсем рядом, на нижней Припяти, в зоне стыка фонологических принципов оканья и аканья, ареалы гиперического оканья оформили широкую полосу переходных украинско-белорусских говоров. Очевидно, основной причиной того, что в районе Днепра не образовалось четких ареалов переходных говоров, являлось отсутствие интенсивных контактов населения. С одной стороны, как предполагают археологи, низовья Десны, Сейма, Сулы, Псла и Ворсклы длительное время вообще не имели сплошного оседлого населения, принимая во внимание солончаковые земли, малопригодные для обработки[32], а с другой – Днепр сохранял рубежное значение еще, возможно, и в начале II тысячелетия н.э. В лингвистическом смысле великая славянская река сохранила барьерное значение и в наши дни: севернее Киева на ее правом и левом берегах нет единого диалекта. А это значит, что его не было и в прошлом. На современной диалектной карте "полянское" племя, которое локализуется археологами в районе Киева, Вышгорода и Белгорода по обоим берегам Днепра, не получает пока никакой языковой атрибуции.

Специфические явления, выделяемые в системе правобережнополесских говоров, по отношению к системе восточнославянских языков имеют двоякую природу: незначительная часть из них представляет собой рудименты древнерусского или праславянского периодов, получившие на ареале восточнославянских языков островное распространение (*ла́па* 'пята плуга (сохи)', *коз'о́л* 'лыко, свернутое в виде восьмерки' и др.). Их оказывается немного. Подавляющее число специфических полесских явлений, как позволяет считать литература, имеет изолированные ареалы, которые оформились как отражение особенностей, очевидно, родо-племенных диалектов. Ретроспективно к такому выводу подводят почти полное отсутствие заимствованной лексики, широкие этимологические связи на славянском фоне не только корней, но и лексем, сохранение архаических вариантов корней, архаичность семантики, незначительное количество инноваций[33]

Ареалогический и стратиграфический анализ изоглоссных пучков правобережнополесского диалектного массива показывает, что современная диалектологическая карта Полесья представляет собой трансформированное отражение основных диалектных зон, которые оформились в древнерусский период. Диалектные особенности позднедревнерусских групп населения, в свою очередь, обусловлены специфическими чертами тех племенных диалектов, которые вошли в состав соответствующих этноязыковых объединений. И, наконец, территориальные особенности, развившиеся в период формирования системы национального языка, закончили становление диалектов как его территориальных вариантов.

ПРИМЕЧЕНИЯ

1 *Никончук М.В.* Матеріали до лексичного атласу української мови (Правобережне Полісся). Київ, 1979, там же схема обследованных населенных пунктов правобережного Полесья.

2 *Никончук Н.В.* Правобережнополесские говоры в лингвогеографическом освещении. Докт. дис. Житомир, 1980.

3 *Tarnacki J.* Studie porównawcze nad geografią wyrazów (Polesie – Mazowsze). Warszawa, 1939.

4 Диалектом мы называет структурно-территориальное образование, которое вычленяется в языковом континууме комплексами латеральных изоглосс на всех языковых уровнях. Это выделение предполагает и замкнутые внешние изоглоссы, но практически они встречаются очень редко. Типичная картина ареальной корреляции диалекта раскрывает латеральные противопоставления, т.е. оппозиции с одной стороны диалектного периметра. Диалект является ареалогическим подразделением наречия.

5 *Назарова Т.В.* Інфінітиви на *-т* у середньополіських говірках. – В кн.: Питання граматики і лексикології української мови. Київ, 1963.

6 *Назарова Т.В.* Іменникові *ѣ*-закінчення в північноукраїнських говірках. – В кн.: Українська діалектологія і ономастика. Київ, 1964, с. 50–63.

7 *Назарова Т.В.* Некоторые особенности вокализма украинских правобережнополесских говоров. – В кн.: Полесье. М., 1968, с. 81.

8 *Назарова Т.В.* З вокалізму брестського ареалу. – В кн.: Праці XII Респ. діал. наради. Київ, 1971, с. 87–102; *Климчук Ф.Д.* До класифікації говірок Берестейщини. – В кн.: Праці XIII Респ. наради. Київ, 1970, с. 179; *Чучка П.П.* Деякі особливості українских говірок Брестського району Білоруської РСР. – В кн.: Праці XI Респ. діал. наради. Київ, 1965, с. 163–167; *Лекомцева М.И., Толстая С.М.* Фонологический комментарий к полесским диалектам. – В кн.: Полесье. М., 1968, с. 55–56; Лінгвістычная геаграфія і групоўка беларускіх гаворак. Мінск, 1969, карта № 71, с. 181.

9 *Назарова Т.В.* Лінгвістичний атлас нижньої Прип'яти. Київ, 1968, карты № 5 и 107. Рукопись; *Она же.* Деякі фонетичні гіперизми в українських говірках нижньої Прип'яти. – В кн. Діалектологічний бюлетень, вип. 8. Київ, 1961; *Она же.* Украинско-белорусская языковая граница в районе нижней Припяти. – В кн.: Вопросы диалектологии восточнославянских языков. М., 1964, с. 126–127; *Войтович Н.Т.* Окающе-акающий вокализм в белорусских говорах. – Там же, с. 117–118, 122.

10 *Назарова Т.В.* Акання в українських нижньонадприп'ятських говірках. – В кн.: Діалектологічний бюлетень, вип. 9. Київ, 1962.

11 *Назарова Т.В.* Украинско-белорусская языковая граница в районе нижней Припяти, с. 128–129.

12 *Назарова Т.В.* Лінгвістичний атлас нижньої Прип'яті, карты № 83 и 107.

13 *Назарова Т.В.* Аналогія структурного зв'язку в говорах української мови. – Українска діалектна морфологія. Київ, 1969, с. 29.

14 *Брайчевський М.Ю.* Похождення Русі. Київ, 1968, с. 46, 51, 56, 119, 137, 138, карта на с. 47.

15 Очерки истории СССР, ч. 1. М., 1953; исторические карты ДАБМ и АУМ.

16 *Филин Ф.П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, с. 206.

17 Там же, с. 205.

18 *Кухаренко Ю.В.* Полесье и его место в процессе этногенеза славян (по материалам археологических исследований). – В кн.: Полесье. М., 1968, с. 44.

19 Там же.

20 *Трубачев О.Н.* Названия рек Правобережной Украины. М., 1968, с. 137.

21 *Кучук І.М.* Назвы раслін на Мазыршчыне. – В кн.: Жывое слова. Мінск, 1978, с. 209; *Шухевич В.* Гуцульщина. Матеріали до українско-руської етнольогії, т. І. Львів, с. 88; Словарь русских народных говоров, вып. 7. Гонадепеть. Л., 1972.

22 По нашим записям, с тем же значением *натúна* есть на Брагинщине и на севере Черниговщины; о других значениях см.: ДАБМ, карта № 280, АУМ, т. 2, карта № 324; *Козачук Г.О.* Лексичні ареали волинсько-поліских говірок (на матеріалі сільськогосподарської лексики. – В кн. XIV Респ. діал. нарада. Тези доповідей. Київ, 1977, с. 93.

23 Белорусско-русский словарь. Под ред. акад. К.К. Крапивы. М., 1962.

24 *Назарова Т.В.* Інтерферентні ареали як об'єкт дослідження історичної діалектології. В кн.: Праці XIII Респ. діал. наради. Київ, 1970, с. 22–23.

25 *Мартынаў В.У.* Заключэнне. В кн.: Лексіка Палесся ў прасторы і часе. Мінск, 1971, с. 197.

26 Лінгвістычная геаграфія і групоўка беларускіх гаворак, карты № 46 и 47; ДАМБ, карты № 255, 297 и 324.

27 *Кухаренко Ю.В.* Полесье и его место в процессе этногенеза славян, с. 45.
28 Лінгвістычная геаграфія і групоўка беларускіх гаворак, с. 245, 259.
29 *Седов В.В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970, с. 184; *Хабургаев Г.А.* Этнонимия "Повести верменных лет" в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. М., 1979, с. 32, 107, 110, 194, 196, 228, там и литература вопроса.
30 *Купчинський О.А.* Найдавніші слов'янські топоніми України як джерело історико-географічних досліджень (географічні наэвина -*ичі*). Київ, 1981.
31 *Брайчевський М.Ю.* Походження Русі, с. 119.
32 Там же, с. 134–135.
33 Проблеме членения правобережнополесского диалектного массива по лексико-семантическим и словообразовательным данным и генезиса групп говоров, оформившихся ареалами эндемических правобережнополесских явлений, автор предполагает посвятить отдельную статью.

Е.А. Черепанова

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ ЧЕРНИГОВСКО-СУМСКОГО ПОЛЕСЬЯ

(Опыт семантической классификации)

Географическая терминология славянских языков довольно хорошо изучена[1]. В настоящее время назрела необходимость перехода от исследований местных географических терминов (МГТ) отдельных славянских языков или крупных диалектных массивов, например Полесья, к изучению более дробных диалектных зон; иными словами – от экстенсивного изучения местных географических терминов к интенсивному.

Черниговско-Сумское Полесье, являющееся северным выступом украинского языкового массива, зоной межъязыковых контактов (украинского, русского и белорусского языковых ареалов), оказывается территорией, чрезвычайно важной для ареальной и этногенетической характеристики восточнославянских диалектов.

В этой зоне автором в течение ряда лет (1968–1978 гг.) проводился полевой сбор материала по географической терминологии и микротопонимии. Географическая аппелятивная лексика собрана по рукописной программе Н.И. Толстого, использованной им в Припятском Полесье. Учитывая переходный характер черниговско-сумских говоров и важность определения белорусских, южновеликорусских и украинских изоглосс, нами была принята довольно густая сетка пунктов (295 населенных пунктов, из них 147 сел Черниговской обл. и 148 сел Сумской обл.).

Собранный материал показал, что местная географическая терминология Черниговско-Сумского Полесья чрезвычайно богата и разнообразна. На сравнительно небольшой территории (приблизительно правобережье Десны и Сейма) северной части Черниговской обл. (Бахмачский, Городнянский, Коропский, Семеновский, Сосницкий, Черниговский, Щорсский р-ны)и северной части Сумской обл. (Белопольский, Бурынский, Глуховский, Конотопский, Кролевецкий, Путивльский, Срединно-Будский, Шосткинский, Ямпольский р-ны) нами зафиксировано около 2500 географических апеллятивов.

На основе собранного материала составлен толковый междиалектный Словарь местных географических терминов, насчитывающий 2257 словарных статей[2].

В словаре приводятся фонетические и словообразовательные варианты, значения терминов и локализация, т.е. перечислены все населенные пункты, в которых данный термин зафиксирован. Например:

чемере́ча ж. *См*, **С–Б**, Крн, Очк; чмере́ча *Чр*, **Смн**, Крс; чемере́ч *См*, **С–Б**, Бл, Ст; густая кустарниковая заросль *Чр*, **Смн**, Крс; *См*, **С–Б**, Бл, Крн, Очк, Ст.

чемере́шник м. *Чр*, **Смн**, Бл, Ор; чмере́шник *Чр*, **Смн**, Рд, Тп; чемере́жник *См*, **С–Б**, З–Т; **Ям**, *Ям*;
густая кустарниковая заросль *Чр*, **Смн**, Бл, Ор, Рд, Тп; *См*, **С–Б**, З–Т; **Ям**, Ям.

К словарю прилагается прямой и обратный индекс географических терминов.

Кроме Словаря местных географических терминов, был составлен Словарь микротопонимов Черниговско-Сумского Полесья, который насчитывает 7600 названий. В значительной степени микротопонимы базируются на местной географической терминологии. Из 2500 местных географических терминов, содержащихся в словаре, в состав микротопонимии вошли 1186 апеллятивов, т.е. около 50%.

В данной статье поставлена задача дать семантическую классификацию всех собранных в этом словаре географических терминов Черниговско-Сумского Полесья[3].

Предлагаемая нами классификация географических апеллятивов четырехступенчатая: в нее входят классы, подклассы, рубрики, подрубрики.

Все МГТ распределены на пять классов: I. Рельеф. II. Растительный покров. III. Болото. IV. Воды. V. Берег, остров, мель.

Каждый большой класс распределяется на подклассы. Так, в "Рельеф" включаются: 1. равнина (нейтральный рельеф); 2. гора, возвышенность (положительный рельеф); 3. низина (отрицательный рельеф); 4. край горы, низины, оврага. В класс "Растительный покров" вошли следующие подклассы: 1. поле, целина; 2. луг, пастбище; 3. лес. Класс "Болото" совмещает два подкласса: 1. болото; 2. суша на болоте. Класс "Воды" имеет три подкласса: 1. термины, обозначающие текущие воды; 2. термины, обозначающие стоячие воды; 3. термины, связанные с водой текущей и стоячей. Класс "Берег, остров, мель" состоит из двух подклассов: 1. берег, побережье; 2. остров, мель.

Таким образом, в классификационной таблице пять классов и 14 подклассов. В свою очередь, каждый подкласс имеет более мелкое семантическое деление: рубрику, подрубрику. Вся классификационная схема насчитывает 111 семантических гнезд.

При распределении лексем в семантические группы не всегда можно достаточно четко определить, к какому классу, подклассу или даже к какой рубрике или подрубрике (к какому семантическому гнезду) относится термин. В некоторых случаях такое распределение сделать трудно, да и сама классификация (рубрикация) оказывается условной. Например, не всегда различаются подклассы: "низина" и "болото". Низина в основном имеет элемент заболоченности. И тут порой трудно найти границу и провес-

ти четкую грань. То же можно сказать о двух семантических группах "низина у реки" – "берег".

Нелегко распределить по отдельным семантическим группам лексемы: *буйноліс, буйнолісся, стародревина, стародревиця* 'старый лес с чистыми стволами'. С одной стороны, в семантике этих слов важен признак качества, с другой стороны – признак возраста. В этом случае мы руководствуемся этимологией слова, учитываем то, что важно было отметить информатору. Исходя из этого, слова *буйноліс, буйнолісся* отнесены к семантической группе "лес по качеству", а *стародревина, стародревиця* указаны в семантической группе "лес по возрасту". Подобная дилемма возникла при классификации терминов *загон, западня, косуля, луг, лука, низкодолле, низкодоловина, обвис, пастовень, пастолник, пастоник, подрез, постовник, рідкодуб, розщілина, ущіль.*

Кроме того, одна лексема может иметь два или несколько значений с некоторой дифференциацией. Например: *дич* 'топкое непроходимое болото', 'топкое болото, поросшее кустарником'; *затон* 'большой речной залив', 'большой речной залив с углублением в конце, в тупике'; *колтобаня* 'глубокая яма', 'глубокая яма с крутыми склонами'.

Ниже приводится семантическая классификация по указанной схеме всех включенных в словарь местных географических терминов Черниговско-Сумского Полесья.

Списки географических терминов охватывают всю совокупность собранного полевого материала.

Термины, вошедшие в состав микротопонимов, отмечены в приведенных списках курсивом. Цифры после рубрик означают число входящих в данную группу терминов. Фонетические варианты географических терминов в количественную характеристику не включены.

I. РЕЛЬЕФ (862)

1) Р а в н и н а (15): блюдечко, *ладоня, нива, плоскинь, площаківець, площина, рівнина,* рівнополля, *ровень,* ровнота, роздолинка, роздолля, *степ, степки, царина.*

2) Г о р а, в о з в ы ш е н н о с т ь (382):

а) Гора, холм (136): *a*) гора, холм вообще (50): *бугор* (бугер, бугір, бугур), бугорок, *бугрик, бугровина,* бузгор, валовик, взгірок, взлобок, висота, *висотка, височина,* височинка, височінь, вись, *гірка,* гірчак, *гора, горб, горбаха,* горбач, горбець, горбиль, горбик, горбовина, горбок, горяна, *груд, груда, грудка,* грудовина, *грудок,* дриби, *купа, кучугура, могила, округа,* окрут, пагорб, пагорбок, пагорок, *пересипка,* підвищення, *пригор,* пригорбок, пригорок, скосогорок, сугорок, угорок, хибок, *холм* (хом); *b*) крутая гора (18): белебень, *брила, городок,* злобочок, копиця, крутизна, крутиця, крутогір (*крутогор*), крутогір'я, *крутушка,* крутяк, *круть, круча,* кручина, оплава, *опливанка,* скала, *шпиль; c*) возвышение, отдельно стоящее (17): белебень, *бичок, буй,* буйвар, вимет, виметель, виметли, висок, горбок, *городок, кабан, коврига, курган,* лобок, *маяк,* прищ. столи; *d*) гора, поросшая лесом (25): *буда, вал,* верховинка, *гатка,* глушняк, *грядо,* кичера, *кругляк, курган,* кустарня, *кучугури,* лісовичка, лі-

согі́ря, лiся́на, лiся́нка, *ля́до, макі́тра (маку́тра), полі́сся,* рьолка, сла́ник, *сосня́к,* сосо́нник, *сті́нка, чага́р,* ча́щник; *е*) гора песчаная, лишенная растительности (5): *би́бичка, гуля́й-по́ле, кучугу́ра,* лобня́к, *лужни́к; g*) искусственно насыпанный холм (21): *бурт, ва́л,* ва́лик, *вало́к, городи́ще,* зава́л, *ку́рга́н, ку́рганки,* ку́ча, *кучугу́ра, кучугу́ри, мо́гила,* наме́т, *на́сип, насипа́чка,* насипни́к, *на́сипь,* о́крут, сва́л, *скри́ня,* ши́бениця.

б) Гребень, кряж, продолговатая возвышенность (31): *бугор, вага́, вал, валки́, вало́к,* взго́р'є, горя́нщина, *гре́бінь, гри́ва (грі́ва),* груди́на, *гряда́,* зло́бок, *коса́,* кряж, *курга́ння, кучугу́ри* (кучего́ри), *мо́гила,* наго́ри, па́горб, па́горбок, па́смо, *пере́вал,* пла́то, погре́бичі, полосня́к, про́середь, прядь, су́горки, сузгу́рки, хребе́т, шатьо́р.

в) Вершина (70): баня́к, *бриль,* бурбелок, *верх,* верхі́вка, *верхови́на,* верху́ша, верху́шка (вярху́шка), верше́чок (вершочо́к), *верши́на* (вярши́на), вершо́к, верху́шка (вярху́шка), ви́стря, вистря́к, *го́йстра* (о́йстра), *голе́ць,* го́ленечка, ґоли́вка, го́лик, гольча́к, гостре́ць, го́стрик, гострове́рха, гостря́к (остря́к), *гре́бінь,* зло́бочок, ігла́, ку́мпол, ли́са, лиса́к, лиса́ня, *ли́сина, ли́сиця,* ли́ска, лисого́р, *лису́ха,* лися́нка, лоб, лобня́к, лобови́на, лобо́к, ма́ківка, макуша́к, маку́шка, 'облі́г (*обло́г*), обу́ча, острина́, пік, піка́, плеши́на, пустови́на, *п'ятачо́к,* ске́ля, спе́зок, стрижина́, стрімина́, те́льма, тельмачо́к, *толо́ка,* утьо́с, у́шпиль, *шпи́ль, шпи́лька,* шпильо́ва, *шпильо́к,* шти́к, штиль, штих, щит, щито́к.

г) Склон, обрыв, круча (68): бік, *валок,* визлобок, гала́світ, гори́ще, горопа́хота, за́кладь, за́тінок, за́тмінь, зва́лля, зси́п, *карь'є́р, коро́мисло, ко́сать,* косогі́р (*косого́р*), кривизна́, *круте́ць,* круте́чина, крутизна́, крути́на, лоб, нака́т (*нако́т*), на́хил, *обри́в, окру́га,* отко́с, отсо́ння, па́горбок, *пашо́к,* півде́нниця, підме́т, підсо́ння, пока́т (поко́т), по́обоч, *похи́лина,* припьо́к, скал, скат, ске́ля, скло́н, скосогі́р (*скосого́р*), скосого́рка, скосого́рок, сонцепі́к (сонцепьо́к), со́нячник, спа́д, спа́дина, спа́довина, *сплав,* спу́жище, *спуск, сти́нка,* стремни́на, ступенча́тка, *ступни́к,* схил, схи́лина, схи́лок, теньо́к, *у́бодь* (у́бадь), *узбо́чина,* узва́лина, узва́лля, узва́лок, узгі́р'я, укло́н, *у́рвище,* холодо́к.

д) Подножье (20): напо́да, *низ, низо́вина,* окольці́вка, осно́ва, підгі́рок (подго́рок), підгі́р'я (подго́р'є, пудгу́р'є), підни́ззя (подни́зья), підні́жжя (подно́жжя), підо́шва (подо́шва, пуди́шва), пі́дступ, под, подго́ра, *поді́л* (*подо́л,* поду́л), подкру́чче, поро́г, предго́р'є, при́ступ, узгі́р'я, усту́п.

е) Плоскогорье (20): бугрови́ще, верхоти́на, лоб, лобо́к, лото́к, нагі́р, нагі́р'я, пла́то, плита́, *плоскі́вка,* плоскогі́р'я, *пloща́дка,* площи́на, поло́ги, п'ята́, *п'ятачо́к,* схи́ба, *толо́ка, точо́к, че́рінь.*

ж) Куча (камней и т.п.) (7): ва́лик, кага́т, кага́та, ки́ги, коне́ць, копи́ця, ку́ча;

з) Камень (30): блиска́рь, *бри́ла,* були́га, були́жник, ва́лик, *валу́й, валу́н, валу́х,* гли́ба, *гли́жа, гли́жка,* гні́т, голи́ш, *груда́, гру́дка* (глу́дка), дика́р (діка́р), дича́к (діча́к), камінюка (камянюка), *ка́мінь, кри́га, кругля́к,* леже́нь, лежник, одина́к, саморо́д, 'саморо́док, само́тник, скала́, *стовп,* тесу́н.

3) Н и з и н а (отрицательный рельеф) – 448:

а) Низменность, низина (179): *а*) низина вообще (49): *байра́к, балдо́вина, бе́рег, верте́ба,* волоса́тий ко́вшик, *ду́бравка, кага́нь, ковга́нка,* ко́вшик, котлови́на, *кри́нка, кругля́к,* лахтє́вина, *лева́да, лі́йка, лог,* ло́говина (ло́г-

вина), ло́говище (ло́гвище), *ложо́к, ло́ша, лу́жка, майда́н, макі́тра (маку́тра), ми́ска,* ми́сочка, морі́г, *низ,* ни́звена (ни́збена), *низи́, низи́на,* низи́нка, *низо́вина,* низо́винка, *низо́к, оле́с, ольо́х (альо́х),* очеретни́к, очеретня́к, *па́суши,* подо́ловина, поло́говина (поло́гвина), приво́лля, *п'я́вошник, розни́жина, тарі́лочка,* уло́говина (уло́гвина), *ца́рина,* ца́ринка, *яндола́; b*) низина у реки (36): *баю́ра, бе́рег, доли́на,* за́плав, *запла́ва,* зарі́нок, карака́тиця, *косу́ля, лева́да, ле́говка, лима́н,* ліви́ця, лівни́к, ліводі́л, *ложо́к,* мокрячо́к, *низо́к,* низкоді́л, оболо́на (оболо́ня), осу́шье, *плав, пла́влі, пла́вня, плесь,* площи́на, *плющни́к,* погли́блення, *поді́л* (*подо́л,* поду́л), подречко́в'є, поло́говина (поло́гвина), прини́зок, річкови́на, річко́виця, узлу́жжя, уре́чье; *c*) мокрая, заболоченная низина (79): ба́єрок, байра́ч, *боло́ння* (боло́ннє, боло́ньє, боло́нья), *брач,* ви́балок, ви́моч, вимач (ві́мач), ви́мочка, *во́клина, гни́лиця,* гнило́вина, гнилу́ха, *доли́на, желе́нь, за́болонь, заболо́ття* (заболо́ттє, заболи́ття), за́болоть, *забро́дки, зага́ть,* карака́тиця, *комарі́вка, кругло́вина, кругло́винка, кружо́к, кули́га,* купкови́на, лісони́ззя, *лог, лощи́на,* лощо́вина, лощови́нка, *ма́ринка (ме́ринка), миша́к,* моква́, *мокре́ць, мокрина́* (мокри́ня), мокри́ця, мокрови́на, мокрота́, моч, моча́р, моча́рина, *мура́га,* облі́г (*обло́г*), обо́лотня, отмо́к, отмо́ка, отмо́чка, *очеретя́нка, па́дь, пасто́вень, поді́л* (*подо́л,* поду́л), *пото́к,* прини́зок, припадю́ка (припадю́га), *при́падь,* при́ск, прогни́лля, про́сушка, *п'я́вище, реть, роки́та (раки́та), руда́, ру́дка (ру́дька), рудома́н, ру́дочка, сири́ця, солонці́, солонча́к,* стави́дло, су́болоток, су́болоття, сухоболо́ття, *то́пка,* топня́к, *трав'я́нка,* трусовина́, у́зболоть, узва́лля, уло́говина (уло́гвина), *ціли́на, ча́ешник; d*) низина, залитая водой (15): *башта́н, бережки́,* водосто́й, впа́дина, *га́ло,* гниля́вина, *доли́на, западня́,* мокли́ця, *низо́вина,* оболо́на (*оболо́ння*), отто́па, под, *роки́та (раки́та),* роки́тка (ра́китка).

б) Долина, узкая, протяженная низина (63): *a*) долина вообще (31): ви́долинка, ви́долинок, впа́дина, *дол, доли́на,* до́линня, до́ловина, запа́дина, каланча́к, ложби́на, междугор'є, міжгі́р'я (межигі́р'я), низкодо́ллє, низкодо́ловина, *падь, поді́л* (*подо́л,* поду́л), поді́лля, подо́к, подо́ловина, придоли́нок, сідло́, сідлови́на, *су́точки,* тісни́на, углови́на, уло́говина (уло́гвина), уло́говиця, у́па́дина, *чо́вник,* яровина́, *яро́к; b*) долина с потоком (20): водолі́й, водораздєл, водоре́й, *водостьо́к,* водоте́ча, водоте́чина, зарі́ччя, *кана́ва, ла́ва,* ложби́на, *переволо́ка,* перето́ковина, прото́ка, ришта́к *рівча́к (ровча́к), рове́ць,* рово́к, убе́резь, углови́ще, уло́говище; *c*) узкая и длинная низина (12): *ба́лка,* ви́балок, ложби́на, *ложо́к,* перето́пина, перето́чина, потя́жина, протя́жина, ретя́жина, смужа́лина, смуща́ло, смуща́ловина.

в) Овраг (102): *абашка́н, байра́к* (баура́к), *ба́лка,* ба́лок, *башли́к, баю́ра,* бе́здна, буєра́к, буєра́чина, *ведмежа́тник,* ви́балка, ви́балок, *ві́ла,* ви́моїна, ви́моїще, *ви́рва,* ви́ямок, ви́ярок, *вовковня́,* водоя́р, гли́бичка, єро́к, *за́кло,* запа́дина, *западня́, за́рва,* заро́вок, заро́й, заро́щина, ізро́вок, *кліщня́,* колдо́бина (кадо́лбина, кадо́вбина), *копці́,* кори́то, кори́тце, крути́на, крутоя́р, крутоя́р'є, *кру́ча, лог,* логи́ще, *ночви́, ночо́вки, овра́г,* овра́жище, *о́змут,* отло́жок, *падь, пере́ярок, при́ложок, прия́р, прі́рва,* прова́л, *прова́лля* (прова́ллє, прова́льє), прова́ллячко, провалю́ка, проми́й, промо́їна, про́пасть, прори́вина, прори́в, *про́різь* (про́резь), *п'я́вище,* ри́ї, рий, *рим, ри́мба,* ри́па, *рів (ров), рівча́к (ровча́к),* різе́ць, *рове́ць,* ровки́, рово́к, розмо́їна, розпа́дина, розщі́лина, *ско́ли,* тісни́на (тесни́на), то́поть, уло́говина (уло́гвина), *у́рвище,* уще́лина, уще́льє (уще́лля), ущи́п, у́щіль, чо́ртово прова́лля,

чорторий, щілина, *яр,* ярак, ярець, ярещиха, ярище, ярок, ярочок, яруг, *яруга, яружка,* ярчак, ярюга (ярюка).

г) Пещера (14): дучайка, дучка, лазня, нора, *печера* (печора), печерга, печура (пячура), пещера, підземелле, *погреба,* подкоп, пустонь, улазище.

д) Яма (80): *балка, баюра,* блюдце, вертеба (*вертьоба*), вибина, вибоїна, вибой, вибойна, вибон, видуї, вимет, *виметні,* вирва, вирвина, вирой, виямка, виямок, *воронка,* впадина, горлаха, довбня, дучайка, *заглибина,* западина, зарой, *кабиця,* каланчак, кандабуля, канура, клітка, ковбоя, *ковганка,* колдобаня (кадовбаня, калдибаня, калдобаня, калтобаня, *ковбаня,* ковбоня, ковдубаня, колдибаня, колтобаня, конбаня), колдобань (калдибань, *ковбань*), колдобина (кавдобина, кавдовбина, кадобина, кадовбина, кадолбина, калдобина, калтобина, ковдобина, кодовбина, колдибина), колдобоїна (ковбоїна, ковдобоїна), колдовбня (кадобня, кадовбня, калдовбня), колевина (калявина, коловина), колеїна, колейка, *колія* (колея), колодина, колоїна, колявія, *копець,* котлован, котловина, лопатина, лунка, *нора, ночовки, печера,* печура (пячура), печурка (пячурка), пещера (пящера), *піскавня, піщаник,* припечок (припячок), прогиб, пропасть, рипа, ритвина, *рівчак (ровчак),* свистушка, сипучка, *скіпець, узбой,* упадина, ухаб, ухаба, ухабина, *чаша, чорторий,* шкалдобина (шкадовбина, шкалдобина), шкандибалка, шурх, *язва, яма, ямка, ярок.*

е) Вырытая яма (10): *бурт,* викоп, викопна, глинище, *глинки, глинянка, копець,* котловина, *лоханка, рівчак (ровчак).*

4) Край горы, низины, оврага (17): бровка, виступ, *грива,* запілля, лісостеп, обниззя, перетичок, пониззя, понизов'е (понизов'я), п'ята, стеляшка, суша, увал, узвишшя, узгір'я, *щигор,* ярус.

II. РАСТИТЕЛЬНЫЙ ПОКРОВ (608)

1) Лес (492):

а) Лес по величине площади (32): *a*) большой (5): *градь, дача, ліс, улуси, урочище; b*) малый (27): *бориння, борок,* гаєць, *гай, гайок, діброва,* калак, *кодак, колки, кущ, кущі,* кущовник, *лісок* (лесок, лясок), *майняк, майнячок,* нехворощ, *обборок (аборок),* околок, *переліс, перелісок,* прилєсок, пролісок (пролєсок), *роща,* рощиця, *уборок, чубок, шаройка.*

б) Лес по густоте (32): *a*) густой (21): *бір, глуш,* глушина, густиж (густєж), густоліссяя, гуща, гущавина, гущан, гущина, *дебри,* дермоза (дермоза), *дич,* драпина, дрімуча, *дуброва, залєжа,* хамереза, хамерезняк, хамереча, *хмареча* (хмереча), хмернеча; *b*) редкий (11): *боринна,* кулиски, лісняк, підлісок (подлесок), поріць, пролісок (пролєсок), проріць, рідина (рєдина), рідколіс, рідколісся, рідняк (редняк).

в) Лес по возрасту (24): *a*) старый (3): бір, стародревина, стародревиця; *b*) молодой (21): заросник, заростель, куліса, кущак, кущовина, молодняк, пагінець (пагонець), парость, паросник, пижник, подрост, пороб, поросляк, поросль, поростель, *посадка,* самосій, самосійка, шемчик, *шемшик.*

г) Лес по качеству (68): *a*) хороший (8): буйноліс, буйнолісся, корабельник, лєсіннік, стойняк, *сухостой,* хлисти, хура; *b*) плохой (52): болотняк, веселун, волчищі, гарагули, диколісся, дрібнолісся, дятки, закурдяк, закурдяче, какоряки, какоряче, карузли, карузляк (карюзляк), каруз-

ня́к, *кожанкова́ття,* коко́ри, корча́к, *корчі́,* корчма́, корчня́к, корчови́ння, корчома́ки (корчома́хи), корчома́ччя (корчомя́чче), корчома́шшя (корчома́шше), коряжня́к, коря́к, коря́чки, криволі́сся, кривосто́й, кривуля́ки, кривуля́ччя (кривуля́чче), *криву́шник,* маркови́на, марко́вник, марковня́к, мілколі́сся, мільча́к, підлі́сок (подле́сок), по́лесок, сукоря́жье, сучня́к, *товкачи́на,* тонколі́сся,, тонкосто́й, топо́рник, топорня́к, хваща́, хвизня́к, хвора́бник, *чагарни́к;* *c*) заповедный (8): *да́ча, за́ймище,* зака́зник, *запові́дник,* за́повідь, *звіри́нець, пито́мник (пито́вник),* розса́дник.

д) Лес по состоянию (11): *a*) сухой (5): *па́суш,* сухове́ршье, сухолі́сок, *сухосто́й, сушня́к;* *b*) зато́пленный (2): за́пливень, мокря́к; *c*) *бурело́м* (4): бурело́м (буроло́м, бурялом), за́лежі, *за́леж,* залежа.

е) Лес по породе деревьев (92): *березина́, бере́зник, березня́к, бі́р* (бир, *бор,* бур), *бори́, боро́к, верби́на, вербня́к,* верболі́ззя (верболо́ззя), вільша́ник, *гай, горі́шник,* горобі́на, *діброва, дубро́ва, дубина́,* дубня́, *дубня́к, дубови́к,* дубра́ва, *ельни́к (ельня́к), за́лега,* і́вина, *івня́к, ка́льник,* ка́льний ліс, ко́ндова сосна́, краснолє́сок, красноліс́ся, липня́к, ли́ственик, листв'я́к, листв'я́ник, лістя́ник (листя́нник), листя́нка, ліще́вник, ліщи́на, ліщо́вник, лоза́, лозня́к, мі́шанка, мя́ндова сосна́, *оле́с, оле́шник, олешня́к,* ольо́шник, ольо́х (альо́х), ольси́, ольси́на, ольсня́к, ольша́ник, ольши́на, *ольшня́к,* ольхо́вище, *орі́шина, орі́шник* (оре́шник), оріщня́к, оріщи́на, *оси́ка, оси́нник, оси́чина, осичня́к,* подсо́чка, рідкоду́б, роки́тник, *смоли́ці, смолотьо́к, сосна́, сосни́к,* сосня́к, *сосо́нки,* сосо́ночки, *су́бор, су́бори,* су́міс́ь (*су́місь*), хво́єчки, *хвоі́на,* хвоінка, хво́йка, хво́йник (хва́йник), хво́йниця, хвойничо́к (хвайничо́к), хво́йнище, *хвойня́к* (хвайня́к), *хвойнячо́к,* червонолі́сся, *чорнолі́с,* чорнолі́сок, *чорнолі́сся, ше́лега,* шпиляга.

ж) Заросли леса, чащи (27): *де́бра* (де́бря), демере́ча, за́лежі, за́ростень, мере́ч, *мере́ча* (мяре́ча, мяре́ччя), не́дра, нере́ча, нетере́чина, не́тра (не́тря, не́тра), не́три, не́трище, не́трощі, *пу́ща,* пущина́, саморо́дка, тайга́, темни́ця, темнолі́с, трущо́ба, урма́н, хамере́ча, хамере́шник, ха́ща, *хмаре́ча* (хмере́ча), *ча́ща,* чащо́ба.

з) Кустарники, заросли кустарника (30): закуста́рина, за́лежі, за́рость, за́рость (за́рось), *корчі́, куста́рник,* куста́рнички, кущ́ар, куща́рник, *кущі́, мере́ча,* плетни́к, тайга́, *хво́рост,* хворостни́к, *хмаре́ча* (хмере́ча), хмарне́ча, хмиз, хмизе́ри, хмире́зник (хмиря́зник), хошня́к, *чага́р, чагарни́к* (чегерни́к), чагарни́ще, *чагарня́к,* чемере́зник (чмере́зник, чмире́зник), *чемере́ча* (чмереча, чемереч), чемере́шник (чемережник, чмерешник), *шагарня́к,* шама́рник.

и) Опушка леса, клин леса (37): *бе́рег,* ви́ступ, за́зубень, за́клинок, *за́кло, залі́сся, звороти́, зло́бочок, зуб,* клин, клине́ць, клино́к, косяк, крає́чок, *край,* крайови́к, *куто́к,* навзлі́сся, облі́г (облиг), обло́га, *окблиця,* окра́ек, окра́їна, окра́йка, опу́шка, передлі́сся, ришта́к, *рог,* сучо́к, *у́гол,* угло́вок, узлі́сок, узлі́сся, *хво́станка, чища́ни, шпиль.*

к) Прогалина, просека (105): ва́лка, ви́різ, *ви́руб, ви́рубка,* вирубня́к, ви́січка, ві́зир, ві́зирка, вру́бчина, *га́ло, галя́вина,* галя́винка, голутва́, *ділянка* (деля́нка), *за́кло,* за́сека, *зруб, зру́бище,* ізру́б, *ко́ло,* коло́чок, *кругло́вина, кругло́винка,* кружо́к, кули́га, куни́ця, ла́точка, лахтова́тина, лахто́вина, *ли́сина,* лісосі́ка, лі́ша́йник, лоб, ло́бик, лужа́йка, *лужо́к, ля́да, ля́до,* междолє́сок, мохови́к, мохови́на, мохови́чка, мохо́вник, мошни́на, муражо́к, мша́нник, облі́г (*обло́г*), озру́б, опу́шка, *пальце́, перелі́са́нка,*

плещевина, *площа,* площина, подчистка, пологовина, *поляна, полянка, полянь, поруб,* порубель, порубка, прогавина, прогайвина, прогайвинка, прогалка, прогаловина, прогалок, прогалюватина, прогаль, проглавина, прогулятина, пролизина, пролісок, *проруб,* просвіт, просвітинка, просік (просек), *просіка* (просека, просіка), просічка, простір, простори, пустеля, пустиня, пустинька, пустирці, пустовщина, *розкос, розчистка, розчисть,* рубаковщина, степотрав'я, *тарілка, трав'яниця,* цілинка, *черінь,* чистина, чистинка, *шерінь,* шпильник, ягідник (ягодник), ягодниця, *яндола.*

л) Куча веток, хворосту, лесного мусора (2): ловж, ловжа.

м) Выжженное место в лесу (32): *вигар* (вигарь, вігар), *вигари, вигор,* випал, випалина, випалки, гар, гарь, горілище, горілля, горіляк, *горільник, горільняк,* згарище, *латочка, погар, погари,* погарище, погарки, погорілище (погорелище), погоріллс, погоріловщина, погорільщина, *пожар, пожарище,* пожарки, *пожарниця,* попалище, *попелище, пустирь,* пустище, *розпал.*

2) Л у г, п а с т б и щ е (73):

а) Луг вообще (25): бугровик, *грива, дор, дубровка,* каргак, кущаник, *ложок, луг,* луговина, луготрав'є, *лужок,* морожок, *мурог,* обліг (облиг, *облог*), облога, *пастовник* (пастівник), *поплав, розтерьоб, розтерьоба,* розтерьобка, *рум,* степотрав'я, суходілля, терник, *чистик.*

б) Луг заливной (26): *болоння, загон, займище, заплава,* запрома, затопина, *луг,* лугов'є, лужайка, лужжя, *лужки, лука, луки, лучки, мокос,* низов'є, *оболоння* (оболонья, оболонне), *оболонь, пастовник* (пастівник), підлужжя, *плави, плющник, поплав, топиха,* узбережжя, *урожище.*

в) Луг выпасной, пастбище (12); *випасок, випуск, дубровка, загон,* пасовисько, *пастовень, пастовник* (пастівник), пастолник, *пастоник, паша, погон,* постовник.

г) Луг сенокосный (9): *косовиця, луг,* луговина, *лядо, пожня, покос, сіножать, сінокіс* (сінокос), сінокосник.

д) Выжженное место на лугу (1): *стожари.*

3). П о л е, ц е л и н а (43):

а) Обработанное поле (20): аколниця, *баштан, гон,* капусник, *ладоня, лан, ланок, левада, ляда, лядо, майдан, нива, памірки,* різнопілля, *ровень,* роздолинка, *степ,* степки, суглінки, *уруга* (урога).

б) Необработанное поле (7): *залега, лог,* обліг (*облог*), облога, *старовина, толока,* толоко.

в) Поле, подготовленное для обработки (10): кичковка, *ляда, лядо, новина, розтерьоб, розтерьоба,* розтерьобка, старище, *цілина,* луговина.

г) Выжженное место в поле (6): вигорина, попалень, *попелище,* попельнище, пустище, сухмель.

III. БОЛОТО (477)

1). Б о л о т о (374):

а) Болото (147): *a*) вообще (24): *болото,* болотовина, в'язь, дерня, загуста, *косовиця, котковик,* кочкарник, кочник, *круг,* купиняк, кущовик, лісняк, *лубьонка, лужки,* некось, очеретяки, *очеретянка, падь, рокита, рудоман,* скотви, топняк, чагара; *b*) топкое, болотная топь (123): бабан живьот, бабине пузо, бабине черево, бабине чудо, бабині живота, баб'ї животи, багнець, багнище, *багно, багнюка, баговина,* болотниця, болотюга,

бурча́к, бучи́ло, *верзáнь, в'язíло,* гаття́, *гать,* глéїще, *глéй,* глéйка, *глуши́ця,* гнили́на, *гнили́ця,* гнили́чина, гнили́ще, гнилóвина, *гнилýша,* гни́ль, *грузá,* грузинá, грузотá, *губи́ловка, дич,* драгвá (дригвá), драглинá (дриглинá), *драглí, драгнó,* драговинá (дряговинá), драгови́ння, дреглю́га, дригвó, дриглó (дригльó), *дригля́,* дрюгови́нь, дрьóма, живé болóто, живéць, живинá, *живýля,* жи́жа, *жлýкто,* зиб (зибь), *зи́бка,* калатýша, *квáша,* китиччи́на, *колихáнка,* колихáня, *кýпа, лéговка,* лішáйник, *мертви́ця,* мéсиво, мякóтка, няша, *óмут, омшáрина,* пéкло, *пель, плав, плави́, плес,* плющáй, подýшка, потóпина, прíлина, прíлка, прíлле, прíль, *прíрва, провáлля,* прогнóєвина, прогнóї, прогнóїна, продýховина, прóлізь, *прóрізь* (прóрезь), пучи́на, *п'я́вошник, ржавéць, ржáвчина,* ришта́к, *самохвáт, сирýха, смичáй, сопíлка, сýла,* сяти́на, *твань,* тваню́ка, *топ,* топéча, *топи́лище, топи́ло, топи́льце,* топинá, топи́ще, *тóпка, топтови́на,* топчинá, тресія́, трусовинá, *трясинá,* трясни́на, *трясовинá, тряси́н,* трясýчка, тряхлинá, *тухи́ня,* хи́толка, *яловéць.*

б) Болото по величине (24): *a*) большое (5): болóтище, болóтнище, болотю́га (балатю́га), *топ,* топи́ще; *b*) маленькое (19): багéнці, *батарéй, болíтце* (болóтце, болýтце), болóтвина, болóттейцо, болóтчейко, *болотя́нка,* болотя́ночка, *грязь,* запрýда, мéсиво, окóлок, при́болотки, при́болоты, сýболоток, *черетýчки.*

в) Болото по отношению к другим географическим объектам (49): *a*) в лесу (29): багéнце, багéнці, болóтвинка, болóтина, болóтнище, болотня́к, болотня́ник, болóтовина, болотя́на, *болотя́нка,* болотя́ночка, *гнили́ця, гнилýша,* гниль, *гноíще,* драговинá, ключеви́на, *комарíвка, комáрка, кóрба, корчí, круг, кулáжина, кули́га, рýдка, сири́ця, топи́льце,* топинá, топчинá; *b*) у реки (19): *багнó, болóння,* глéїще, *глей,* глею́ка, глея́нка, *глинянка,* зáболоток, зáплав, коми́шник, *мокринá* (мокри́ня), мýловина, очеретни́к, *плав, плáвелька,* плáвні, плавýн, річкови́к, тряси́льце; *c*) на лугу (1): *байдáк.*

г) Болото по качеству: *a*) торфяное (23): амульóк, *верзáнь, кýпа, лáва, прóрізь,* торéць, торфи́ще, торфови́к (торхови́к), торфови́на (торхови́на), *торфóвище (торхóвище), торфокрóшка, тóрфрозрóбка* (тóрхрозрóбка), *торф'я́ник* (торхв'я́ник), торф'я́ниця, торф'яни́ще, торф'я́нка, *торх,* торхови́чка, торхорíзня, *торхочерíнь, торч,* трасани́на, *трясýн; b*) моховое (27): *амхуні́, багнó,* клю́квениця, мишáйник, *мох,* мохня́к, моховá пери́на, мохови́к, мохови́на, мохови́ще, мохóвник, моходьóрка, *мошки́,* мошни́к, *мошня́к, мошóк,* мхи́, мшáнник, *мшáра,* мшáрина, *омшáра (амшáра, імшáра), омшáрина,* омши́нник, плавýн, подýшка, пóрховка, *розтерьóб.*

д) Водная поверхность среди болотной топи (52): *a*) округленной формы типа озера, окна (43): багрéнь, блю́дце, болотя́на, буз, вікнó, вікóнце, водостóй, водосхи́лля, *гладь,* глаз, гнильці́, дзéркало (зéркало), *жабури́ння,* жáб'яче полотнó, зáплав, *калю́жа (калю́га),* кáтьвина, ковботина, колобáтина, *крини́ця,* крини́чина, *лáва, латáття, озери́нка,* озерцé, окóшко, *óпар,* очи́ця, плавинá, *плес, плéсинка, плéсо* (пльóсо), плéсце, пýзина, *роки́та* (*раки́та*), світловóддя, сугá, тóпливо, *топь,* чисти́на, чисти́нка, чистовóд, чистовóддя; *b*) типа продолговатой полосы (9): верéтте, перетóпка, перетóпок, плань, *прóрізь,* смýга, смугáлина, смужáлина, стýпа.

е) Яма (47): *a*) естественная (40): бáбине чéрево, бáбині животá, бéздна, бéздно, бездóння, *безóдня, ви́гар,* ви́гарок, *вирóк,* вікнó, грязю́ка,

колдо́бина (кадо́вбина), колдобо́іна (ковдобо́іна), *коло́дец,* копи́то, *крини́ця,* крини́чина, *крини́чка,* лову́шка, мачу́лище, *о́мут* (о́тмут), па́суд, па́судка, пе́кло, *пе́лька,* перето́пина, прілу́тина, *прі́рва* (при́рва, *про́рва,* пру́рва), *прова́лля,* проду́ховина, проду́шина, про́пасть, *п'я́вошник, сажки́,* топи́лка, *топь,* ту́марка, *тя́нка, у́рвище,* шу́рханка; *b*) искусственная (7): бар'е́р, *брач,* виріз, *кар'е́р,* клі́тка, *коло́дина, ла́ва.*

ж) Выжженное место на болоте (5): *виго́ра,* вису́шина, гарь, *пере́сипка,* торфого́рище.

2). Суша на болоте (103):

а) Остров (74): амша́р, *бе́рег,* берегови́на, бро́вка, *буго́р,* бугоро́к, бугри́нь, *бугрови́на,* бузго́р, ви́галок, горбо́к, *гри́бки, гри́ва, груд, грудо́к,* грудо́чок, *гряда́, гря́дка, кир, комо́ри, кругло́вина,* кряж, *курга́н,* кущо́вник, *ли́сина,* лобови́на, лобо́к, *ля́да, ля́до, ля́дце, обо́рок, омша́ра (амша́ра), о́сов (во́сов), осово́к, острово́к* (гострово́к), па́горбок, *плав, плави́, плано́к,* плешеви́на, плеши́на, подгру́док, прога́ловина, про́між, п'ята́к, *п'ятачо́к,* рум, *смича́й,* спе́зок, стерженьо́к, стриж, су́горок, сухина́, сухове́ць, суході́лля (суходо́лля, суходо́лье), суході́л (*суходо́л*), суходо́ловина, сухом'я́ч, сухопу́ть, сухопу́ття, сухота́, суш, суша́рка, су́шка, *убо́рок* (убо́рак), у́збереж, узбере́жжя, у́зболоть, уко́лок, хибо́к, щи́плик, *щи́гор,* я́рус.

б) Кочка (20): *ко́чик, ко́чка,* кочкови́к, кочкови́на, кочку́ра, *ку́па,* купина́, купи́ння (купи́нне), ку́пи, *ку́пки,* ку́пник, купня́к, ку́п'я, (*ку́п'е*), куп'яво́та, ку́чка, осо́тник, стерженьо́к, *стрижаки́.*

в) Дорога через болото (9): *ви́сип, га́тка* (го́тка), *гать, гре́бля, зага́тка, кла́дка,* лежньо́вка (лежньо́вка), лежньо́к, *плано́к.*

IV. ВОДЫ (755)

1). Текущие воды (485):

а) Река, поток, ручей (33): бігу́ха, *бігу́чка, водопротьо́к, водостьо́к,* водостьо́ч, *водоте́ч, водоте́ча,* водото́к (водотьо́к), дзюрчо́к, *перетік* (перето́к), перето́ка, перето́ковина, перето́чина, *по́плав, потік,* поті́чок, протьо́к (прото́к), прото́ка, прото́ковина, прото́чина (протьо́чина), *рівча́к, рі́чка, рове́ць, руча́й* (руче́й), ручайо́к, *стри́жень, струга́,* струм, стру́мка, *струмо́к, сума́ра,* текли́ця, текли́чка.

б) Исток, русло, устье (56): *a*) исток (16): ввод, верхі́в'я (верхо́в'е), *верши́на,* ви́тік (ви́ток), ви́тока, ви́ход, водото́к, гриноло́т, *джерело́,* за́в'язь, *ключ,* колдоба́ня (*ковба́ня*), поча́ток, почи́н, пупови́на, усту́п; *b*) русло (33): *ви́гар, ги́рло* (гі́рло, *го́рло*), *глуши́ця,* горлови́на, дома́ха, закида́нка, *заму́ла,* заму́лина, за́падь, запли́в, запру́да, *за́річка,* за́тяг, ло́же, *переко́п,* переріз, *переу́зина, прі́рва, про́різь (про́резь), рівча́к, рі́чище (ре́чище), розсо́ха, стави́ще,* стари́к (старі́к), *ста́риця* (сториця), ста́рка, староріч́ка, старорі́ччя, *стару́ха, сума́ра, я́лова,* я́ловина, *яро́к; c*) устье (7): *ги́рло* (гі́рло, *го́рло*), жерело́, *ру́ка́в,* ру́сло, сток, *у́стя* (ву́стя, у́стье, у́сте, у́стце, у́сця), усть.

в) Приток, растока и т.п. (71): *a*) приток реки (9): впадни́к, втіч́ок, галу́ззя, гі́лка, прито́к, прито́ка, *ре́хта, стрі́лка,* стріла́; *b*) разветвление русла реки, слияние двух рек (55): *ви́ла, ви́ли* (віли), ви́лка (ві́лка), *ви́лочки* (ві́лочки), водовпа́д, впад, впа́дина, вступ, ги́рло (гі́рло, *го́рло*),

зако́та, запа́динка, збі́жжя, звод, злив, злиття, *кало́ши,* клин *перехре́стя, пе́рсті, пото́ки,* прича́л, проро́й, рога́ти, розви́лини, розви́лка, розви́лле, розви́лок, роздира́ха, роздо́лля, *роздо́ри, розко́сок, розли́в,* розпади́ще, *розсо́ха, ро́зстанки,* розто́к, розто́ка, ро́зштанці, рукави́, рукавці́, слу́чина, *стани́ця,* стик, сти́ка, сти́чка, сток, *суто́ка,* сутоки, *у́гол,* узбі́жжя, у́па́д, упа́дина, у́ступ, холо́ши, *штани́; c*) рукав (7): замани́ха, *коса́,* отко́с, отто́к, прото́чина, протя́жина, *рука́в.*

г) Извилина, колено, залив (98): *a*) извилина, колено (47): викрута́с, ви́круток, вилю́ля, ви́хили, *голо́вка,* дуга́, за́вінь, за́ворот, заги́б (загі́б), за́гибень, за́крут, за́крутка, *зало́м,* зви́ви, зви́вина, зви́вих, зви́лина, згиб (згіб), зигза́г, змі́йка, ізви́лина, ізви́лля, ізворо́т, *колі́но,* кільцо́, копи́то, кося́к, *кривина́,* кривля́к, *криву́ля,* крутя́к, кручина́, крюк, крючо́к, *ло́коть, лука́,* лу́чки, меа́ндри (ма́ндри), пере́крути, петля́, *поворо́т,* поворо́тина, *пу́зовина,* у́зел, хо́бот, ши́йка, *ши́я; b*) залив (51): *виро́к,* за́бега, *забо́ка,* забо́ковина, за́боч, забо́чина, за́бочка, за́верть, за́водь, закаба́їна, *закаба́йловка,* закаба́йок, закаба́йчик, закаба́льчик, закапе́лок, за́кло, за́кол, за́кола, за́колка, за́косок, *за́кот,* за́кут, за́куток, за́лив, *за́пань,* за́рог, заро́жок, зато́к (зато́к), зато́ка, зато́ковина, *зато́н,* зато́на (зато́ня), зато́чина, за́ход, за́ходень, *за́ходина,* за́ходовина, за́ходь, лагу́на, *лопа́тина, озери́нка,* отсто́й, па́зуха, *плес, прі́рва,* проймо́м, *стру́га, то́ня, туро́к,* узбочо́к, *уре́з.*

д) Течение (86): *a*) течение вообще (15): верхі́в'я (верхо́в'є), верхово́дка, відпли́в, грин, за́ворот, зворо́т, пли́веть, плин, плинь, понизо́в'є, протите́чія, *те́ч, те́ча,* те́чія, ток; *b*) центральное, быстрое течение реки (23): *би́стра* (би́стря), *би́стрик, бистрина́, би́стриця,* бистрова́, бистря́к, бурхли́вість, водоно́с, жерело́, *жо́лоб, зало́м,* крутове́рть, крутоворо́т, о́вод, пле́синь, при́крут, ру́сло, *сере́дина,* середньоте́чія, сте́ржень, стремни́на, *стри́жень, стру́га: c*) тихое течение вообще и возле берега (20): водосто́й, гладі́нь, *гладь,* за́водь, за́стій, за́тишок, зати́шье, передво́дде, плавково́дде, *пла́вля, пле́с* (пльо́с), *пле́со,* плоскі́нь, прибере́жжя (прибере́жже, прибере́жьє), тихово́д, тихово́ддя (тихово́дде), тихопле́стя, тихорі́чче, тихосто́й, штиль; *d*) рябь на воде (28): баранне́, бара́нчики, бара́шки, *біляки́,* бриж, бри́жі, бу́льбашки (бу́льбушки), бу́льбатки (бу́льбутки), бу́рбалки, грайки́, жму́р, жмури́, жмурки́, забри́жина, за́вихри, *загре́ба,* зиб (зибь), лу́ска, ме́рхоть, *мура́шник,* пі́ня, ри́б'я луска, рябово́ддя, су́дорга, хму́ри, чешу́йка, шу́м.

е) Яма, водоворот и т.п. (126): *a*) водоворот (63): верниво́ди, верте́ба (*вертьо́ба*), верту́шка, вертьо́бина, вий, винт (вінт), *вир* (вір, вирь), ви́рина, *виро́к* (віро́к), ви́хор (ви́хорь, вихрь), ві́рус, водоворо́т, водокруже́ньє, водокру́т, водому́т, вой, *волчо́к,* за́вертень, за́крут, затяжни́к, ка́вер, кало́вер, *ко́ворот,* колове́рть, коловоро́т, круг, кругове́рть, круговоро́т, *кружа́ло,* круте́ль, крути́ло, крутí́й, крутí́лка, крутія́ (крутея́), крутове́рть, крутоворо́т, круто́рий, крутя́, крутя́к, крутьо́лка, круч, *кру́ча,* круча́к, кручина́, кушни́, *лі́йка* (ле́йка), майда́нить вода́, *ми́ска,* о́бмут, *о́мут* (а́мут, во́мут, *во́тмут,* о́тмут), о́муть (во́муть, о́тмуть), *прі́рва* (при́рва, *про́рва,* пру́рва), пропа́сниця, пучи́на, сте́ржень, стремни́на, *стри́жень,* су́водь, *чорто́рий, чорто́рийка, шум,* юла́, юро́к; *b*) яма (18): *безо́дня, бу́ча,* буча́ло, ви́рвина, заколдо́бина, запа́дина, калу́мбина, ко́вбурь, *кодо́вбище,* о́друб, *перева́л,* пробо́їна, стакі́ці, ту́марка, *чорто́рий, я́ма,* я́мина,

ямýра; *c*) омут (42): бéздна, бéздно, *вир* (вір, вирь), *вирóк* (вірóк), *глиб* (глибь), *глибинá* (глубинá), глибúнка, глибíнь, глибоводдя, глибочинá, *жерелáха,* загрéб, загрéбка, *западня́,* западя́, *казáн,* колдобáня (*ковбáня,* ковбóня), колдобáнь (*кóвбань*), колдóбина (кадóвбина), колодóвбня (кадóбня), *колóдязь,* колтóб, колтóба, *крýча, мерля́к,* нечúстник, óбмут, *óмут,* пльóса, *прíрва* (прирва, *прóрва,* прýрва), *провáлля,* прóпасть, пýтаниця, пучúна, *рáковина,* сáква, *тóня,* утігáйлівка, хúтолка, чóртово мéсто, *я́ма, я́мка; d*) водопад (3): водоспáд, óпад, спáд.

ж) канава, обочина (15): бар'ю́га, вúріз, забóчина, *закóп, канáва,* кювéт, лізéрт, обóчина, *окóп, перекóп,* риштáк, *рів (ров),* сáжні, сажньóвка, *траншéя,* трашéйка.

2). Стоячие воды (167):

а) Озеро (60):簡 бездóнниця, *болотя́нка,* вікнó, водозбíр'є, водойóм, *водóймище,* вóзер, гнилúчина, гнóявка, клíтка, калдобáня (*ковбáня*), *кóлок,* камáшник, *котковíк, криниця, круг, кружóк,* купáло, *купéла, купéлина, купéло,* купéловина, *майдáн,* мúсочка, мілвóд, *озерéць, озерúна,* óзерище, *озéро,* озéрце, озеря́вина, *окýлок, омýт* (амýт), очеретúна, пересóха, *плескáло, плéсо,* плéсце, *плíснява, плющник, п'я́вище,* п'явець, *ретúш, рокúта (ракúта), рудá, сагá,* саж, *сáжалка,* сúшник, согá, *солонéць, солончáк, ставúще, ставóк* (ставк), *стáриця,* стопúлина, стопúло, *стрúжень, топúло,* топня́к.

б) Лужа, яма с водой (103): *a*) лужа, яма (95): байдýшки, *бакáй, бáлка,* басéйна, *баю́ра,* блю́дечко (блю́дочко), блю́дце, буховня́, вертéба (*вертóба*), *вúрва,* вúрвина, вікóнце, водождьóн, водóйма, водóйминка, *водóймище,* водостóй, водостóйник, гладúшка, глéянка, гýлька, *долúнка, зáбрід,* забýзина, *заглúбина,* залúвина, *западня́,* запрýжина, зáстій (зáстой), застóйник, *кáбиця,* кадовбáнище, *казанóк, калдóба (кадóвба), калю́жа (калю́га), кар'éр,* кéдух, *кéдуха,* кúрниця, ковбóтина (кавбóтина), колдобáня (*кадовбáня,* калдибáня, калдобáня, *калтобáня, ковбáня, ковбóня,* ковдубáня, колдибáня, *колтобáня,* конбáня), колдóбань (*кадóвбань,* калдибáнь, калдóвбань, *кóвбань,* ковдóбань, колдóвбань), колдóбина (кавдóбина, кавдóвбúна, кадóбина, *кадóвбина,* кадóлбина, калдóбина, калтóбина, ковдóбина, кодóвбина, колдúбини), колдобóіна, калдóвбня (кадóвбня), колтóб (кавтóб, *ковтóб*), *коноплянка,* кóпаниця, *кóпанка* (кóпонка), кóпáня, кóпань, *крини́ця,* кринúчина, *кринúчка, круг, круглóвина, кружóк,* купáло, *купéло, ложóк, лохáня, лýжа,* мачýлище, *мúска, молочúлище,* мочúло, мулинá, настóйка, *озерúна,* окýп, оченя́та, *пéлька,* пенькомóчище, полóнка, провáлина, *рим,* ря́сница, *сагá, сагвá, сáжалка,* сáжні, снíжиця, согá, стерпцí, стигло, тихобрíд, *топúло,* топúн, *тя́нка,* ухáб, шýрханка, щенкú, *я́мочки; b*) вырытая яма (8): кар'éра, *кóпанка* (кóпонка), кóпань, *копéць,* мочúло, мочúльня, *мочýла, рéвня (рéмня).*

в) Пруд (4): *пруд, сáжалка, став, ставóк.*

3). Воды текущие и стоячие (103).

а) Источник (30): *джерелó,* джерелýха, дзюрóк, жерелó, жéрло, живéць, живúнець, живúця, *живýля,* жúвчик, жúла, жúла водянá, жóлобка, ключевинá, ключúна, ключúще, корóв'яче копúто, *крини́ця,* кринúчина, *кринúчка,* лєснóй глаз, подгóрник, *роднúк,* родовúк, сквáжина, слойóк, *струмóк,* студнúця, чистя́к.

б) Место, где вода уходит под землю (21): ввóдина, *водостóка,* грýз-

ниця джурно́, за́водка, заклю́чина, заклю́чник, крутого́н, *лі́йка*, ниро́к, *нора́, о́пар*, ри́квиня, ри́хлина, рихли́ник, сква́жина, сток, схов, хо́ванка, щіли́на, юрча́.

в) Весенний разлив (52): валови́дде, весня́к, водо́йма, *водо́ймище*, водола́ва, зава́да, за́водь, *за́йма, за́ймище*, зали́в, за́ливень, за́плав, *запла́ва*, запла́в'я, зате́пи, зато́п, зато́па, затопи́ло, зато́пка, за́топь, зато́ччя, *му́тин*, нава́л, наві́га, па́вінь, па́водка, па́водок, па́водь, *пало́й*, по́відь, по́вінь, повново́ддя (полново́ддє), пово́дде (пово́дьє, пови́ддє), поводо́к, по́водь, по́йма (пу́йма), по́ймар, пойови́к, поли́й (поло́й, полу́й), полово́ддя (полови́дде, полово́дья), полово́дка, по́лость, прибі́й (прибо́й), *п'я́вище, розли́в*, розли́вина, розли́вище, *руда́, ру́дка, стави́ще*, у́падки, *шум*, яркова́ вода́, я́рчик.

V. БЕРЕГ, ОСТРОВ, МЕЛЬ (281)

1). Б е р е г, п о б е р е ж ь е (150):

а) Берег по конфигурации (36): *a*) берег (10): *бе́рег, косу́ля*, ліви́ця, лівни́к, лівобере́жжя, ліводі́л, правобере́жжя, праводі́л, су́ша, у́збереж; *b*) мыс, полуостров (26): *біто́к*, ви́ступ, *голо́вка*, закі́сок, закі́сочок, *за́кло, за́куток*, заро́жок, *за́сип*, ка́тьвина, *коса́*,橋ося́к, косячо́к, *кут, ку́тник, куто́к*, мис, ока́тьвина, *о́стрів* (о́стров), полуо́стров, *рог*, серп, усту́п, хибо́к, *шпиль*, язи́к.

б) Берег по высоте и конфигурации (76): *a*) отвесный, высокий (20): бу́дочка, крутизна́, кру́тик, крутобере́жжя, крутоя́р, крутя́к, *кру́ча*, круча́к, кручина́, кручи́ще, кряж, *обри́в*, обривча́стка, *о́труб, п'і́яр*, про́пасть, ске́ля, стіна́, стремни́на, *у́рвище; b*) пологий, низкий (17): *коса́, кули́га*, ляга́вина, натя́жина, пла́вки, *пла́вля, пла́вня*, плес, пле́со (пльо́со), площи́на, поло́говина (поло́гвина), похи́лість, при́сип, *при́стань*, скат, спока́т, *чері́нь; c*) по отношению к воде (39): виле́нь, ви́моїще, ви́різ, ви́ступ, ви́щик, *грибо́к*, забере́жниця, зсу́в, обва́л, *обва́лина*, обва́лля, о́бвис, *обрі́з* (обре́з), одина́к, омо́їна, о́сип, *о́сов*, отко́с, о́тмой, о́тмул, ото́рвиш, отрі́з, перебо́й, підли́за, підми́в (подми́в), підми́й (подмо́й), підмо́їна (подмо́їна), підмо́чина, *плав*, плаву́н, подре́з, прибій, при́печок, прова́л, розми́в, розми́лина, спо́взень, ступни́к, утьо́с.

в) Берег по грунту (18): *a*) песчаный (12): *біля́к*, за́пісок, *за́сип, лима́н, піскавня́*, піскова́тка, піскови́к, пісчуга́н, *піща́ник* (піща́нник), піща́нка, сипко́виця, сипу́чка; *b*) ракушечный (3): ра́влик, раку́шечник, *раку́шник; c*) каменистый (3): гальківка, гальча́к, га́льчник.

г) Береговая линия при разливе (20): брова́, бро́вка, *вал*, ви́долог, *грани́ця, гри́ва, гря́дка*, до́стань, зва́лля, *кро́мка, межа́*, подви́сье, поро́г, *рубі́ж*, ступ, ступа́к, тупи́к, узбере́жжя, узва́лля, *чать*.

2). О с т р о в, м е л ь (131):

а) Остров (44): *a*) на реке (31): *буто́к*, буто́чок, *висо́чина*, ви́ступ, голи́ш, голови́к, голя́к, *гуди́ще*, кла́птик, *кружа́ло*, кружля́ло, *ку́па, ли́сина, майда́н*, межи́во́ди, *обито́к*, обтьо́чина, *осере́док, о́стрів* (*о́стров*, го́стров, *во́йстров*), острі́ве́ць (острове́ць), *острово́к* (гострово́к), очеретни́к, *плаво́к*, розсу́шье, роща́нник, *солонча́к*, спе́зок, сухине́ць, суході́л (*суходо́л*), уді́льня, черено́к; *b*) на озере (13): ви́ступина, драчо́к, *коса́, кругля́к*, кружля́ло, меживо́ди, мошеричо́к, нано́сник, острі́ве́ць (острове́ць), *пла́вня* (пло́вня), *поплаво́к*, сте́ржень, сухина́.

б) Мель (33): *брод, бродо́к,* замо́їна, *коса́,* кося́к, *ла́ва,* лото́чок, ме́ленка, мело́к, ме́лоч, мілина́, мілково́ддя, мілово́дье, *міль* (мель), *на́сип,* на́сипь, о́бміл, обмі́лина, о́бміль (о́бмель), одмі́лок, о́ткос, о́тмель, *перева́л,* перека́т, переме́ль, *пере́міл* (переме́л), *перемі́лля,* перепа́д, пере́сип, пере́суш, пі́дміл, *пла́вля, пле́со.*

в) Насыпь (21): бундю́к, *ва́л,* вали́нь, *ви́сип,* ви́ступ, *га́тка* (го́тка), *га́ть,* гребішо́к, *гре́бля,* заме́т, за́пісок, *за́сип,* нака́т (*нако́т*), наме́т (намьо́т), *на́сип, перева́л,* пере́сип, *пере́сипка,* пісковик, *піща́ник, щи́гор.*

г) Наносы (25): бруд, буз, таму́лля, *глей, глеюка,* глинь, зано́с, мелико́си, мул, мула́, мулови́на, муль, наму́л, наму́лле, нано́с, напли́в, нил, плав, при́плав, при́плав'є, припли́в, п'я́тра, ря́ска, торс (торо́с), юл.

д) Запруда (8): *га́тка,* да́мба, *зага́та,* заста́ва, *плоти́на,* сі́жка, скри́ня, та́мба.

Приведенная классификация охватывает весь корпус местных географических терминов Черниговско-Сумского Полесья. Самый многочисленный по количеству лексем, в него входящих, класс, обозначающий рельеф местности (862 лексемы), самый малочисленный класс "Берег, остров, мель" (281 лексема). Довольно велики в количественном отношении группы слов, характеризующие воды (755 лексем), растительный покров (608 лексем), болото (477 лексем).

Параллельный анализ местных географических терминов и микротопонимов, собранных на этой же территории, показывает, что апеллятивы в составе микротопонимов обычно употребляются в тех же значениях, что и в самостоятельном употреблении. Но известны и случаи, когда значение апеллятива в составе микротопонима изменяется, о чем можно судить по характеру географического объекта, к которому относится микротопоним. Например: термины *амшара, імшара, омшара,* означающие 'моховое болото, поросшее лесом, кустарником', 'моховина среди болота типа островка', 'болотная топь, поросшая кустарником', в составе микротопонимов могут называть не только болото – *Темна Імшара, Імшара на Розкосах, Горіла Імшара* (Уралово Срединно-Будского Сумской), *Омшари* (Тимоновичи Семеновского Сумской), *Омшарина* (Жадово Семеновского Черниговской),– но и урочище–урочище *Довга Амшара* (Очкино Срединно-Будского Сумской), лес – *Горіла Амшара* (Знобь-Трубчевская Срединно-Будского Сумской). Ср. также *амхуні* 'большие моховые болота' – низина *Амхуні,* болото *Амхуні Великі,* болото *Амхуні Малі* (Знобь-Новгородское Срединно-Будского Сумской); *багно* 'топкое болото', 'болото у реки', 'моховое болото' – озеро *Багно* (Усок Ямпольского Сумской), болото *Багно* (Атюша, Пролетарское Коропского Черниговской; Хижки Конотопского, Ямполь Ямпольского Сумской); луг *Багно* (Зметнев Сосницкого Черниговской), поле *Багно* (Реутинцы Кролевецкого Сумской).

Как видно из приведенных выше списков, многие местные географические термины употреблены в составе микротопонимов. Более того, микротопонимы включают значительное число потенциальных апеллятивов, которые не были нами отмечены в свободном употреблении и зафиксированы только в составе микротопонимов. В разряд апеллятивов мы можем их внести на основании следующих критериев:

1) Если они известны в качестве географических терминов на других, смежных территориях. Например, географический термин *грунь,* широко

известный на Полтавщине, на территории Черниговско-Сумского Полесья зафиксирован только в составе микротопонимов: часть села *Сухогрунь* (Некрасово Глуховского Сумской), лесное урочище *Нові Груні* (Слоут Глуховского Сумской).

2) Если они представляют собой словообразовательные варианты апеллятивов, отмеченных в нашем списке географических терминов. Например, в Черниговско-Сумском Полесье зафиксированы географический термин *чо́вник* 'глубокая и узкая долина' и микротопоним *Човень.* Сопоставляя их, мы можем предположить, что на исследуемой территории географические термины *чо́вник* и *човень* параллельно употребляются.

3) Если они встречаются подобно другим географическим терминам в целой серии микротопонимов-словосочетаний в качестве опорного слова. Например, названия полей *Довга Рука, Берегова Рука, Самарська Рука* (Выровка Конотопского Сумской); *Третя Рука* (Бочечки Конотопского Сумской); *Перша Рука, Друга рука* (Лебедин Коропского Черниговской, Бочечки Конотопского Сумской), *Середня Рука* (Лебедин Коропского Черниговской; Белица Ямпольского Сумской, Баничи Глуховского Сумской); *Руки* (Лебедин Коропского Черниговской), названия лугов *Три Руки* (Мутин Кролевецкого Сумской); *Попова Руча* (Мельня Конотопского Сумской). Такой ряд микротопонимов позволяет предположить апеллятив *рука* со значением "ровное поле", ср. апеллятив *ладонь* 'ровное поле'. Названия озер *Малий Закруг, Великий Закруг* (Хижки Конотопского Сумской) указывают на возможный термин *закруг* со значением 'о́зеро', тем более что есть в Черниговско-Сумском Полесье географический апеллятив *круг* со значением 'яма', 'озеро в лесу', 'водоворот', 'болото в лесу'.

4) Если они дублируют название, содержащее обычный географический термин. Например, название оврага *Камінна балка*||*Камінний обалок* (Уздица Глуховского Сумской) позволяет выделить географический термин *оба́лок*, который является более архаичным по сравнению с географическим апеллятивом *балка.*

Наконец, в ряде случаев географический термин оказался не отраженным в наших материалах случайно, поскольку программа не содержала соответствующего вопроса.

Так, не было в программе вопросов, относящихся к хозяйственно-экономическим географическим объектам, и поэтому данная терминология отсутствует в списке апеллятивов. Но в составе микротопонимов такие названия фиксировались, например: *сеча, паром, посьолок, деревня* и т.п.

Ниже приводится полный список такого рода потенциальных географических апеллятивов, засвидетельствованных только в составе микротопонимов на территории Черниговско-Сумского Полесья. Список составлен на основе словаря микротопонимов. Термины сгруппированы по характеру тех географических объектов, которые называют соответствующие микротопонимы. В скобках приводятся апеллятивы из словаря местных географических терминов Черниговско-Сумского Полесья.

1. Р а в н и н н ы й р е л ь е ф: ладо́нка (ладоня), мане́ж, мане́жа, плац, полігóн, ровенóк, роздóл, черíнка (черінь).

2. В о з в ы ш е н н о с т ь: бички́ (бичок), бри́ли, валу́ша (валух), верхóбина (верховина), ворохи́бець, глиже́ха (глижа), грунь, звока́т, кре́йда,

кремени́ця, кремýшки, крутогóрка (крутогор), кýргонь (курган), мóгилки, сóпка, сухогрýнь, убéдь (убодь), угóр.

3. *Низинный рельеф*: алошáнка (лоша), байрýга (байрак, байрач), бáльки (балка, балки), банияр (баняк, яр), баюри, бóблав (поплав), вертьóбка (вертьоба), верхоя́р, верхояра (яр), ви́колок, волóка, ворóнце (воронка), в'язинá (в'язи́ло), глéчик, гли́нка, гли́ниця (глинище), горшóк, горшóчок, камбýрина, квашня́ (кваша), ковбáк (ковбоя, ковботина, ковбурь), кодóвба, лóхня (лоханя, лоханка), мáриця (маринка, меринка), мишáр, мишáрка, обáлок, олошáнка, пáволоч, пáлі, плавá (плав), плáволька (плавля), пловá (плов), подóла (подол), портки́, ракýша (раковина), рихли́ (рихлина), розкóс'э (розкóс), розпýття, свистýн, свистýшка (свистушина), сéча, сýтиски, чóвень (човник), чортори́га (чорторий, чорторийка), я́звина (язва).

4. *Край горы, низины, оврага*: беззýбець (зуб), бокови́на, кінéць, кром (кромка), сýбок.

5. *Лес*: берéза, берéзинка, берéзка, березня́, березняки́, березовéць, березóвиця, бересня́, берестóвиця, борови́ця, вéрби, верби́чина, вéрбочка, верески́, вересóк, в'язники́, глушня́ (глуш, глушиця), дуб, дубóк, дубинéць, éльник, кали́нник, каштáн, клен, ли́па, ли́пиця, ли́пки, ліщеви́на (ліщина), лозови́ця (лоза), новосéк, обóрки, ольошня́к, оси́нки, оси́новик, осиня́к, оси́чина, оси́чник, осокóрі, пáрубень, перéкало (кальник), перéліска (переліс), перелíся́нка, перерóст, полулíсся, посáд (посáдка), смоли́ця, сукáч, сушни́к (сушняк), теренóк, товкачі́, топóля, хворостя́нка (хворост, хворостник), хмáрина (хмареча), ши́ляг (шиляга).

6. *Луг, пастбище*: ви́пас (випасок), лутáва, оберéмечок, пáстбище, пастовлýк (пастовник, лука), пастовня́, пастóнник (пастоник), пасьбá, пóпас.

7. *Поле, целина и т.п.*: абигóни (гони), бороздá, вовси́щи, врýга (урýга, урога), грáдка, земля́, кавýнівка, кавýнище, надíл, нарíзка, ни́вище, ни́вка (нива), орýга (урýга, урога), пай, пáйки, паля́да, пашня́, плантáция, пóлоси, полóска, пратерéб, пратерéба, прирíз, прогóн, протерéб, протерéба, рíзки, рукá, рýчá, теребíнь, теребéнь, теребíж, чорнозéм.

8. *Болото*: бáгмут (багно, змут, мутин), байдачóк (байдак), грязунéць, зáзмут (змут), зміíнець, шáра, камишáнка, ржáвка, старогáт (гать, гаття), торфови́сько (торфовище).

9. *Суша на болоте*: бережи́на (бережки), бéреги (берег), гáтище (гать), осóва (осов), осовéць, очерéток, очерéтка, перешийок.

10. *Текущие воды*: бистрочóк (бистрик), біжóк (бігýчка), біловóд, водá, водопáд, рóзстанці (розстанки), самотýги, струя́.

11. *Стоячие воды*: байдáлина, income бездóнка (бездна, бездно), броди́, бýчка (буча), жáбник (жабуриния), зáкруг, кóвбанька, ковтóба, мочýлина (мочула), прудéць, пруди́ще, резéрва, рéчиця, рéчище, сáговина (сага, сагва).

12. *Текущие и стоячие воды*: ви́тяг, глибéць, косýха, невтíчка, óбод, óдмут (омут, озмут), отóка, поворóтка, стáринка (стариця), студенóк, супóй, ýбоч (узбочок), хвосторíз, чистопéль (пель, пелька), шпит.

13. *Берег, побережье*: піски́, пісóк, піщáник, кутóчок, узрíччя, урíччя.

14. *Остров, мель*: посерéдок (осередок).

15. Т и п   п о с е л е н и я: городе́ць, дере́вня, посьо́лок, се́лище, село́, слобі́дка, слобода́, ху́тір, хуторе́ць, хутори́ще, хуторо́к.

16. Х о з я й с т в е н н о - э к о н о м и ч е с к и е, и с т о р и ч е с к и е, б ы т о в ы е   и   к у л ь т у р н ы е   с т р о е н и я   и   с о о р у ж е н и я: база́р, бу́дище, ви́шка, вітря́к, гу́та, гу́мнище, дом, двори́ще, капли́ця, капли́чка, ке́льня, крі́пость, клу́ня, млин, млино́к, о́січ, пе́чище, пе́чі, пляж, реду́т, стадио́н, хати́нь, ха́тка, ха́тнище, цеге́льня, це́рква.

17. Х о з я й с т в е н н ы е   о б ъ е к т ы: городня́, горо́жа, завгоро́ддя, огоро́д, огоро́ди, план, сад, стан, станови́к, сті́йло, сто́йло, ти́рлище.

18. П у т и   и   с р е д с т в а   п е р е д в и ж е н и я: бульва́р, ваго́лиця (околиця), ви́їзд, в'ї́зд, ву́лиця, ву́личка, гу́лиця, гу́лочка, доро́га, зазво́рог,, за́їзд, закаву́лок, зимня́к, міст, паро́м, перевіз, переву́лок, пере́їзд, перепра́ва, перехід, перехода, проу́лок, прохо́ди, по́шлях, соша́ (литер. шоссе), стега́, тра́са, туне́ль, у́лиця, у́личка, у́лочка, шоса́ (литер. шоссе), шля́х.

Таким образом, материал микротопонимов значительно расширяет состав местных географических терминов Черниговско-Сумского Полесья, добавляя 319 терминов к 2500, содержащимся в словаре.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Собрана и систематизирована польская географическая терминология (*Nitsche P.* Geographische Terminologie des Polnischen. Köln, 1964), сербскохорватская (*Schütz J.* Die geographische Terminologie des Serbokroatischen. Berlin, 1957), чешская и словацкая (*Малько Р.Н.* Географическая терминология чешского и словацкого языков. Минск, 1974), болгарская (*Григорян Э.А.* Словарь местных географических терминов болгарского и македонского языков. Ереван, 1975), псковская (*Мокиенко В.М.* Лингвистический анализ местной географической терминологии. (Псковские апеллятивы, обозначающие низменный рельеф, на славянском фоне). Автореф. канд. дис. Л., 1969), белорусская (*Яшкин І.Я.* Беларускія геаграфічныя назвы. Тапаграфія. Гідралогія. Мінск, 1971), украинская (*Марусенко Т.А.* Материалы к словарю украинских географических апеллятивов. (Названия рельефов). – В кн.: Полесье. М., 1968 и ряд интересных статей И.А. Дзендзелевского). Синтезирующим трудом явилась книга Н.И. Толстого "Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды".

2 Часть словаря (А–Г) опубликована. См.: *Черепанова Е.А.* Словарь географических терминов Черниговско-Сумского Полесья. – Повідомлення Української ономастичної комісії, вип. 14. Київ, 1976, с. 33–49; вип. 15. Київ, 1976, с. 26–41. См. также: *Черепанова Е.А.* Принципы составления словаря местных географических терминов северо-восточного Полесья Украины. – Там же, вип. 13. Київ, 1975, с. 36–39.

3 Первая попытка семантической классификации славянских географических терминов принадлежит И. Шютцу (указ. соч., с. 17–20). В ней выделены пять классов (А. Горный рельеф; В. Низменный рельеф; С. Термины, обозначающие почво-растительный покров; Д. Термины, связанные с внутренними водами; Е. Обозначение объектов, связанных с морем) и 77 подклассов при общем количестве 780 терминов.

Классификация П. Нитше (указ. соч., с. 251–261) отчасти повторяет классификацию И. Шютца. Она насчитывает 4 класса и 55 подклассов при общем количестве 1800 терминов. У М. Юрковского дана подробная классификация украинских гидрографических терминов, которые распределены на 6 больших групп (I. Термины, связанные с текущей водой; II. Термины, связанные со стоячей водой; III. Термины, связанные с болотом и тиной. IV. Термины, связанные с искусственными водами, водными объектами), а в пределах каждой выделены "семантические гнезда" (всего 54 с общим количеством 1800 украинских гидрографических терминов). Семантический словарь балтийских географических терминов (*Невская Л.Г.* Балтийская географическая терминология. М., 1977, с. 210–218) представляет собой распределение всей описываемой терминологии в соответствии с географическими реалиями (64 семантические группы).

В.М. Куриленко

ЖИВОТНОВОДЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА ПОЛЕСЬЯ В АРЕАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Животноводческая лексика Полесья представляет большой интерес для этногенетических исследований, однако до последнего времени она не собиралась систематически. Работа В.В. Шура [2] ограничивалась относительно небольшим мозыркополесским ареалом, а "Материалы к лексическому атласу украинского языка" Н.В. Никончука [3] смогли вобрать в себя лишь часть народной животноводческой терминологии.

В 1977–1980 гг. нами по специально подготовленной программе [1] с помощью студентов Глуховского, Житомирского и Мозырского педагогических институтов были обследованы говоры 200 населенных пунктов украинского (частично белорусского) Полесья; 143 из них составили сетку атласа полесской животноводческой лексики. Ею охвачена территория Полесья в рамках нынешних границ с Польшей и РСФСР, до Припяти в белорусском Полесье. Южной границей явилась линия Владимир-Волынский – Луцк–Ровно–Житомир–Киев–Нежин–Ромны–Сумы. Атлас будет содержать примерно 200 атомарных карт, 175 из которых уже готовы и позволяют сделать выводы о характере географического ландшафта лексики, связанной с животноводством. С уверенностью можно говорить о четырех основных пучках изоглосс, оформляющихся при анализе достаточно обширного материала.

1. Изоглоссы, разделяющие правобережное и левобережное Полесье (по Днепру)[1]; *марка́ч* 1, 2, 4–6, 9, 20, 38а, 43, 83, *морка́ч* 8, 18, 34, 36, 37, 45, 72, 80, 81, *мурка́ч* 10, 11, 35, 110, 126, *шмарка́ч* 73, *сморка́ч* 5а, *марка́й* 47, *морка́й* 48, *моркота́й* 33, *марка́л'* 19, 49, *мерка́л'* 22, 90, *марха́л'* 16, *марку́с* 21, *моркоту́н* 31, 41, 42, 69, 75, 86, *моᵘркоᵘту́н* 107, *воркоту́н* 32, *ме́ркотен'* 87, *мо́ркутен'* 77, *му́ркотен'* 118, *мо́рк'ітен'* 12, 13, 44, 46 'некастрированный баран' (здесь и дальше мы будем ограничиваться небольшим количеством примеров).

2. Изоглоссы, отделяющие волынское Полесье (по Горыни): только двусловные названия *йа́лова коро́ва* 5а, 7–10, 36, 37, 38а, 70–73, *йе́лова коро́ва* 1–5, 6, 31–35, 67–69, 102–105, *йа́лоᵘва коᵘро́ва* 104 (карта 1); *га́рах* 31, 73, *гара́шки* 34, *гарашки́* 8, *гарахова́та* 108, *гарахува́та* 5, 6, 35–38а, *гара́шкувата* 1, 3, 4, 38, 67, 71, 109, *гарашкува́та* 7, 32, 33, 102, *гараха́та* 69 'короткая вьющаяся (кудрявая) шерсть овец' (карта 1).

3. Пучок изоглосс, выделяющий центральную и северо-восточную части диалектного массива: *ма́тка* 12, 14–17, 19–29, 47–52, 57–61, 76, 85–88, 90–92, 124, 126, 127, 129, 131 'мать' (карта 1); *сирогва́ша* 48, 59, 61, 62, 89, 126, 131, *сиро́кваша* 49, *сиракваша* 23–28, 30, 50–52, 54, 56–58, 60, 60а, 91, 92 'кислое, устоявшееся молоко' (карта 1); *то́плене* 48, 55, 57, 62, 86–88, 124–128, *то́плине* 58, *то́пл'ене* 49, 61, *топл'ане* 15, 16, 22, 23, 25–27, 40, 50, 54, 56, 59, 63, 90, 98, 122, 129, *то́пл'енайе* 24, *топл'о́не* 89, *тапл'о́найе* 28, 30, 51, 60, 60а, *тапл'о́найа* 29, *ц'опл'о́не* 47, *перето́пл'ане* 52

---

[1] Цифры обозначают номера населенных пунктов на картах атласа.

'топленое молоко' (карта 1). Этот пучок изолекс во многом близок к изофонам аканья в полесских говорах [4].

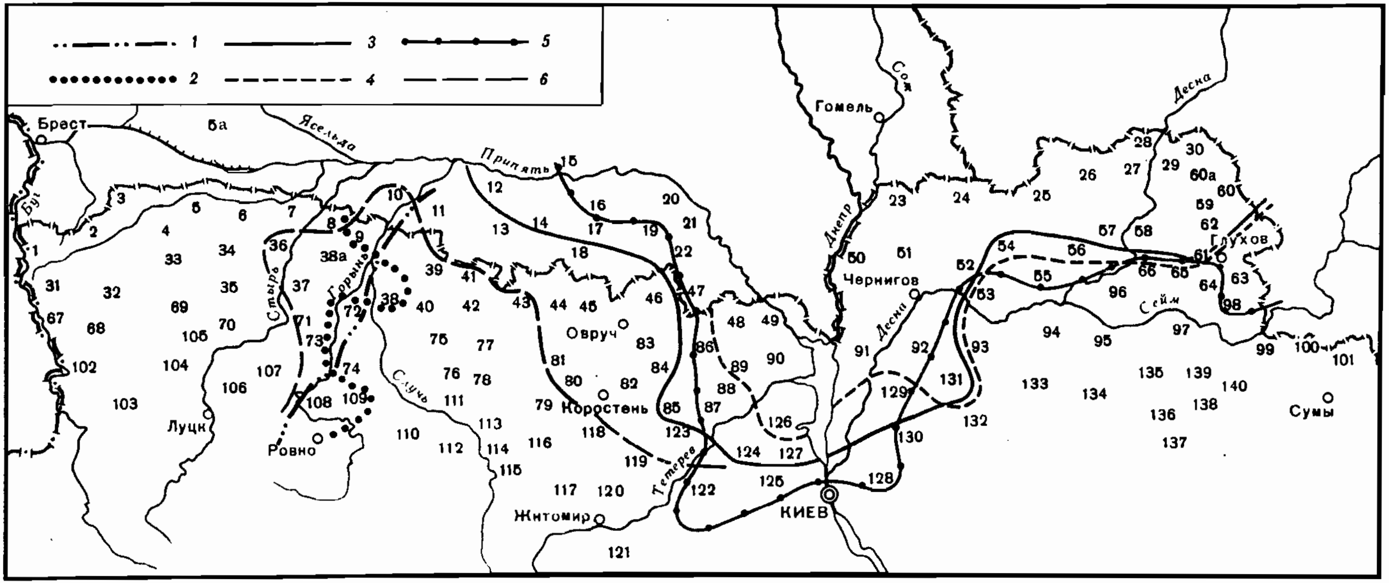
4. Пучок изоглосс, вырисовывающий клинообразный ландшафт и свидетельствующий о взаимодействии форм нескольких диалектов (о миграции с юга). Наиболее ярко говорит об этом пример вытеснения архаичной лексемы *тук* 1–5а, 7, 8, 31–35, 53, 67–70, 80, 102–107, *тик* 6, 56, 110, *ток* 89, 127, *туок* 14–21, 24, 25, 44–46, 48–51, 81–88, 90, 126, *туик* 52, 54, *аток* 57 'жидкий жир из жаренного свиного сала' словосочетанием *топленое сало* и лексемой *смалец* (карта 1).

Первые два пучка описаны в последнее время достаточно полно [5] и полностью подтверждаются нашими исследованиями.

Сосредоточенная в замкнутых ареалах региональная лексика концентрируется, как правило, в волынско-полесском массиве и бассейне Горыни, Случи: *расо́ва* 73, 74, 108, 109, а также 5а 'большая, красивая особь домашнего животного'; *гре́жава* 32, 34, *грեже́ва* 4–6, 33, *намо́зкл'увата* 106, 107, 109, *намо́скл'увата* 108, *нами́зкувата* 32 и *на́мазкл'іва* 51, *намазкл'іва* 50 'упрямая'; *бас* 1, 2, 31, 105, *ба́со* 32 'живот'; *л'е́тов'ішча* 41–44, 77, 81 'наросты на рогах, по которым определяют возраст крупного рогатого скота'; *ва́жна пич'і́нка* 69, *важна́ печ'і́нка* 1, *ва́жни пе́чани* 31, *ва́жна пиче́н'а* 32, *т'е́жка печ'і́нка* 67, *т'е́жка пиче́н'а* 68 'печень'; *ле́хка* печ'і́нка 1, 67, *ле́хка пич'і́нка* 69, *ле́хка пиче́н'а* 32, 68, *ле́хк'і пе́чани* 31 'легкие'.

Диалектные различия культурного плана часто дают аналогичную картину – нередко можно наблюдать полное или частичное совпадение изопрагм и изоглосс. Так, на левобережнополесской территории используется одноконная, на остальной – пароконная упряжка. Обращение к одной лошади отличается от обращения к паре лошадей, поскольку во втором случае для правого и левого животного требуется отдельное слово при повороте направо или налево (в первом случае такая необходимость просто отпадает). Этим объясняется наличие в волынском и правобережном Полесье слов для поворачивания лошадей направо и налево (при полном отсутствии их в левобережном): *гат̄'а́* 35, 38а, 41, 42, 46, 75, 76, 78–80, 82, 87–89, 107–117, 119–123, 125, *га́т̄'а* 85, 104, *га́т̄'а* 77, *га́йта* 31, 67, 103, *гайта́* 102, *гац̄'а́* 13, 14, 18, 43, 44, *гац'* 19, *гат'* 32–34, 36, 38, 39, 105, гет' 37, *ге́т̄'а* 40, 106, *гайт'а́* 68, *га́т'а* 69, *гот'а́* 71, *гот̄'а́* 72, 74, *гот'* 73, *гет̄'а́* 118, *тпр-ат'* 9, *цоб* 16, 70, *соб* 84, 90, 124, 126, *со́б'і* 1, *ксо́б'і* 2, 4, 12, *собі́* 7, *ксо* 21, 22, *от себе́* 8, *цабе́* 83, 127, *цеб* 86 – междометия при поворачивании лошадей направо; *соб* 8–10, 35, 40, 69, 71, 72, 76–78, 85–90, 109, 111, 116, 123, 127, *ксоб* 11, 13–16, 18–20, 36, 37, 38а, 44, 46, 73–75, 79–83, 106–108, 110, 112–115, 117, 119, 120–122, 125, *со́б'і* 31, 33, 41, 42, *ксо́б'і* 32, 68, 104, *ксо* 34, *цо́б'і* 43, 105, 118, *од себе́* 7, *аце́б* 21, *цаба́* 22, *цабе́* 124, 126, *сабе́* 4, *га́йта* 1, *га́т̄'а* 70, *гат̄'а́* 84, *гайта́* 102 (так же, как и направо), *в'і́шта* 67, *в'і́ста* 103, *ац* 12, *са* 38, *со* 39 – междометия при поворачивании лошадей налево.

В правобережном и волынском Полесье для изготовления коровьего масла применяется специальное приспособление (небольшой продолговатый бочонок, закрывающийся сверху крышкой с отверстием в центре, сквозь которое проходит рукоять, оканчивающаяся внизу своеобразным деревянным поршнем с круглыми отверстиями): *б'і́йка* 6, 7, 35, *би́йка* 8, 36, *бу́йка* 10, 11, 13–22, 39, 40, 42, 43, 45, 46, 85–88, *бе́йка* 33, *бо́йка*



Карта 1. Основные изоглоссы полесской животноводческой лексики

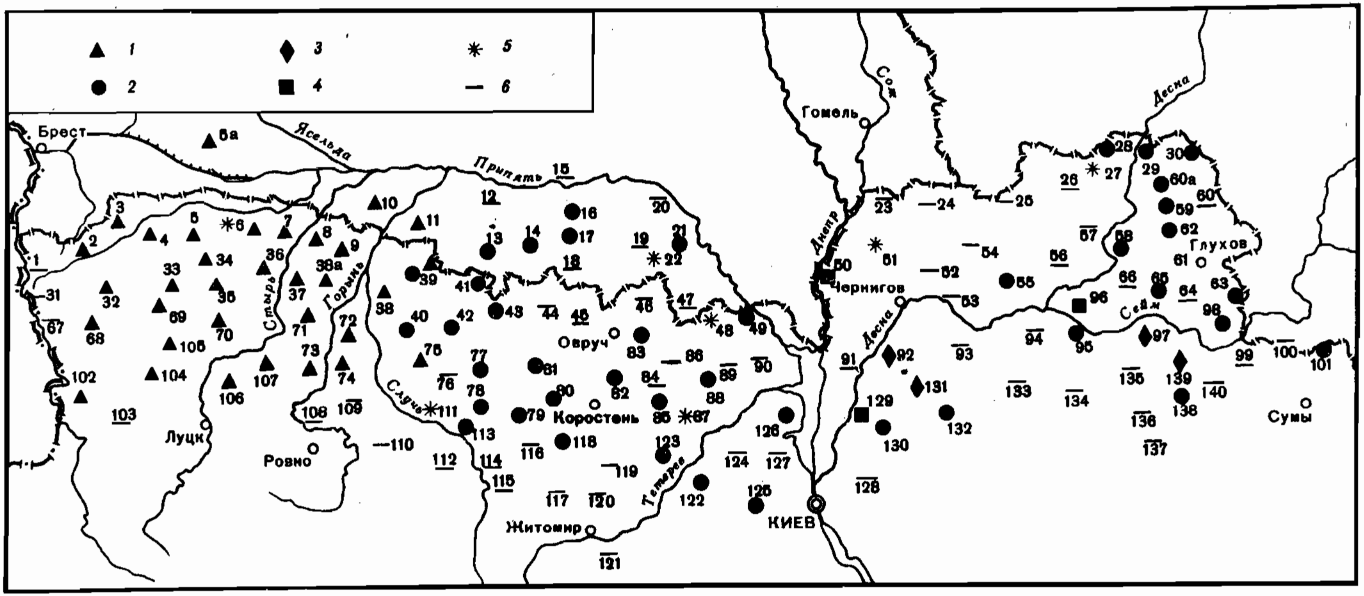
1 – изоглосса двусловных названий яловой коровы; *2* – изоглосса лексем *га́рах, гара́шки* и т.п.; *3* – изоглосса лексемы *ма́тка*; *4* – изоглосса лексем *сироква́ша* и под.; *5* – изоглосса лексем *то́плене, тапл'о́найе* и т.п.; *6* – изоглосса лексем *тук, ток, тик* и т.п.

38а, 71, *збе́йка* 34, *бо́йн'а* 37, *бийе́нка* 2, 4, *б'ійе́нка* 1, 3, 5, *бийа́нка* 5а, *бо́йница* 9 – на север, *масл'а́нка* 71, 77–79, *масл'о́нка* 75, 111, *масни́ц'а* 70, 107, 114–117, 123 124, *масни́ца* 72, 74, 76. 108, 110, 113, *масне́ц'а* 32, 67–69, 102–105, *масни́чка* 80, 82, 84, 106, 109, 118–122, *ма́сл'ан'іца* 44 – на юг от горизонтальной изоглоссы, проходящей южнее населенных пунктов Свитязь Любомльского р-на Волынской обл.–Маневичи–Сарны–Овруч, *маслобо́йка* 31, 38, 73, 89, 112, 125, 127, *маслобу́йка* 47–49, 81, 83, 90, 126, *маслобу́йка* 126, тогда как в левобережном в абсолютном большинстве используется обыкновенная макитра с качалкой. Различие в процессе изготовления нашло свое выражение в языке. Белая кисловатая жидкость, остающаяся после масла, в Полесье на восток от Днепра называется *сколо́тини* 55, 62, 64, 65, 93–97, 101, 128, 130–140, *скало́тини* 25, 26, 53, 56–58, 129, *скало́ц'іни* 27, *сколо́тина* 59, 61, 99, 100, *скало́тина* 52, 54, 98, *скало́т'іна* 28, 29, 60, 60а, 63, *скало́чуванка* 92, *іскало́чуванка* 24, *скало́тна сиро́ватка* 50, 91, *скало́тна сиро́вадка* 23, 51, а на запад – *масл'а́нка* 5а, 7, 8, 10–22, 36–38а, 43–48, 70–74, 76, 78–90, 104, 106–126, *масл'е́нка* 1–5, 6, 31–35, 67–69, 102, 103, 105, *масл'о́нка* 9, 39–42, 75, 77. Это закономерно: при использовании неспециальной посуды происходит действие, которое скорее всего можно именовать глаголом *колотить,* имеющем в украинском языке значение 'размешивать что-нибудь жидкое' (реже, в переносном значении – 'бить').

Для доения коров используется специальное ведро, названия которого в Полесье в большинстве случаев связаны с действием: *д'ійни́ц'а* 121, 135–140, *д'ійне́ц'а* 5, *дойни́ц'а* 5а, 55, 59, 62, 64, 65, 70, 85, 88, 89, 93–97, 99–101, 107, 109, 111, 114–120, 122–128, 130–134, *дийни́ц'а* 106, *дейни́ца* 71, *дуйне́ц'а* 1–4, 31, 33, 34, 67–69, 102–105, *дойне́ц'а* 6, 32, *дойни́ца* 7, 8, 36, 37, 38а, 61, 66, 74, 78, 79, 84, 110, 112, 113, *дайни́ц'а* 54, 56, 92, 129, *дайни́ца* 23, 25, 26, 52, 53, 57, 58, 60, 63, 98, *дойо́нка* 9–18, 22, 37–40, 42–49, 61, 72–77, 80–83, 86–88, 108, 113, *дайонка* 19–21, 26 (маленькая), 27–30, 50, 51, 57, 60, 60а, 90, 91, *дойенка* 35, *дуйонка* 41, 107, *дейо́нка* 71, *дуйо́нка* 111, *дайілка* 24, *до́йн'ік* 21, *подо́йн'ік* 17, *падо́йн'ік* 51, *гл'ок* 41, *збано́к* 4, 8, *р'а́жка* 61, *цебе́рко* 132, *циба́рка* 63, а также *скопе́ц'* 31, *скупе́ц'* 67, 107, *скупа́ц'* 102, *шко́пек* 106 – заимствование из диалектов польского языка, известное в Закарпатье, в бойковских говорах [15]. Полесье еще сохраняет традицию использования деревянной посуды при доении, что подтверждается и лингвистическими разысканиями: перечисленные лексемы часто употребляются только со значением 'деревянное ведро для доения коров' (1–4, 6, 33, 34, 39, 41, 46, 68, 81, 109, 110), тогда как металлическое ведро, также применяющееся теперь, называют просто *в'ідро, видро, ведро.*

Особое внимание при составлении вопросника для атласа животноводческой лексики Полесья и картографировании уделялось так называемым карпатизмам, так как проблема карпато-полесских соответствий занимает важное место в современных славистических исследованиях (ср., например, [9, 11, 12]). К таким карпатизмам относятся активно употребляющиеся пастушеские термины *шутый, вурда, цап, кляг, царок,* анализ которых применительно к языкам карпатского ареала осуществлен в монографии Г.П. Клепиковой [13].

1. *Шутый.* Слово известно во всем украинском Полесье от его западной до восточной границы в нескольких вариантах и значениях, среди которых



Карта 2. Значения лексем *шýты, шýтка* и однокоренных

1 – 'овца'; *2* – 'безрогий'; *3* – 'тощий'; *4* – 'с маленькими ушами'; *5* – прочие значения: 'с рогами вниз', 'глухой', 'соцветие вербы', кличка коровы и т.п.; *6* – отсутствие лексемы

выделяется два основных: *шу́тий* 'безрогий' на восток, *шу́тка* 'овца' на запад от линии, проходящей немного восточнее пучка изоглосс, разделяющего Волынь и правобережное Полесье (см. карту 2, значительно дополняющую известное о полесской географии лексемы [3, с. 178; 13, с. 76–77]).

2. *Вурда.* Этот термин "характерен для говоров южнославянских, румынского и венгерского языков", а "на севернославянской языковой территории... известен карпатоукраинским и словацким говорам" [13, с. 144], встречается и в Полесье. Известно, что иноязычное (или инодиалектное) слово заимствуется, если в языке (или диалекте) нет лексемы для обозначения определенного предмета, явления, действия и т.п. или же заимствованное слово лучше приживается и вытесняет собственное, исконное. С лексемой *ву́рда* этого не могло случиться по той причине, что в Полесье, скорее всего (хотя этот вопрос заслуживает более тщательной проверки), не занимались переработкой овечьего молока, а в языке к периоду валашского влияния уже имелась собственная система названий продуктов молочного хозяйства, получаемых от крупного рогатого скота, и в сложившейся корреляции инородный элемент оказался слабее. Поэтому прижилось не рассматриваемое слово, а его дериваты, вытеснившие из системы те собственные лексемы или занявшие те вакансии, которые обозначали или должны были обозначать процессы, при переработке коровьего молока второстепенные, не обязательные и даже нежелательные. Этим объясняется наличие в Полесье глаголов *ву́рдит'с'а* (38), *гу́рдит'с'а* (104), *го́рдит'с'а* (102) 'свертываться при кипячении (о несвежем коровьем молоке)'; *бу́рдит'с'а* (24, 31, 52), *гу́рдит'с'а* (49, 85) 'густеть в теплом месте, не образовывая при этом ни сметаны, ни простокваши'.

3. *Цап.* Со значением 'самец козы' слово фиксируется на всем украинскополесском массиве, но с неодинаковой частотой употребления (1, 2, 5, 6, 28 (*сап*), 31–34, 48, 49, 51, 55–57, 59, 62, 64, 66, 69, 70, 72, 73, 77, 81, 83, 86–89, 91, 97, 99–101, 103–105, 107, 110, 123, 125–127, 129, 132–140). Это позволяет выделить ареалы его наиболее активного функционирования на Волыни, Киевщине, а на Левобережье – в бассейне Сейма с широким захватом южной территории.

4. *Кляг.* Лексемы с этим корнем "широко представлены в карпатоукраинских говорах" [13, с. 150], в вариантах *кл'а́канка* (61), *гл'а́ганка* (64, 99, 132–134, 138), *гл'о́ганка* (55, 65, 96, 100, 139), *згл'а́ганка* (66, 97, 101) четко локализуются в бассейне Сейма, близлежащих районах и имеют значение 'кислое молоко', реже 'свернувшееся коровье молоко' (55), 'коровье или овечье молоко, заправленное высушенным куриным желудком' (132). Со значением 'кислое молоко' заимствованное слово употребляется здесь как дублетное название в пределах одной семантической микросистемы, что скорее всего возможно при очень активном непосредственном контактировании его с исконными *кисл'а́к, сирокв́аша, сиро́кваш, простокв́аша, сто́йанка, сиросто́йанка* как наиболее важном условии всякого заимствования при наличии собственных названий.

5. *Царок.* Полесские варианты *ца́рак, оца́рок, ца́рина* заслуживают особо пристального внимания, ибо детальное рассмотрение позволяет обнаружить интересную конфигурацию ареала их распространения, представляющего только на левобережнополесском диалектном фоне своеобразный клин,

начинающийся на северо-западе (нынешние Репкинский и Городнянский р-ны Черниговской обл.), рассекающий его на две части (проходит по территории Щорского, Менского, Куликовского р-нов) и идущий широкой полосой вдоль русла Сейма. Можно выделить несколько семантических ареалов лексемы, имеющих тяготение к концентрации на компактных участках, но в целом сохраняющих в себе черты ее основных карпатских значений [13, с. 200]: *ца́рина* 'ворота из жердин (в загоне для скота или ведущие во двор)' на северо-западе (23, 50, 51, важно и то, что здесь, как и в левобережном Полесье вообще, "своими" считаются сплошные, доска к доске, дворовые ворота, а хозяин, имеющий только царину, заслуживает неуважения и всяческого порицания); 'широкая межа между полями' (52); 'выгон за селом' (55); 'угол хаты' (133); 'часть стены между окнами' (96); 'верхняя деревянная часть колодца' (93); *оца́рок* 'отгороженное в хлеву место для овец, телят' (65, 99, 138); 'отгороженное место возле хлева' (с. Подолки Липоводолинского р-на Сумской обл.); 'место выпаса овец' (136, 137, 140); *ца́рак* 'помещение для сена, соломы' (24).

Карпатские пастушеские лексемы усваивались Полесьем в комплексе, охватывающем различные стороны системы валашского хозяйствования, притом в меньшей степени там, где должно было бы осуществляться непосредственное контактирование (Волынь). Иначе трудно объяснить и полесскую географию лексемы *ремига́т'* 'вторично пережевывать пищу (о жвачных животных)', румынское происхождение которой и распространение в говорах Закарпатья детально осветил И.А. Дзендзелевский [14]. Употребляясь в волынском и правобережном Полесье крайне спорадически (89, 103), лексема активно функционирует в большинстве исследованных нами говоров, как находящихся в непосредственной близости к Сейму, так и более отдаленных (66, 94, 100, 101, 132–140). Бассейн Сейма является своего рода камнем преткновения для большинства из рассматриваемых карпато-полесских изоглосс.

При исследовании карпатизмов на территории Полесья были обнаружены некоторые неожиданные факты. Так, например, обычно считается, что молоко овцы "употребляется в пищу на значительных пространствах заселения южных и западных славян и неизвестно в Белоруссии и на собственно русских территориях" [8], а "пастушество, в частности овцеводство и разведение крупного рогатого скота в Полесье, насколько известно, в этнографическом отношении не проявляет каких-либо оригинальных общих или сходных черт с ведением этой отрасли в Карпатах" [9]. Тем не менее при проведении полевого анкетирования нам удалось установить в Полесье обширную зону, где занимались и занимаются не только разведением, но и доением овец, употреблением в пищу овечьего молока. Речь идет в первую очередь о черниговскополесской территории нынешних Козелецкого, Черниговского, Репкинского, Городнянского, Щорского, Менского, Сосницкого, Корюковского, а также расположенных южнее Десны Нежинского, Куликовского, Ичнянского районов. На Правобережье факты овцедоения отмечены лишь спорадически (45, 126). Характерно, что в большинстве случаев коренные жители уже только помнят об этом со времен своего детства или сами разводили и доили овец 30–50 лет тому назад. Реже овец доят и по сей день (91, 129, 132). Постепенное отмирание использования овец в молочном хозяйстве связано с повышением матери-

ального уровня. Доение овец считалось лишь вспомогательным источником получения молока при отсутствии в хозяйстве крупного рогатого скота или тогда, когда корова переставала доиться. Его практиковало в первую очередь бедное крестьянство, что обусловливало использование овечьего молока только для удовлетворения собственных нужд, и овцеводство никогда не приобретало черт товарного производства, а следовательно, и широкой известности. Овечье молоко называется *бринза* (случай его переработки, изготовления овечьего сыра нами не зафиксирован). Этот специфический карпатизм, обнаруживающий "явные признаки непосредственного албанского происхождения" [10], свидетельствует не просто о диалектной интерференции или интерференции под влиянием литературного языка (как можно было бы предположить, не зная особенностей материальной культуры Левобережья), а о значительно более тесных взаимосвязях обоих диалектных массивов, о том, что контакты с носителями валашской пастушеской культуры оставили след не только в лексике, но и в хозяйственном укладе Полесья. Существование на украинскополесской территории обширного ареала овцеводства, сохраняющего этографические черты пастушеской культуры Карпат, возможно, явится решающим фактом при дальнейшей разработке проблемы карпато-полесских соответствий.

Известно, что животноводческая лексика "принадлежит к наиболее древнему общеславянскому фонду и часто восходит еще к индоевропейской общности", а приручение животных состоялось "раньше, чем открыли и начали выращивать хлебные злаки" [6]. Это позволяет говорить о глубокой архаичности и стабильности не только лексики, но и элементов материальной и духовной культуры славян, связанных с животноводством. Параллельное исследование явлений языка и культуры в данном случае особенно продуктивно: "этнографические показания дополняют и завершают лингвистические и, наоборот, лингвистические показания дают часто прочную базу этнографическим разысканиям" [7].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Куриленко В.М.* Інструкційна програма з питальником для збору лексики тваринництва. Глухів, 1978.
2. *Шур В.В.* Животоводческая лексика в говорах мозырского Полесья. Автореф. канд. дис. Минск, 1974.
3. *Никончук М.В.* Матеріали до лексичного атласу української мови (правобережне Полісся). Київ, 1979, с. 173–191.
4. *Назарова Т.В.* Аканье в украинских говорах. – В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. 1975. М., 1977, с. 214 (карта).
5. *Никончук Н.В.* Правобережнополесские говоры в лингвогеографическом освещении. Автореф. докт. дис. Житомир, 1980.
6. *Карпова В.Л.* Назви тварин та слова на означення пов'язаних з ними понять у мові пам'яток XIV–XV ст. – В кн.: Питання історії української мови. Київ, 1970, с. 26.
7. *Толстой Н.И.* Некоторые вопросы соотношения лингво- н этнографических исследований. – В кн.: Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974, с. 22.
8. *Трубачев О.Н.* Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960, с. 10.
9. *Дзендзелевский И.А.* Ответ на анкету по проблеме "Белорусско-украинские изолексы". – В кн.: Беларуска-ўкраінскія ізалексы. Мінск, 1971, с. 27.

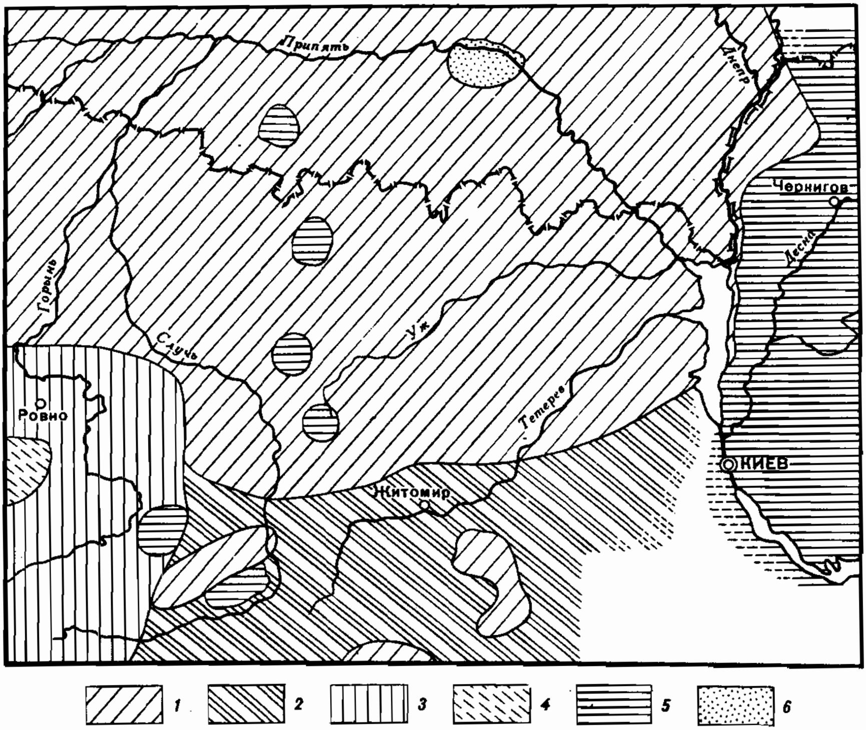
10.*Десницкая А.В.* К вопросу о балканизмах в лексике восточнославянских языков. – В кн.: Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. М., 1978, с. 155.
11.*Бернштейн С.Б., Клепикова Г.П.* Общекарпатский диалектологический атлас. Принципы. Предварительные итоги. – В кн.: Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. М., 1978, с. 32.
12.*Dobrowolski K.* Die Haupttypen der Hirtenwanderungen in den Nordkarpaten vom 14. bis 20. Jahrhundert. – In: Viehzucht und Hirtenleben in Ostmitteleuropa. Ethnographische Studien. Budapest, 1961, S. 132 (карта).
13.*Клепикова Г.П.* Славянская пастушеская терминология (ее генезис и распространение в языках карпатского ареала). М., 1974.
14.*Дзендзелівський Й.О.* До питання про румунізми в говорах Закарпатської області. – Доповіді та повідомлення Ужгородського держ. ун-ту. Сер. філол. Ужгород, 1959, с. 59–60.
15.*Дзендзелівський Й.О.* Назви деяких видів посуду у говорах Закарпаття. – Доповіді та повідомлення Ужгородського держ. ун-ту. Сер. філол. Ужгород, 1958, с. 36.

П.Ф. Романюк

ИЗ ОПЫТА КАРТОГРАФИРОВАНИЯ СВАДЕБНОГО ОБРЯДА ПРАВОБЕРЕЖНОГО ПОЛЕСЬЯ

В статье излагаются первые результаты работы над "Атласом свадебного обряда правобережного Полесья", начатой автором в 1976 г. Территория атласа охватывает украинское и белорусское Полесье от Днепра на востоке до Горыни на западе и от Припяти на севере до Раставицы и Стугны на юге. Сетка атласа включает 177 населенных пунктов, удаленных друг от друга на 30–35 км (в центральной части региона это расстояние меньше, в пограничных зонах – больше). Материал собирается по специальной программе, созданной на основе вопросника, используемого, в полесских экспедициях Института славяноведения и балканистики АН СССР. Кроме полевых материалов, привлекаются данные опубликованных записей (Весілля, кн. 1, 2. Київ, 1970; Матеріяли до українсько-руської етнологіі т. I–XX, Львів, 19899–1919 и др.), а также картотеки Института искусствознания, фольклора и этнографии АН УССР.

Атлас носит этнолингвистический характер и ставит своей целью ареальное исследование традиционной свадебной терминологии в неразрывной связи с особенностями самого обряда. Атлас включает в себя карты лингвистические, этнографические и синтетические, объединяющие языковые и этнографические явления. Такой подход еще не получил широкого распространения в украинской диалектологии и этнографии – обрядовая лексика и традиционная обрядность изучаются обычно изолированно, причем в этнографических работах почти не применяются ареалогические методы и картографирование, плодотворно используемые в диалектной лексикологии. Преимущественно этнографическим материалом ограничены и исследования украинского свадебного обряда[1]. Первая специальная этнографическая работа ареалогического характера, использующая и лингвистические данные, – монография Н.К. Гаврилюк, посвященная родильным обрядам украинцев[2], – подтвердила важность и эффективность карто-



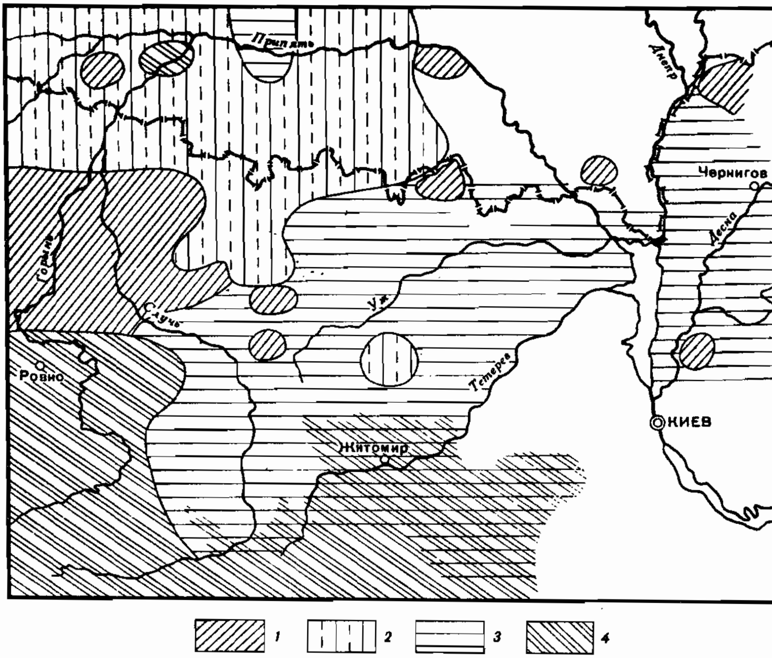
Карта 1. Участники свадьбы, называемые *сватами*

	1	2	3	4	5	6
Те, кто сватает	+	+	+			+
Родители молодоженов	+	+	+	+	+	+
Родственники (мужчины) молодоженов	+		+		+	
Родственники (мужчины) жениха				+		+
Друзья жениха			+	+		

графирования и выявила на украинской территории этнографические границы и зоны, которые в дальнейшем могут быть сопоставлены с известными диалектными границами и зонами и получить историческую и этногенетическую интерпретацию.

Собранный к настоящему времени полевой материал по традиционному свадебному обряду правобережного Полесья дает возможность сделать интересные наблюдения и выводы, касающиеся структуры и территориальных особенностей самого обряда, т.е. обрядовых действий, действующих лиц, реалий и т.д., особенностей распространения и функционирования свадебной терминологии и, наконец, возможность сопоставить выявленные ареалы и границы с диалектным членением Полесья.

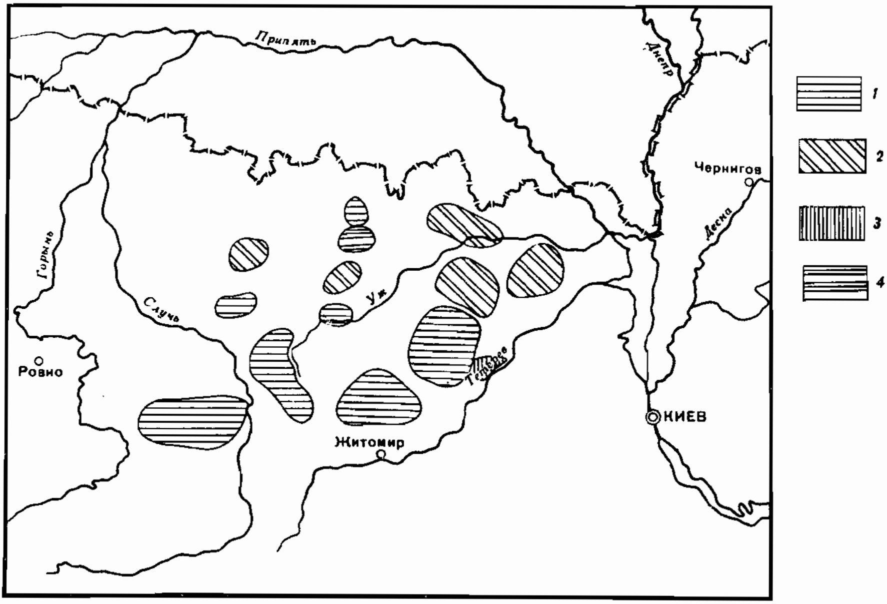
Приведем несколько примеров (см. прилагаемые карты). Карта 1 по-



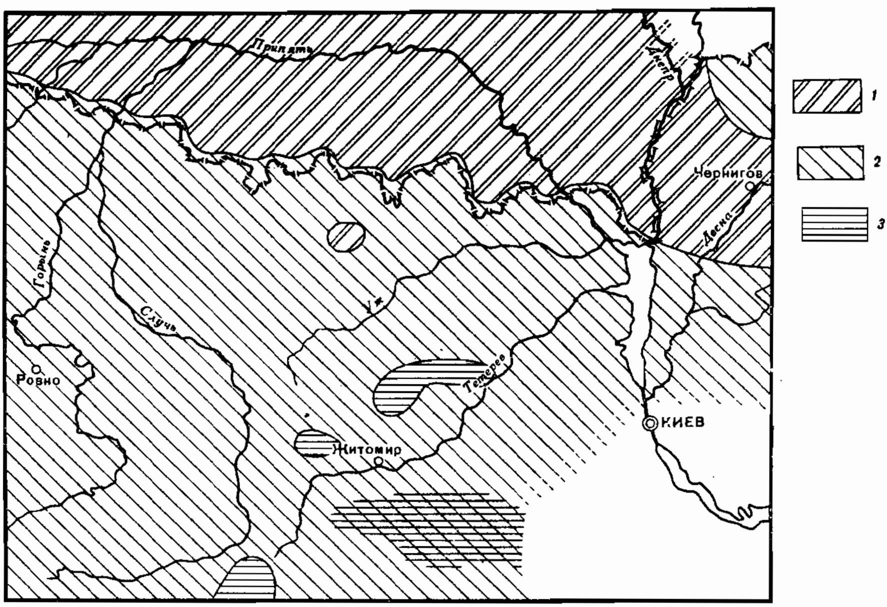
Карта 2. Блюдо, сигнализирующее об окончании свадебного угощения
1 – каша; *2* – борщ, каша; *3* – кисель; *4* – компот

казывает, что почти на всей исследуемой территории сватами называют тех, кто сватал, родителей молодых и их родственников – женатых мужчин (лица, не являющиеся родственниками, сватами не считаются). На юге этой территории, однако, данное название закреплено за теми, кто сватает, и родителями молодых (но не другими родственниками), на левобережье Днепра – за родителями и родственниками (но не теми, кто сватал, хотя в последние десятилетия, по словам информантов, тех, кто сватал, тоже начинают называть сватами, а не старостами, как раньше). Интересное явление наблюдается на южной Ровенщине и севере Хмельницкой обл., где сватами называют также и парней – друзей и родственников жениха. Такое же значение имеет слово *сват* и в других районах Волыни и в Галичине[3]. Кроме того, информаторы утверждают, что сейчас слово *сват* редко ограничивается кругом родственников (женатых) молодоженов, а чаще употребляется по отношению к любому женатому участнику свадьбы независимо от того, родственник он или нет. Это значит, что в значении термина *сват* произошли и происходят в настоящее время значительные изменения. Вероятно, в древности сватами называли всех родственников молодых (корень слова *сват,* как и *свадьба, сваха*, тот же, что и в местоимении *свой*).

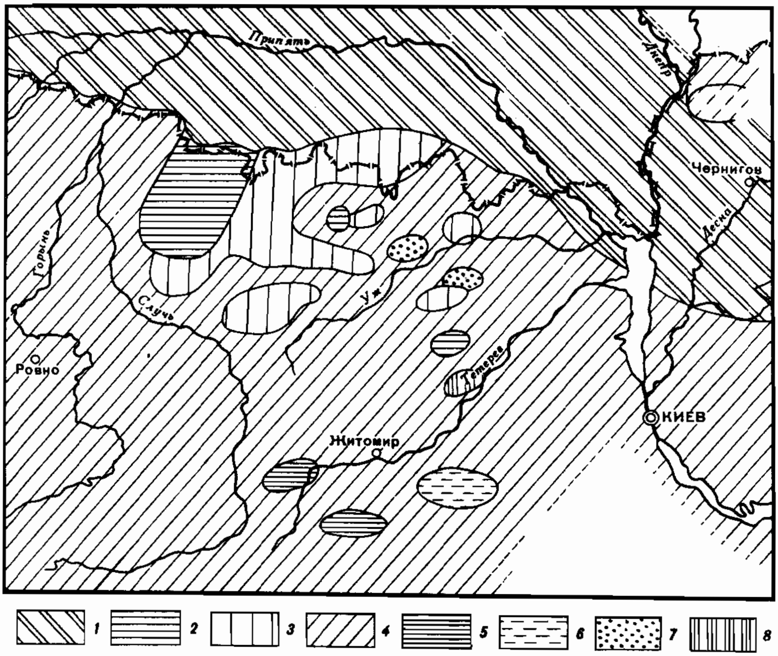
Лингво- и этногеографическое исследование свадебного обряда выявляет взаимосвязь ареалов свадебных терминов и обрядовых действий, лиц, реалий. Примером могут служить карты 2 и 3. В правобережном



Карта 3. Специальное название блюда, сигнализирующего об окончании угощения
1 – вишибáйло, вишибáло; 2 – виган'áйло, розган'áй; 3 – слáдкий с'т'іл; 4 – вил'ізáйло



Карта 4. Форма хлеба, который несут с собой сваты на сватанье
1 – продолговатый; *2* – круглый; *3* – любой формы



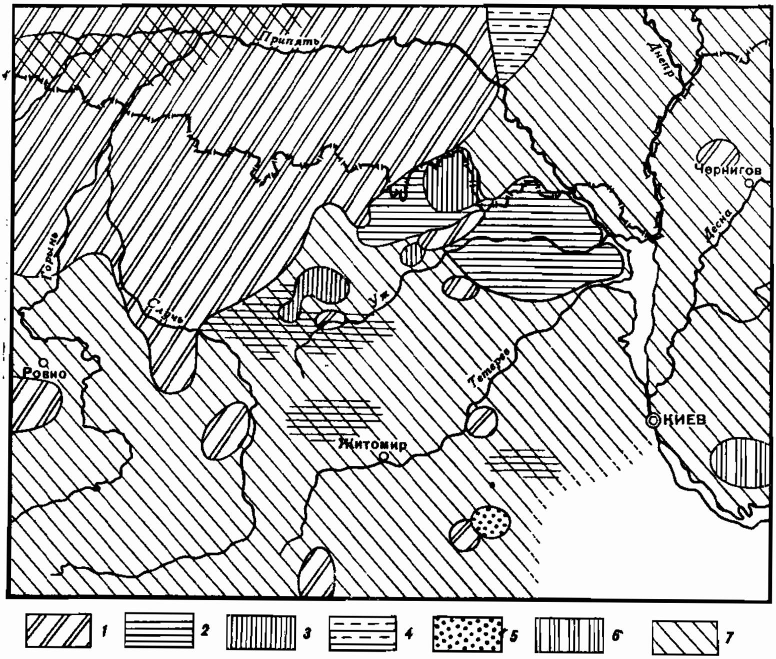
Карта 5. Названия хлеба, который несут с собой сваты на сватанье

1 – п'іро̂г, п'іро̂х; 2 – пал'о̂нка, пал'ан'іца, пал'анúца; 3 – бохóнка, бохо̂нка, бухáнка, бохунéц; 4 – хл'іб, хл'е̂б. 5 – зару́чинний хл'іб; 6 – ве^и^с'íл'ний хл'іб; 7 – свáтаний хл'іб; 8 – докумéнт

Полесье бытовало два основных типа такого кушанья: каша (или борщ и каша) и кисель, реже – компот. А южнее Житомира – в подавляющем большинстве случаев компот или, реже, кисель. В некоторых селах поедание каши представляло собой целый обряд. Так, в с. Летки Броварского р-на Киевской обл. это действие носит название *бúти кáшу* и происходит в последний день свадьбы. На стол мать ставит завернутый в рушник горшок с кашей. Дружок невесты (молодой женатый родственник или сосед) три раза просит благословения *кáшу побúти* и берет в руки горшок. Все встают и начинают петь:

Ой, каша, каша, розлука наша,
Покіль тебе не били, то й у купі ходили,
А як побили, то й розлучились.

Дружок поднимает горшок потихоньку вверх и к концу песни опускает его. Песню поют трижды, и дружок поднимает и опускает горшок три раза. На третий раз он разбивает горшок, бросая его на пол. При этом каша остается целой: она очень густая. Дружок срезает ее верхнюю часть и отдает невесте, которая раздает ее детям. Оставшуюся кашу режут на куски и раскладывают на столе. Затем обедают, завершая обед кашей. Чаще всего этот обряд совершается во вторник, но иногда переносится на следующий день. В некоторых селах (Жаховичи, Скрыгалово Мозыр-

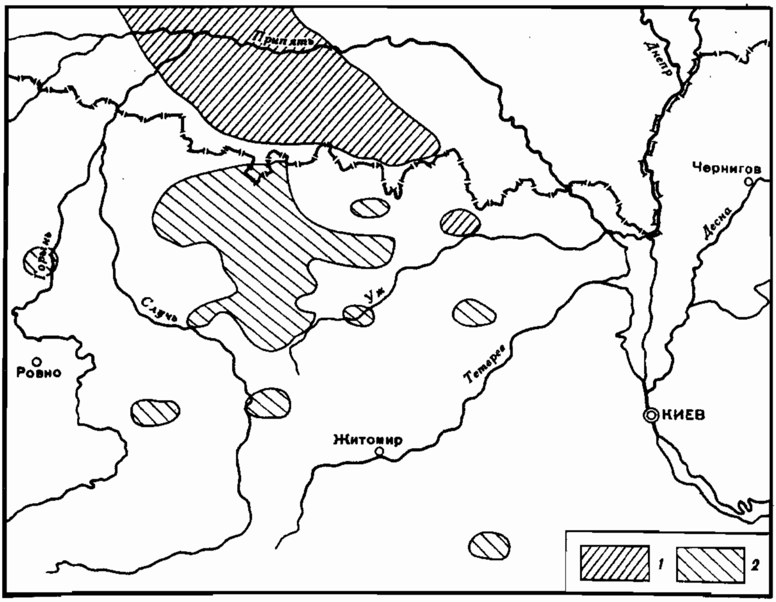


Карта 6. Действия невесты при входе в дом жениха

1 – обсыпание комнаты или ее углов зерном; *2* – развешивание привезенных с собой скатертей, рушников, икон и т.п.; *3* – целование икон в хате; *4* – выкладывание на лечку привезенных с собой пирога или двух булочек; *5* – обмен с матерью жениха хлебом и передача ей калача и курицы; *6* – бросание к печке привезенной с собой курицы; *7* – отсутствие обрядовых действий

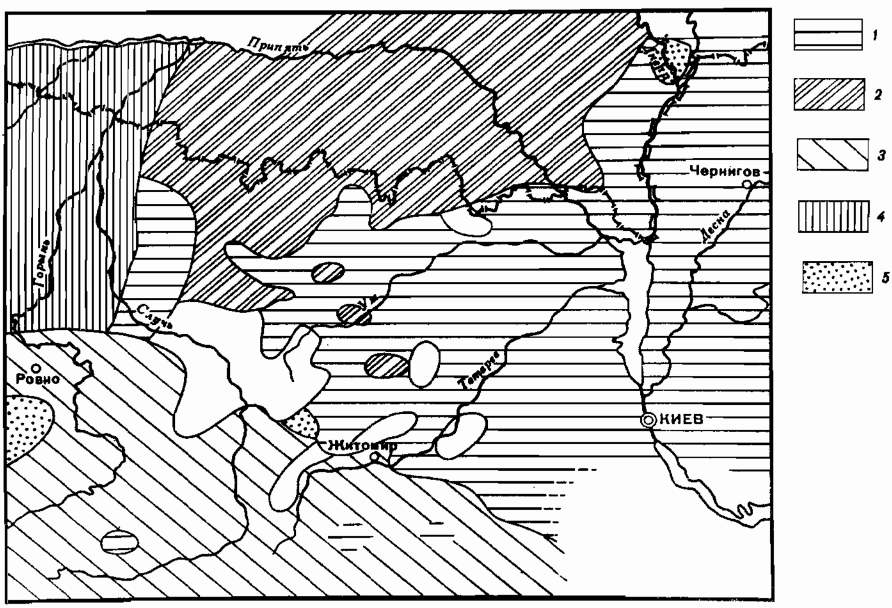
ского р-на Гомельской обл. БССР) на стол ставили чистую воду, которой эту кашу запивали. В большинстве сел, где каша употреблялась в качестве последнего блюда, бытует пословица "Після каші нема паші", подчеркивающая характер этого кушанья как заключительного. Сравнение карты 2 с картой 3 показывает, что специальное название употребляется для киселя или, значительно реже, для компота и никогда (кроме одного случая – с. Сущаны Олевского р-на Житомирской обл.) – для названия каши или борща и каши. Из этого можно заключить, что, вероятно, более древним было употребление в конце угощения каши. Возможно, *каша* была обрядовым термином, почему и не возникло специального названия этого кушанья как последнего во время свадебного угощения.

Атлас позволяет проследить связь между ареалами свадебных реалий и их названий. Хорошей иллюстрацией здесь могут служить карты 4 и 5. Ареал продолговатой формы хлеба фактически полностью совпадает с названием его *пірóг, пірóх*. Если же обратиться к картам "Лексического атласа Правобережного Полесья" Н.В. Никончука[4], то можно убедиться, что этот ареал почти совпадает и с ареалом аканья (с некоторым заходом на юг).



Карта 7. Действия с косой невесты

1 – отрезание кончика косы или имитация этого действия; *2* – поджигание кончика косы невесты или сведение вместе волос жениха и невесты. Расплетение косы не картографируется, как явление, распространенное повсеместно



Карта 8. Названия свадебного деревца

1 – в'іл'це, в'іел'це, виêл'це, в'іл'ч'ік, ви^{е}*л'ітка* и др.; *2 – йóлка, йôл'це, йел'íнка; 3 – г'іл'цé, гил'цé; 4 – шишки́* (мн.) ; *5 – кв'íтка.*

Внутреннее членение правобережнополесской территории демонстрируют карты 6, 7 и 8.

На картах 1, 2 и 8 отчетливо прослеживается ареалогическое противопоставление Полесья и Волыни. Эта оппозиция подкрепляется мощным пучком изоглосс, противопоставляющих ареалы кардинальных для данной территории фонетических, морфологических и лексических явлений[5].

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Пашкова Г.Т.* Етнокультурні зв"язки українців та білорусів Полісся. На матеріалі весільної обрядовості. Київ, 1978; *Здоровега Н.І.* Нариси народної весільної обрядовості на Україні. Київ, 1974

2 *Гаврилюк Н.К.* Картографирование явлений духовной культуры (по материалам родильной обрядности украинцев). Киев, 1981.

3 Весілля в селі Кремеш Горохівського повіту. Текст і музику записав Н.Я. Димнич. 1930. – В кн.: Весілля, кн. 2. Київ, 1970; Весілля на Сокальщині. Текст і музику записав І. Чабан. – Там же.

4 *Никончук М.В.* Лексичний атлас правобережного Полісся. (Рукопись). Житомир, 1978, карта № 1426.

5 Атлас української мови. (Рукопись). Т. 1. Полісся, Середня Наддніпрянщина та суміжні землі. Карты № 84, 177, 216, 220, 224, 228, 240, 247, 256; т. 2. Волинь, Наддністрянщина, Закарпаття та суміжні землі. Карты № 51, 76, 178, 194, 207, 209, 248, 401; *Назарова Т.В.* Некоторые особенности вокализма украинских правобережнополесских говоров. – В кн.: Полесье. М., 1968, с. 67–100.

А.Б. Страхов

ПОЛЕССКОЕ *БУСЬКОВЫ ЛАПЫ, ГАЛЁПА*

Предлагаемая заметка суммирует немногочисленные сведения, собранные во время Полесских экспедиций, об обычае выпекания хлеба в виде лапы аиста в день благовещенья.

Благовещенье – один из важнейших земледельческих праздников весенне-летнего цикла у восточных славян – в районах, лежащих на северо-западе, севере и северо-востоке от Полесья, нередко связывается с прилетом аиста. В Полесье принято считать, что к этому дню семья аистов должна уже иметь одно или несколько яиц в гнезде и приступить к выведению птенцов. На этом основаны некоторые благовещенские гадания: Е́сли ски́нэ яйцэ́ з кубла́, то говоря́т, што за яйцэ́ ку́пиш хле́ба, бу́дет дешовый хлеп; е́сли дитя́, то бу́дет го́лот – и за дитя́ нэ ку́пиш (Б. Млр. Мокраны; аналогично: Б.Пн. Новый Двор; Б.Млр.Олтуш, Осовая, Заозерная; В.Ртн. Щедрогор; Р. Дбр. Берестье; Ч.Чрн. Днепровское); На Благави́шчэннэ (аист) до́лжэн вы́кинуть а́бо дитя́, а́бо яйцэ́. За яйцэ́ ку́пить хли́ба, – цэ бога́тый гот. Як дитя́, – то на го́лот. Дитя́ про́сить хли́ба, а он вы́кинэ его на го́лот (Р. Дбр. Крупово). Примета могла иначе толковаться на Пинщине: . . .чы яйцэ́, – то бу́дэ мо́крый гот, а як буслэня́, то сухы́й. . . (Б.Пн. Новый Двор).

Полевые материалы содержат свидетельства о существовании связи аиста с культом небесного огня. Так, например, когда в первый раз уви-

дя́т летящего аиста, говорят: "Ива́н, ўы́краш агню́!" Да тры ра́за перэкульнёшся. Пе́рушко то упадзе́ и падыма́юць его́ и гаво́раць: "Ўы́краш нам агню́!" Ива́н – е́та бу́сел (Г. Клн. Новинки); или: Тадэ́й – бу́сько про́званый. Як па́сли товар, бэжы́мо за бу́ськом. . . "Тадэ́й, дай закуры́ть!" – Та вин хвоста́ поды́мэ да вы́пусти коляшка́. . . (Р. Дбр. Крупово); или: "Бу́сэл, бу́сэл, вы́крашы агню́, я прыкуру́!. .", "Дя́дько Мыха́ль, вы́крашь агню, заку́рым лю́льку!. ." "Бары́с, дай лю́лькы закуры́ть!" – то де́тске, дитвора́ прыдумля́е... и т.д. (Ч.Чрн. Днепровское).

Гнездо аиста, по повериям, предохраняет от пожара или, будучи разрушено, вызывает его: Гром нэ бу́дэ бить, дэ бу́сько кубли́цца, и пожа́р нэ бу́дэ ния́к (Р. Дбр. Берестье); Дэ бу́сня гниздо́, там пожа́ру нэ бу́дэ (В. Ртн. Щедрогор); Гниздо́ бу́сыня, пору́шыты. . . то грих вэлы́кый, – грим хату пидпа́лыть. . . (В. Ртн. Речица); Як зди́ймэш гниздо́, бу́синь прынэсэ́ жары́ну на хлив (В. Ртн. Щедрогор).

Связью благовещенья с культом аиста, а последнего с небесным огнем, носителем которого он является, возможно объясняется тот факт, что при широко распространенном в Полесье запрете печь хлеб на благовещенье из опасения вызывать засуху[1] исключение делается для изображений аиста и его лапы, а также для некоторых сопутствующих видов печенья.

Названия хлебов, изображающих аистиную лапу, отличаются друг от друга в той мере, в какой разнятся названия аиста по диалектам: *бу́ськовы ла́пы* (Р. Дбр. Сварицевичи), *бу́сникова ла́па* (В.Ртн. Речицы), *бу́сьнева ла́пка* и *бу́сьнева лапа* (В. Ртн. Щедрогор). По сведениям Д.Т. Булгаковского в Пинском у. следующий после благовещенья день 26 марта назывался *благовестник* или *буськовы лапы* потому, что бабы пекли в тот день пироги наподобие буськовых (аистовых) лап[2]. В регионе, примыкающем в Полесью с северо-запада, исследователями отмечалось название *буслова лапа* (Павловская вол. Бельск. у. Гроднен. губ.; Плутычи, Гусаки, Храболы, Андриянки, Буйново, Кнорыды, Беловежа пов. Бельск Подляский; Курашево Чижевской гм. Белосток. воев.)[3].

Внешняя форма печенья зависела от способа его изготовления. В Бельском у. подобие птичьей лапы из пшеничного теста лепили. Примечательно, что делали это не хозяйки, а дети. В пов. Бельск Подляский изображали пятипалую лапу аиста с растопыренными когтями. В Полесье буськовы лапы пекли небольшие, с отпечатками пальцев руки (Р. Дбр. Сварицевичи), порою оставляя на тесте следы только трех пальцев (без большого и мизинца) (В.Ртн. Речица). В другом месте . . .буха́ночку у трох мисця́х розриза́ють. . . то паляны́ця, звыча́йна: ноже́м як бу́сьнева ла́па зробы́ть по́вэрху, тай го́ди. . . (В. Ртн. Щедрогор).

Сведения об обрядовых действиях с печеньем бусловой лапы скупы и отрывочны. В селах Плутычи, Кнорыды и Андриянки пов. Бельск Подляский, населенных православными белорусами, в обычае было показывать печенье аисту, прилетающему на Благовещенье. Дети выносили хлебы на подворье и тут ждали появления аиста. Когда птица показывалась в небе, дети поднимали по направлению к ней бусловы лапы, крича: "Бусол, бусол, бусол!" Функция этого печенья на благовещенье в Павловской вол. Бельск. у. также как будто исчерпывалась намерением детей угостить аиста, возвратившегося к этому дню из далеких стран.

Полевые материалы экспедиций в Волынское Полесье содержат некото-

рые интересные подробности исчезающего ритуала. Диты бýсня побáчать на двори́ и спивáють, прыкáзують: "Ходы́, бýсныку, ось, побáчыш, – твóя лáпка!" – зовýть егó: Ходы́ сюдá!. . Вы́йдэмо на пори́г, спивáймо: "Бýсныку, Бýсныку, дэ твóя лáпка?! – потóм нáзат прынóсымо и йи́лы. . . (В. Ртн. Щедрогор); Бéгають дети по двору: "Бýсныку, бýсныку, во дэ твóя лáпка! Прылыты́, ухопы́ и назáт полыты́! Нóсяцца – нóсяцца с ты́йим пампýшками, – и зйи́лы. . . (В.Ртн. Речица).

В пов. Бельск Подляский наряду с изображениями аистовых лап на благовещенье выпекали подобия сельскохозяйственных орудий, чаще – борону, значительно реже – серп (Андриянки, Гусаки), плуг или соху (Плутычи, Андриянки, Буйново). В Хайновском и Шемятицком поветах кроме перечисленных предметов пекли косу и изображение птицы в гнезде, которое вместе с изображением лапы аиста клали в аистиное гнездо. По словам жительницы Рыбол, происхождением из Беловежи (пов. Бельск Подляский), выпеченная коса отдавалась хлопцу, чтобы он, когда вырастет, хорошо косил. Соху также отдавали мальчику, чтобы хорошо пахал. Девочки съедали серпы, дабы впоследствии быть бойкими на жнивных работах.

На севере Ровенщины хлебы в форме аистиной лапы смешиваются с великопостным печеньем: У пуст, понэди́лок, пэ́ршый дэнь. . . пэчýть бýськовы нóги – дýжыкы, для зýстрэчы з бýськом . . .як пэ́ршый рас зустрэчáлись з бýськом. То бýськовы нóги – дýжыкы. Бýдэ лэтэ́ть [аист], би́гали по ýлицэ з дýжыками. Кáжэ ди́ты: – "Шо такэ́ дýжыкы?" [Мать отвечает:] "Э́то бýськовы нóги з хлэ́ба; бýдэ скóро бýсько прыбывать" (Р. Дбр. Крупово). Ср. вне связи с аистом: У пуст пэчýть дýжыкы, щоб дýжа людына булá. . . На пэ́ршый дэнь пýсту. . . з грэ́цькой мукы́. . , як кóржыкы. . . (Р. Дбр. Крупово)[4].

С образом аиста связан также род благовещенского печенья, выступающий в некоторых местах Белоруссии под названием *галéпа, гóлепа, гóлэпа* и т.д. Впервые в этнографической литературе сведения о нем появились в книге Ю.Ф. Крачковского с пометой: м. Цырнин Новогородского у. Минской губ. По словам Ю.Ф. Крачковского, в честь прилета аиста на благовещенье "пекут пироги, так называемые галiопы, наподобие аистов, с чубком, крыльями, ногами и хвостом. У сельских мальчиков существовало причитанье, с которым они обращаются к аисту: "Бусля, бусля, на тебе галiопу, а мне дай жита копу!"[5] Подобное заклинание, подчерпнутое из "Збiрослова" В.М. Лазаревского, приводит Номис: "Бусень, бусень! на тобi голвоту (sic! – *А.С.*), а ти менi жита копу", – приговаривала детвора на благовещенье, показывая аисту освященные хлебцы"[6]. Лексемы гал'óпы, ал'óпы с пометой: "булачки, якие пякутся на благовешчанне" упоминались авторами книги "Лексiка Палесся у прасторы i часе", к сожалению, без указания мест фиксации и сопроводительных текстов[7]. Интересующая нас лексема неоднократно встречается в словарных и фольклорных материалах из с. Симоновичи Дрогичиенского р-на Брестской обл., публикуемых Ф.Д. Климчуком. Так, в сборнике "Лексика Полесья" выражение *клыкаты буська* автор комментирует следующим образом: «Обращаться на благовещение к аисту с просьбой о хорошем урожае ржи; с этой целью пекли "гал'óпу" (хлебец с изображением ноги аиста) и "борону" (хлебец в форме бороны)»[8]. В другой статье слово *галéпа* толкуется

Ф.Д. Климчуком несколько иначе: булочка с выдавленной фигурой аиста. На благовещенье пекли галепу и с галепою кликали аиста[9]. Наконец, в статье "Песенная традиция западнополесского села Симоновичи" закрепляется двоякая изобразительная символика печенья ("ритуальная булочка с изображением аиста или ноги аиста, пекли на благовещенье") и дается наиболее полный вариант "призывания аиста": "Буську, буську, на тобі галепу, Дай мыні жыта копу! Буську, буську, на тобі борону, Дай мыні жыта сторону! Буську, буську, на тобі сырпа, Дай мыні жита снопа!"[10]

В июле 1977 г. на Брестщине мне удалось собрать небольшую коллекцию свидетельств о символике этого печенья.

1. [На Благовещенье] буськи́ пиклы́, двэ пту́шки, у па́рэ, галёпы спэчэ́ – пти́цу. . . и дзе́башка, и кри́лья (Б.Млр.Мокраны); борону́, сэрпа́, цы́лого бу́сьня – галёпу (Б.Млр.Осовая).

2. Пиклы́ бороны, птицы (не аисты – *А.С.*), "зязю́льки", – каза́лы. (Б. Млр.Мокраны). Ср. сведения, относящиеся к окрестностям г. Кобрина: Зро́блять ка́чьку яку́ю, – ди́ты едя́ть. Тем не менее в этих местах говорили о дне 25 марта: "Ужэ бу́сэнь прилетэ́ и галёпу принэсэ́".

3. Галёпа як у бу́сня ла́па, малэ́нька (Б.Млр.Мокраны); Мы пэчэ́м голёпы: бо́рону, ла́пы бу́сьневы, яйцэ́, бу́сьня пэклы́. Ки́нэмо на двир, – то у́жэ на бу́сьневу до́лю. Бу́сьневы галёпы: сэрпи́, сэ́рдцэ, ми́сяц. (Б.Млр. Мокраны).

4. Голёпы – серпы́, бо́раны. . . сэрпа́ пеку́т, пти́чьку, тэ́сто [называют] галёпа – як сэрп [пекут и по сию пору]. [На Благовещенье пекут] бо́раны, сэрпи́, го́лепы, – пироги́ до́лгия (Б. Млр.Мокраны). [Дети бегали по улицам и кричали:] "Мати го́лэпы пэчэ́! Мати го́лэпы пэчэ́!.." Го́лэпы – серпы́, бо́раны (не птицы) (Б.Млр.Мокраны); Го́лепы пиклы́: сэрпо́чки – ди́ўкам, бо́раны хло́пцам. . . (изображений птиц не знают) (Б.Млр. Ляховцы); [На благовещенье пекли] плу́га, бо́роны, з є́тим благовэ́стят ощы́. . . Го́лэпы – таки́е кру́глые потпа́лочьки [их пекли в первую очередь]. . . Як поба́чять пэ́рвого бу́сля, штоп он ску́шал, подно́сят го́лэпу, ка́жэ: "Бу́сля, бу́сля, на́ тэбэ́ голёпу, а мни́ дай жы́та ко́пу!" (Б.Млр. Заозерная); Голёпы – яки́е потпа́лки, плёски. . . (напекут на благовещенье, помажут "олием" и едят) (Б.Млр. Олтуш).

Таким образом, символика печенья *галёпа* сводится к ряду форм: 1) аист (Мокраны, Осовая)[11]; 2) птица вообще (Мокраны; Кобринский р-н); 3) аистиная лапа (Мокраны). В ряде мест галепы служат недифференцированным названием благовещенского печенья в целом вне зависимости от его конкретной изобразительной символики: бороны, серпа и т.д. (Мокраны, Ляховцы, Заозерная), а также с тенденцией к полной ее утрате (Олтуш). Календарная приуроченность и обрядовая функция – подношение аисту – сохраняются. Устойчивая стандартная формула обращения к аисту, отмеченная во всех обследованных селах Малоритского р-на и, видимо, распространенная достаточно широко (ср. публикации Ю.Ф. Крачковского и М. Номиса), подчеркивает мотив обмена, развивающегося в куплю-продажу в ритуале встречи аиста, в одном позднем варианте: "Бу́сел, бу́сел, на́ тэбэ́ галёпу, а да́й мнэ жы́та ко́пу!" – Бу́сел ка́жэ: "Не хочу́! Ди́ты ка́жэ: "Заплачу́!" (Б.Млр. Мокраны)[12]. Развернутый вариант из Симоновичей можно было бы счесть исключением, если бы следы его не попадались в таком большом и этнически неоднородном

селе, как Мокраны, у информантов, отрицавших "птичью" символику печенья: Го́лэпы – серпы́, бо́роны. . . Бу́сьню кричáли: "Бу́сьню, бу́сьню, нá тэбэ́ бо́рону! Дáй мнэ жы́та сто́рону!"

Близкие по структуре, функции и календарной приуроченности тексты, аналогичные краткой магической форме обмена, находим на Украине: «Увидев весной в первый раз диких гусей, кидают им соломку, а що, говоря: "Гуси, гуси, нате вам на гнездечко, а нам на здоровечко!" Или: "Гуси, гуси, вам на гнездо, а нам на тепло (або: на добро)!»[13] Е.Р. Романов описал белорусский благовещенский обычай при виде первой летящей крупной птицы (аиста и т.д.) хватать с земли "шуму" и бросать ее вверх со словами: "Утка! утка! на тебе на гнязде́чка, а мне на яе́чка!"[14] Примечательна близость к этим текстам сербской формулы, с которой желающие избавиться от веснушек обращались по весне к аисту: "Родо, родо, на ти моjе пеге, дай ми твоjе пеге!"[15]

Существенное функциональное и предметное сходство двух видов полесского благовещенского печенья позволяет выдвинуть предположение об общности истоков этих традиций. Анализ "внутренней формы" слова *галёпа (голепа)* говорит в пользу такого предположения.

Это редкое слово зафиксировано в ряде мест как название различных частей ноги человека (и животного?). Представляется закономерным, что ареал распространения лексем типа *галепа* вступает в соприкосновение с теми регионами, где за благовещенским печеньем известной формы закрепилось описательное название *бу́ськовой (бу́словой, бу́сьниковой) лáпы* и где узкое сакрально-терминологическое значение слова *галёпа (го́лепа)* неизвестно. Так, в значении 'голень', 'голенастый' лексема *голёпа* и ее дериват *голепаты* встречаются в пределах б. Седлецкой губ.[16]; в ряде пунктов Житомирской обл., по любезному сообщению Н.В. Никончука, *галёпа*, мн.ч. *галёпы* означает 'колено человека' (Городище Черняховского р-на; Брод, Глиница, Моделев Радомышльского р-на), в Лознице Народического р-на лексема *голёпи* (мн.ч.) используется в качестве уничижительного названия человеческих колен. На Волыни слово *галёпа* объясняется следующим образом: то як падлина забитая остáлося, – у не́йи ковáлок лáпы, стэгно́, – то галёпа (В.Ртн.Щедрогор).

Основания для переноса названия с обозначения части ноги (и, возможно, именно голени[17]) на ритуальное тестяное изображение лапы аиста как будто имеются. Голенастость аиста является по народным воззрениям, пожалуй, самым характерным его физическим признаком и часто используется при оценке недостатков в телосложении и походке человека. Ср. польк. chodzi jak bocian; stawia nogi jak bocian; nogi jak u bociana; bocianie nogi; кашуб. boconisty 'голенастый' и т.п. Обратное направление перехода: 'нога человека' → 'нога аиста' облегчено уже тем, что аист, по широко распространенному по Полесью и смежным территориям преданию, – согрешивший и наказанный человек[18].

Кроме примет, основанных на идентификации ног аиста и человека ("если в первый раз весной увидишь аиста стоящего, а не летящего, то ноги будут болеть" – Р.Дбр. Берестье, Б.Пн.Новый Двор), встречаются в современных записях намеки на некие вредящие действия со стороны птиц ногам детей: в Денисковичах Ганцевичского р-на Брестской обл. раньше, если потрескаются икры, говорили: "Бусько рэпу пасееў"[19].

Любопытную параллель находим в русских мартовских приметах и обрядах, связанных с образом жаворонка, чей культ некоторыми чертами напоминает культ полесского аиста[20]. В Костромской губ., когда у детей от сырости и грязи появляются на ногах мелкие трещины, говорят, что их поклевали жаворонки. Чтобы "предохранить ноги от перебивания", дети бросают тестяных жаворонков в лужи с приговором, напоминающим по структуре и содержанию полесское обращение к аисту: "Жаворонки, жаворонки, не клюйте мои ножки, нате вам ножки!" (Сваино Чухлом. у.)[21].

Смысл этих действий и текстов не вполне ясен, хотя за ними ощущается присутствие глубокой мифологической подоплеки. Акцентирование функционально-магической роли ног птиц в приметах, текстах закличек и символике печенья в отношении аиста (да и то с натяжкой!) может вытекать из рациональных наблюдений над поведением птицы, например, добывающей себе пищу. Но тогда "ножки" жаворонка из костромской параллели остаются совершенно необъясненными. Перспективней было бы вспомнить то, что аист и жаворонок, по народным верованиям, суть возвращающиеся из ирия (вырея) предки (resp. души), чья морфность видимо, колебалась между птичьей и собственно человеческой.

Путь в загробный мир, возвращение оттуда, пребывание там, да и самое смерть в фольклоре и верованиях нередко рассматриваются как долгое и трудное путешествие. Отсюда – особая роль обуви и обутости в славянских похоронных обрядах (в том числе полесском), сакральность старого лаптя – "отопка", как бы материального символа этого путешествия, с успехом принимающего на себя дурной глаз и способствующего плодородию (одна из ипостасей так называемого "куриного бога"). Соотнесенность обуви и ноги с предками и загробным миром, обеспечивающими мир живых плодородием и достатком, сообщает этим символом определенную эротическую функцию, делая акты обувания, попирания, "топтания" метафорами производительного акта[22]. Реализацию причинно-следственного отношения: топтание ногой → урожай ("копа жита"), которое прослеживается в постоянном мотиве белорусско-полесских песен при новогоднем обходе "с козой": "Дзе каза топ-топ, там сена сем коп. . .", "Гдзе каза нагою, там жыта капою. . ." (Гомельск.у.![23] и т.д., можно усмотреть и в полесском обращении к аисту, и в самом обычае выпекать и подносить аисту его лапу.

В ряду благовещенского печенья, изображающего земледельческие орудия и символизирующего различные стадии полевых работ, изображение ноги аиста символизировало, по всей вероятности, акт оплодотворения земли. Порядок печения хлебов, принятый в Дрогичинском и Малоритском р-нах, тяготение к триаде и определенному набору видов печенья (при всех позднейших центробежных тенденциях) как бы демонстрирует внутреннюю цельность и мотивированную последовательность символических операций: от небесного оплодотворения к культурной обработке почвы (борона), и далее, – к жатве (серп).

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Толстые Н.И.* и *С.М.* Заметки по славянскому язычеству. 2. Вызывание дождя в Полесье. – В кн.: Славянский и балканский фольклор. М., 1978, с. 115–116.

2 *Булгаковский Д.Т.* Пинчуки. Этнографический очерк. – Записки РГО по отделению этнографии, т. XIII, вып. 3. СПб., 1890, с. 178. Ср. информацию о том, что на Благовещенье пеклись "благавэсьники з муки́ ржа́ной" в виде птичьих лап (Б.Млр.Хмелевка).

3 *Романов Е.Р.* Материалы по этнографии Гродненской губернии. Вильна, 1911, с. 60; Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча, т. 1. Мінск, 1979, с. 246. См. также: Polska sztuka ludowa, 1961, N 1, s. 13–14; 1966, N 2, s. 126.

4 К *ду́жыкам* ср. *ту́жики, ту́женники, тужи́льники,* выпекаемые в России так же в первый ("чистый") понедельник великого поста.

5 *Крачковский Ю.Ф.* Быт западнорусского селянина. – Чтения в имп. об-ве истории и древностей российских. М., 1873, кн. 4, с. 101.

6 Украї́нські приказки, прислівья і таке інше. Спорудив М.Номис. СПб., 1864, с. 7.

7 Лексіка Палесся у прасторы і часе. Мінск, 1971, с. 118.

8 *Климчук Ф.Д.* Специфическая лексика Дрогичинского Полесья. – В кн.: Лексика Полесья. М., 1968, с. 42.

9 Слоўнік беларускіх гаворак. . ., т. 1, с. 411, 168.

10 *Климчук Ф.Д.* Песенная традиция западнополесского села Симоновичи. – В кн.: Славянский и балканский фольклор. М., 1978, с. 196, 210. – В декабре 1977 г. Ф. Климчук любезно сообщил автору этих строк вариант с рифмующейся парой: *сыроп́ок – сноп́ок,* и рассказал о строго соблюдаемой очередности испечения хлебов: *галёпа, борона, серп.*

11 Ср. выше данные Ю.Ф. Крачковского.

12 Любопытно, что мотивы обмена и купли характерны и для благовещенских гаданий по выпавшим из гнезда яйцу или птенцу (см. выше).

13 *Ефименко П.* Сборник малорусских заклинаний. М., 1874, с. 36, № 110–111.

14 *Романов Е.Р.* Белорусский сборник. Вып. 8. Вильна, 1912, с. 143.

15 Ђорђевић *Т.Р.* Природа у веровању и предању нашега народа. Књ. 2. Београд, 1958, с. 52. – Подобные трехчастные магические формулы вообще широко распространены у славян. Ср., например, произносимую при выпадении первого "молочного" зуба у ребенка: "Мышка, мышка! На тебе костяной зуб, а мне дай железный!" Или более редкую (от куриной слепоты): "Деготь! Деготь! Возьми от меня куриную слепоту, а мне дай светлые глазушки!" и т.д.

16 *Бессараба И.В.* Материалы по этнографии Седлецкой губернии. СПб, 1903, с. 303.

17 Отношения полес. *го́лепа (галёпа)* и слав. **golenь*, блр. диал. *галы* 'икры; ягодицы', укр. *гали* 'икры ноги' и слав. **galǫzь* 'ветвь', литов. *gãlas* 'конец, край', *galūnė̃* 'конечность' и др. будут рассмотрены в специальной работе.

18 Изложение и краткую сводку материалов см.: Страхов А.Б. Балто-славянский миф о происхождении аиста и античные параллели. – В кн.: *Balcano-Balto-Slavica.* Симпозиум по структуре текста. Предварительные материалы и тезисы. М., 1979, с. 106–108.

19 Слоўнік беларускіх гаворак. . ., т. 1, с. 247.

20 Ср. тексты веснянок с солярными мотивами, где южнорусский жаворонок и полесский аист дублируют друг друга: "Жаворонок, жаворонок, де твой дитенок? Мой дитенок за лясом, завертелся калясом. . ." (Козлово Калуж. у. – *Шереметева М.Е.* Земледельческий обряд – "заклинание весны" в Калужском крае. – Сб. Калужского государственного музея, вып. 1. Калуга, 1930, с. 41); "Бу́сэл, бу́сэл за лесо́м закружы́вся колэсо́м, твойи́ ди́ты за лэсо́м. . ." (Ч.Чрн. Днепровское). Если в России (особенно в южных областях) день 40 мучеников (9 марта) связан с культом жаворонка, то, по мнению жителей Ровенщины, ". . .[аист приносит] на со́рок святы́х со́рок лома́чын на гнэздо́ своє́. . ." (Р.Дбр. Залишаны), аналогично – в Звягельском пов. Волын. губ. (см.: *Kopernicki J.* Przyczynek do etnografii ludu ruskiego na Wołyniu z materiałów zebranych przez Zofiję Rokossowską we wsi Jurkowszczyznie w pow. Zwiahelskim. – Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, 1887, t. XI, Kraków, s. 218).

[21] *Китицына Л.* Хлеб. Из материалов по народному питанию Костромского края. – Труды Костромского научного общества по изучению местного края, 1927, вып. XLI, с. 100 (там же другие тексты). Ср. возможную связь рус. *цыпки* 'сыпь на руках и ногах' и *цы́па, цыплёнок, цып-цып*! Не исключено, что и хождение *на цы́пках (цы́почках)* рассматривалось как подражание птичьим повадкам.

[22] Ср. великорусский обряд на "куриные именины" (1 ноября), когда глава семьи рубит в овине у кочета голову топором, а ноги кочета бросает на верх избы, чтоб водились куры (см.: *Афанасьев А.Н.* Дедушка домовой. – Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, Н. Калачова, кн. 1. М., 1850, с. 25). В Харьковской губ. старики должны были зимой обуваться на печи, "шоб свыни плодылысь" (*Иванов П.В* Жизнь и поверья крестьян Купянского у. Харьковской губернии. Харьков, 1970, с. 73). По материалам полесского народного сонника, любезно сообщенным А.В. Гурой: "обувь новая – сват, обувь потеряется – потеря мужа или жены, обутый – "до́брэ", разутый – теряешь свою пару".

[23] Зімовыя песні, Мінск, 1975, № 557, 560.

ПОЛЕВЫЕ ЗАПИСИ

Б.Млр. Заозерная, Ляховцы, Мокраны, Олтуш, Осовая, Хмелёвка, 1977; Б.Пн. Новый Двор, 1978; Г.Клн. Новинки, 1975; Р.Дбр. Берестье, Залишаны, Крупово, 1978; Р.Ркт. Дроздынь, 1978, – А.С.

Р.Дбр. Сварицевичи, 1978, – О.И.

В.Ртн.Речица, 1979, – А.Т.

В.Ртн. Щедрогор, 1980; Ч.Чрн.Днепровское, 1980, – И.М.

Э.Г. Азимов

ИЗ ПОЛЕССКОЙ НАРОДНОЙ МЕТЕОРОЛОГИИ. СЛЕПОЙ ДОЖДЬ

Явление слепого (грибного) дождя (солнце и дождь одновременно) связано у различных народов мира с многочисленными поверьями мифологического характера. Богатый материал, относящийся к этой области народной метеорологии, был собран и систематизирован финским фольклористом и этнографом М. Кууси (Kuusi 1957). М. Кууси использовал в своей монографии не только большое количество опубликованных источников, но и материал, полученным им от его корреспондентов – фольклористов и этнографов различных районов мира. М. Кууси привлекает и славянский материал, в основном западно- и южнославянский. Восточнославянский ареал представлен небольшим количеством записей.

Как показал М. Кууси, в поверьях о слепом дожде так же, как и в названиях слепого дождя, выделяется несколько основных, "глубинных" мотивов: рождение–свадьба–смерть. Эти мотивы выделяются и при анализе полесского материала. Специфика поверий о слепом дожде в разных этнокультурных традициях заключается в характере конкретных реализаций основных мотивов на сюжетном и текстовом уровне, и прежде всего – в наборе персонажей, выступающих в качестве субъектов действия (ангелы, черти, ведьмы, цыгане). Так, в Полесье отсутствует объяснение слепого дождя как лисьей свадьбы, характерное для средиземноморского ареала. Некоторые толкования, предложенные М. Кууси, кажутся несколько пря-

молинейными и не укладываются в предложенную им схему. Так, "ведьма сбивает масло" как метафора слепого дождя вряд ли объясняется на основе брачной символики, а тему обливания, купания в поверьях о дожде трудно непосредственно связать с обрядовым мытьем в свадебном и погребальном обряде, как это делает М. Кууси.

Собранный в Полесье материал позволяет выделить несколько групп поверий о слепом дожде, называемом иногда *прия́тны, ла́сковый* или *бя́лый дож*. Поверья эти закреплены в терминологии и фразеологии. Наиболее распространены обозначения слепого дождя, где прослеживается мотив свадьбы или койтуса. В этих обозначениях представлены, как правило, лишь субъекты действия. Реконструкция самого мотива или предиката становится осуществимой благодаря анализу более развернутых текстов, типологически или генетически тождественных рассматриваемым, из других этнодиалектных зон. Приводимые ниже полесские обозначения слепого дождя являются разновидностью свернутых фразеологических оборотов (Толстой 1973, 285–288).

Все обозначения с точки зрения представленных субъектов делятся на несколько подгрупп. Прежде всего, в функции субъекта могут выступать цыгане: *цыга́ньски дошч* (Б.Млр.Мокраны, Осовая, 1977; Р.Дбр. Каменное, 1978; Г.Мзр.Скрыгалово, Жаховичи, 1977; Ч.Грд. Хоробичи, Макишин, Рпк. Старые Яриловичи, Злеев, 1980). Сюда же примыкает единичное название *жыдо́ўски дошч* (Б.Пн. Ковнятин, 1981). Весьма показательно отмеченное в Полесье объяснение "цыганского" дождя: во время такого дождя *цыга́не сплять в сво́их ха́тах* (Р.Ркт. Каменное, 1978 – А.Г.). У южных славян представлены еще более определенные мотивировки, например: серб. *кад киша пада и сунце сија жени се Циганин* 'когда идет дождь и светит солнце, цыган женится' (Kuusi 1957, 164); болг. *кога на една страна дъжди, а на другата грее слънце, казват, се женели егюпците* 'когда идет дождь и светит солнце, говорят, что это женятся цыгане' (Шапкарев 1968, 602, № 45). Тексты, строящиеся на основе такой модели, имеют широкий ареал распространения. Они известны на Балканах, в Испании, Швеции (Kuusi 1957, 164–167, 327–329, карта № 10).

Помимо цыган, в описательных наименованиях слепого дождя в функции субъекта могут быть свиньи: *свины́й дож* (Б.Пн. Новый Двор, 1978), *свиня́чий дошч* (Р. Дбр. Лесовое, 1978). Аналогично в Озерске, Крупове, Каменном (Р.Дбр), Плехове (Ч.Чрн.), Хоробичах (Ч.Грд.). Название этого типа известно также украинцам Киевской обл. (Лисенко 1974, 191). Мотивировка названия может быть самой обыденной: *як со́нцэ и таки́ дож бидроваты* (т.е. мелкий), *то свиня́чи дож, сви́ньи утика́ють до ха́ты; колы́сь сви́ньи па́сли, сви́ньи боя́ца дошчу́, утика́ють до ха́ты* (Р. Дбр. Лесовое, 1978. – Э.А.).

В Сварицевичах (Р.Дбр.) отмечены названия слепого дождя типа "заячий дождь": *заё́чко́вый, заё́нчко́вый, за́йцэв дож*, которые хорошо вписываются в общую семантическую схему рассматриваемого комплекса представлений, поскольку заяц в фольклоре славян выступает именно как эротический символ (Гура 1978, 161–176).

Согласно поверьям, слепой дождь иногда считается следствием веселья, радости солнца. Об этом, в частности, свидетельствуют тексты, записанные в Смоленской губ.: *солнце зубы скалит* (Добровольский 1901, 113), *солн-*

це зубы выскалило (СРНГ 3, 353), *солнце зубы лупит*, т.е. улыбается (Kuusi 1957, 202). Поэтому в свернутых фразеологизмах со значением 'слепой дождь' в функции субъекта может выступать солнце: *со́лнэчный дошть* (Б.Млр.Мокраны, Олтуш, 1977), *со́нэчны дошч* (Ч. Грд. Мощенка, 1980). По мнению М. Кууси, подобные объяснения также обусловлены мотивом свадьбы. С мотивом радости и веселья связано и такое обозначение слепого дождя, как *гултя́йский дож* (Б.Пн. Новый Двор, 1978): *гултяй* – это беспечный, вечно веселый человек.

Наиболее полным, т.е. включающим как субьект, так и предикат, выражением со значением 'слепой дождь' является записанное в западном Полесье *чорт жы́нку бье* (Б.Млр.Мокраны, 1977). Эта же модель отмечена у украинцев: "По мнению малорусов, если дощ йде кризь сонце, то чорт жинку бье или дочку замижь виддае" (Афанасьев 1869, 14–15). Многочисленные тексты, основанные на мотиве "черт бье свою жену или любовницу", приводятся у М.Кууси, например: серб. *кад киша пада и сунце сиjа ђаво туче своjу жену* 'когда идет дождь и светит солнце, черт бьет свою жену', босн. đavo tuče svoju ženu 'черт бьет свою жену' и т.е. (Kuusi 1957, 103). По мнению М. Кууси, этот мотив отражает противоречие или борьбу между солнцем и дождем во время слепого дождя. С другой стороны, ссора, драка может рассматриваться как обратная сторона свадьбы (там же, 268–269). Само битье, как известно, часто выступает магическим актом, способствующим плодородию, богатству и благополучию (ср. обряд хлестания вербой в вербное воскресенье, сопровождаемый текстом с пожеланием благополучия и здоровья).

Таким образом, среди полесских наименований слепого дождя, возводимых к мотиву брака, преобладают названия, имеющие форму свернутых фразеологизмов, в которых сохраняются лишь субъекты (за исключением выражений типа "черт бьет свою жену"). Отмечено шесть мифологических персонажей, связанных со слепым дождем. Это черт, цыгане, евреи, свиньи, зайцы и солнце.

Многочисленны также полесские названия слепого дождя, содержащие мотив плача, обливания или купания. Прежде всего, слепой дождь представляется слезами святых или сирот. Этот мотив основан на широко распространенном у различных народов поверье о том, что дождь есть следствие плача божества или мифологического персонажа. Н.Я. Никифоровский писал: «"На "сляпэй дожь" нужно смотреть иначе, чем на обыкновенный: он есть слезы умерших праведников, кои оплакивают греховное поведение живых своих родственников» (Никифоровский 1897, 215, № 1673). О слепом дожде в Полесье говорят: *слёзы ма́тери бо́жэй* (Б.Млр. Мокраны, 1977), *бо́жа ма́ти пла́чэ, бо́жа ма́терь пла́чэ* (Б.Млр. Мокраны, Олтуш, 1977), *сиро́та пла́чэ* (Б.Млр. Осовая, Олтуш, 1977), *сиро́тки пла́чуть* (Б.Пн. Ковнятин, 1981). Тот же круг представлений о слепом дожде отражает фразеологизм цари́ пла́чуть (Б.Пн.Лисятичи, 1981) и записанное Ч. Петкевичем в Речицком Полесье выражение наша царэўна плачэ (Pietkiwicz 1938, 16). Ср. также у К. Паустовского в "Золотой розе": «О слепом дожде, идущем при солнце, в народе говорят: "Царевна плачет"» Сходные термины были записаны и в смежных областях. Например, в Минской губ., когда шел слепой дождь, говорили, что это *ведьма плачет* или *матачка боская через слёзы смяецца*, в Смоленской губ. – *солнце слезится* (Ермолов 1905, 143, 144).

Слепой дождь может связываться также с мотивом купания ангелов или богоматери. В западном Полесье говорят: *áнгелы купáюца в э́том сóнцэ, мáтэр бóжа купáеца* (Б.Млр.Олтуш, 1977). Ангелы, богоматерь заменяют здесь каких-то дохристианских мифологических персонажей. Ср. сходную замену в воронежском *архиерей в бане* (Ермолов 1905, 143). Наименования подобного рода находят соответствия в некоторых архаических зонах славянского мира: кашуб. slujnce křeci 'солнце плачет' (SGK 4,84), словен. kisa pada, sunce sija, vile se kupaju 'дождь идет, солнце светит, вилы купаются' (Kuusi 1957, 133).

В некоторых местах представление о слепом дожде основывается на поверье об утопленниках, которые сушат свою одежду: *потопле́ные лю́ди пэрэсу́шуюца тоды́, як сóнцэ свéтить и дож идэ́* или *топлэ́ник су́шица, одэ́жу пэрэсу́шваюуть* (Р.Дбр.Лесовое, 1978 – Э.А.); *сóнышко свéтит и дож пáдае, то говóрять: в тóе час душá, хто потóпленик, та пересу́шываеца* (Р.Дбр. Озерск, 1978 – Н.Вл.). Наименования, связывающие слепой дождь с утопленниками или висельниками, встречаются и у русских: *дождь пополам с солнышком – по удавленнике, где-то есть утопленник* (Kuusi 1957, 200, 60–61, 303–304, карта № 7), *сквозь солнце дождь – будет удавленник либо утопленник* (Ермолов 1905, 238). М. Кууси объясняет подобные тексты представлением, согласно которому утопленники появляются на том свете, в мире мертвых, в той же одежде, в какой они утонули, поэтому они должны ее высушить (Kuusi 1957, 270). Дождь, таким образом, – это ниспадающая с одежды утопленников вода. Утопленники, по широко распространенным у славян представлениям, являются причиной засухи. Они сдерживают небесные воды и выступают предводителями градовых туч. Полесские способы обозначения слепого дождя находят соответствие на акциональном уровне – в обрядах вызывания дождя, описанных С.М. и Н.И. Толстыми (Толстые 1978). Так, наименованию слепого дождя с помощью термина *слезы* в обряде соответствует плач или голошение, а обозначению его с помощью выражения, описывающего его как купание того или иного мифологического персонажа, – обливание или купание участников обряда.

В полесских обозначениях слепого дождя отражен и мифологический мотив "ведьма сбивает масло": *ви́дьма мáсло бъе* (Б.Млр. Орехово, Олтуш, 1977), *ви́дьма мáсло колóтить* (В. Квл. Уховецк, 1979). В Туровском р-не Гомельской обл. отмечено: *ведзма масло колоціць* (Крывіцкі и др. 1976, 301). Его можно обнаружить и в ряде других фрагментов народной метеорологии. Так, польск. widma masło bje обозначает и радугу и слепой дождь (Kuusi 1957, 156), а baba robiąca masło относится к пятнам на луне (по данным А. Шифер, – карта № 3). Подобные же словосочетания в немецких и таджикских диалектах обозначают удары грома (см. подробнее: Азим-заде 1979, 1982).

В полесском *дошч свит бáчыть* (Б.Млр.Олтуш, 1977) отражается характерный мотив рождения, который свойствен славянским поверьям о слепом дожде, так как это буквально означает 'дождь рождается'. С этим представлением связаны некоторые южнославянские наименования слепого дождя, где он постоянно мотивируется рождением чертей, русалок, цыган и т.п. (Kuusi 1957, 96, 131, 142, 259–260). Ср. серб.: *кад киша*

пада и сунце сија, родило се Циганче 'когда идет дождь и светит солнце, рождается цыганенок'(Kuusi 1957, 168).

У многих народов мира широко распространены поверья, согласно которым слепой дождь способствует росту растений, в том числе грибов. Так мотивируется общеизвестное русское *грибной дождь*. Это терминологическое словосочетание *грибный дож* отмечено и в Полесье (Б.Млр. Осовая, 1977), однако в значении 'мелкий теплый дождь'.

Неясной остается мотивировка фразеологического словосочетания *слепой дождь*. В Полесье оно было отмечено лишь однажды: *слипый дож, слэпой дошч* (Б.Млр. Осовая, 1977). Встречается оно также на Украине и в Абхазии (Kuusi 1957, 205). Слепота в мифологии ряда народов, как известно, часто свидетельствует об особой магической силе, поскольку она свойственна представителям мира мертвых (Мифы народов мира 1980, 306–307). Возможно, таково и значение "слепоты" дождя.

Таким образом, предикатами в полесских наименованиях слепого дождя выступают купание, плач, свадьба, рождение. Субъекты же действий или персонажи разделяются на два класса. В один из них входят представители мира "дьявольского": самоубийцы, ведьмы, черти, зайцы, свиньи, а также инородцы (цыгане, евреи). Второй класс образуют "чистые" персонажи: богоматерь, ангелы, праведники, сироты, цари. Подобная дихотомия оформляется под влиянием христианского дуализма, хотя схема, лежащая в ее основе, принадлежит к более архаичному мифологическому пласту.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Азим-заде 1979 – *Азим-заде Э.Г.* Из славянской народной метеорологии. – В кн.: Balkano-Balto-Slavica. Симпозиум по структуре текста. Предварительные материалы и тезисы. М., 1979.

Азим-заде 1982 – *Азим-заде Э.Г.* Из славяно-иранских соответствий в области духовной культуры. – В кн.: Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1982.

Афанасьев 1869 – *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу, т. 3. М., 1869.

Гура 1978 – *Гура А.В.* Символика зайца в славянском обрядовом и песенном фольклоре. – В кн.: Славянский и балканский фольклор. М., 1978.

Добровольский 1901 – *Добровольский В.Н.* Смоленский этнографический сборник, т. 3. СПб., 1901.

Ермолов 1905 – *Ермолов А.* Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах, т. 4. СПб., 1905.

Крывіцкі и др. 1976 – *Крывіцкі А.А., Цыхун Г.А., Яшкін І.Я.* Пра слоўнік Тураўшчыны. – В кн.: Народнае слова. Мінск, 1976.

Лисенко 1974 – *Лисенко П.С.* Словник поліських говорів. Київ, 1974.

Мифы народов мира 1980 – Мифы народов мира, т. 1. М., 1980.

Никифоровский 1897 – *Никифоровский Н.Я.* Простонародные приметы и поверья. Витебск, 1897.

СРНГ 1–16 – Словарь русских народных говоров, вып. 1–16. М. – Л., 1965–1980.

Толстой 1973 – *Толстой Н.И.* К реконструкции праславянской фразеологии. – В кн.: Славянское языкознание. М., 1973.

Толстые 1978 – *Толстые Н.И. и С.М.* Заметки по славянскому язычеству. 2. Вызывание дождя в Полесье. – В кн.: Славянский и балканский фольклор. М., 1978.

Шапкарев 1968 – *Шапкарев К.А.* Сборник от български народни умотворения, ч. 1. София, 1968.

Kuusi 1957 – *Kuusi M.* Regen bei Sonnenschein: zur Weltgeschichte einer Redensart. Helsinki, 1957.
Pietkiewicz 1938 – *Pietkiewicz Cz.* Kultura duchowa Polesia rzeczyckiego. Warszawa, 1938.
SGK 4 – Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej, t. t. 4. Wrocław–Warszawa–Kraków, 1970.

В.В. Усачева

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЙ ПОЛЕСЬЯ И КАРПАТ

Лексика, связанная с относительно редкими явлениями природы – дождь, идущий при солнце, снег с дождем || дождь со снегом, – дает интересный материал для сопоставления двух архаических зон – полесской и карпатской – на лексико-семантическом уровне и для ареальной характеристики названий этих явлений в славянском языковом мире.

В статье использованы неопубликованный материал картотек Карпатского диалектологического атласа и "Материалы для лексического атласа украинского языка" Н.В. Никончука, которые содержат новые диалектные данные, собранные на значительной территории Полесья.

ДОЖДЬ, ИДУЩИЙ ПРИ СОЛНЦЕ

В "Программе Карпатского диалектологического атласа" был вопрос № 49з) "Как выражается понятие дождь с солнцем, грибной дождь?" Ответы на него можно разделить на несколько групп названий, которые дают компактные ареалы на территории Прикарпатья и Закарпатья.

1. *Рудá* и *рудá падé* (1, 3–12, 14–21, 65, 125, 129, 131, 132, 134, 135, 142, 143)[1]. Это название и словосочетание его же с глаголом *паде* (так говорится и о дожде, и о снеге) распространено в бойковских говорах и части закарпатских, граничащих с бойковскими[2]. В некоторых селах *рудá* – это не только 'дождь с солнцем', но и 'болезнь растений', когда на листьях появляются бурые пятна, растение болеет и погибает[3]. Информаторы связывают заболевание с таким дождем: *рудá падé gi сóнцә гр'íйә тай дош̄' падé* (139), *рудá мáйе бéтî барабýл'у* (68). Иногда причину болезни растений видят в молнии: *бл'ěскавәц'а рудý кы́дайе* (8).

2. *Кýр'áчий дош̄'* (57–59, 78, 80–87, 112), ср. укр. лит. *кýр'ячий дощ* 'краплистий короткочасний дощ у сонячний день' (СУМ II, 402; под *дощ*). Иногда *кýр'ачий дош̄'* – это 'редкий мелкий дождь' (без солнца) (75, 76, 104, 105). Такой дождь в других селах называют *мәдвéдичий дош'* (33: *то дровнéн'кий дош̄'*), *мәдвéжий дош͡ч* (123), *мәдвéд'ачий дош͡ч* 'мелкий густой дождь' (128). Название *кýр'áчий дош̄'* распространено в буковинских говорах.

Подобного рода фразеологизмы нередки в славянской народной метеорологической терминологии, ср., например, рус. диал. *воробьиная ночь* 'самая короткая летняя ночь с грозой, дождем, ветром, с частыми вспышками молний' (и некоторые другие значения) (СРНГ V, 105: под *воробьиный*),

козье ненастье 'дождливая погода в августе' (Новосибирск, Убинск – СФ); полес. *свинячий дошч, зайочковый дошч* 'слепой дождь'[4], *свинячи дощ* 'дождь, который идет, когда светит солнце' (Варовск, Зарудье, Тетеревское Иванковского р-на Киевской обл., Сосновка Макаровского р-на той же обл. – Лысенко 202), укр. лит. *свинячий дощ* 'кратковременный дождь в солнечный день' (СУМ II, 402: под *дощ*); польск. deszcz świński 'мелкий дождь'; болг. *гисичашты байрěк* 'радуга'[5].

3. *Циганс'к'ә верәмн'ә* (52, 60, 62, 73, 89, 91–93, 96–98, 115), *цыган'-с'кый дош͡ч* (124), *циганський дож͡дж* (Косовска Поляна, Росишка, Вел. Бычкив Раховского р-на Закарпатской обл. – Грицак № 193). Название распространено в части закарпатских, гуцульских и буковинских говоров. В гуцульских и буковинских говорах опорным словом фразеологического словосочетания является слово *верем'я*, а в восточнозакарпатских – *дощ*, ср. полес. *циганськи дощ* (Сосновка Макаровского р-на Киевской обл., Стольне Менского р-на Черниговской обл. – Лысенко 228; см. также упомянутую выше статью Э.Г. Азимова). Лексема *верем'я* в юго-западных украинских говорах употребляется для выражения понятия 'хорошая солнечная погода'. Сочетание с прилагательным *циганське*, которые наряду с прямым значением – относящийся к цыганам, почти во всех славянских языках и их диалектах имеет переносное значение – 'лживый, обманчивый', изменяет значение опорного слова и вновь возникшее двучленное название приобретает новый смысл. Неустойчивость, неопределенность, мимолетность природного явления, одновременность двух казалось бы несовместимых явлений – и дождь, и солнце – все это отражено в новом названии. Подобное словосочетание встречается, например, в болгарском: *циганско лято* 'последние теплые дни поздней осенью, бабье лето' (ср. еще амер. indian summer с тем же значением).

4. Следующая группа говоров – самая многочисленная – объединяется словосочетанием, в котором наличествуют лексемы *дощ* и *сонце*. В этих словосочетаниях можно выделить три типа:

1) *дош͡ч і (та, тай) сонце* – лексемы выступают как самостоятельные члены, соединенные союзами (66, 90, 121);

2) *дош͡ч әс͜ сонцәм* – словосочетание, образованное при помощи предложной конструкции (29, 53, 61, 63, 64, 67, 68, 69, 71, 99, 122, 130, 137, 141);

3) *дош͡ч іде і сонцә гр'їйә, дожд' іде с̄онәчком, сонцә гр'їйә і дош͡ч, дож та сонцә гр'їйә* (38, 39, 41, 50, 75, 76, 94, 110, 116).

Также описательно называется явление "дождь, идущий при солнце". в восточнороманских говорах, обследованных по Программе КДА: *плоаје ку соаре* (записано во всех 10 молдавских селах, включенных в КДА).

5. В материалах Карпатского диактологического атласа зафиксировано несколько названий, встречающихся спорадически по всей территории: *дівочий дош͡ч* (103), *діточий дош͡ч* (85), *погідливий дош̄'* (107), *теплий дош͡ч* (39, 56, 114), *препаркі* (51), *прегрәвки* (43, 48), *угрї́ука* (133), *проблески* (12, 17, 138).

В ряде сел собирателям не удалось записать названия этого явления.

Полесское *с'л'ота́* (реже *с'л'о́та, слота́, с'л'у́та́, шл'о́та*) в значении 'снег с дождем' распространено на ограниченной территории Правобережного Полесья: в Березновском р-не Ровенской обл. (п. 163, 196–203)[6], в междуречье правых притоков Припяти Уборть – до пересечения ею украинско-белорусской административной границы – и Уж (п. 80–82, 97, 100, 102–106, 110–112, 139–142, 150, 167, 168, 170, 179, 208, 209, 238, 239, 249, 250, 252) – это самый значительный ареал; в нескольких селах по среднему течению Ирши (258, 260, 261); в Козелецком р-не Черниговской обл. (159, 160, 194), в Житомирском (350, 353–356, 360, 388, 390, 392, 393), Радомышльском (307, 309, 310), Барановском (339–343) р-нах Житомирской обл., а также спорадически (1–2 пункта) в селах Ровенской (в Дубровицком – 72, 73, Рокитновском – 95, 96, Володимирецком – 127, Костопольском – 222, Корецком – 290, 291 – районах), Житомирской (в Новоград-Волынском р-не – 230), Хмельницкой (в Шепетовском р-не – 378) областей (Никончук 122–123). В некоторых селах *с'л'о́та́* имеет лексические дублеты: *с'л'а́кот', с'л'аго́та, с'л'а́ка, ха́лепа, хл'а́ка, х'ла́ga, л'о́панка, л'о́павка.* Лексема *с'л'а́кот'* в значении 'снег с дождем' занимает значительную территорию Полесья и чаще других дублетов встречается в ареале лексемы *с'л'о́та́.*

По материалам Н.В. Никончука в Полесье *с'л'о́та́* может означать и сырую погоду с затяжными дождями. Распространено оно небольшими островками, расположенными в основном западнее и южнее описанных выше ареалов (иногда встречается на той же территории, что и значение 'снег с дождем'; есть случаи, когда оба значения выступают в говоре одного села, например *с'л'ота́* – в п. 97, 163, 168, 173, 203, 252, 290, 326, 340, 409, 410, 421, 423–425, 430, 459; *с'л'о́та* – в п. 126, 127, 436; *шл'о́та* – в п. 168, 170). Два ареала – на территории Ровенской обл. в Сарненском и Березновском р-нах (163, 201, 202); между Случью и Горынью – в р-нах Гощанском, Корецком и Здолбуновском (284–291, 331). Остальные ареалы – в Житомирской обл. на территории следующих районов: Новоград-Волынского и Барановского (314, 337–340), Дзержинского, Чудновского, Любарского (406, 407, 409–411, 432–436, 442, 444–448), Бердичевского, Андрушевского, Ружинского (413–418, 437, 439, 454, 455, 457–462), Попильнянского (423–425). Для определения сырой погоды в некоторых селах кроме слова *с'л'ота́* употребляются и другие: *с'л'а́кот'*[7], *с'л'уго́та, ха́ле́па, че́рга, хл'а́ga, мокроте́ча, с'л'озоте́ч* (ж.р.), *л'апави́ц'а, л'апани́на.* В с. Гульча Здолбуновского р-на Ровенской обл. записано словосочетание *с'л'о́тний дошч* (Никончук 106).

Укажем еще несколько значений полес. *с'л'о́та́*: 1) 'грязь (на дороге) вперемежку со снегом' (Копище и Збраньки Овручского р-на Житомирской обл. – Никончук 109) и *шл'о́та* с тем же значением (Жубровичи Олевского р-на той же обл.), 2) 'сырая погода зимой, ощущение такой погоды' (Селец Дубровицкого р-на Ровенской обл. – Никончук 110). В трех селах (415–418) Андрушевского р-на Житомирской обл. кроме *с'л'ота́* зафиксировано словосочетание *с'л'о́тна зима́* 'зима, когда снег выпадает на незамерзшую землю' (Никончук 114).

В словаре П.С. Лысенко отмечено *слата́* в с. Лопатовичи Олевского

р-на Житомирской обл. и *шьота́* в с. Бовсуны Лучинского р-на той же области в значении 'плохая погода, главным образом снег, с дождем' (Лысенко 197).

В юго-западных украинских говорах по материалам Карпатского диалектологического атласа[8] слово *сло́та* употребляется в тех же значениях, что и в Полесье:

1) 'снег с дождем || дождь со снегом: *сло́та* (4, 29, 49), *слота́* (31), *зла сло́та* (123);

2) 'сырая погода с продолжительными дождями' (в течение 2–3 дней): *сло́та* (6, 10, 15–20, 29, 30, 32, 36, 37, 127), *сло́та* (31, 123), *слота́* (8, 59, 61, 72, 74, 75, 77, 87, 104, 105), *слота́* (76, 101, 114, 125, 126). В некоторых картотеках такое состояние атмосферы определяется как 'плохая погода', иногда с уточнением – дождливая. Не будет большой натяжкой, если эти варианты значения объединить, так как определения можно считать оттенками одного значения. Тогда ареал слова *слота* в значении 'сырая погода' значительно увеличится: *сло́та* (37, 38, 43, 49, 56), *слота́* (121, 129, 140), *сло́та* (35, 77, 81, 82, 90, 102, 103), *слота́* (107, 112). Отмечена и безличная форма глагола: *заслоти́ло с'а – йак до́уго дож' паде́* (37), *заслоти́ло с'а* (121); ср. рус. диал. *на дворе слоти́т* 'стоит мокредь' (Даль IV, 223: под *слота*); польск. диал. osłociło, zasłociło 'раздождилось'; морав. slotí 'идет дождь со снегом' (Махек 238: под slota);

3) ' слякоть„ грязь вперемежку со снегом': *сло́та* (4: *земл'а́ роскы́сла, сло́та така́*, 6, 9), *слота́* (52, 58, 64).

4) 'мелкий частый дождь: *сло́та* (31, 32, 41), *слота́* (80); 'дождь': *сло́та* (37), *слота́* (79); ср. польск. диал. słota, словен. slota 'мелкий дождь' (Преображенский 324–325: под *слота́*).

В четырех восточно-романских селах зафиксированы слова *слу́бэ́ты* и *слоте́шти* в значении 'снег с дождем', а словосочетание *слубэ́тэ де омэ́т* – в значении 'большой снегопад' (см. замечание П. Скока о заимствованном характере рум. sloată и алб. sqotë – Скок III, 287).

Как показывает приведенный материал, в юго-западных украинских говорах района Карпат слово *слота́* в значении 'сырая погода' распространено шире, чем в полесских украинских говорах. Эти две зоны противопоставлены друг другу по распространенности в них значений 'снег с дождем' – наиболее употребительно в говорах Полесья, – и 'сырая погода с продолжительными дождями' – значение, характерное для карпатской зоны.

Значение 'мокрый снег' (или 'снег с дождем', 'дождь со снегом') известно почти всем славянским языкам: др.-рус. *слота, слотъ* (Срезневский III, ст. 423), рус. *сло́та* (олон. – Куликовский), *слота́, слоть* (вост., юж. – Даль), укр. *сло́та́, сльота́* (Фасмер III, 675: под *сло́та), польск.* słota[9], чеш. slota, с.-хорв. *сло̏та,* словен. slota. Значение 'плохая погода', 'ненастье' отмечено для русского (и древнерусского, уже в памятниках XII в. – Срезневский), украинского, польского, чешского, словацкого, сербско-хорватского и словенского языков. Значение 'слякоть' развилось в восточнославянских, польском, чешском, сербско-хорватском языках и их диалектах[10].

Для южнославянских языков характерно наличие значений, отражающих более древний период истории этого слова (ср. ст.-сл. *СЛОТА*,

которое в словарях переводится многозначным лат. hiems). В болгарском отмечено только значение 'град': *сло́та* (Младенов). С.-хорв. slȍta означает: 1) 'холод, стужа', 2) 'иней' (Речник; в этом словаре указывается также значение 'буря, гроза, ураган', которое в других славянских языках не встречается).

Если признать, что прасл. *slota входит в одно этимологическое гнездо с др.-рус. и ст.-сл. *слана* 'иней', с лит. šáltas 'холодный', šal̃tis 'холод, мороз', лтш. sal̂ts 'холодный', авест. sarəta 'холодный', прус. passalis 'мороз, стужа' (см. этимологические словари Преображенского, Фасмера, Младенова, где приведены эти и некоторые другие формы), то его можно возвести к и.-е. *k̑el= 'мерзнуть, холодный' → 'теплый, горячий' (Покорны I, 552; Горячева 62) и далее к ностр. ḳajla 'горячий, жечь' (Иллич-Свитыч 332 и след.). Противоположность значений в индоевропейском — не единственный случай — см. примеры из индоевропейских языков в статье Т.В. Горячевой, а ностратические параллели — в словаре В.М. Иллич-Свитыча (с. 332).

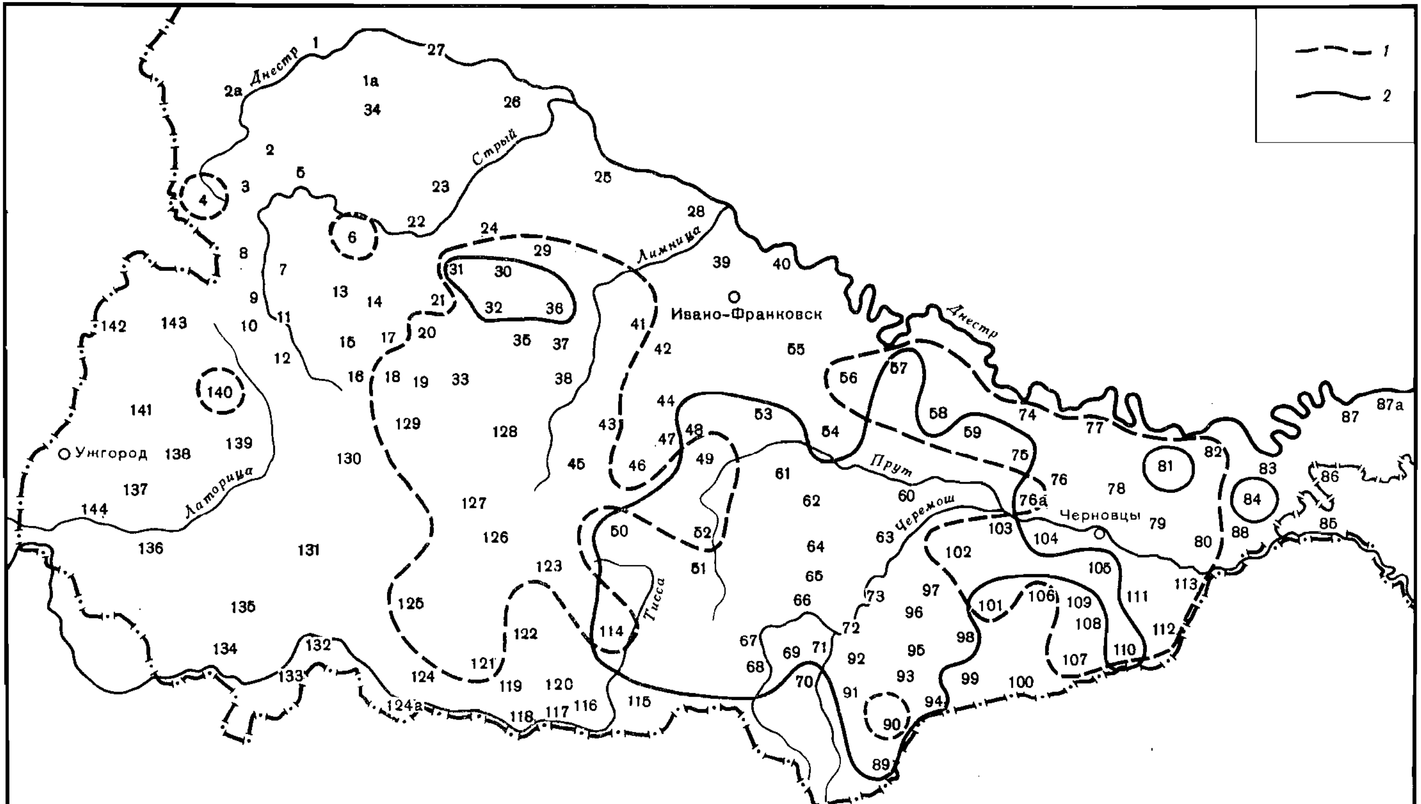
Другую этимологию предлагает П. Скок. Он упоминает и.-е. корень *lat= 'влажный, мокрый', который, по его мнению, с начальным s выступает в норв. slatr, sletta 'снег с дождем' (также Махек), в нов.-в.-нем. Schloft 'грязь, слякоть'. Далее югославский этимолог ссылается на Петерссона, который производит слав. *слота* от и-.е. *kleu– || *k̂lo(u)- 'полоскать, чистить, течь, наводнять' и восстанавливает форму *k̂lok-ta,, k̂lop-ta, в которой и.-е. корень расширен формантом k или p (Скок III, 287, где остальная литература).

В карпатоукраинской зоне, как и в Полесье, зафиксировано несколько лексем для обозначения снега с дождем. В большинстве говоров понятия 'дождь со снегом' и 'снег с дождем' тождественны и выражаются одним словом или словосочетанием. В некоторых говорах эти понятия различаются, например *ша́рgа* – 'дождь со снегом' (60, 81), а *с'н'і́жнәц'а* (60), *фл'а́ковәц'а* (81) – 'снег с дождем'.

Кроме описанной уже лексемы *слота*, в украинских говорах Прикарпатья и Закарпатья употребляются лексемы с основой *сніг(ж)-* || *сніг(ж)н-* и *ша́рgа*, которые составляют два компактных, довольно значительных ареала, противопоставленных друг другу. На карте дано распространение слова *ша́рgа* в значении 'снег с дождем || дождь со снегом'. Оно выступает в гуцульских и части буковинских говоров, а лексемы с основой *сніг(ж)-* || *сніг(ж)н-* — в бойковских и буковинских (либо там, где нет слова *ша́рgа*, или оно имеет другие значения, либо как его дублет – п. 57, 62, 84, 110). В закарпатских говорах чаще всего фиксируются словосочетания *доші̑ч та сніг* или *сніг із дожд'о́м* (п. 116, 124–128, 130–132, 137, 140, 141), а также *дош'а́ный сніг, сніго́вый доші̑ч* (133–135).

Кроме того, карпатоукр. *ша́рgа* употребляется в значениях: 1) 'ливень с ветром' (2, 3, 5, 11, 30, 31, 41, 48–50, 114), 2) 'сильный дождь, ливень' (36), 3) 'слякоть' (59, 75), 4) 'снег в виде крупы' (63–66) (см. карту).

В полесской зоне *ша́рgа* фиксируется словарями Ф.Д. Климчука и П.С. Лысенко. В Дрогичинском Полесье *ша́рга* и словообразовательный вариант *ша́ргавыц'а* означает 'непогодь, ветер с дождем и снегом' (Климчук 76). На территории Украинского Полесья *ша́рга* отмечена в селах Стольне Менского р-на Черниговской обл., Калиновке, Кливинах Полес-



Карта. Ареалы слов *слота, шарга* в карпатоукраинской зоне
1 – ареал слова *слота;* *2* – ареал слова *шарга*

ского р-на Киевской обл., Карпиловке Иванковского р-на той же области, а фонетический вариант *шáрgа* – в с. Тетеревское Иванковского р-на со значением 'буря, буран' (Лысенко 234).

Слово *шарга*, известное в полесской и карпатской зонах, отмечено еще в польском языке. В Атласе польских диалектов на карте "słota", т.е. 'продолжительная дождливая погода', отмечены формы szaruga (и saruga), szarga(wa) (и sarga), szargawina на Мазурах, в Острудском воеводстве, а спорадически в говорах Малой Польши (МАГП XII, карта № 573). Линде фиксирует одной из них – szarga – со значением 'дождь с ветром', 'гроза, буря'. В Варшавском словаре это же слово приводится с пометой "устаревшее", а в Словаре польского языка под редакцией В. Дорошевского оно вообще отсутствует.

Интересно отметить, что szaruga спорадически встречается в разных областях Польши, а szarga – только в южномалопольских говорах, т.е. на территории, близкой карпатоукраинским говорам.

Остальные названия не составляют больших ареалов и встречаются небольшими вкраплениями по всей территории. Назовем те из них, которые имеют соответствия в Полесье.

1. карпатоукр. *л'áпа* (14), *л'áпаўка* (21, 32, 42, 50), *л'áпавиц'а* (33, 112)[11], *л'áптаўка* (20), *лəпанúна* (15), *л'éптавиц'а* (12, 19, 129), буковин. *ля́павка* 'дождливая погода' (Кицманский, Вижницкий, Сторожинецкий, Глыбокский, Хотинский р-ны Черновицкой обл. – Материалы); ср. полес. *хл'áпа, л'áпа(о)вка, л'áпалка, л'áпанка, л'áпавиц'а, л'апанúна, л'áпаниц'а* (Никончук 123), *ля́панка* 'снегопад без ветра' (Лысенко)[12].

2. карпатоукр. *пл' аgа*(87), *фл'áга* (144, 115), *фл'ágаўка* (115) и *фл'ágа* 'слякоть' (68, 72); ср. полес. *пл'áга* 1) 'снег с дождем', 2) 'ливень', *фл'áга* 'грязь вперемежку со снегом', *хл'áка* 'влажная холодная погода зимой', *хл'áка* и *хл'ágа* 'снег с дождем'; *пл'áжит'* безл. форма глагода – 'идет, заливая землю' (о проливном дожде) (Никончук 104, 105, 109, 110, 122–123), польск. plaga, plaha, flaga (последний вариант употреляется чаще); кашуб. szlaga (о их распространении см. МАГП XII, ч. 1, карта № 573, ч. 2, с. 108).

3. карпатоукр. *пл'ýта* (35, 36, 86), *фл'ýта* (17, 18, 21, 31, 121), ср. польск. pluta 1) 'плохая дождливая погода', 2) 'дождь со снегом', 3) 'размокший снег' (МАГП XII, ч. 2, с. 108).

4. карпатоукр. *фл'ýgа* (122, 123), *фл'ýgавица* (142), закарпат. *фл'ýgавка, фл'ýgавица* (Великий Бычкив, Росишка Раховского р-на), *фл'ýкавиц'а* (Камьянске Иршавского р-на) (Грицак № 240), ср. полес. *фл'укавúц'а* (Никончук 122).

Приведенный материал позволяет сделать следующие выводы. *слота* унаследовано от праславянского периода и является общеславянским; *шарgа* фиксируется в белорусском, украинском и польском языках. Слова с корнем lap-, отмеченные в карпатской и полесской зонах (иногда с протезами ch и k), известны и другим славянским языкам – польскому, болгарскому, сербскохорватскому. Карпатоукраинское и полесское *фляgа* и под., вероятно, заимствованы из польского flaga, который в свою очередь заимствовал его из н.-нем. Flage 'гроза, буря'.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Расшифровку пунктов см. в книге: *Бернштейн С.Б.* и др. Карпатский диалектологический атлас. М., 1967, с. 262 и след.

2 О диалектном членении данного региона см.: *Клепикова Г.П., Попова Т.В., Усачева В.В.* Группировка юго-западных украинских говоров (на материале "Карпатского диалектологического атласа"). – В кн.: Материалы и исследования по Общеславянскому атласу. М., 1968, с. 97–117.

3 Ср. укр. буковин. *рудá* 'ржавчина на пшенице' (Заставнянский р-н Черновицкой обл. – *Прокопенко В.А.* Лексика буковинських говірок. Канд. дис. Чернівці, 1960.

4 Подробнее об этих названиях см. в статье Э.Г. Азимова "Из полесской народной метеорологии" в настоящем сборнике.

5 Об этом названии в кругу подобных см.: *Толстой Н.И.* Из географии славянских слов: 8. 'радуга'. – В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1974. М., 1976, с. 47.

6 Расшифровку населенных пунктов см. в работе Н.В. Никончука, с. 17 и след.

7 Ср. польские диалектные названия с корнем ślęk-/śląk- (со значением 'продолжительная дождливая погода', распространенные главным образом в южной и средней части Малой Польши, а также в Серадзком и Ленчицком воеводствах и прилегающих к ним районах восточной Великой Польши (МАГП XII, ч. 2, с. 108).

8 Специального вопроса о значениях слова *слота* в Программе атласа не было. В статье использованы ответы на вопросы: 40в) Как называется дождливая погода, дождь? 41в) Как называется плохая погода, непогода? 42д) Как выражается понятие 'снег с дождем'? 49и) Как выражается понятие 'дождь со снегом' 52) Как называется слякоть?

9 В словарях польского языка слово słota объясняется как 'непогода, продолжительная дождливая погода, осеннее ненастье' и приводятся синонимы szaruga и plucha.

10 Отметим еще такие значения: 'прилипала, надоедливый человек' – переносное значение, появившееся в белорусском (БРС), украинском (Лысенко 197: *слатá, шльотá*) языках, а в словацком и чешском – 'неприятности', 'очень турдная жизнь, ситуация' (ССЯ: "редко", СЧЯ: "немного устаревшее").

11 Ср. болг. лит. и диал. *лапáвица* 1) 'мокрый снег', 2) 'снегопад с ветром и дождем', с.-хорв. *лȁпавица* 1) 'мокрый снег', 2) 'слякоть'.

12 Ср. польск. chlapa, chlapacia, chlapaczka, chlapaka, chlapanina, chlapawica, chlapowina, chlapowka в значении 'дождливая погода, мокрый снег', зафиксированные спорадически в Вармии, восточной части Великой Польши, в Малой Польше, на украинском пограничье (МАГП XII, ч. 2, с. 108).

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БРС – Беларуска-рускі слоўнік. Мінск, 1962.

Горячева – *Горячева Т.В.* Этимологические заметки (некоторые продолжения праслав. *kъrz – русск. диал. *слеть*). – В кн.: Этимология. 1976. М., 1978.

Грицак – *Грицак М.А.* Матеріали до питальника для збирання назв народної метеорології говорів Закарпатської обл. Ужгород, 1968. (Рукопись).

Даль – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка, т. I–IV. М., 1955.

Иллич-Свитыч – *Иллич-Свитыч В.М.* Опыт сравнения ностратических языков. Словарь, т. I, b–k. М., 1971.

Климчук – *Климчук Ф.Д.* Специфическая лексика Дрогичинского Полесья. – В кн.: Лексика Полесья. М., 1968.

Лысенко – *Лисенко П.С.* Словник поліських говорів. Київ, 1974.

МАГП – Mały atlas gwar polskich, t. XII, cz. 1–2 Wrocław–Warszawa–Kraków, 1969.

Материалы – Матеріали до словника буковинських говірок, вип. 5. Чернівці, 1978.

Никончук – *Никончук М.В.* Матеріали до лексичного атласу української мови (Правобережне Полісся). Київ, 1979.

Покорны – *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, I. Bern, 1949.
Преображенский – *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка, I–II. М., 1910–1914.
Речник – Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, t. XV. Zagreb, 1956.
Скок – *Skok P.* Etimilogijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, t. III. Zagreb, 1973.
СФ – Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири. Сост. Н.Т. Бухарева, А.И. Федоров. Новосибирск, 1972.
Срезневский – *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. III. СПб., 1903.
СРНГ – Словарь русских народных говоров, вып. 5. Л., 1970.
ССЯ – Slovník slovenského jazyka, t. IV. Bratislava, 1964.
СУМ – Словник української мови, т. II, IX. Київ, 1972, 1978.
СЧЯ – Slovník spisovného jazyka českého, t. III. Praha, 1966.
Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка, т. IV. М., 1973.

Н.Г.Владимирская

МАТЕРИАЛЫ К ОПИСАНИЮ ПОЛЕССКИХ НАРОДНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ТКАЧЕСТВОМ. СНОВАНИЕ

Роль прядения и ткачества как древнейших ремесел в истории культуры, мифологии, языка общеизвестна. Достаточно сослаться на место термина и понятия "основа" в научном и обиходном употреблении. Несмотря на то, что существует несколько фундаментальных работ, посвященных технологии и терминологии славянских ремесел (см. прежде всего книгу О.Н.Трубачева о ремесленной терминологии в славянских языках и двухтомную монографию Б.Фалиньской о ткаческой терминологии в польских диалектах), эту тему ни в коей мере нельзя считать исчерпанной. Остаются неиспользованными обширные резервы диалектной лексики и фразеологии. Обрядность же, поверья, приметы, гадания, связанные с ткачеством, никогда не были предметом специального рассмотрения, хотя в старой этнографической литературе содержится немало фактов и наблюдений, относящихся к различным аспектам этого комплекса народных представлений.

Изучение ткачества в Полесье началось со сбора и систематизации лексического материала, относящегося к технологии выращивания и обработки льна и конопли, прядения, снования и тканья. Результатом этого явился словарь полесской терминологии ткачества, опубликованный в 1968 г. (см.: Лексика Полесья. М., 1968, с. 193–280). В ходе полевых исследований постепенно накапливался материал о народных представлениях, относящихся к ткаческому циклу. Была составлена специальная программа-вопросник, включающая разделы, посвященные всем основным этапам производства, обрядам, магическим приемам, запретам, словесным формулам и т.д.

В данной статье приводится лишь часть собранного материала, относящаяся к одному разделу программы – снованию, т.е. изготовлению основы для тканья. Материал сгруппирован в три раздела: временны́е ограничения и запреты на снование (в связи с праздниками, днями недели,

временем суток, фазами месяца), обереги при сновании и магические действия с основой. Такая группировка отражает основные параметры и категории, присущие всем циклам ткачества и шире – традиционной трудовой обрядности в целом.

ВРЕМЕННЫ́Е ОГРАНИЧЕНИЯ И ЗАПРЕТЫ

В Полесье существует определенная система связанных со снованием рекомендаций, ограничений, запретов, которые имеют магическую функцию. Рассмотрим их в следующем порядке: регламентация времени и продолжительности снования, регламентация снования по дням недели, запреты на снование в праздники, регламентация снования в связи с фазами месяца, регламентация снования в связи со временем суток, запреты на снование, обусловленные культом предков.

Продолжительность снования

Повсеместно действует правило, предписывающее выполнять работу за один день: Обяза́тэльно осну́е за дэ́нь осно́ву (В.Ртн. Пески, 1979). В большинстве случаев рекомендуется заканчивать работу до захода солнца: Не мо́жна, штоб ночова́ли кро́сна. Трэ́ба за де́нь основа́ть и зняць – ха́пае, ха́пае, што́бы до со́нца [кончить], то перемо́ты, то отворо́ты (Б.Дрг.Хвойка, 1977). Лишь в крайних случаях допускалось снование при освещении: Хай со́нцэ зайдэ́, гэть вэ́чур – конча́ють снова́ти (В.Ртн. Пески, 1979); То ужэ́ му́ка господи́ни: у вэ́чор при огни́ снова́еть и конча́еть и здыма́еть (В.Ртн. Забродье, 1979).

Сразу же после завершения работы основу со стены (сновалки) снимают. Оставлять ее на ночь на стене повсеместно запрещается: Трэ́ба зня́ти, коб не ночэва́ло на стени́ (Р.Дбр. Лесовое, 1978); Никода́ нэ мо́нна на стэ́нци кла́сти, штоб ночова́ла осно́ва на стэни́ нэ мо́нна. [Даже] по́сля захо́да со́нца [кончают], а́бы доснова́ти, а [чтобы] ночова́ла, то ужэ́ нэ (В.Ртн. Щедрогор, 1979). С этим запретом на территории Полесья связываются разные представления. Он может выступать здесь как оберег скота, в частности, как оберег от волков: Обяза́тэльно трэ́ба за дэ́нь основа́ти, бо бу́дуть во́ўки снова́тиса (В.Ртн. Забродье, 1979). Соблюдение этого запрета предохраняет скотину от трудных родов: Як асно́ву аставля́еш на́ ноч, то для худо́бы нело́ўко бу́де. Мо, разро́жываацца не бу́де. Зни́меш, плете́начкой сплете́ш (Ч. Рпк. Злеев, 1980 – О.Б.).

Считают также, что соблюдение этого запрета оберегает людей, живущих в доме, где сновали, от смерти: Говори́ли, обяза́тэльно штоб осно́ва нэ ночэва́ла – и хтось умрэ́. Я по́мню, було́ мы пошли́ у ха́ту снова́ти, полови́ну нэ основа́ли, и у хозя́йки сы́на заби́ли дрова́, сы́на, и однэ́йки буў у ма́тэри. Виз дро́ва и пэрэки́нуўся виз на нэго́ и уби́ў его́. И збира́ли бэз поры́ осно́ву. То ти́лько по́мню, што таки́й слу́чай буў (В. Ртн. Мельники, 1979); Снима́ли, снима́ють и сплята́ють. Нэльзя́, гавара́ть [оставлять основу на стене на ночь] – чи пако́йники бу́дуть умира́ть ў ха́ти, чи шось такэ́ (Ч. Рпк. Старая Паперня, 1980 – А.Г.). Соблюдают этот запрет и для того, чтобы не рождались немые дети: На стэнэ́ нэ мо́жна астаўля́ты, нэ мо́жна, штоб ночова́ла. Е́сли осно́ва на стэнэ́ на нич [останется], то дети́нка, дэ на сви́ти

уро́дицца, то нима́я. Дэ она́ уро́дицца, то жа́лка луди́на (В. Ртн. Мельники, 1979). Нарушение запрета навлекает на семью бессонницу, а на мастерицу беспокойство: Осно́ву снуе́мо – на стэни́ нэ мо́нна ки́дати: ка́жуть, симня́ нэ бу́дэ спа́ти ту ни́ч и та жы́нка будэ трошчи́ти, ни спа́ти ния́к (В. Ртн. Щедрогор, 1979). Соблюдение запрета гарантирует успешное завершение всей работы, а несоблюдение грозит неудачей: О, пра́уда, штоб осно́ва ж нэ ночова́ла, бо утку́ нэ хва́тить (В. Ртн. Пески, 1979).

Наконец, нарушение запрета может повлечь за собой кару для виновной после ее смерти: [Если] кро́сна бу́дут на стени́ ночева́ть, на ты́м све́те не бу́дешь ба́чить, бу́дут кро́сна за не́ю волочи́цца (Р. Ркт. Старое Село, 1978); Основу снимали. [Если не снимать, то говорят]: када́ я умру́, да ско́льки ма́я асно́ва висе́ла на стене́, сто́льки я бу́ду лежа́ть ме́ртва неми́тая, сто́льки ты неми́тая бу́деш лежа́ть, ско́льки асно́ва висе́ла на стене́ не сня́тая на ноч (Ч. Рпк. Старые Яриловичи, 1980 – А.Г.).

Иногда эти запреты не имеют мотивировок: Ка́жуць, што гре́х, штоб стоя́ли кро́сна (Г. Клн. Золотуха, 1975); Здыма́ють и сплета́ють: гре́х, шоб на стене́ начава́ла (Ч. Рпк. Злеев, 1980 – О.Б.). Порой указывают чисто утилитарную причину: Ко́бы ко́нчиць, то они́ обцяга́юцца, уж но́ч – их не ки́даюць, за дзе́нь штоб снова́ць (Б. Брз. Спорово, 1976); Она́ ж пообтяга́ецца за нич (В. К.–Кшр. Черче, 1979). Бывают, однако, случаи, когда работа не может быть завершена мастерицей за один день: Як подадэ́ штось такэ́, то оснуе́ за́раз, як одна́я ба́ба да з дэтьми́, то на дру́ги дэнь доснова́ла (В. Ртн. Мельники, 1979). Такой случай мог быть даже и при сновании в чужом доме: Стара́лися, шоб не аста́вить, патаму́ шо шоб не начува́ла у чужо́й ха́ти. Як не хвата́е чым дыхади́ть, дак бу́де и начава́ть и ничо́го ей не случы́цца, раз недахва́т, и те́мно, и не ви́дна (Ч. Рпк. Старые Яриловичи, 1980 – А.Г.).

Особенно опасно было оставлять на стене на ночь готовую основу. Если не успевали ее снять и сплести, то распускали несколько пасм: А е́сли ночу́е, то здыма́ецца з ейи́ нэ́сколько па́сом, штоб нэ по́уна – нэ мо́жна так ночова́ть (В. Ртн. Мельники, 1979).

Регламентация снования по дням недели

Наиболее благоприятными для снования считаются хорошие, легкие, счастливые дни: женский день пятница и мужской – вторник: "Говорили, что самые хорошие дни для снования – ето вторник и пятница, потому что в вовторник господь сотворил солнце, а солнце сияе, а ето счастливы день, а в пятницу господь кончал сотворять и также пятница счастливы день" (Б. Стл. Хоромск, 1975, письмо). В отношении пятницы спорадически выступает и утилитарная мотивировка снования: У пя́тницу найбо́льш снова́ли, тоды́ нэ праду́ть у пя́тницу, да сную́ть (Б. Стл. Рубель, 1976).

Пятница повсеместно считается абсолютно благоприятным для снования днем. Во вторник же, хотя и исключительно редко, встречается запрет сновать, связанный с представлением о нем как несчастливом дне: У чэтвэ́рг, и у пониди́лок, и у у́то́рак у на́с нэ сну́ють, на́вэт и вэси́лля нэ ро́бять у ты́е дни́: нэ пола́дицца (В. Ртн. Доброе, 1979).

В отличие от рассмотренных дней, в субботу, как правило, сновать было нельзя. Запрет этот связан почти повсеместно с преданием о сотворении

мира: У суббту нэ мо́жна снова́ти – сви́т снова́уса. Нихто́ никóли не снова́л. Никода́ нэ бью́ть наука́, ка́жуть, што ви́н, пау́к, сви́т снова́у (В. Ртн. Щедрогор, 1979); У суббту нэ́, нэ мо́нна снова́ти, бо снова́уса сви́т. Никому́ на́вэт по сю́ по́ру нэ́ было поня́тия, штоб снова́ть у субо́ту. У любэ́й дэ́нь, а́лэ нэ у́ субо́ту (В. Ртн. Забродье, 1979). Запрет этот неукоснительно соблюдается до настоящего времени (об ограничениях и отдельных исключениях см. ниже).

По той же причине запрещается в субботу засновывать, т.е. начинать снование в новом году: У субо́ту нэ́, нэ́, нэ́! Сви́т заснова́уса. Ви́к дожива́ю – нико́ли нэ начина́еш снова́ть (В. Ртн. Забродье, 1979).

Наряду с указанной мотивировкой иногда приводится иная. Так, в письме из Хоромска читаем: "В нас никогда, сколько существует нашие ближайшие деревни и наша деревня, в субботу кросна не сновали. Некоторые говорят, что нельзя сновать потому, что в субботу сновался свет. А другие говорят, что сновать в субботу большой грех, потому что в субботу Исус Христос лежал во гробе. И по етому никогда никто в субботу кросна не сновали, даже чтоб платили, то и за деньги не сновали б" (Б. Стл. Хоромск, 1975).

Запрет может выступать также как оберег зарождающейся жизни и касаться только способных к деторождению женщин: У субо́ту сную́ць, като́рые дзе́ци не ража́юць, а като́ра малада́я да дзе́ци ража́ет, та́ не сну́е (Г. Хнц. Дубровица, 1975). Он может иметь еще более ограниченный характер, когда относится лишь к беременным женщинам, как, например, в с. Хойники Хойницкого р-на Гомельской обл. Чтоб предотвратить опасные последствия нарушения запрета, в случае крайней необходимости вместо девушки или способной к деторождению женщины снует пожилая, не родящая женщина: Ма́ма ка́жэ: "Я таби́ асну́ю, мая́ до́нька, а ты́ не сну́й, ты́ дзе́ци ража́ешь, не сну́й у суботу – ни бо́жэ муй!" Малады́е не сную́ць, стары́е то́льки (Г. Хнц. Дубровица, 1975).

Распространено, кроме того, представление, согласно которому нарушение запрета сновать в субботу приведет к тому, что месячные будут приходится на неудобное время: А у субо́ту никому́ нельзя́ снова́ть. [Говорят так:] не мо́жна за того́, о́т, ска́жэм, у мэнэ́ дочка есць, то як бу́дэ весе́лле, то бу́дэ станови́цца на руба́шце (Б. Млр. Осовая, 1977). Иногда запрет объясняется связью субботнего дня с культом предков: У субо́ту не снова́ли, субота – то уро́дэ заду́шны де́нь у на́с (Р. Дбр. Озерск, 1978). Другие мотивировки встречаются реже: У субо́ту не мо́жна снова́ть – тя́шки дэ́нь (Р. Дрб. Сварицевичи, 1979); У субо́ту не мо́жна снова́ть – недзе́ля захо́дзиць (Б. Стл. Рубель, 1976). Близость воскресения может обусловливать также запрещение сновать после полудня: У субо́ту мо́жна изра́на снова́ть (В. Ртн. Хотишов, 1979). Свидетельство о сновании в субботу единично: У субо́ту мая́ ба́ба снова́ла. Тода́ за́ўжды наймэ́ныш пра́лы, бо послэ́дни дэ́нь (В. Ртн. Хотишов, 1979). Однако в Хотишове не все разделяют эту точку зрения – одна женщина говорила, что она в субботу не снует.

В то время как вторник, пятница и суббота в отношении рекомендаций по снованию устойчивы и определенны, среда, понедельник и четверг отличаются двойственностью и расплывчатостью. Среда часто считается благоприятным для снования временем, поскольку она как и пятница, является

женским, легким, счастливым днем: У нас сэрада и пятница снують, у тэйи дни, жэнского дня (В.Ртн.Пески, 1979). С другой стороны, широко распространенное в Полесье антропоморфное представление о Среде как о женщине, нуждающейся в пряже, делает этот день во многих селах запретным: У сэраду не снуюць, сэрада крадзе (Б. Стл. Хоромск, 1976). Эта мотивировка часто уточняется: Сэрэда крадэ, на дочки крадэ, дочкам крадэ. Обычная форма мотивировки: Сэрада на дочки бэрэ. Она представлена во всех обследованных селах, где снование по средам запрещается, кроме с. Черче Ратновского р-на, в котором говорили, что в среду "на сироты пража идэ" (1979). Поскольку у Среды вообще "дочэк вэльми богато " (В. Ртн. Хотишов, 1979), при сновании в среду всегда "багато сасновываецца пражы" (Г. Хнц. Дубровица, 1975) – бывает "вялики расход пражы" (Г. Хнц. Хойники, 1975). В ряде сел среда расценивается как день, хотя и неблагоприятный для снования, но все же допускающий этот вид работы: У сэрэду мало сновали, мало, бо стародавние, бало, кажуть: "Пражы нэ старчыт, пражы, як у сэрэду снуеш, на дочки бэрэ сэрэда" (В. Ртн. Доброе, 1979); Воно то снують, но всё жэ говорят, што сэрэда на дочку бэрэ (В. Ртн. Мельники, 1979). Спорадически встречаются случаи квалификации запрета как суеверия: У сэрэду Сэрэда на дочки бэрэ – то усё забобоны! Яке там дочки! Бало сновали и ў сэрэду. Як кому попадае (В. Ртн. Доброе, 1979).

Запрет на снование в понедельник связан главным образом с широко распространенным представлением о нем как о тяжелом дне, т.е. дне, неблагоприятном для любого дела. Иные его мотивировки тождественны уже рассмотренным. Так, например, запрет на сновние в понедельник бывает связан с поверием о сотворении мира: У панядзелак николи кросен не снуюць, тому што сноваўся сьвет (Г. Хнц. Хойники, 1975). Считается также, что снование в этот день не удастся, потому что он "берет на дочки": У понидилок нэ будэ спору, бэрэ на дочки (В. Ртн. Хотишов, 1979); У понидилок нэ снуе – ой, то богато утку, трэба кажнэй диўцэ [т.е. каждой из его дочерей] дара дати. Нэ трэ сновати ў понидилок (В. Ртн. Мельники, 1979). Снование в понедельник может привести к тому, что основа перепутается: Старые люди казали, што нэ монна сновати у понидилок [так как он берет основу] на батога – коня погоняти, повьюцца батоги [вместо кросен] (В. Ртн. Доброе, 1979). Запрет на снование в понедельник, однако, не является повсеместным. В некоторых местах этот день считается предпочтительным для снования: У понидилок снують у нас, чэтвэр, найбольш у понидилок (В. Ртн. Доброе, 1979).

Четверг наряду со вторником среди мужских дней считается обычно наиболее благоприятным для снования днем: Сновали ў среду, ў пятницу, ў чэтвер – хороший день (В. Квл. Уховецк, 1979). Однако в этот день снование может и запрещаться, поскольку иногда четверг, подобно понедельнику, относится к несчастливым дням: У понидилок мало снують – нэщасливый дэнь. И чэтвэр нэщасливый дэнь. Як дитина уродицца – нэщаслива (В. Ртн. Щедрогор, 1979). В качестве мотивировок, связанных с четверговым запретом, выступают все те же поверия о "дочках" и "батогах": Чэтвэр бэрэ на дочки, нэма спору (В. Ртн. Хотишов, 1979), бэрэ на батоги (В. Ртн. Доброе, 1979).

Запреты на снование, связанные с праздниками

В некоторых селах сновать начинают ранней осенью, причем в это время не только снуют, но и ткут: У нас до Параскевы ужэ кросна ткали осенние, просцилки або на мешки полотно. А од Окцябрьской ткали ужэ полотно (Б. Стл. Хоромск, 1976). В других местах считают, что "до Михайла трэба одные кросна вуткать, а другие ў Пилипаўку, а трэтьи з Роздва ў Мясоед, а четвёртые трэба ў пост. Да кросён пять трэба вуткать, да ўсё трэба попрасьть да поткать" (Р. Ркт. Каменное, 1978). В части сел к снованию приступали лишь весной, о чем, в частности, сообщают в письме из Хоромска: "В нас начинали сновать кросна после сретения. А кончали сновать перед Юрием. Говорили, что самое хорошее время сновать кросна од сретения до начала великого поста. Это мясоед, тогда женяца, соединяются, ето счастливое время" (Б. Стл. Хоромск, 1976). Аналогично в Сварицевичах: На усеянному можна сновать. Усеянны тыждэнь, то на мясоеди (Р. Дбр. 1978). В ряде сел благоприятным для снования временем считается масленица. Часто (особенно в украинской части Полесья) эта работа связана с великим постом: У пист начинають сновать кросна (В. Ртн. Щедрогор, 1979); У нас усе снують у пост. На першом тыжни ўжэ ў кажной хати бабы бегають (Р. Ркт. Каменное, 1978). Иногда к снованию приступают уже позже – "перед самуй Паской на паследней недзели" (Г. Хнц. Дубровица, 1975). Завершается снование в одних селах в начале великого поста, в других к пасхе или к Юрию, а порой и позже. Таким образом, оно охватывает длительный период (осенне-зимне-весенний или весенний), на который приходится большое количество праздников. Как трудный и чрезвычайно ответственный в магическом отношении вид работы снование запрещено не только "на роковэ свята" (т.е. двунадесятые праздники), но и на так называемые "присвяття": Яки ни присвятечек, ужэ не снуем. Хиба жэ не знаеш (В. Ртн. Каменное, 1978).

Прежде всего запрещается сновать "на деды" или "поминальницы", отмечаемые три или четыре (в разных местах по-разному) раза в год: "На дзяды сновать кросна ни можна, таму што праздник, дзедава нядзеля называецца, паминальная нядзеля. На этай нядзели паминающь пакойникаў, и пятницу и суботу ничого ни робяць" (Г. Хрц. Хойники, 1977, письмо). С этими задушными днями, как и с послепасхальными проводами, связано представление о приходе умерших родственников к приготавливаемому для них ужину: Дзеды есць дзеды! Обед готуюць и вэчэру и кажуць: "Душа придзе вечэраць, ўобедаць" (Б. Стл. Рубель, 1976). Полагают, что снование в такой день помешает дедам – они запутаются в кроснах: На дзеды не можно сноваты, бо дзеды, як итти будуть у хату, то запутающца у кросных (Б. Брз. Спорово, 1976); Дзедбў ноги будуць плутаць кросна, када будуць йиццы на абед (Г. Клн. Золотуха, 1975). Согласно другому поверию, нарушение запрета приведет к тому, что мертвые будут "сноваться" по деревне: "На дедовой неделе кросён не снуюць, потому что старики варят вечеру посную, не прибираюць со стола, потому, что будут мерлые сновацца в деревне, будут бачыць их тень, уроди страха" (Г. Хнц. Дубровица, 1975, письмо). Запрет соблюдается и в том случае, когда мотивировка его уже утрачена: На дедовому тыжни нельзя белья мыти, нельзя сновати. Бог ёго знае [почему] (Р. Дбр. Сварицевичи, 1978).

Среди зимних праздников, накладывающих ограничения на работы ткаческого цикла, особенно выделяется день св. Варвары – "жэ́нское свято́": На Варва́ру ни́ – нэ мо́нна снова́ти. Варва́ра свята́, и она́ покара́е. У нэ́й вэрэтёна ў грудэ́х, а ййи́х ви́дно. Она́ е ў цэ́ркви, ў хра́мови на ико́ни, за ней мо́лящца (В. Ртн. Хотишов, 1979). Выступая на украинском Полесье в функции белорусской Пятнички (богородицы), Варвара в случае нарушения запрета карает виновницу: А Варва́ра то́ ў Пили́паўку. То ни обдира́ли и миткоў нэ мота́ли, бо то варови́тэ [т.е. опасное] сви́то. Так зро́бицца тоби́, што и нэ учу́еш, з яко́го бо́ку, ци на но́ги, ци на ру́ки (В. Ртн. Пески, 1979).

Другие поверия связаны с запретами, которые продиктованы мужскими праздниками. Эти запреты имеют функцию оберега скотины: Ти́лько нэ мо́жно на Андрэ́я, на Са́вы, на Мико́лы тэ́шко роби́ти – коро́вом можэ́ што, скотини зробити, ста́ти. Ци кро́ў нападэ́ (В. Ртн. Пески, 1979). Не снуют на Миколу также и весной. Это предохраняет посевы от засорения сорняками: "Если сновать кросна на Николая, то будет сильный бурьян и все посевы уничтожит" (Г. Хнц. Дубровица, 1975, письмо).

Запрещается снование и в день св. Анны – "на Ханкэ́": На Ханкэ́ нэ мо́нна сно́вати (В. Ртн. Хотишов, 1979).

Повсеместным является запрет сновать в Новый год, рождество и последующие две недели "свичек", или "коляд". Он основан на представлении, согласно которому сновать, мотать, гнуть, рубить и т.п. в это время – значит вредить потомству. Полагают, что в результате родятся искалеченные дети и детеныши: Дитя́ уро́дзицца кале́чка, коро́ва до́брэ не сце́лицца (Б. Брз. Спорово, 1976). Согласно другому верованию, "у сви́чки нэ мо́жна снова́ти и нита вэ́чзром нэсти́, бо бу́дуть воўки́ снова́ти" (В. Квл. Уховецк, 1979). Тот день недели, на который пришлось рождество "розждяны день"), считается благоприятным для начала работ, в том числе и снования: "У нас етот день в который был праздник стретенье господне не считают. В нас считается тот день в который было рожжество господне, етот день называют розждяны день и в етот день стараются начинать любую работу. Говорать что етот день счастливы" (Б. Стл. Хоромск, 1976, письмо). Это отличает рождество от других праздников, определяющих систему ткаческих запретов, так как дни, на которые приходились такие праздники, как Благовещенье, Благовесник, Евдокия, в меньшей мере Сретенье, весь год считаются непригодными для снования.

Период масленицы в отношении снования расценивается либо как совершенно непригодный, либо, напротив, как чрезвычайно благоприятный. Запрет на снование на масленой неделе в первую очередь связан с суеверной боязнью помешать скотине "полевать": У на́с на ма́сницу нэ сную́ть, затэ́м што, за пробачэ́ннем, коро́ва нэ пополю́е (В. Ртн. Мельники, 1979); У ма́сницу нэ даю́ть снова́ти: у кого́ е́сть коро́ва, то она́ нэ поби́гае за одни́м ра́зом и бу́дэ зрыва́тиса полёва́ти, ху́тко нэ поби́гае (В. Ртн. Пески, 1979). Запрет мотивируется также опасением испортить ритуальную масленичную пищу: Старые лю́ди говоры́ли, бо у ма́слови бу́дуть чэрвяки́, у са́лови снова́тиса (Б. Млр. Олтуш, 1977); На ма́сницу, праўда, нэ снуе́мо. Ка́жуть, ма́сла нэ бу́дэ (В. Ртн. Забродье, 1979). В части сел период масленицы считается благоприятным для снования временем: "На масляной недели у нас все стараюцца кросна посновать, потому што это хорошая неделя, безуредная" (Г. Хнц. Дубровица, 1975, письмо). В. д. Особой полагают, что сно-

вание на этой неделе обеспечивает успешное завершение работы в будущем: То ка́жуть, як на ма́сницу осную́ш, упа́рыш, пэрэтрасэ́ш, то бу́дэ бэльі́цца до́брэ (Б. Млр., 1977). В с. Рубель работа в это время разрешается ввиду приближающегося поста — основного времени снования: Снова́ли на ма́сницу, снова́ли у на́с, уже́ захо́дицца по́ст (Б. Стл. Рубель, 1976). Кроме указанных четко выраженных рекомендаций в отношении снования на масленицу, фиксируются также случаи ограничения запрета благодаря некоторым дополнительным факторам. Так, например, из Хоромска сообщают: "На масленой неделе ежели попадала первая чэтьверть молодика, то сновали" (Б. Стл. Хоромск, 1976, письмо). В с. Сварицевичи рекомендация обусловливается характером сырья, предназначаемого для основы: То́лько на ма́сляну пабо́льш ча́сть сукни́ну снова́ли (Р. Ркт., 1978).

Как уже отмечалось, сновали преимущественно в течение великого поста. При этом в работе делался перерыв, когда подходил тот или иной праздник (например, день св. Евдокии). Кроме того, запрещалось работать в определенные дни и недели самого поста. Прежде всего, это относится к его первому понедельнику: Е пу́шчэнье постовэ́ и пу́шчэнье пэтри́ўскэ и пэрэд пили́паўкою.У пу́шчэнье ни́, ни́, нэ мо́жна ничо́го роби́ти (В. Ртн. Хотишов, 1979). Запрет этот связан с легендой о сотворении мира: Як бу́деш хозя́йкой, оно́ не сну́й кросе́н ни ў яки́й у по́ст, ни ў пе́рвый, ни ў пе́рвый у понедзе́лок, потому што ў понедзе́лок засно́вываўса све́т и то́лку з них не бу́дзе, бу́дзеш перамо́та кла́сьць (Б. Стл. Рубель, 1976). С то́й же легендой связан запрет на снование во все постовые субботы: У субо́ту нэ снова́ли ў пи́ст, бо сви́т снова́ўса (В.К.-Кшр. Черче, 1979). Распространен также запрет на снование в первую или все постовые пятницы: На ма́сницу прэ́ли, снова́ли, а у пэ́тницу ў пи́ст нэ снова́ли (В.К.-Кшр. Черче, 1979). Мотивируется этот запрет неблагоприятным влиянием вытканной по этой основе ткани на того, кто будет носить сшитую из нее одежду. Так, из Хоромска сообщают: "В постовые пятницы что касается полотна, то ничего не делали: не мотали, не сновали, не мяли, не мыкали, не ткали. Постовые пятницы со льном ничего не делали, а также и с вовной и с коноплей. Говорили, что такое полотно или сукно будет несчастливое, и боялись, чтоб с тым, кто его будет носить, не случилось что плохое" (Б. Стл. 1977).

Широко распространено запрещение сновать на четвертой неделе поста, называемой срэдохрэ́сны ты́ждэнь (В., а также Б. Стл. Рубель, Б. Дрг. Сварынь), хрэстовы́й ты́ждэнь (Р. Дбр. Сварицевичи), хрэ́сны ты́ждэнь (Р. Ркт. Каменное), христы́ (Р. Дбр. Озерск): У хрэстовы́й ты́ждэнь нико́ли не снова́ли. То называ́ецца хрэстовы́й ты́ждэнь, што серод по́сту (Р. Дбр. Сварицевичи, 1978). Соблюдение запрета предотвращает ошибки при сновании, затрудняющие навивание основы и само тканье: Нэ сную́ть на срэдохрэ́сным ты́жни, бо бу́дуть хрэсты́. Коня́ поло́жыш, бу́дэ ки́нь [иначе "перемота" или "переход" — ошибка при сновании, заключающаяся в пропуске очередного колышка при наложении основы], бу́дэ меша́ти наклада́ти на кро́сна (В. Ртн. Хотишов, 1979); На срэдохре́сным ты́жни нельзя́ снова́ти, бо хресты́ бу́дуть, як тка́ти (Б. Дрг. Сварынь, 1963); Снова́ти нэ мо́жна, то ў пи́ст срэдохрэ́сны тыждэ́нь. Ка́жуть, бу́дэ плюта́цца, лапэ́ такэ́ бу́дуть, як навива́ти (В. К.-Кшр. Черче, 1979). Считают, что даже опытной мастерице не удается этого избежать: У нас у пист срэдохрэ́сны ты́ждэнь зовэ́цца. Нэха́й хто уми́е, усе рауно бу́дуть крыжы́ (В. Ртн. Пески, 1979).

С тем же представлением связывается запрет сновать на похва́льном ты́жни, т.е. на пятой неделе поста: У похва́льный ты́ждзень бо́йся як вагню́ снава́ць – пахва́лишса аснава́ць, да не пахва́лишса знаси́ць, ву́ткаць. Перамо́та, недоху́д [ошибка при сновании, когда основу накладывают на тот же самый колышек еще раз] получа́ещца (Г. Хнц. Дубровица, 1975). Может случиться беда и с уже вытканным полотном, о чем свидетельствует быличка из Золотухи: Молода́я була́, на пахва́льной недзе́ли уснава́ла, вы́ткала перед вели́каднем. Стары́е ка́жуть: "Пахвали́ласа ву́ткаць, не пахвали́ласа знаси́ць". [Когда стали расстилать полотно белить], пасла́ла при́ даро́зе. Кабана́ смоли́ў чолови́к, и аго́нь гэ́той на палатно́. [Полотно сгорело, а старичок сказал:] "Пахвали́ласа ты, маладзи́чка, зраби́ць, пахвали́ласа ву́ткаць, да не пахвали́ласа знаси́ць" (Г.Клн. 1975). Другие полагают, что нарушение запрета скажется на весенней погоде: На похва́льном ты́жни то́жэ нэ снова́ли. Ка́жуть, на похва́льном ты́жни нэ мо́жна: похва́лицца ўсё тэпло́м, ўся́кою вэсно́ю (В. Ртн. Щедрогор, 1979).

На период великого поста, как известно, приходится ряд праздников. Запрет сновать может связываться и с этими днями. Так, неудачей в работе чревато снование в день обретения главы Иоанна Крестителя, который называют обычно обрэта́ние: Ужэ́ як на обрэтэ́ния – на головоси́ка отсика́ли го́лову Іва́на Кристи́тэля, а на обрэтэ́ние [она] вэрта́ецца – нэ мо́жна и снова́ти и навива́ти нэ мо́жна: крыжы́ поро́бяцца (В. Ртн. Пески, 1979). Запрет на снование в день Евдокии имеет локальный характер и обычно не мотивирован: На Евдо́ху [нельзя] пра́сти, снова́ти, тка́ти и абсолю́тно ничо́го. Свя́то и ўсё, раз нэ ро́бимо – то свя́то (В. Ртн. Хотишов, 1979). Мотивировку запрета удалось зафиксировать лишь один раз: Явдо́кья – свя́то, потому́ што пэ́рвый дэ́нь вэсны́ – трэ́ба шанова́ты (Б. Млр. Осовая, 1977).

Особенно строго соблюдается запрет сновать в день сорока мучеников (сорокэ́) и на благовещенье. Сновать на сорокэ́ – значит потерпеть неудачу – будут ошибки: Нэ снова́ли мы на сорокэ́, бо бу́дуть ла́пы соро́чьи – называ́ющца конэ́. О́т коню́ накла́ла, называ́ецца ки́нь (В.К.-Кшр. Черче, 1979); Сорокэ́ – на сорокэ́ у нас пра́вилоса ў цэ́ркви – со́рок му́чэников. О́й, сохрани́ бо́жэ, каза́ли, то гри́х, як у цэ́ркви пра́вицца, то гри́х, ци́лы дэ́нь нэ мо́нна снова́ти и навива́ти. Так як у нидэ́лю, так у сорокэ́ (В. Ртн. Хотишов, 1979).

Повсеместно запрещено сновать на благовещенье. Значение праздника в народном представлении столь велико, что связанный с ним запрет может распространяться на смежные с ним дни. Так, нельзя сновать в канун праздника: "Накануне благовещения в нас никто никогда не сновал, считали, что это большой грех" (Б.Стл. Хоромск, 1976, письмо). Кроме такой общей мотивировки запрета распространены конкретные, которые объясняют его стремлением избежать неудач в работе: При благове́шчэни нэ сную́т ля того́, што сно́ва бу́дэ нэ роспу́шчэна ў чыны́ (Б. Млр. Осовая, 1977). В других селах на канун праздника запрет не распространяется, однако, работая в это время, соблюдают определенные предосторожности. Так, из с. Дубровица сообщают: "Накануне благовещенья кросны сновать можна, потому что это не благовещеньская неделя, кросна посновать, положить у чина на печ, замком замкнуць, покуль не пройдя благовещенья, а потом можно распинать и ткать" (Г. Стл. 1975).

Запрещается сновать и на благовúсник: благовэ́сник – пóслэ благовэ́шчэнья дэ́нь. У тóй дэ́нь ничóго такóго нэ рóбять, сэмя́н нэ сúють. Дэ́ там сновáть! дáжэ ў пóлэ нэ идýть – ничóго (Б. Млр. Олтуш, 1977).

Иногда не снуют в течение всей благовещенской недели. Об этом, в частности, сообщают из Хоромска: "На благовестной неделе в нас не сновали, бо считали благовестную нúделю святою неделею" (Б. Стл. 1976). Нарушение запрета навлечет змей или волков, приведет к тому, что скотина будет "блудить" в лесу: На благовúсным ты́жни ни навивáють кросён, ни снýють – нашчёт, мýсить, гадю́к (Б. Брз. Спорово, 1976); "Плохо для худобу, будуть звяры [т.е. волки] в лесе нападать, будет блудить по лесу, а домой не придет" (Г. Хнц. Дубровица, 1975, письмо). Именно поэтому, как подчеркивается в том же сообщении из Дубровицы, "благовещенской недели все боятся, даже будут люди ругать, если кто будет сновать на этой недели".

В западной части Полесья, где в прошлом жили не только православные, но и католики, запрет касался также промежутка времени между благовещеньем католическим и православным, когда "кроснов сновать нельзя, потому что все хозяйство [т.е. скот] будет блудить, незаходить в двор" (Г. Хнц. Дубровица, 1975, письмо). В том же селе Дубровица считают, что нарушение запрета угрожает не только скоту, но и всему хозяйству: Ля худóби, ля сéлишча пагáна – ўсе снуéцца, гдзе якú казяўки, ўсё такó пагáно, ў лéсе якú слýчай з худóбай. Запрет сновать мог распространяться на весь год и относиться к тем дням недели, на которые пришлось в этом году благовещенье: Примэ́рно, у якúй дзэнь булó благовúшчэнье, ничóго нэ рóблять, ничóго нэ мóжна сновáти, хоть бы цы́лый год (В.Ртн.. Забродье, 1979).

С точки зрения народных представлений, связанных с ткачеством, особо выделяется страстная неделя. В некоторых местах полагают, что это время благоприятно для начала работ ткаческого цикла: Перяд сáмую пáской на паслéдней недзéле аснýй да навúй да разрéж чынá, штоб аснóва на навóйлоки булá (Г. Хнц. Дубровица, 1975). Иногда для этого выбирают определенный день страстной недели, например понедельник.

На саму пасху не работают. Не работают и всю пасхальную неделю: "В нас называется ета неделя валиконная неделя, и етот тыждень святой тыждень. В нас од паски до радовницы также считали святой тыждень и никто никогда не сновал" (Б. Стл. Хоромск, 1976, письмо). После пасхи в одних селах не снуют, в других – работа продолжается, и соответственно, и в этот период имеются запретные дни для ее выполнения. Прежде всего это Фомина неделя, называемая в Полесье проводны́м ты́жнем, на которую приходится радуница – один из основных поминальных праздников: "После пасхи кросён не снуюць, потому что это святая неделя, у нас бывает радавница, ходят на клатбище отведать умерших" (Г. Хнц, Дубровица, 1975, письмо). Запрет не всегда распространяется на всю неделю, ограничиваясь порой лишь собственно радуницей. Сновать в это время – значит мешать коровам "гулять": Прóводы после взлúкдня сновáти нэ мóжна: здаéцца, коровы нэ бýдуть бúгать (В. Ртн. Мельники, 1979).

Неукоснительно соблюдается запрет сновать на Юрия – осеннего и, тем более, "весняного": На Ю́рия – тó у нас вэлúкэ сýато – никóли нэ сновáли (В. Ртн. Забродье, 1979). Представление о Юрии как покровителе скота находит выражение и в мотивировке запрета, выполняющего функ-

цию оберега: На Ю́рью, Ю́рий, Пэрако́п, Микола́й – гэ́цие су̑ата́ нашчо́т худо́бы ничо́го не мо́жна роби́ть. На Ю́рия весняно́го су̑аткуе́мо ля худо́бы, у друго́го у Пили́паўку то́жэ су̑аткуе́мо (Б. Стл. Рубель, 1976). В письме из Дубровицы последствия нарушения запрета конкретизируются следующим образом: "Если сновать кросна на Юрие, то кони лошаты [т.е. жеребят] скидать будут" (Г. Хнц. 1975).

Зафиксирован запрет на снование в среду на преполовение: прэполови́нна сэрэда́ – у сэ́рэду нэ сну́ють и нэ си́ють (В. Ртн. Забродье, 1979). В некоторых селах запрещается сновать между Юрием и Николой: "Между Юрием и Николаем кроснов сновать нельзя. Если сновать кросна на Юрие, то кони лошаты скидать будут. А если сновать кросна на Николая, то будет сильный бурьян и все посевы уничтожить. Поэтому между Юрием и Николаем кроснов сновать нельзя" (Г. Хнц. Дубровица, 1975). В других местах запрет объясняется тем, что это время приходится как раз на те две или три недели после пасхи, когда сновать запрещено: "Сярод Миколам и Юрьём сноваць кросна ниможна, тому што пасля паски тры нядзели сноваць кроснаў ниможна, а етыя дни пападаюць на этих нядзелях" (Г. Хнц. Хойники, 1975, письмо). В некоторых местах кончают сновать раньше: "В нас старались посновать и поткать кросна до паски, а паска поздня, то с Юрием и после Юрия не сновали и не ткали" (Б. Стл. Хоромск, 1976, письмо). Позже практически не снуют вовсе. Однако засвидетельствован все же запрет сновать на троицу. В с. Дубровица он мотивируется боязнью вызвать русалок, которые, если его не соблюдать, будут "сноваться" на русальной неделе: "На троицу кроснов не снуюць, потому что троица, а за ней русальная неделя. Будут сноваться русалки вокруг деревни, тады люди будут боятся выходить" (Г. Хнц. Дубровица, 1975, письмо).

Регламентация снования
в зависимости от фаз месяца и времени суток

При сновании, как и при некоторых других работах, большое значение придается фазе месяца. Сновать принято в первой четверти ("на сема́к", "у семачка́"): Са́мо кра́шчэ, говоря́т, я замэча́ла по стары́х людэ́х, як сэма́к молоди́к – сем дней снова́ть (Р. Дбр. Сварицевичи, 1978); На вусьмо́й дзень сную́ць на маладзику́ (Г. Клн. Золотуха, 1975). Снование "под поўню", по народным представлениям, экономит пряжу, много пряжи остается на уток: "Само найлучше старалися сновать под повну, чтоб было вутку повно, чтоб клубки остались большие, то вутку повно" (Б. Стл. Хоромск, 1976, письмо). Выполнение предписания сновать при полном месяце ("як месяц здоровый") должно обеспечить прочность сотканному по такой основе полотну: На ста́рым ми́сяци найли́пш снова́ти, того́ што на ста́рым ми́сяцеви оно́ [полотно] бу́дэ до́ўшэ дэ́йствовати. Молоды́ ми́сяц, вин ужэ́ исчэза́е, ро́бицца стары́й – ужэ́ до́ўш дэ́йствуе на ста́рым мэ́сяци (В. Ртн. Хотишов, 1979). Снование "на молодику́", т.е. "на молоды́м ми́сяцеви, як он наста́ў", противопоказано, поскольку полотно из этой основы будет непрочное или редкое, о чем сообщают из с. Хойники: "На маладику у нас не снують, кажуть: аснуй на маладзику, дак будет маладое [т.е. редкое] палатно" (Г. Хнц. Хойники, 1975, письмо). Говорят также, что не хватит пряжи на основу: Як молоди́к, не трэ́ба снова́ть у молодику́, як ме́сяц

маленький, трэ́ба под по́ўню: бу́дэ пога́но с пра́жэю (Р. Ркт. Каменное, 1978).

По этой же причине не рекомендуется сновать и "на схо́дних днях", когда месяц на ущербе: На́да снова́ць кро́сна пад по́ўню, бо на схо́дних днях пага́на: на схо́дних днях на́да бага́та кро́снаў на асно́ву (Г. Хнц. Дубровица, 1975).

Нередко считают, что для того чтобы "кросна" удались, лучше сновать с утра или, по крайней мере, в первой половине дня: "Як сонцэ всходить и играе, так и кросна будуть ткаца играючи" (Б. Стл. Хоромск, 1976, письмо). Говорят также, что это способствует благополучию и долголетию тех, кто будет носить одежду из полотна, сотканного по этой основе: Зра́нку ране́нечко снова́ли, штоб и дзень буў свобо́дны, век буў до́ўги (Б. Стл. Хоромск, 1976). Снование по вечерам, особенно после захода солнца, может, по народным представлениям, привести к тому, что корова, свиньи и куры будут "сновать", т.е. не будут возвращаться домой: "Снуюць кросна усегда да абеда, бо ни можна снаваць вечерам, будуць снаваць и куры, и свиння, и карова у леси, только нада снаваць кросна да заходу сонца" (Г. Хнц. Дубровица, 1976, письмо).

ОБЕРЕГИ ПРИ СНОВАНИИ

Для предупреждения порчи при сновании и обеспечения успеха в работе как сама мастерица, так и те, кто приходит в это время в дом, используют различного рода обереги и вербальные формулы. Прежде всего, большое значение придается ритуальной чистоте исполнителя. Так, не снуют во время месячных, накануне снования избегают половых сношений, работают в чистой одежде и т.п.

Снование в читой одежде – наиболее распространенный магический прием, имеющий как профилактическую, так и продуцирующую функцию. По сообщению из Хоромска, оно способствует быстрому белению ткани и делает ее "счастливой" для того, кто будет носить сшитую из нее одежду: "Женщина, которая собирается сновать кросна, обязательно должна надеть чистую одежду, чтобы полотно было счастливое и быстро белилось" (Б. Стл., 1976). Особенно строго следят за "чистотой" при сновании, когда полотно предполагают отдать в приданое невесте или пожертвовать в церковь: "Каторая жанчына думая снаваць рушники (палаценцы), адзяе чыстую адзежу, патаму што яна думае так, асную кросна, дажду якого празнику, занясу у цэркву и атрэжу кусок палатна и абракаецца на сваю сямью" (Г. Хнц. Дубровица, 1975, письмо). В таких случаях кроме обычных предписаний рекомендовались дополнительные. Например, выполняя работу, обязательно нужно было быть в хорошем настроении, "патаму што абракаецца у цэркви на сямью, штоб уси были вяселыми, а ни смутными" (там же). Перед началом работы молились и начинали сновать натощак: "А як сновали наметки то рано молились богу, и ничего не ели (не кушали) насчосердце, и одевалиси все чистое и старались быть очень веселыми. Потому што наметки давали в церков на оброки, и як девушка иде замуж то накрывали наметкою, то считали что наметки ето святое полотно" (Б. Стл. Хоромск, 1976, письмо).

Воздержание от пищи вообще способствует удаче в работе. Работа на

сытый желудок может привести к тому, что пряжи не хватит не только на уток, но и на основу: Як снують, ни йидять – зайидаеш спору, спору нэ будэ. Можэ нэ хватити пряжы – основы на кросна (Р. Дбр. Озерск, 1979). В других местах магическое значение приписывается состоянию сытости. Так, по сообщению из Хоромска, стремясь обеспечить достаточное количество пряжи на уток, здесь перед тем, как начать работу, старались закусить, считая, что в противном случае "как в жолудку пусто, то и вутку будет пусто" (Б. Стл., 1976).

Запрет сновать во время месячных мотивируется тем, что ткань, вытканная из такой основы, будет непрочной и "несчастливой": "Как вжэ прекращаецца, то тогда надо чистое все надеть, и можно сновать, штоб полотно было счастливое и крепкое" (Б. Стл. Хоромск, 1976). Изредка встречается запрет на половые сношения накануне снования. Информанты часто подчеркивают, что это старый обычай, выходящий или уже вышедший из употребления. Например, в с. Рубель один восьмидесятилетний старик говорил: "Гэто не за нас. Як заўтра сновать, вона ужэ ў койку не пойдзе до мужика" (Б. Стл, 1975).

Для обеспечения меньшего расхода пряжи при сновании запасные клубки или починки (т.е. веретена с намотанной на них пряжей) накрывают: Сховать трэба, закрыть, штоб мэньшэ пошло на основу (Б. Млр. Осовая, 1977). Это магическое действие может быть связано с антропоморфным представлением об основе: У нас тилька як йидэш сновати и нэсэш починка ци на клубках, то снуе те, а тые накрываe, штоб нэ дивиласа основа, што богато е там на основу и штоб миньш пишло на основу (В. Ртн. Хотишов, 1979).

Иногда магическая сила приписывается орудиям труда. Так, например, продуцирующая способность приписывается колкам, на которых производится снование. Считают, что чем больше число колков, тем большееснуется: У нас стары люди говорили: "Набьеш богато колкоў, штоб богато було" (В. Ркт. Каменное, 1978). Порой предпочитают сновать старой ложкой, что объясняется не только утилитарными причинами (считают, что работать ею удобнее, чем дощечкой-сновальницей), но и магическими свойствами ложки: "Некоторые сновали старой ложкой. Говорили, что ложка отгоняе уроки" (Б. Стл. Хоромск, 1976).

Человек, входящий в дом, где идет работа, не только похвалой, высказанным или мысленным недобрым пожеланием, но и просто взглядом может "сурочить", навести порчу. Для предупреждения "уроков", или "пристрека", используются различные обереги. В первую очередь это металлические, главным образом острые предметы: игла, нож, топор, молоток или просто железка. Прежде всего, для предупреждения сглаза в стену, на которой снуют, затыкают одну или две иголки: Затыкае дзве иголки, дзе снуюць, а то ў дзяреўни ўсякие вочи е – ни даснуеш, нитки будуць рвацца, блытанне будзе (Г. Хнц. Дубровица, 1975); Колись придэ, кониў накладэш. Я затыкала, штоб була иголка з ниткой. Она ей нэ бачыть (В. Ртн. Мельники, 1979). Затыкали иголку и в починки или клубки пряжи, когда шли сновать в чужой дом: Як йидем сновати ў чужу хату, тычэмо йиголку ў почынки. У один уткнуў, а другие так, штоб нэ урик, штоп хватилоса ниток, штоб нэ рвалиса (В. Ртн. Доброе, 1979). Иногда к стене кладут топор или молоток – "або сокирка, або кливэц, з двох однэ" (В. Ртн.

Каменное, 1978): Соки́ру кла́ли пид ла́укою, на тэй стэ́нци снуе́ш (В. Ртн. Мельники, 1979). Иногда женщина привязывает нож к поясу: "Как снують, то кладуть обязательно топор, дажэ некоторые жэншчины вешають в поясницэ складаны нож. Это од уроков, штоб не поврочили" (Б. Стл. Хоромск, 1976, письмо). Реже к стене кладут угольки: "У нас некоторые коло топора клали и угольки. Некоторые клали двенаццать, а некоторые клали только три. Но это все од уроков" (Б. Стл. Хоромск, 1976, письмо). В качестве оберега применяется также льняное семя, которым посыпают клубки пряжи и помещение во время снования. При этом иногда сами себе переходят дорогу: Моя́ ма́ти, як начина́ем снова́ти, пройшла́ ки́лька раз и до́рогу пэрэхо́ди сама́ соби́ – вы́йдэ на двир да наза́д у ха́ту. Се́мне посы́пала по ха́ти, по клубо́чках льняно́го посы́пле и "на́, – ка́жэ, – снуй!" (Р. Дбр. Озерск, 1978).

Когда сновали в чужом доме, предпринимались и другие предосторожности. В частности, в качестве оберега применялись хлеб, соль и свечка, которые приносила с собою мастерица. В одних случаях считают, что это обеспечит успех в работе: Возьме́ш кусо́чэк хле́ба, занесе́ш тэй хозя́йке, у кото́рой снова́ли, поло́жыш. Поло́жымо той кусо́чэк, як придзе́мо с клубка́ми, на стол поло́жымо и беро́мса снова́ць почына́ём, штоб до́брэ снова́лось, хорошо́ было́ (Б. Брз. Спорово, 1976). Принесенное оставлялось в доме, где сновали: Идэ́ ў чужу́ ха́ту снова́ти, нэси́ хли́б и соль и сви́чэчку ў клубки́. Там она́ оста́уля́е хозя́йки, дэ снуе́, там остауля́е ўсе (Р. Дбр. Озерск, 1978). Во время работы хлеб, соль, свечку иногда клали поближе к снующейся пряже: "В нас, как идуть сновать кросна, то беруть с собой хлеб и воткнуть туда соли. Этот хлеб некоторые кладуть возле клубков, а некоторые кладуть, где делаюцца пасма" (Б. Стл. Хоромск, 1976, письмо). С другой стороны, по сообщению из Дубровицы, хлеб приносили с собой во избежание потери будущего урожая льна: "Хлеб прыносяць це, каторые занимаюцца плахими дзялами. Людеи баяцца, каторыя прыходзяць снаваць кросна, каб у их ни звёўся лён. Сабе астаўляюць лён, а таму, у катораго снуе, астаўляе печаны хлеб. Яны прыносили хлеб для таго, коб у их ни звеўся лён. Харошыя людзи такими дзялами не займаюцца, тольки прыносяць це, каторыя занимаюцца калдауством. Их клали на стол, а ни хочуць, каб их хазяин бачыў, кладуць у куток, каб той хазяин не знаў. Пры этом гаварыли такия словы: "Табе плот, а мне плод" (Г. Хнц. 1975, письмо).

Начиная сновать, для обеспечения успеха в работе произносят традиционную вербальную формулу. Одни формулы приурочены именно к снованию, например: "Приспори́, бо́жэ, ў чинка́х и клубка́х" (Р. Дбр. Озерск, 1978). Другие представляют собою универсальную молитву перед началом работ: За яку́ робо́ту не беро́мся – чи ў по́ли, чи до́ма, говорим: "Го́сподзи, поможы́!" (Б. Стл. Рубель, 1976). Варианты этих формул: "Го́споди (или бо́жэ), помози́ (или помо́ж, приспори́, посо́б)", а также с обратным порядком слов: "Поможы́ (или помога́й и т.п.), бо́жэ (или го́споди)". Формулы-молитвы могут иметь более развернутую форму: "Го́споди, посо́б! Дай бо́жэ, штоб у до́бры час зачэ́ти, а ў ли́пши кончэти" (В. Ртн. Доброе, 1979). Произнося слова формулы, обычно трижды осеняют себя крестом, однако в некоторых селах бытует представление, что при сновании креститься нельзя, чтобы не было ошибок при работе – "кресты", "перемоты" и т.п.: Пэрэхрысты́тыса нельзя́, бо бу́дэш пэрэмо́ты класть (Б. Млр. Осовая, 1977).

Особенно строго регламентируется поведение лица, приходящего во время снования. Иногда как в высшей степени нежелательный расценивается не только приход постороннего, но и члена семьи: Не дай бог! Як знáю, што вонá снуé, то не йду, на порóзе сижý" (Б. Стл. Рубель, 1976). Запрет входить в дом, где снуют, объясняется боязнью порчи. Считают, что "е людúна хорóшая до пэрэхóду, а е плохáя" (Р. Дбр. Лесовое, 1978). Кроме лиц, которые могут сознательно навести порчу, т.е. колдунов, особенно опасными являются те, кто в детстве дважды отнят от груди: "Говорять, что он плохой, и на глаза, ето зглазить или зурочить, и на слова, ето говорять, на вымов плохой. Такой человек може повредить что перемоты положиш или клубки малые останутся и вутку будзе мало. Вот такой человек может повредить нетолько взглядом, но и подумом. Например может подумать: вот большие клубки вот и выснуеш много" (Б. Стл. Хоромск, 1976, письмо).

Полагают, что приход постороннего вызовет ошибки в работе: Як снуéмо, а хтось пришóу, – "Сýка, – кáжэ, – то врэ́дная сýка!" И коня́ положы́ла, як пэрэкрыжовáла (В. Ртн. Заброды, 1979). Он может также вызвать большой расход пряжи: То врóде, кáгуть, як йúнша придэ́, то богато пуйдэ́ прáжы (Р. Ркт. Каменное, 1978).

Для того чтобы не сглазить работы, посетитель, войдя в дом, должен прежде всего бросить вэгляд на "бáлёк" (перекладину на потолке) и посмотреть на ногти: Дивúлися на нúхти, коб нэ поурóчити, як крóсна тчэ и снýе, коб нэ рвáлися, коб дóбрэ ý рукáх шло (В. Ртн. Пески, 1979); Подивúсь на бáлёк, на нóхти подивúсь (В. Квл. Уховецк, 1979). Если опасались, что он забудет это сделать, ему напоминали: "Подивúся-но на нúхти, подивúся, штоб ты нэ поурóчила мэнú" (В. Ртн. Хотишов, 1979). Затем вошедший должен был бросить в основу уголек из печи, "печину" (кусóчек глины от печки) или щепотку пыли из-под порога: Хто ýходи другэ́й, то вжэ кúдае пэчы́нку, кажэ: "Дай, бóжэ, спир", штоб онá спорúласа (В. Ртн. Речица, 1979); Вэзмэ́ жарúну и ýкинэ: "Дай, бóжэ, спир" (В. Ртн. Хотишов, 1979).

Все эти действия сопровождаются определенными словесными формулами, которые являются наиболее сильными оберегами от сглаза. Входя в дом, сразу оговаривают свой приход: "Ой, штоб не погáна на пэрэхóд була, штóб хватúло оснóвы" или: "Ой, штоб я на пэрэхóд дóбра булá, штоб у вас хватúло оснóвы" (Р. Ркт. Старое Село, 1978). Если работа была удачной, то мастерица потом обязательно похвалит посетительницу: "О, якá ты дóбра на пэрэхóд, шчэ и остáлись клубóчки" (там же).

Наиболее распространены формулы-пожелания, в которых глагол, как правило, стоит в форме повелительного наклонения. Они имеют двучленную структуру и бывают рифмованными. Содержащееся в них пожелание сводится к тому, чтобы пряжи хватило на уток и чтобы работа спорилась. Особенно широко бытует формула типа "Нехáй снуéтся и на утóк остаéтся", например: "Хай снуéцца да на утóк остаéщца", "Коб сновáлоса й ишчó на утóк оставáлоса" (В. Ркт. Хотишов, 1979). Ее варианты: "Што застáла, то на утóк" (Ч. Рпк. Старые Яриловичи, 1980), "С колкá на колóк, штоб остáло на утóк" (Б. Брз. Спорово, 1976). Последняя модель представлена серией текстов: "Из куткá у кутóк, штоб хваты́ло на утóк" (Б. Млр. Олтуш, 1977), "Спóр на колóк, а што зостáло, нехáй на утóк" (Г. Клн. Зо-

лотуха, 1975) и т.п. Наиболее развернутое пожелание содержат формулы типа "Спешно, спорно, с чого основа, с того уток" (Б. Стл. Рубель, 1976), "Спорно да уточно, што застаў, штоб на уток" (Р. Ркт. Каменное, 1978).

Другую группу образуют формулы констатирующего характера с глаголом в форме изъявительного наклонения: "На уток принесе и коток" (В. Ркт. Каменное, 1978), "На уток принесе и чэрток" (В. Ртн. Забродье, 1979). Все специальные формулы могут предваряться универсальными типа "Приспори, боже", "Дай, боже, спор" и т.п. Универсальные формулы употребляются и сами по себе: Бэруть три уголинки ци дви и кидають на стэну: "Дай, божэ, спир добры" [или] "Дай, божэ, спир зо ўсих сторин" (В. Ртн. Щедрогор, 1979).

Если посетитель не высказывает положенного пожелания, произносится одна из формул, отворачивающих "уроки": "Цур табе да пячыма дай с тваими вачыма" (Г. Хнц. Хойники, 1976, письмо). Основной формулой этого типа является формула: "Соль тебе в очи". Она бытует в виде ряда более или менее развернутых вариантов: "Силь тоби ў очи, а камень ў зубы" (В. Ртн. Пески, 1979), "Соль тоби ў очи, камэнь ў груди, пэчина ў зубы" (Б. Млр. Осовая, 1977). Другая формула строится по модели "Соль и печына с твоими очыма, цеглина ў зубы, штоб попухли губы" (Б. Стл. Рубель, 1976). При этом, когда посетительница уходила, вслед ей действительно могли кидать уголек: Як пойдэ, то уголька кидали за ею и говорили: "Соль тоби ў очи" (Б. Млр. Олтуш, 1977).

Пришедший ни в коем случае не должен хвалить работу: "Може похвалить: вот хорошо снуеш и тогда перемоты положиш. Може сказать: вот скоро бегаеш, и може заболеть нога или живот и тогда ледьво доснуеш" (Б. Стл. Хоромск, 1976, письмо). Того, от кого можно ожидать, что он скажет: "Ой, то добрэ снуещца, и ни одна нитка не сорвещца" (Р. Ркт. Каменное, 1978), – не пускали в хату.

Существует ряд негативных формул-пожеланий, произносить которые строго запрещается. Верят, что сказанные даже в шутку, они могут исполниться: Як снуеш, а гинша скажэ: "Як колок, то й клубок, а чына, то и два", – та баба готова забиць цебе цем клубком (Б. Стл. Рубель, 1976). Помимо формулы "что колок, то и клубок", распространена также формула типа "Хай добре снуется, да нитка рвется". На такие пожелания отвечают формулой, отворачивающей "уроки".

Если обычно приход постороннего во время снования расценивается как нежелательный, то в некоторых селах, напротив, он ритуально необходим. Женщины следят за тем, кто когда снует, и специально идут в такой дом. Считают, что они приносят "спор": Пришла – спир принэсла (В. Ртн. Доброе, 1979). При этом, чтобы не унести "спора", нельзя уйти раньше определенного момента: От, як бэруть починаеш сновати тые нитки, то штобы нэ выходила [зашедшая], поки нэ положыш на стэни, бо нэ будэ спору. То як обложымо на стэну [т.е. один раз на все колочки], то можна выходити (В. Ртн. Хотишов, 1979). Там, где существует такого рода ритуал, употребляются вербальные формулы, обыгрывающие слово *бежать*: "Я хутко бигла, штоб тоби хутко основати" (В. Ртн. Забродье, 1979) или: "Я бигла бигом, штоб нитки бигли" (В. Квл. Уховецк, 1979). Они могут выступать в виде диалога между работающей и пришедшим, типа: "Ты бигом биг чи нэ?"

МАГИЧЕСКИЕ ДЕЙСТВИЯ С ОСНОВОЙ

Завершение снования

Если при окончании работы остается излишек основы, который приходится отрезать, считают, что она прялась в неурочное время: У кого богато дочок, то праде ў середу и пятницу, а як стане сновать, то одризуе середу, пятницу, бо концы не сходяцца. [Одна женщина считала, что среда и пятница покровительствуют ей]. Она ужэ кагэ: "Мне середа, пятница помогае". Сновала и ўсё рауно такие куски одрезала от стены. То казали: "Это тоби пятница ўсе. Это пятница и середа, што ты прала! Это тоби дочки! Середа на дочэк бере, а пятница, як трапицца" (Р. Ркт. Каменное, 1979).

Кончив сновать, мастерица снимает основу со стены и сплетает ее "ў косу" или "ў плецёнку". При этом в некоторых селах обращают внимание, уйдет ли в петли вся основа целиком или же в руке останется конец. По результатам судят о количестве пряжи, которая останется "на уток": Если нема на руке хвостового, то утку недохват, а если остаецца, то уток будзе, ешче останецца (Г. Клн. Золотуха, 1975).

Со сплетенной основой производится ряд магических действий, направленных на обеспечение будущего урожая льна и успеха в дальнейшей работе. Так, для того, чтобы лен рос высокий, мастерица поднимает основу над головой: «Падымали кросна ўверх, пры етым казали такия слова: "Нихай мой лён вышэй расце"» (Г. Хнц. Дубровица, 1975, письмо). Троекратный удар сплетенной основой по стене, лавке-основнице должен обеспечить основе прочность. При этом произносятся специальные приговоры: "И ударяють кроснами об стену и говорять, чтоб кросна были такие здоровые, как ета стена" (Б. Стл. Хоромск, 1976, письмо); Зняли – у косу, коскою плетём, и так его на руки, и зара тым концом по стенцэ: "Як стенка не вогнецца, то и нитка не оборвецца. А як стенка вогнецца, то и нитка оборвецца". Три раза и бьём и кажэмо (Р. Ркт. Каменное, 1978); Три раза сновою зобраной по основницы: "Сновалоса – рвалоса, тчитэсь – нэ рвитэсь!" И шчэ сядэ – сядали (В. Квл. Уховецк, 1979).

Наиболее распространенным, практически повсеместным магическим действием, связанным с основой, является сидение на ней, которое иногда выступает в форме троекратного присаживания. Садились на основу, главным образом для того, чтобы "полотно лучше садилось", т.е. для того, чтобы оно было густым: Тилько у нас знимають зэ стэны и кладуть на лаву и сядають, штоб ужэ полотно насядало. Друга подскочи раз и два (В. Ртн. Пески, 1979); От так посидым, ишчё раз, ишчё раз. Колись так робили, штоб было густэ полотно, штоб насядало (В. Ртн. Доброе, 1979); Сядалы на основи, штоб садилоса, як тчэш (В.К.-Кшр. Черче, 1979).

Бывает, что в то время, когда мастерица садится на основу, садятся и все те, кто находится в хате: Як основу со стэны здымають, садае та, што снуе, и хто присутствуе ў хати. Казали, штоб садилиса нитки, штоб сядало добрэ, штоб полотно хорошэ було, штоб полотно красивое було (В. Ртн. Мельники, 1979).

Другая мотивировка сидения на основе – "чтобы полотно было гладкое", без неровностей (не "кошлатое"): Як знимаюць кросна да на лаву и сракой сядзе: "Штоб густые як лава, а гладкие як срака". Стукне три раз

да и сядзе, штоб было полотно́ гла́дке, як сра́ка (Б. Стл. Рубель, 1976). Иногда говорят, что сидение на основе предохраняет ее от сглаза: Бьюць, штоб уро́коў кро́сна не боя́лиса, об ла́ўку и садзя́цца некото́рые, и садзя́цца для уро́коў, гэ́та у нас говораць (Б. Стл. Рубель, 1976). Кроме того, сидение на основе обеспечивает возможность встречи с матерью на том свете: Подложы́ да ся́ди на ту ла́ву, где снова́ла, и сади́цца, штоб на том све́це ма́тир ба́чыла (Р. Ркт. Старое Село, 1978). Продолжительность действия определяет продолжительность свидания: Ко́льки посиди́ш на тэй осно́ви, то́льки на том сви́ти поба́чыў ма́тэри. Подо́уш посиди́ – то то́льки поба́чиш. Бо ма́ти не ба́чить дите́й, а ди́ти ма́ти на том сви́ти. Ба́йка у нас е жэ, ко́лька посиди́ш, то́льки поба́чиш (Р. Дбр. Озерск, 1978).

Сидение на основе и битье основой о стену (лавку) обычно сопровождается специальными приговорами. Один тип их – это посылание основы на уток: "Иди́, осноўка, по уто́к, дэ мно́го прадо́к" (В. Ртн. Хотишов, 1979) или: "Иди́, осно́ўка, по уто́к, дэ бога́та диво́к", "Осно́ўка, иди́ по уто́к, дэ бога́то прадо́к и бога́то лё́ну" (В. Ртн. Доброе, 1979). Реже встречаются более развернутые варианты этой формулы: "Осни́ўко-присни́ўко, беги́ по уто́чок, дэ бога́то до́чок, у шчи́рой вы́прось, а у скупэ́й укра́дь" (В. Ртн. Пески 1979) или: "Осни́ўко-сосни́ўко, иди́ по уто́чок, дэ бога́тько до́чок, у шчо́драе попроси́, а у скупэ́й укра́дь!" (В. Ртн. Мельники, 1979).

Другой тип сопровождающих сидение на основе формул представляет собою указание на магическую функцию самого действия: "Будь гла́дка, як сра́ка, и моцна, як ла́ва" (Р. Дбр. Лесовое, 1978), "Посижу́ сра́цей на свое́й працы" (Б. Млр. Осовая, 1977).

Сидение на основе иногда осложняется дополнительными действиями, совершаемыми ногами: ноги поднимают, раздвигают и сдвигают. Это делается для того, чтобы "зевы при тканье были добрыми": У нас бэру́ть збэру́ть осно́ву и ся́дають на осно́ви на ла́вци, и нога́ми бэрэ́ть и ска́жэ на ци́лу ха́ту: "От таки́е зи́вы бу́ду́т!" – пиднима́ють но́ги, штоб таки́е були́ зи́вы (В. Ртн. Забродье, 1979).

Для того, чтобы "зевы были добрыми", через сплетенную основу также переступают: Када́ сплету́т плё́тенку, пало́жыт на пол, перестегнё́т и ска́жэт: "Гла́дка, как ла́ўка, а зяви́, как у ма́чехи рот" (Ч. Рпк. Старые Яриловичи, 1980 – А.Г.). Кроме того, сплетенную основу топчут ногами, что может сопровождаться приговором, аналогичным тому приговору, с каким на нее садятся, поскольку оба эти действия функционально тождественны: То ки́нэ ту осно́ву на зэ́мню и пото́пчэ: "Иди́, осни́ўка, по уто́к, дэ мно́го прадо́к. У шчо́дрого вы́прось, а у скупо́го укра́дь" (В. Ртн. Хотишов, 1979).

Магическая функция приписывается также связанной с окончанием снования уборке помещения и инвентаря. Полагают, что наведение чистоты в данном случае является надежным средством от сорняков на льняном поле – лен будет "чистым". Именно поэтому всякий раз после того, как снимут основу со стены, сметают кострику с лавки, на которой производилось снование, сметают пыль, подметают пол: Як кро́сна знима́е с коло́чка, змета́е ла́ву и ха́ту заметае, штоб чи́сты лё́н быу́, штоб зи́лле не расло́ (Б. Дрг. Хвойка, 1976).

Подобно другим разновидностям ритуального сора, этот мусор с кострикой иногда жгли в печи: "Это надо было сделать обязательно. Попризгаюць,

подметуть и бросали в агонь, чтоб згорело. То говорили: "Лён буде расти чистый". А некоторые не бросали в огонь, а бросали на зло в другие огороды, чтоб зелье росло" (Б. Стл. Рубель, 1975, письмо). При сновании в чужом доме пыль с кострикой подметали прежде всего из опасения, что они могут быть использованы для наведения порчи: "Други раз пападае снаваць кросна у харошага хазяина, а други раз у паганага хазяина. Паганы можа што-нибудьзь зрабиць на гэтай кастрицы. Гэту кастрицу можна спалиць, можна занесци да дому, закапаць дзе-нибудзь у сваем селишчы, бо снуеш, а твае следы ходзяць скольки раз. У чужом селишчы высып кастрицу, так могуть што-нибудзь зрабиць" (Г. Хнц. Дубровица, 1975, письмо). Если через нее перейдет скотина, то скотина эта "не будет покрываться": На ху́добу, ка́жуць, сме́цце вукида́ць нельзя́, гдзе ху́доба хо́дзиць, то ка́жуць, не бу́дзе покрыва́цца худо́ба (Б. Стл. Рубель, 1976). Если же на кострику наступит человек, "лён не ро́дзицца" (Б. Стл. Хоромск, 1976). В других местах полагают, что сор от кросен, напротив, способствует плодородию: "Мусор – ето ж из кросен, а кросна делаются для одежды, чтоб носить. Ето считали, как святое дело, и мусор не закапывали и не палили, а выбрасывали на поле и заговорили: "Заради, бож, и на той год!" или: "Зароди, божэ, и на гетой раз" (Б. Стл. Хоромск, 1977, письмо).

Кроме ритуальной уборки сора и кострики после снования из стены вынимаются колки, и она подбеливается. Это делается, даже если в один и тот же день работало несколько человек. Быстрое вынимание всех колков способствует успеху при тканье и будущем сновании: Як зниму́ осно́ву з стены́, скоре́й справля́юсь, штоб коло́чки ву́брать, то скоре́й и кро́сна ву́тчу (В. Ртн. Каменное, 1978); "Колки в нас вынимали, говорили, чтоб не отобрали спор, да не будзе спорится в другом сновании" (Б.Стл. Хоромск, 1976, письмо). Вариантом этого действия является вынимание одних чиновых колков или заменяющих их ножей. Считают, что если этого не сделать, у мастерицы после смерти будет открыт рот: Як сну́еш, да оста́нецца, до́уго бу́дэ, што не вы́неш, то умрэ́ш, зу́бы бу́дут нэшчи́паны, розьзя́ваны рот. А зра́зу вы́имеш, зу́бы зашчи́паны бу́дут (В. Ртн. Забродье, 1979).

Подбеливание стены должно обеспечить белизну льняному волокну: Як по́утяга́е ты́е колки́ и сте́нку замазвае, штоб лён би́лый буу́. Кото́ра ни зама́зала, то твой лён бу́дэ чо́рный (Р. Ркт. Каменное, 1978).

Когда кончали работу, нужно было непременно поблагодарить хозяйку дома: "Спасиба, што пусцила кросна паснаваць", а тая хазяйка, у якой яна́ снава́ла у яе, атвяча́я: "Дай божа, штоб ты знасила у вясёлам видзе яго" (Г. Хнц. Дубровица, 1975, письмо). Специально благодарили за стену, чтобы "стена не обиделась". "Ежели, говорять, стена обидется, то тогда или много будешь высновывать пряжи, или перемоты будеш класти" (Б. Стл. Хоромск, 1979, письмо). Уходя из хаты, в которой сновали, привязывали к стене нитку, "чтобы овечки велись": Та́ды́ адрывае с таго́ клубо́чка ни́точку – кручо́чки были у сцене́, – дак завя́жэ ту́ю ни́точку, не кидае сце́ну го́лую, чэпля́е. Паспасибуе: "Спаси́бо, Ма́рья, Да́рья, што пусци́ла паснава́ць. Штоб аве́чки велиса у цябе́". Так и аста́нецца ни́тачка (Г. Хнц. Дубровица, 1975).

Хранение основы

Правила хранения основы определяются двумя понятиями — "святкования" и "летования". В некоторых селах строго следят за тем, чтобы основа не "святковала", т.е. не оставалась не израсходованной на большие праздники, главным образом,благовещенье и пасху. Запрет объясняется боязнью пожара. Действия односельчан по отношению к тем, кто его нарушает, самые решительные: основа публично распускается: Дэ основа осталась, штоб нэ святковала основа, штоб чэрэз паску нэ была основа, штоб ужэ на страсть, у чэтвэрг, нэ было у хати. Нэ монна. То ля пожару, бало, кажуть. Як останэцца, поховають, боящца, штоб нихто нэ знау, — бало, приходять и на сэли россовывають основу (В. Ртн. Забродье, 1979).

В других местах считали, что основу можно оставлять "святковать" на праздники, только нужно в чины повесить замок, чтобы предохранить ее от мышей и крыс: Это замочком замыкали. Повисить замочка, замкне — перед паскою, перед благовешчэньем — пражу штоб мыши, крысы не пойили. [Как праздник пройдет], отмыкають (Р. Дбр. Сварицевичи, 1978). Помимо замка в качестве оберега применяется нож и скорлупа пасхальных яиц: "Основу — ежели не навили во время с какой-либо причины, то клали в мешок и туда клали ножа, штоб хто спор не забрал и не поврочил. И обсыпали лупинками из святого яйца, чтоб моль или мыши не попортили" (Б. Стл. Хоромск, 1979, письмо). Иногда основу на праздники прячут в сундук, который тоже запирается замком: Положыла у куфэр и замкнула замыком (Б. Стл. Рубель, 1976).

В части сел стараются, чтобы основа "не летовала", т.е., пролежав все лето, использовалась лишь в следующем рабочем сезоне: Як шо нэ маеш ткати, то нэ сновали. Хай липш у клубкох лэжыть ци на мотухи (В. Ртн. Пески, 1979). Говорят: "Не можна кросён остаулять: грех, кажуть, штоб литовалиса" (Р. Ркт. Каменное, 1979).

В других местах полагают, что основа может храниться неограниченное время: Основа у нас по три роки лэжыть, по штыри. У моей матэри литук — основала, нэ было утку, да рок и лежала (В. Ртн. Доброе, 1979).

Ограничения, связанные с передачей и перемещением основы

С готовой основой связан ряд запретов. Прежде всего, через основу никогда не переступают: Штоп чэрэз основу нэ пэрэступати, бо будэ нэудачная, будэ плутатиса, як будэш навивати. Кажэ: нэ пэрэступай чэрэз основу (В. Ртн. Забродье, 1979). Особенно опасно нарушение запрета для беременной женщины, так как оно повлечет за собой неблагополучные роды: Тилько чэрэз основу нэ пэрэступати, чэрэз вэроука, коцюба, вилка. Чэрэз её нэ пэрэступати. Кажуть, што пуповиночка закручэная, што она нэ стэрэглаcа (В. Ртн. Щедрогор, 1979). Точно так же нельзя проходить под развешенной основой: Кажуть, што нэ годицца. Чего пэрэлазиш пид основой! Прыдэцца навивати — сорочиные лапы будуть (там же).

Распространены пространственные и пространственно-временные ограничения, регламентирующие перемещение основы внутри деревни и за ее пределами. Эти ограничения основаны на представлении о благоприятном

и неблагоприятном времени, с одной стороны, и внутреннем и внешнем пространстве, с другой.

Определенным образом регламентируется перемещение основы в пределах деревни. Так сновавшуюся в чужом доме основу часто запрещается уносить домой в день окончания работы, поскольку это может повредить хозяевам того дома, где сновали. В частности, у хозяйки дома не будут вестись свиньи: Хай оно́ там пэрэночуе, до до́му не беру́ть – свиньи не бу́дуть вести́сь, бу́дуть пропада́ти (Р. Дбр. Лесовое, 1978). Еще более опасно нарушение запрета для пчел: Як чужи́е сную́ць, то кро́сна не даю́ць у той жэ дзень. Обяза́цельно, штоб осно́ва-кро́сна перена́чава́ли у́ той ха́ци, гдзе пчо́лы есьць, штоб не полеце́ли, не повили́сь пчо́лы (Б. Стл. Рубель, 1977). Иногда в дом, где есть пчелы, совсем не пускают сновать: "У той дзень, у яки аснованыя кросна у чужой хаци и дзе е пчолы, уносиць ни можна, бо будуць сновацца пчолы, дзе папала, да дому ляцець ни будуць, да и той чалавек ни пускае у хату [сновать], у каго есць пчолы" (Г. Хнц. Дубровица, 1975, письмо).

Особенно строги предписания относительно переноса основы из дома в дом после захода солнца; "Посли захода солнца кросна са сцяны знимающь, а да дому ни бяруць, аста́уляюць на ноч" (Б. Хнц. Хойники, 1977, письмо). В таких случаях завернутую в платок или скатерть основу оставляют в доме до следующего полудня.

Особенно опасно выносить основу за пределы деревни. Говорят, что от этого волки "будут сноваться": Як сно́ву у́ дру́гэ сэло́, дзере́вню да пэрэнесе́ш, то во́уки придуць у село́ (Б. Стл. Рубель, 1976). Иногда основу вообще не разрешается выносить из села. Разрешается лишь передавать предназначенную на основу пряжу: Осно́ву нести́ у́ другу́ дэрэ́вню нельзя́. Клубки́ мо́жна. Клубки́ мо́жна нести́, бо, каза́ли, во́лки хо́дять (Р. Дбр. Сварицевичи, 1978). В некоторых селах считают, что перемещение основы опаснее, чем перемещение нита и берда: Бэрдо но́сят и ны́та но́сят, осно́вы нэ но́сят для того́, шо, ка́жут, во́уки прыдут порчу воды́ть. То́лько осно́ву нэ но́сят – бу́дут снова́ты, як во́уки (Б. Млр. Олтуш, 1977). Этот запрет может ограничиваться лишь определенными моментами времени и иметь иную мотивировку: "Перевозили и переносили кросна из деревни в деревню в любое время, только как полнолуние то тую неделю, не переносили, говорять что гнилая неделя и кросна будуть плохо ткатся, и полотно слабое будет" (Б. Стл. Хоромск, 1976, письмо). Только в крайнем случае переносили основу в другую деревню после захода солнца: "Замкнутые кросна везли и после захода солнца. Только нада поклоница туда, где зашло солнце. Ежели солнце застало в пути, то нада поклоница солнцу заходящему, а потом ночи надходящей" (там же).

При передаче основы в другую деревню соблюдались меры предосторожности – в чины вешался замок, который запирался: "При перевозке кросен, зева в кроснах ето где нит и човник закладается, то вешали замок и замыкали, штоб спор не потянули, и не заурочили" (Б. Стл. Хоромск, 1976, письмо); У дру́гу дзере́вню везе́ осно́ву – дак замука́е. Я вам скажу́, ля чого́ замука́е – ля звере́й, во́уки бу́дуць снова́цца коля села́. Во́уки сную́цца – мо́жэ привезла́ кото́ра – ругаюць да кляну́ць старые лю́дзи (Г. Хнц. Дубровица, 1975). Замок применяли в качестве оберега также при перевозке основы через воду: "Основу колись перевозили чи то сплетенную, чи

то навитую, но некоторые так клали на её замка, а некоторые замыкали. Говорили, чтоб вода не забрала спор" (Б. Стл. Хоромск, 1976, письмо).

В ряде сел запрещается везти основу на жеребой кобыле, "штоб нэ скида́ла малы́х" (Б. Млр. Осовая, 1977). Сплетенные кросна несли из дома в дом, из деревни в деревню только завернутыми, "штоб нихто ни ба́чиў" (Г. Стл. Дубровица, 1975), т.е. не сглазил и "спор не потянул".

О.А.Седакова

МАТЕРИАЛЫ К ОПИСАНИЮ ПОЛЕССКОГО ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА

Полесский погребальный обряд позднейшего времени описан в литературе довольно скудно. Мы располагаем сообщениями польских этнографов[1] –фрагментарными записями, в которых регистрируются яркие, бросающиеся в глаза черты погребения и поминания в белорусском Полесье. Представить по ним характерность полесского обряда на общем восточнославянском фоне трудно: для этого нужно располагать достаточно полной записью обряда в его последовательности, причем важными могут оказаться не только "позитивные", но и "негативные" факты, т.е. факты отсутствия тех или других ритуальных действий. Так, при сопоставлении полесского обряда с владимирским[2], костромским[3] или обонежским[4] обращает на себя внимание отсутствие в полесском варианте обрядовых актов, связанных с дорогой, по которой везут покойного. Факт отсутствия этих действий, подробно регламентированных в севернорусском обряде, может быть интерпретирован как характерная черта полесских похорон, в которых вся сфера профилактических и катартических актов представлена довольно слабо (см. ниже).

Сбор материала по программе, составленной на основании суммированной схемы восточнославянского погребального обряда, позволяет яснее представить своеобразие локального варианта. Отмечу некоторые из таких характерных черт полесской погребальной обрядности, в которых консервируется глубокая архаика славянских языческих представлений о смерти и загробном мире. Древнейшее различение "своей" и "не своей" смерти и обрядово оформленное разделение покойников на "чистых" и "нечистых", описанное Д.К. Зелениным[5], в позднейшее время утрачивается. В основе такого выделения некоторых видов кончины как ритуально нечистых лежало представление о неизжитом "веке", жизненной силе, которая превращала несвоевременно умершего человека в ходячую нечисть. Противопоставление "своей' и "не своей" смерти или совсем теряется, или приобретает другую, христианизированную мотивировку ("нечистыми" считаются только самоубийцы и преимущественно повесившиеся). В Полесье же мы сталкиваемся с архаичным толкованием "не своей" смерти: "зды́днями", "пужа́йлами", "злы́ми", "черта́ми" становятся умершие под действием колдовских чар ("кого перевели"). Этот разряд "нечистых" покойников не встречается в литературе по восточнославянскому погребальному обряду конца XIX – начала XX в., но

сходный мотив можно увидеть в южнославянском поверии о том, что человек, убитый вампиром, сам превращается после смерти в вампира. Далее, к "нечистым" в Полесье относят умерших насильственной смертью; повесившихся; детей, умерших некрещенными. В обряде различие "своей" и "не своей" смерти выражается в противопоставлении мест захоронения "чистых" и "нечистых". Нарушение этого установления (похороны "висельника" на кладбище с крестом) грозит засухой: перед нами живой реликт представления о связи "заложных", оскверняющих землю, с дождем – представления, мотивирующего разнообразные магические действия над местом погребения "нечистых" с целью вызывания дождя у восточных и южных славян, и доныне практикующиеся в Полесье.

Следы архаического представления о "неизжитом веке" заметны и в особом характере похорон детей: кроме повсеместно распространенного запрета на плач матери по ребенку, в Полесье отмечен необычный факт: "недорослых" детей (до 15 лет) раньше хоронили без священника.

Характерно и "перевернутое" сохранение этой традиции: некоторые виды смерти, в древнейшем осмыслении "нечистые", остаются выделенными, но с противоположным знаком: они приобретают статус "святой" кончины. Так, умершими "по-бо́жому" считаются "то́пленик", убитый громом, умершая родами, опойца (зап.).

Глубоко архаичны и те магические действия, которые призваны уничтожить смертоносное воздействие "злых": для прекращения их "хождения", опасного в первую очередь для ближайших родных покойного (особенно супругов), дом осыпается самосейным маком[6] или самосейным льном, "лушчыком". Разрывается могила, тело "черта" подкидывается в воздух осиновым колом, кол забивается в рот.

Модификация "нечистой смерти" – "трудная смерть", затрудненный переход в загробный мир (им обыкновенно наказываются ведьмы). Для облегчения "трудной смерти" производятся действия, прежде широко известные по славянской территории: в потолке крутят дыру, покрывают умирающего скатертью, на которой святили пасху (ср. выступающую в той же функции подвенечную скатерть[7]).

Другая и связанная с отмеченной выше архаичная черта полесского обряда – особые похороны для холостых и незамужних. В них отчетливо представлены элементы свадебного обряда: на уровне обрядовых действий и предметов (особой одежды, венца и перстня у девушек и парней, особых исполнителей обрядовых актов – носильщиков и гробовщиков), на уровне обрядовой терминологии (умершая девушка – "княгиня", погребальный хлеб – "коровай для покойного"). Эти свадебные элементы в погребальной обрядности позволяют сопоставить полесский вариант обряда с украинским, особенно закарпатским, где свадебные мотивы в похоронах особенно отчетливы[8], тогда как в русских и центральнобелорусских вариантах их присутствие значительно скромней. Сами исполнители осознают связь погребальной и свадебной обрядности, и это осознание часто выражается в интерпретациях запрета на определенные действия как принадлежащие исключительно свадебной сфере (нельзя осыпать покойного зерном, потому что зерном осыпают молодых на свадьбе, и т.п.).

Целый комплекс верований, связанных со "шматочками", которыми перевязывают руки и ноги покойного (воплощение общего представления

о магической силе предметов, принадлежащих сфере погребальной обрядовой реальности), также связывает полесский вариант с закарпатско-украинским[9]. (Хотя обычай перевязывать руки и ноги рассматривается В. Чайкановичем как общеславянский и шире – общеиндоевропейский[10], он мало засвидетельствован в литературе по современному восточнославянскому обряду.)

Цветовая символика полесского обряда носит древнейший характер: в отличие от русского варианта, где траур представлен в основном черным цветом, Полесье, так же как западная Украина, сохраняет традицию белого траура. Но главная примета траура – исключение красного цвета. Красный цвет, символическая антитеза смерти, используется в обряде как катартическое и профилактическое средство: красной лентой перевязывают руки и ноги покойного, красным вытирает лиць беременная при виде похоронной процессии, красные родимые пятна можно свести, обводя их рукой мертвеца.

С другой стороны, полесский вариант сближается с севернорусским в тех чертах, в которых последний противопоставлен украинскому: сдержанным характером ночи бдения при покойном (контрастным украинским играм и забавам "при вмэрци") и обрядово оформленным присутствием "души" покойного на поминальном пиру.

Своеобразие полесского варианта обряда составляет уже отмеченная слабо развитая система профилактических действий. Интерпретация этой особенности неясна: считать ли отсутствие очистительных актов над местом покойного, над дорогой, над участниками процессии редукцией обряда или его древнейшей формой. Исключение составляют обрядово оговоренные действия для тех, кто копает могилу, находящие полное соответствие в одном из закарпатских вариантов обряда[11].

Интересный материал заключается в полесской традиции уничтожения вещей покойного. В местах "похорон вещей", которые нам дают разные локальные варианты обряда, легко опознаются места древнейших славянских погребений, позднее превращенных в места погребения "заложных", противопоставленные пространству кладбища. Но если в большинстве известных нам описаний очевидна тенденция удалить вещи покойного от пространства дома и двора (на росстани дорог, в болота, на межи, в лес, в текущие воды), то в Полесье, напротив, место уничтожения этих вещей – дом и двор (вещи закапывают во дворе, воду выливают под печь или снаружи на "покуть", красный угол).

Пока мы говорили о полесском обряде как о некотором единстве. Однако две записи, представленные ниже, представляют заметные структурно-функциональные различия. Конечно, эти различия не могут быть обобщены как различия западно- и восточнополесского вариантов обряда. Употребляя пометы "восточный" (вост.) и "западный" (зап.) в описании этих различий, я не придаю им обобщающего характера.

Прежде всего, различается продолжительность частных поминок (и, следовательно, представление о том сроке, в течение которого душа покойного остается среди живых): на востоке это 12 дней, на западе – 40 дней. Если традиция сорокадневного поминовения имеет повсеместное распространение на славянской территории и терминология сорокового дня богата[12], то двенадцатидневное поминовение представляется уникальным.

Следующее различие состоит в наборе обрядовых актов. Некоторые акты, имеющие свой термин, представлены в одном варианте и отсутствуют в другом: на второй день по погребении ”побужáти могы́лу” на западе (термин и обрядовый акт, отмеченный также для минского варианта[13]), тогда как на востоке этот акт отсутствует, но существует традиция третьего по погребении дня — ”мéртвому óчи промывáюць”. В варианте Стодоличей не отмечены обрядовые акты через год после погребения и сам термин годовых поминок (”прикладúны” — зап.)

Календарные поминки — ”диды́”, отличающиеся подробной регламентацией в западном пункте, в восточном не являются настолько живой традицией. Соответственно, по-разному осмысляется и возможность увидеть ”дидóв” на поминках: их можно увидеть, с большой опасностью для себя, в случае неисполнения обрядовых предписаний (вост.); ”диды́” на поминках являются чистым безгрешным людям, детям (зап.).

Противоположная традиция существует относительно кладбища как обрядовой реалии: в первом пункте (зап.) на могилах оставляют еду, вино, ложки; с покойным христосуются на Фоминой неделе; вещь, которую забыли вложить в гроб, закапывают в могилу. Во втором пункте (вост.) действует запрет оставлять пищу и вещи на кладбище, мотивируемый тем, что каждую такую вещь покойный должен ”сторожить”, и это лишает его покоя.

Дальнейшее обобщение полесского обряда и дифференциация его вариантов будут возможны при накоплении полевого материала.

Приведенные записи производились в основном на русском языке. Специфическая полесская лексика, входящая в текст описания, выделена и дана в упрощенной фонетической записи.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД В с. СПОРОВО БЕРЕЗОВСКОГО РАЙОНА БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ

Записан в июле 1974 года О.С. Седаковой

Частные похороны и поминки

Смерть предвещают сновидения: если снится, что зуб упадет слева, — умрет кто-то из близких родственников, если справа — кто-то из дальних. Если снится, что идешь по льду, а он колется — умрешь (или случится большое несчастье). Чуют и предвещают смерть домашние животные: собака, курица. Собака *на мэрцú* [покойника] *ўнúз вы́е, на пожáр — ўгóру*. Если собака лежит посреди дороги — в деревне будет *мрэц*. Если курица *спивáе на мóглицы* [в сторону погоста] — кто-то умрет. Чтобы узнать, к счастью или к смерти поет курица, нужно укладывать ее, переворачивая, от порога к покути: если она окажется к покути головой — к счастью, ногами — к смерти.

Перед смертью в доме происходят какие-то изменения, слышатся необычные звуки: как будто что-то железное упало на крышу. У постели умирающего что-то гремит, *як залúзо об залúзо* (если его переложить на другое место, будет греметь там). Умирающий может видеть рядом *мэ́рлу родúну*, незримую для остальных присутствующих. *А пэрэд смéртю кáжэ: ”А чи бáчиш моió мáтира? кай тэбé стоúть”. — А я ниц ны бáчу.*

Когда человек *му́чиццязахист*, приходят родные и знакомые прощаться. Делают это *як хто хо́чэ.* Раньше всегда звали священника к умирающему, теперь *хо́чэ ба́тюшку, хо́чэ му́зыку.* Батюшка *слу́жыть по́гриб.* Если умирающего не успевают исповедать, причастить и соборовать, батюшка *мо́жэ отпра́вити* потом, когда будет новый *мрэц.* Священника зовут и тогда, когда исход болезни неясен. В этом случае его приход служит скорейшему выздоровлению, если больному суждено поправиться, если же нет – легче умрет.

Если человек долго *му́чицця,* для облегчения агонии его перекладывают на солому, на землю или куда он скажет: *Ста́влять крыж* [крест], *молочка́ у́ голова́х. Свички́ паля́ть над мирцо́м. Як стра́шно стра́дае, накры́ють* скатертью, на которой святили пасху.

Когда человек *помнёр, умнёр, одыйшо́у* (раньше говорили: *скана́у*), при умершем никто не сидит. После кончины его называют *мрец, мэрлэ́ц.* Обмывают тело. *Нара́дюють из стари́йшых: чолови́ка – чолови́к, жу́нку – бабы́.* Если не найдут старика, то *бабы́ ра́дять чолови́ка, з жо́нок стари́йшых.* За обряжение не платят.

Одежду старики приготавливают задолго до смерти. Одежда обычная, обувь тоже. Все самое нарядное. Раньше *була́ мо́да* одевать покойного во все белое, расшитое. *Тэпэ́р эта мо́да отхо́дить.* Остается только белый *хварту́х* у женщин. Голову замужних покрывают *ху́сткою.*

Одежда у незамужних особая: *ди́вку* (молодую) одевают в белое платье, *ди́вци кладу́ть вэ́лёна, хвату́.* Волосы распущены. На левую руку надевают перстень, на правую завязывают полотенце (как *на слюбе,* т.е. венчании).

Всем перевязывают руки и ноги красной ленточкой, которую заготавливают еще при жизни. Покойного накрывают тюлем.

Гроб – *тру́ну* – изготавливают не родные: соседи, плотники, мастера *що ро́блять тру́ну.* Доски должны быть свои. Верхняя часть труны называется *кры́шка,* нижняя – *гробни́ца. Тру́ну обобью́ть.*

Обрядив, *мэрца́* кладут на лавку, стоящую вдоль *по́кутной* стены, головой к покути, к иконам. Детей тоже кладут *на ла́уци.* Пока покойный в доме, убирать домашним нельзя, нельзя делать и других работ: *покы́ ны занэсу́ть на мо́глыцы, ниц ны ро́блять.* Соседи же могут работать и даже праздновать.

Одежду, в которой человек умер, *на дру́гий дэнь обмы́ють* и опять носят. Раньше эту одежду закапывали на дворе или несли на могилу. "Мертвецкое мыло" (которым обмывали) хранят, но отказываются говорить, для чего. Злые люди употребляют его на зло. На зло можно подлить и "мертвецкую воду." Обычно эту воду от обмывания выливают под печь. Стружки от гроба выбрасывают на двор, не жгут. *Кый,* мерку, по которой роют могилу, оставляют на могиле, кладут вдоль.

Смерть по деревне не оповещается, узнают о ней один от другого. После кончины до выноса собираются соседи, родные. Если умер парень или девушка – молодежь.

Пла́чуть (причитают) *свои́. Нихто́ ны наймае́ пла́кати. Сыны́ ны пла́чуть. Нима́ дочки́ – пла́кати нима́ кому́.* Нанимать чужих – позор: значит, мало жалели покойного. Больше всего плачут по матери. По детям теперь причитают больше, чем по старым: *Хай бы стари́й помнёр.* Раньше,

говорят, нельзя было матери по детям плакать. *Пла́чуть, прика́зывають, дяку́ють* без особого порядка. Плачи перенимают с детства. Начинают причитать сразу после кончины. Женщина, плача, припадает к телу так, что ее трудно оторвать. *Мо́жэ порва́тися жу́нка як пла́чэ.* Плач не прекращается и после погребения: плачут на обратном пути, *на обі́ди потыхэ́ньку пла́чэ.* Плачут на второй день по погребении, когда *побужа́ють* на могиле.

До погребения ночи при покойном проводят свои, соседи – *ночу́ють.* Спать нельзя. *Ночу́ють, гово́рать,* читают Псалтырь *хто учо́ний.* На окне в этом время *свички́ гора́ть.*

В гроб кладет кто-нибудь чужой, не родной. Однажды сын сам положил мать в гроб. Она ему приснилась: *"Смия́лась я, як ты вложы́у́! Чужы́и кладу́ть у тру́ну".* В гроб кладут смену: женщине под голову – сорочку, кофту, юбку. *Ба́би на по́душку – ху́стку, чолові́кови – руба́ху. Хто пье, тому́ горы́лку.*

При прощании покойного целуют. Когда выносят труну, чужие выходят. Свои плачут, говорят: "Не уходи! Зачем уходишь? Куда тебя уносят?" Сворачивают постель покойного и выносят в сени. *Зэрно́м нэ сы́плють як умрэ́: ны мо́жна сы́паты. Зэрно́м опсы́плять молоды́х на сва́дьби. Пуд покóйныка топора́ пудкла́двають, коб ны расплыва́усь (пуд ла́у́ку).* Лавку обмывают, эту воду выливают под печку. *Ра́ньшы пості́ль покóйныка закóпвали у куто́чку, дэ кочерга́.*

Выносят гроб женатых чужие люди, девушек и парней – парни, детей *ныдоро́слых* (до 10 лет) несут 6 девушек.

Гроб везут, но чаще несут. *Кульки нэсу́ть, то гонорни́й.* Женатых несут на плечах, холостых на полотне, детей на рушниках. Похоронная процессия движется медленно, без остановок, окольным путем. Порядок ее произвольный. Раньше перед труною шел батюшка.

Могилу роют чужие. Родные *купля́ють мі́сце:* кидают в могилу монеты. Если этого не сделать, покойник будет сниться, пока не закопают денег в песок, *бо його́ там го́нять.* Гроб опускают не на веревках: "на веревках вешаются". Взрослых – на полотне, детей – на рушниках. Каждый присутствующий кидает в могилу горсть земли. Рушники, на которых опускали детей, отдают тем, кто нес; полотно же *додо́му ны ворочáицця* (оставляют на кладбище или отдают кому-нибудь). С кладбища возвращаются другой дорогой, *напрамки́.* Возвратясь, руки моют только те, кто копал могилу.

На время погребения в доме остаются чужие старухи, запираются и убирают дом. Поминальную еду готовят свои, чужие помогают. *Як умрэ́, свуй хлиб пэчу́ть: малэ́ньки огні́тки, коб ны па́ра:* 7 или 9 штук. Варят *буб,* ставят еще при покойном миску с бобом на стол с его ложкой.

Обі́д, поминальное угощение, совершается по возвращении с кладбища. В нем участвуют все провожающие и все, кто хочет. Поминальный *обі́д* скоромный. Раньше *на обі́де* пили только по три чарки, теперь много пьют, *як бы на сва́дьби. На обі́д ко́жный* [гость] *нисэ́ хто шо мо́жэ.* Поминальное блюдо – *кану́на* – приготовляется из бобов с сахаром. *Кану́ною* начинается *обі́д.* После нее едят просфору, взятую в церкви, потом – *кутю́ з ячмэ́ню* (которую варят также каждое воскресение). Кончается обид кашей, рисовой или просяной. Раньше сидели *на обі́ди* тихо, песен не пели. *За́раз напьы́цця, пісні́ співа́ють, як на У́краі́ні. Пе-*

ред обúдом мóлятся. По тры разы́ одливáють канýны на стул ў начáли, пусля́ ўсегó – по тры разы́. Для покойного ставится "стограммовка и прибор".

Сорок дней после погребения душа *хóдить.* В течение этого времени для нее ставят стакан водки под иконы. Если водка убывает, значит, душа пила. На могилу еду приносят только на второй день, когда *побужають.* Идут на кладбище *побужáти могы́лу*: плачут, закусывают. Водку и закуску оставляют на кладбище. На девятый день – *обúд малэ́ньки* для родных. Поминки сорокового дня – опять *обúд. Канýну* отливают на стол так же, как в день погребения. Поминают за одним столом, в одну смену.

В годовые поминки – *прыкладúны* – окончательно убирают могилу: ставят второй, большой *крыж,* вешают на него *хвартушóк.* На могилу кладут *пры́хором з дýба, бля́хою обобью́ть.* Ставят памятник. Оставляют на могиле стакан, ложку.

Срок траура различен: женщины носят его год, мужчины – 40 дней. Называется это – *жалóбу чинúти, смутковáть.* В траурной одежде не должен присутствовать красный цвет – так, *смутнэ́нька.* Черной одежды не носят. Все цвета, кроме красного, разрешены. Близким родственникам на время *жалóбы* запрещено петь песни любого рода, плясать.

Если родные покойного не исполнят его воли относительно какого-либо предмета, полагаемого в гроб, или *смёртной одэ́жды*, если не кинут денег в могилу, покойный будет сниться и просить об этой вещи. Исправить упущение можно, закопав в могилу монеты, или *пэрэдáти:* вложить вещь, о которой просил покойный, в труну другого умершего на следующих похоронах.

Календарные поминки

В году трижды справляются *свя́та для мэ́рлых – диды́. Мэ́рлы пры́дуть з мóглиц ў хáту пэрэд Мыхáйлом, пэрэд Колядою, пэрэ трýицою.* В четверг светлой недели справляют на кладбище *нáмский вэлы́кдэнь, нáмску трýицу,* которую в число *дидóв* не всключат. *В диды́* работают, как обычно, *в нáмску трýицу ниц ны рóблять. Диды́* празднуют в хате, *нáмски вэлы́кдэнь* – на могилах.

Раньше умерших приглашали на диды такими словами (*хóчэ с крыльцá, хóчэ за столóм*) : *Ўся́ родúна мэ́рла, кýльки е шчо, прийдúтэ вечéрати. Мни ны стрáшно, шчо мáты моя́ мэ́рла, мни ны стрáшно, шчто бáтько муй мэ́рлый...*

Видеть умерших на *вечéри* может тот, кто безгрешен: маленькие дети. Для других их присутствие незримо. Дети оставляют на ночь ложки: если к утру их находят перевернутыми, значит, *мэ́рлы* приходили. Видят *дидóв* также те, кому суждено в этом году умереть.

На кладбище не ходят ни перед *вечéрою,* ни на другой день *дидóв.* Ворота на кладбище должны быть открыты *в диды́.* Однажды они оказались закрыты, и старику, следившему за могилами, приснилось, что мертвые его упрекали: взрослые смогли перелезть через ограду, а старики и дети – нет, и не попали в хаты.

Диды́ начинаются в пятницу вечером и продолжаются на следующее

утро. С вечера готовят только постное: *рыбу, буб, кашу, капусту.* Ставят *горылку.* С утра прибавляются скоромные блюда. *Мэрлым* не ставят особого прибора, отливают от каждого кушания по ложке в две миски и ставят на окно на ночь. После каждого глотка ложку кладут на стол тыльной стороной вверх: в это время диды едят. Если положить ложку, как обычно, – умрешь. Остатки *вечери* не убирают.

В Намскый Вэлыкдень (*пасха для заупокойники*) направляются с едой и выпивкой на могилы родных. Раньше на могилах не пили, ели только *сватый хлиб, яйчко, сыр крышать, шчоб пташки пойли. А зарэ пьють, як на Украини.* Женщины плачут, причитают на могилах: сначала помолятся, потом плачут. *Закопвають пару яйчек, горылку, яйца крышать.* На *крыжы* вешают *хвартушки,* сшитые заранее. Вешают их всем знакомым покойникам: *хоч мушчына, хоч дитя, хоч девушка. Сажають дерево кай могылы.* Оставляют на могиле *горылку,* стакан и ложку.

Погост, могила

Погост расположен в километре от села, на возвышенном месте, засажен соснами и елками, огорожен. Вход на кладбище ориентирован на восток, на восток головами расположены могилы. Насыпи невысокие, почти наравне с землей.

В день погребения на могиле устанавливается маленький *крыжык.* В годовые поминки ставят большой *крыж,* но маленький сохраняется и украшается *хвартушками в вэлыкдэнь.* Крест делают из дуба. Высота старых крестов – полтора человеческих роста, новые кресты невысокие. Кроме того, на могилу кладут дубовую колоду – *прыхором,* длиной в человеческий рост. Он лежит вдоль могилы и по форме напоминает ладью: один конец приподнят, иногда его венчает маленький крест, вырезанный из того же куска дерева. У могил сажают кусты, хвойные деревья, на могилах – растение вида мха.

Раньше некрещеных детей и повесившихся хоронили по краю кладбища, теперь – как всех. Некрещеным детям не ставится второй, годовой *крыж.* Опойц всегда хоронили по общему обряду.

Первого покойника нельзя хоронить на новом кладбище или на новой части кладбища, потому что вся его семья умрет. В этом случае хоронят кого-нибудь чужого.

На кладбище приходят в годовые поминки, в *намскый вэлыкдэнь.* Если кто *жалкуе,* приходит на могилу причитать в любое время. Ночью на кладбище ходить опасно: там *кажуцця* покойные.

Песок с могилы *варать на зло* (колдуны). Чтобы присушить парня, девушка привязывает на кладбищенское дерево клочки ткани. Мать, у которой дети болеют лихорадкой, должна в полночь, не оглядываясь, прийти на кладбище, взять песка со свежей могилы и, не оборачиваясь, бежать домой. Этот песок варят в воде и купают больных детей. С кладбища ничего нельзя уносить, нельзя рвать цветов и ломать ветки. Если сломаешь ветку *з зелена на моглицах* и будешь ей выметать золу из печи – всю ночь будут в доме и под окном *лыкати мэрлы.* Вообще вера в магическую силу кладбища и кладбищенских предметов настолько жива, что рассказывать об этом сильно остерегаются.

Если возвращаются мимо кладбища с крестин, слезают с телеги и проходят мимо него пешком. Кума несет ребенка на руках. Если мимо кладбища проезжает свадьба, пешком идут молодые. Девушка-сирота должна перед свадьбой пойти на могилу родителей – позвать их на свадьбу.

Могилу разрывают только тогда, когда покойник *хо́дить*. Тогда читают над могилой Писание, *осо́вым колко́м подбра́сывають ў́го́ру* [тело], *ў́бива́ют осо́вый коло́к ў́ ро́т* и снова закапывают. Считается, что если в могиле обнаруживаются старые кости, хоронить там нехорошо: *ко́сти буди́ти*.

Поверия, связанные со смертью, похоронами, покойным

Умершие родные часто являются во сне: *ознаймля́ють* обо всех несчастьях, обманах, *постиро́гу дaю́ть*. Иногда их душа является в виде *хва́йной пти́чки*.

После смерти *хо́дять* (т.е. являются живым и вмешиваются в их жизнь) *ку́льки пэрэвэду́ть, той и хо́дить; видьмари́ – мо́жэ вун зна́ў́ да ны пэрэда́ў́ ныко́му; видьмари́, ко́льки́х пэрэвэду́ть сильни́йшии од йих; ма́тка к дитя́м* (кормить грудью); *хто пови́сиу́ся чи утопы́у́ся, то хо́дить и ляка́ить;* муж к жене (муж сталкивает жену с кровати, вредит, он может и помогать в хозяйстве, но от этого жена вскоре умрет). Все эти нечистые покойники называются: *злый (это ў́жэ́ ны мужы́к, это злый), чорт (на його́ ми́сци чорт хо́дить), злыдни (йих нэчи́ста си́ла ў́жэ́ нэсэ́)*. Мальчик, умерший некрещеным, называется Адамом, девочка – Евой. От ходячих мертвецов избавляются, прибегая к действиям с могилой, описанным выше, а также осыпая дом *лу́шчыком* (самосейным льном).

Человек, убитый громом, и утонувший считаются *сваты́ми*: их уже не вызовут на Страшный Суд, потому что Страшный Суд над ними уже совершился. Святой считается и женщина, умершая родами.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД В с. СТОДОЛИЧИ ЛЕЛЬЧИЦКОГО Р-НА ГОМЕЛЬСКОЙ ОБЛ.

Записан в июле 1974 г. Н.А. Волочаевой и О.А. Седаковой

Частные похороны и поминки

Смерть предвещают такие *прикме́ты:* если увидишь сон, что зуб выпадает с кровью, умрет кто-то из кровных, если без крови – умрет знакомый. Если собака воет вниз мордой – к покойнику, вверх – к пожару. Если петух поет на крыльце, в доме будет *мертвя́к*. Если петух запоет вечером – или к покойнику, или к погоде. Если курица запоет петухом – к покойнику. Если в доме трещат стены, умрет кто-то из домашних. *Як у за́днюю сте́ну дя́тел сту́кае, так умре́ ни́хто. Як вороб́ей сту́кне ў́ вокно́, де смерця́к лежы́ть,* (против входа) – к смерти (в окно у покути – *к зви́стю, просто пе́чи – не́што пога́но*).

О больном или очень старом человеке говорят: *погляда́е до до́му,* о старухе – *собира́ецца за́муж*.

Во время предсмертной агонии – *гора́чки – урыва́ють ду́шу*. К *кона́юшчому* приходят соседи, родня, прощаются: – "Прости". – "Прости".

Раньше к умирающему всегда звали батюшку, но *малы́х* [детей] *хова́ли биз ба́тюшки: ба́тюшка отправля́е коли́ лет у́жэ 17.*

Если человек умирает трудно, совершают следующие действия: *як умира́е чолови́к, так тре́ба убра́ць по́душку и у́бо́к ки́нуць, бо та́м кури́ные пе́рья,* они мешают умирать. *У сто́ли* [в потолке] *ды́рки кру́тять, так ху́тко ко́нчицца.* Если умирает колдун, прокрутят потолок. Пока этого не сделают, он не кончается, и *бу́ра* поднимается. *Ба́бка зна́хорка* просила перед смертью принести осинку – однолетку, чтоб легче умереть.

Чтобы узнать, что человек *умре́, помре́, скона́у́, ко́нчиу́са,* что *душа́ вы́шла,* ко рту приставляют зеркало: *чы спотне́е. Як скона́у́, жу́нка ста́рая дае́ смерцяку́ у́ ру́ку све́чку с пчели́ного во́ску.* Если человек умирает в больнице, сразу после кончины зажигают спичку.

Умершего – *мертвяка́, смерцяка́, родзи́целя* – обмывают после того, как запалят свечи. Но если кто предчувствует свою смерть, то просит обмыть его до кончины. Обмывают чужие старухи – и мужчин, и женщин. Человек пять *наража́ють,* старухи не моложе 60 лет (молодым нельзя обмывать). Одежду, в которой покойный умирал, снимают, раздирая. Старухам ничего не дают за *наражэннэ: як смерця́к, ничо́го у нас не да́ють.* Если у покойного открыты глаза, *ця́гнуть за па́льцы, штоб заслипи́лиса во́чи.* Одежду для погребения старики заготавливают при жизни. Одежда любая. Из нее исключен красный цвет: *штоб родня́ не ме́рли; штоб молода́я родня́ не ме́рли.*

Белыми *шма́точками с перкаля́* перевязывают руки и ноги. Развязывают их, когда перекладывают в гроб. Бабе покрывают голову белой *ху́стою. Ста́рой ба́бише и пуд бо́роду завья́жуть бе́лую ху́сту.* Дитя и женщину *зама́тывають* (голову). *Ди́вце платка́ми дому́у́ку обкру́тять круго́м. Вона́ де́вка у́жэ́ княги́ня* [невеста], *голова́ биз ху́сты, ху́ста ту́лько по плеча́м. Винка́ йе кладу́ть з дирозы́ на у́сю́ труну́.* Мужчине кладут шапку *под бока́.* Всем под плечи стелят серое полотно *с постава́ с коно́пель. Бу́сы не ло́жать у́ гро́б: то вуж на том сви́ти круг ше́и обовье́цца:* ниточка перегниет, рассыплется и вся родня умрет. *На том сви́ти не тре́ба носи́ць кольца́: вужы́ чипа́цца бу́дуть. Нау́шницы* [серьги] *тре́ба у́де́ць, а то вуж влезе у ву́шы.* Все узлы на покойном завязывают, пуговицы застегивают.

При покойном шьют только белую подушечку в гроб, набитую сеном. Шьют чужие женщины. Чужие же непременно должны делать гроб, своим нельзя. *Гроб ро́блять з смоло́вых: с со́сны, з ю́лки. З оси́ны не тре́ба.* Доски заготавливают свои. Гроб – *дому́у́ку, труну́, гроб* – делают во дворе под окнами.

Покойный лежит на лавке вдоль задней стены, головой к *покути* поперек половиц. Лавка отодвинута от стены. *Дитя́ так са́мо.* Покойника кропят *све́чоною водо́ю.* Пока в доме покойник, нельзя работать, нельзя убирать дом. Родным до погребения запрещено здороваться с посторонними. Молодых женщин из дома уводят.

Одежду и постель покойного выносят на двор. На третий день все это вместе с полотном, на котором опускали гроб, перемывают: *ме́ртвому во́чи промыва́ють.* Воду от обмывания выливают у печки, где *люди не ступа́ют.* Иголку, которой шили подушечку, *ховають* (зачем – не объясняют). Щепки от гроба жгут. *Не тре́ба, штоб трэ́ска отлете́ла, а то будзе́ хо́лодно*

у хати. Трэски палять на дворе. Свечу от *мертвяка* хранят в доме: она помогает от грома. Сор, который выметают после выноса, прячут в углу: выносить его нельзя, потому что душа еще 12 дней остается в хате. На двенадцатый день сор закапывают на дворе у *покути.* Березовые веники, которыми выметают после выноса, прячут: *биць худобину, штоб домовик не гнаў.* Другого средства от *домовика* нет.

Шматочки, какими завязывали руки и ноги, прячут: *коли што болить* – спина, руки, надо их завязать по голому телу и носить полгода. Их зашивают мужику в штаны, в рубаху, чтоб жену не бил. *Вони нападення отпадають, прэступлення. Хлопцы беруть йих у вармию, на суд.* На похоронах *кожны йих рветь собе да хопаеть. Бабы сваряцца: на што тобе? у тебя дитей нема.*

Як нарадять, придуть родзицели. Перед домом покойного мужчины снимают шапку и крестятся. Каждый приходящий ест *сыту,* которая в этом время стоит, не столе, и говорят: "Помяни, Господи, душу его. Царствие небесное". *Учитываюць, голосять* только свои, наемных плакальщиц никогда не было. Раньше *мацери по дзецях* нельзя было плакать: *будзе ў воде лежаць* (ребенок). Когда же дети по матери плачут – соловьи щебечут. *Мушчины не голосяць, воны церплять.* Нельзя, чтобы слеза упала на тело покойного: *штоб слюз не пускай, штоб на его не капали.* Если сильно плакать, покойный будет сниться, обижаться: ему там хуже. От сильного плача он может стать ходячим мертвецом, *пужайлом.* Плакать и учитывать начинают сразу после кончины, после захоронения плач прекращается. Хату с покойником *саму не кидають.* Меняются днем и ночью при покойном старики и старухи, разговаривают. Теперь стараются похоронить в один день. Раньше три дня держали дома или на кладбище в *каплице.* Там горела свеча. В доме ночью *свитяцца:* зажигают свечку от свечки, электричество тоже горит. В эти ночи на столе оставляют *сыту, потапуў тудой накрышать. Горилка штоб ў чарци стояла и пляшка.* В эту ночь в доме есть *нецо:* одна женщина при покойном пошла на двор, а дверь не открывается – будто кто-то снаружи ее подпирал. Все пробовали открыть – не могут.

В гроб кладут чужие: *своя родня не строить* [ничего] *на поминки. Кажуть вут: як умре жинка, то штоб не клали молодые мушчыны, ў гроб ложать старики. В домуўку* стелят стружку от гроба. *Ложать свечоное зелье: руту, тою, мяту.* Обязательно *хрестик. Кто хочэ, ложыть смену, споднийцу.*

Ховають пусль обеда. После положения в гроб родные и знакомые подходят целовать: *ў морду, потом ў руки.* В это время тот, у кого есть *червоные пятна* (родимые), должен взять мизинец покойного и обвести их – *так згине.* Гроб стоит посреди комнаты. *Як ўжэ уносять мертвяка, посадять родзицелеў на лаўку: штоб не столя у вочах, штоб ўжэ не пришоў исти.* Лавку и гроб обсыпают житом: чтоб живы были. При выносе *ховають кота, кота запирають у кочку.* Лавку кропят *свечоной водой.* Она должна стоять пустая 12 дней. Выносят: *дивки – дивку, хлопца – хлопцы, дзиця – старики.* Гроб могут и нести, и везти. Говорят по-разному: а) раньше возили и волами, и лошадьми; б) только волами, лошадьми нельзя было, *бо волы – божа худоба.* На телегу постилали *прустилка* – сено. Процессия движется медленно, в это время во всех домах бросают работу. Нельзя переходить дорогу и обгонять провожающих: умрешь. *Мацери не идуть на моглицы* [к детям] – *грех.* На провожающих не должно быть красного.

Рыть могилу приглашают чужих, *чтоб не до пáры: 3,5 або 7.* Те, кого просят, не имеют права отказаться. *Як идýть копáть, пьють по чáрце.* Несут с собой горилку, сало, хлеб. Зимой разводят костер на кладбище и едят. Яму на ночь *не кидають.* Если края осыпятся, умрет тот, кто копал.

До того, как опускают гроб, *кúдають грóшы: плóтяць за мéсто.* Льют в могилу *свéчоную вóду.* Девушку опускают на рушниках, рушники эти и ленты дарят подругам. Остальных опускают на полотне, если его нет – на веревках. Опускают только старики, а не те, кто нес. Все стоят вокруг могилы, молятся, потом закапывают. *Тýлько родня́ кúдае по трóшку пе-сóк три разы́: штоб не тосковáць, штоб у сне́ не предавáўса, штоб ý гла-зáх мертвя́к не стоя́л. А говóрять иные, што не трéба кúдываць.* Если умерла девушка, *оддаю́ть рушникá ýсем лю́дзям: то йийó весéлле* [свадьба]. Приданое раздают подругам.

Возвращаются с кладбища тем же путем. Кто первый или последний выйдет (особенно кому придется закрывать ворота), скоро умрет. Так что перед выходом с кладбища все мешкают.

Придя домой, провожающие умываются и утираются. На это время в доме остаются чужие старухи, выметают избу особым веником, "чтоб не возвращался". Одни говорят, что угощение готовят чужие, другие – что свои. *Як умрé, родзúцели порáюцца, коржы́ стро́ять, сытý. Коржэ́ц пекýть на водé с ведрá, прéсный, неўкýсный. То йегó, смерцякá, коро-вáй щитáицца.* Пекут три коржа размером в ладонь. Их нужно поделить на обеде, всем по куску. *Жалóбный стол, пóминки* проходят с вином. *Рáньшэ тýлько родзúцели собирáлис. Зáрэ як на свáдьбу, так и на пóмин-ки, и на дрýгий день прúдуть, и на трэ́тий.* Поминальное блюдо – *сытá (канá):* наводят с медом, если нет меда, с сахаром на воде, хлеб туда крошат. Готовят *кутю́:* ячмень размешивают в воде, сушат и варят с медом и салом. В начале обеда едят *сыты́* по три ложки, говорят:"Помяни, Боже, душу его". С первой ложки капают на стол. *Сытý* передают *за сóнцэм* по кругу. За столом сидят тихо, долго не встают, потому что тот, кто первым выйдет из-за стола на поминках, первый умрет. Для покойного от каждого блюда отливают ложку под стол. *Наберéм лóжку каны́ или крýжку воды́ и льем пуд стýл одзúн раз.* Остатки поминального обеда выливают на двор к *пóкути.*

После погребения нельзя жечь свет ночью. Одна женщина боялась, жгла свет. Приснился ей батька и говорит: все покойники перешли лужу, а я нет, потому что у тебя горел свет.

Душа находится в хате 12 дней. В течение этого времени для нее оставляется на окне хлеб, вода и рушник. Воду выливают на угол, где икона висит, на 12-й день. Хлеб закапывают *ý пóкуть з надвýрка.* На третий день *мéртвому вóчи промывáють:* стирают его вещи, постель, холст, на котором опускали: *штоб душэ́ бýло лéхчэ, штоб ýсё черэз вóду прошлó.* На 12-й день работать нельзя. В 40-й день – поминки. На них зовут тех, кто хоронил и делал *домýўку.* Встречают гостей во дворе, угощают. *Готýють што попáло як найлýчшэ.* Идут на *мóглицы,* несут туда горилку и еду, пьют. На могиле ничего не оставляют. В 40-й день *запечáтывають.* Три раза берут накрест песка с могилы, меду немного, хлеб, соль. Батюшка служит над этим песком в церкви. После службы его относят назад, откуда брали. Из меда варят *сытý: штоб душá больш ни ходзúла.*

Годовые поминки справляют очень мало. Убирают в этот день дом. Угощения нет, на могилу не ходят. Родные покойного год *ў жало́би. По зако́ну* год нельзя жениться и выходить замуж (теперь это не соблюдают). Нельзя носить красное. В хате нельзя колядовать и справлять *вече́ры.* Свадьбу справляют в другом доме.

Если не положат какую-либо вещь в гроб, покойник будет сниться и *жа́лица.* Но передать эту вещь, закопав в могилу, нельзя: только беспокойство умершему. Вот мать зарыла в могилу кольцо, которое забыла надеть дочери. Дочь приснилась ей и плачет: "Зачем ты это принесла? Только хлопот наделала".

Календарные поминки

Календарные поминки – *диды́* – справляют четыре раза в год:
пе́ршии диды́ – перед великим постом
други́и – Ра́дуўница (вторник Пасхальной недели)
третьи – *ты́дзень за Тру́йцу (Проводна́я недзе́ля)*
четвертые – перед *Покрово́й.*

Ў диды́ ро́биць грих. А́льбо на Ра́дуўницу тре́ба сад пришепля́ць: Ра́дуўница приходится *на молоди́к* (нарождающийся месяц), а *на молодику́* сад лучше растет. *Ра́дуўницу* празднуют *на моги́лках,* остальные *диды́* – в хате. Накрыв стол, приглашают *родзи́целей:* "идут теперь наши". Кончив вечерю, кладут ложку на стол, приговаривая: *"Хай прийдзе́, хто помер, и ист".* По тому, перевернуты ли эти ложки наутро, можно узнать, приходили ли *родзи́цели, диды́, хто помер.* Раньше на кладбище перед *дида́ми* не ходили, сидели дома, жгли свечку. Теперь (после войны) до *вече́ри* ходят на кладбище. Ворота кладбища и дверь хаты *на диды́* не запирают. *На вече́рю* (собственно *диды*) готовят все постное: постный борщ, обязательно груши, постную *кутю́.* В суботу утром (*на бабу́*) скоромное: блины, кашу, *кутю́ с са́лом.* Для *родзи́целей* ставили чарку, ложку, кусок хлеба. После того, как семья поела, кушанья не убирают: *э́то пуска́й дида́м остаёцца.* Горилку не допивают, выливают под стул. После этого подходить к столу запрещается.

Одна старуха на *диды́* захотела поесть, когда все легли. Подошла к столу, тут ее повалило и всю ночь катало по хате, пока не прибило к двери, к порогу.

Увидеть *дидо́в* можно, если не приготовить *вече́рю. Як вече́рю не постро́ять, диды́ приду́ть и вред зро́блять, стола́ оберну́ть,* будут всю ночь мучить. Если *вече́рю* не приготовили, нужно, чтобы хоть корочка хлеба была на столе. После *дидо́в* убирают дом. В ночь *на бабу́* нельзя иметь супружеских сношений, иначе родится *не́мец* (немой) или *кале́ка, уро́да (што́-нибудь бу́дзе).* От этого-то все немые пошли.

На светлой неделе во вторник празднуется *Ра́дуўница. Кору́гу* [хоругвь] *нисли́ на мо́глицы, ба́тюшка служи́л.* Несут корзину с едой: *яе́шну, гори́лку, млины́, квас, хлеб.* Каждый стелет на могиле своих родных *насту́льник.* На кладбище есть стол для общего поминовения. Подзывают первого встречного и подносят ему чарку со словами: "Помяни душу..." Он выпивает и говорит: "Царствие небесное". Пьют на могилах, сколько в душу влезет. *С мо́глиц иду́ть, я́ко з бесе́ды* (очень пьяные). Плачут и

причитают на могилках. Ходят с могилы на могилу, говорят: *"Ходзите к нам, помяните!"* Жалуются: *"Твои идуть, а моих нема"*. На могиле бьют яйца. Яйца лежат на *сугробе* (насыпи), пока пьют. Потом их собирают и уносят. *Той душэ погано будзе, што яйко лежыть.* Христосоваться с покойными – грех. Могилу обметают березовым веником. *Розог з берёзы наберуть да метуть.* Теперь на могиле милостыню не раздают. Раньше были такие дед с бабкой, каждую *радуўницу* ходили на кладбище побираться, и все им подавали. Могилу кругом *утыкають гольём. Цвиты роблять и садзять.* На кресты вешают *венки, косняки, рушники. Цепляють рушники хто обрекаицца, обрук дае* (ходить в церковь на все большие праздники). *Обрук* дают те, у кого в доме больной. *Хвартушки* вешают только на кресты на расхожих дорогах, тоже в *радуўницу.*

Теперь и повешенных поминают, раньше на их могилы не ходили. Уходя, уносят все: мертвым нужно будет сторожить оставленное, им будет неспокойно. *Кидають тулько крошки, шкорлупки* (от яиц), *штоб птицы клевали.* Дома угощение продолжается. В дом ведут того первого встречного, которому подносили чарку.

Погост, могила

В селе четыре погоста. Самый старый расположен в центре села, остальные – в километре-двух, на возвышенном месте у леса. На старейшем погосте растут дубы, на других – ели. Вход с запада, изголовья могил обращены на северо-запад. Могильные насыпи невысокие. Небольшие кресты (раньше дубовые, теперь металлические) закапывают в могилу вместе с гробом, второго креста не ставят. Кладут *венок з дирэза на усю могилку.* Сажают деревья у могил на *Радуўницу,* втыкают вокруг березовые прутья.

Повешенного *де повисицца, там и ховають. Шшытали, то уж не смерцяк. На расходных дорогах ховали висельникоу. Хто идзе, той кидае голинку: як он на голье зависиўся, так ему голья треба. Хреста не ставлять, лома кидають, кол з осины убивають* (сразу при похоронах). *Раз на могилках на углу закопали висельника и тудою накидали голья. Як поховають висельника на могилках, дожжа не будзе.* Некрещеных детей хоронили с краю *могилок,* поливали могилу святой водой. *Знахорю на сугроб* сыплют *мак-видун.*

Моглицы открывають топленником, бо вун святой. Ночью на кладбище *родзицели пужають.* Вот одна женщина проходила ночью мимо кладбища и слышит оттуда музыку: скрипки, барабаны. Тут она закашляла: кхе-кхе! – и музыка кончилась. Это ее отец научил: будешь идти или жить *пу-за моглиц, треба свуй голос даць, штобы родзицели почули и не пужали.*

Могильную землю используют для магических действий: в песке с могилы родича купают больного ребенка. Если будет умирать – скорее умрет, если поправляться – скорей поправится. После купания песок относят на то место, откуда брали. Если корова умершей хозяйки перестает доиться, ее тоже купают в песке с могилы хозяйки.

При всех праздниках *против кладбищ* не поют. Раньше сирота до венца ходила на могилку матери и просила у нее прощения.

Обычай разрывать могилы ходячих мертвецов не распространен. Вырывают крест на могиле висельника, похороненного на кладбище, в случае засухи. Разрывают могилу, когда колдуны кладут в гроб покойника чью-нибудь вещь или *след*, "вынутый" из земли, чтобы этого человека "извести".

Поверия, связанные со смертью, покойным, кладбищем

Е такú людзи, што чýють смерць. Они просят их обмыть перед кончиной. Старуха-мать еще *тыджень жылá, а ўжэ просúлась на пудлóгу: пéршая прикмéта, што чоловúк помрé.* Колдуны всегда предчувствуют смерть и уходят в лес.

Смерть представляется женщиной. Вот шел человек в час ночи, а по улице идет женщина. В одной хате светилось, там человек лежал, болел. Как женщина вошла в хату, там заголосили: умер. Так говорят, это смерть была, душа вышла.

Мужык конаў и бáчыть: "Вут вунá и прийшлá и стоúть с косóю". О душе представления неясные: *хто ее бáчыть, тую дýшу. Раз тéло владéе да жывé, та е штó-то, мóжэ, душá какáя.*

Душу можно увидеть в виде мыши: *Ночевáли мушчúны у лéса, бýў колóдезь возль йих. А водзúн так спаў мóцно,* что у него изо рта выскочила *муш*, побежала до колодца, напилась – и назад, в рот. А другие двое видели. Тот проснулся и говорит: "Как же мне пить хотелось!" А то была душа.

Душа принимает образ птицы: *зюзюля, кóршун* – душа человека. *Як воробéй прилетáе, так кáжа, што дид, чи дицá, чи сынóк прилетáе, у когó хто помёр.* Любая птичка как летит по полю, так говорят, что душа летает, душа доброго человека.

Душу отождествляют с паром: "У старика *ўжэ сам пар выпирáе*". После смерти душа 12 дней живет в хате, а потом куда заслужила, туда и идет. О том, грешным или праведным был покойный, можно узнать по характеру смерти: грешники и колдуны умирают трудно. Другие *прикмéты: як умирáе ў погóду, кáжа: "Во хорóшый чоловúк помёр". Знáхорку* можно узнать так: *вунá, як умирáе, свое говнó ист.*

О том, как душа идет на тот свет, где он расположен, ясных представлений нет. *Грúшный* попадает после смерти *ў пéкло, спасёный – ў рáй. Грúшная душá – та, што с чертáми знáлась.* В пекле грешных заставляют лизать раскаленную сковороду, черти возят на них смолу. *Дзéци до нескóльких лет* – ангелы. Для *спасёных* Страшного Суда уже не будет, а *грúшным* – будет. Что произойдет после Страшного Суда, никто представить не может. Можно облегчить родным страдания в аду, если убить ужа: за ужа с них снимается один грех.

Матери, у которой умерли маленькие дети, нельзя есть яблок до первого Спаса, а то ее детям не дадут яблочка на том свете. Скажут: а твое яблочко свинья съела.

Мертвые приходят каждую ночь с пятницы на субботу в церковь Богу молиться, только живым нельзя на это глядеть. *Бáба воднá булá. Вунá хотúла робúць, видь трéба прясьци, так вунá засвицúла. Побáчила у вокнé: ў цэркви свúтицца. Оденýлась и пуйшлá. А там смерцякú и мáцерь ее. Мáцерь ей махнýла: уцекáй да скинь одéжу. Вунá шýбу скúнула и дýшы мéртвые еé не побáчили. Рáно прийшлá, а шýба еé ў клочкú растáскана.*

Умершие являются во сне, *посцирёгу даю́ть*. Если приснится умершая мать – или к большому счастью, или к большой беде. Умершие *родзи́цели* беспокоят живых во сне, если они не исполнили каких-то завещаний относительно похорон или не справили годовых поминок.

Умерших родных можно увидеть на похоронах. Один человек на похоронах брата увидел мать: *вут и старэ́нька прийшла́*. Если месишь тесто и не вытрешь руки, а спрячешь их под фартук, когда везут покойного, можно увидеть *родзи́целей:* они тоже идут за гробом. *Э́то йих весе́лле. Хто умре́, ба́чыть усих родны́х.*

Ребенок, умерший некрещеным, превращается в коня: *нехришче́ное дзиця́ конём ски́дываицца.*

По повериям, у женщин и детей душа такая же, как у мужчин; у всех кто живет, душа одна: и у иноверцев, и у людей другой национальности. *У скоци́ны так са́мо, як у челове́ка.* У коровы душа – *па́ра. Умре́ корова́ – па́ра вы́йшла. Быва́е, ў то́й жэ час, як хозя́йка помира́е, тава́р* [корову] *уби́еть.* Или же после смерти хозяйки корова перестает доиться. При смерти душа выходит: *вы́йдзе дыха́нне, дыхне́ два раза́, слёзки вы́коцять з оче́й. Так са́мо и у скоци́ны. Як умира́е, а во́чи откры́ты, не́хто помре́ ўжэ.*

По-особому хоронят стариков (раньше только стариков возили волами), холостых (несут девушку – девушки, хлопца – хлопцы, опускают гроб на рушниках, раздают приданое), *зна́хоря* (посыпают могилу *ма́ком-видуно́м*), *нехри́шченое дзиця́ (хри́сцять, як ў домуўку кладу́ть: ста́рые ба́бы повью́ть и хри́сцять де́вочку – Е́ва, ма́льчика – Ода́м. То ж пе́ршии лю́дзи),* удавленника (см. выше).

Трудной бывает смерть у *зна́хоря, што с черта́ми зна́уса: черты́ не даю́ть ду́шу урва́ць.* Колдуны идут на расхожие дороги в лес. Колдун свистнет три раза – и сходятся все черти. Самому маленькому он палец разрежет и кровью расписывается, и тогда спокойно умирает, а *черты́ з други́м де́ло ма́ють.* "Мой сват три раза в лес бегал. Раз словили, другой словили, а на третий убег. Там его нашли разодранным за ноги. Тоже, говорят, черт был".

Буў одзи́н зна́хорь, так вон до́ма не помёр, а на пу́ще помер: скопэ́ў ушáми, чорты́ прийшли́ и задушы́ли.

Был один знахорь, жил 102 года и все не мог помереть. Так он поджег дом и в доме сгорел.

После смерти ходят: *кого́ загу́бять; нехри́шченные дзе́ци (пужа́ють ў ле́се, пла́чуть, пою́ть); зна́хори;* те, о ком сильно плачут; матери, умершие родами (ходят к детям кормить грудью); те, кого забудут помянуть *на диды́.* Все ходячие покойники называются *пужа́йло.* Особенно они *пужа́ють ў глу́посць: сере́дь дня́ и сере́дь но́чи.* Девушки, умершие в *руса́льный день,* делаются русалками.

От ходячих мертвецов можно избавиться, посыпав самосейным маком могилу, ворота, дом. *Гри́шным* сразу на похоронах забивают в могилу осиновый кол. Муж-покойник перестанет ходить к жене, если она вплетет в косы тою и руту.

На запоро́ченных места́х, де кого́ загуби́ли, там мо́жэ при́знаки дава́ць (в лесу, у дороги). Там можно заблудиться и кружить, пока кто-нибудь не поможет. В этих же *запоро́ченных миста́х* хоронили висельников: *то уж нечи́ста си́ла его́ ў пе́тлю загнала́, черты́ подпе́рли.*

В засуху вырывали крест с могилы висельника: именно его похороны с крестом и считались причиной засухи.

Кого́ перу́н бье, тот умёр по-бо́жэму. То́пленник – свято́й. От гори́лки умре́ у̌ ча́ди – то по-бо́жэму. Як родзи́у̌ся, то ему́ у̌жэ запи́сано, яку́ю смерць приня́ць, чи утопи́цца, чи пови́сицца. Гри́шна душа́, ее́ не прыйма́ють.

На похороны нельзя ходить тем женщинам, у кого *демастра́цыя: ни в ха́ту, ни на моги́лки, як не чи́ста.* Молодым женщинам нельзя быть в хате с *мертвяко́м: як умира́е, молоды́х жу́нок отправля́ють. Молода́ не идзе́ к смерця́ку́* (детям и девушкам можно). Беременной нельзя ходить к *мертвяку́*, а то *дзиця́ бу́дзе бе́лое, як гли́на, кра́ски николи́ у̌ лице́ не бу́дзе, жо́лтый бу́дзе, смерте́льный. Як во́зюць поко́йника, мацъ выцира́ицца кра́сеньким, гово́рять, дзиця́ бу́дзе румя́ным.*

ПРИМЕЧАНИЕ

1 *Moszyński K.* Polesie Wschodnie. Warszawa, 1928; *Pietkiewicz C.* Kultura duchowa Polesia Rzeczyckiego. Warszawa, 1938; *Kolberg O.* Dsieła wszystkie, t. 52. Białoruś – Polesie. Wrocław–Poznań, 1968.

2 *Завойко Г.К.* Верования, обряды и обычаи великоруссов Владимирской губернии. – ЭО, Этнографическое обозрение, 1914, № 3–4.

3 *Куликовский Г.К.* Похоронные обычаи Обонежского края. – Этнографическое обозрение, 1890, № 1.

4 *Смирнов Вас.* Народные похороны и причитания в Костромском крае. – II Этнографический сборник Костромского научного общества по изучению родного края, вып. XV. Кострома, 1920.

5 *Зеленин Д.К.* Древнерусский языческий культ "заложных" покойников – Изв. АН, 1917, Пг, № 7.

6 Ср. использование самосейного мака в той же функции в украинском обряде: *Богатырев П.Г.* Вопросы теории народного искусства. М., 1971, с. 272; *Зеленин Д.К.* Описание рукописей Ученого архива ИРГО, вып. 1. Пг, 1914, с. 311, а также в белорусском: *Никифоровский Н.Я.* Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии. Витебск, 1897, с. 294.

7 *Смирнов Вас.* Указ. соч.

8 *Червяк К.* Дослiдження похоронного обряду (Похорон як весiлля) . – Етнографiчний вiсник, кн. 5, Київ, 1927, с. 143–148; *Кузеля З.* Украïнськi похороннi звичаï й обряди в етнографiчнiй литературi – Етнографiчний збiрник, XXXI–XXXII, Львiв, 1912, с. 304–315.

9 *Кузеля З.* Указ. соч., с. 329.

10 *Чајкановић В.* Мит и религија у Срба. Изабране студије. Београд, 1973, с. 89.

11 *Кузеля З.* Указ. соч., с. 344.

12 *Moszyński K.* Kultura ludowa Słowian, cz. II, zesz. 1, Warszawa, 1967, s. 597.

13 *Шейн П.В.* Материалы для изучения быта и языка Северо-западного края, ч. II. СПб., 1893.

Ф.Д. Климчук

ТРАДИЦИОННАЯ СВАДЬБА ПОЛЕССКОГО СЕЛА СИМОНОВИЧИ. КАНУН СВАДЬБЫ. ВЕНКИ

Данная публикация включает тексты свадебных песен и "рассказ" о традиционной свадьбе, записанные в с. Симоновичи Дрогичинского р-на Брестской обл. БССР. Рассказ приводится на говоре с. Симоновичи. Тексты песен включены в рассказ.

Абсолютное большинство песен автор записал от одной исполнительницы, своей матери – Анастасии Андреевны Климчук (девичья фамилия

Пигас) в течение более чем 20 лет (1957–1979 гг.). От нее же в 1974 г. записан рассказ о свадьбе. Запись проводилась по частям, затем сведена автором воедино. В 1978 и 1980 гг. этот рассказ дополнен А.А. Климчук и Д.Ф. Климчуком, кроме того, уточнены отдельные места. Некоторые заметки о свадебных обрядах записаны в другие годы. Ряд сведений информаторы сообщили лишь как пересказ того, что сами слышали от старших или видели в детстве.

Преследовалась цель воссоздать в основных чертах традиционную свадьбу с. Симоновичи, которая была характерна для данной местности по крайней мере в начале XX в., т.е. до первой мировой войны, а также записать по возможности полный репертуар свадебных песен. Краткая информация о свадебных песнях с. Симоновичи приведена автором в статье "Песенная традиция западнополесского села Симоновичи" (сб. "Славянский и балканский фольклор". М., 1978).

Село Симоновичи находится в той части Полесья (так называемое центрально-западное Загородье, т.е. неширокая полоса между Брестом и Пинском), где раньше, чем в других полесских районах, началось разрушение традиционной обрядности. Этот регион в прошлом – один из наиболее обезлесенных в Полесье, с густой плотностью сельских населенных пунктов. Процесс разрушения традиционной культуры начал здесь интенсивно проходить с начала 20-х годов XX в. Тем не менее свадебный обряд и соответствующий ему песенный репертуар в своей основе сохранялись здесь и в последующие десятилетия. Резко уменьшается число исполняемых свадебных песен лишь в 60-е годы XX в. Обрядность сохраняется лучше.

По мнению местных старожилов, начало XX в. для центрально-западного Загородья является концом той эпохи, когда к соблюдению свадебных и всяких прочих традиционных обрядов подходили почти с такой же строгостью, как и к соблюдению церковного обряда во время богослужения, когда язык фольклора служил такой же нормой, как в наше время литературный язык. Отношение старожилов к языку традиционного фольклора как к наиболее нормированной системе из всех форм местного говора сохранилось до наших дней. Так, в диалектологической практике мы неоднократно встречались с такими случаями, когда информаторы решали окончательно, как наиболее правильно обозначается в их родном говоре определенная реалия или понятие, лишь после проверки по текстам традиционных местных песен.

Традиционная симоновичская свадьба (высíлле) представляла собою своего рода театрализованное представление. Каждый его участник (высíлнык) играл в этом представлении определенную роль. Участники свадьбы – это приглашенные на свадьбу (гóсты звáны). На свадьбе от ее начала и до конца присутствовали и посторонние люди, жители той же деревни и соседних деревень. Из посторонних на свадьбу приходили люди всех возрастов, кто мог прийти. Они просто присутствовали на свадьбе, наблюдали за ее ходом, встречались со знакомыми, знакомились и т.д. Если на свадьбу не являлся кто-нибудь из соседей, то это считалось знаком неуважения. Из соседних сел приходила преимущественно молодежь. Посторонним принадлежала своя роль на свадьбе. Например, целый цикл свадебных песен исполнялся посторонними, прежде всего девушками и молодыми женщинами. После свадьбы еще долго обсуждали и вспоми-

нали, кто как на свадьбе сыграл свою "роль", кто как себя вел, как была подготовлена свадьба и т.д. На свадьбах, кроме свадебных песен, до рубежа 10–20-х годов XX в. исполнялись старинные необрядовые песни (бысэ́дны пісні), а с 20-х годов – старинные и новые песни на местном говоре и литературных языках.

После угощения за столом гости плясали под музыку. Играли в старину на скрипках, позже – на гармошках (гармо́ня) под аккомпанемент барабана (ручного, изредка стоячего, на ножках). Пляска сопровождалась пением частушек (пры́пывок). Никогда и нигде не исполнялось столько частушек, как на свадьбах. На свадьбах преобладали танцы, в которых танцевали по одному, причем танцующие образовывали круг. Чаще всего в кругу кто-то начинал частушку, затем ее подхватывали другие.

К свадьбам серьезно готовились. Одним из весьма важных моментов подготовки к свадьбе являлось изучение свадебного церемониала, а также разучивание свадебных песен.

Свадебные песни, кроме свадьбы, пели в любой ситуации, в любое время года, кроме постов и некоторых праздников. Пели их, идя на работу, с работы, за работой, в лесу, собирая грибы или ягоды, за пастьбой скота, на вечеринке, когда шли на работу внаймы в г. Дорогичин и шли обратно и т.д. Особенно часто их пели осенью. Поэтому ряд песен пели на свадебный и осенний мотив.

При исполнении свадебной песни на свадьбе поющие разделялись на две группы, по голосам. Каждую строку песни каждая из этих групп пела два раза. Поэтому каждая строка в песне повторялась четыре раза. В связи с этим и тексты из двух строк, если они пелись, назывались песнями. Но если их уже не пели, а только приговаривали, то называли "при́казкы" (т.е. приговоры).

В работе тексты песен помещены в таком порядке, в каком они исполнялись на свадьбе. Об их последовательности сообщила А.А. Климчук. Правда, в отдельных случаях этот порядок исполнения мог несколько нарушаться.

РАССКАЗ О СВАДЬБЕ В с. СИМОНОВИЧИ

Высілле можна було робыты в мнясны́ці, навысні, госыню, а влітО – оно́ як вдовці. Як на вылы́дэнь – то почыналы на другый дэнь, на трійцю – тожэ на другый дэнь, і то мало. Ны можна було робыты в пыст, в пэршы дні коляд. В пылыповку, в спасовку ны робылы. Як була ныділя й прычыста в одын дэнь, то в поныділок почыналы высілле. А так – высілле почыналы в ныділю.

Высілле – гэто высілны пісні – спывалы й спывають, як жывэ высілле. Алэ бало йіх завсі́ды спывалы, оно коб ны в пыст. Дывчята, молодыйі молодыці спывалы. Як статок пасуть, як з роботы йдуть, чясом як і так шо роблеть, всэ спывалы высілле. Як спывають высілны пісні на высіллі, то тыйі, шо спывають, ділецьця на дьві чясьці, на дьві половыны, по голосах ділецьця. І кажнэ слово – гэто кажну строчку в пісні зразу проспывае два разы одна половына, посля два разы – друга половына тых, шо спывають. Там дэ "дівонька", то спывають, як зовуть молодую (Ганноч-

ка, Манічка), а дэ "жынышок", то – як зовуть молодого (як ко́лысь, то Мыколайко, Сты́панко, а як зарэ, то Колічка, Сцёпочка).

Бало госыню, як ідуть з міста, з Дорогычыня, з роботы, то спывають высілны пісні на госінный лад, гучно спывають, лісом ідучы.

Бало, шэ до тэйі (до мыколаёвськыйі) войны, як хотілы кого ожыныты чы оддаты, то зразу йшлы на пырыпы́ткы. Батько й маты жыныха чы дівкы посылалы до дівкы чы до жыныха кого-нэбудь с свэйі блыськыйі родні спытаты. Шэй зарэ можэ хто пойты, як ны дружеть, а з налёту хочэ взяты. Колысь на пырыпыткы йшлы дьві бабы, чясом і одна. Сыстра старша йдэ чы тітка, чы двоюрыдна сыстра, дьві бабы йдуть, коб моглы поговорыты. Робылось гэтэ тайно. Хай собі й знакомы молодыйі, то сёромно раді хормы колысь пырыпыткы робылы. На пырыпыткы йшлы сырыд тыжня – в сэроду чы в чытвэр. А вжэ як договорецьця, то робылы запо́йіны. А чясом ны посылалы в пырыпыткы, а так ішлы в запойіны.

Запыва́лы звычяйно в суботу. Скажуть – сваты йідуть в запойіны, запываты йідуть. Пуд сваты йідэ жыных, батько, маты, шэ дэ́кылько чоловік с самыйі блыськыйі родні, ны зусім молодых. Як бало, то чоловік штыры-пъеть набы́льш йідуть в запойіны. А вжэ в тыпэрышнэ врэмне, то чоловік двацщэть йідэ. Йідуть ввэчыры. Жыных прыносыть свою горілку, а дівка дае закуску. Батько жыныха бырэ пуд руку булочку хліба. Батько с хлібом і з горілкыю. А хліб закручаный в хустоцщы. Хліб назад забыралы, оно так полыжыть на столі тое булыня́тко.

Всі сваты й жыных разом входеть в хату. Зайшовшы, жартовалы: "Тылушку купляты прышлы. А чы продаетэ? Можэ корову продаетэ? Чы продаецьця, чы так оддамо, як много грошэй дастэ. Нішо згубылы, заблудылы. Дорогу шукайімо, прышлы дорогы пытаты. Чы пустытэ ночоваты? Хочымо тылушку купыты. Нам роботнік трэба, можэ в вас е?" После пытають: "Чы выпъйімо по порцыйі?" Як скажуть "выпъйімо", то пытымуть. А як ны хочуть оддаты і ны будуть пыты, то скажуть: "Ныма с чым оддаты, шэ постэлі ныма. Вона шэ молодая, хай шэ пудростэ". Можуть чясом зусім отказаты пыты. Молодая трэба коб выйшла, хоч і ны хочэ йты. Алэ чясом можэ і ны прыты, то быэ молодэйі пъють. Пытають батька й матыра, чы оддадуть, пытають і дівкы, чы пыйдэ. Як росказувала одна молодыця: я кажу – ны пущчу, а вона (дочка) кажэ – я пойду, і оддалы.

Як прыйідуть сваты́, то молодуха йдэ з жыныхом разом дэкого э родні поклыкаты, хто блысько, можэ батька хрышчоного, хрышчо́нку. Скажуть: "Ходітэ пуд запойіны, сваты прыйіхалы, ходітэ й вытэ". А як ны хочэ йты, то ныкого ны клычуть.

После збыраюцьця, почынають пыты. Як бало, то бутылок дьві выпъють, а тры, то вжэ много, вжэ як богаты, то тры пляшкы. А чясом і однэю пляшкыю обыйдуцьця. Як почыналы пыты, то хрыстылысь. А зарэ, то вжэ много пъють.

Садецьця за столом. Стыл завшы трэба, коб був засланый настылныком, чы высілле, чы й дыды́. А другый настылнык – хліб вкручаный на столі. Которы прышлы – жыных, ёго батькы й родня – за столом, а дівка з батьком і матырыю на ослоны. Почынають пыты стоячы. Однэю порцыйію пъють. Мусыть почынае пыты ёго батько, пускае здоровъе до йийі батька.

Потом йийі батько – до свахы, а сваха, ёго маты, – знов до свахы, до йийі матыра. А потом жыных до дівкы. Так накрыж і пъють, пускають здоровъе. Пускае здоровъе – гэто скажэ: "Будь здоров, Стыпан чы Мыколай!" А после пъе. А знов той, до кого пустылы здоровъе, налывае, пускае здоровъе і пъе. Поздоровляють молодых: "Коб у пары вік короталы! Дай, божэ, в пары вік коротаты! Дай, божэ, шчясьця! Дай, божэ, здоровъя!" Жартують, смыюцьця: "Разом садітэсь!" После садецьця разом молодый і молодая. Батькы разом садецьця, а жыных скраю. Баба завсіды пуд запойінамы з лівого боку сыдыть, і молодая тоже, і на высіллі, а вжэ на возы, то с правого.

На запойінах молодыйі крохы пожывуть в хаты, да йдуть в кухню чы в сіны, на двыр выйдуть, крохы прыдуть, дай знов, мало жывуть за столом. Воны оно як почынають запойіны, то трэба, коб булы. А молодый трэба коб був на запойінах, хоч і відала ёго йийі родня. Быз молодого ны йіхалы.

На запойінах про посаг договаруюцьця.

Пуд запойінамы спывають:

1.
Ой чуты, чуты – бубны бъють,
В нашыйі дівоньки сваты пъють.
Пъють воны, пъють, ночують,
Собі дівоньку торгують,
Пъють воны, пъють, гуляють,
Собі дівоньку вмовляють.
А йийі батынько ны продасьць,
А ля Колічкы так оддасьць.

2.
Ой рабая зозулька,
Ты ны шчырая пташка,
Ты ны шчыро заковала,
Мні правды ны сказала.
Казала –сім літ буду,
На госьмым замуж пойду.
Прышла я додомоньку,
Аж мынэ запывають,
Ручынькы прыбывають,
Кубочкы налывають,
По новуй хаты носеть,
Мого батынька просеть:
– Пы, свату, горілочку
За свою рідну дочку.

3.
– Чому, зозулька, ны ковала,
Як сады зацвыталы? –
– Чому, Манічка, ны плакала,
Як тыбэ запывалы? –
– Я думала, шо снігы впалы,
Аж сады зацвыталы.
– Я думала, шо в карты грають,
Аж мынэ запывають.
Аж тыйі жярты прышлы до правды:
У ныділёньку рано
Шыхують канку з білого лёнку
На мою голывоньку.

4.
Запыта, дівонько, запыта,
Шовком хустонька нашыта.
Хто йийі молоду запывав,
Шовком хустоньку нашывав?
Запывалы йийі уночі,
Нашывалы хустоньку паничі.

5.
У полы садочок ны мытін (ны мытін),
Окола руткыю оквытів.
Ныхто в тым садочку ны бував,
Оно жынышок в карты грав,
Собі дівоньку намовляв:
– Пойідь, дівонько, зо мною,
Будыш мойму батыньку слугою,
Мні молодому жоною.
Мойму батыньку хоч на рык,
Мні молодому на ввэсь вік.

Спывають і пуд запойінамы і пуд вынкамы.

6.
До-до-до – высілле будэ,
Торбочка за мышэчка пыйдэ.

Спывають діты, бабы дэ пуд окном на запойінах чы альбы колы, завгыдь, як повідають, шо хтось жынытысь будэ чы хто замуж ідэ.

Запойіны почынаюцьця ввэчыры, а розъйіжджяюцьця вжэ пуд ранок. Як зарэ, то чясом до ранку пъють.

А после кончеть пыты, одъйішчяють, прошчяюцьця, подають руку, скажуть: "Оставайтэсь здоровы!" Жыных можэ крохы остатысь, потом шэ крохы поговорыты.

А як ны схочэ дівка, як откажэ, то вжэ скажуть, шо гарбуза́ спыкла. Гэто оно прыказка такая була: опарыв носа, спыкла гарбуза, як заплатыть грошы чы откажэ пыты. А того гарбуза ныхто ны пік.

В гынчых сёлах пуд запойінамы обвязують ручныкамы.

А як ны схочэ, то ны схочэ, дівка чы жыных, батькы можуть ныщ ны зробыты. Гэтак і колысь. Алэ быльшу чясьць всэ някоть вговарувалы. Чясом і зарэ можуть вговорыты.

После запойін, як запъють, то вжэ дівка лычыцьця запы́та чы пропыта — чясом скажуть. А як вона схочэ отказаты жыныховы, то мусыть заплатыты. Платыть тылько, кылько коштовала горілка, шо жыных прывіз. Чясом хоч і ны хочуть оддаты, і ны хочэ йты, а вжэ совыстыцьця отказаты, як прыдуть сваты, то выпъють дай заплатыть.

После булы огля́дыны. Дівка йдэ на оглядыны сама чы кого посылае. Чы сыстру, чы братыху, чы куму возьмэ і йдуть на оглядыны. Якое хозяйство, вжэ знають после. Шэ нысэ жыныховы платыты, бутто ны хочэ, йты, хоч і хочэ, будто бы грошы нысэ. Нысэ грошы, алэ ны оставляе. А як ны хочэ йты, то зайдэ, грошы покынэ і пошла. А чясом і одумы́сны булы оглядны. А чясом і жыных ны схочэ, откажыцьця. Ны прыдэ, ны покажыцьця до дівкы — і всэ. То гынча дівка, коб ныславы ны пустыты, то вжэ грошы нысэ, заплатыть. А гынча скажэ: "Я ліпш сподныцю собі куплю, чым ёму грошы занысты".

После булы сумо́выны. Сумовыны звычяйно в другу суботу после запойін, а чясом кырыз дьві, кырыз тры ныділі. Сумовыны роблеть вдэнь і ввэчыры, вдэнь почынають. На сумовынах горілку з двох сторон ставлеть: і од молодого, і од дівкы. Сумовыны в дівкы роблеть. На сумовынах договарувалысь, колы высілле робыты, кылько сватыв прысылаты, коб знаты, кылько ручныкыв, кылько пырызвян. На одного свата мае два пырызвяныны, як 15 сватыв, то 30 пырызвян.

Ну шыхуюцьця до высілля. Высілле самы батькы робылы.

В чытвэр пырыд высіллем трэба на высілле позваты. Маты й батько зовуть. Трэба, шоб в чытвэр булы запрошаны і дружко́, й свашкы́, й дру́жкы. Як зовэ на высілле маты, то хвартушка прыпынае, і в хвартушок хліб, хліба окружчычок. В пъятныцю молодыйі до сповыды йшлы; чы в пъятныцю, чы в ныділю пырыд вынчяннем.

Ну а пырыд самым высіллем — вынкы́. Вынкы роблеть ввэчыры пырыд высіллем в суботу. А як якое свято, як ны в ныділю высілле, той вынки ны в суботу. Пырыд вынкамы мыюцьця полносьцю жыных і молодая, а в ныділю врано, як до вынця йіхаты, як колысь, то оно лідо.

В суботу вдэнь і пуд вэчор молодая ходыть збырае свойі подру́гы, свойіх подруг збырае. Трэба зобраты і сусідськых дывчят, і з родні. Шэ трэба, коб було дывчят до пары. А шэ як колысь, то ходыла збыраты пудвычкы́ [ленты] до вынка по подругах.

Прыходеть подругы до молодэйі. Садецьця подругы за столом, окола стола. Зобралысь. Прышлы батько й маты, стоеть коло стола. Всі дывчята встають. Одна дівчына благословыть, тры разы благословыть. Посля каждого разу всі дывчята, батько й маты говореть: "Хай быг благословыть".

7.

[Девушка:]
– Пэршым разом,
Божым росказом
Напырод просымо
Господа бога,
Батька й матыра,
Роду й плыння
(Роду й племені),
Гостэй зозваных,
Сусід спроханых,
Вылітэ, благословітэ
Гэтуй молодуй вынка звыты!

[Остальные:]
– Хай быг благословыть.
[Девушка:]
– Другым разом...
[Далее повторяется весь текст.]
[Остальные:]
– Хай быг благословыть.
[Девушка:]
– Трэтім разом...
[Далее повторяется весь текст.]
[Остальные:]
– Хай быг благословыть.

Благословыть дэкотора блышча з родні, вона былшу чясьць дру́жка на высіллі. Вона одна вынка въе. Всі квиткы́ робъеть, а вона вынка въе. Поблагословывшы, садецьця – і за роботу. Въють вынка, робъеть квыткы. Квыток трэба, коб було всім высілныкам, всім сватам, і молодому, й молодуй. Чясом в квыткы вбырають дугу, чясом шэ шо вбырають. Бало вылы молодуй вынка. А вжэ посля мыколаёвськыйі войны, то зразу клала молодая вынка, алэ хутко сталы ве́ліна (вэ́лёна) класты. На квыткы разноцветный папі́р [бумага] чы разноцветны стружкы, купыть папэру, стружок всякого колёру. А на веліна (вэлёна) дэкылько голынок шпара́ґуса (такый вазон), йіх прышывають бы выночком. Чясом купляль одумысного выночка, прышывалы до веліна. А вынка молодуй робылы з бырві́нцю (барві́нцю), з бырві́нкы, з руты. Гэто такое зілле, шо зылёнэ жывэ і взыму. Бырвінка цвытэ сыныньким волошковым цвітом, а бырвінэць ны цвытэ, в ёму круглішый лысток, а бырвінка – лысток довгынькый. В квыткы тыкалы бавэ́л і сухозло́тыцю. Бавэл – гэто чырвоны ныткы́, а сухозлотыця – такыйі гузынькы пасо́чкы порізаныйі блышчячыйі бумагы, похожыйі, як зарэ шоколад вкручують. В вынку добыралы білыйі, голубэйі (сынявыйі) і розовыйі бумагы (жовтого ны саджялы) і пацёркы навэрх. До вынка прычіпалы пудвычкы́ [ленты] всякы-разны, много-много пудвычо́к. Пудвычкы на спыну молодусы опадалы, як була в вынковы. Колысь молодусы до грудэй ны прышывалы квітку, вынок – дай всэ. А по вынковы – павучкы (дрібныньк квыточкы с пацёрок). Сухозлотыця вставляйіцьця. А дэхто то мышяв купляны квыткы. Як старая молодуха, то чясом жовтого натычуть. Чясом і дружка то выночка кладэ, чясом позычыть в якэйі колышныйі молодухы. Жыныховы э лівого боку коло шяпкы похожый на квітку, алэ звалы – выночок. Був маленький выночок, зробляный так, табы квітка, алэ выночком. Шэ с павы пірье, жыныховы до квіткы пырына с павы, чясом молодусы і в вынок саджялы. Бало по дворах у паныв дыржялы павукы і павы, то доставалы пірье. А до грудэй молодому колысь тожэ квіткы ны прычіпалы. А як сталы до грудэй чыпляты, то вжэ до шяпкы ны чыпляль.

Цілый вэчор робьеть квыткы, въють вынка чы шыють веліна (вэлёна) і спывають.

8.

Попытайтэ дівонькы,
Дівоччыного батынька,
Ой чы вылыть, чы благословыть,
Вынка (вынкы) въючы, спываты?
Мы пыталы дівонькы,
Дівоччыного батынька,
То вын вылыть, вын благословыть:
– Спывайтэ, здоровы.
Як мы йийі годовалы,
Господа бога прохалы,
Тыпэр вылымо, благословымо:
– Спывайтэ, здоровы.

Попытайтэ дівонькы,
Дівоччыну матёнку,
Ой чы вылыть, чы благословыть,
Вынка (вынкы) въючы, спываты?
Мы пыталы дівонькы,
Дівоччыну матёнку,
То вона вылыть і благословыть:
– Спывайтэ, здоровы.
Як мы йийі годовалы,
Господа бога прохалы,
Тыпэр вылымо, благословымо:
– Спывайтэ, здоровы.

9.

Наша дівонька молодэнькая
Розуму начыныла:
Назбырала хату дывочок
Пуд зылёный выночок,
Ой повную хату дывочок
Пуд зылёный выночок.
Завыла батынька у комороньку
На тыху розмовоньку:
– За кого вытэ, да мый батыньку,
Да мынэ оддаетэ?
Як за якого за лайдакого,
Той руткы ны псуйтэ,
Як за Колічку молодэнького,
Золота ны шкодуйтэ.

10.

Ой чуты, чуты в зылёнуй руты
Плакала Манічка, выночкы въючы.
Зачув Колічка, по коня йдучы.
– Чого Манічка, так сылно плачыш?
Чого, молода, так сылно плачыш? –
– Як мні, Колічка, дай ны плакаты,
Як мні, молодый, дай ны плакаты:
В тыбэ молодого родыны много,
В мынэ молодэйі подаркув мало. –
– Ны плач, Манічка, годы тужыты,
Ны плач, молода, годы тужыты,
Будымо мого батька просыты,
Коб вын умэнчав роду дарыты.
Старшу родыну той обдарымо,
Мэнчу родыну пырыпросымо.
Старшу родыну подарочкамы,
Мэнчу родыну дай ручнычкамы.
(Старшу родыну дай ручнычкамы,
Мэнчу родыну пацёрочкамы).

11.

Ой чуты, чуты в зылёнуй руты
Плакала Манічка, выночкы въючы:
– Ой рутка моя, рутка зылёна,
(Ой рутка моя, дрібна, зылёна),
Вжэ мыні с тыбэ вынкыв ны вытыв,
Вынкыв ны выты, в йіх ны ходыты.
Вжэ мыні в батынька довго ны буты:
Одну вычэру повычэраты,
Одну нычыньку поночоваты.
Взавтра ранэнько поклонюсь нызэнько
Свойму батыньку за годованне,
Своюй матёнцы за білэ вбранне
Свойім братыкам за посыланне,
Свойім сыстрынкам за вчісаннічко.

12.

Выла Манічка выночок,
З ярыйі руткы сырдочок.
Выла, выла дай покотыла
В вышнёвый садочок.
– Ой прывыкай, выночку,
В вышнёвому садочку,
Як я буду дай прывыкаты
В свёкорковуй хаты

13.

Ярая рутка, яра
В садочку стояла.
Молодая Манічка
Тудою волы гнала,
До руткы забыгала,
З руткы росу брала,
Росою вмывалася,
Красою втыралася,
До шлюбу вбыралася
І батыньку кланялася.

14.

В садочку раба зозулька сыділа.
– Дэ ты, Манічка, свойі гочынькы поділа?
Чы в чярочку, чы в шкляночку вложыла,
Шо за такого ныхорошого схотіла?

15.
Чырыз сад дорожынька,
До Дунаю стэжычка.
Там Манічка ходыла,
Чорну стэжычку вбыла,
До Дунаю ходячы.
Над Дунаем стояла,
Русу косу чысала.
– Ты ж моя коса руса,
Росплэнься по Дунаю
Да задай батьковы жялю,
Шо оддае замуж малу,
Роботы ны гучывшы,
Розуму ны довівшы.
– Мое дітятко ріднэ,
Як ты доброе будэш,
Нагучеть тыбэ людэ
Сырэю дубынью,
Гнуткыю лышчынью,
Коб була людынью,
Сырэю сырыцію,
Коб була молодыцію.

16.
Розжарілася калына,
В лозі в тузі стоячы,
По всёму дэрыву глядячы:
– По всёму дэрыву білый цвіт,
На мні калыны цвету нет!
– Дожды, калыно, пытрівкы,
Наростэ на тобі білый цвіт
Шэй чырвоныйі ягодкы. –
Розжяловалася Манічка,
В свого батынька жывучы,
По всіх дывочках глядячы:
– На всіх дывочках выночкы,
На мні молодуй вынка нет!
– Дождысь, дітятко, ныдількы:
Прыйідэ Колічка на коні,
Прывызэ выночка і тобі.
– Тыпэр я маю надію –
Прыйідэ Колічка в ныділю,
Хоч ны в гэтую, то в тую.
Я ёму сніданне готую:
Готую калачі в молоці,
Білую рыбоньку у пэрці.

17.
Ны йды, Манічка, в чужое сыло:
Там будэ нывысёло.
Там гулонькы ныпотрапныйі,
Там ты будыш блудыты.
Там сусідочкы нызнакомыйі,
Тыбэ будуть судыты.
Там свёкорко – нырідный батько
Тыбэ будэ сварыты,
А свёкрівка – ныріднa маты
Тыбэ будэ караты.
– Я гулонькы порозвідаю,
(Я по гулонькам прысыцінь покочу),
Дай ны буду блудыты.
З сусідочкамы обознаюся,
То ны будуть судыты.
А свёкорковы покырна буду,
То ны будэ сварыты.
А свёкрівкы буду пытаты,
То ны будэ караты.

18.
Ковала зозулька в садочку,
Прыложывшы голывку к лысточку.
Тішылы йійі пташычкы,
Тішылы йійі дрібныйі:
– Тіштэ, ны тіштэ, пташычкы,
Тіштэ, ны тіштэ, дрібныйі.
Ны будэ зыма, як літо,
Ны будэ в бору ягодок,
Ны будэ в садочку вышнёк,
Ны будэ водыці в крыныці.
Плакала Манічка в свытлыці,
Прыложывшы голывку к скамныці.
Тішылы йійі сыстрынкы,
Тішылы йійі рідныйі.
– Тіштэ, ны тіштэ, сыстрынкы,
Тіштэ, ны тіштэ, рідныйі.
Ны будэ свёкор, як батько,
Ны будэ ранэнько будыты,
Пыйдэ до сусід судыты:
– Соннывa нывістка, сонныва,
Дрымлыва нывістка, дрымлыва.
Як хату мыла – дрымала,
Понысла смітте – заснула,
Пошла по воду – втонула,
Дынцэ-выдырцэ побыла,
Золотую дужычку зломыла:
Прышла до свёкорка – тужыла:
– Шо я, свёкорко, зробыла),
– Ны тужы, нывістко, ны тужы:
У нас ковалі на сылі,
У нас бондарі всэ свойі,
Дынцэ-выдырцэ ісcкладуть,
Золотую дужычку іскують.

19.
Ны йды, Манічка, за вдовця:
Прыйідэ вдовэць быз вынця.
Оно квіточка вяпылёна,
Дай тая на бык схылёна.
Ой нашо ж ёму той вынэць.
Як вын нышчясный удовэць.
Ой нашо ж ёму квіточкы,
Бо в ёго малыйі діточкы.

20.

Молодая дівонька
Попудсаддю ходыла,
(По садочку ходыла),
Цвіт-калыну ломыла,
Й у пучэчкы въязала,
К свойму лычку румняла,
З батыньком розмовляла:
– Ой мый батыньку рідный,
Чы я буду такая,
Як калына жаркая?
– Мое дітятко ріднэ,
Покыль ты в мынэ будэш,
З лычка крыасы ны згубыш.
Як пыйдыш до свёкорка,
То спадэ з лычка краса,
Як од сонычка роса.
Высушыть головоньку,
Як вітёр дубровоньку,
Як мороз долыноньку,
Так свекор голывоньку.

20а.

[Текст из соседнего села Лосинцы].

Молодая дівонька
По садочку ходэла,
Цвіт с калэнэ ламала,
До лэчинька румнала,
З батыньком розмовляла:
– Ой мій батынько рідный,
Чи я буду такая,
Ек калэнонька гата?
– Ой будыш, дыте, будыш,
Покіль тэ в мынэ будыш.
Ек підыш до свёкорка,
То спада з лэчка краса,
Ек од соныка роса.
Збіліе твое лэчко,
Ек у саду еблычко.
Обседуть тыбэ дітэ,
Ек калэноньку квітэ,
Вэсушать головоньку,
Ек вітёр дубровоньку,
А мороз долэноньку,
А діткэ голивоньку.

21.

Ковала зозулька, ковала,
Дай на гордочку стоячы:
– Я тыбэ, гордочку, покыну,
Дай на чужыну полэну.
Там я гордочка ны маю,
Там я пташычок ны знаю.
Одного соколя познала,
То я до ёго прыстала.
Плакала Манічка, плакала,
В свого батынька жывучы:
– Я тыбэ, батыньку, покыну,
Дай на чужыну пойіду.
Там я родочку ны маю,
Там я ныкого ны знаю.
Одного Колічку познала,
Дай до ёго прыстала.

22.

У суботоньку вы́сёлый дынёк:
Звылы Маніщцы вынок.
Як зачыналы, той заспывалы,
З руткы квыткы румнялы.
– Як за якого, за лайдакого,
Той руткы ны псуйтэ,
Як за Колічку молодэнького,
Золота ны шкодуйтэ.
Як за якого, за лайдакого,
Бырвінкы ны глумітэ,
Як за Колічку молодэнького,
Золота й уложітэ.

23.

Коб я відала, шо мні в батынька ны буты,
То ны сіяла б ны пановікы, ны руты.
Очынила б да новынькыйі ворота,
Упустыла б да маленькыйі тылятка.
Ныхай гэту ярую рутку зъйідають,
Пановійку ножкамы змынають.

23а.

[Тот же текст, что и № 5.]

Спывають і пуд запойінамы, і пуд вынкамы.

24.

В гайі, в гайі раба зозулька ковала,
Коло гаю быта доріжка (стэжычка) лыжяла.
Тудою йіхав молод жынышок на коні,
Зачув тую рабу зозульку, шо в гайі.
Ой вын думав, шо то зозулька ковала.
То ж ны зозулька, то жы ны рабая ковала,
То ж дівонька выночкы выла, плакала,
Помэнч руткы, побыльш золота вкладала,
Вкладаючы, господа бога прохала:
– Позволь, божэ, мні гэтой вынок я звыты,
В ныділёньку до шлюбоньку зложыты.

25.
Стояла калына в колійі,
Йіхав жынышок вкрай йійі.
Здалік коныкы стрымае,
С-пуд пыл шябыльку выймае,
Тую калыну рубае.
Тая калына просыцьця,
Тая чырвона просыцьця:
– Ны рубай мынэ, жынышок,
Ны рубай мынэ, молодый,
Бо я калына саджона,
Ля тэбэ дівонька суджона.
Мынэ, калыну, крыль садыв,
Ля тэбэ дівоньку быг судыв.
Мынэ, калыну, дошч полывав,
Ля тэбэ дівоньку быг годовав.

26.
– Шо тобі, дівонько, гыршэй жяль,
Чы зылёного выночка,
Чы дывоцького таночка? –
– Ны жяль мыні, дывочкы, нычого,
Жяль мыні батынька старого
Кыдаты вдома самого.
Хто ёму волыкы напасэ?
Хто ёму водыці прынысэ?
Хто ёму постільку постэлэ?
Хто ёму кошулю обмые?
Гоныла волыкы ранэнько,
Ходыла по воду хутэнько,
Слала постільку мнякэнько,
Мыла кошулю былэнько.

Посторонны дывкы спывалы, як вжэ дівку забыраютъ до жыныха, пырыд одъездом, і пуд вынкамы можуть спываты.

27.
Йідэ жынышок я з вына пъяный,
Йідэ жынышок од мэду въяный.
– Очыны, дівонько, – я твый коханый.
– Ны очынюся – батька боюся.
В новуй коморы спаты лажуся.
Нова комора ґонтамы быта
(Нова комора гонтамы крыта),
Біла постілька шовком пошыта.

Спывають альбы колы: в лісы, як шо роблеть, а пуд вынкамы мало.

28.
Лісом, залісом шырокэ полэ.
Ой там дівчына пшаныцю полэ.
Ой полэ, полэ, пырыбырае,
Кокыль-горчыцю всэ выкыдае.
– Кокыль-горчыця, плывы з водою,
Пырыбыр-пшаныця, ходы за мною.
Полэ вона, полэ, пырыбырае.
Йідэ жынышок, "дын-добрый" дае.
А вона ему ны отказала –
Тому козаковы крывды задала.
– Постый, панёха, постый, гордёха,
Спомыну тобі в батынька свого,
В батынька свого в новуй коморы,
В новуй коморы, на тыхуй розмовы.
Будэ нагайка вгору лытаты,
Будыш мынэ соколем зваты.
Будэ нагайка то вныз, то вгору.
Будыш просыты: "Ны бы, соколю!"

Спывалы альбы колы: в лісы, в полы, полючы, жнучы, ягодкы быручы, а пуд вынкамы мало.

29.
Ты калына-малына,
(Ой калына-малына),
[Ты] ны стый над водою,
Ны махай ягодою,
Ны румняйся зо мною.
Було тоды румнятыся,
Як я в батынька була,
Як вышынька в садочку,
Як зіллічко в городы,
Яблычко на погоды,
Зіллічко зылёное,
Яблычко чырвоное.
Дітятко роджоное
Сіяло-полывало,
Выночкы ны звывало.
Одного було звыло,
Дай того ны зносыло,
Положыло в свытлыці,
В свытлыці на скамныці
Ля мэнчыйі сыстрыці.

30.
Ны думай, дівонько, ны думай,
Прыйідэ жынышок, як Дунай.
Прыйідэ жынышок на коні,
Прывызэ выночка вын тобі.
– Тыпэр я маю надію –
Прыйідэ жынышок в ныділю,
Хоч ны в гэтую, то в тую.
Я ёму вычэру готую.
Готую калачі в молоці,
Білую рыбоньку й у пэрці.

31.
Ой зажурывся жынышок,
Шо его конықы на стайні
Ны пьють, ны йідеть, так стоеть.
Одозвалася дівонька:
– Ой ны журыся, жынышок,
Я свого батынька попрошу,
Я твоїі коныкы напасу
На раннуй росі, у говсі,
На батыньковым засівы.
Повыду в Дунай до воды
За шовковыйі поводы.
Будуть поводкы блышчяты,
Будуть пудкывкы брашчяты.

Спывалы в ныділю пырыд одъездом жыныха і чясом дэколы пуд вынкамы вжэ пры конці.

После прыходыть жыных. Прыходыть с сыстрою, чы брата, чы товарыша возьмэ. Ныма рідныйі, то двоюрыдну сыстру возьмэ, чы троюрыдну, чы сусідню дівчыну.

Дывкы робъеть квыткы, складають в рышыто. А молодая бырэ тарілку, сыплэ на тарілку крохы жыта, накрые платочком. І як зовъють вынка, то кладуть вынка на тую тарілку (на платочок). Тоды вжэ, як кончылы, торгуюцьця за вынка, жыных з дывкамы торгуйіцьця. Жыных скупляе вынка: ставыть дывчятюм "за роботу" горілку (пляшку чы быльш). Вынка на тарілцы оддають жыныховы, а жыных оддае молодуй. Молодая выносыть вынка на тарілцы в комору, в сундук. Рышыто с квыткамы тожэ выносеть, якая дівчына нысэ.

После садецьця за стыл. Пъють, закушують, спывають. Спывають тыйі пысні, шо ны доспывалы, шэ про "пры́сы" поспывають до тэйі дівчыны чы молодыці, шо много йісьць. Гэто жартовлыва пісня. Спывають за столом і пуд вынкамы, і в сватах, і в пырызві.

32.
А в нашыйі Манічкы (сваночкы)
Да вылікыйі прысы:
Ой як тягнэ, да потягнэ
Всю капусту (усэ мнясо, усю кашу)
з мысы,
А в нашыйі Манічкы (сваночкы)
Да вылікыйі храпы:
Ой як тягнэ, да потягнэ
На всі штыры лапы.

Напоследок, як на вынках, так і на всім высіллі, – капуста, а после каша. В капусты трэба коб було мнясо. Тое мнясо зовуть "опэ́ньқы". Шэ "опэнькув" доходеть. Як вжэ прынысуть кашу на стыл, то спывають жартовлыву пісню:

33.
Ой дэ ж тая Малаша,
Шо ны смачана каша?
Ой прывыдітэ тую Малашу,
Ныхай посмачыть кашу!

Спывають гэту пісню і пуд вынкамы, і в сватах, і в пырызві, як за столом сыдеть. Гэто вжэ нэбысь каша ны посмачана, мало масла вкынулы. Да вжэ якая молодыця чы дівчына нысэ вжэ вылікы грудкы масла да кыдае в кашу, вжэ смачыть, як поспывають гэту пісню. Каша сама последня, сама остатня. Вжэ скажуть: после кашы ныма гынчыйі пашы.

А шэ дэ за углом пацаны чы альбы колы на высіллі якая баба поспывае:

33а.
– Чы я тобі, моя матёнко,
Ны товкла, ны молола,
Шо ты мынэ замуж оддаеш,
А в мынэ шчэ гола!
– Ой ны журыся, мое дітятко,
Есьця у мынэ зілле.
Я его напару, ты напъесься,
То обростэ за высілле.

Батько молодэйі згодыть, то пузній і мызыка прыдэ, пограе, а молодёж погуляе (потанцюе). Гынчы быз мызыкы, як скупыйі. Тыпэр мызы-

ку прыводыть молодый, а колысь не. Крохы погуляють і росходецьця по домам.

Росказувалы, був такый случяй. Вжэ вынкы, подругы вынка въють, квыткы роблеть. А молодуха горо́дамы, городамы да втыкла до тіткы в другэ сыло. Прыйіхав жыных – ныма молодэйі! І ны прышла. А на другый дэнь врано вжэ йдэ додому. І ны пошла за ёго замуж.

А вдовыця, як ідэ замуж, то ныкого ны збырае. Як вона вдовыця, а вын не, то вынкыв тожэ ныма. Ёму зробыть якую квітку сыстра чы свашка. А так зроблеть квыток хто-нэбудь заквыты́ты. Вжэ вдовыця білэ платте ны кладэ, вжэ розовэ якое. А як вын вдовэць, а вона не, то робъеть вынкы. Песни записаны:

от Климчук Анастасии Андреевны (родилась в 1912 г. в с. Симоновичи, до 1975 г. жила в этом же селе, с 1975 г. проживает в с. Лосинцы, грамотная): № 1 (без двух последних строк), 3, 10, 12–19, 21, 22 (1957 г.); 11 (1958 г.); 29 (1960 г.); 2, 5, 23–24, 26, 31 (1961 г.); 6, 27, 28 (1965 г.); 4, 20, 30 (первые четыре строки) (1970 г.); 1 (последние две строки), 25, 30 (последние шесть строк) (1978 г.); 7–9 (10 1979 г.);

от Кравчук Елизаветы Андреевны (родилась в 1911 г. в с. Лосинцы, проживает в этом же селе, грамотная): № 20а.

Самозапись автора: № 32, 33, 33а (1979 г.).

Объяснение диалектных слов

Булынятко – булочка; *въяный* – увядший, охмелевший; *гордо́чок* – исполнительница объяснила: "*Гордочок – тое місьце, дэ зозуля хозяйка в лісы, дэ вона сама в сыбэ вдома*"; *двыр* – имение; *дохо́дыты* – требовать; *дэ́который* – какой-нибудь, кто-нибудь; *дэ́кылько* – несколько; *дэ́хто* – кое-кто; *заквыты́ты* – украсить цветком, веткой калины и т.д., на свадьбе – прикрепить "*кві́тку*" участнику свадебного обряда; *ка́ныця*, уменьш. *ка́нка* – обруч из льняного волокна или тряпок, обшитый полотном, надевался на голову под чепец; *мнясны́ці* – мясоед; *нэ́бысь* – будто бы; *одумы́сный* – специальный, специально приготовленный; *оно́* – только; *по́рцыя* – рюмка; *смачы́ты* – заправлять пищу жиром, сдобой; *стрыма́ты* – сдерживать; *хрышчо́нка* – крестная мать. См. также: Лексика Полесья. М., 1968, с. 20–78.

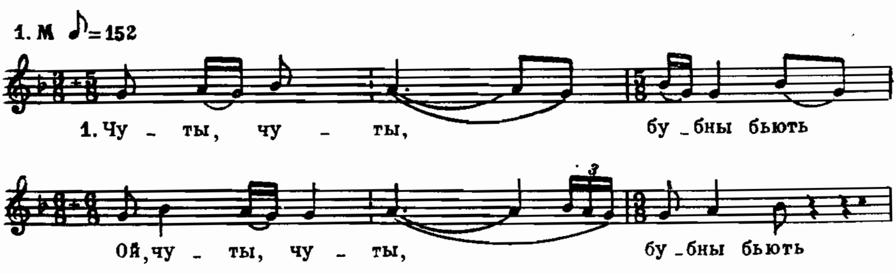
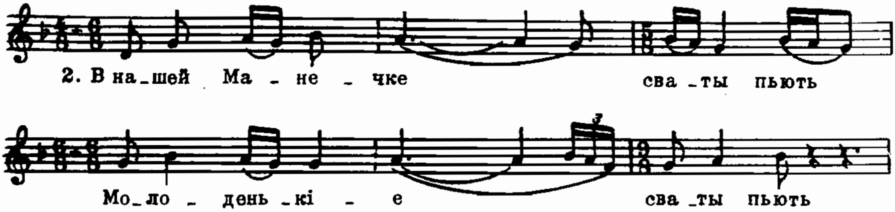
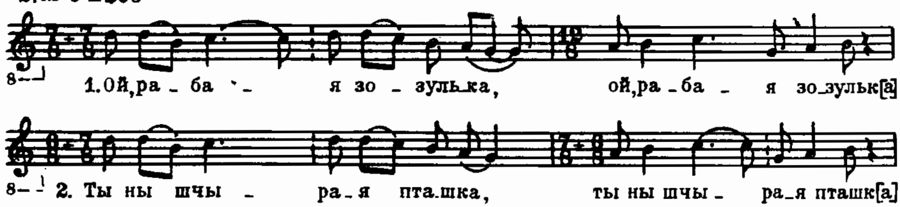
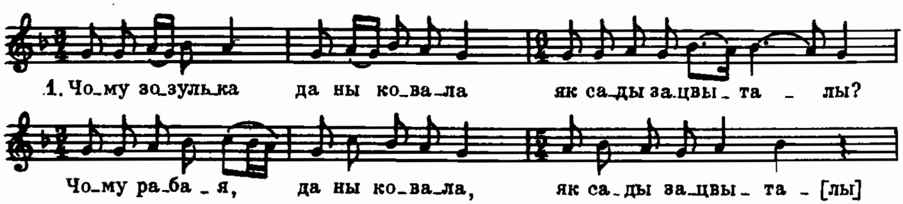



Рис. 1. Нотные записи песен. Расшифровка Т.В. Карнаух. Нумерация нотных записей соответствует нумерации текстов

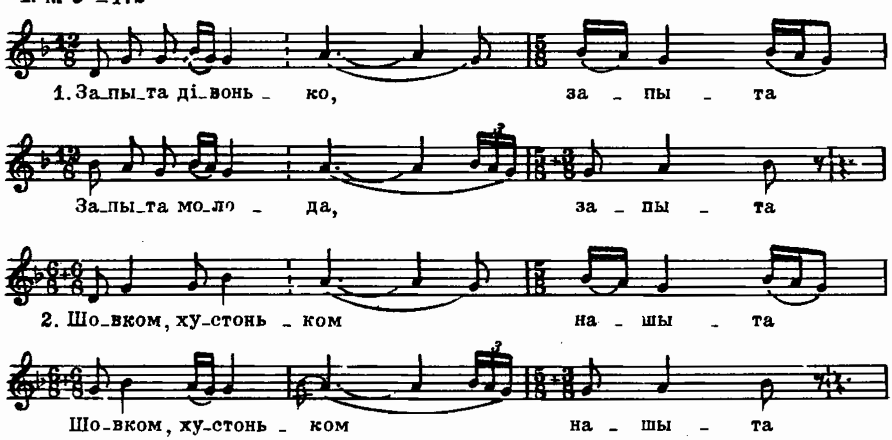


(А.А. Климчук)

2. M ♪=208

(Ф. Д. Климчук)

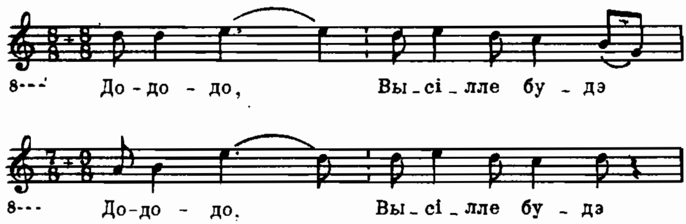
3. M ♩=68

(А. А. Климчук)

4. M ♪=172

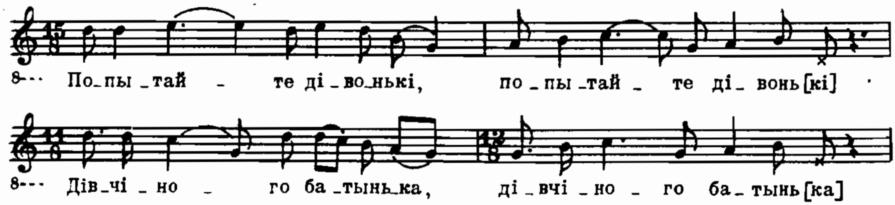


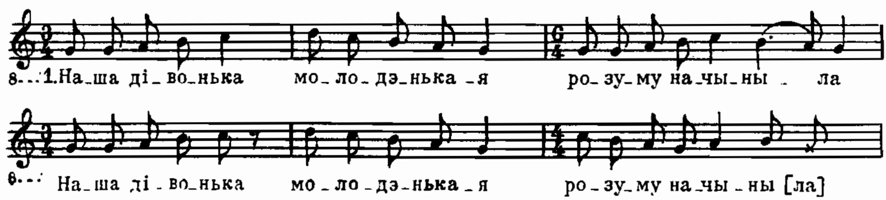
(А. А. Климчук)

6. M ♪ = 138

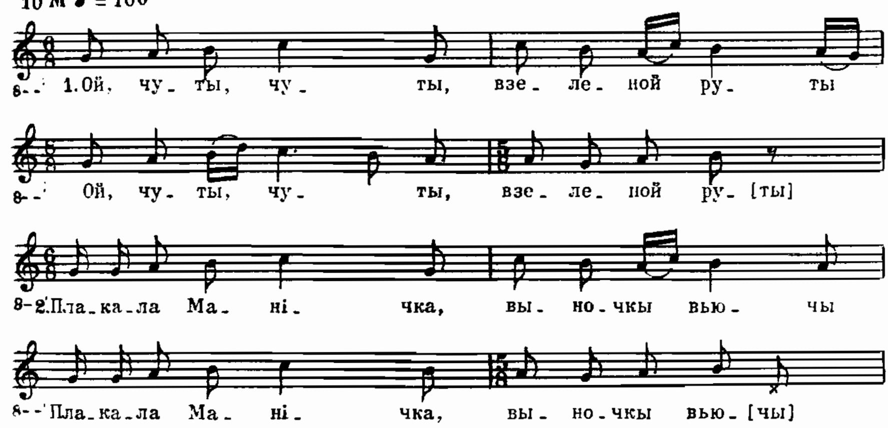


(Ф. Д. Климчук)

8. M ♪ = 164

(Ф. Д. Климчук)

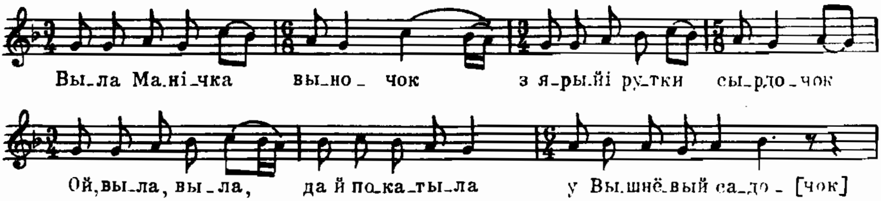
9. M ♩ = 88

(Ф. Д. Климчук)

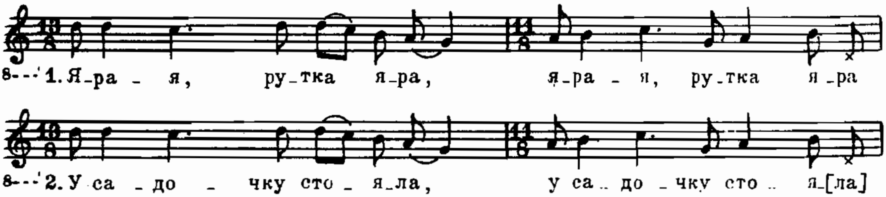
10 M ♪ = 100



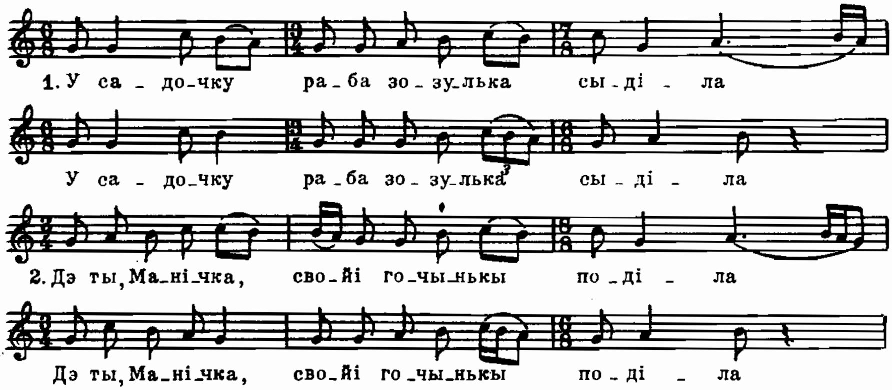
(Ф. Д. Климчук)

11. Так же как №10

12. М ♪ = 188

(А.А. Климчук)

13. М ♪ = 192

(Ф.Д. Климчук)

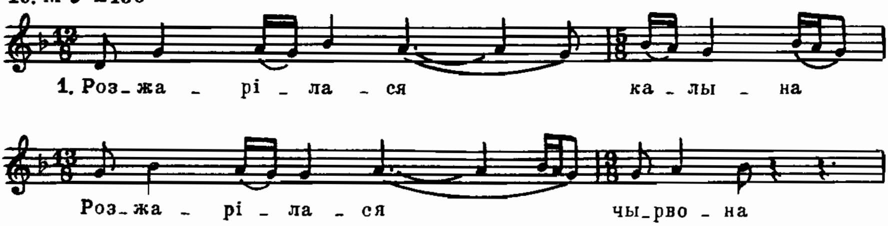
14. М ♪ = 148



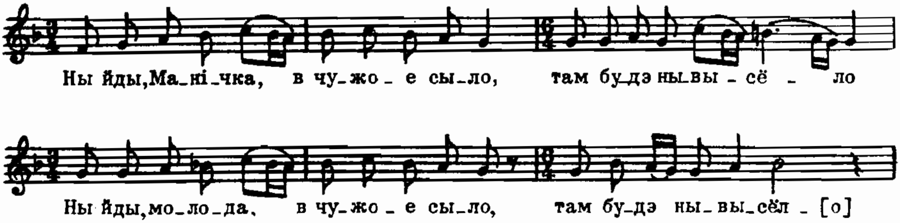
(А.А. Климчук)

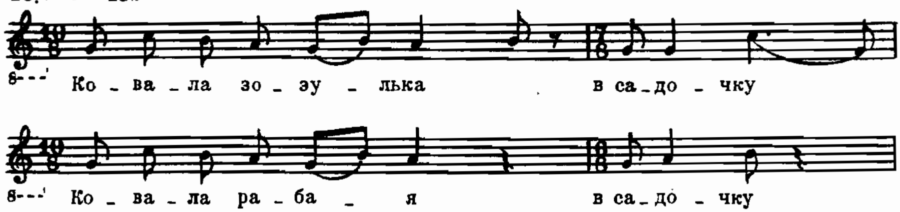
15. Так же, как №13

16. М ♪ = 156



(А.А. Климчук)

17. М ♩=96

(А. А. Климчук)

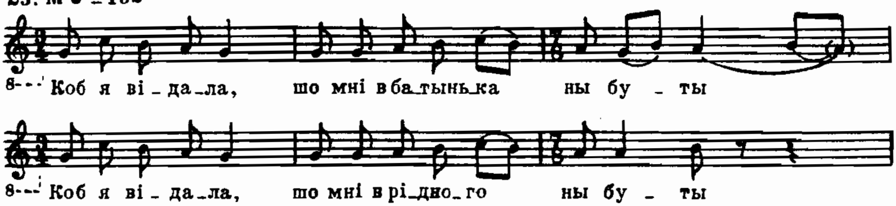
18. М ♪=132

(Ф. Д. Климчук)

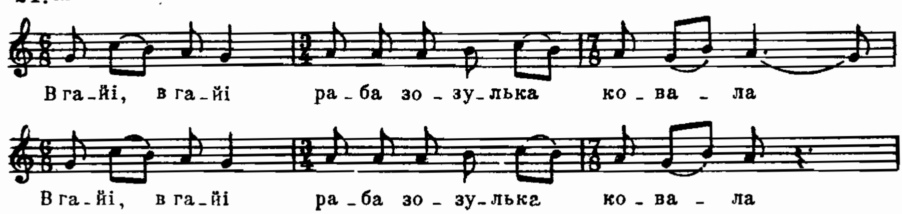
19. Так же, как № 18

20. Так же, как № 13

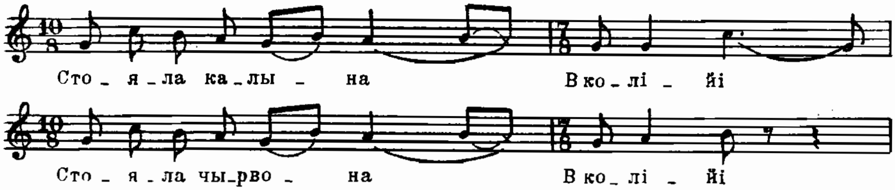
21. Так же, как № 4

22. См. № 9, 17

23. М ♪=152

(Ф. Д. Климчук)

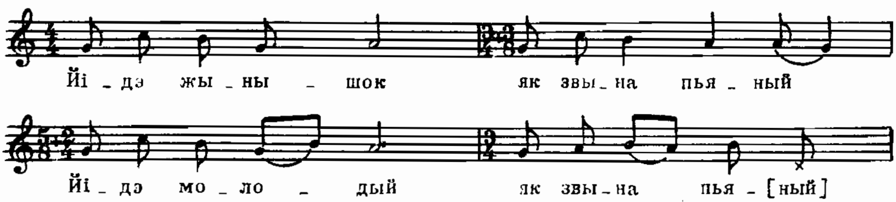
24. М ♪=152

(Ф. Д. Климчук)

25. М ♪ = 136

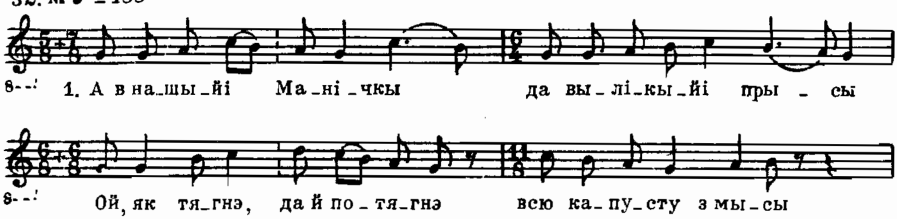


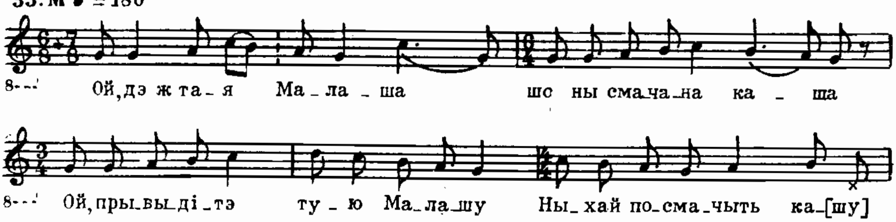
(Ф. Д. Климчук)

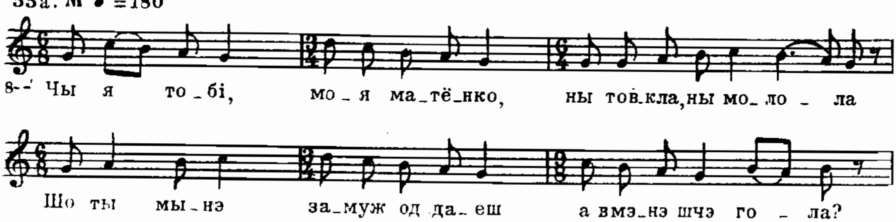
26. Тот же напев, что и № 25

27. М ♪ = 128

(Ф. Д. Климчук)

28. См. № 10 29. См. № 2 30 См. № 4 31. См. № 4

32. М ♪ = 188

(Ф. Д. Климчук)

33. М ♪ = 180

(Ф. Д. Климчук)

33а. М ♪ = 180

(Ф. Д. Климчук)

ХРОНИКА ПОЛЕССКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ

Систематическое лингвистическое изучение Полесья началось в 1962 г., когда по инициативе Н.И. Толстого Институт славяноведения и балканистики АН СССР совместно с Институтом языкознания АН БССР организовал серию экспедиций, результатом которых явилась публикация сборников, получивших широкое признание: "Полесье" (М., 1968), "Лексика Полесья" (М., 1968) и "Лексіка Палесся ў прасторы і часе" (Минск, 1971). См. хронику этих экспедиций в сборнике "Полесье", составленную Н.В. Никончуком (с. 300–302).

Новый этап изучения языка и традиционной культуры Полесья начинается в 1970-е годы. С 1974 г. Институт славяноведения и балканистики АН СССР совместно с Московским университетом под руководством доктора филологических наук проф. Н.И. Толстого ежегодно проводит комплексные экспедиции, задачей которых является сбор лексических и фольклорно-этнографических материалов для создания Полесского этнолингвистического атласа и Словаря славянских народных древностей. Помимо сотрудников института, студентов и аспирантов Московского университета, в экспедициях принимают участие представители других учреждений – лингвисты, фольклористы и музыковеды Москвы, Ленинграда, Минска, Гомеля, Мозыря, Житомира, Томска. Результаты полесских исследований неоднократно докладывались на заседаниях, научных конференциях и симпозиумах в СССР и за рубежом. Материалы, собранные в Полесье, опубликованы в ряде сборников ("Славянский и балканский фольклор". М., 1978; "Славянский и балканский фольклор". М., 1981; "Проблемы славянской этнографии". Л., 1979), использованы в многочисленных курсовых и дипломных работах, а также в диссертациях – О.А. Терновской о дожинальном обряде (1977), А.В. Гуры о свадебном обряде (1978), Э.Г. Азимова об астрономических и метеорологических представлениях (1979), А.Ф. Журавлева о скотоводческих обрядах (1982).

Первая этнолингвистическая экспедиция состоялась летом 1974 г. и носила разведывательный характер. Были выбраны два пункта: один в восточном Полесье (с. Стодоличи Лельчицкого р-на Гомельской обл.), другой – в западном (с. Спорово Березовского р-на Брестской обл.). В 1974 г. в этих селах работали участники полесских экспедиций 1960-х годов: Н.И. Толстой С.М. Толстая (Институт славяноведения и балканистики АН СССР), Д.А. Бейлина (редакция журнала "Вопросы языкознания") и Ф.Д. Климчук (Институт языкознания АН БССР). Кроме того, в экспедиции участвовали канд. филол. наук Ю.И. Смирнов (Институт славяноведения и балканистики АН СССР), канд. филол. наук Р.А. Агеева (ИНИОН), И.В. Хазанова (Институт иностранных языков им. М. Тореза), П.Ф. Романюк (Житомирский пединститут), студенты филологического факультета МГУ Н.А. Волочаева, Т. Краснова, О.А. Седакова, Т.А. Тюрина. Н.И. Толстой, С.М. Толстая, Ю.И. Смирнов и Ф.Д. Климчук побывали также в с. Симоновичи Дрогичинского р-на Брестской обл.

Полевые материалы, собранные летом 1974 г., положили начало Полесскому архиву, хранящемуся в секторе этнолингвистики и фольклора Института славяноведения и балканистики АН СССР. Тогда же в архив поступили записи Ф.Д. Климчука (описания жатвенного, юрьевского и родинного обрядов), сделанные им в с. Дружиловичи Ивановского р-на, с. Симоновичи Дрогичинского р-на, с. Сушнцк Пинского р-на Брестской обл. и в с. Белая Дуброва Костюковичского р-на Могилевской обл. С учетом материалов экспедиции 1974 г. были составлены первые вопросники.

Летом 1975 г. в восточном Полесье (Гомельская обл.) работали три группы. В с. Жаховичи Мозырского р-на находилась группа в составе: Н.И. Толстой, С.М. Толстая, Л.Н. Виноградова, Т.Г. Булак (Институт славяноведения и балканистики АН СССР), аспирант ЛГУ В. Супрун и студенты ЛГУ В.А. Георгиев, Е.И. Янус и Е.К. Испатова. В с. Скрыгалово Мозырского р-на работали студенты МГУ Э.Г. Азимов, О.Я. Скиба, Т.А. Тюрина, аспирант МГУ А.В. Гура, преподаватель Житомирского пединститута П.Ф. Романюк, выпускница МОПИ О. Клепилина. В Скрыгалове побывали также канд. филол. наук В.М. Мокиенко (ЛГУ) и канд. филол. наук Н.В. Никончук (Житомирский пединститут). Участники этой группы делали также записи в соседнем селе Балажевичи. Обе группы затем объединились и переехали в с. Кочище Ельского р-на. Частично было обследовано и близлежащее село Загатье. В селах Новинки и Золотуха Калинковичского р-на и в селах Дубровица и Великий Бор Хойникского р-на работали члены третьей группы: Ю.И. Смирнов, Р.А. Агеева, Д.А. Бейлина, И.В. Хазанова, студенты МГУ Н.А. Волочаева, Е.А. Соловьева, сотрудник биологического факультета МГУ А.Б. Страхов, а также участницы полесских экспедиций 1960-х годов: канд. филол. наук Т.М. Судник (Институт славяноведения и балканистики АН СССР) и Н.Г. Владимирская (Академия внешней торговли). В экспедиции принимали участие студенты Гомельского университета А.П. Алейникова, Л.П. Тимошенко, Н.А. Дорошко и М.А. Клещукевич во главе с преподавателем университета Н.А. Ткачевой. Они находились в селах Новинки, Золотуха и Великий Бор. Кроме того, летом 1975 г. в Дубровице работали Ф.Д. Климчук, Н.И. Толстой и С.М. Толстая, а в Великом Бору, Новинках и Золотухе – Ю.И. Смирнов. Т.М. Судник и А.Б. Страхов делали записи в с. Луки Калинковичского р-на. Кроме того, А.Б. Страховым и И.В. Хазановой частично было обследовано с. Избынь Хойникского р-на. В газетах "Ленинградский университет" (1975, № 69) и "Гомельскі унівэрсітэт" (1975, № 27) были опубликованы заметки В. Супруна и Н. Дорошко, рассказывающие о работе в полесских селах.

На Житомирщине в августе 1975 г. по тем же программам работала студенческая экспедиция Житомирского пединститута под руководством П.Ф. Романюка: в селах Новая Радча и Давыдки Народичского р-на; Людвиновка, Песчаница и Желудеевка Овручского р-на; Староселье, Летки и Повч Лугинского р-на; Замысловичи Олевского р-на. Авторы записей: А.А. Батанов, Т.В. Годованец, Т.Г. Грабар, Л.П. Гуменюк, Н.Д. Захарченко, Л.Г. Зиневич, В.И. Каменчук, Т.В. Ковальчук, К.В. Ковбасюк, Н.Н. Колосова, Н.А. Маляренко, В.П. Муян, Л.В. Перии, С.М. Сладь, С.Г. Соломко, Г.В. Чумальчук, Н.И. Шленчак, О.А. Яценко. Все эти материалы поступили в Полесский архив.

Летом 1976 г. состоялась экспедиция в центральное белорусское Полесье. В Лунинецком р-не Брестской обл. работали две группы из МГУ: в с. Бостынь – студенты Т.А. Тюрина (руководитель), А.Ф. Кофман, Г.И. Трубицына, О.Н. Щуплова, И. Панина; в с. Велута – аспирант А.В. Гура (руководитель), студенты Э.Г. Азимов, Н.Г. Зарецкая, Н.А. Микоян, И. Текучева. Первая группа затем переехала в с. Новый Двор, а вторая – в с. Камень Пинского р-на. В с. Камень к участникам экспедиции присоединилась Т.З. Паперная (МГУ). Третья группа находилась в Столинском р-не Брестской обл. – в селах Хоромск и Рубель. В состав группы входили участники прошлогодней экспедиции: Р.А. Агеева, Н.Г. Владимирская, Д.А. Бейлина, И.В. Хазанова, Н.А. Волочаева, Н.И. Ткачева. Некоторые материалы были собраны Р.А. Агеевой в с. Лисовичи Столинского р-на. Р.А. Агеева и Н.Г. Владимирская побывали, кроме того, в с. Спорово Березовского р-на. В селах Бостынь, Велута и Рубель работал Ю.И. Смирнов.

В январе–феврале 1977 г. впервые была организована зимняя экспедиция. В с. Жаховичи Мозырского р-на Гомельской обл. работали аспирант МГУ Э.Г. Азимов и студентка МГУ Г.И. Трубицына.

Летом 1977 г. экспедиция отправилась в западное Полесье, в Малоритский р-н Брестской обл. Две группы вели обследование параллельно сначала в с. Луково и Мокраны, а затем западнее – в с. Орехово и Олтуш, на границе с Волынской областью. Первая группа (с. Луково и Орехово), которой руководила Л.Н. Виноградова, состояла из студентов МГУ Г.И. Трубициной, О.Н. Щупловой, Н. Брагиной, Н.А. Григорьевой, Е.И. Суминой, С.П. Бушкевич, Л. Свинуховой, М.С. Шатайкиной, В. Нестеровой и аспирантки МГУ И.М. Горшковой. Отдельные записи были сделаны участниками отряда в с. Зеленица и Заболотье. В с. Мокраны находились: А.В. Гура (руководитель),

Э.Г. Азимов, Н.Г. Зарецкая, Н.А. Микоян, Н.А. Волочаева, А.Б. Страхов, Е.А. Соловьева, Т.З. Паперная (МГУ), канд. экон. наук М.Ю. Урнов (Институт мировой экономики АН СССР), И.В. Хазанова (Институт иностранных языков), а также аспиранты О.А. Терновская (Институт славяноведения и балканистики АН СССР) и А.Ф. Журавлев (Институт русского языка АН СССР), которые совместно с Н.Г. Владимирской работали в основном в соседнем селе Осовая. В с. Олтуш группа была в следующем составе: Н.И. Толстой, С.М. Толстая, Н.Г. Владимирская, Э.Г. Азимов, А.В. Гура, О.А. Терновская, А.Ф. Журавлев, А.Б. Страхов, Н.Г. Зарецкая, Н.А. Микоян, Н.А. Волочаева. Участниками этой группы частично были обследованы с. Радеж, Заозерная (Ланская) и хут. Мыслячи. Ю.И. Смирнов работал в с. Луково, Мокраны, Орехово, Зеленица, а также побывал в с. Олтуш.

Зимой 1978 г. в с. Новый Двор Пинского р-на Брестской обл. находилась группа из МГУ в составе: Э.Г. Азимов, Г.И. Трубицына, А.Б. Страхов, Н.А. Волочаева, Н.А. Микоян, А.И. Тюкавина и Е.А. Галинская.

В 1978 г. началось изучение украинского Полесья. В июле 1978 г. три группы работали сначала в Рокитновском, затем в Дубровицком районе Ровенской обл. Группа под Л.Н. Виноградовой находилась в с. Глинное, потом переехала в с. Сварицевичи. Участники этого отряда – студенты МГУ Е.Н. Дудко, О.Е. Иванова, И.А. Морозов, А.А. Плотникова и студенты Томского университета Е.В. Малых, И.А. Мямикеева и С.А. Саламахина. В с. Каменное (б. Войткевичи) Рокитновского р-на и в с. Лесовое (б. Заморочеиье) Дубровицкого р-на работала группа под руководством А.В. Гуры. В нее входили: сотрудница филологического факультета МГУ Т.З. Паперная, выпускница МГУ О.Я. Скиба и студенты МГУ Е.В. Максимова, С.Ю. Железникова, О.М. Савченко и Е.В. Сагалович, а также непременная участница полесских экспедиций Н.Г. Владимирская, которая работала и в с. Сварицевичи. В Лесовом к участникам этой группы присоединился Э.Г. Азимов. В начале августа Н.Г. Владимирская, Т.З. Паперная и А.В. Гура собирали материал в с. Озерск Дубровицкого р-на. Третьей группой руководил аспирант МГУ А.А. Архипов. Его группа находилась в с. Дроздынь Рокитновского р-на и в с. Крупово Дубровицкого р-на. В составе группы были студенты МГУ Г.И. Трубицына, С.П. Бушкевич, В. Нестерова, Т.Н. Комарова, Е. Калакуцкая, Т. Зайцева, а также А.Б. Страхов и Е. Дружинина. Некоторые записи были сделаны участниками этой группы в с. Старое Село Рокитновского р-на и в с. Залишаны и Мочулище Дубровицкого р-на. Ю.И. Смирнов работал в с. Глинное, Каменное, Дроздынь, Сварицевичи, Лесовое и Крупово.

В январе 1979 г. в с. Озерск Дубровицкого р-на Ровенской обл. выехали для сбора материалов сотрудники Института славяноведения и балканистики АН СССР Л.Н. Виноградова и А.В. Гура.

Летом 1979 г. была организована экспедиция в Волынскую обл., где работали три группы. Группа под руководством А.А. Архипова находилась в с. Подрожье Ковельского р-на и в с. Щедрогор Ратновского р-на Волынской обл. В группе были студенты МГУ М.Р. Павлова, А.М. Гамбарова, Е.Л. Чеканова, Е. Букреева, Т. Исаченко, студенты Томского университета Л. Мунгалова и Л. Монастырева, студенты Художественного училища им. 1905 года Т. Лукьянова и М. Овчинникова, а также студенты Музыкально-педагогического института им. Гнесиных О.А. Пашина и А.В. Блок. В с. Поворск Ковельского р-на под руководством Е.В. Максимовой работала группа, в которую входили: канд. филол. наук И.М. Горшкова (МГУ), студент ЛГПИ им. Герцена А.Л. Топорков, выпускница Института иностранных языков Т.Л. Ермолаева, студенты МГУ С.Ю. Железникова и О.В. Белова и студенты Томского университета Е.В. Малых, И.А. Мямикеева и С.А. Саламахина. В с. Уховецк Ковельского р-на под руководством А.В. Гуры работала группа в составе: М.Ю. Урнов (Институт культуры), Н.Г. Владимирская, студентка МГУ Г.И. Кабакова, преподавательница Томского университета Н.П. Скрябина и студентка Е. Шакалова. Несколько позже в Уховецке работала О.А. Терновская (Институт славяноведения и балканистики АН СССР). Поворская и уховецкая группы в дальнейшем объединились, и в с. Речица были представлены в следующем составе: Н.И. Толстой, С.М. Толстая, Е.В. Максимова, А.В. Гура, О.А. Терновская, Н.Г. Владимирская, А.Л. Топорков, М.Ю. Урнов, Г.И. Кабакова, О.В. Белова, С.Ю. Железникова, Т.Л. Ермолаева, И.А. Мямикеева, Е. Шакалова. Члены речицкой группы обследовали соседние села Пески Речицкие и Мельники Речицкие. В Речице работали также музыковеды О.А. Пашина и А.В. Блок. Н.И. и С.М. Толстые помимо Речицы побывали в с. Щедрогор, а Н.Г. Владимирская собира-

ла материалы по ткачеству в с. Забродье, Хотишов, Доброе и Черче. Ю.И. Смирнов работал в с. Поворск, Уховецк, Подрожье, Щедрогор и Речица. Н.И. Толстой в передаче районного радио рассказал о работе экспедиции, о ее целях и задачах.

Зимой 1980 г. участники экспедиции снова побывали в с. Речица, Пески и Щедрогор. В составе речицкой группы были И.М. Горшкова, Г.И. Кабакова, О.В. Белова, А.Л. Топорков и аспирант МГУ А.Ф. Строев. В с. Щедрогор работали А.А. Архипов, М.Р. Павлова, Е.Л. Чеканова и А.М. Гамбарова. И.А. Морозов собирал материалы в Речице и Щедрогоре.

Летняя экспедиция 1980 г. в Черниговскую обл. ознаменовала новый этап в изучении языка и традиционной культуры Полесья: начался планомерный сбор материалов по единой сводной программе для Полесского этнолингвистического атласа. На Черниговщине работали три группы. Одна из них – под руководством Л.Н. Виноградовой и М.Р. Павловой – собирала материал в с. Макишин Городнянского р-на, а затем переехала в с. Днепровское (б. Навозы) Черниговского р-на. В составе группы были студенты МГУ: И.А. Морозов, Е.Л. Чеканова, С. Шевцова, Е.С. Зайцева, М.И. Шапир, В.А. Урнов. Кроме сел, они обследовали также окрестные хутора. В с. Мощенка Городнянского р-на, а затем в с. Плехов Черниговского р-на находилась другая группа: С.М. Толстая, Е.В. Максимова (руководители), Т.Л. Ермолаева, Н.Д. Фролова (выпускницы Института иностранных языков), студенты МГУ О.Б. Заславская и Ф. Поляков, студентка Челябинского университета Е.В. Моргорская, а также школьники М.Н. Толстая и И.Б. Успенский. В Мощенке работал также Н.И. Толстой, в Мощенке и Днепровском – С.Е. Никитина (Институт языкознания АН СССР). Третья группа вела работу в с. Хоробичи Городнянского р-на и в с. Великий и Малый Злеев Репкинского р-на. В эту группу входили: А.В. Гура и О.В. Белова (руководители), О.А. Терновская, канд.филол. наук Л.В. Зубова (ЛГУ), аспирантка Института славяноведения и балканистики АН СССР Л.К. Гаврюшина (она работала также в Мощенке) и выпускники МГУ О.М. Анисимова, Л.Ю. Грушевская и А.Б. Ключевский. В Хоробичах побывал также А.Л. Топорков. Помимо этих сел, в Городнянском р-не было частично обследовано с. Кузничи, а в Репкинском – с. Воробьев и окрестные хутора. Ю.И. Смирнов летом 1980 г. работал в с. Мощенка, Макишин, Днепровское и Плехов. В начале августа С.М. Толстая, О.А. Терновская, А.Б. Ключевский и А.В. Гура собирали материал по сводной программе в с. Старые Яриловичи Репкинского р-на и частично в соседнем селе Скиток. Сообщение о работе экспедиции в Черниговской обл. появилось в районной городнянской газете "Сільські новини" (1980, № 71).

Зимой 1981 г. экспедиция выехала в Пинский р-н Брестской обл. В с. Ковнятин находилась группа в составе: А.В. Гура, Г.И. Кабакова, Н.А. Микоян, Г.И. Трубицына и А.Ф. Строев. Проводился также опрос по краткой анкете-вопроснику в соседнем селе Логишин среди местного католического населения. Вторая группа собирала материал по программе в с. Лисятичи и Синин. Здесь работали студенты МГУ М.Р. Павлова, Е.С. Зайцева, Е.Б. Владимирова, Л.Г. Умнова, Н.Д. Александров, В.А. Урнов, а также В.З. Паперный (фотограф).

Чтобы завершить знакомство со всеми основными районами Полесья, в июле 1981 г. была организована экспедиция в Житомирскую обл. В первой половине месяца четыре отряда работали в Овручском р-не. В с. Тхорин находилась группа в составе: Н.И. Толстой, С.М. Толстая (руководители), М.Н. Толстая, Е.В. Максимова, студенты МГУ Г.И. Кабакова, О.В. Белова, Н. Мечтаева, И. Безрукова, А.В. Топорова, Е. Лебедева и студентка Московского полиграфического института О. Монина (художник). В с. Журба работали А.В. Гура (руководитель), Т.А. Листова (Институт этнографии АН СССР), аспирантка МГУ Н.Г. Зарецкая, Г.И. Трубицына (Научная библиотека им. Горького), С.П. Бушкевич (Запорожский пединститут) и студенты МГУ Е.С. Зайцева, Е.Б. Владимирова и Г. Хакимова. В с. Возничи находилась группа, в которую входили студенты МГУ М.Р. Павлова (руководитель), И.А. Морозов, А.М. Гамбарова, Е.Л. Чеканова, С. Шевцова, М.И. Серебряная и В.А. Урнов, а также А.Б. Страхов (МГУ) и студенты-музыковеды Е. Кретова и И. Ананова (ГМПИ им. Гнесиных). Большой материал был собран в с. Выступовичи, где работали О.А. Терновская (руководитель), Н.Г. Владимирская, А.Л. Топорков, А.Ф. Журавлев, Л.М. Ивлева (Ленинградский институт театра, музыки и кино), аспирантки МГУ Т. Агапкина и В.И. Харитонова, Ф. Бадаланова (Институт фольклора Болгарской АН) и студентка Белградского университета А.А. Плотникова. В дальнейшем основ-

ная часть двух групп (из Журбы и Возничей) объединилась и переехала в с. Рясное Емильчинского р-на в составе: Е.С. Зайцева, Е.Б. Владимирова, Г. Хакимова, М.Р. Павлова, Е.Л. Чеканова, А.М. Гамбарова, а также А.Л. Топорков. Вторая группа в конце июля работала в с. Курчица Новоград-Волынского р-на: А.В. Гура О.В. Белова, Г.И. Кабакова, А.Б. Ключевский, Е.В. Максимова, И. Безрукова, А.В. Топорова, Е. Лебедева, М.Н. Толстая и О. Монина. В с. Вышевичи находилась группа О.А. Терновской в прежнем составе, а также С.М. Толстая, доктор филол. наук Б.А. Успенский (МГУ), кандидат искусствоведения Т.Ф. Владышевская (Московская консерватория), школьники И. и Ф. Успенские. Позже к ним присоединились А.Л. Топорков, А.Б. Ключевский и М.Н. Толстая. 29 августа 1981 г. в областной газете "Радянська Житомирщина" появилась информация И.И. Мацапуры о работе экспедиции.

Начальные этапы комплексного изучения традиционной культуры Полесья (этнолингвистические экспедиции 1974 и 1975 гг.) получили отражение в информационных заметках Д.А. Бейлиной, опубликованных в журнале "Советская этнография" (1975, № 2 и 1976, № 2).

Участники полесских экспедиций с благодарностью вспоминают многих своих информантов: Василия Петровича Липского, Ксению Михайловну Пашкевич, Евдокию Дыцевич и Ксению Максимовну Чепайло из Спорова, Теклю Карповну Козаченко, Ганну Федоровну Видуру, Саломею Сазоновну Шур, Василину Миничну Шур, Александру Федоровну Жогло и других из Стодоличей, Анну Тимофеевну Дударенко из Жаховичей, Александру Степановну Довбыш и Ольгу Ивановну Лысенко из Дубровицы, Ольгу Даниловну Зелевич и Данилу Степановича Коховича из Велуты, Акулину Викторовну Середюк из Щедрогора, Федору Федоровну Самосюк и Ганну Лукашевну Самосюк из Осовой, Ольгу Давыдовну Авдиюк из Олтуша, Марию Яковлевну Баран из Песков, Марию Макаровну и Адама Ефремовича Костючика из Речицы, Пелагею Матвеевну Хамазюк из Мощенки, Ганну Харитоновну Шоху из Плехова, Евдокию Филипповну Седюку из Хоробичей и многих других.

Неоценимую помощь в разработке маршрутов и в организации и проведении полевой работы оказывали доцент Мозырского пединститута В.В. Шур (1974), доцент Ровенского пединститута С.А. Китова (1978), доцент Черниговского пединститута А.А. Берлизов (1980), доцент Житомирского пединститута Н.В. Никончук, старший преподаватель того же института П.Ф. Романюк, учитель средней школы с. Листвин Овручского р-на Житомирской обл. А.В. Никончук, учитель средней школы с. Вышевичи Радомышльского р-на Житомирской обл. И.И. Мацапура (1981). Члены экспедиции благодарят все партийные и хозяйственные органы, а также работников народного образования за неизменную помощь в работе.

Организация ежегодных экспедиций в таких масштабах была бы невозможна без постоянного внимания и содействия зав. кафедрой русского языка филологического факультета МГУ проф. К.В. Горшковой и заведующей диалектологическим кабинетом доц. О.Г. Гецовой.

Во время экспедиций работал семинар, в котором за эти годы было прочитано немало научных докладов, например: Н.И. Толстого – об истории и задачах этнолингвистического изучения Полесья, С.М. Толстой – о фонетике полесских говоров, Ю.И. Смирнова – о славянских эпических сюжетах (Гомель, 1975), Ф.Д. Климчука – об археологических древностях западного Полесья (Спорово, 1974), В.М. Мокиенко – о славянской фразеологии (Скрыгалово, 1975), А.В. Гуры и П.Ф. Романюка – о свадебном обряде (Кочище, 1975), Ю.И. Смирнова – о славянской демонологии (Бостынь, 1976), В.Ф. Исаенко (Минск) – о ранних археологических памятниках Полесья (Камень, 1976), Н.И. Толстого – о непоследовательности первой славянской палатализации, А.Ф. Журавлева – о некоторых проблемах славянской этимологии, А.В Гуры – о славянском свадебном обряде в сопоставительном плане, о народной символике сновидений (Олтуш, 1977), Н.Г. Владимирской – об обрядах и поверьях, связанных с ткачеством (Дубровица, 1975, Олтуш, 1977, Речица, 1979), Н.И. Толстого – о грамматике славянских обрядов, С.М. Толстой – о купальском обряде, Ю.И. Смирнова – о методике полевой работы, Г.И. Кабаковой – о скандинавских демонологических персонажах в сопоставлении со славянскими (Речица, 1979), О.Б. Заславской – о структуре заговора (Плехов, 1980), А.Ф. Журавлева – о современном русском просторечии, З.В. Рубцовой (Москва) – о современном состоянии топонимической науки, А.Л. Топоркова – о рукописях И. Тревогина как памятнике культуры XVIII века, Б.А. Успенского – о некоторых проблемах истории русско-

го литературного языка, Т.Ф. Владышевской – о древнерусской музыке (Вышевичи, 1981) и др.

В МГУ, в семинаре Н.И. Толстого, участники полесских экспедиций ежегодно проводят отчеты: рассказывают о работе в Полесье, о собранных материалах, демонстрируют магнитофонные записи. Отчеты проводятся и в Институте славяноведения и балканистики АН СССР. Ряд докладов о полевой работе был сделан в 1974 г. в Институте этнографии АН СССР. С 1979 г. систематически пополняется полесский фотоархив. На его основе О.А. Терновской было организовано в Институте славяноведения и балканистики несколько фотовыставок.

Расширяется сотрудничество филологов института с фольклористами-музыковедами. Начиная с 1980 г. в Полесье выезжают сотрудники и студенты Музыкально-педагогического института им. Гнесиных и Московской консерватории. Сотрудники Института славяноведения и балканистики АН СССР и музыковеды совместно участвуют в фольклорных конференциях, сообща проводят отчеты об экспедициях, обмениваются опытом полевой и исследовательской работы.

А.В. Гура

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Названия областей и районов

Б. – Брестская

Брз. – Березовский
Дрг. – Дрогичинский
Лнц. – Лунинецкий
Млр. – Малоритский
Пн. – Пинский
Стл. – Столинский

Г. – Гомельская

Ел. – Ельский
Клн. – Калинковичский
Ллч. – Лельчицкий
Мзр. – Мозырский
Хнц. – Хойникский

Ч. – Черниговская

Грд. – Городнянский
Рпк. – Репкинский
Чрн. – Черниговский

С. – Сумская

Ахт. – Ахтырский
Рмн. – Роменский

Р. – Ровенская

Дбр. – Дубровицкий
Ркт. – Рокитновский

Ж. – Житомирская

Анд. – Андрушевский
Лгн. – Лугинский
Нрд. – Народичский
Овр. – Овручский

В. – Волынская

К.-Кшр. – Камень-Каширский
Квл. – Ковельский
Ртн. – Ратновский

Список собирателей

Агеева Р.А. – Р.А.
Азимов Э.Г. – Э.А.
Алейникова А.П. – А.А.
Александров Н.Д. – Н.А.
Анисимова О.М. – О.А.
Батанов А.А. – А.Б.
Бейлина Д.А. – Д.Б.
Белова О.В. – О.Б.
Бовтик М.В. – М.Б.
Виноградова Л.Н. – Л.В.
Владимирова Е.Б. – Е.В.
Владимирская Н.Г. – Н.Вл.
Волочаева Н.А. – Н.В.
Георгиев В.А. – В.Г.
Грушевская Л.Ю. – Л.Гр.
Гура А.В. – А.Г.
Дорошко Н.А. – Н.Д.
Дудко Е.Н. – Е.Д.
Зайцева Е.С. – Е.З.
Заславская О.Б. – О.З.
Зубова Л.В. – Л.З.
Кабакова Г.И. – Г.К.
Климчук Ф.Д. – Ф.К.
Ключевский А.Б. – А.К.
Кофман А.Ф. – А.Кф.
Краснова Т. – Т.Кр.
Любченко Н.П. – Н.Л.
Максимова Е.В. – Е.М.
Маляренко Н.А. – Н.Мл.
Микоян Н.А. – Н.М.
Моргорская Е.В. – Е.Мр.
Морозов И.А. – И.М.
Мороховская Н. – Н.Мр.
Мунгалова Л. – Л.М.

Мямикеева И.А. – И.Мм.
Нестерова В. – В.Н.
Павлова М.Р. – М.П.
Паперная Т.З. – Т.П.
Плотникова А.А. – А.П.
Романюк П.Ф. – П.Р.
Смирнов Ю.И. – Ю.С.
Соловьева Е.А. – Е.С.
Степанюк Н.П. – Н.С.
Строев А.Ф. – А.Ст.
Судник Т.М. – Т.С.
Супрун В. – В.С.
Терновская О.А. – О.Т.
Тимошенко Л.П. – Л.Т.
Тимощук Н.К. – М.Тм.
Толстая С.М. – С.Т.
Толстой Н.И. – Н.Т.
Топорков А.Л. – А.Т.
Трубицына Г.И. – Г.Т.
Тюрина Т.А. – Т.Т.
Умнова Л.Г. – Л.У.
Фролова Н.Д. – Н.Ф.
Шапир М.И. – М.Ш.
Шатайкина М.С. – М.Шт.
Шевцова С. – С.Ш.
Шуплова О.Н. – О.Щ.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛЕССКИЙ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СБОРНИК
Материалы и исследования

Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканистики АН СССР

Редактор издательства *Н.Н. Барская.* Художник *И.Е. Сайко*
Художественный редактор *Т.П. Поленова.* Технический редактор *Г.И. Астахова*

ИБ № 26757

Подписано к печати 03.02.83. Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная № 1
Печать офсетная. Усл.печ.л. 18,0. Усл.кр.-отт. 18,4. Уч.-изд.л. 22,1
Тираж 1000 экз. Тип.зак. 2050. Цена 3 руб.

Издательство "Наука", 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., д. 90
Ордена Трудового Красного Знамени 1-я типография издательства "Наука",
199034, Ленинград, В-34, 9-я линия, 12

3 руб.

Сборник продолжает публикацию материалов и исследований, относящихся к языку и традиционной народной культуре Полесья – одной из самых архаических в этнокультурном отношении славянских зон. Книга содержит богатый новый полевой материал, собранный в различных районах белорусского и украинского Полесья экспедициями 1974–1981 гг. Публикуется программа-вопросник "Полесского этнолингвистического атласа" и подборка диалектных текстов, записанных участниками полесских экспедиций, иллюстрирующих программу и тематически охватывающих наиболее существенные и древнейшие области народной жизни, крестьянские праздники, семейные и календарные обряды, обрядовую лексику и фразеологию, фольклор полешуков. Статьи сборника посвящены вопросам диалектного членения Полесья по данным языка и народной культуры, его ареальным связям с другими областями славянского мира, характеристики отдельных зон в пределах Полесья. В них рассматривается географическая, метеорологическая, животноводческая лексика Полесья, а также фразеология и народные представления, связанные с древнейшими занятиями, обрядами и обычаями. Сборник отражает новое, этнолингвистическое направление исследований, формирующееся на стыке языкознания, фольклористики и этнографии, и рассчитан на широкий круг специалистов, представляющих эти и смежные с ними гуманитарные дисциплины.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ПОЛЕССКИЙ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СБОРНИК